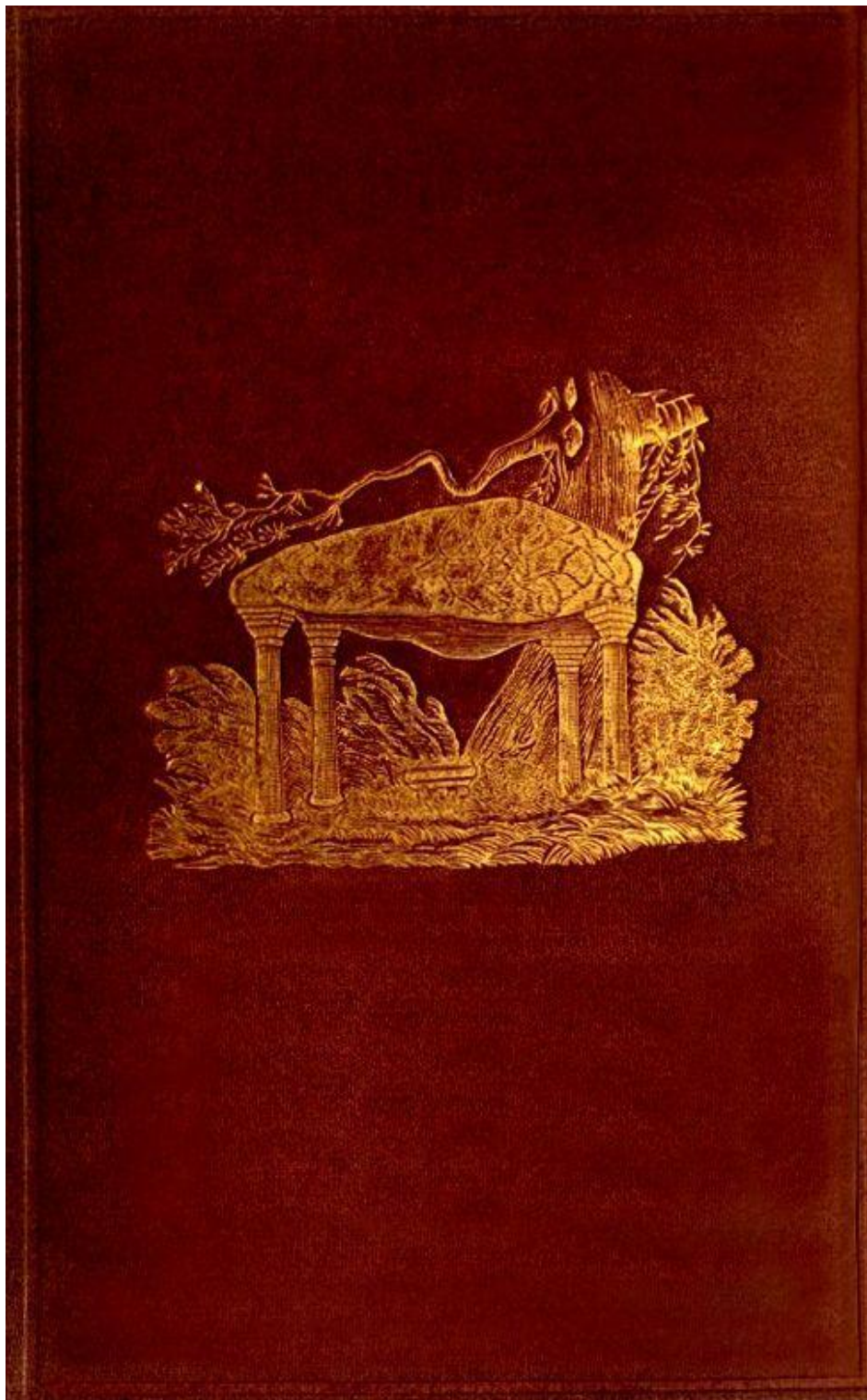

Памятники из грубого камня во всех странах: их возраст и использование

Джеймс Фергюссон

Электронная книга проекта "Гутенберг" о грубых каменных памятниках во всех странах: их возраст и использование

Эта электронная книга предназначена для использования любым человеком в любой точке Соединенных Штатов и большинства других частей мира бесплатно и практически без каких-либо ограничений. Вы можете скопировать его, раздать или повторно использовать в соответствии с условиями лицензии Project Gutenberg, прилагаемой к этой книге, или онлайн по адресу www.gutenberg.org. Если вы находитесь за пределами Соединенных Штатов, вам необходимо ознакомиться с законами страны, в которой вы находитесь, прежде чем использовать эту электронную книгу.

Название: Памятники из грубого камня во всех странах: их возраст и использование

Автор: Джеймс Фергюссон

Дата выхода: 28 апреля 2017 г. [Электронная книга № 54620]

Последнее обновление: 23 октября 2024 г.

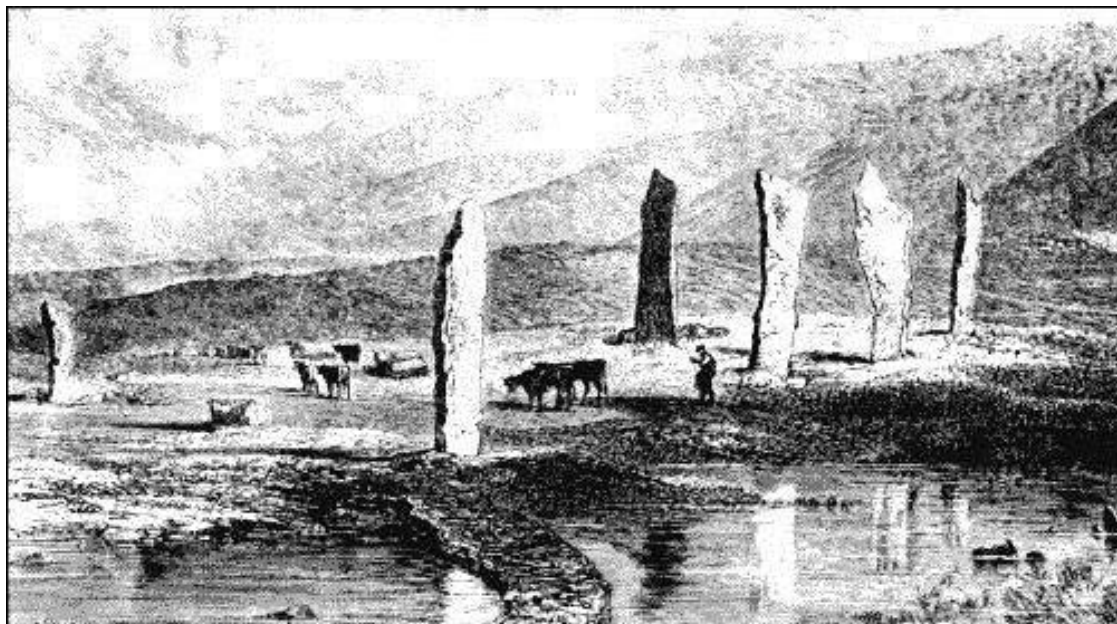
Язык: Английский

Кредиты: Электронный текст подготовлен Соней Шерманн, Брайаном Уилсденом и командой онлайн-корректоров (<http://www.pgdp.net>) на основе изображений страниц, щедро предоставленных Internet Archive (<https://archive.org>)

*** ЗАПУСК ПРОЕКТА ЭЛЕКТРОННОЙ КНИГИ ГУТЕНБЕРГА "ГРУБЫЕ КАМЕННЫЕ ПАМЯТНИКИ ВО ВСЕХ СТРАНАХ: ИХ ВОЗРАСТ И ИСПОЛЬЗОВАНИЕ" ***

Электронная книга проекта Гутенберга "Грубые каменные памятники во всех странах"
Джеймса Фергюссона

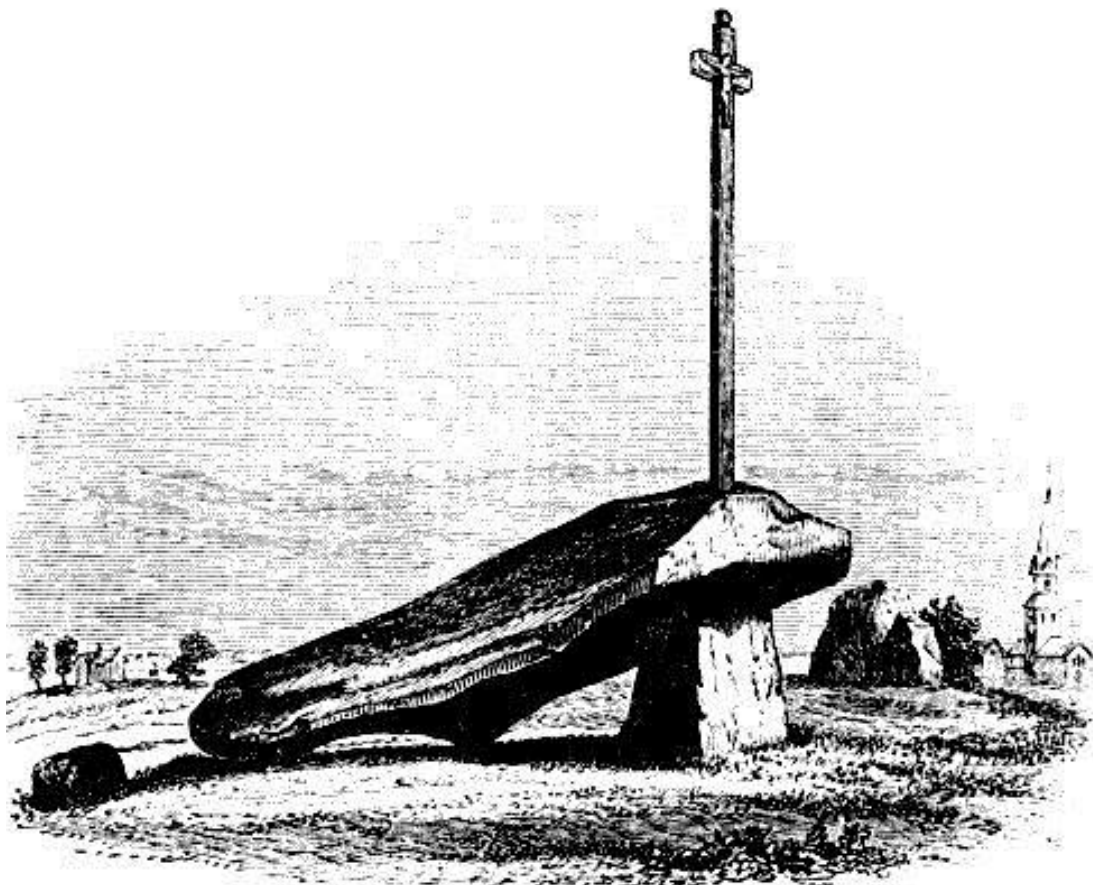
Примечание: Изображения оригинальных страниц доступны через интернет-архив.
Посмотреть <https://archive.org/details/rudestonemonumen00ferg>

СТОЯЧИЕ КАМНИ СТЕННИСА. С оригинального рисунка, находящегося во владении автора.
ФРОНТИСПИС

ГРУБЫЕ КАМЕННЫЕ ПАМЯТНИКИ ВО ВСЕХ СТРАНАХ; *ИХ ВОЗРАСТ И ИСПОЛЬЗОВАНИЕ.*

Автор: ДЖЕЙМС ФЕРГЮССОН, D.C.L., F.R.S.,
V.P.R.A.S., F.R.I.B.A. и с.

Demi-Dolmen, Kerland.

С ДВУМЯСТАМИ ТРИДЦАТЬЮ ЧЕТЫРЬМЯ ИЛЛЮСТРАЦИЯМИ.

ЛОНДОН:
ДЖОН МЮРРЕЙ, АЛБЕМАРЛ-СТРИТ.
1872 год.

Право на перевод зарезервировано.

ЛОНДОН:
НАПЕЧАТАНО ИЗДАТЕЛЬСТВОМ WILLIAM CLOWES And SONS, СТЭМФОРД-СТРИТ,
И ЧАРИНГ-КРОСС.

ПРЕДИСЛОВИЕ

Когда в 1854 году я составлял схему для "Руководства по архитектуре", одна глава примерно на пятидесяти страницах была отведена известным в то время грубым каменным памятникам. Однако, когда я серьезно приступил к консультациям с отмеченными мною авторитетными

источниками и привел в порядок свои идеи, подготовительные к написанию, я обнаружил, что весь предмет находится в таком состоянии путаницы и неопределенности, что совершенно не подходит для введения в работу, главной целью которой было дать ясный, но краткий отчет о том, что было известно и признано в отношении архитектурных стилей мира. И снова, десять лет спустя, когда мы переписывали этот "Справочник" в виде "Истории архитектуры", возникли те же трудности. Это правда, что за это время друиды с их Драконтией в значительной степени утратили влияние, которым они обладали на умы публики; но в значительной степени их заменили доисторические мифы, которые, хотя и были свободны от своей абсурдности, едва ли были менее запутанными. Следствием этого было то, что тогда, как и в первом случае, пришлось бы аргументировать каждый пункт и отстаивать каждую позицию. Ничто не могло приниматься на веру, и никакое повествование было невозможно. Таким образом, делу было позволено во второй раз тихо опуститься так, чтобы его никто не заметил. Однако я никогда не упускал из виду эту тему и надеялся, что рано или поздно смогу осветить ее с той полнотой, которой заслуживает ее интерес; и чтобы продвинуть этот проект, в июле 1860 года я написал статью в "Quarterly Review", озаглавленную "Стоунхендж", в которой изложил взгляды, которые у меня тогда сформировались по этому вопросу; и снова, десять лет спустя, в апреле прошлого года, другую статью, озаглавленную "Неисторические времена", в том же журнале, в которой я добавил те новые факты и аргументы, которые я собрал за это время. Основная цель, которой стремились достичь при написании этих статей, состояла в том, чтобы поднять дискуссию по спорным вопросам, которая, как я надеялся, привела бы к их разрешению. Если бы какой-нибудь компетентный археолог выступил вперед и мог указать на слабое место в аргументации, он оказал бы услугу делу; или если бы какой-нибудь ведущий авторитет поддержал взгляды, отстаиваемые в этих статьях, общественность могла бы почувствовать некоторую уверенность в их правильности. Это ожидание не оправдалось, но, вероятно, они не обошлись без использования для подготовки умов других к изложенным в них взглядам, в то время как, поскольку никаких опровержений не появилось и против них не было выдвинуто никаких обоснованных возражений ни публично, ни в частном порядке, я могу справедливо считать себя вправе испытывать значительную уверенность в их общей правильности.

Пока антиквары не придут к единому мнению, являются ли круги храмами, гробницами или обсерваториями, являются ли дольмены памятниками мертвым или алтарями для принесения в жертву живых людей, и являются ли курганы гробницами или судами, кажется невозможным, не аргументировав каждый пункт, написать что-либо, что будет общепринятым. Более того, пока не будет решено, действительно ли они доисторические или были возведены в те периоды, к которым их относят традиция и история, кажется тщетными попытки объяснить в простой повествовательной форме их возраст или использование. Как неизбежное следствие всей этой путаницы, в настоящее время едва ли возможно составить работу, которая представляла бы собой просто исторический и статистический отчет о грубых каменных памятниках во всех частях света; но пока что-то не улажено и не согласовано, мы должны довольствоваться тем, что, по крайней мере, в определенной степени принимает форму аргументации. Многие из его страниц, которые лучше было бы использовать для описания и классификации, заняты аргументами против какой-либо несостоятельной теории или даты или попытками заменить те, которые обычно принимаются, каким-нибудь более разумным утверждением. Однако, несмотря на это, есть надежда, что будет обнаружено, что эта работа содержит большее количество новых фактов, касающихся грубых каменных памятников, и тщательно отобранных иллюстраций, охватывающих большую площадь, чем те, которые до сих пор были собраны в томе такого же объема.

Справедливо могут спросить, и, без сомнения, спросят, как я смею противопоставлять свое мнение относительно этих памятников наиболее информированным антикварам не только в этой стране, но и на Континенте? Ответ, который я рискнул бы предложить, заключается в том, что ни один другой антиквар, насколько мне известно, не изучал так тщательно и полно весь предмет и не сталкивался со всеми трудностями, с которыми повсеместно возникают вопросы. Книги, которые были написаны до сих пор, являются либо работой мечтателей-спекулянтов, таких как Стакли, Хиггинс или Вэлленси, которые, развив беспочвенную теорию из собственного внутреннего сознания, повсюду ищут материалы, подтверждающие ее, и ни в коем случае не разборчивы в выводах, которые они делают на основе очень неясных или слабых намеков; или, с другой стороны, это работы местных антикваров, на мнение которых влияет главным образом то, что они находят в ходе своих собственных исследований. Работы таких людей бесценны как вклад в общий запас знаний, но к их теориям следует относиться с осторожностью, поскольку они основаны на слишком узком фундаменте либо фактов, либо умозаключений; ибо вряд ли нужно настаивать на том, что никакой местный опыт не может дать человеку права писать на подобную тему. Кажется даже недостаточным, чтобы автор был знаком со всеми разновидностями мегалитических останков. Если он не овладел также другими формами архитектурного искусства и не знает, каким образом и по каким мотивам стили одного народа заимствованы или находятся под влиянием стилей другой расы, он вряд ли сможет распутать различные запутанные проблемы, которые встречаются ему на каждом шагу в таком исследовании. Однако, если смотреть с той же точки зрения и руководствоваться теми же законами, что и на другие стили, стиль строителей дольменов не кажется ни мифическим, ни таинственным. Они кажутся произведениями человеческой расы, движимой теми же мотивами и чувствами, что и мы, и феномены их искусства не кажутся труднообъяснимыми.

Именно потому, что я провел большую часть своей жизни, изучая архитектуру всех народов и на протяжении всех эпох, я считаю себя вправе высказать мнение по запутанным вопросам, связанным с мегалитическими останками, хотя оно сильно отличается от общепринятого, и поэтому я осмеливаюсь столкнуться с возражением, которое, несомненно, будет выдвинуто, что моя работа основана на слишком узкой индукции и что я упустил из виду свидетельства существования первобытного человека, которые существуют повсюду. Дело, однако, не в том, что я пренебрег свидетельствами из дрейфа или из пещер, но в том, что я отверг их как не относящиеся к делу и потому, что я едва ли могу проследить какую-либо связь между ними и мегалитическими останками, исследованию которых специально посвящена эта работа. Я также намеренно отложил в сторону все упоминания о кругах хижин, домах пиктов, брошах и других постройках, сложенных из более мелких камней, которые обычно смешиваются с большими каменными памятниками. Я сделал это не потому, что сомневаюсь в том, что многие из них могут быть ровесниками, а потому, что, поскольку их возраст также сомнителен, их представление только запутало бы и усложнило бы аргументацию, и потому, что всякий раз, когда будет определен возраст больших камней, эти второстепенные памятники легко поместятся на своих местах. В настоящее время ни их возраст, ни использование не проливают никакого света ни в пользу, ни против великих камней.

Вряд ли нужно напоминать любому, кто хоть что-нибудь знает об этом предмете, что трудности на пути написания такой книги, как эта, огромны, и я не верю, что кто-либо мог, по крайней мере в первом издании, избежать всех ловушек, которые окружают его на пути. Необходимую информацию приходится черпать во фрагментах из нескольких сотен томов "Путешествий" или из трудов и журналов ученых обществ, ни один из которых специально не

посвящен этому предмету, и очень немногие из них проиндексированы или содержат какое-либо общее резюме их содержания. Добавьте к этому, что все старые работы ненадежны либо из-за теорий, которые они пытаются подкрепить, либо из-за плохого рисунка или несовершенных знаний; и слишком многие современные образцы небрежно набросаны и еще более небрежно выгравированы. Другой источник трудностей заключается в том, что читатели статей и авторы статей в журналах редко цитируют ссылки, и иногда, когда они даются, они неверны. Таким образом, я был вынужден очень значительно ограничить область, из которой берется моя информация. Я изо всех сил старался не привести ни одной иллюстрации, на которую я не мог бы полностью положиться, и я намеренно не процитировал ни одной ссылки, которую я не проверял у первоначальных источников.

В одном отношении я не могу не чувствовать, что, возможно, подставил себя под враждебную критику. По многим второстепенным вопросам я высказал предположения, которые, я не уверен, смог бы доказать, если бы их оспорили, и которые, следовательно, более благоразумный человек оставил бы в покое. Я сделал это потому, что часто случается, что такие предположения обращают внимание других на моменты, которые в противном случае были бы упущены из виду, и могут привести к открытиям огромной важности; в то время как в случае опровержения они представляют собой лишь мусор, сметенный с пути истины, и их обнаружение не может причинить вреда никому, кроме их автора. Какими бы ни были мои недостатки, я слишком серьезен, чтобы с каким-либо чувством тревоги ожидать такого развития событий.

Помимо обычных мотивов, побуждающих к публикации такого труда, как этот, есть два, которые, по-видимому, делают его появление в настоящее время особенно желательным. Первый заключается в стимулировании исследования путем возбуждения интереса к предмету; второй - в придании точности будущим исследованиям. Пока все остается расплывчатым и мифическим, исследователи не знают, что наблюдать или записывать: эта работа, однако, представляет четкий и позитивный взгляд на возраст или использование мегалитических останков, и каждый новый факт должен иметь тенденцию либо опровергать, либо подтверждать теорию, которую он стремится установить. С этой точки зрения вряд ли нужно добавлять, что я буду чрезвычайно благодарен за любые новые факты или дополнительные источники информации, которые могут быть сообщены мне либо через государственную прессу, либо частным образом. Многие люди, имеющие местный опыт, должны знать многое, что, возможно, ускользнуло от меня. Весьма вероятно, что они могут побудить меня изменить некоторые детали этой работы; но сейчас известно так много, и область, из которой почерпнуты мои выводы, настолько широка, что я не опасаясь, что они коснутся основных аргументов, на которых основана теория этой работы.^[1]

Как бы то ни было, я верю, что эта работа может претендовать на то, чтобы быть, по крайней мере в одном отношении, вкладом в дело установления истины относительно столь спорного возраста и использования этих грубых каменных памятников. В нем отчетливо и без утайки излагается одна точка зрения на обсуждаемый вопрос, причем настолько открыто, что любой, кто знает лучше, может сразу же убрать подпорку из моего карточного домика и сравнить его с землей. Если что-то и проясняется яснее другого в ходе этого исследования, так это то, что стиль архитектуры, к которому принадлежат эти памятники, является таким же стилем, как готический, греческий, египетский, буддийский или любой другой. У него есть начало, середина и конец; и хотя мы пока не можем разглядеть последовательность во всех деталях, это, по крайней мере, кажется ясным — здесь нет большого перерыва; и это не значит, что одна часть является доисторической, в то время как другая принадлежит историческим временам. Все они принадлежат к той или иной эпохе. Либо Стоунхендж,

Эйвбери и все подобные им являются храмами расы, настолько древней, что находится за пределами понимания смертного человека, либо они являются надгробными памятниками народа, который жил настолько близко к истинным историческим временам, что их историю можно легко восстановить. Если принять эту последнюю точку зрения, то все, как мне кажется, настолько идеально согласуется друг с другом и представляет собой настолько полное и рациональное изложение всех местных или исторических фактов, которые в настоящее время известны относительно этих останков, что я чувствую большую уверенность в том, что в конечном итоге это должно быть принято в качестве истинного объяснения феноменов. Если это так, то это будет иметь то дополнительное преимущество, что при любой серьезной попытке исследовать либо историю, либо манеры и обычаи этих древних народов, вполне вероятно, что эти мегалитические останки окажутся лучшим и надежнейшим ориентиром.

Исходя из описанных выше обстоятельств, эта работа была бы гораздо более скудным произведением, чем можно надеяться, если бы не доброта многих друзей, которые помогли мне в моем начинании. Моя глава об Ирландии, например, была бы гораздо менее полной, если бы сэр У. Уайльд, мистер Юджин Конвелл и мистер Мур не помогли мне с иллюстрациями и информацией; а своими знаниями о шотландских древностях я многим обязан моему другу Джону Стюарту из Эдинбурга, в то время как бесценные коллекции сэра Генри Драйдена оказали мне величайшую услугу как в отношении Шотландии, так и Бретани. Профессор Севе и г-н Хильдебранд оказали мне материальную помощь в Швеции и г-н Рианьо в Испании; но почта, по-видимому, запрещает любую переписку по археологическим вопросам с Францией и Данией. Без доброты сэра Бартла Фрера и его старшего брата, одолживших мне рисунки, или полковника Коллинсона, добывшего информацию, мой отчет о мальтийских древностях был бы гораздо менее удовлетворительным, чем он есть; и я также должен выразить свою искреннюю благодарность мистеру Уолхаузу из Государственной службы Мадраса и мистеру Берджессу из Бомбея за их помощь в отношении индийских древностей. Я попытался в тексте признать свои обязательства перед этими и всеми другими сторонами, которые оказали мне помощь. Если я что-то опустил, я надеюсь, они поверят, что это было сделано не намеренно, а по неосторожности.

Что касается меня, я надеюсь, мне будет позволено заявить, что я не жалел усилий при изучении материалов, предоставленных в мое распоряжение, и не торопился с выводами; и я могу также добавить, что они ни в коем случае не являются результатом пристрастия или того, к чему я хотел прийти. Когда я впервые взялся за эту тему, я надеялся, что грубые каменные памятники окажутся древними — настолько древними, что они составят "инкунабулу" других стилей, и что таким образом мы сможем с помощью простого процесса прийти к генезису стилей. Мало-помалу эта теория рассыпалась на куски по мере того, как мои знания росли, и я с большой неохотой был вынужден принять более прозаические выводы настоящего тома. Если, однако, это соответствует истине, то следует признать, что это достаточная компенсация за утрату любой поэзии, которая до сих пор витала вокруг тайны Грубых Каменных памятников.

Лэнгем-Плейс, 1 декабря 1871 года.

Сноски

[1] Что действительно нужно сейчас, так это "Общество публикации мегалитических памятников". После заседания Доисторического конгресса в Норвиче совместно с Этнологическим обществом был сформирован комитет для этой цели. После нескольких

встреч все было организовано и улажено, но, увы! не было средств для покрытия необходимых расходов или, по крайней мере, риска публикации, и все дело сорвалось. Для выполнения желаемого в действительно эффективном масштабе требуется оплата или гарантия в размере 1000 фунтов стерлингов. было бы необходимо, а это намного выше того, что достижимо в этой бедной стране. Если бы это можно было получить, материалов было бы достаточно. Только сэр Генри Драйден мог бы заполнить целый том материалами, которыми он уже располагает; и лейтенант. У Оливера, мистера Конвелла и других есть рисунки, достаточные для того, чтобы поддерживать работу общества в течение длительного времени.

Содержание.

	СТРАНИЦА
Вводная	1
ГЛАВА II.	
Предварительные замечания. Курганы— Дольмены— Круги—Аллеи—Менгиры	29
ГЛАВА III.	
Англия. Эйвбери и Стоунхендж	61
ГЛАВА IV.	
Второстепенные английские древности. Эйлсфорд—Эшдаун— Роллрайт—Пенрит—Дербишир— Стэнтон Дрю—Круги поменьше—Дольмены	116
ГЛАВА V.	
Ирландия. Мойтура—Кладбища—Бойн— Лох Крю—Кловер Хилл—Дольмены	175
ГЛАВА VI.	
Шотландия. Оркнейские каменные круги— Оркни курганы— Маэс-Хоу Дракон и Змея-узел— продырявить камень Стеннис—Callernish—	

Абердиншир круги—
Fiddes Холм—Клава курганы—камень в
Aberlemmo—
скульптурные камни—кресты на острове Мэн 239

ГЛАВА VII.

Скандинавия и Северная
Германия. Вводная часть—Поля сражений-
Гробница Харальда Хильдетанда—Длинные
курганы—Курганы—
Дольмены—Дренте: Хунебеды 275

ГЛАВА VIII.

Франция. Введение—Распределение
дольменов—Возраст дольменов—
Гроты Фес—Деми-Дольмены—Камни—
качалки—Карнак—
Локмариакер—Выравнивания в Крозоне—
Возраст памятников-
Что это за памятники?— Должно быть, это
Трофеи—
Время боя—М. Список дольменов Бертрана в
тридцати одном
департаменте Франции 325

ГЛАВА IX.

Испания, Португалия и Италия. Введение—
Дольмены—
Португалия—Италия 377

ГЛАВА X.

Алжир и Триполи. Введение—Базинас и
Чоучас—
Отдельно стоящие дольмены-Эпоха
дольменов—Круг близ Боны—
Насамоны—Происхождение африканских
строителей дольменов—Триполи:
трилиты-Буддийский памятник в Бангкоке 395

ГЛАВА XI.

Острова Средиземноморья. Мальта— 415
Сардиния—Балеарские острова

ГЛАВА XII.

Западная Азия. Палестина—Синай— Аравия—Малая Азия—Черкесия— Степи—Кабул	438
---	-----

ГЛАВА XIII.

Индия. Введение—Восточная Индия— Хассия—Западная Индия— Географическое распространение—Возраст каменных памятников— Сравнение дольменов—Буддизм на Западе	455
---	-----

ГЛАВА XIV.

Америка. Северная Америка—Центральная Америка—Перу	510
---	-----

Приложение А.—Гленс Колумбкилл и Малин	520
"В.—Oden's Howe, & c., Упсала	526
"С.—Древности Кейтнесса	527
Индекс	533

СПИСОК ИЛЛЮСТРАЦИЙ.

Фронтиспис.—Стоячие камни Стенниса. Виньетка.—Полудольмен в Керланде.

НОМЕР		СТРАНИЦЫ
1.	Секция гробницы Альятта	31
2.	Возвышение кургана в Танталаиде	32
3.	План и разрез камеры в кургане в Танталаиде	32
4.	Разрез и план гробницы Атрея в Микенах	33
5.	Вид на Кокумеллу, Вульчи	33
6.	Вид главной камеры в гробнице Регули Галеасси	34
7.	Дольмен в замке Веллан, Ирландия	46

8.	Дольмен де Буске	46
9.	Тройник, вырубленный в скале на Дагобе в Аджунте,	47
10.	Девять леди, Стэнтон-Мур,	49
11.	Камерный курган, Джерси,	51
12.	Авеню, Серкл и Кромлех, недалеко от моста Меривейл, Дартмур,	55
13.	Лохкрестский менгир	60
14.	Восстановленный вид на Эйвбери	62
15.	План Эйвбери-Серкл и Кеннет-авеню	63
16.	Круг на Хакпен-Хилл	76
17.	Участок Силбери-Хилл	78
18.	Железная удила уздечки, Силбери Хилл	81
19.	План Эйвбери	81
20.	Высота холмов Бартлоу	83
21.	Марден Серкл	85
22.	Общий план Стоунхенджа	90
23.	Существующий в настоящее время Стоунхендж	92
24.	Восстановленный план Стоунхенджа	93
25.	Гробница Исидора в Хатуре	100
26.	Местность вокруг Стоунхенджа	102
27.	Бесчисленные камни, Эйлсфорд,	116
28.	Сарсеновые камни в Эшдауне	122
29.	Эскизный план Круглого стола короля Артура, с боковиной, уничтоженной дорогой, восстановлен	128
30.	Арбор Лоу	140
31.	Вазы и бронзовая булава, найденные в Арбор Лоу	141
32.	Участок Гиб-Хилл	141
33.	Вершина Миннинг-Лоу в том виде, в каком она появилась в 1786 году	142
34.	План помещений в Миннинг-Лоу	142
35.	Фрагмент чашки для питья из Бенти-Грейндж	145
36.	Фрагмент шлема из Бенти-Грейндж	145
37.	Круги в Стэнтоне составили	149
38.	Вид кругов в Стэнтон-Дрю,	150
39.	Курган Роуз-Хилл,	154
40.	Удила, найденные в Аспатрии	156
41.	Боковой камень, Киста Аспатрии	157
42.	Мул-Хилл, остров Мэн, Вид на Cists	157
43.	Круг Cists на Мул-Хилл	157
44.	Круги на Берн-Мур, в Камберленде	160
45.	Боскавенские круги	161

46.	Парк Cwn Tumulus	163
47.	Курган, Плас Ньюидд	166
48.	Вход в дольмен в Кургане, Плас Ньюидд	166
49.	Дольмен в Пентре Ифан	168
50.	Dolmen at Plas Newydd	169
51.	Ответ Артура, Гауэр,	170
52.	План действий Артура	171
53.	Дом Хоба Херста на пустоши Баслоу, Дербишир,	172
54.	Круг на поле битвы при Южной Мойтуре	177
55.	Пирамида из камней на поле битвы при Южной Мойтуре	177
56.	Пирамида "Одного человека", Мойтура,	179
57.	Урна в пирамиде "Одного человека", Мойтура,	179
58.	Поле битвы при Северной Мойтуре	181
59.	Эскизный план круга 27, Северная Мойтура	182
60.	Вид на Круг 27, Северная Мойтура	183
61.	Дольмен с кругом № 7, Северная Мойтура	183
62.	Рат-на-Риог, или Катаир Кормака, в Таре	194
63.	Вид на курган в Нью-Грейндж	201
64.	Нью-Грейндж, недалеко от Дрохеды	203
65, 66.	Украшения в Нью-Грейндж	205
67.	Филиал в Нью-Грейндж	207
68.	Скульптурный знак в Нью-Грейндж, неопределенного характера	207
69.	Камеры в кургане в Дауте	208
70, 71.	Орнаменты в Дауте	210
72.	Пирамида Т в Лох-Крю	214
73.	Кресло ведьмы, команда Лох	215
74.	Два камня в пирамиде Т, команда Лох	216
75.	Камера в пирамиде Л, в Лох-Крю	217
76.	Камень в пирамиде Т, Лох-Крю	222
77.	Камни в скульптурных могилах, Кловер-Хилл	223
78.	Дольмен в Ноккине	229
79.	План дольмена в Ноккине	230
80.	Дом Каллии Бирры, северная оконечность прихода Монстербойс	230
81.	План и разрез помещения в кургане Гринмаунт	232
82.	Дольмен четырех Маолов, Баллина	233
83.	Эскизный план памятника в Оленьем парке, Слайго	234
84.	Круг в Стеннисе	242
85.	Дракон в Мэс-Хау	245
86.	Вурм-Кнот, Мэс-Хау	245

87.	План и разрез Мэс-Хоу	246
88.	Вид камеры в Мэс-Хоу	247
89.	Памятник в Каллернише	259
90.	Круг на Фиддес-Хилл	264
91.	План курганов Клавы	266
92.	Вид на курганы Клавы	266
93.	Камень в Коилсфилде	267
94.	Перед камнем в Аберлеммо с крестом	269
95.	Обратная сторона камня в Аберлеммо	269
96.	Кошачий камень, Кирклистон	271
97, 98.	Кресты на острове Мэн с руническими надписями	273
99.	Вид на поле битвы при Конгсбаке	279
100.	Часть поля битвы на пустоши Браавалла	281
101.	Могила Харальда Хильдетанда в Летре	282
102.	Лонг-Барроу, Кеннет, отреставрирован доктором Турнамом	284
103.	Длинный курган в Вискехараде, Халланд	288
104.	Поле битвы во Фрейрсе	292
105.	Дракон на камне короля Горма, Желлинге	296
106.	Дольмен в Херреструпе	303
107.	Дольмен в Хальскове	304
108.	Дольмен в Орусте	306
109.	Схема из Себорга	307
110.	Дольмен близ Люнебурга	308
111.	Двойной дольмен в Вальдбигорде	309
112.	План двойного дольмена в Валдбигардсе	309
113.	Тройной дольмен, Хебиш	309
114.	Вид внутренней части камеры в Уби	311
115.	План камеры в Уби	311
116.	Дольмен в Аксевалле	313
117.	Надгробие могилы Кивик	314
118.	Могилы в Хьортехаммере	316
119.	Круги в Ашенраде	317
120.	План Хунебеда близ Эммена	320
121.	Дольмен в Балло	321
122.	Дольмен в Сольере	334
123.	Дольмен в Конфолене	337
124.	План дольмена в Конфолене	337
125.	Дольмен близ Меттрая	342
126.	Дольмен в Крукенхо	342

127.	Дырявый дольмен в Три	344
128.	Дольмен Грандмона	344
129.	Полудольмен в Морбиане	344
130.	Полудольмен близ Пуатье	347
131.	Полудольмен в Керланде	347
132.	Пьер Мартин	347
133.	Пьер Мартин, вид с торца	348
134.	Пьер Бранлант, близ Уэльгоата, в Бретани	348
135.	Карта кельтских древностей , недалеко от Карнака	352
136.	Древности Карнака в увеличенном масштабе	353
137.	Глава колонны в Сен-Барбе	355
138.	Длинный Курган в Керлесканте	356
139.	Отверстие между двумя камнями в Керлесканте	357
140.	Вход в камеру, Родмартон	357
141.	Вазы, найденные в Керлесканте	357
142.	План Мустуар-Карнак	358
143.	Фрагмент Мустуар-Карнак	358
144.	Фрагмент камеры Мустуар-Карнак	359
145.	Скульптуры в Мане Люд	361
146.		
147.	Вид на Дол ар Маршан	361
148.	Конечный камень, Дол-ар-Маршан	362
149.	Топор на крыше Дол-ар-Маршан	362
150.	Камень, найденный внутри камеры в Мане-эр-роек	364
151.	План Гавр-Инниса	364
152.	Скульптуры в Гавр-Иннисе	364
153.	Дырявый камень, Гавр Иннис	364
154.	Трассы в Крозоне	367
155.	Вид на внутреннюю часть дольмена в Антекере	383
156.	План дольмена под названием Куэва-де-Менга, недалеко от Антекеры	384
157.	Дольмен дель Тио Когольерос	385
158.	Большая гробница	386
159.	План дольмена в Эгиларе	387
160.	План дольмена в Кангас-де-Онис	387
161.	Дольмен Сан-Мигель в Арричинаге	387
162.	Дольмен в Арройолосе	389
163.	Дольмен в Сатурнии	392
164.	Базина	397
165.	Чоуча	398

166.	Дольмен на ступенях	398
167.	Курганы с промежуточными рядами камней	399
168.	Группа могильных памятников, Алжир	399
169.	План и высота Африканского кургана	400
170.	Дольмен с двумя кругами камней	401
171.	Дольмены по дороге из Боны в Константин	402
172.	Четыре пирамиды из камней, заключенные в квадраты	402
173.	Гробницы близ Джиджели	404
174.	Круг близ Боны	405
175.	Трилитон в Ксае	411
176.	Трилитон в Элькебе	412
177.	Буддийский памятник в Бангкоке	413
178.	Башня гигантов в Гозо	417
179.	План памятника Мнайдра	419
180.	Разрез через нижнюю пару камер, Мнайдра	419
181.	Вход в камеру В, Мнайдра, показан стол внутри	420
182.	Северный конец левой внешней камеры в Мнайдре	421
183.	План Хаджияр-Кхема, частично восстановлен	423
184.	Вид на Мадрасен	424
185.	Нурхаг	428
186.	Нурхаг Санта-Барбары	428
187.	Разрез и план местности Нурхага Санта-Барбары	429
188.	Карта Ла-Гиары	430
189.	Талиот в Трепуко, Менорка	435
190.	Талиот в Алахоре, Менорка	435
191.	Дольмены в Кафр-эр-Вале	441
192.	Дырявый дольмен	447
193.	Дырявый дольмен, Черкесия	447
194.	Баба	448
195.	Четырехугольная могила	448
196.	Курган в Александрополе	450
197.	Непокрытое основание кургана в Николаеве	451
198.	Круг близ Пешавура	452
199.	Круг в Дех-Айе, близ Дарабгерда	453
200.	Вид с холмов Хассии	462
201.	Места погребения в Хассии	463
202.	Менгиры и столы	464
203.	Камень-тюрган с каменным столом	464
204.	Трилитон	464

205.	Дольмен в Раджунколуре	468
206.	План открытого дольмена в Раджунколуре	468
207.	Закрытый дольмен в Раджунколуре	468
208.	Вид закрытого дольмена в Раджунколуре	468
209.	Расположение дольменов в Раджунколуре	470
210.	Пирамиды в Джевурги	472
211, 212.	Секции пирамиды в Джевурги	472
213.	Двойной дольмен, Кург	473
214.	Гробница, холмы Нилгири	473
215.	Погребальные круги в Амравати	474
216.	Железный столб в Кутубе, Дели	481
217.	Скульптура на нижней стороне цоколя дольмена Нилгири	483
218.	Дольмен в Ивулли	484
219.	План каменных памятников в Шахпуре	485
220.	Крест в Катапуре	486
221.	Дольмен в Катапуре	487
222.	Дольмен с крестом в джунглях Нирмула	487
223.	Ланка Рамаяна Дагоба	490
224.	Дольмен в Пулликонде	491
225.	Рельсы в Санчи, недалеко от Бхилсы	492
226.	Вид на пагоду Сенбья, Бирма	497
227.	Ограждение в Ньюарк Уоркс, Северная Америка	511
228.	План стоек, Кромлех Д. I., Колумбкиль	521
229.	Расположение камней Д. III.	522
230.	План Д VI.	522
231.	План кромлехов группы Е.	523
232.	Пирамида из камней с рогами, Кейтнесс	528
233.	Дольмен близ Боны, Алжир	532

НАПРАВЛЕНИЕ В ПЕРЕПЛЕТ.

Карта, иллюстрирующая распределение дольменов, будет помещена в конце Тома.

ГРУБЫЕ КАМЕННЫЕ ПАМЯТНИКИ.

ВСТУПИТЕЛЬНОЕ СЛОВО.

Так велика и успешна была индустрия, недавно примененная к предметам археологических исследований, что лишь немногие из многих проблем этой науки, которые пятьдесят лет назад казались безнадежно загадочными, теперь остаются нерешенными. Немногим более сорока лет прошло с тех пор, как открытия Шампольона позволили нам классифицировать и понять замечательные памятники долины Нила. Расшифровка клинописных знаков аналогичным образом позволила нам упорядочить и проставить даты для храмов и дворцов Вавилона и Ниневии. Все, что было построено греками и римлянами, было рассмотрено и проиллюстрировано; и все средневековые стили, возникшие на их основе, были сведены к понятной последовательности. Высеченные в скалах храмы Индии и ее еще более загадочные дагобы были перенесены в область истории и, подобно храмам Бирмы, Камбоджи или Китая, были показаны сравнительно современными. Можно сказать, что памятники Мексики и Перу все еще бросают вызов тем, кто пытается вырвать у них их тайны; но даже для них была получена довольно приблизительная дата. Но среди всех этих триумфов хорошо направленных исследований у наших дверей все еще остается большая группа памятников, относительно использования которых или датировки мнения разделились почти так же сильно, как и во времена безудержного эмпиризма в прошлом веке. Это правда, что люди науки сейчас не претендуют на то, чтобы видеть, как друиды приносят свои истекающие кровью жертвы на алтарь в Стоунхендже, или на то, чтобы быть способными проследить изгибы божественного змея сквозь мили вертикальных камней в Карнаке или в Эйвбери; но все, чего они пока достигли, - это простого неверия в популярные заблуждения, и до сих пор они не отважились предложить ничего лучшего, чтобы занять их место. Они по-прежнему называют круги храмами, но не могут сказать, какому богу они были посвящены или для каких обрядов они подходили, и, когда их спрашивают о возрасте, в котором они были возведены, могут только ответить словами песни, что это было "давным-давно".

Такое положение дел в высшей степени неудовлетворительно, но в то же время в значительной степени простительно. Действительно, на первый взгляд нелегко понять, как это можно исправить. Строители мегалитических останков были совершенно неграмотны и не оставили письменных свидетельств об их возведении; также нет никаких разборчивых надписей на более важных памятниках, которые могли бы дать какие-либо подсказки исследователю. Что еще более обескураживает, так это то, что почти в каждом случае они сложены из грубых необработанных камней, не только без каких-либо следов резьбы, но даже без каких-либо архитектурных украшений, которые можно было бы сравнить с другими памятниками или, по степени их сохранности, намекнуть на их относительный возраст.

"Они стоят, но стоят в безмолвном и необщительном величии".

Действительно, настолько безмолвные, что едва ли стоит удивляться тому, что любознательные антиквары снабдили их голосами, наиболее диссонирующими и абсурдно разнообразными, или, с другой стороны, тому, что высший класс исследователей уклонился от долгих терпеливых исследований и вдумчивых размышлений, которые необходимы, чтобы извлечь хотя бы крупницу истины из их флегматичной скрытности.

Если бы исследование возраста и использования мегалитических останков было новой темой, которой впервые занялись около тридцати или сорока лет назад, вполне вероятно, что решение могло быть получено раньше или, во всяком случае, было бы не за горами.

Однако, когда расследование заходит в совершенно порочное русло, как это произошло в данном случае, очень трудно вывести его из ложного положения. Беспечные готовы принять любые предлагаемые эмпирические решения, какими бы абсурдными они ни были, а вдумчивых удерживают от вмешательства в исследование, которое до сих пор приводило только к таким иррациональным выводам.

Первым из тех, кто, по крайней мере в этой стране, устроил дикий танец, был знаменитый Иниго Джонс, архитектор Уайтхолла. Кажется, что когда король Яков I был в гостях у графа Пембрука в Уилтоне, ему показали Стоунхендж, и он был настолько поражен его величием и таинственностью, что приказал своему архитектору выяснить, кем он был построен и с какой целью. Был ли когда-либо представлен королю трактат, содержащий результаты его исследований, неясно. Она, конечно, была опубликована только после смерти ее автора, и хотя она свидетельствует об очень большом количестве знаний и исследований, результаты, к которым он пришел, были очень поразительными. После подробного изложения предпосылок его выводы, изложенные в "Жизни", приложенной к его трактату, заключались в том, что "Это был римский храм, посвященный Хлусу, старшему из языческих богов, и построенный по тосканскому обычаю".

Эта теория подверглась критике со стороны доктора Чарлтона, одного из врачей Карла II. Некоторое время он переписывался с Олаусом Вормиусом, знаменитым датским антикваром, и, пораженный сходством по форме и конструкции, существовавшим между памятниками Дании и этой страны, он пришел к выводу, что Стоунхендж и другие подобные памятники были возведены датчанами и, следовательно, после ухода римлян. Эта атака на теорию Иниго Джонса вызвала гнев некоего мистера Уэбба, родственника по браку, который ответил очень гневным трактатом, в котором он повторяет все аргументы Джонса, а затем, добавив значительное количество своих собственных, завершает триумфальным — как он полагает — возвращением Стоунхенджа римлянам. [2]

Пока большого вреда причинено не было; но доктор Стакли, который следующим появился в полемике, был одним из самых одаренных воображением людей и одним из самых безумных теоретиков. Его исследования познакомили его с друидами, которых классические авторитеты описывают как всемогущих жрецов кельтской расы, но у которых не было храмов; с другой стороны, его путешествия познакомили его со Стоунхенджем и Эйвбери, на последнее из которых внимание только что привлекли исследования его друга Обри. Итак, здесь были храмы без священников. Что могло быть настолько естественным, чтобы соединить этих двоих, пусть и в самом нечестивом браке. Наши каменные круги, должно быть, были храмами друидов! Но оставалась еще одна трудность. Каким божествам они там поклонялись? Цезарь говорит нам, что кельты или кельтские друиды в основном поклонялись Меркурию и некоторым другим римским богам, которых он называл; [3] но в этих храмах не найдено изображений этих богов или чего-либо, что указывало бы на преданность им. К сожалению, однако, Плиний [4] рассказывает очень глупую историю о том, как в Галлии змеи собираются вместе в определенный день и изготавливают из своей слюны яйцо (*Anguinum*), которое, когда оно готово, они подбрасывают вверх, и если кто-то хочет его, он должен поймать его в одеяло, прежде чем оно упадет на землю, и ускакать с ним на флотилии лошадь, потому что, если змеи схватят его до того, как он пересечет бегущий ручей, его может постигнуть участь похуже, чем у Тэма о'Шантера! Затем он добавляет, что друиды считали это яйцо талисманом. Из этого последнего намека доктор Стакли заключил, что друиды поклонялись змеям, и, следовательно, что Стоунхендж, Эйвбери и другие были змеиными храмами — Драконтия, как он их называет, смело предполагая, что слово, которое в единственном числе было всего лишь названием растения, на самом деле применялось

древними к змеиным храмам, о форме которых, однако, они были так же невежественны, как и сам Доктор. Продвинувшись так далеко, оставалось только приспособить английские круги к этой недавно открытой форме богослужения, и Эйвбери был выбран в качестве главной иллюстрации. На Хакпен-Хилл был небольшой круг, к которому вела каменная аллея, образованная шестью или восемью камнями, идущими на восток и запад; между Уэст-Кеннетом и Эйвбери была еще одна аллея, ведущая к кругам, но с уклоном на север и юг. Вставив изогнутый кусок между этими фрагментами, Хакпен превратился в голову змеи, авеню - в ее тело; Эйвбери - в ее извилистую часть, а затем был добавлен хвост длиной в милю, основанный на двух камнях в деревне и дольмене, называемом Бухта Длинного Камня, примерно на полпути между Эйвбери и концом хвоста! К Стэнтону Дрю и другим кругам относились точно так же; изогнутые аллеи, для которых нет ни тени авторитетности, кроме как в воображении Доктора, добавлялись везде, где требовалось, а змеи изготавливались везде, где требовалось. Кажется, ни Доктору, ни его современникам даже не приходило в голову спросить, был ли когда-либо построен храм в форме богов, которым поклонялись в нем или около него, или как какое-либо человеческое существо могло обнаружить форму змеи в рядах камней, тянущихся по холмам и долинам, пересекающих ручьи и иногда скрывающихся за насыпями и земляными валами. На карте с приложенными недостающими частями это сделать достаточно просто; но в те дни карт не было, и на открытой местности определить форму змеи было бы непросто даже самым опытным геодезистам.

Если бы столь глупая выдумка была выдвинута в наши дни, она, вероятно, встретила бы заслуженное презрение; но самое странное во всем этом то, что тогда это было принято как откровение. Даже такой уравновешенный и хорошо информированный антиквар, как сэр Ричард Кольт Хоар, безоговорочно принимает взгляды доктора Стакли. Его великолепные работы о "Древнем и современном Уилтшире", которые являются не только самыми великолепными, но и наиболее ценными произведениями своего класса, которыми эта страна обязана щедрости и трудолюбию любого человека, повсюду обезображены этим огромным недостатком. Он повсюду видит друидов и их Драконов, и ему никогда не приходит в голову поинтересоваться, на чьей власти основано их существование.

Конечно, ни на секунду не предполагается, что в древние времена в Европе не было друидов. Показания Цезаря по этому поводу слишком отчетливы, а его знания были слишком точны, чтобы допускать какие-либо сомнения на этот счет. Верно, однако, что описание их, данное Диодором,^[5] и Страбоном,^[6] которые смешивают их с бардами и прорицателями, умаляет в чем-то исходя из того превосходства, которое он им придает, но это имеет второстепенное значение. Друиды, несомненно, были кельтскими жрецами, и их главная резиденция находилась в стране карнутов, недалеко от Шартра, где, однако, мегалитические останки сохранились очень редко. Однако ни Цезарь, ни кто-либо другой никогда не утверждал, что видел Друида в Англии. Светоний встретил "Друидов" на острове Англси (Мона),^[7] но ни об одном из них никогда не слышали в Уилтшире, или Дербишире, или Камберленде, где расположены основные памятники; ни на Западных островах, ни в Скандинавии. Еще меньше они известны в Алжире или Индии, где этих мегалитических останков предостаточно. Согласно валлийским бардам и ирландским летописцам, друиды жили в Уэльсе и Ирландии до введения христианства. Но, даже признавая это, это нам мало помогает, поскольку даже там они никак не связаны с тем классом памятников, о котором мы сейчас говорим. Действительно, в последнее время утверждается, и с немалыми основаниями, что сами кельты, даже во Франции, не имели никакого отношения к этим памятникам и что они принадлежат к совершенно другой расе людей.^[8] Короче говоря, вовсе не обязательно отрицать ни существование друидов, ни их могущество. Настоящая трудность состоит в том, чтобы каким-либо образом, прямо или косвенно, связать их с

каменными памятниками; и кажется еще более трудным доказать, что кельты когда-либо поклонялись змее в какой-либо форме. [9]

Несмотря на все это, в нынешнем столетии образованный джентльмен и священнослужитель Англиканской церкви, преподобный Батерст Дин, без колебаний принимает все, что выдвинули Стакли и его школа. Он взял на себя труд отправиться в Бретань в сопровождении компетентного геодезиста и составил тщательный план расположения Карнака. [10] Подобно авеню в Эйвбери, они, конечно, не имели никакого сходства со змеиными формами для глаз непосвященного, а скорее напоминали две прямые линии, идущие почти параллельно друг другу на расстоянии около двух миль друг от друга. Но не мог ли промежуточный криволинейный фрагмент длиной около трех миль существовать в промежутке и таким образом соединить голову с хвостом? Тщетно настаивать на том, что никаких следов этого сейчас не существует, или спрашивать, как человек мог проследить очертания змей длиной семь или восемь миль в холмистой местности, и как или каким образом, или к какой части этого странного божества или чудовища он должен был обращаться со своими молитвами.

Однако было бы неверно представлять всех антикваров как принявших офитскую ересь. Другая группа упорно утверждала, что Стоунхендж был обсерваторией британских друидов. Эта теория, по-видимому, была предложена взглядами, опубликованными Дэниеллом и другими исследователями обсерваторий, возведенных Джей Сингом из Джейпора в Дели, Угейне, Бенаресе и других местах Индии. Все они, это правда, имеют большие круги, но каждый из всех этих кругов содержит гномон, который является такой же важной частью такого астрономического инструмента, как и солнечные циферблаты, и вряд ли нужно говорить, что ни в одном британском круге нет и следа подобной функции. Один антиквар, которому следовало бы быть более информированным, [11] пришел к выводу, что Стоунхендж был обсерваторией, потому что, сидя на камне, называемом Алтарем, летним утром он увидел восход солнца за камнем, называемым Пяткой Монаха. Насколько я знаю, это единственное зарегистрированное наблюдение, когда-либо сделанное там; и если это все, то очевидно, что любые два камня одинаково хорошо подошли бы для этой цели, а поскольку Алтарный камень шестнадцати футов в длину, он допускает широту наблюдения, что не предвещает ничего хорошего для друидических знаний в точных науках. Однако ни мистер Эллис, ни доктор Смит, ни преподобный мистер Дьюк, [12] да и вообще никто из тех, кто занимался астрономической теорией, еще не указали на одно-единственное наблюдение, которое могло быть сделано этими кругами и которое не могло быть сделано так же хорошо или лучше без них. Или, если бы они были планетами, как иногда притворяются, никто не объяснил, что они записывают или представляют, каким-либо образом, который был бы понятен кому-либо другому. Пока какой-нибудь астроном-практик не выйдет вперед и не расскажет нам понятным языком, какие наблюдения можно было бы провести с помощью кругов Стоунхенджа, нам, по крайней мере, будет позволено сделать паузу. Однако даже в этом случае, если только его теория не будет применима к Эйвбери, Стэнтону Дрю и другим кругам, настолько неправильным, что их почти невозможно измерить, это мало что добавит к нашим знаниям.

Было бы забавно, хотя, безусловно, бесполезно подробно останавливаться на этих и всех других догадках, которые время от времени высказывались относительно этих таинственных останков. Однако маловероятно, что столь совершенно беспочвенные теории будут выдвинуты снова или, если они будут обнародованы, что к ним будут прислушиваться в будущем. Единственным оправданием для них до сих пор было то, что их авторы были лишены всех своих обычных источников информации по этому вопросу. Не будет

преувеличением утверждать, что ни у одного классического автора нет ни единого отрывка, который можно было бы истолковать как прямой или косвенный намек на мегалитические останки на этих островах или на континенте. При всей своей учености и трудолюбии антиквары прошлого века смогли найти только один отрывок, который при всей их неуместной изобретательности они могли извратить в своих целях. Это было так — в своей второй книге Диодор, цитируя Гекатея, упоминает, что на острове, размером не меньше Сицилии, и напротив Кельтики, у гиперборейцев существовал великолепно украшенный круглый храм.^[13] Стакли и его последователи немедленно пришли к выводу, что остров не меньше Сицилии и напротив Галлии, должно быть, Англия, а круглый храм Стоунхендж, который, следовательно, был посвящен Аполлону и змею Пифону, а наши предки были гиперборейцами, и наши сношения с Грецией ясны и часты. Удивительно, какая надстройка была возведена на таком основании. Но против этого можно возразить, что вся вторая книга Диодора посвящена исключительно описанию Азии. В предыдущей главе он описывает амазонок, которые, если они когда-либо существовали, несомненно, обитали в этой части земного шара. В следующих главах он описывает Аравию, и даже в этой (xlvi) он говорит о гиперборейцах, населявших северные части Азии. При предельной широте интерпретации мы могли бы предположить, что этот остров находился в Балтийском море — вероятно, Эзель, возможно, Готланд, но уж точно не дальше к западу. Невозможно, чтобы Диодор ошибся в этом вопросе, поскольку в своей пятой книге он описывает Британские острова в их надлежащем месте и с очень значительной степенью точности.^[14] Но, в конце концов, что это значит? На этом острове находился круглый храм. Нам не говорят, была ли она деревянной или каменной, гипетрической, с крышей или сводчатой, и, конечно, нет ни тени намека на то, что она была сложена из круга грубых камней, подобных тем, которые в этой стране пытались приравнять к ним антиквары прошлого века.

Неудивительно, что вся эта поспешность рассуждений и небрежность цитирования привели к убеждению, что решение проблемы невозможно на основе каких-либо литературных или исторических данных, или, следовательно, наши современные исследователи древностей должны были с жадностью ухватиться за схему, впервые предложенную датчанами, которая, по-видимому, во всяком случае ставила вопрос на научную основу. Ни одна страна не может быть расположена более благоприятно для исследования такого рода, чем Дания. Она богата всевозможными мегалитическими останками. Его курганы и гробницы, по-видимому, в целом остались нетронутыми; и ему исключительно повезло в том, что правительство обладало достаточным здравым смыслом, чтобы принять закон о сокровищах, настолько справедливый и, в то же время, настолько либеральный, чтобы предотвратить попадание всех металлических изделий в плавильный котел, а губернаторы были настолько умны, что полностью оценили научную ценность этих древних останков. Вследствие всего этого музеи Копенгагена вскоре наполнились одной из богатейших коллекций древностей такого рода, которые когда-либо были собраны, и когда их собрали вместе, было нетрудно уловить основные черты, которые связывали их в одну непрерывную последовательность.

Сначала оказалось, что существовала эпоха, уходящая в далекие доисторические времена, когда люди пользовались только орудиями труда из камня и кости и были невежественны в использовании каких-либо металлов; затем, что за этим последовала эпоха, когда было известно использование бронзы, а также, вероятно, золота; и, наконец, что была третья эпоха, когда было введено железо, вытеснившее использование всех других металлов для военного оружия и утилитарных целей.

Датские антиквары несколько разделились во мнениях относительно точного периода, когда впервые появилась бронза: одни относили это к 2000 году до н.э., другие сомневались, была ли она известна в Дании более 1000 или 1200 лет до н.э., но все согласились, что железо появилось примерно в христианскую эпоху. Удовлетворившись этими соображениями, датские антиквары сразу же приступили к применению этой системы к памятникам своей страны. Любая гробница или курган, лишенный каких-либо следов металла, сразу датировался, по крайней мере, за 1000, вероятно, за 2000 лет до Рождества Христова, и мог быть возрастом 10 000 или 20 000 лет или даже еще старше. Любая гробница, содержащая бронзу, сразу же определялась как относящаяся к периоду между Троянской войной и христианской эрой; и если обнаруживались следы железа, это рассматривалось как последующее за последней названной эпохой, но все же предшествующее введению христианства, которое в Дании датируется примерно 1000 годом нашей эры.

Эта система казалась настолько разумной и философской по сравнению с дикими теориями британских антикваров прошлого столетия, что ее немедленно приняли как в стране ее зарождения, так и в Англии и Франции; и последовательность трех эпох — каменной, бронзовой и железной — обычно считалась столь же твердо установленной, как любой хронологический факт. Постепенно, однако, стало понятно, что жесткая грань, поначалу проведенная между ними, не может быть сохранена. На последнем заседании Международного археологического конгресса, состоявшемся в Копенгагене осенью 1869 года, всеми было признано, что между каждой из трех эпох существует значительное совпадение. Люди не сразу перестали использовать каменные орудия, когда появилась бронза; и бронза продолжала использоваться для многих целей после того, как использование железа стало хорошо известно.^[15] Антиквары еще не определились, до какой степени имело место совпадение; но от его определения зависит вся ценность схемы как хронометрической шкалы.

Если бы датчане, вместо того чтобы разбирать свои "находки" и распределять их по ящикам в соответствии с заранее разработанной системой, сохранили и опубликовали тщательный отчет о местах, где было найдено содержимое их музеев, и в каком сочетании, мы, вероятно, не оказались бы в наших нынешних затруднениях. В сложившихся обстоятельствах, возможно, повезло, что у нас не было центрального музея, но что наши антиквары опубликовали подробные описания своих работ. Великие работы сэра Ричарда Кольта Хоара являются образцами своего класса, но на них вряд ли стоит полагаться в данном случае, поскольку в его время важность кремня и кремневых орудий не ценили в той степени, в какой это происходит сейчас.^[16] Исследования мистера Бейтмана в Дербишире более полно соответствуют уровню современной науки. Бейтман в Дербишире. Несколько выдержек из одной из их работ покажут, насколько разнообразно и разнородно содержимое даже одной группы гробниц, и, следовательно, докажут, насколько мало можно полагаться на какой-либо один класс предметов для определения возраста этих памятников.

В его "Следах древностей Дербишира", опубликованных в 1848 году Томасом Бейтманом, мы находим следующее среди других интересных фактов, принимая их в том виде, в каком они расположены в его книге, без какой-либо попытки классификации:

На Уинстер—Мур (стр. 20) золотой греческий крест - несомненно, христианский, с фибулой из того же металла, богато украшенной, и множеством стеклянных и металлических украшений.

Курган Пеггес (стр. 24). Несколько англосаксонских украшений, скорее всего седьмого или восьмого века.

В кургане в Лонг-Руд (стр. 28) были найдены две урны с обожженными костями и медная монета Константина типа "Gloria exercitus".

В кургане Хэддон Филд (стр. 30) были найдены 82 медные монеты: среди них Константин 9, Констанс 17, Констанций II. 9, семья Константина 3, Римский город 1, Константинополь 2, Валентиниан 5, Валент 12, Грациан 3. Остальное неразборчиво.

На Гиб-Хилл, недалеко от Арбор-Лоу (стр. 31), о котором подробнее ниже, были найдены кремневый наконечник стрелы длиной 2½ дюйма и фрагмент базальтовой кельтской стрелы; также маленькая железная берцовая кость и еще один кусок железа неопределенной формы.

На скрещенных плоскостях (стр. 35) оружием, найденным вместе со скелетом, были железный нож с лезвием длиной 5 дюймов; кусок грубо отесанного кремня, вероятно, наконечник копья; и натуральный кусок камня замечательной формы. Похожий железный нож и каменный кельт были впоследствии найдены в нескольких ярдах от кургана, вероятно, выброшенные и не замеченные при первом вскрытии.

В Galley Lowe (стр. 37) - очень красивое золотое ожерелье, украшенное гранатами, и монета Гонория; но ближе к внешнему краю Lowe, и, следовательно, судя по местоположению, вероятно, позже, другое захоронение, сопровождаемое грубой керамикой, маленьким наконечником стрелы из серого кремня и куском железяка.

В большом кургане в Миннинг-Лоу (стр. 39) были найдены монеты Клавдия Готика, Константина Великого, Константина Младшего и Валентиниана.

В кургане поменьше, расположенном неподалеку, были найдены фрагменты грубой урны темного цвета, кремневый наконечник стрелы, маленький кусочек железа, часть уздечки и несколько лошадиных зубов; ниже - урна с железным ножом в железных ножнах; а с внешней стороны - еще одно захоронение, сопровождаемое богато украшенной чашей для питья, маленькой латунной или медной булавкой и грубым наконечником копья или стрелы из темно-серого кремня.

В Бортере Лоу (стр. 48) были найдены сильно обожженный кремневый наконечник стрелы и миниатюрный бронзовый кельт.

В Ролли Лоу (стр. 55) были найдены медная монета Константина и медная булавка длиной 2½ дюйма; а ниже - грубая, но богато украшенная урна, а вместе с ней два очень аккуратных наконечника стрел из кремня необычной формы; а в другой части кургана - наконечник копья из грубого кремня с фрагментами украшенной чаши для питья.

В кургане на Эшфордской пустоши (стр. 57) были найдены разбросанные в разных местах маленький железный наконечник стрелы и пять кремневых инструментов.

В Кардер-Лоу (стр. 63) были найдены несколько кремневых орудий, среди последних - аккуратно сформированный наконечник стрелы с зазубринами; а ниже, при первичном захоронении, великолепный латунный или бронзовый кинжал; несколькими дюймами ниже - красивый базальтовый наконечник топора-молота. В другой части кургана было обнаружено еще одно захоронение, сопровождаемое железным ножом и тремя заточками из песчаника.

В Нью-Иннс был открыт курган (стр. 66), где вместе с основным предметом погребения был найден красивый медный кинжал с заклепками меньшего размера, чем обычно; а в другой части скелет с двумя кремневыми инструментами и зубами животных.

В "Нет Лоу" (стр. 68), рядом с правой рукой главного захороненного, обнаружен большой латунный кинжал с украшениями на рукояти, состоящими из тридцати латунных заклепок; две заклепки из киммериджского угля. Вместе с вышеупомянутыми предметами были найдены многочисленные фрагменты обожженного кремня, а среди почвы кургана - два грубых кремневых орудия.

В Кастерне (стр. 73) в одной из частей кургана был найден инструмент с тонким кремневым наконечником для копья и таким же маленьким наконечником для стрелы. В других местах, но в явно нетронутой земле, найден круглый инструмент, различные осколки кремня и рукоятка ножа из оленьего рога, обычным способом приклепанная к стали. Похожий изображен в книге Дугласа "Nenia Britannica", фото 19, рис. 4, найденной при погребении в одном из курганов в Чартем-Даунс, графство Кент.

В Стенде Лоу (стр. 74) при раскопках по направлению к центру были найдены многочисленные кремневые обломки и шесть грубых инструментов, а над тем же местом - сломанный точильный камень. Когда центр был захвачен, был найден железный нож того типа, который обычно приписывают саксам. За ним немедленно последовали бронзовая шкатулка и ряд пряжек, фибул и изделий из железа, серебра и стекла, свидетельствующих о том, что основное захоронение было очень поздним. Г—н Бейтман добавляет: "находка кремневых орудий при захоронении с таким сравнительно современным описанием довольно примечательна, но ни в коем случае не беспрецедентна".

В кургане на полпути между Уэттоном и Иламом (стр. 79) при захоронении были найдены три кремневых орудия, не представляющих особого интереса, несколько фрагментов орнаментированной урны и железный штырь, похожий на шило, которым в наши дни пользуются шорники. Мистер Бейтман добавляет: "Одно точно подобное было найдено в кургане на Миддлтон—Мур в 1824 году".

Во втором кургане недалеко от того же места были найдены остатки грубой и грубо орнаментированной урны с остатками обожженных костей. Третья медная монета Константина Великого также была найдена на вершине, прямо под поверхностью.

В Come Lowe (стр. 95) при погребении очень позднего периода были найдены золотые и железные украшения и стеклянные бусы, а также обычные осколки кремня и крысиные кости.

В Дау Лоу (стр. 96) самое отдаленное захоронение состояло из двух сильно разложившихся скелетов, лежащих на полу кургана примерно в двух ярдах от его центра; к одному из них прилагался рифленый медный кинжал, прикрепленный к верхней кости руки, и амулет из железной руды с большим кремневым орудием, которое хорошо зарекомендовало себя, лежащий рядом с тазом.

Другие курганы, исследованные этим неутомимым исследователем, либо содержали объекты в целом того же класса, либо ничего интересного, что указывало бы на их возраст. Если бы другие его работы или работы других авторов были абстрагированы таким же образом, можно было бы привести множество примеров того же рода. Однако вышесказанного, вероятно, достаточно, чтобы показать, насколько мало можно полагаться на четкое различие между кремневым, бронзовым и железным веками, которое до сих пор считалось определяющим при каждом определении возраста в этой науке. Если на сотне коротких страниц работы одного человека можно найти столько примеров наложения друг

на друга и, по сути, изменения обычного порядка вещей, легко понять, сколько их можно было бы добавить, если бы были изучены и другие работы. Однако все, что здесь требуется, - это показать, что датская система не является ни совершенной, ни окончательной, и что мы должны искать какие-то другие способы установления возраста этих памятников, если мы хотим прийти к удовлетворительному заключению относительно них.

Дело в том, что, хотя гробнице, содержащей только каменные и костяные орудия, может быть 10 000 или 20 000 лет, если только также не будет доказано, что камень и кость больше не использовались после христианской эры, она также может быть такой же современной, или даже более современной, чем та эпоха. Если также не будет доказано, что каменные орудия никогда не использовались после появления железа или что бронза никогда не использовалась вплоть до более позднего периода, эта система бесполезна; и после только что приведенных примеров из раскопок Бейтмена, кажется чистейшим эмпиризмом предполагать, что использование каждого класса орудий прекратилось с появлением другого; и пока не будет показано, в какую дату их использование действительно прекратилось, любой аргумент, основанный на их наличии, имеет очень мало ценности. Однако это задача, к которой еще не прибегал ни один антиквар; все довольствовались установлением возраста памятников исходя из предполагаемого возраста их содержимого, определенного эмпирически. Однако установить возраст содержимого по возрасту памятника, в котором оно найдено, - гораздо более сложная задача; это задача, требующая изучения истории и обстоятельств каждого конкретного экземпляра. При тех скудных материалах, которые существуют, это ни в коем случае не легко; но поскольку это кажется единственным способом достижения истины, именно этой задаче мы предлагаем посвятить следующие страницы; если это окажется невозможным, мы действительно можем впасть в отчаяние.

Любопытно наблюдать, насколько иной была бы судьба этой науки, если бы скандинавы продолжили линию исследований, начатую их авторами в шестнадцатом веке. Например, Олаус Магнус, архиепископ Упсальский, в 1555 году описывает мегалитические останки Швеции с той трезвостью и точностью, с какой современный человек мог бы рассказать о кладбищах Кенсал-грин или Скутари. Некоторые, по его словам, обозначали поля сражений, некоторые - семейные усыпальницы, другие - могилы выдающихся людей.^[17] Аналогичным образом Олаус Вормиус в 1643 году описывает гробницы датских королей так, как писатель в наши дни описал бы гробницы Плантагенетов в Вестминстерском аббатстве.^[18] У меня нет никаких сомнений по этому поводу, и хотя доктор Чарлтон поспешил слишком безоговорочно последовать примеру этого автора в применении его данных к этой стране, все же, насколько я могу составить мнение, если бы это направление исследований неуклонно продолжалось, сейчас было бы так же мало сомнений в возрасте Стоунхенджа, как и в возрасте Солсберийского собора. Стакли, однако, отвел судно от причалов здравого смысла, и с тех пор оно было брошенным кораблем, брошенным ветрами и волнами любой мимолетной фантазии, до недавнего времени, когда была предпринята попытка отбуксировать обломки в туманную гавань доисторической древности. Если она когда-нибудь достигнет этой туманной области, она может впасть в отчаяние, поскольку больше не сможет быть полезна для человеческих целей.

Такова или не такова будет ее судьба, должно зависеть от результата нового импульса, который за последние десять или двенадцать лет был придан расследованию. До сих пор это, по-видимому, определенно шло в направлении, которое, следует опасаться, вряд ли приведет к какой-либо большей степени точности в исследовании. Пока датские "ученые"

расставляли свои коллекции в музеях Копенгагена, мсье Буше де Перт потихоньку собирал коллекцию кремневых орудий из наносов долины Соммы, которая намного превосходила все до сих пор найденные в древности. В течение многих лет над его открытиями смеялись, пока в 1858 году покойный Хью Фальконер не посетил его музей в Аббевилле, и, будучи тогда свежим после своих исследований в Кентс-Хоул и пещерах Гауэр, [19] он сразу увидел их ценность и объявил об этом миру. С тех пор никто не оспаривал, что кремневые орудия, найденные в долине Соммы, являются работой человека, и что, судя по положению, в котором они найдены, их изготовители, должно быть, жили в период на рубеже ледниковой эпохи, когда конфигурация континента отличалась от нынешней, и когда, вероятно, Британские острова все еще были присоединены к Франции. Подобные орудия до и после были найдены в Саффолке, [20] и в других частях Англии при аналогичных обстоятельствах, и все они связаны с фауной, которая вымерла в этих частях до исторических времен. [21] Если вы спросите геолога, как давно условия на земном шаре были такими, какие представляют эти условия, он сразу ответит, что не менее миллиона лет! Но они имеют дело с большими цифрами, и нет необходимости исследовать их сейчас. Это было очень давно.

Еще более интересным для наших нынешних целей было обнаружение несколькими годами позже человеческих останков в долинах Дордони и других рек юга Франции. Здесь геология нам не помогает, зато помогает климатология. В то время климат юга Франции был настолько холодным, что обитатели этих пещер имели все привычки людей, обитающих сейчас в арктических регионах. Их основным домашним животным был северный олень, но они были знакомы с шерстистым мамонтом, пещерным медведем и зубром. Климат был настолько холодным, что они могли выбрасывать в сторону остатки своих пиршеств и устилать свое жилище мозговыми костями и потрохами, не опасаясь мора и даже не испытывая неудобств. Фактически, насколько мы можем судить, они были во всех отношениях идентичны эскимосам наших дней и, должно быть, населяли климат, почти аналогичный климату Арктической части Северной Америки. Как давно это было? Из изображений в гробницах возле пирамид мы знаем, что климат Египта 5000 или 6000 лет назад был таким же, как и сейчас, и у нас нет оснований предполагать, что, в то время как климат южных берегов Средиземного моря оставался неизменным, северный менялся в каком-либо совершенно ином соотношении. Вырубка лесов, возможно, и привела к чему-то, но никогда не смогла бы объяснить такие изменения, как это. Если мы возьмем 50 000 или 60 000 лет вместо 5000 или 6000, этого будет недостаточно для такой революции, хотя геологи будут разгневаны, если мы предположим только 100 000; в качестве удобного числа это отвечает нашим нынешним целям.

Имея в своем распоряжении по крайней мере такой промежуток времени, современные антиквары склонны сбрасывать все в эту огромную пропасть. Почему, спрашивают они, Стоунхенджу и Эйвбери не может быть 10 000, 20 000 или 50 000 лет? Тогда существовал человек, и почему он не мог воздвигнуть такие памятники, как эти? Конечно, он мог бы, но нет никаких доказательств того, что он это сделал, и поскольку до сих пор не было приведено ни одной ощутимой причины предполагать, что они такие старые, простое предположение о том, что они могут быть такими, не может иметь большого значения.

На мой взгляд, сила аргументации, по-видимому, направлена в другую сторону. Если раса людей, жившая на поверхности земного шара в течение 100 000 лет, была столь же совершенно непрогрессивной, как эти пещерные люди, неспособной самостоятельно открыть применение металлов в течение этого длительного периода или даже перенять их из Египта и Востока, где бронза, безусловно, и, скорее всего, железо, были известны по крайней мере 6000 или 7000 лет назад; если этот народ использовал кремень и кость в

течение всего этого периода, вероятно ли, что они приняли бы новомодные орудия труда и новые обычаи, когда им впервые их представили? Эскимосы были знакомы с датскими поселенцами в Гренландии на протяжении нескольких столетий и могли бы легко обзавестись улучшенными орудиями труда и многими благами цивилизации, если бы захотели. Они ни на йоту не изменились под влиянием чужака. Краснокожий человек Северной Америки находится в контакте с белым человеком на протяжении веков. Изменился ли он или может измениться? На Аляске и к северу от острова Ванкувер живет раса дикарей, называемых хидеями, обладающих всеми художественными вкусами и способностями жителей пещер Дордони и примерно таким же уровнем цивилизации.^[22] Все они вымирают и вскоре могут исчезнуть, но в наши дни они представляют собой точно такое же явление, которое мы наблюдаем на юге Франции, скажем, 10 000 лет назад. Они были истреблены во всех цивилизованных частях Европы прогрессивными арийскими расами, узурпировавшими их места; и кажется совершенно очевидным, что, подобно им, их американские сородичи должны погибнуть перед растущим влиянием белого человека, но они не могут измениться. Насколько мы можем судить по имеющимся у нас фактам, если бы какое-либо семейство этого древнего народа все еще скрывалось среди наших холмов или на каком-либо скалистом острове, их привычки, или обряды, и их орудия труда были бы такими же, как у пещерных людей, как у эскимосов или дикарей Аляски в наши дни. Представляется крайне нефилософским применять к этим людям принципы прогресса, которые можно найти среди высших рас человечества, и представлять их так, будто они с готовностью хватаются за любое предлагаемое им улучшение и отказываются от своей старой веры и своих старых привычек по приказу любого странствующего мореплавателя, посетившего их берега.

Здесь не место вдаваться в подобные рассуждения, но, насколько можно судить на данный момент, кажется, что человечество продвинулось вперед не столько за счет продвижения в пределах определенных рас, сколько за счет наложения более высокоорганизованных рас на расы низшего класса. Таким образом, у нас есть те каменные люди из пещер, которые владели миром 100 000 или миллион лет и добились за этот период прогресса не большего, чем животные, с которыми они были связаны. Даже переходу от отколотого каменного орудия к полированному, похоже, их научил иностранный народ, использующий бронзу. Затем у нас есть такие расы, как египтяне, китайцы или мексиканцы, которые могут прогрессировать до определенной точки, но останавливаются и не могут продвинуться дальше; и, наконец, у нас есть арийцы, появившиеся на поле боя последними, но наиболее энергичная и единственная по-настоящему прогрессивная раса. Наша большая ошибка в рассуждениях относительно более древних рас, по-видимому, заключается в том, что мы настаиваем на применении к ним рассуждений и принципов, которыми руководствуемся мы, но которые совершенно неприменимы к менее прогрессивным расам человечества.

Все это станет яснее в дальнейшем; а пока можно с уверенностью утверждать, что до настоящего времени не было обнаружено ни одной королевской дороги, которая привела бы к объяснению наших мегалитических древностей. Никому еще не удалось так классифицировать содержимое родственных памятников, чтобы построить хронометрическую шкалу, применимую для выяснения их дат; и не было выдвинуто ни одного *априорного* рассуждения, которое имело бы хоть малейшую пользу для объяснения ни их возраста, ни их особенностей. Единственный путь, который, как нам кажется, открыт, - это тщательное изучение каждого отдельного памятника, сопровождаемое судебным анализом всех или каких-либо традиций, которые могут быть связаны с ним, и сопровождаемое сравнением с аналогичными памятниками в других странах. Таким образом, у нас есть шанс достичь довольно близкой степени достоверности; ибо, хотя ни

один памятник не расскажет свою собственную историю напрямую, множество перешептываний от большого числа людей могут перерасти в голос, который будет ясен и отчетлив и будет слышен каждому; в то время как никакая еще не изобретенная система и никакие *априорные* рассуждения не могут привести ни к чему, кроме углубления невежества, которое сейчас преобладает в этом вопросе. Это особенно верно в отношении великих мегалитических кругов в этой стране. За редчайшими исключениями, на их территории не было найдено ни кремневых, ни бронзовых или железных орудий. Они не могут быть старше изобретения кремневых орудий, а железо находилось в постоянном использовании с тех пор, как было впервые открыто искусство плавки его руд. Следовательно, если у них нет письменной или традиционной истории, на которую можно было бы положиться, то их возраст навсегда должен оставаться загадкой. Однако убеждение, в соответствии с которым написана эта книга, заключается в том, что такая история действительно существует; что, когда все традиции, связанные с памятниками, просеяны и взвешены, они составляют такую массу косвенных доказательств, которых достаточно для доказательства дела и установления основных фактов их истории и использования, совершенно независимо от какой-либо системы или каких-либо внешних свидетельств.

Нельзя сказать, что существуют прямые литературные свидетельства в том смысле, в каком обычно понимается этот термин. Как уже упоминалось ранее, ни один классический автор прямо или косвенно не упоминает об этих мегалитических сооружениях; и все же они не могли не знать о них, если бы они существовали. Когда Цезарь и его армия были свидетелями сражения между его галерами и флотом венетов в Морбиане, он, должно быть, стоял — если он занимал лучшее место — на Мон-Сен-Мишель, если она тогда существовала, и среди каменных аллей Карнака. Вероятно ли, что такой художник упустил бы шанс усилить свою картину намеком на "стоячие камни" Дариоригума? Римляне занимали Старый Сарум, вероятно, в течение всего времени своего пребывания на этом острове, а Виа Бадоника проходила так близко под Силбери-Хилл, что они не могли не знать ни о Стоунхендже, ни об Эйвбери. Во Франции они также не могли не увидеть многочисленные дольмены, которыми покрыта страна. Несмотря на все это, тишина здесь абсолютная. Круглый храм гиперборейцев - единственное, на что кто-либо когда-либо претендовал в качестве аргумента против этого; и что по причинам, указанным выше, поскольку это неприемлемо, любой аргумент, основанный на нем, рушится.

Ни Цезарь, ни Тацит, хотя и описывают религиозные обряды наших предков, ничего не упоминают о храмах; как, впрочем, и любой другой классический автор. Тацит^[23] говорит нам, что германцы поклонялись только в рощах; и хотя это вряд ли относится к делу, его отношения с Агриколой были настолько близкими, что, если бы у галлов и бриттов были каменные храмы, он вряд ли смог бы избежать упоминания о них. Вывод Цезаря и всех других авторов один и тот же, но прямых доказательств в любом случае нет.

Ни у каких классических авторов нет ни одного отрывка, который прямо или косвенно связывал бы друидов с какими-либо каменными храмами или камнями любого вида. Драконтии полностью являются плодом очень богатого воображения доктора Стакли.

Таким образом, что касается негативных свидетельств, то они вполне доказывают, что наши мегалитические круги не существовали во времена римлян и что они не были храмами. Однако, к сожалению, никакое количество отрицательных доказательств не является достаточным для подтверждения положительного, хотя их может быть достаточно, чтобы установить убедительную презумпцию в пользу определенной точки зрения, и, во всяком

случае, расчищает путь для получения любых прямых доказательств, которые у нас могут быть. Однако прямые письменные свидетельства, которые были приведены, носят самый туманный характер. Это сводится к немногим большему, чем следующее: каждый намек на эти памятники у средневековых авторов, каждая местная традиция, каждый обрывок информации, который у нас есть относительно них, указывает на постромское происхождение. Ни один писатель какой-либо эпохи или страны не предполагал, что они были доисторическими или даже доримскими до эпохи Стакли, скажем, 1700 года.

Насколько мне известно, у любого классического автора есть только один абзац, в котором упоминается французский или британский храм; но он принадлежал настолько исключительному сообществу, что вряд ли было бы безопасно основывать на нем аргумент. Страбон сообщает нам, что "иерон" существовал в устье Луары, населенный колонией женщин, которые жили отдельно от своих мужей, но крыша или соломенная крыша храма которых обновлялась ежегодно:[24] факт, который показывает, во-первых, что у него была крыша, а во-вторых, что это было не очень достойное или постоянное сооружение. структура.

Ясности нашего представления об этом предмете было бы гораздо больше, если бы раннехристианские авторы оставили нам несколько описаний храмов бриттов, когда миссионеры впервые появились среди них. Хотя они и не так молчаливы по этому вопросу, как классические авторы, их прямые свидетельства далеко не столь полны, как можно было бы пожелать. Один из отрывков, наиболее отчетливо касающихся этого вопроса, содержится в письме, которое папа Григорий Великий адресовал аббату Миллитусу, находившемуся в то время с миссией в Англии. В этом письме он наставляет его ни в коем случае не разрушать храмы идолов, принадлежащих англичанам, но только тех идолов, которые находятся в них; и добавляет: "Пусть приготовят святую воду и окропят их. Пусть будут построены алтари и на них помещены реликвии; поскольку эти храмы построены хорошо, необходимо, чтобы они были обращены от поклонения демонам к служению истинному Богу. Чтобы люди, видя, что их храмы не разрушены, могли выбросить заблуждения из своих сердец и, признавая истинного Бога и поклоняясь Ему, с большей охотой собирались в тех местах, где они привыкли собираться".[25] Чуть дальше он добавляет, чтобы не было внесено никаких видимых изменений, "что по большим праздникам люди могут возводить хижины из веток вокруг тех церквей, которые были преобразованы (commutatae) из храмов".

Справедливый вывод из этого абзаца, по—видимому, состоит в том, что между храмами язычников и церквями христиан было так мало различий, что немного святой воды и несколько реликвий — в те дни столь же почитаемых на Западе, как и на Востоке, - были всем, что требовалось, чтобы превратить одно в другое.

У нас сложилось такое же впечатление о другой сделке, которая произошла в Кентерберии примерно в то же время. После вступления во владение собором, построенным в древности римлянами,[26] Святой Августин добился от недавно обращенного короля Этельберта передачи храма, в котором он привык поклоняться своим идолам, и без лишних церемоний посвятил его Святому Панкрасу, а также присвоил его как место захоронения для себя и своих преемников из-за того, что он находился за пределами стен.[27] Далее мы узнаем от Жервеза[28] что так использовалось до тех пор, пока Катберт, второй архиепископ, не получил разрешение разрешить захоронения внутри стен, а затем воздвиг для этой цели предназначен баптистерий Святого Иоанна, где, по-видимому, сейчас стоит корона Бекета. Впоследствии монастырь св. Петра и Павла, ныне Св. Августин, был возведен "in fundo Templi" — что бы это ни значило, - но в то время св. Августин, по-видимому, считал языческие храмы совершенно соответствующими христианским обрядам.

Подобным образом, когда король Редвальд после своего обращения в христианство был убежден своей женой не отказываться опрометчиво от веры своих предков, он установил два алтаря рядом в своем храме (в фано) и посвятил один Христу, а другой "жертвам демонов".[29] Храм, по-видимому, одинаково подходил и тому, и другому.

Еще более поучительным примером является описание разрушения церкви в Годмандингеме языческим священником Коифи при его обращении в христианство. Сначала он осквернил его, бросив в него копье — через дверь или окно, нам не говорят, — а затем приказал своим людям сжечь его дотла со всеми его ограждениями. Следовательно, все они должны были быть сделаны из дерева или какого-либо столь же горючего материала.[30]

Все это не так уж много и не очень отчетливо, но из этих отрывков и каждого намека, который у нас есть по этому вопросу, следует, что храмы язычников между уходом римлян и временем Альфреда были, по крайней мере, очень похожи на храмы христиан. Оба были созданы по одной и той же модели, которая была храмом или базиликой римлян, и оба были, по-видимому, очень грубыми и, как правило, как мы можем заключить, построены из дерева. Слово "круглый" не встречается ни в одном из известных описаний языческих храмов, равно как и слово "каменный"; фактически, ничего такого, что хотя бы в малейшей степени заставило бы нас предположить, что Беда или кто-либо другой говорил или думал о мегалитических памятниках, которыми мы сейчас занимаемся.

Хотя классические авторитеты умалчивают об этих грубых каменных памятниках, а современные записи очень мало помогают нам понять форму храмов, в которых поклонялись наши предки, пока они не были обращены в христианство, тем не менее Постановления Соборов позволяют с полной уверенностью утверждать, что грубые каменные памятники были объектами почитания — безусловно, во Франции и, косвенно, в Англии — по крайней мере, до времен Карла Великого и Альфреда.

Одно из часто цитируемых постановлений Собора, состоявшегося в Нанте, призывает "Епископов и их слуг выкопать, убрать и спрятать в местах, где их невозможно найти, те камни, которым в отдаленных и лесистых местах все еще поклоняются и на которых все еще произносятся обеты".[31] К сожалению, дата этого Собора неизвестна; но Ричард относит ее к 658 году, что, вероятно, по крайней мере, почти верно.[32] Это, однако, имеет сравнительно небольшое значение, поскольку в 452 году Собор в Арле постановил, что "если в какой-либо епархии какой-либо неверный либо зажигает факелы, либо поклоняется деревьям, фонтанам или камням, либо пренебрегает их уничтожением, он должен быть признан виновным в святотатстве";[33] и примерно столетие спустя (567) Собор в Туре призывает духовенство отлучать от церкви тех, кто у определенных Камней, деревьев или Фонтанов совершает поступки, противоречащие постановлениям Церкви.[34]

Еще столетием позже (681) Собор, состоявшийся в Толедо, предостерегает тех, кто поклоняется идолам или камням, тех, кто зажигает факелы или поклоняется фонтанам или деревьям, что они приносят жертвы дьяволу и подвергают себя различным наказаниям и т.д.[35] Другой Собор, состоявшийся в том же городе в 692 году, перечисляет почти теми же словами различные ереси, которые были осуждены предыдущим Собором.[36] Примерно в то же время Собор в Руане осуждает всех, кто приносит обеты Деревьям, Фонтанам или Камням, как они делали бы это у алтарей, или предлагает свечи или подарки, как если бы там обитало какое-либо божество, способное даровать добро или зло. [37]

Наконец, указ Карла Великого, датированный Экс-ла-Шапель в 789 году, полностью осуждает и проклинает перед Богом Деревья, Камни и Фонтаны, которым поклоняются глупые люди.[38]

Еще во времена Канута Великого существовал закон, запрещающий варварское поклонение Солнцу и Луне, Огню, Фонтанам, Камням и всем видам Деревьев.[39]

Приведенные выше цитаты взяты из Кейслера[40] - это не все, что он цитирует, и, конечно, не все, что можно было бы добавить, если бы это стоило того, из других источников; но их достаточно, чтобы показать, что от Толедо до Экс-ла—Шпель — и с ухода римлян до десятого или, вероятно, одиннадцатого века - христианское духовенство вело непрерывную, по-видимому, безрезультатную борьбу с поклонением Камням, Деревьям и Фонтанам. Священники не снисходят до того, чтобы рассказать нам, какой формы были Камни, которым поклонялись эти невежественные люди, будь то простые менгиры или дольмены, или "феерические гроты", ни почему они им поклонялись; считали ли они их эмблемами какого-то неназванного и неизвестного Бога или памятниками умершим предкам, в честь которых они зажигали свечи и которых умилялись приношениями. Они также не говорят нам, какова была форма этого поклонения; их это не волновало, и, возможно, они не знали. Мы тоже; ибо, за исключением крайнего почитания своих мертвых и последующего культа предков,[41], смешанного со странным обожанием Камней, деревьев и фонтанов, мы сейчас не знаем, какой религией были эти грубые люди. Следовательно, свидетельства этих указов не так отчетливы, как нам бы хотелось, и не позволяют нам утверждать, что Грубые каменные памятники, возраст и использование которых мы пытаемся установить, были теми, о которых говорилось в предыдущих параграфах. Но что это, по-видимому, доказывает, так это то, что вплоть до 11 века христианское духовенство вело непрерывную войну против почитания некоторого класса Грубых каменных памятников, за которые языческое население цеплялось с замечательным упорством, и многие, если не большинство из которых, следовательно, могли быть возведены в тот период. Это, во всяком случае, бесконечно более ясно и позитивно, чем все, что выдвигалось в пользу их доисторической древности. Если, как и других ветвей письменной аргументации, этого недостаточно для доказательства того, что памятники обычно или даже часто возводились после христианской эры, это, безусловно, дает этому утверждению право на справедливое *locus standi* в аргументации, которую мы пытаемся развить.

Если, однако, перо было сдержанным и неуверенным в своих показаниях, то лопата была не только плодотворной, но и отчетливой. Вероятно, не будет преувеличением сказать, что три четверти мегалитических памятников — включая, конечно, дольмены — открыли исследователю могильные отложения, и, включая курганы, было доказано, что, вероятно, девять десятых из них были местами захоронений. Тем не менее, на данном этапе исследования было бы, по меньшей мере, преждевременно предполагать, что оставшаяся десятая часть всего сооружения или оставшаяся четвертая часть каменной секции обязательно должны быть погребальными. Некоторые из них могли быть кенотафиями или просто памятниками, подобными тем, что мы воздвигаем нашим великим людям — не обязательно там, где покоятся тела. Некоторые камни и курганы, возможно, были воздвигнуты в память о событиях, а некоторые курганы, несомненно, были возведены как "Пылинки" или "Вещи" — места суда или собраний. Подобным образом некоторые круги, возможно, первоначально или впоследствии использовались как места собраний, или, возможно, были тем, что правильнее было бы назвать храмами мертвых, чем гробницами. Однако это, безусловно, исключения. Господствующей идеей повсюду по-прежнему является гробница, за какими исключениями и в каком возрасте воздвигнутая - вот тезис, который мы сейчас предлагаем исследовать.

В настоящее время это всего лишь утверждения, и не делается вид, что они представляют собой нечто большее, и они приводятся в этом месте только для того, чтобы сформулировать положения, которые, как мы надеемся, мы сможем доказать по мере продвижения в этом исследовании. Это,—

Во-первых, грубые каменные памятники, которыми мы занимаемся, как правило, являются погребальными или связаны прямо или косвенно с обрядами умерших.

Во—вторых, что они не являются храмами ни в каком обычном или соответствующем смысле этого термина, и, наконец, - что они обычно возводились частично цивилизованными расами после того, как они вступили в контакт с римлянами, и большинство из них можно рассматривать как относящиеся к первым десяти векам христианской эры.

Излагая эти три положения столь широко, следует иметь в виду, что свидетельства, на которых основывается их доказательство или опровержение, в высшей степени кумулятивны по своему характеру; возможно, не в отношении использования, для которого использовались памятники, это, вероятно, будет признано установленным, поскольку можно показать, что столь значительная часть курганов имеет законное право на погребальный характер, и большинство каменных памятников в равной степени могут претендовать на то, что были возведены с той же целью, которой, как было определено доказано, была посвящена половина из них. Это тем более ясно, что, с другой стороны, несмотря на все предположения, нельзя доказать, что ни один памятник того класса, о котором мы говорим, не был возведен как храм или предназначен для каких-либо гражданских целей.

Что касается их возраста, то это дело не так-то легко уладить. За исключением таких памятников, как памятники Горма и Тиры, и одного или двух других, которые будут упомянуты ниже, мало кто может представить такие доказательства их возраста, которые выдержали бы судебное разбирательство. Но когда рассматриваются все традиции, все аналогии и все вероятности данного случая, кажется, что они составляют такое скопление доказательств, которому невозможно противостоять; и в целом кажется, что они представляют собой непрерывную и понятную последовательность, которая объясняет все. Доказательство всего этого, однако, не основывается на свидетельствах двух или трех или даже дюжины примеров, но основано на умножении большого числа совпадений, полученных из большого числа примеров, которые, взятые вместе в кумулятивной форме, составляют более вескую доказательную базу, чем можно было бы получить из прямых свидетельств одного или двух случаев. Однако, чтобы оценить это, все должно быть взято вместе. Пытаться признать его недействительным, выбрав один или два заметных случая, когда доказательство явно недостаточно само по себе, значит неправильно понимать и искажать всю силу аргумента.

Один момент, я полагаю, доказать будет очень нетрудно, а именно, что все они образуют одну непрерывную группу, простирающуюся непрерывной серией, от самого раннего до самого позднего. Нигде нет перерыва; и если можно доказать, что некоторые из них относятся к 10 веку, вопрос только в том, насколько далеко вы можете, ослабляя нить, протянуть ее назад. Вряд ли это намного больше христианской эры. Похоже, что такая дата удовлетворяет всем известным условиям проблемы, по крайней мере, в том, что касается каменных памятников. Насколько мне известно, в настоящее время нет абсолютно никаких доказательств противоположной стороны, за исключением того, что вытекает из датской системы трех веков: если это установлено как верховенство закона, *cadit questio*, то больше нечего сказать по этому вопросу. Но это именно то, что, по-видимому, еще не установлено на какой-либо достаточной или удовлетворительной основе. Нетрудно допустить, что люди использовали камень и кость в качестве орудий труда до того, как они познакомились с

использованием металлов. Можно также признать, что они использовали бронзу до того, как научились искусству извлечения железа из ее руд. Но что отрицается, так это то, что они отказались от использования этих примитивных орудий с появлением металлов; и утверждается, что они использовали камень и кость одновременно с бронзой и железом вплоть до очень позднего периода. Реальный факт, по-видимому, заключается в том, что люди на берегах Балтийского и Северного морей были так же далеки от центров цивилизации на Средиземном море и к востоку от него в первые века нашей эры и находились под их таким же незначительным влиянием, как жители островов Тихого океана и Арктической Америки находились под влиянием Европы в прошлом столетии. В отдаленных уголках мира по сей день существует каменный и костяной век, измененный только использованием таких металлических орудий, которые они могут получить путем обмена: и, по-видимому, таково было состояние северной Европы, пока с их обращением в христианство новая цивилизация не укоренилась среди ее жителей.

Сноски

[2] Впоследствии эти три трактата были переизданы в одном томе, small folio, со всеми таблицами и проч., в Лондоне, 1725. Именно из этого тома взято все вышесказанное.

[3] Цезарь, "Белл. Гал." vi 13-20.

[4] 'Hist. Nat.' xxix. 3.

[5] "История", v. 31.

[6] "Географика", iv. 273.

[7] Тацит, "Ann." xiv. 29.

[8] Смотрите полемику между М. Бертраном и М. Анри Мартеном в томе "Congrès préhistorique" (Париж, 1867), 193, 207 и с. See also 'Revue archéologique,' août, 1864, 144.

[9] Для получения дополнительной информации по этому вопросу читателя отсылают к "Поклонению дереву и змее" автора, стр. 26 *и далее.*, где подробно рассматривается тема.

[10] "Археология", xxv. 188 *и последующие.*

[11] Мистер Эллис, "Джентльмен-маг", 4-я серия, ii. 317.

[12] "Труды Археологического института, Солсбери", том 113.

[13] Диодор, ii. 47.

[14] Там же. v. 21 *и далее.*

[15] Том, содержащий отчет о работе конгресса, еще не опубликован; поэтому те, кто не присутствовал, не могут быть уверены, в какой степени эти изменения были внесены или допущены. Краткий отчет о Конгрессе был опубликован генералом Дж. Лефрой, в "Журнале Археологического института", ноябрь 1869 г., стр. 58 *и далее.*

[16] "Согласно анализу, проведенному сэром Джоном Лаббоком, из содержимого 250 курганов, описанных сэром Ричардом Кольтом Хоаром в первом томе его "Древнего Уилтшира", только в 18 были какие-либо орудия из камня, только в 31 — из кости, 67 - из бронзы и 11 - из железа, в то время как в половине из них не было ничего, указывающего на их возраст; но были ли те, которые ни в коем случае не ясно, содержит ли что-либо более раннее или современное". -*Доисторические времена*, 2-е издание. стр. 131.

[17] "Veterum Gothorum et Suevorum antiquissimus mos est ut ubi acriores in campis seu montibus instituissent et perfecissent pugnas, illic erectos lapides quasi Egyptiacas pyramides collocare soliti sunt ... Habent itaque hæc saxa in pluribus locis erecta longitudine x. vel xv. XX. aut xxx. et amplius et latitudine iv. vel vi, pedum, mirabili situ sed mirabiliori ordine et mirabilissimo charactere, ob plurimas rationes collocata literato, rectoque et longo ordine videlicet pugilarum certamina, quadrato, turmas bellantium, et spherico familiarum designantia sepulturas ac cuneato equestrium et pedestrium acies ibidem vel prope fortunatum triumphasse," &c. &c.—*De Gentibus Septentrionalibus*, &c. p. 48.

Or again:—"Quos humi recondere placuit honorabiles statuas lapidum excelsorum prout hodie cernuntur mira compagine in modum altissimæ et latissimæ januæ, sursum transversumque viribus gigantum erecta."—*Ibid.* 49.

[18] "Danicorum Monumentorum", libri sex, 22 и далее.

[19] "Воспоминания Хью Фальконера" доктора Мерчисона, ii. стр. 596.

[20] В 1797 году мистер Джон Фрер обнаружил кремневые орудия, идентичные найденным в Аббевилле, и опубликовал отчет о них с гравюрами в vol. xiii. из "Археологии", 1800 год.

[21] В первые годы прошлого века при раскопках на Грейз Инн Лейн было найдено кремневое орудие вместе с некоторыми костями *Elephas primigenus*. Гравюра с его изображением была опубликована в 1715 году, а само орудие сейчас находится в Британском музее.

[22] Последний и один из лучших отчетов о хайдах см. в "Трудах Королевского географического общества", том. xiii. № V. стр. 386 и далее., автор: мистер Браун.

[23] "Германия", 9.

[24] Страбон, iv. стр. 198.

[25] Беда, 'Hist. Эклз.' i. 30.

[26] "Inibi antiquo Romanorum fidelium opere factam", Беда, История. Эклз.' i. 32.

[27] Торн, декабрь. Сценарий. Col.' 1760:—"Erat autem non longe ab ipsa civitate ad orientem quasi medio itinere inter ecclesiam Sti. Martini et muros civitatis Phantum sive ydolum situm ubi rex Ethelbertus secundus ritum gentis suæ solebat orare et cum nobilibus suis dæmoniis et non deo sacrificare. Quod Phantum Augustinus ab iniquamentis et sordibus gentilium purgavit et simulacro quod in eo erat infracto, synagogam mutavit in ecclesiam, et eam in nomine Sti. Pancratii martyris dedicavit."

Об этом "Храме" мы далее узнаем от Годселинуса ("Собрание Лиланда", том iv, стр. 8), что "extat adhuc condita ex longissimis et latissimis lateribus более британский, чем простой вид в мурисе Вероламиенсибуса", и теперь его можно увидеть в этой самой церкви в Кентербери. "Базилика Сти. Pancratii nunc est ubi olim Ethelbertus idolum suum coluit. Opus exiguum structum tamen de more veterum Britannorum."

[28] Жервез, Согласно. Pont. Не могу". стр. 1640.

[29] Беда, Хист. Эклз. ii. 15.

[30] "Последовательный фанум в совокупности с общим септисом", Беда, История. Эклз. ii. 13.

[31] Summo decertare debent studio episcopi et eorum ministri ut—*Lapides quoque*, quos in ruinosi locis et silvestribus, demonum ludificationibus decepti venerantur ubi et vota vovent

et deferunt, funditus effodiantur, atque in tali loco projiciantur ubi nunquam a cultoribus suis inveniri possint et omnibus annunciatum quantum scelus est idolatria.—Labbeum, t. ix. 474.

[32] Ричард, "Анализ заключений", i. 646.

[33] Si in alicujus episcopi territorio infideles, aut faculas accendunt, aut arbores, fontes vel Saxa venerentur si hoc eruere neglexerit, sacrilegii reum se esset cognoscat.—Labbe., iv. 1013.

[34] Contestamur illam sollicitudinem tam pastores quam presbyteros, gerere ut quemcunque in hac fatuitate persistere viderint, vel ad nescio quas *petras* aut arbores vel fontes, designata loca gentilium perpetrare, quæ ad ecclesiæ rationem non pertinent eos ab ecclesia sancta auctoritate repellant.—Балуз, i. 518.

[35] Cultores idolorum, veneratores *Lapidum*, accensores facularum excolentes sacra fontium vel arborum admonemus, &c.—Baluz, vi. 1234.

[36] Illi diversis suadelis decepti cultores idolorum efficiuntur, veneratores *Lapidum*, accensores facularum, excolentes sacra fontium vel arborum, &c.—Baluz, vi. 1337.

[37] Si aliquis vota ad arbores, vel fontes, vel ad *Lapides* quosdam, quasi ad altaria, faciat aut ibi candelam, seu quolibet munus deferet velut ibi quoddam Numen sit quod bonum aut malum possit inferre.—Baluz, 1. 2, p. 210.

[38] Item de arboribus vel *Petris* vel fontibus ubi aliqui stulti luminaria vel aliquas observationes faciunt omnino mandamus, ut iste pessimus usus et deo execrabilis ubicunque invenitur tolletur et destruatur.—Балуз, т. i., стр. 235.

[39] Barbara est autem adoratio, sive quas idola (puta gentium divos), Solem, Lunam, Ignem, Profluentem, Fontes, Saxa, cujusque generis arbores lignam coluerunt. Кейслер, "Древний сентябрь". (Ганновер, 1720), стр. 18. Он также цитирует канон Эдгара (967) с той же целью.

[40] 'Ant. Сентябрь, глава ii.

[41] Лэйнг в своем гневе, похоже, случайно очень близко угадал правду, когда, опровергая подлинность Оссиана, обвиняет Макферсона в том, что он "превратил горцев в расу неслыханных неверных, которые не верили ни в каких Богов, кроме призраков своих отцов".

ГЛАВА II. ПРЕДВАРИТЕЛЬНЫЕ ЗАМЕЧАНИЯ.

Прежде чем пытаться исследовать или описать конкретные примеры, на которых, однако, в конечном итоге должен быть сосредоточен основной интерес работы, было бы очень важно внести ясность в то, что следует далее, если бы можно было выработать классификацию, которая правильно представляла бы последовательность форм. На нынешнем уровне наших знаний такое расположение вряд ли возможно, тем не менее, следующие 5 групп с их подразделениями достаточно различны, чтобы их можно было рассматривать отдельно, и расположены так, чтобы примерно представлять то, что мы знаем об их последовательности, с огромными совпадениями, однако, на каждом стыке.

- I. —Курганы
 - a. Или только земляные курганы.
 - б. С небольшими каменными камерами или цистами.
 - с. С мегалитическими камерами или дольменами.
 - г. С внешним доступом к камерам.
- II. —Дольмены
 - a. Отдельно стоящие дольмены без курганов.
 - б. дольмены снаружи курганов.
- III. —Круги
 - a. Круги, окружающие курганы.
 - б. Круги, окружающие дольмены.
 - с. Круги без курганов или дольменов.
- IV. —Проспекты
 - a. Проспекты, прикрепленные к кругам.
 - б. Аллеи с кругами или дольменами или без них.
- V. —Менгиры
 - a. Поодиночке или группами.
 - б. С огамами, скульптурами или рунами.

Tumuli.

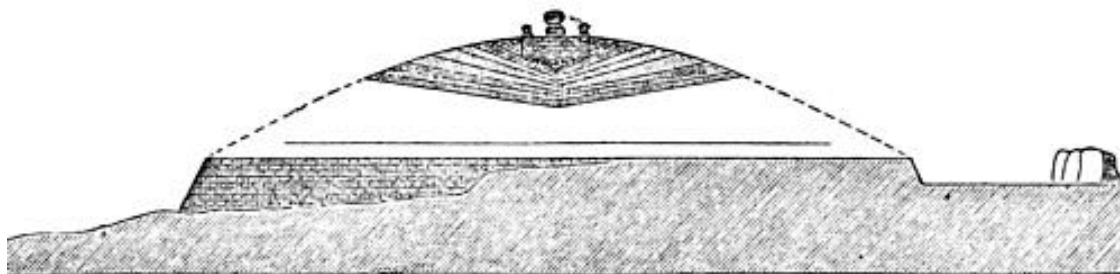
Первые три подраздела первого класса настолько перемешаны друг с другом, что при нынешнем состоянии наших знаний практически невозможно с точностью разделить их ни по дате, ни по местоположению, а поскольку они едва ли относятся к основной теме этой книги, то и пытаться делать это здесь не стоит.

Не вдаваясь в излишние рассуждения, возможно, можно предположить, что самым ранним способом, которым человечество избавлялось от тел своих умерших родственников или соседей, была простая ингумация. Они вырыли в земле яму и, положив туда тело, просто засыпали его землей, а чтобы отметить место, если похороненный таким образом человек был достаточно важен, чтобы заслуживать такого ухода, они насыпали над могилой холмик. Трудно, однако, поверить, что человечество долгое время довольствовалось таким простым способом погребения. Насыпать землю или камни на тело усопшего возлюбленного, чтобы раздавить и обезобразить его, должно быть, казалось грубым, и, вероятно, рано изобрели какой-то гроб для защиты трупа - в странах с густым лесом это было бы дерево, которое, если насыпь старая, давно сгнило - в каменистых странах, вероятно, из камня, образующего грубые гробницы, которые так часто встречаются в ранних захоронениях. То, что они должны расширяться в камеры, также кажется естественным по мере развития цивилизации и по мере того, как представления человека о будущем состоянии, а также о желаниях и потребностях такого будущего становились все более развитыми.

Последней стадией, по-видимому, было сохранение доступа в погребальную камеру, чтобы потомки умершего могли приносить подношения или удовлетворять потребности своего родственника в течение промежуточного состояния, которое, по предположению некоторых народов, должно пройти перед переносом тела в другой мир.

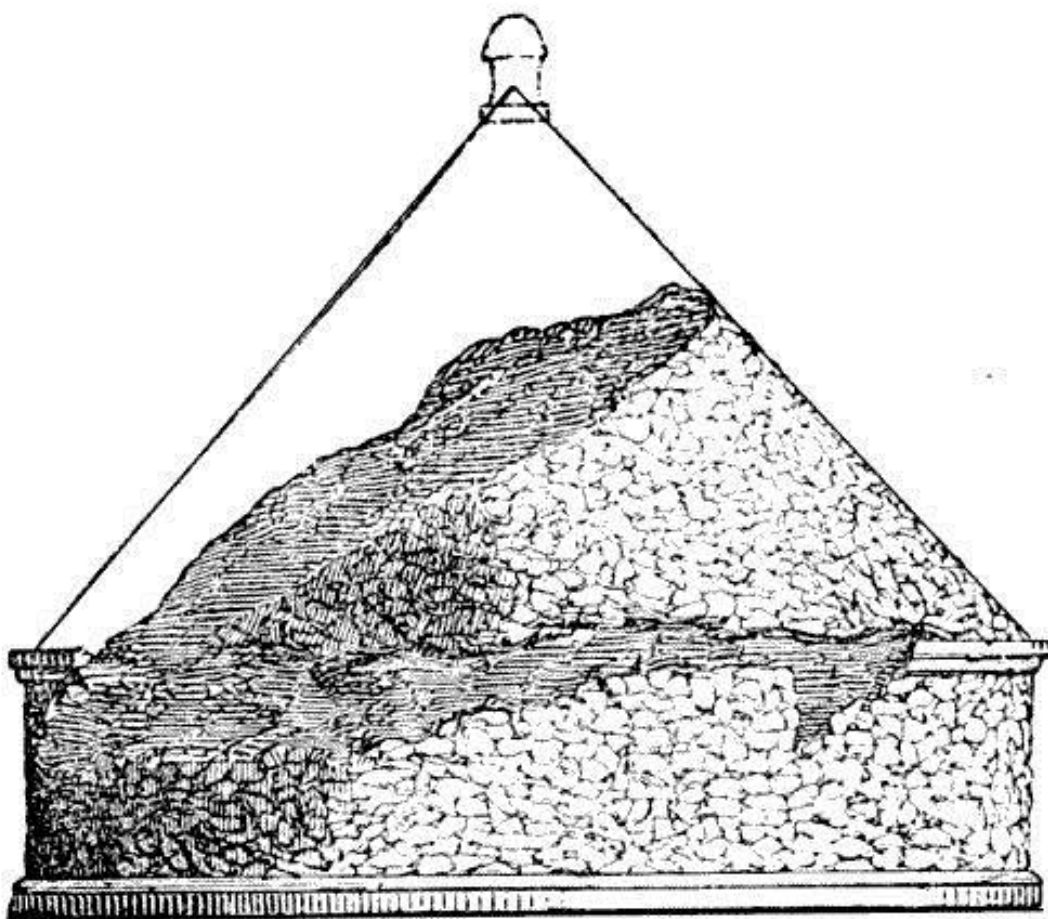
Вероятно, что некоторые подобные стадии были пройдены всеми похоронными расами человечества, хотя через очень разные промежутки времени и с очень разными деталями,

хотя, к счастью для нашего настоящего предмета, кажется, что самые ранние расы были наиболее склонны к такому способу почитания своих умерших. Все человечество, это правда, хоронит своих умерших либо во плоти, либо в их прахе после кремации. Это одна из тех особенностей, которые, подобно речи, отличают человечество от низших животных и которые так странно упускаются из виду сторонниками модной теории нашего обезьяньего происхождения. Однако не все человечество почитает своих умерших в одинаковой степени. Эта особенность наиболее характерна для более ранних ниже лежащих рас, которых мы обычно привыкли называть туранскими расами человечества. Но если этот термин вызывает возражения, расы, строившие гробницы, могут быть определены - начиная с Востока — как китайцы; монгулы в Татарии, или моголы, как их называли, в Индии; татары в своей собственной стране или в Персии; древние пеласги в Греции; этрурийцы в Италии; и расы, кем бы они ни были, которые предшествовали кельтам в Европе. Но строителями гробниц, *по преимуществу*, в старом свете были египтяне. Погребальные обряды не только были важнейшим элементом религиозной жизни народа, но и зародились в более раннюю эпоху, чем история или традиции любого другого народа. Великая пирамида в Гизе была возведена, несомненно, еще за 3000 лет до Рождества Христова; тем не менее, она должна быть прямым потомком грубого кургана или пирамиды из камней с внешним доступом к камерам, и кажется трудным подсчитать, сколько тысяч лет должно было потребоваться, прежде чем такие грубые гробницы, как те, что воздвигали наши предки — многие, вероятно, после христианской эры — могли быть преобразованы в самые совершенные и гигантские образцы каменной кладки, которые когда-либо видел мир. Феномен такого совершенного объекта, как Пирамиды, начинающийся сразу, абсолютно без каких-либо известных предыдущих примеров, настолько уникален[42] в мировой истории, что невозможно сформулировать какие-либо предположения о том, как долго до этого периода египтяне пытались защитить свои тела от разложения в течение испытательных 3000 лет.[43]

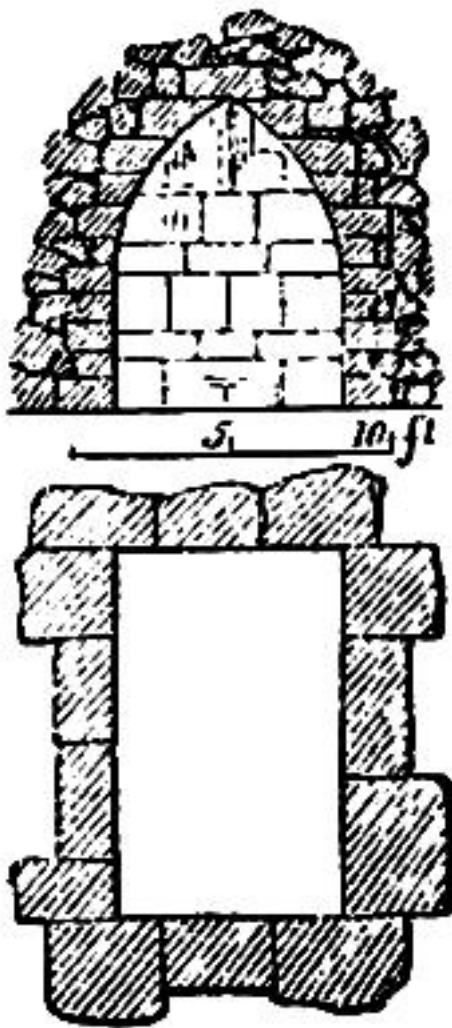

1. Фрагмент гробницы Альяттеса. Из Шпигельталя. Шкалы нет.

За пределами Египта самый древний из известных нам курганов с абсолютно достоверной датой - это тот, который Алиатт, отец Креса, царя Лидии, воздвиг для своего собственного упокоения до 561 года до нашей эры. Это было описано Геродотом,[44] и в последние годы было тщательно исследовано доктором Олферсом.[45] Его размеры очень значительны и очень близки к тем, которые были даны отцом истории. Его диаметр составляет 1180 футов, или примерно вдвое больше, чем у Силбери-Хилл, и 200 футов в высоту, по сравнению со 130 у этого хваленного памятника. Верхняя часть, как и многие наши собственные насыпи, состоит из чередующихся слоев глины, суглинка и разновидности бутобетона. Они поддерживают массив кирпичной кладки, увенчанный каменной платформой; на ней до сих пор находится одна из стел, описанных Геродотом, а другая, поменьше, была найдена неподалеку.

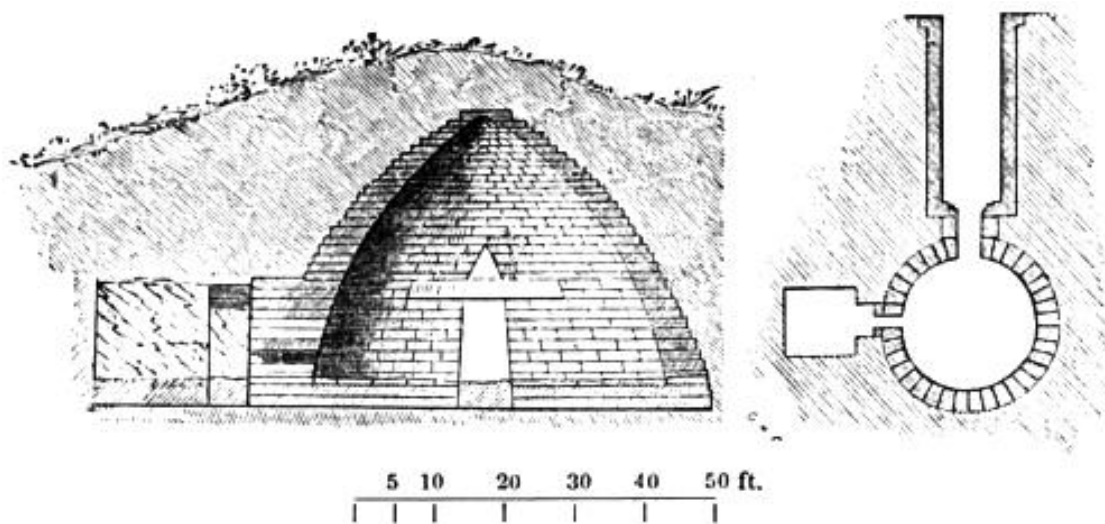
2. Возвышение кургана в Тантале. Из "Ази Минер" Тексье. 100 футов до 1 дюйма.

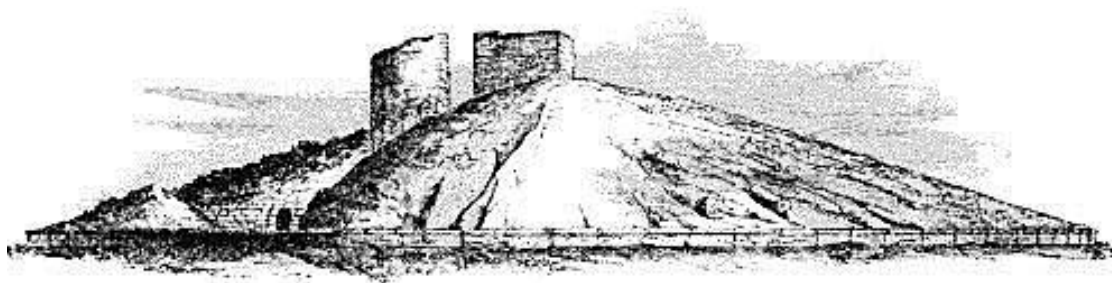
3. План и разрез камеры в кургане в Танталаиде.

Есть еще одна группа гробниц, называемых гробницами Танталаида, найденных близ Смирны, которые значительно старше гробниц Сардиса, хотя их дата не может быть установлена с такой уверенностью, как описанная последней. Тем не менее, кажется, нет веских причин сомневаться в том, что изображенный здесь мог быть таким же древним, как одиннадцатый или двенадцатый век до нашей эры, и не кажется разумным сомневаться в том, что эти курганы, которые все еще стоят на равнине Трои, действительно скрывают останки героев, погибших в той замечательной осаде.[\[46\]](#)

Однако еще более интересной группой является группа в Микенах, известная как гробницы или сокровищницы Атрид и описанная как таковая Павсанием.[\[47\]](#) Основная или, по крайней мере, наиболее хорошо сохранившаяся из них, представляет собой круглую камеру диаметром 48 футов 6 дюймов, перекрытую горизонтальным сводом и имеющую с одной стороны погребальную камеру. Додвелл обнаружил еще три из пяти упомянутых Павсанием,[\[48\]](#) и он также исследовал гробницу Миньяса в Орхоменосе, диаметр которой составлял 65 футов.

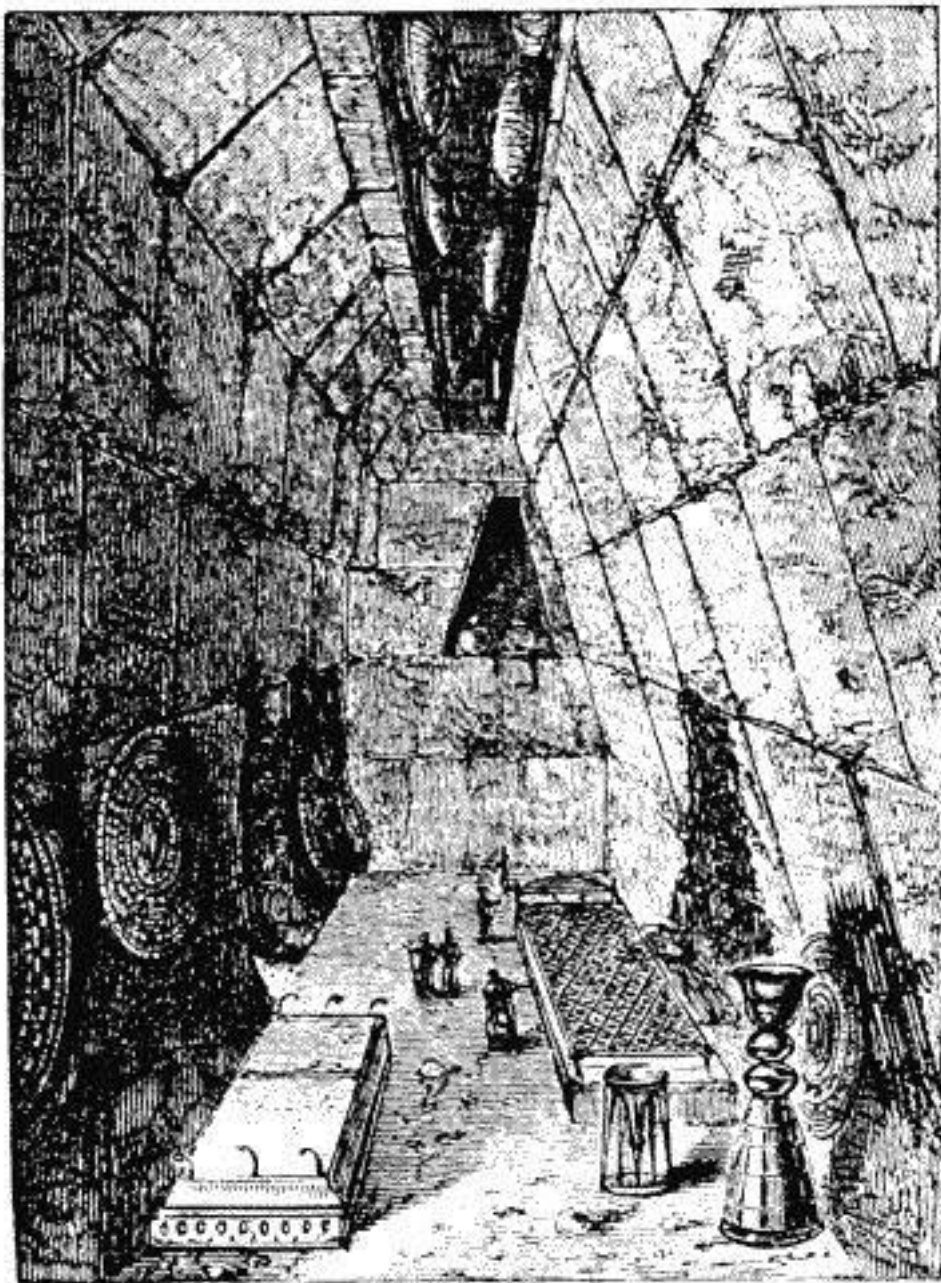
4. Разрез и план гробницы Атрея в Микенах. Масштаб плана 100 футов на 1 дюйм.

5. Вид на Кокумеллу, Вульчи.

Другая группа гробниц, современных этим или почти таких же, найдена на более старых кладбищах этрурии в Кере, Вульчи и других местах. Одним из самых больших из них является Кокумелла в Вульчи, который имеет 240 футов в диаметре и, должно быть, первоначально был от 115 до 120 футов в высоту. Недалеко от центра возвышаются две стелы, но настолько несимметрично, что невозможно понять, почему они были расположены именно так и как их можно было сгруппировать в нечто похожее на целостную конструкцию. Гробница тоже расположена с одной стороны.

Еще более богатой и примечательной гробницей является гробница Регули Галеасси в Кере, камера которой представлена на прилагаемой гравюре на дереве.

6. Вид главной камеры в гробнице Регули Галеасси.

Как можно видеть, он заполнен сосудами и мебелью, в основном из бронзы и самой сложной работы. Узоры на этих сосудах настолько архаичны и настолько напоминают некоторые из более древних сосудов, найденных в Ниневии, даты которых, по крайней мере, приблизительно известны, что мы можем с уверенностью отнести гробницу к возрасту не позднее десятого века до н.э. [49]

Таким образом, у восточных берегов Средиземного моря мы имеем группу круглых могильных курганов четко определенного возраста. Некоторым, безусловно, столько же лет, сколько тринадцатому веку до нашей эры, другие простираются вниз, скажем, до 500 года до нашей эры. У всех есть каменный подиум. Некоторые полностью сделаны из этого материала, но в большинстве из них конус состоит из земли, и во всех есть погребальные камеры, сложенные горизонтальными слоями камней, не таких мегалитических, как те, что найдены в наших курганах, но более изысканной и художественной формы постройки.

Кроме того, эпоха, в которую были воздвигнуты эти памятники, была, по сути, эпохой бронзы; не только украшения и мебель, найденные в этрусских гробницах, в основном сделаны из этого металла, но и гробницы в Микенах и Орхоменосе были полностью облицованы им. Отверстия, в которые были вставлены бронзовые гвозди, до сих пор существуют повсюду, а некоторые из самих гвоздей находятся в Британском музее. Это был также век, когда Соломон снабдил свой храм всеми теми орудиями труда и украшениями из меди — точнее, из бронзы, — описанными в Библии,[50] и медный дом Приама, и пятьдесят подобных выражений показывают, насколько распространенным был металл в те дни. Все это, однако, не доказывает, что железо тогда также не было известно. На египетских рисунках железо обычно представлено как синий металл, бронза — как красный, и повсюду они тщательно различаются по этим цветам. Так вот, в гробницах вокруг пирамид и в гробницах современного им возраста есть многочисленные изображения синих мечей, а также красных наконечников копий, и, кажется, нет причин сомневаться в том, что железо было известно грекам до Троянской войны, израильтянам до того, как они покинули Египет (1320 год до н.э.), или этрускам, когда они впервые поселились в Италии. Утверждение Гесиода о том, что медь была известна раньше железа, может быть правдой, а может и нет.[51] Что касается его доказательств, то из них мы узнаем, что железо, безусловно, использовалось задолго до его времени (800 г. до н.э.); настолько давно, что он не претендует на знание того, когда или кем оно было изобретено, и способы производства стали — ἄβραα — похоже, также были прекрасно известны в его время.

И в Индии, как мы увидим, когда будем говорить об этой стране, извлечение железа из ее руд было известно с древнейших веков и в третьем или четвертом столетии нашей эры достигло такой степени совершенства, которая с тех пор едва ли была превзойдена. Знаменитый железный столб в Кутубе, недалеко от Дели, относящийся к тому времени, вероятно, все еще может похвастаться тем, что является самым большим куском кованого железа, которым когда-либо обладал мир, и свидетельствует о замечательном мастерстве тех, кто его изготовил.

Когда от этих сравнительно цивилизованных способов захоронения мы переходим к формам, используемым в нашей собственной стране, описанным Турнамом,[52] или Бейтманом,[53] мы поражены, обнаружив, насколько похожи они такие, но, в то же время, насколько бесконечно более грубые. Это либо длинные курганы, покрывающие останки расы доликоцефальных дикарей, уложенные в грубо сколоченные гробницы, с орудиями из кремня и кости и самой грубой керамикой, но без каких-либо следов металла, либо круглые курганы брахицефальной расы, которые, как показано, были немного более развитыми, поскольку их останки время от времени сжигались, а в их гробницах также иногда находили бронзовые украшения и наконечники копий из этого металла.

Согласно обычному способу рассуждений на эти темы, длинноголовые люди старше расы с широкой макушкой, одни вытесняют другие, и оба, должно быть, предшествовали людям на берегах Средиземного моря, поскольку они были знакомы с использованием обоих металлов и изготовлением керамики, с которой мы сейчас не можем сравниться по совершенству текстуры и красоте рисунка.

Первый недостаток, который бросается в глаза в этом аргументе, заключается в том, что если он что-то и доказывает, то слишком многое. У нас, конечно, есть могильные курганы в этой стране римского периода, например, холмы Бартлоу, о которых подробнее ниже, и повсюду саксонские могильные холмы; но согласно этой теории, между 1200 годом до нашей эры и христианской эрой нет ни одной какой-либо гробницы. Все наши могилы более грубые и

указывают на менее развитую стадию цивилизации, чем самые ранние из тех, что были в Греции или Этрурии, и поэтому, согласно общепринятой догме, должны быть более ранними.

Однако можно утверждать, что некоторые из них старше аргивских примеров. Что гробница Джерси ([гравюра на дереве № 11](#)), несмотря на монету Клавдия, старше, потому что более грубая, чем Сокровищница в Микенах ([гравюра на дереве № 4](#)); но что упомянутые выше холмы Бартлоу и Дербиширские дольмены и курганы ([стр. 11](#) и последующие), содержащие монеты Валентиниана и римских императоров, более современны. Подобная гипотеза предполагает, что в этом ряду существует большой разрыв и что после прекращения практики на 1000 или 1500 лет наши предки вернулись к своим старым привычкам, но в более грубых формах, чем они использовали раньше, и, продолжая их в течение пяти или шести столетий, наконец отказались от них. Конечно, это возможно, но насколько я знаю, нет абсолютно никаких доказательств этого. Напротив, насколько расширяются наши знания о них в настоящее время, все мегалитические грубые каменные памятники объединены в один стиль, такой же существенный, как классический, готический или любой другой стиль архитектуры. Нигде нельзя обнаружить разгадки преемственности. Все они — возможно, так оно и есть — доисторические; или все, как я полагаю, относятся к историческим временам. Выбор, по-видимому, лежит между этими двумя категориями; любая гипотеза, основанная на разделении на историческую и доисторическую группы, отличающиеся как по характеристикам, так и по возрасту, представляется совершенно несостоятельной.

Аргумент, основанный на отсутствии железа во всех наших захоронениях, также доказывает больше, чем хотелось бы. Все датские антиквары признают, что железо не было известно в этой стране до христианской эры. Наши антиквары, основываясь на свидетельстве Цезаря об использовании его бриттами на войне, вынуждены признать более раннюю дату, но вряд ли его вообще находили в могилах. С другой стороны, возможно, правильно предположить, что его использование было известно в Египте за 3000 лет до Рождества Христова; даже если это оспаривается, оно, безусловно, было известно в 18 династии, в 15 веках до нашей эры, и в целом в Средиземноморье вскоре после этого. Таким образом, если знанию о наиболее полезном из металлов потребовалось 3000 или даже 1500 лет, чтобы пересечь европейский континент, кажется невозможным основывать какие-либо аргументы на влиянии, которое эти люди оказывали друг на друга, или на знаниях, которые они могли иметь о путях друг друга.

Или изложить аргумент в более удобной форме. Когда Цезарь воевал против венетов в Морбиане, он обнаружил, что у них есть суда, более крупные и прочные, чем римские галеры, способные управляться только с помощью своих парусов, без использования весел. Эти суда были не только скреплены железными гвоздями, но и пришвартованы железными цепными тросами. Чтобы изготавливать такие цепи, венеты, должно быть, имели доступ к большим рудникам и были давно знакомы с ее изготовлением, и они использовали ее не только для береговых целей, как бритты, но и на судах, способных торговать между Брестом и Пензансом — море не спокойное — и вполне сравнимых с рейсами в Балтийские или другие северные порты, которые они, без сомнения, совершали; утверждается, что в 50 году до нашей эры скандинавы ничего не знали об использовании железа, хотя их страна обладала богатейшими рудниками и лучшими рудами Европы.

Истина, по-видимому, заключается в том, что примерно за столетие до Рождества Христова Англия и Дания были так же мало известны Греции и Италии и так же мало подвержены влиянию их искусства или цивилизации, как Борнео или Новая Зеландия - современной Европы в начале прошлого века. Даже сейчас, при всей нашей колонизационной и цивилизующей мощи, мы оказали на удивление мало реального влияния на коренные расы,

и если бы наша власть была устранена, все следы быстро исчезли бы, и люди сразу же вернулись бы к тому, кем они были, и действовали так, как они привыкли делать до того, как узнали нас.

Подобным же образом на североамериканских индейцев очень мало влияло пребывание среди них нескольких миллионов обращенных в свою веру европейцев в течение 200 лет, и, хотя это так, представляется совершенно необоснованным утверждать, что несколько финикийских торговцев могли посетить этот остров для покупки олова, что, следовательно, они привнесли свои манеры и обычаи среди его жителей; или потому, что путешественник вроде Пифея мог посетить Кимврийский Херсонес или даже проникнуть почти за Полярный круг, что его визит оказал или мог оказать какое-либо влияние на цивилизацию этих стран.[54] Цивилизация, насколько мы можем видеть, продвинулась только в северной и западной Европе в результате истребления более грубых рас. Если бы к этому грубому, но эффективному методу не прибегли, то, вероятно, в наши дни среди нас были бы люди, использующие камни.

Возможно, мы многого не знаем о том, что происходило в северной Европе до времен римлян, но мы чувствуем себя в достаточной безопасности, утверждая, что ни одна из цивилизованных наций Средиземноморского бассейна никогда не колонизировала и не оседала достаточно долго в северной Европе, чтобы ощутимо повлиять на манеры или обычаи местных жителей. Достигнутый прогресс был вызван миграциями между собой, когда более цивилизованные племена заняли место менее развитых и принесли с собой свою более высокую цивилизацию.

Если эти взгляды вообще верны, то любые эмпирические теории, основанные на том, что, по нашему мнению, должно было произойти, или на каких-либо аналогиях, взятых из того, что произошло в других странах, не позволяют прийти к удовлетворительным выводам по этому вопросу. В лучшем случае это рассуждение от неизвестного к тому, что, как нам кажется, может быть обнаружено. Гораздо более удовлетворительным процессом было бы исходить из известного в обратном направлении, поскольку у нас есть надежная опора, и мы можем быть уверены, что постепенно, по мере развития наших знаний, мы будем продвигаться все дальше и дальше по истинному пути и, возможно, в конечном итоге сможем установить хотя бы приблизительные даты для всех наших памятников.

С этой точки зрения, что нас беспокоит больше всего, по крайней мере в первую очередь, так это узнать, как поздно, а не как рано наши предки хоронили в курганах. У нас, например, есть холмы Бартлоу, о которых мы только что упоминали, которые являются усыпальницами римского периода, вероятно, времен Адриана; и у нас есть в Дании курганы, в которых были похоронены король Горм и его жена-англичанка, королева Тайра Дейнбод, в 950 году нашей эры. Вероятно, мы также сможем заполнить еще несколько пунктов между этими двумя датами и добавить некоторые даже после последней. Таким образом, у нас есть твердая основа, с которой можно начать, и работа в обратном направлении от нее может устранить некоторые трудности, которые сейчас кажутся непреодолимыми.

Дольмены.

Памятники, упомянутые в последнем разделе, были либо грубыми курганами наших диких предков с еще более грубыми насыпями, либо курганными насыпями народа, который, когда мы впервые познакомились с ними, достиг почти такого высокого уровня цивилизации, какого способен достичь любой туранский народ. Люди, воздвигшие такие сооружения, как Микенские гробницы или Орхоменос, должно быть, достигли респектабельного уровня

организации. Они обладали совершенным знанием использования металлов и, по крайней мере, большим богатством в области бронзы, а также достигли значительного мастерства в строительстве. И все же нетрудно проследить — по крайней мере, в воображении — различные этапы, с помощью которых небольшая грубая камера в круглом холме, способная защитить только одно тело, могла постепенно превратиться в богато украшенную бронзовую камеру диаметром 50 или 60 футов и равной высоты. Не сложнее предвидеть, во что превратилась бы эта погребальная камера, если бы арийская оккупация Греции, фигурирующая в мифе о возвращении Гераклидов, не положила конец пристрастию народа к строительству гробниц. Вскоре она, должно быть, вырвалась из своего кукольного состояния и приобрела форму внешней красоты. Должно быть, он вышел из своей земляной оболочки и принял форму, которую принял в Африке[55] тысячу лет спустя — богато украшенный подиум, увенчанный ступенчатым конусом и увенчанный стелой. В Греции он не получил дальнейшего распространения, и его история и использование были одинаково странными для людей, которые впоследствии оккупировали страну.

В Италии его история была несколько иной. Более разношерстный народ Рима охотно перенял погребальное величие этрусов, и их курганы времен Империи превратились в такие памятники, как Гробница Августа на Марсовом поле или еще более великолепный мавзолей Адриана у подножия Ватиканского холма.

Аналогичным образом, было бы нетрудно с помощью того же процесса проследить шаги, по которым грубые тепе из татарских степей превратились в конце концов в чудесные купола делийских императоров Патана и Могола или других магометанских княжеств на Востоке. Выполнение всего этого составило бы интереснейшую главу в истории архитектуры, возможно, более интересную, чем та, к которой мы собираемся приступить; но это не одно и то же, хотя и то, и другое имеет одно и то же происхождение. Люди или народности, которые в конечном итоге создали эти замечательные мавзолеи или куполообразные сооружения, повлияли на самые ранние периоды, когда мы с ними знакомимся, на то, что можно назвать микролитической архитектурой. Другими словами, они использовали столько мелких камней, сколько могли использовать, в соответствии со своими конструктивными потребностями. Эти камни всегда были квадратными или обтесанными, и они всегда стремились достичь своих целей строительством, а не проявлением простой силы. С другой стороны, люди, чьи работы сейчас занимают нас, всегда использовали самые большие каменные глыбы, которые им удавалось найти или переместить. За редчайшими исключениями, они предпочитали, чтобы к ним не прикасалось долото, и так же редко их когда-либо использовали в каком-либо конструктивном смысле. Почти в каждом случае стремились достичь желаемой цели с помощью массы и выражения власти. Никакие два стиля архитектуры не могут быть более разными ни по своим формам, ни по мотивам, чем эти два. Все, что у них общего, это то, что оба они происходят из одного и того же источника в камерном кургане, и оба были полностью посвящены погребальным целям, но по форме и сути они разошлись в очень ранний период. Задолго до того, как мы познакомились с ними обоими; и, однажды разделившись, они снова сошлись только тогда, когда оба были на грани смерти.

Буддийские дагобы - это еще одно ответвление от того же источника, проследить за которым было бы не менее интересно, чем за гробницами королей или императоров; для наших нынешних целей, возможно, даже более важно, поскольку они повсюду сохраняли религиозный характер и, следовательно, будучи свободными от постоянно меняющегося влияния индивидуального каприза, они и по сей день отчетливо несут на себе отпечаток своего происхождения.

В Индии, где впервые возник буддизм, каким мы его теперь знаем, распространенным обычаем — по крайней мере, среди цивилизованных рас — была кремация. Мы не знаем, когда они хоронили своих умерших; но в самые ранние времена буддизма они сразу же приняли то, что, несомненно, было могильным холмом, и превратили его в святилище реликвий: точно так же, как в ранние века христианства каменный саркофаг стал алтарем в базилике и был сделан для хранения мощей святого или святых, которым была посвящена церковь. Самые ранние памятники этого класса, которые мы теперь знаем, воздвигнуты царем Ашокой примерно в 250 году до н.э.; но, похоже, нет особых причин сомневаться в том, что, когда тело Будды было сожжено, а его мощи распределены по восьми различным местам,[56] Дагобы или ступы, возможно, не были возведены для их приема. Ни один из них, однако, не был идентифицирован; и из 84 000, которые, как традиционно считается, были возведены Ашокой, тот, что в Санчи,[57] - единственный, который, мы можем быть совершенно уверены, принадлежит его эпохе; но с той даты и по сей день в Индии, а также на Цейлоне, Бирме, Сиаме и в других местах, примерам нет числа.

Все это относится к микролиту и, очевидно, является работой цивилизованных и утонченных людей, хотя, вероятно, является копией грубых форм более примитивных рас. Многие из них имеют каменные ограды; но, как и в Санчи, возведенный между 250 годом до н.э. и 1 годом н.э., он настолько явно создан плотничьими работами, что мы чувствуем, что он был скопирован напрямую, как и вся буддийская архитектура той эпохи, с деревянных оригиналов. Было ли это связано с модой возводить каменные круги вокруг курганов или с какой другой причиной, сейчас сказать невозможно; но со временем форма перил становилась все более и более каменной, и на протяжении всего средневековья буддийская башня с ее кругом или кругами камней имела гораздо больше аналогий с мегалитическими памятниками нашей страны, чем только что упомянутые гробницы; и мы часто поражаемся сходству, которое, однако, кажется, не имеет никакой другой причины, кроме того, что у них общий прародитель, фактически происходящий от одного первобытного человека. оригинальный. Во всяком случае, во всем этом нет ничего, что привело бы нас к выводу, что памятники из полированного камня в Индии были либо древнее, либо современнее грубых каменных сооружений Запада. На самом деле, о каждом из них следует судить по его собственному стандарту, и только по нему.

Для правильного понимания того, что должно последовать, следует всегда иметь в виду только что указанные различия, поскольку нет более важных. Действительно, половина путаницы, существующей по этому вопросу, возникает из-за того, что до сих пор ими пренебрегали. Нет сомнений, что иногда между этими различными стилями можно обнаружить сходство, но оно составляет не более чем то, чего следует ожидать от семейного сходства, вытекающего из их общего происхождения и аналогичных целей. Но, за исключением этого, эти стили кажутся абсолютно различными на протяжении всего своего течения, хотя и идут параллельно друг другу в течение всего периода, в течение которого они практикуются. Если это так, то любая гипотеза, основанная на идее о том, что микролитическая архитектура либо предшествовала мегалитической, либо пришла на смену ей, сразу же рушится. Также, если эти различия сохраняются, больше не будет возможности определять какие-либо последовательные даты в мегалитическом искусстве по аналогиям, проведенным из того, что могло происходить в любой период или в любом месте среди строителей микролитических сооружений. Факт, с которым мы имеем дело, по—видимому, заключается в том, что мегалитическое грубое каменное искусство наших предков является чем-то само по себе - особой формой искусства, возникающей либо из-за того, что оно было принято особой расой или особой группой рас среди человечества, либо из-за того, что оно практиковалось людьми на определенной стадии цивилизации, либо при особых

обстоятельствах, и это наше дело попытаться выяснить и определить. Но для этого первое, что кажется необходимым, - это отбросить все ранее выработанные представления об этом предмете и рассматривать его как нечто совершенно новое, и его разъяснение полностью зависит от того, что можно почерпнуть из его собственной формы и его собственных высказываний, какими бы расплывчатыми они ни казались на первый взгляд.

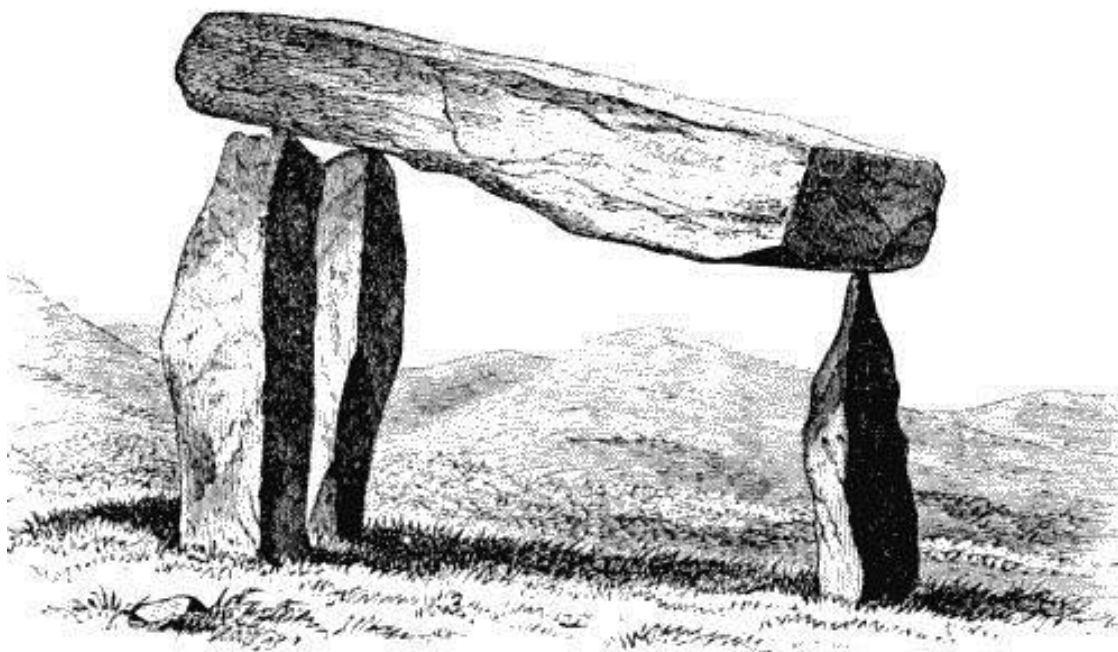
Помня об этом, нам нетрудно начать нашу историю мегалитических останков с грубых каменных кист, обычно называемых киственами, которые находят в могильных курганах. Иногда они состоят всего из четырех, но обычно из шести или более камней, установленных по краям и прикрытых заглушкой, чтобы защитить тело от раздавливания. Постепенно этот кистваен превратился в камеру, боковые камни увеличились с 1 или 2 футов в высоту до 4 или 5 футов, а камень-заглушка превратился в настоящий мегалитический объект длиной 6 или 10 футов, шириной 4 или 5 футов, а также значительной толщины. Многие из них содержали более одного погребального налета, и, следовательно, они не могли быть прикрыты курганами до тех пор, пока в них не был помещен последний налет. Это, по-видимому, ощущалось как неудобство, поскольку вело к третьему этапу, а именно к проходу, сообщающемуся с внешним воздухом и образованному наподобие камер из вертикальных камней и перекрытому плоскими камнями, простирающимися поперек из стороны в сторону. Возможно, самым совершенным примером этого класса является курган Гавр-Иннис в Морбиане. Здесь находится галерея длиной 42 фута и шириной от 4 до 5 футов, ведущая в зал площадью 8 квадратных футов, весь покрытый скульптурами самого замысловатого характера.

Четвертую стадию хорошо иллюстрируют камеры Нью-Грейнджа в Ирландии, где аналогичный проход ведет в составную или крестообразную камеру, грубо перекрытую сходящимися камнями. Другим прекрасным примером того же класса является Маэшоу на Оркнейских островах, который благодаря особенностям камня, из которого он построен, больше, чем любой другой пример, соответствует характеру микролитического искусства. Вероятно, это одно из последних, если не самое последнее произведение искусства, возведенное на этих островах, и благодаря любопытному стечению обстоятельств мегалитическая форма искусства почти достигла той стадии, на которой мы оставили ее микролитическую сестру в Микенах примерно за две тысячи лет до ее появления.

Все это станет яснее в дальнейшем, но пока есть один или два момента, которые необходимо прояснить, прежде чем мы сможем пойти дальше. Многие антиквары настаивают на том, что все дольмены^[58] или кромлехи,^[59] которые мы сейчас видим свободными, когда-то были засыпаны и погребены в курганах.^[60] То, что все более ранние были такими, более чем вероятно, и с тех пор, возможно, изначально предполагалось также прикрыть многие из тех, что сейчас стоят свободно; но кажется невозможным поверить, что основная масса тех, что мы сейчас видим, когда-либо были скрыты каким-либо земляным покрытием.

Вероятно, на этих островах можно было бы перечислить по меньшей мере сотню непокрытых дольменов, на которых в настоящее время нет и следа какой-либо подобной оболочки. Некоторые из них расположены на невозделанных пустошах, некоторые на мысах, и большинство из них в пустынных местах. Тем не менее, утверждается, что фермеры-земледельцы в какую-то отдаленную эпоху не только выровняли насыпи, но и фактически вывезли все это и распределили так равномерно по поверхности, что сейчас невозможно обнаружить его прежнее существование. Если бы это произошло в нашем столетии, когда земля стала такой ценной, а рабочая сила такой квалифицированной, мы могли бы не удивляться, но ни в одной памяти живых не сохранилось никаких следов какой-либо подобной операции. Возьмем, к примеру, Китс Котти Хаус, сейчас он находится именно там,

где был, когда Стакли рисовал его в 1715 году,[61] и тогда не было традиции, что его когда-либо покрывал какой-либо курган. Тем не менее утверждается, что в более раннюю эпоху, когда это место, вероятно, было всего лишь пастбищем для овец, кто-то снес холмик для какой-то неизвестной цели и распределил его так равномерно, что сейчас мы не можем найти его следов. Или возьмем другой пример, что в Clatford Bottom,[62] также нарисована Стакли. Он представляет собой меловую равнину, на которую только сейчас распространяется возделывание и которая, несомненно, была пастбищем для овец во времена Стакли, и почему, следовательно, кто-то должен был брать на себя труд или идти за счет ее оголения, очень трудно понять, и так же обстоит дело с девятьюдесятью остальных земель. В прежние времена, когда было сильно чувство уединенности гробницы, захоронение их в углублениях кургана, возможно, было всеобщей практикой, но когда люди научились передвигать такие массы, как они это сделали впоследствии, и так изящно удерживать их в воздухе, они, вполне возможно, предпочли демонстрацию своего искусства сокрытию его в куче, которая не имела красоты формы и не демонстрировала мастерства. Может ли кто-нибудь, например, представить себе, что такой дольмен, как в замке Веллан в Ирландии, когда-либо образовывал камеру в барроу, или что какой-нибудь ирландский фермер когда-либо произвел бы такую ровную зачистку его ограждения, если бы оно когда-либо было? Так на самом деле обстоит дело почти со всем, что мы знаем. Когда дольмен предназначался для захоронения в кургане, камни, поддерживающие крышу, располагались как можно ближе друг к другу, чтобы образовать стены и предотвратить проникновение земли между ними и заполнение камер, что было легко достигнуто путем заполнения промежутков мелкими камнями, как это делалось очень часто. Однако у этих треножных дольменов, подобных только что процитированному в замке Веллан, никогда не было и не могло быть стен. Краеугольный камень установлен там на трех точках и представляет собой тщательно изученный образец *состязания в силе*. Никаких следов стен не существует, и если бы на него насыпали землю, промежутки были бы заполнены первой частью, а крыша - абсурдом, поскольку никакой камеры существовать не могло. Этих треножных дольменов очень много, и их стоит выделить, поскольку вполне вероятно, что они окажутся более современными, чем обнесенные стенами дольмены того же класса. Но с нашими нынешними ограниченными знаниями вряд ли безопасно настаивать на этом, каким бы вероятным это ни казалось на первый взгляд.

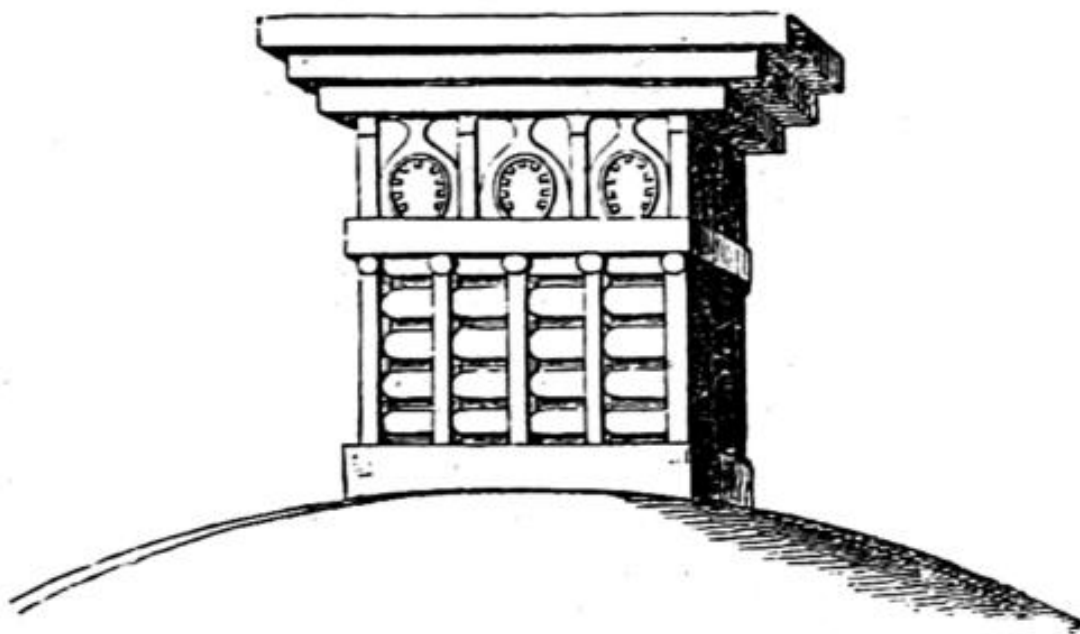
7. Дольмен в замке Веллан, Ирландия. С рисунка сэра Генри Джеймса.

8. Dolmen de Bousquet. С рисунка Э. Картальяка.

Однако, к счастью, этот вопрос вряд ли нуждается в аргументации, поскольку в Ирландии, в Дании,^[63] и особенно во Франции, у нас есть многочисленные примеры дольменов на вершине курганов, где невозможно, чтобы они когда-либо были засыпаны землей. Один из приведенных примеров пояснит, что имеется в виду. В дольмене Буске в Авероне^[64] камера расположена на вершине кургана, который, судя по трем окружающим его каменным кругам и другим признакам, никогда не мог быть выше или крупнее, чем сейчас.

Насколько я знаю, ни один из этих увенчанных дольменом курганов не был раскопан, о чем следует сожалеть, поскольку было бы любопытно узнать, является ли внешний дольмен настоящей гробницей или только имитацией. Мое собственное впечатление говорит в пользу последней гипотезы, поскольку истинная и ложная гробницы характерны для всех подобных памятников. В египетских пирамидах они сосуществовали. В каждой буддийской топе, без исключения, есть Тройник, который в каждом известном нам случае является лишь имитацией реликвии-шкатулки. Первоначально, возможно, это было место, где хранилась реликвия, и поскольку мы знаем случаи, когда реликвии выставлялись на всеобщее обозрение на определенных фестивалях, трудно понять, где они хранились, за исключением какого-нибудь внешнего случая, подобного этому. Однако в каждом случае, когда находили реликвию, она находилась в центре Топа и никогда - на Тройнике. Однако еще более подходящую иллюстрацию можно найти в гробницах вокруг Агры и Дели. Во всех случаях с любыми претензиями тело закапывают в землю в склепе под полом гробницы и кладут над ним надгробный камень, но на полу камеры, под куполом, всегда находится имитация саркофага, который видят только посетители. Это прослеживается еще дальше в гробнице Великого Акбара (1556, 1605). Над сводом возвышается пирамида, окруженная не тремя рядами камней, как этот курган, а тремя рядами павильонов, а на вершине, открытой воздуху, находится имитация гробницы, расположенной точно так же, как этот дольмен. На первый взгляд, нет двух зданий, которые могли бы показаться более разными, но их общее происхождение и назначение вряд ли можно перепутать, и, должно быть, любопытно узнать, распространяется ли сходство и на двойную гробницу.

9. Тройник, вырубленный в скале на Дагобе в Аджунте.

Этот, как и многие другие вопросы, следует решать самому, но, если не обратить внимания на аналогию, упомянутую выше, назначение двойной гробницы может быть неправильно понято, даже если ее найдут, и часто, я подозреваю, ее уже приняли за вторичное захоронение.

Круги.

Круги образуют еще одну группу памятников, о которых мы собираемся рассказать, в этой стране более важных, чем дольмены, которым был посвящен предыдущий раздел. Во Франции, однако, они малоизвестны, хотя в Алжире встречаются очень часто. В Дании и Швеции они многочисленны и важны, но именно на Британских островах круги достигли наибольшего развития и приобрели то значение, которое они сохраняют во всех работах наших антикваров, посвященных мегалитическому искусству.

Родственные примеры в микролитических стилях дают нам очень мало помощи в определении происхождения или использования этого класса памятников. Могло бы быть высказано предположение, нет, было высказано предположение, что подиум, который венчает такой курган, например, Кокумеллу ([гравюра на дереве № 5](#)), если бы курган был убран, наводил бы на мысль о каменных кругах наших предков. Однако этот подиум, по-видимому, всегда был чисто конструктивным средством, не имеющим никакого мистического или религиозного значения, поскольку, если основание земляного холма не ограничено такого рода насыпью, оно может разрастись, и тогда весь памятник потеряет ту определенность, которая необходима для достоинства.

Рельсы индийских буддистов на первый взгляд кажутся более правдоподобным предположением о происхождении, но при нынешнем состоянии наших знаний было бы опасно слишком полагаться на них; хотя бы по той причине, которая только что была приведена, что до времен Ашоки, 250 г. до н.э., они, как и вся архитектура Индии, были деревянными и только деревянными. Камень как строительный материал, грубый или обтесанный, был неизвестен в этой стране, пока, по-видимому, его не предложили им бактрийские греки. Следовательно, если только мы не готовы признать, что все наши каменные круги возникли через значительный промежуток времени после эпохи Ашоки, они

не были заимствованы из Индии. Мое собственное впечатление таково, что в конечном итоге может оказаться, что все это было возведено впоследствии христианской эры, но пока это не установлено, мы должны искать нашу первоначальную форму в другом месте, кроме Индии, и даже тогда у нас есть только возможная аналогия; и ничего, приближающегося к доказательству того, что между ними существовала какая-либо связь.

Процесс в этой стране, насколько я могу судить, был иным, хотя и приводил к аналогичному результату. Каменные круги в Европе, по-видимому, появились вместо круглых земляных насыпей, которые окружали ранние курганы наших Холмов. Эти земляные ограждения все еще продолжали использоваться, окружая каменные памятники позднейших эпох, но, если я не ошибаюсь, они впервые дали начало самой форме. Такой кружок, например, как "Девять леди на Стэнтон-Мур", я рассматриваю как переходный пример. Круглый курган диаметром 38 футов заключал в себе могильный холм, как, без сомнения, было с незапамятных времен, но в данном случае он был дополнительно украшен и облагорожен каменным кругом, воздвигнутым на нем. Столетие или около того спустя, когда камень стал более узнаваемым строительным материалом, круглая насыпь, возможно, была заброшена, и тогда остался бы только каменный круг.

10. Девять дам, Стэнтон Мур. С рисунка Л. Джевитта.

Эти каменные круги встречаются вокруг курганов, как в дольмене де Буске ([гравюра на дереве № 8](#)), в три ряда, а иногда встречается пять или семь рядов. Они часто также окружают дольмены, стоящие либо на ровной равнине, либо на курганах, но часто, особенно в этой стране, они не окружают ничего, что можно было бы увидеть над землей. Это привело к предположению, что они являются "Вещами", *comitia* - или местами собраний — или, что еще более распространено, что это храмы, хотя теперь, когда теория друидов почти отвергнута, никто не смог предположить, какой религии они посвящены. Лопата, однако, постепенно развеивает все эти теории. Из, скажем, 200 каменных кругов, найденных на этих островах, по крайней мере половина при раскопке дала могильные отложения. Одна четверть еще не тронута экскаватором, а остальные, которые не выдали своего секрета, - это в основном круги большего размера. Однако их свидетельства в лучшем случае только отрицательные, поскольку, пока мы точно не знаем, где копать, потребовалось бы перекопать траншеями всю территорию, прежде чем мы сможем быть уверены, что не пропустили захоронение. Когда, как в Эйвбери, круг охватывает площадь в 28 акров,^[65] и большая его часть занята деревней, никакие раскопки вслепую вряд ли приведут к какому-либо результату или могут быть приняты в качестве доказательства.

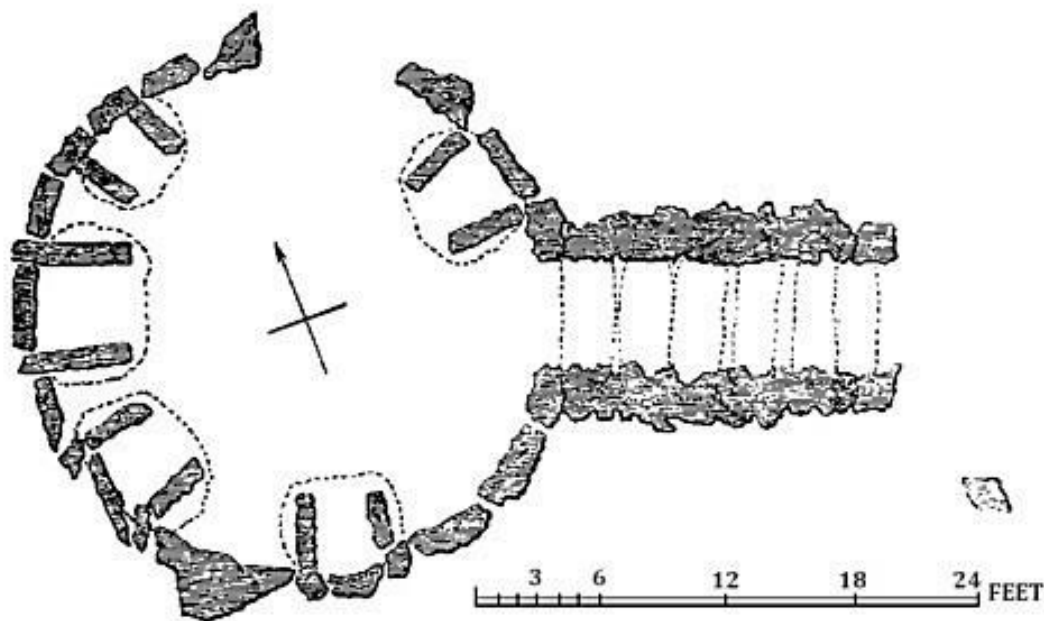
Тем не менее, аргумент не был бы ни незаконным, ни нелогичным, если бы при нынешнем состоянии доказательств утверждалось, что все каменные круги диаметром, скажем, до 100 футов, были могильными, как было доказано, девять десятых из них, но что большие круги были кенотафическими, или, если предпочтительнее другое выражение, храмами, посвященными в честь или поклонение мертвым, но в которых не хоронили тела. Но признать — и это теперь нельзя отрицать, — что все круги высотой до 100 футов являются

погребальными, и в то же время утверждать, что выше этого измерения они стали храмами, посвященными солнцу, или змеям, или демонам, или друидам, без какого-либо другого изменения плана или конструкции, кроме увеличения размеров, кажется совершенно несостоятельным предположением.

Все это, как мы надеемся, станет более понятным в дальнейшем, когда мы перейдем к рассмотрению конкретных примеров, относительно которых рассуждать легче, чем просто исходя из общих принципов; но пока есть еще одна особенность, на которую следует указать, прежде чем двигаться дальше. Дело в том, что там, где обнаруживаются большие группы кругов, они — насколько в настоящее время известно — обозначают не кладбища, где были похоронены сменявшие друг друга поколения королей или вождей, а поля сражений. Круги, или дольмены, или пирамиды из камней, сгруппированные в этих местах, по-видимому, всегда возводились их товарищами в память о тех, кто в этих местах "пал, яростно сражаясь", и являются памятниками доблести как выживших, так и тех, кому повезло меньше. Доказательство этого также должно зависеть от отдельных примеров, которые будут приведены на следующих страницах. Однако это, по-видимому, не представляет большой трудности, поскольку основным моментом в аргументации является то, что они обычно встречаются в уединенных местах, далеко удаленных от населенных центров, или иногда являются одиночными и что они не проявляют прогрессирования. Если бы это были кладбища или усыпальницы королей, некоторые из них, несомненно, были бы найдены сгруппированными вместе; наблюдался бы прогресс и индивидуальность; и, наконец, это как раз такие памятники, которые армия могла бы воздвигнуть за неделю или месяц, но которые жители этого места не могли воздвигнуть годами и не могли использовать для каких-либо мыслимых целей после возведения.

Перспективы.

Несколько прискорбно, что для этого класса памятников до сих пор не придумано общепризнанного названия. Было предложено выравнивание, но этот термин вряд ли применим, например, к двум рядам камней, ведущим к кругу. Параллелита - в лучшем случае варварское сооружение, и поэтому ее лучше избегать. Хотя, следовательно, слово "аллеи" вряд ли можно назвать подходящим для рядов камней, ведущих из ниоткуда в никуда, и между которыми нет никаких свидетельств того, что кто-либо когда-либо намеревался ходить, все же это кажется наименее нежелательным выражением, которое когда-либо встречалось, и как таковое оно будет использоваться повсюду.

11. Камерный курган, Джерси.

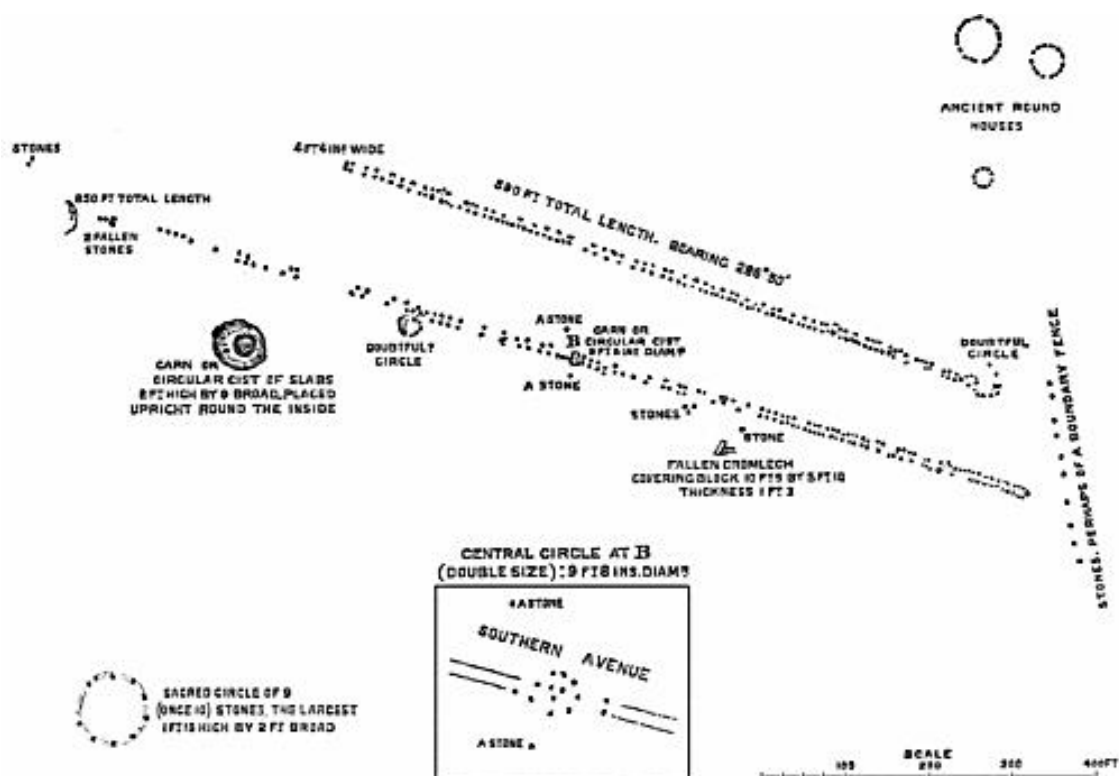
Эти пути бывают двух классов. Во-первых, те, которые ведут к кругам. Относительно происхождения этого класса сомнений быть не может. Внешне они представляют проходы в курганах, которые ведут в центральную камеру; возьмем, к примеру, этот пример из ныне уничтоженной [66] курган близ Сент-Хелиера, в Джерси. [67] Круглая камера имела 24 фута в диаметре и первоначально содержала семь маленьких камер, каждая из которых была перекрыта цельной каменной плитой. К этой круглой площади вела аллея длиной 17 футов на момент ее разрушения, которая была покрыта по всей длине каменными плитами. Однако центральная камера, по-видимому, никогда не была сводчатой, так что доступ к гробницам через этот проход был невозможен после того, как насыпь была закончена. Камера была найдена засыпанной землей, а весь памятник был покрыт курганом значительной протяженности. Едва ли нужно замечать, что более маловероятно, что какой-либо народ стал бы закрывать такой памятник в любом последующем возрасте, чем то, что они стали бы выкапывать такие памятники и оставлять их стоять без своих конвертов, как это обычно предполагается. Курган был убран, потому что офицер, командовавший соседним фортом, хотел иметь ровный плац. Когда он стоял непокрытым, это был миниатюрный Эйвбери, и расположение его ячеек может дать нам подсказку, где там могут быть найдены тела — возле внешнего круга камней, где их никто не искал. Но об этом позже. Между тем очевидно, что пока эти памятники возводились, они стояли так, как показано на последней гравюре на дереве, и также довольно ясно, что когда люди познакомились с их видом в таком состоянии, они, возможно, научились сожалеть о том, что прятали под кучей земли то, что мы, безусловно, сочли бы более интересным, каким бы оно ни было. Точно так же, как замечает Джон Стюарт Уэлл, "Если бы пирамиды из камней в Нью-Грейндж были убраны, колонны образовали бы еще один Каллерниш". [68] Однако верно, что если памятник Джерси относится к типу Эйвбери, то последний должен быть сравнительно современным, поскольку монета Клавдия, найденная в одной из камер Сент-Хелиера, [69] вероятно, фиксирует ее дату. Опять же, поскольку мы ожидаем, что сможем доказать, что Нью-Грейндж возник после христианской эры, Каллерниш также должен быть более современным. Как бы то ни было, я думаю, не может быть почти никаких сомнений в том, что эти открытые круги с их аллеями

возникли, как и в случае с дольменами, из-за того, что люди познакомились с их формами до того, как их закрыли, и в конечном итоге смирились с тем, что обошлись без оболочки. В случае с кругами новый план был способен к бесконечно большему расширению, чем в случае с дольменами; но процесс, по-видимому, был одинаковым в обоих случаях.

Прежде чем покинуть Джерси серкл, если кто-нибудь захочет сравнить его с комнатой в Микенах ([гравюра на дереве № 4](#)), он вряд ли сможет не заметить близкое сходство и вероятную идентичность назначения, которые существуют между ними; но поскольку пример с островом намного грубее, согласно обычным рассуждениям, он должен быть более древним из двух. Это, однако, основная логическая ошибка, которая до сих пор пронизывала все рассуждения на эту тему. Это правда, что ничто не может быть более интересным или более поучительным, чем проследить прогресс классического, средневекового и индийского стилей через их постоянно меняющиеся фазы или понаблюдать за влиянием, которое один стиль оказывал на другой. Этот прогресс, однако, всегда ограничивался пределами нации или сообщества наций, и влияние ограничивалось такими нациями, которые из-за сходства расы или постоянных контактов были в состоянии взаимно влиять не только на архитектуру, но и на их искусство и чувства. Чтобы установить это в данном случае, мы должны доказать, что за 1000 лет до нашей эры между Нормандскими островами и Грецией существовала такая расовая общность и частота сношений, что последняя копировала другую, или, скорее, что за 2000 лет до нашей эры жители Нормандских островов дали грекам те намеки, которые они смогли развить, и результатом которых были микенские покои времен Троянской войны. Если бы это было так, влияние вряд ли могло бы прекратиться по мере роста цивилизации и сношений с другими странами, и мы должны были бы найти Толои в великом совершенстве на этих островах, и, вероятно, храмы и искусства во всем том совершенстве, до которого они впоследствии были доведены в Греции. На самом деле, мы попадаем в такой лабиринт догадок, что выход кажется невозможным. Было бы почти столь же разумно утверждать, что изображения на острове Пасхи, которые, как мы знаем, продолжают высекаться и в наши дни, были доисторическими, потому что они намного грубее работ Фидия. Истина заключается в том, что там, где мы не можем проследить расовую или религиозную общность, сопровождающуюся постоянным и фамильярным общением, мы должны рассматривать каждый народ как делающий то, что позволял ему выполнять его уровень цивилизации, совершенно независимо от того, что делал или было сделано любым другим народом в любой другой части мира. Все, что необходимо предположить в данном случае, это то, что почитающий мертвых народ, поклоняющийся предкам, хотел воздать почести усопшим, как, как они знали или слышали, это делалось другими расами их семьи человечества в других местах, и что они делали это наилучшим образом, насколько позволяло состояние искусства среди них - грубо, если они находились на низком уровне цивилизации, и более совершенным образом, если они продвинулись дальше той стадии, на которой грубые формы могли быть терпимы.

Гораздо сложнее проследить происхождение аллей, которые не привязаны к кольцам и не ведут к каким-либо важным памятникам. Ничто из погребенных вообще не напоминает их по форме, и никакие сооружения в соответствующем микролитическом стиле ни в средиземноморских странах, ни в Индии не дают никаких намеков, которые позволили бы нам предположить их назначение. Таким образом, нам остается строить догадки об их использовании исключительно на основании свидетельств, которые могут быть собраны из их собственной формы и положения, а также из тех традиций, которые могут существовать; и они, по-видимому, до сих пор не считались достаточными для установления даже правдоподобной гипотезы, способной объяснить их намерение.

Возьмем, к примеру, такой пример, как параллельные линии камней возле моста Меривейл в Дартмуре. Они, конечно, не образуют храм ни в каком смысле, в каком это слово понимают какие-либо другие народы или в какую-либо эпоху, с которой мы знакомы. Это не тропинки для процессий, поскольку оба конца загромождены; и, хотя это правда, что все стороны представляют собой двери, мы не можем представить себе какую-либо процессию, движущуюся по их узкому проходу, едва ли трех футов в ширину. Камни, из которых состоят бортики, имеют высоту всего два-три фута; так что, даже будучи уложенными бок о бок, они не образовали бы преграды, а находясь на расстоянии от трех до шести футов друг от друга, они бесполезны, кроме как для образования "выравнивания". Здесь нет места для изображения, нет святилища или кельи; по сути, нет ничего, что могло бы быть связано с каким-либо религиозным обрядом.

Единственный ответ на вопрос, который приходит мне в голову, заключается в том, что эти камни предназначены для обозначения армии или двух армий, построенных в боевом

порядке; наиболее вероятно первое, поскольку мы с трудом можем понять, победоносная армия представляет побежденных как почти равных себе. Но если мы рассматриваем их как первую и вторую линию, выстроенные для защиты деревни в их тылу, которая представляет собой обширное поселение, то все кажется ясным и вразумительным. Круг впереди тогда представлял бы могилу вождя; длинный камень в 40 ярдах впереди - могилу другого человека из племени "мену"; а круги и кромлех перед первой линией - места захоронения тех, кто там пал.

В Касторе, на западной окраине Дартмура, есть еще одна серия проспектов,^[71] длиной около 600 ярдов, которые так же похожи на боевые порядки, как этот, но более сложные и разнообразные по плану. Он огибает вершину холма, так что ни один из его концов не виден ни с другого, ни, тем более, из центра; и он так же непохож на храм или что-либо заранее продуманное с архитектурной точки зрения, как этот на Меривейл-Бридж. В Дартмуре есть несколько других, все с тем же характером, и ни одного, из которого, кажется, можно извлечь религиозную идею.

Говоря о больших группах камней в Англии и Франции, нам часто придется возвращаться к этой идее, хотя и основывая ее на традиционных и других основаниях; но, между тем, что можно сказать против нее? Возможно, не будет преувеличением сказать, что во все века и во всех странах солдат было больше, чем священников, и люди больше гордились своей доблестью на войне, чем своим знанием веры. Они потратили на военные цели больше денег, чем когда-либо тратили на служение религии, и их пения в честь своих героев были громче, чем их гимны во славу своих богов. Но как мог грубый, неграмотный народ, не умевший ни читать, ни писать, передать потомству летопись своих побед? Курган, подобный тому, что был воздвигнут при Марафоне или Ватерлоо, в лучшем случае является немым свидетелем. Это может быть могила, какой предполагался Силбери-Хилл; это может быть основание кэра или форта, какими, несомненно, были многие из них в Англии; короче говоря, это может быть что угодно. Но дикарь вполне мог бы возразить: "Когда кто-нибудь видит, как и где были выстроены наши люди, когда мы убивали наших врагов, неужели он настолько глуп, чтобы не понимать, что здесь мы стояли, сражались и победили, а там наши враги были убиты или бежали?" К сожалению, мы упустили ключ, который мог бы сказать нам, кем были "мы" и "они", по крайней мере, в случае с дартмурскими камнями; но некультурные люди не придерживаются столь низкого мнения о собственной значимости, чтобы воображать, что это возможно.

Эта теория обладает, по крайней мере, тем достоинством, что учитывает все известные в настоящее время факты и ни с чем не расходится, чего нельзя сказать о любой другой, предложенной до сих пор. Следовательно, до тех пор, пока не будет выдвинуто что-то лучшее, этому следует позволить служить, по крайней мере, основой для рассуждений, чтобы объяснить памятники, которые мы должны описать на следующих страницах.

Менгиры.

Менгиры, или высокие камни,^[72] образуют последний из классов, на которые мы сочли необходимым, по крайней мере на данный момент, разделить останки, которые мы сейчас рассматриваем. Они встречаются во всех мегалитических районах, но из-за их уникальности и простоты установить их назначение едва ли не труднее, чем у любых более сложных памятников; да и аналогии с родственными микролитическими стилями нам мало помогают. Камни, упомянутые в ранних книгах Ветхого Завета, хотя и часто использовались для сервировки, были слишком малы, чтобы иметь какое-либо сходство с теми, о которых мы сейчас говорим. Ни Греция, ни Этрурия не помогают нам в этом вопросе, и хотя верно, что

буддисты в Индии, начиная со времен Ашоки, имели обыкновение устанавливать латы или стамбасы, у них, по-видимому, всегда или почти всегда так было с целью нанесения надписей, что, безусловно, не является отличительной чертой наших менгиров. Это правда, что у нас в Шотландии есть два камня. Кошачий камень близ Эдинбурга, носящий имя Ветты, внука Хенгиста (который, вероятно, был убит там в битве),^[73] и камень Ньютона в Гариохе, который до сих пор не прочитан. У нас также есть один во Франции недалеко от Бреста,^[74] столь же неразборчиво, и, без сомнения, существуют другие. Возможно, это можно рассматривать как раннее шепелявление младенца, которое, несомненно, является прелюдией к совершенной речи и встречается только там, где впоследствии должна проявиться эта сила слов. Аналогия здесь, мягко говоря, отдаленная.

Также есть, особенно в Ирландии, но также в Уэльсе и Шотландии, большое количество камней с огамскими надписями. Насколько можно было разглядеть, они кажутся простыми надгробиями могил, указывающими на то, что Там похоронен А, сын Б. Вряд ли нужно соблюдать этот обычай, который сохраняется и по сей день на каждом кладбище страны. Дело, по-видимому, в том, что как только было предложено использовать камень и люди были достаточно развиты, чтобы уметь выгравировать огамы, сразу же стало понятно, что каменный столб с надписью на нем был не только более долговечным, но и более разумным и доходчивым свидетельством жизни или смерти человека, чем простой холмик "неразличимой земли". В результате он быстро вытеснил курган и продолжает использоваться до настоящего времени, и был принят как христианами, так и магометанами, фактически всеми, кто хоронит, в отличие от тех, кто сжигает своих мертвецов.

В Шотландии история камней немного иная. Очень многие из них, без сомнения, являются кошачьими камнями или боевыми мемориалами, но поскольку на них нет даже огамских надписей, они ничего не рассказывают. Действительно, сомнительно, чтобы огамская надпись могла описывать битву или что-то более сложное, чем генеалогия, и тем более, если бы это было так, смогли бы мы ее прочитать. Но без этого как мы можем сказать, что это такое? Если бы, например, битва при Ларге не происходила в исторические времена, как мы могли бы сказать, что высокий камень, который сейчас отмечает это место, был воздвигнут в тринадцатом веке? Или, действительно, как мы можем быть уверены в истории кого-либо? Однако постепенно в Шотландии они превратились в те чудесные скульптурные камни, которые образуют столь заметную и своеобразную особенность Пиктландии. Отнюдь не ясно, получим ли мы когда-нибудь ключ к иероглифам, которыми покрыты эти камни, но даже если мы это сделаем, они, вероятно, мало что нам скажут. Они, конечно, не содержат ни имен, ни дат, но даже сейчас их последовательность можно разобрать с достаточной отчетливостью. Представляется вероятным, что цифры на них являются племенными знаками или символами ранга и, как таковые, передавали бы очень мало информации, если бы их можно было прочитать.

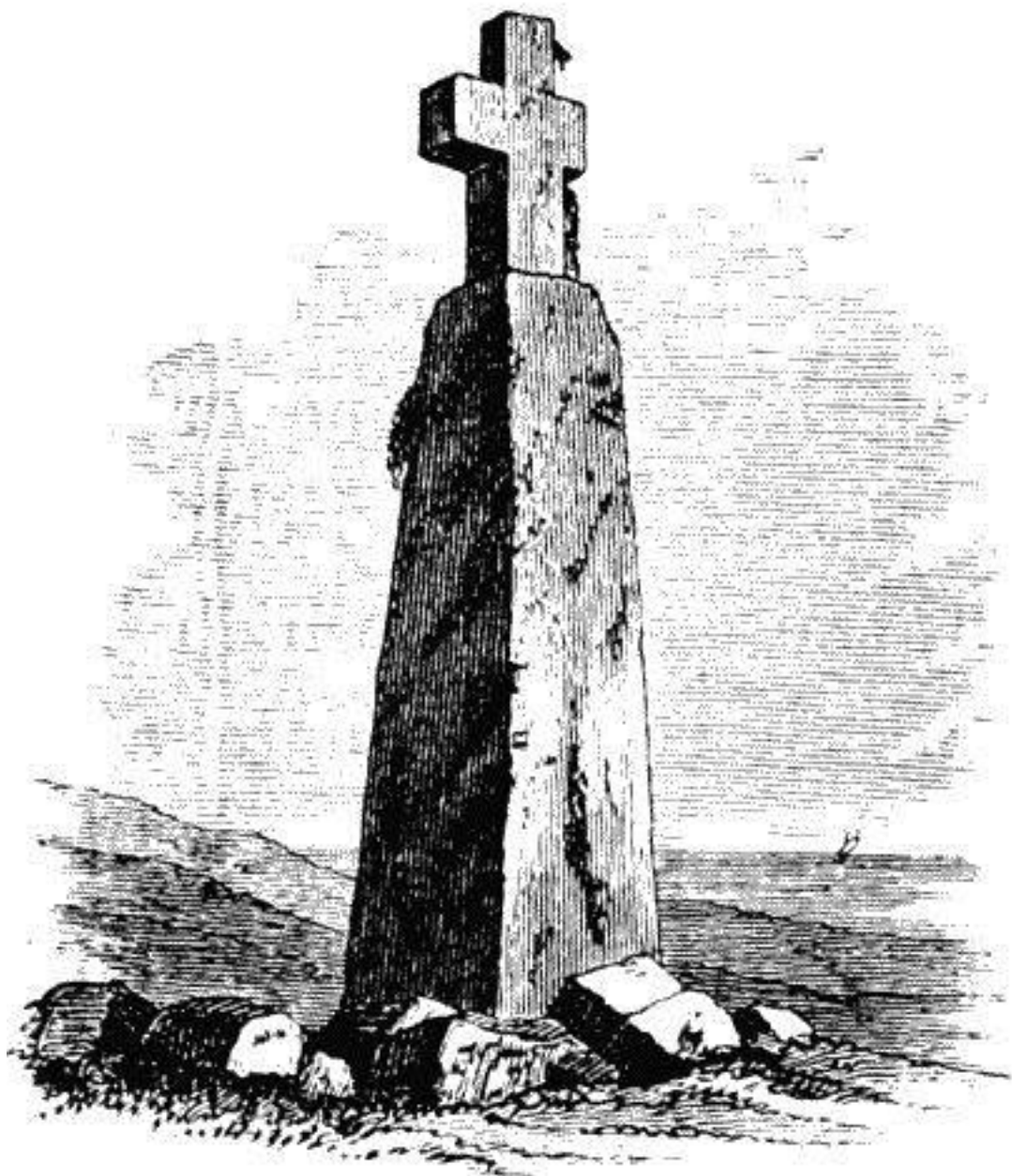
Легко проследить, как совершенно простой обелиск превращается в такие камни Ньютона, на которых есть только один или два языческих символа, но которые, безусловно, относятся к христианской эре. От них мы переходим к тем, на обратной стороне которых робко появляется христианский крест и которые, несомненно, датируются временем святого Колумбы (563 г. н.э.), а от них снова к возведению камня Свено близ Форреса в первые годы XI века, где крест занимает всю заднюю часть, а замысловатый барельеф заменяет грубые символы спереди.

В Ирландии грубые камни, по-видимому, не прошли "стадию символа", но рано созрели для создания скульптурного креста, поскольку они произошли не от робко выгравированного креста, как в Шотландии. Ирландские кресты сразу же смело переняли скрещенные руки,

окруженные славой, с другими характеристиками этого прекрасного и оригинального класса христианских памятников.

Во Франции менгир был рано принят христианами; настолько рано, что обычно предполагалось, что те образцы, которые мы видим увенчанными крестом, были языческими памятниками, на которые в какое-то последующее время христиане добавили крест. Однако, по-видимому, так было не всегда. Например, в таком кресте, как в Лохкресте, менгир и крест являются единым целым и созданы друг для друга, и подобные примеры встречаются на мысе Сен-Матье, в Даулассе и в других местах Бретани.^[75] Во Франции менгир после принятия христианством, похоже, не прошел стадию скульптуры^[76], характерный для крестов в Шотландии и Ирландии, но расцвел сразу же на Голгофу, столь частую в Бретани. Здесь крест выделяется в виде высокого дерева, а фигуры сгруппированы вокруг его основания, но насколько рано была принята эта форма, мы не можем знать.

В Дании современная история камней Баута, как там называют могильные камни или боевые камни, несколько иная. Они рано получили руническую письменность, как ирландцы получили надпись Огама, но Дания была обращена в христианство так поздно (в одиннадцатом веке), что ее менгиры так и не прошли раннехристианскую стадию, а из языческих памятников сразу превратились в современные надгробия с прозаическими записями о рождении и смерти умершего человека, память о котором они были установлены, чтобы сохранить.

13. Лохкрестский менгир.

Во всех этих примерах мы можем проследить историю менгиров с исторических христианских времен до неисторических регионов, когда эти грубые каменные столбы, с еще более грубыми надписями или без них, постепенно вытесняли земляные курганы как свидетельство об умерших. Пока неясно, можем ли мы с сколько-нибудь достаточной уверенностью проследить их историю за пределами христианской эры. Однако это как раз та задача, которой должны заняться антиквары. Вместо того чтобы рассуждать как до сих пор, от неизвестного к известному, было бы бесконечно более философски рассуждать от известного в обратном направлении. Действуя таким образом, каждый наш шаг приносит пользу и в конечном итоге может привести нас к тому, что мы будем с уверенностью писать о вещах, которые сейчас кажутся окутанными туманом и неясностью.

Сноски

[42] Это настолько любопытно, что почти оправдывает замечательные теории Пиацци Смита по этому поводу. Но нет никаких оснований предполагать, что прогресс искусства в Египте существенно отличался от прогресса в других местах. Предыдущие примеры утеряны, и это, кажется, все.

[43] Геродот, ii. 123; и "Древние египтяне" сэра Гарднера Уилкинсона, вторая серия, i. 211; ii. 440 *et passim*.

[44] Ирод, i. 93.

[45] "Лидское Кенигсграбское", Берлин, 1859г.

[46] Я, конечно, в курсе, что сейчас модно считать Трою мифом. Однако пока, насколько я способен это понять, мне кажется, что древний солярный миф о господах Дж. "Макс Мюллер и Кокс" очень похож на простой современный самогонный аппарат.

[47] Паус. ii. гл. 16; "Пеласгические останки Додвелла в Греции и Италии", стр. 11.

[48] Додвелл, 1. с. р. 13.

[49] Более подробные сведения и иллюстрации этих гробниц можно найти в первом томе моей "Истории архитектуры", и поэтому их нет необходимости повторять здесь.

[50] 1 Царств, vii. 13 *и далее*.; 2 Паралипоменон. iv. 1 *и далее*.

[51] Гесиод. "Труды и дни", 1. 150.

[52] "Череп британника", *passim*. 'Archæologia,' xxxviii.

[53] "Остатки древностей Дербишира", 1848. "Десятилетние раскопки", 1861 год.

[54] Смотрите полемику между сэром Джорджем Корнуоллом Льюисом в его "Астрономии древних", стр. 467 *и далее*. и сэр Джон Лаббок в "Доисторических временах", стр. 59 *и далее*. что касается Пифея и его открытий.

[55] В Куббер-Румейя, в Сахиле или Мадрасене, недалеко от Блиды.

[56] Смотрите оборот в "J. A. S. B." vii. стр. 1013.

[57] Каннингем, "Билса Топес", *passim*; и "Поклонение дереву и змее" автора, стр. 87-148.

[58] Дольмен происходит от кельтского слова *Daul*, стол — не *Dol*, отверстие — и *Men* или *Maen*, камень.

[59] Кром по-кельтски означает кривой и, следовательно, полностью неприменим к рассматриваемым памятникам; и *lex*, камень.

[60] Самым ревностным сторонником этой точки зрения является преподобный У. К. Лукис, который вместе со своим отцом сослужил такую хорошую службу на Нормандских островах. Его взгляды отражены в нескольких очень четких словах в норвичском томе "Доисторического конгресса", стр. 218, но ранее были выдвинуты в статье, прочитанной Уилтширскому археологическому обществу в 1861 году, а затем в "Килкенни Джорнэл", v. N. S., стр. 492 *и далее*.

[61] "Курьезная итерация", стр. xxxii. и xxxiii.

[62] "Стоунхендж и Эйвбери", стр. xxxii. xxxiii. и xxxiv.

[63] Мэдсен, "Древности доисторические", стр. 6, 7, 8, 9 и 10.

[64] Норвичский том "Доисторического конгресса", стр. 355, стр. vi.

[65] Сэр Х. Кольт Хоар, "Древний Уилтшир", ii, 71.

[66] Камни, из которых он был сложен, были перевезены генералом Конвеем на Парк-Плейс, недалеко от Хенли-на-Темзе, и восстановлены там заново.

[67] "Археология", viii. стр. 384.

[68] "Скульптурные камни Шотландии", ii. Введение. стр. 25.

[69] "Археология", viii. стр. 385.

[70] Deum maxime Mercurium colunt. Hujus sunt plurima simulacra. "Белл. Девушка", vi. 16.

[71] Сэр Гарднер Уилкинсон в "Журнале археологической ассоциации", xvi. стр. 112, стр. 6 для музея и стр. 7 для моста Меривейл.

[72] От *Мэн*, как и прежде, стоун и *хир*—хай. Предполагается, что Минар - это то же самое слово. По крайней мере, его нельзя проследить до какого-либо корня ни в одном восточном языке.

[73] "Труды Общества антикваров Шотландии", iv. 119 *и последующие*.

[74] "Фременвиль, Финистер", стр. iv, стр. 248.

[75] Все это и многие другие иллюстрации можно найти в книге Тейлора и Нодье "Путешествие Питторески по ансиенне Бретани"; но поскольку листы в этой работе не пронумерованы, на них нельзя ссылаться.

[76] Я знаю только один экземпляр скульптурного камня во Франции; он находится недалеко от часовни Святой Маргариты в Бретани.

ГЛАВА III.

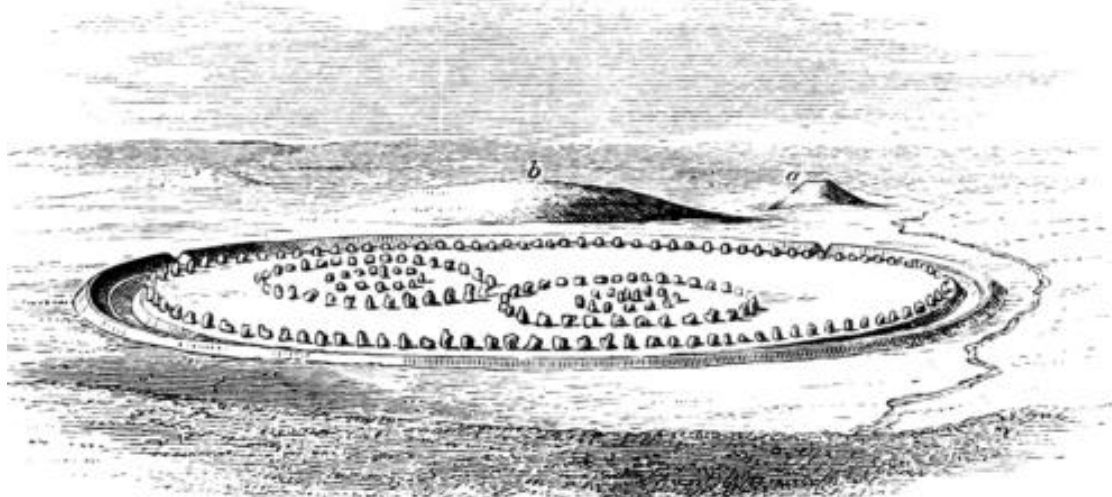
ЭЙВБЕРИ И СТОУНХЕНДЖ.

Если бы существовали какие-либо признанные факты или общепринятые данные относительно мегалитических останков, о которых мы сейчас говорим, логичным методом продолжения изучения предмета было бы сначала описать их географическое распространение, а затем их использование и даты. В то время как, однако, все, что касается их, считается неопределенным — фактически, неизвестным, такой способ обращения, хотя и удовлетворительный для верующих, не смог бы убедить умы сомневающихся. Таким образом, представляется, что в данных обстоятельствах предпочтительным способом было бы взять три или четыре основные и наиболее известные британские группы и подвергнуть их достаточно исчерпывающему обследованию. Если удастся развеять ошибки, которые возникли вокруг них, и установить их использование и даты на сколько-нибудь разумной основе, остальное будет легко; но до тех пор, пока люди верят в друидов или Драконов или даже считают необходимым отнести эти памятники к доисторической древности, бесполезно рассуждать о них. Предполагается, что с помощью процесса, которому предлагается следовать, удастся, по крайней мере, развеять эти туманы. Другие должны сами судить, является ли пейзаж, который откроется перед ними, реальным или приятным для созерцания.

Первый памятник, который мы предлагаем выбрать для осмотра, - это Эйвбери, как самый большой и в некоторых отношениях самый важный в своем классе в этой стране. На первый

взгляд может показаться, что Стоунхендж имеет равные права на первенство, но он исключителен. Это единственный памятник из тесаного камня, который у нас есть, единственный, где найдены трилиты с горизонтальными архитравами, и где внешний круг также обладает этими импостами. Фактически, это мегалитический памятник, который демонстрирует наиболее цивилизованные формы, и для доказательства его возраста и использования необязательно доказывать его возраст и использование любого грубого каменного памятника, найденного в другом месте. Напротив, Эйвбери, хотя и больше других, построен по точно такому же принципу. У него есть ограждающий вал со рвом внутри, как у Арборлоу, Мардена, круглого стола Артура в Пенрите, и других, с которыми мы встретимся дальше, в то время как его окружность и аллеи идентичны, насколько мы можем судить, многочисленным примерам, найденным в других местах.

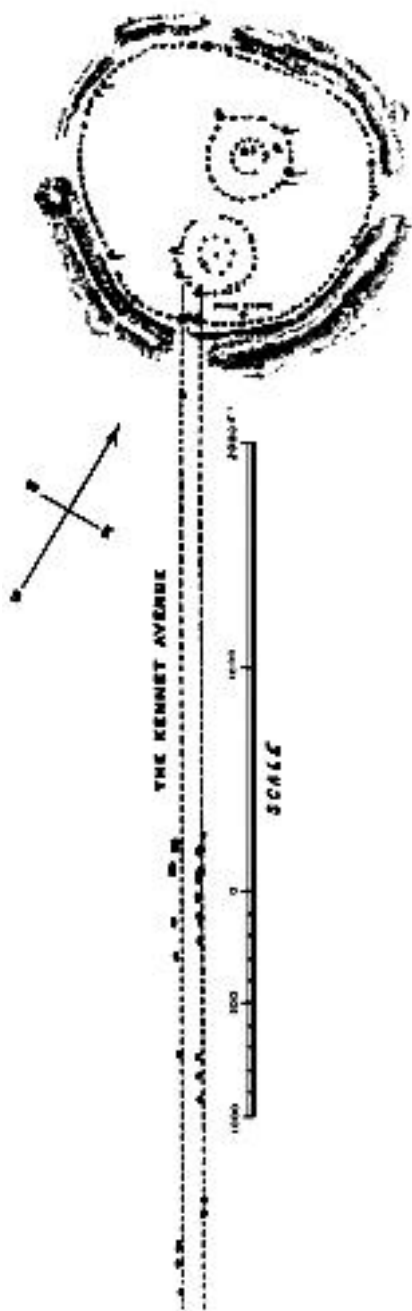
Однако прежде чем перейти к рассуждениям об Эйвбери, первым делом необходимо выяснить, из чего на самом деле состоит эта группа, что является гораздо более сложной задачей, чем может показаться на первый взгляд. Стакли привнес в свое описание этого места так много собственных фантазий, и им так безоговорочно следовали все, кто с тех пор писал на эту тему, что теперь вернуться к первоначальной форме непросто.

14. Восстановлен вид на Эйвбери. а. Силбери-Хилл. б. Уоден-Хилл.

Главный памятник в Эйвбери состоит из земляного вала, почти, но не совсем, круглой формы, со средним диаметром около 1200 футов. Близко к краю его внутреннего рва стоял круг, по-видимому, первоначально состоявший примерно из 100 камней, с расстоянием, следовательно, около 33 футов от центра к центру. Внутри него находились два других двойных круга, расположенных не по оси большого, а на его северо-восточной стороне. Более северный из них, по-видимому, имел 350 футов в диаметре, другой - 325 футов.[77] В центре северного из них находилось то, что здесь называется бухтой, по-видимому, состоящее из трех вертикальных камней, поддерживающих заглушку - фактически, дольмен, с которым мы часто встретимся на следующих страницах. В южном круге находился только один каменный обелиск или менгир. Эти факты мы почерпнули у Стакли и Коулта Хоара, ибо сейчас все настолько разрушено, что без их описания никто не смог бы составить даже приблизительный план этого места. Все камни, составляющие этот внутренний и внешний круг, являются местными сарсенами, которые встречаются повсюду на этих холмах. В некоторых местах, таких как Клатфорд-Боттом, примерно в миле от Эйвбери, они все еще залегают в количестве, достаточном для возведения дюжины Эйвбери, и многие из них все еще можно увидеть в Низинах к югу, да и вообще везде, где они не были использованы

современной цивилизацией. Ни на одном из камней, которые сейчас стоят здесь, не видно следов резца. Эффект, производимый ими, полностью зависит от их массы, а она настолько велика, что производит впечатление мощи и величия, с которыми могут соперничать немногие из наиболее искусных произведений человеческих рук.

15. План Эйвбери-Серкл и Кеннет-авеню, сделанный сэром Р. Кольтом Хоаром.

От внешнего вала каменная аллея тянулась по идеально прямой линии примерно на 1430 ярдов в юго-восточном направлении. Центр, по-видимому, был нанесен из центра большого круга в 1200 футов, а не из меньших. Это называется Кеннет-авеню, поскольку оно указывает в сторону одноименной деревни. Я крайне скептически отношусь к существованию другой улицы, называемой Бекхэмптон-авеню, на которой доктор Стакли делает такое большое упор. Обри этого не видел, хотя он видел Длинную Каменную бухту, "Чертовы кущи", как он их называл; и Стакли вынужден признать, что в его время здесь не устояло ни единого камня.^[78] Похоже, что здесь, как, впрочем, и повсюду в этой стране, валялось множество

сарсеновых камней, и его богатое воображение превратило их в тело змеи. Однако ни один из них не показан в обзоре сэра Р. Колта Хоара, и ни один не существует сейчас; и за пределами Бухты даже Стакли признает, что он нарисовал змеиный хвост только потому, что у змеи должен быть такой конец. Камней, отмечавших его форму, тогда было не больше, чем сейчас. Первое возражение, которое возникает против признания существования самой гипотетической аллеи, состоит в том, что нигде не известно, что какая-либо изогнутая аллея существует или пристроена к каким-либо памятникам. Все изгибы Кеннет-авеню принадлежат Доктору и были проложены им для соединения прямых проспектов, которые были проложены от круга в Эйвбери и от кольца на Хакпен-Хилл. Ни у Стэнтон Дрю, ни в других местах, где он их дерзко рисовал, их нет. Рядом с церковью есть или были заложены в отверстие два камня, подобные тому, что называется Пяткой Монаха, и поверженный камень в Стоунхендже, но это все, что, вероятно, когда-либо существовало на Бекхэмптон-авеню. Вопрос, однако, не важен. Поскольку внутри вала Эйвбери было два круга, возможно, существовало два пути. Все, на что здесь ссылаются, это на то, что нет никаких доказательств существования второго. Дольмен, называемый Бухтой Длинного Камня, существовал недалеко от того места, где Стакли проводит свою извилистую линию, но нет ничего, что указывало бы на то, что он когда-либо составлял какую-либо часть такого выравнивания; и вокруг него было несколько стоячих камней, или, скорее, даже во времена Стакли камни, которые, по-видимому, стояли, но нет ничего, что указывало бы на то, составляли ли они часть круга, или как отдельные менгиры, или как части аллеи.

Вторым членом группы Эйвбери является двойной круг, или, скорее, двойной овал, на Хакпен—хилл-заgone Хаки;^[79] это было, по словам Стакли, 138 футов на 155 футов, и имело ширину аллеи 45 футов по сравнению с 51 футом, который сэр Р. К. Хоар дает для Кеннет-авеню в Эйвбери. Предполагается, что авеню тянулась по идеально прямой линии более чем на четверть мили, указывая прямо на Силбери-Хилл, который находится примерно в одной миле с четвертью от нас.

Третьим участником группы является знаменитый Силбери-Хилл, расположенный примерно в миле к югу от Эйвбери. То, что эти два последних имени принадлежат к одному возрасту и являются частью одного рисунка, вряд ли подлежит сомнению; но остается совершенно открытым вопрос, принадлежит ли перо Хаки либо тому же возрасту, либо тому же рисунку. Его камни были намного меньше, его форма отличалась, а аллея, ведущая в Силбери, выглядит так, как будто этот памятник существовал, и, возможно, существовал задолго до того, как его построили; но об этом позже.

Помимо этих трех, по соседству находятся многочисленные курганы, как длинные, так и круглые, а также британские форты и деревни; но о них мы предлагаем пока умолчать, ограничив наше внимание в первую очередь тремя перечисленными выше памятниками.

Первый вопрос, который возникает при взгляде на такое сооружение, как Эйвбери, заключается в том, является ли это вообще храмом. На предыдущих страницах уже предпринималась попытка показать, какими были храмы Британии в века, непосредственно следовавшие за римской оккупацией; но даже если допустить, что это были небольшие базилики, будут утверждать, что это не ответ на вопрос. Если Эйвбери, как скажут, является храмом, то он принадлежал таинственному, мифическому, доисторическому народу, способному выполнять такие замечательные работы до того, как они соприкоснулись с римлянами, но которые, как ни странно, оказались неспособны что-либо сделать после того, как цивилизованное прикосновение этого великого народа сделало их слабее и невежественнее, чем они были раньше!

Если это вопрос, то что такое Эйвбери? обращен к человеку— воспитанному в друидической вере, как и большинство англичан, — он сразу же отвечает, что это храм друидов. Если на него надавить и напомнить о рощах и дубах, которыми восхищались эти сектанты, он, возможно, признает, что ни на одной почве так мало шансов вырастить дубы, как на меловых холмах Уилтшира, и что нет никаких доказательств того, что по соседству когда-либо росли дубы. Но это не полный ответ, поскольку можно утверждать, что по какой-то причине, которую мы не можем постичь, друиды, возможно, в этом случае обошлись без деревьев. Настоящая трудность, как упоминалось ранее, заключается в том, что никакие камни или каменные сооружения никогда не упоминаются в связи с друидами.

Если образованному человеку, чей ум свободен от предрассудков или предвзятых идей, задать этот вопрос, он переберет в уме все, что ему известно о храмах других народов — Египта, Ассирии, Греции, Рима, в древние или средние века. Они не произвели ничего подобного. Персия, Индия, Китай или страны Восточных морей - все они одинаково непривлекательны; ни Мексика, ни Перу ему не помогут. Следовательно, первый вывод, к которому он неизбежно приходит, заключается в том, что если это были храмы бриттов, то они действительно должны были быть "Особым народом", непохожим ни на одну другую расу, жившую когда-либо в любой части мира.

Если это были храмы, то какому богу или богиням они были посвящены? Вряд ли это мог быть Меркурий, или Аполлон, или Марс, Юпитер или Минерва, упомянутые Цезарем,[\[80\]](#) как боги, которым поклонялись друиды — и хотя, возможно, это были всего лишь ближайшие синонимы римских богов применительно к кельтским божествам, все же должно было быть такое сходство, чтобы оправдать эти названия. Мы знаем, какой формы были храмы этих богов, и, конечно, они не были построены по образцу кругов в Эйвбери. Некоторые антиквары робко предполагают посвящение Солнцу. Но, безусловно, ни у одного автора, классического или средневекового, нет отрывка, который заставил бы нас предположить, что наши предки были пристрастны к поклонению божеству, которое вряд ли могло быть любимым в таком климате, как наш. Но опять же, что такое храм солнца? Существует ли он где-нибудь? Если бы уилтширские пастухи попытались это сделать, они, вероятно, столкнулись бы с теми же трудностями, которые преследовали древних персов-огнепоклонников. Нелегко впустить солнце в храм, созданный руками человека, и его лучи гораздо более доступны на возвышенностях или на берегу моря, чем внутри стен или ограждений любого рода.

Даже если оставить в стороне вопрос, какому богу это было посвящено, какое богослужение могло совершаться в таком месте? Это не могло быть для того, чтобы говорить на нем. Длина наших самых больших соборов составляет 600 футов, и ни один человек не попытался бы обратиться к толпе за западными дверями с алтаря часовни Пресвятой Богородицы; еще меньше он попытался бы обратиться на открытом воздухе к толпе в кругу диаметром 1200 футов, где, исходя из характера расположения, половина аудитории должна находиться у него за спиной. Еще меньше она приспособлена для того, чтобы ее можно было увидеть. Пол на площади идеально ровный, и хотя люди свободно говорят о толпе, которая могла бы стоять на валу, или на насыпи, или на узком выступе между внутренним рвом и подножием вала, они забывают, что только один ряд людей мог стоять на остроконечной насыпи, и что насыпь находится на том же уровне, что и остальная часть пола, и это последнее место, которое кто-либо выбрал бы, поскольку перед ней были сложены 100 больших камней, как будто специально предназначенных для того, чтобы закрывать обзор. На самом деле так было со всеми камнями. Предполагая, что церемония или действие будет проходить в центре любого из двух внутренних кругов, двойной ряд камней, которые их окружают, расположен

таким образом, чтобы максимально загораживать обзор во всех направлениях. Можно предположить, что жрец мог взобраться на венчающий камень бухты в северном круге и там совершить свое жертвоприношение на виду у собравшейся толпы. Было бы трудно представить себе место, столь неподходящее для этой цели; и даже в этом случае, как бы он справился с обелиском в центре южного круга? На самом деле, ни одно место не может быть так плохо приспособлено ни для зрения, ни для слуха, как Эйвбери; и те, кто его воздвиг, были бы ниже возможностей обычных идиотов, если бы они проектировали его для любой из этих целей. Кроме того, в нем нет ни одной из обычных пристроек храма. Здесь нет ни святилища, ни алтаря, ни ковчега, ни тропинки для процессий, ни дома священников - ничего более или менее заметного, составляющего часть каждого храма в любой части мира.

Почему ты такой гипотетический? Должны ли мы понимать, что климат Уилтшир-даунс настолько идеален и ровен, что люди могут позволить себе обойтись без крыш или обычной защиты от непогоды? или мы должны предположить, что люди, которые могли передвигать эти каменные глыбы и воздвигать эти насыпи, были такими законченными дикарями, что не смогли возвести никакого закрытого здания?

Египет обладает самым прекрасным и ровным климатом в мире; однако все его храмы покрыты крышами более тщательно и величественно, чем наши средневековые соборы, как и все храмы Индии и восточных стран, где потребность в укрытии гораздо меньше, чем здесь. Во всех этих странах и климатах храмы богов - это жилища или залы людей, расширенные и улучшенные. То, что они делали хорошо для себя, они делали лучше для своих божеств. Должны ли люди поэтому предполагать, что уилтширская овчарка спала зимой на снегу, не имея никакой другой защиты, кроме круга из широко расставленных камней, и понятия не имела о крыше? И все же, если он не был закален каким-то подобным процессом, трудно понять, зачем ему строить храм, настолько подверженный неблагоприятным погодным условиям, что в нем нельзя было должным образом проводить церемонии в течение половины дней в году.

Еще одно возражение против теории храма, которое поразило бы большинство людей, если бы они задумались об этом, - это огромные размеры Эйвбери. Его площадь по меньшей мере в пять раз больше площади собора Святого Петра в Риме; в его стенах легко могли бы разместиться 250 000 человек, а полмиллиона могли бы стоять. Мужчины обычно пытаются приспособить размеры своих зданий к необходимому количеству жилья. Но откуда взяться такому множеству людей? Как их прокормить? Как их разместить? Нет никаких оснований предполагать, что в какие-либо древние времена, до появления сельского хозяйства, пастушеское население на этих холмах могло когда-либо быть больше или настолько велико, как то, которое существует там сейчас. Когда была составлена Книга Судного дня, в поместье было всего два участка пахотной земли, и они, похоже, принадлежали церкви. Из этого, по-видимому, следует справедливый вывод, что, если бы не превосходящие знания и влияние духовенства, жители этих холмов могли бы в одиннадцатом веке оставаться в том же состоянии пастушеского варварства, в котором, есть все основания полагать, они пребывали в языческие времена. Как несколько пастухов, редко разбросанных по этим равнинам, могли воздвигнуть такой храм, как этот, - вот тайна, требующая объяснения. Сейчас для удовлетворения их духовных потребностей достаточно очень маленькой приходской церкви; и если бы 10 000 паломников, даже в наши дни, когда сельское хозяйство распространилось на каждый доступный клочок земли, посетили это место в течение недели, многие из них умерли бы с голоду еще до того, как все закончилось.

Было бы легко привести пятьдесят других аргументов подобного рода. На самом деле, любому, кто даст себе труд подумать об этом, должно прийти в голову гораздо больше; но для тех, кто привык к подобным исследованиям, два наиболее убедительных, вероятно, заключаются, во-первых, в том, что нет никаких свидетельств прогресса в разработке проекта Эйвбери. Он был построен и отделан по первому проекту. Во-вторых, в нем полностью отсутствует орнамент. В Индии есть храмы размером с Эйвбери; но их история написана на их лицах. Первый шаг в этом процессе, как правило, заключается в том, что небольшое святилище с узкой оградой и маленькими воротами по той или иной причине становится священным или богатым, а к нему пристраивается второе оградное сооружение, в котором размещаются залы для приема паломников или церемониального показа по праздничным случаям. Но ни один бог в этом пантеоне не может жить в одиночестве. Добавляются новые святилища для других божеств, с новыми залами, новыми резиденциями для священников и большим количеством помещений для всех тысячи и одного предмета, необходимого для создания великого идола. Для этого требуется третье или четвертое новое ограждение, вплоть до седьмого, как в Серингеме. Но во всем этом есть прогресс: требуется 200 или 300 лет, и каждое столетие — иногда каждое десятилетие — оставляет свой легко узнаваемый след по мере продвижения работы. Точно так же великий храм в Карнаке, хотя и занимающий всего треть площади Эйвбери, был построен египтянами за три столетия, и каждый шаг его развития можно легко проследить. Работы ранних Тотмес существенно отличаются от работ Манефтах и Рамсеса, а их работы — от работ Сешонка; и они также существенно отличаются от маленького святилища в Осортасене, которое было зародышем всего комплекса.

Так было со всеми нашими соборами. Маленькая саксонская церковь была заменена нормандским нефом с небольшим апсидальным хором. Он был расширен до раннеанглийского пресвитерия, а за ним выросла часовня Пресвятой Богородицы, и по мере того, как некачественная нормандская работа приходила в упадок, ее заменяли постройками эпохи Тюдоров. Но в Эйвбери ничего подобного нет. Если бы храм был построен или начат немногочисленными жителями этих холмов, мы бы увидели что-нибудь, что показало бы, где начались работы. Они, должно быть, привозили один камень в один год, а на следующий — другой, и неизбежно тратили бы часы досуга, подобно жителям острова Пасхи, на то, чтобы вырезать из этих камней либо орнаменты, либо символы, либо превращать их в идолов. Во всем мире нет абсолютно ни одного примера, когда в народных храмах не было бы каких-либо свидетельств заботы и стремления к украшению того или иного рода. Однако здесь ничего подобного не происходит. Действительно, если и есть что-то более очевидное в Эйвбери, чем другое, так это то, что как все началось, так и закончилось. Здесь нет ни колебаний, ни признаков перемен: судя по всему, те же люди, которые разрабатывали его план, видели его завершение; и каким они его задумали, таким они его и оставили. С того часа и впредь нет никаких признаков того, что к нему прикасалась чья-либо рука, пока низменная жадность современных фермеров не взялась за его уничтожение, чтобы построить из его материалов пивную и деревню, которая сейчас занимает небольшую часть ограды.

То же самое и в отношении орнамента. Мы можем справедливо предположить, что это сооружение, как храм, использовалось в течение нескольких столетий; но в течение этого времени или любого более короткого периода, который можно предположить, ни у одного человека не хватило умения или склонности украсить величайший храм своей родной страны резьбой, эмблемами или орнаментом любого рода. Люди, которые могли постичь великий замысел — такой великий и благородный — больше ничего не могли сделать. Их руки вяло повисли по бокам, и они были неспособны к дальнейшему усилию! Такое положение

дел, если не невозможно, то, безусловно, не имеет аналогов. Насколько нам известно, нигде больше ни в одной части мира не существует подобного примера, относящегося к какому-либо храму. Гробницы иногда проявляют эти особенности, храмы - никогда.

Если этих причин достаточно, чтобы доказать, что Эйвбери не был храмом, то их может потребоваться больше, чтобы показать, что это не было местом встреч древних бриттов. Что бы ни думали о масштабах доисторических собраний, вряд ли будут утверждать, что было необходимо обеспечить размещение 250 000 человек, которые могли разместиться в большом кругу. Даже если предположить, что оно предназначалось только для размещения 12 000 или 13 000 лордов и такого же количества общин в двух нижестоящих кольцах, они вряд ли устроили бы внутренний круг из больших камней в середине каждого собрания или поместили бы обелиск с шипами вместо мешка для шерсти в одном или высокий дольмен под креслом спикера или позади него в другом. На самом деле ничто не могло быть задумано настолько неподходящим для этой цели, как эти кольца, и, если бы эти первобытные люди не были устроены совсем иначе, чем мы, любое собрание пожилых людей, которые, вероятно, встретились бы в Эйвбери, предпочло бы для своих обсуждений помещение, каким бы грубым оно ни было и в сотую часть меньше, чем неприступное великолепие Больших Камней. Конечно, среди всех грубых людей, а часто и среди более цивилизованных, будут иметь место народные собрания под открытым небом; но тогда они всегда будут проходить вблизи крупных населенных пунктов. Мужчины отправляются в пустыню с религиозными целями, но они предпочитают говорить о политике поближе к дому. В некоторых общинах для этой цели может быть выделено Марсово поле или иное спортивное поле; но первое требование к такому месту собраний заключается в том, что оно должно быть открытым и свободным от каких-либо помех. Моут-хилл также, как и террасная гора Тинуолд на острове Мэн, представляет собой понятное сооружение, но не для совещательного собрания, а как трибуна, с которой провозглашается закон. Мы также можем понять, почему суды графства должны проводиться на курганах, как, по-видимому, часто случалось. Поскольку здесь судья занимал достойное положение на вершине. Его заседатели стояли позади него, а просители и другие люди - впереди. Также известны случаи в четырнадцатом и пятнадцатом веках, когда местные суды созывались на "стоячие камни" или в круги, по крайней мере, в Шотландии;^[81] но во всех этих случаях, по-видимому, территориальные споры разрешались на месте, а камни или насыпи были просто указаны как хорошо известные отметки и, следовательно, удобные места для свиданий. Даже если бы это было не так, то совершенно не стоило бы удивляться тому, что в средние века могильные круги или курганы обычно использовались в качестве мест встреч. В то время они были достаточно взрослыми, чтобы быть почтенными; и их древность, должно быть, придавала им достоинство, соответствующее этой цели, каким бы ни было их первоначальное предназначение. Но все это сильно отличается от возведения в качестве места собраний такого огромного и неудобного места, каким является Эйвбери, и всегда должно было быть.

Кажется излишним продолжать эту аргументацию дальше, поскольку, если не удастся доказать, что люди, построившие Эйвбери, были устроены настолько иначе, чем мы, что к ним нельзя применить никакие рассуждения, основанные на нашем опыте, ответ кажется неизбежным.

Что ни один подобный Храм и ни одно подобное место встречи не были построены или покушались на это какой-либо группой людей ни в одной части мира. Но есть ли какие-либо основания предполагать, что обитатели этих холмов так существенно отличались от нас? Доктор Турнам тщательно исследовал несколько сотен черепов, собранных из могильных

холмов в этом районе, и опубликовал десятки лет о них.^[82] Тем не менее, самые ученые краниологи не могут обнаружить — за исключением, возможно, степени — какой-либо разницы, которая заставила бы нас предположить, что этими древними людьми не руководили те же мотивы и те же моральные влияния, что и нами. Если это так, то Эйвбери определенно не был возведен ни как храм, ни как место собраний в любом смысле этого слова, который мы можем понять, и те, кто настаивает на том, что это было либо то, либо другое, обязаны объяснить, какие мотивы или цели могли побудить жителей Уилтшир-даунс действовать способом, столь полностью противоречащим всему, что мы знаем о действиях или чувствах всех других народов во всех других частях света.

Следовательно, если Эйвбери не был ни храмом, ни местом собраний, то что же это было? Ответ, похоже, не заставит себя долго ждать. Должно быть, это было место захоронения, но все же не кладбище в обычном смысле этого слова. Жителям этих холмов никогда не потребовалось бы большего и более великолепного места для захоронения, чем в любой другой общине Великобритании, и, должно быть, они всегда были совершенно не в состоянии воздвигнуть такой памятник. Но что более важно, кладбище подразумевает преемственность во времени и градации по рангу, а это именно то, чего больше всего не хватает в Эйвбери. Это может быть памятник одному королю или двум королям, но это не собрание памятников личностям различных сословий в жизни или серии личностей одного ранга, воздвигнутых в разные промежутки времени. Как уже отмечалось, он выполнен в едином дизайне — *"totus teres atque rotundus"*, возведенном без колебаний и тени изменений.

Если, однако, мы предположим, что Эйвбери был местом захоронения тех, кто пал в великой битве, разыгравшейся на этом месте, все трудности, кажется, сразу исчезают. В настоящее время признано, что люди действительно хоронили в каменных кругах или под дольменами, рядом с надгробиями и внутри земляных оград, и то, что мы находим здесь, отличается лишь в степени от того, что мы находим в других местах. Кажется, именно такой памятник могла бы воздвигнуть победоносная армия численностью, скажем, в 10 000 человек со своими пленными за неделю. Земля легкая, и ее легко можно было насыпать в виде вала, а сарсеновые камни лежали повсюду на холмах, и все на более высоком уровне, чем Эйвбери, который, возможно, именно по этой причине расположен на самом низком участке земли в округе. С помощью нескольких роликов и веревок 10 000 человек очень скоро собрали бы все камни, которые когда-либо здесь стояли, и закрепили бы их на концах. Вероятно, в их рядах не было бы квалифицированной рабочей силы, а если бы и была, то не было бы досуга, чтобы использовать ее для украшения любого рода. Без этого это просто такой памятник, который могла бы воздвигнуть неграмотная армия, желающая с честью похоронить тех, кто пал в бою, и не имеющая в то же время других средств оставить на месте запись о своей собственной победе.

Теоретически, по-видимому, нет никаких аргументов, которые можно было бы выдвинуть против этой точки зрения; и за те десять лет, что она постоянно находится на рассмотрении общественности, не было выдвинуто ни одного, заслуживающего внимания. Однако настоятельно рекомендуется, чтобы доказательства не были полными и чтобы ничто из написанного не подтверждало эту точку зрения. Те, кто выдвигает возражение, забывают, что одно из первых условий проблемы состоит в том, что те, кто воздвиг такой памятник, должны быть неграмотными. Если бы они могли написать о каких-нибудь первобытных "Временах", они бы не прилагали таких усилий, чтобы запечатлеть свою победу на месте. Если бы они умели читать или писать, надпись сделала бы больше, чем 200 или 300 камней

из Эйвбери; но поскольку они не умели писать, они подняли их и, также по этой причине, оставили нам задачу выяснить, почему они это сделали.

Однако мы не совсем лишены доказательств на этот счет. Много лет назад мистер Кембл напечатал хартию короля Ательстана, датированную 939 годом, в которой, описывая границы поместья Овертон, в котором расположен Эйвбери, используется следующее выражение: "Затем мимо Коллас—барроу, до широкой дороги на Хакпен, оттуда на север вдоль Каменного ряда, оттуда к местам захоронений".^[83] Не вызывает сомнений ни то, что упомянутый здесь каменный ряд - это Кеннет-авеню, ни то, что места захоронений (byrgelsas) - это кольца Эйвбери; но можно утверждать, что саксонский землемер не знал, о чем говорил; и поскольку, к сожалению, он не говорит, кто там был похоронен, и не приводит подтверждающих доказательств, все, что мы узнаем из этого, это то, что так считали в десятом веке.

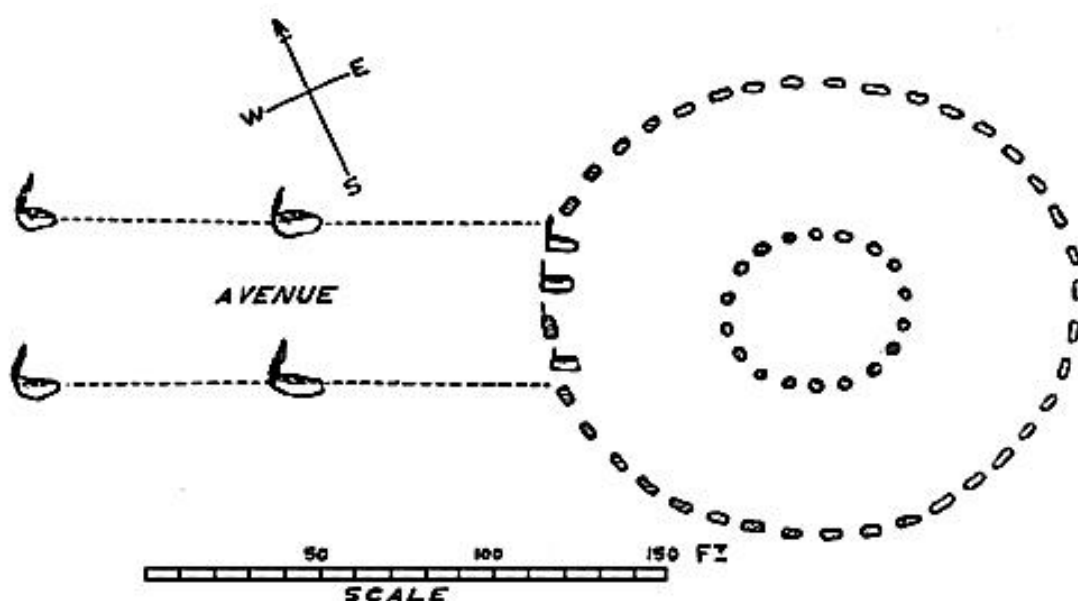
Незадолго до прихода Стакли было почти достигнуто нечто более осязаемое, когда лорд Ставелл сравнял с землей вал рядом с церковью, где сейчас стоит большой амбар. Первоначальная поверхность земли была "легко различима по черному слою плесени на мелу. Здесь они нашли большое количество оленьих рогов, костей, устричных раковин и древесных углей. Старик, работавший на раскопках, говорит, что там была целая телега рогов, что они были очень гнилыми и что среди них было очень много обгоревших костей".^[84] На той же странице доктор Стакли добавляет: "Помимо нескольких римских монет, случайно найденных в Бери и его окрестностях, мне сообщили, что квадратный кусок железа был обнаружен под одним из больших камней, когда я снимал его." Насколько я понимаю, с тех пор там были найдены и другие римские монеты, но нет никаких достоверных свидетельств этого факта, которые можно было бы процитировать. Об этом следует сожалеть, поскольку наличие этих монет, если оно будет установлено, послужит доказательством того, что памятник был возведен позже их даты, какой бы она ни была.

К сожалению, ни один ученый не видел этих костей, поэтому никто не смог сказать, были ли они человеческими или нет; но предполагается, что были, ибо зачем помещать в такую ситуацию обгоревшие кости животных? Ответ на это заключается в том, что Уилтширское археологическое общество провело некоторые раскопки в Эйвбери, но ничего не нашло. В 1865 году они простучали вал в разных местах и прорыли одну траншею до его центра, и, поскольку ничего не нашли, пришли к выводу, что ничего и не нужно было искать. Но в кургане длиной 4442 фута, по словам сэра Р. Кольта Хоара, должно быть много свободных мест, особенно если тела были сожжены; и такие отрицательные свидетельства не могут рассматриваться ни как убедительные, ни как достаточные для опровержения доказательств, полученных в ходе раскопок лорда Ставелла. В честности Стакли, излагающего факты такого рода, вряд ли можно сомневаться, хотя к выводам, которые он делает из своих фактов, обычно следует относиться с величайшей осторожностью. Общество также провело раскопки в центре северного круга, где стоял дольмен, и добралось до первоначального слоя мела, но не нашло ничего, кроме обломков камней, которые были уничтожены огнем, и выражает большое разочарование, обнаружив "вообще никаких человеческих костей".^[85] Если тела были сожжены — как мы должны были бы заключить из того, что лорд Ставелл нашел под валом, — то, что они, вероятно, нашли бы, если бы "Бухта" была полной, была бы вазой или урной с прахом. Варвары, разрушившие камни, вряд ли пощадили бы столь никчемную посуду; и если бы она была разбита в то время, сто лет спустя было бы напрасно искать либо ее, либо кости, которых, по всей вероятности, там никогда не было. Нельзя было ожидать и лучших результатов от их траншеи длиной 60 футов. Человек, ожидающий найти такой предмет, как урна диаметром в фут, на поле площадью 28 акров,

должен очень точно знать, что он ищет и где это искать. Судя по опыту, полученному в Кричи, в Шотландии, где погребальные отложения были обнаружены у подножия каждого круга камней, стоявших внутри рва, подобного внутреннему в Эйвбери, именно там мы должны ожидать найти эти отложения.[86] Именно здесь никому не пришло в голову заглянуть в Эйвбери, хотя ничего не было бы проще. Здесь пятьдесят или шестьдесят пустых ям, и любую из них можно было бы без труда увеличить, и если бы у подножия каждой из них было отложение, оно было бы неизбежно найдено.

К этому мы вскоре вернемся. А пока давайте посмотрим, какие доказательства, если таковые имеются, можно получить из круга на холме Хакпен.

Как упоминалось ранее, этот памятник состоит из двух овалов, по словам доктора Стакли, внешний имел размеры 138 на 155 футов, а внутренний - 45 на 51 фут. Он не называет размеров камней; но Обри называет их от 4 до 5 футов в высоту, что подтверждается гравировкой Доктора; и, в целом, они, по-видимому, не превышают в среднем и четверти размеров камней в Эйвбери. Что касается аллеи, то на гравюре на дереве в плане (№ 16) показаны только четыре камня, и такое же количество камней показано на рисунке (фото xxi). В обоих случаях аллея представлена совершенно прямой и тянущейся скорее к югу от Силбери-Хилл.[87] По словам Обри, она простиралась на четверть мили — скажем, на 440 ярдов.

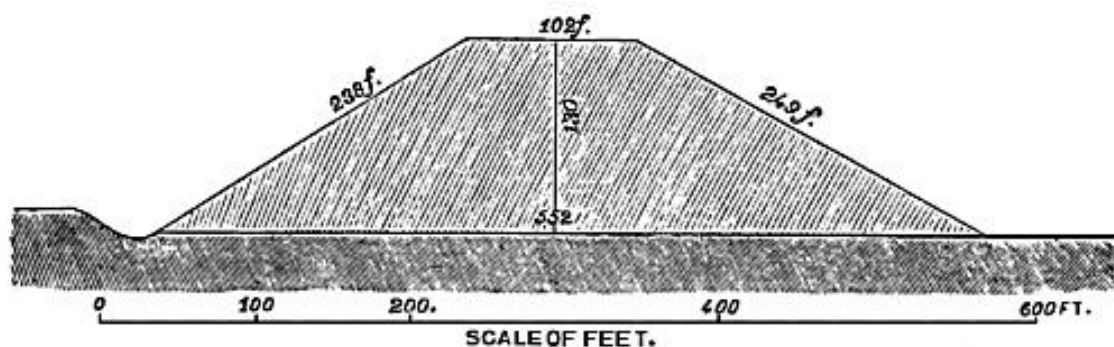

16. Круг на холме Хакпен. Из Стакли.

Однако наиболее любопытным обстоятельством, связанным с этим кругом, является то, что на расстоянии около 80 ярдов от внешнего овала были найдены два ряда скелетов, уложенных бок о бок ногами к центру кругов. В любопытном письме, написанном доктором Тупом из Оксфорда, датированном 1 декабря 1685 года, адресованном мистеру Обри и опубликованном сэром Р. Кольтом Хоаром,[88] говорится: "Я быстро распознал в них людей". На следующий день набуйте много ракушек, из которых я приготовил замечательное лекарство. Кости крупные и почти гнилые, но зубы очень ровные и удивительно белые. Примерно в 80 ярдах от того места, где были найдены кости, находится храм диаметром 40 ярдов и еще 15 ярдов; вокруг кости лежали так близко, что череп соприкасался с черепом. Их ступни со всех сторон были обращены к храму, на 1 фут ниже поверхности земли. У ног

первого ряда лежала голова следующего ряда, ступни всегда были направлены к храму." Далее Обри утверждает, что ров окружал храм, что Стакли отрицает; но, по-видимому, нетрудно согласовать эти два утверждения. Разрушение памятника началось еще до прихода Обри. Ибо невозможно представить себе тела, пролежавшие даже 1000 или 1200 лет в такой легкой почве, на глубине 1 или даже 2 футов, подвергшиеся воздействию дождя и мороза, без того, чтобы их не вернули в землю. Скорее всего, там был ров, а там, где был ров, должна была быть насыпь, и если бы ее насыпали поверх тел, она могла бы защитить их. Валлум исчез во времена Обри; канава была засыпана перед домом Стакли, а камни и все остальное было сглажено в доме сэра Р. Кольта Хоара; так что теперь место вряд ли можно определить с уверенностью. Однако траншея, прорезанная поперек него, если ее удастся проследить, могла бы привести к некоторым любопытным открытиям, поскольку не может быть никаких сомнений в отношении фактов, изложенных в письме доктора Тупа. Он был выдающимся врачом, в совершенстве разбирался в человеческих костях и слишком глубоко интересовался раскопками, из которых черпал "свое благородное лекарство" и к которым часто возвращался, чтобы ошибиться в своих утверждениях.

Между тем, однако, что нас больше интересует на данном этапе исследования, так это различия, а также сходства двух памятников. Круги в Хакпене имеют гораздо меньший масштаб как по линейным размерам, так и по размеру камней, чем круги в Эйвбери; и разница между сжиганием и захоронением, которая, насколько можно судить, преобладала в этих двух местах, также примечательна. Принадлежат ли они к двум разным эпохам, и если да, то какая из них древнее? Свидетельства курганов едины в том, что жители этого острова закопали их перед сожжением. Но могут ли эти кости быть такими старыми, как это заставляет нас признать? Насколько можно судить по имеющимся в настоящее время свидетельствам, представляется невозможным отнести захоронения на холме Хакпен к самому раннему периоду доисторических погребений; состояние костей достаточно для того, чтобы сделать такую гипотезу несостоятельной. Если бы в них не оставались фосфаты и другие вспомогательные компоненты, они были бы так же бесполезны для медицины, как и для удобрения, а открытое положение, в котором они лежали, превратило бы их в пыль или грязь всего за несколько столетий. Судя по имеющимся у нас описаниям, тела определенно не находились в согнутом вдвое положении, обычном в так называемом бронзовом веке, и не было никаких следов кремации, которая, по-видимому, была введена римлянами и практиковалась в течение некоторого времени после их ухода. Все это, по-видимому, было изложено в расширенном виде, принятом впоследствии и продолжающемся по сей день. Фактически, все заставляет нас предположить, что Камден был недалек от истины, утверждая, что это кости саксов и датчан, убитых в битве при Кеннете в 1006 году нашей эры.^[89] Даже тогда, если над ними не было кургана, они вряд ли могли просуществовать 600 лет в том состоянии, в котором были найдены. Если мы не примем эту точку зрения, а будем настаивать на том, что Хакпен и Эйвбери являются современными памятниками и частью одного великого плана, то единственная гипотеза, которая приходит мне в голову, которая хоть как-то объясняет их особенности, заключается в том, что победоносная армия сожгла и похоронила своих убитых в Эйвбери, а побежденные войска получили разрешение похоронить своих мертвецов более скромно на Хакпен-хилл.

17. Участок Силбери-Хилл.

Силбери-Хилл, который образует третий элемент нашей группы, расположен почти строго к югу от Эйвбери, на расстоянии 1200 ярдов от внешней стороны кольца, первого, до подножия холма, или, насколько это возможно, одна римская миля от центра до центра. Мистер Рикман[90] основал аргумент на последнем факте, как будто он доказывает постримское происхождение группы; и подобно многим повторяющимся примерам 100 футов и 100 ярдов, которые проходят через все мегалитические останки, это может иметь некоторую ценность, но, как единичный случай, это можно рассматривать только как совпадение.

Размеры холма, установленные преподобным мистером Смитом из Йейтсбери,[91] таковы, что он имеет 130 футов в высоту, 552 фута в диаметре и 1657 футов в окружности; плоская вершина имеет 104 фута или 102 фута в поперечнике,[92] в зависимости от направления, в котором оно измеряется; последнее является еще одним римским совпадением, поскольку вершина, без сомнения, одновременно опустилась и распространилась. Угол наклона бортов составляет 30 градусов к горизонту.

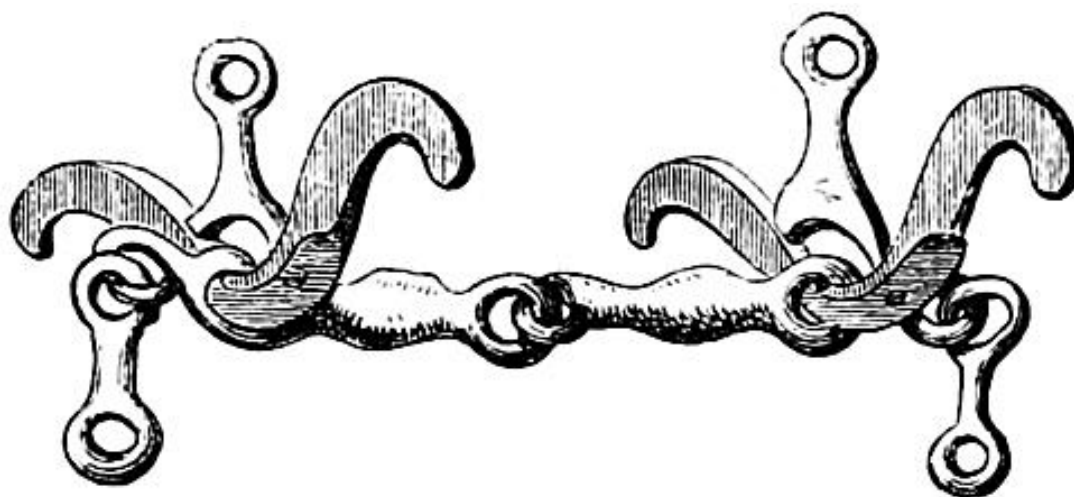
В 1777 году по приказу тогдашнего герцога Нортумберлендского и полковника Дракса от вершины кургана до основания была прорыта шахта, но не сохранилось никаких записей о том, что они обнаружили, или, скорее, не находили, поскольку, если бы они сделали какое-либо открытие, имеющее наименьшую важность, оно, несомненно, было бы доведено до сведения некоторых ученых обществ того времени. Впоследствии, в 1849 году, шахта была проложена почти горизонтально от южной стены на уровне первоначальной почвы к центру, где она встречалась с шахтой герцога; впоследствии вокруг центра была проложена круглая галерея, но тщетно; в ходе этих раскопок не было найдено ничего, что указывало бы на то, что курган когда-либо использовался для погребальных целей, или что проливало какой-либо свет на его историю или назначение.[93]

Судя по аналогиям, почерпнутым из наших знаний о параллельном индийском сериале, нам не следует удивляться, если это действительно был единственный результат. Из рассказов китайских путешественников, посетивших Индию в пятом и седьмом веках, мы узнаем, что около половины вершин, которые они видели и описывали, были воздвигнуты в память о событиях, а не для хранения реликвий или в качестве имитаций гробниц. Везде, где Будда или кто-либо из его последователей совершал какие-либо чудеса, или где происходило какое-либо событие достаточной важности, делающее желательным сохранение памяти о местности, где это произошло, там воздвигалась Башня. Приведу пример, имеющий более прямое, чем обычно, отношение к нашей нынешней теме. Когда Даттхагамини, король Цейлона (161 г. до н.э.), победил узурпатора Эллалу и восстановил истинную веру, он воздвиг недалеко от столицы дагобу в ознаменование своей победы. Каменный столб отмечает место, где началось действие, и там есть еще один каменный столб с надписью о

том, что он отмечает место, ставшее священным благодаря смерти и крови Элалы".[94] Дагоба представляет собой простой земляной холм, и, насколько известно, его никогда не вскрывали. В Афганистане многие вершины были открыты господами Дж. Массон и Хонигбергер оказались, что называется, "слепыми вершинами", но они не смогли определить по каким-либо внешним признакам, будут ли их исследования вознаграждены успехом или закончатся разочарованием.[95]

Стоят ли чего-нибудь эти аналогии или нет, ничто не кажется, по крайней мере на первый взгляд, более вероятным, чем то, что, если павшие вожди победоносной армии похоронены в Эйвбери, выжившие должны были нанять своих пленников в качестве рабов для возведения кургана на том месте, вероятно, где были убиты вожди и решилась битва. Традиция, однако, была утрачена, курган стоит молчаливый и необщительный, и теперь разгадать его загадку нелегко.

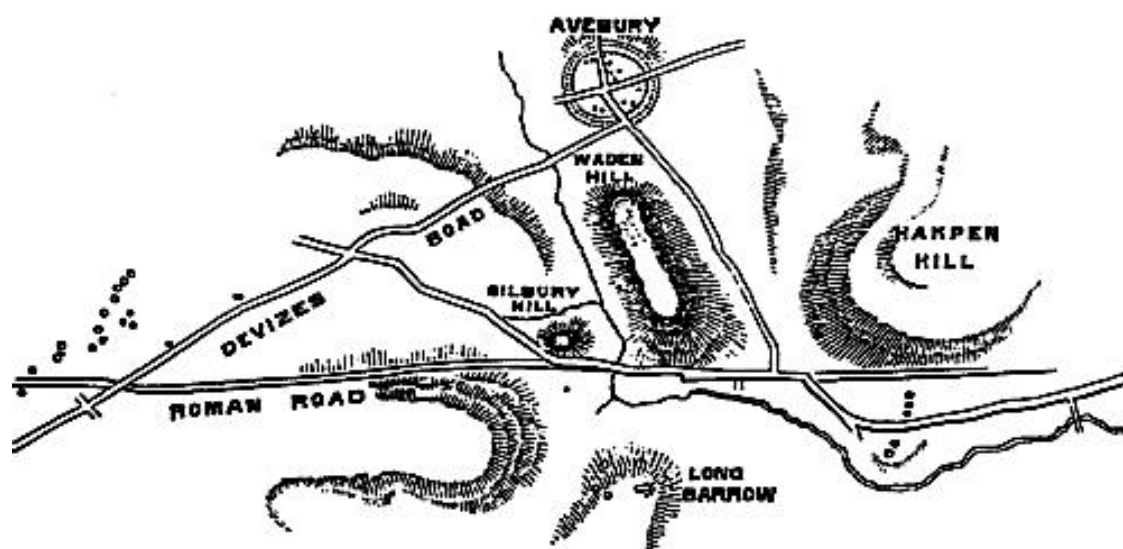
Однако очень преждевременно строить предположения либо об этих аналогиях, либо об отрицательных результатах исследований холма: последние были предприняты, как и раскопки в Эйвбери, исходя из эмпирического предположения, что основное месторождение будет найдено в центре, а в Силбери - на уровне земли, то есть именно в том месте, где его почти наверняка не было. Предположим, что в Силбери есть низкоуровневое захоронение, оно, вероятно, будет найдено в пределах 30 или 40 ярдов от внешней стороны кургана, на стороне, обращенной в сторону Эйвбери, если оно связано с этим памятником. Но знания, которые мы приобрели, как будет подробно описано ниже, в результате изучения Миннинг-Лоу, Арбор-Лоу, курганов Роуз-Хилл и других памятников этого класса, заставляют нас ожидать, что основное месторождение будет найдено недалеко от вершины. Обломок уздечки ([гравюра на дереве № 18](#)) и следы доспехов, которые были найдены во времена Стакли недалеко от вершины, отмечают, по всей вероятности, расположение основных захоронений, и ничто не удивило бы меня меньше, чем если бы пять или шесть захоронений были найдены расположенными вокруг верхнего плато на небольшой глубине под поверхностью. Мы будем в лучшем положении, чтобы судить о том, насколько это вероятно, когда закончим эту главу; но пока не будут представлены доказательства, бесполезно размышлять о его эффекте.

18. Железная уздечка. Найдена в Силбери-Хилл.

Одно время я надеялся, что римская дорога проходила под холмом, и если бы это было так, это решило бы вопрос о том, была ли она доримской или постримской. Чтобы убедиться в этом, в 1867 году были проведены некоторые раскопки на холме и одновременно на

возвышенности к югу от него. Поскольку там были обнаружены следы, которые, казалось, несомненно указывали на существование дороги, проходящей мимо холма, примерно в 50-100 ярдах к югу, раскопки на холме были прекращены, и линия дороги считалась установленной. Из-за различных неудач план этих открытий до сих пор не опубликован, но прилагаемой гравюры на дереве, взятой из Артиллерийской сводки, будет достаточно, чтобы объяснить ее отношение к данному вопросу.

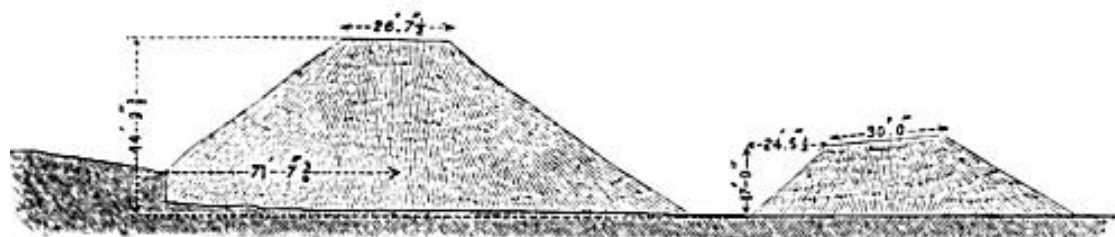
19. План Эйвбери, из Ordnance Survey. Линия римской дороги нанесена штриховкой по всей длине.

Когда стоишь на Силбери-Хилл и смотришь на запад, кажется, что дорога, ведущая из Бата через даунс, упирается прямо в холм. Миновав Девизес-роуд, она поворачивает на юг и вскоре снова принимает свое первоначальное направление. Примерно за милю до того, как она достигает холма, она снова поворачивает на юг и проходит мимо него на расстоянии от 50 до 100 ярдов, направляясь, по-видимому, к тому месту, где сейчас находится мост через Кеннет, который, возможно, существовал во времена Римской Империи. Те, кто утверждает о доримской древности холма, основывают свои доводы на предположении, что римляне всегда прокладывали или хотели делать свои дороги идеально прямыми, и что, поскольку они отклонялись к югу, это было следствием того, что холм находился там в то время, когда прокладывалась дорога. Этому, однако, резко противоречит линия этой самой дороги к западу от Девизес-роуд. По данным Артиллерийской службы, она проходит по кривой на протяжении 3 с половиной миль, пока не встретится с Уондсдайком. Почему это было сделано, не яснее, чем почему дорога должна была изгибаться к востоку от дороги Девизес. Но, с другой стороны, предположим, что холм находился там, где он стоит сейчас, и римляне хотели, чтобы дорога была прямой, ничто в мире не было для них так просто, как провести математически прямую линию между дорогой Девизес и точкой, где она пересекает холм. Местность является и была совершенно открытой и настолько плоской, насколько мог пожелать любой римский дорожник, и повсюду можно было прекрасно различить сигналы. Это ставит в заслугу римским топографам ту степень глупости, которую они, конечно, нигде не проявляли, - говорить, что если они хотели проложить прямую дорогу, то, увидев холм перед своими глазами, они сначала направились к нему, хотя знали, что, не пройдя и мили, они должны обогнуть его, чтобы объехать это самое препятствие. Даже тогда они постарались бы сделать ее как можно более прямой и приняли бы линию нынешней

автобусной дороги, которая проходит внутри их линии и между ней и холмом. В то же время, если кто-нибудь обратится к карте римских дорог в этом районе сэра Р. Колта Хоара "Станции Калн и Суиндон", которая включает Эйвбери, он обнаружит, что все они проложены линиями, более или менее криволинейными, а иногда и резко изогнутыми, когда таким образом нужно было достичь какой-либо цели. Таким образом, хотя, как правило, можно с уверенностью утверждать о презумпции прямолинейности римских дорог, полагаться на такие доказательства в каждом конкретном случае может привести к серьезной ошибке.

Вывод, сделанный на отрезке римской дороги дальше на восток на холме Хакпен, тот же. Она совершенно отчетлива и совершенно прямая примерно на милю, но если бы ее продолжили в том же направлении, она миновала бы холм на расстоянии по крайней мере 200 ярдов к югу и не соединялась бы с другим участком до тех пор, пока не миновала бы дорогу Девизес. Он был отклонен на север в деревне Кеннет, очевидно, чтобы достичь моста, а затем присоединиться к фрагменту, идущему из Бата.

Результатом всего этого, по-видимому, является то, что свидетельства о римской дороге в любом случае неубедительны и должны быть изъяты. Принимая точку, где она пересекается с дорогой Девизес, и участок, который находится на холме Хакпен, за неподвижные точки, чтобы соединить их, она должна была проходить значительно южнее холма; проходил ли он это по математически прямой линии или по слегка изогнутой, оставалось на усмотрение геодезиста; но пока мы не узнаем его мотивов, не в нашей власти привести какие-либо аргументы в их пользу.

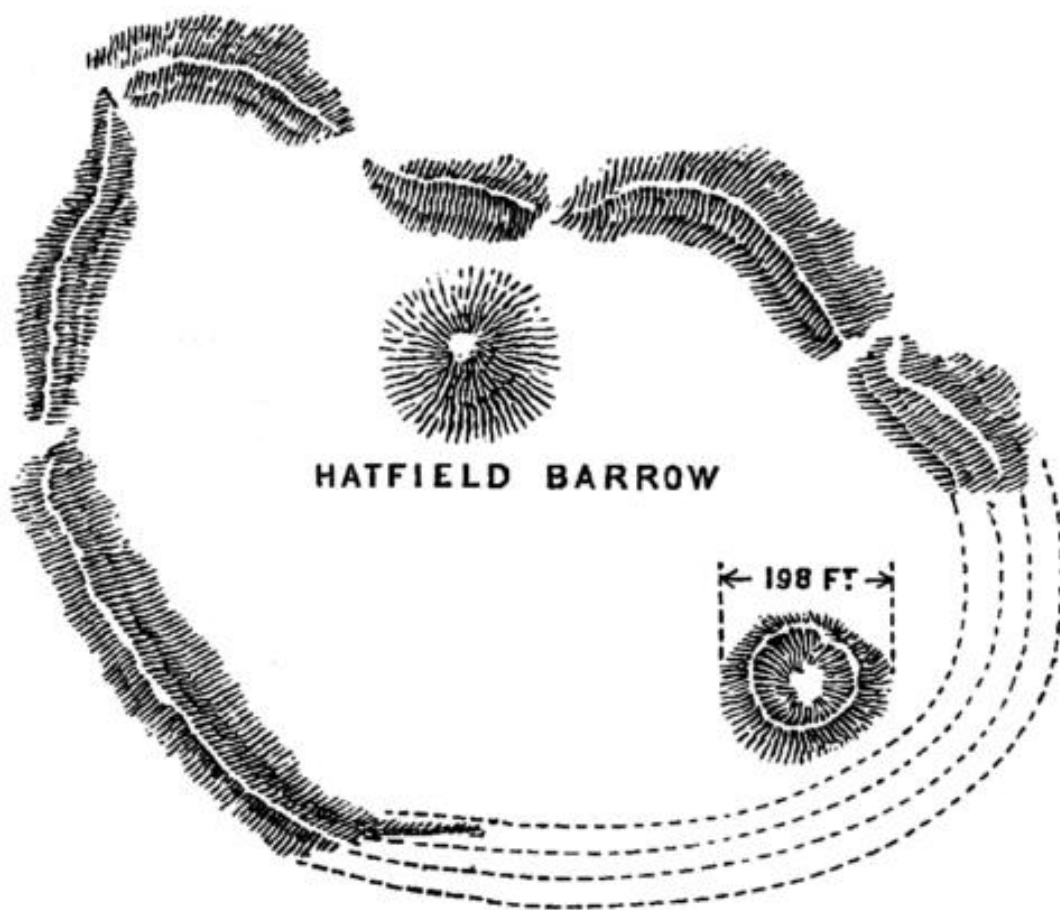

20. Возвышение холмов Бартлоу. Из "Археологии", XXX.

Если, однако, римская дорога отказывается свидетельствовать в пользу этой причины, форма холма дает некоторые ценные указания. Как упоминалось ранее, это усеченный прямолинейный конус, наклоненный под углом 30° к горизонту, в то время как все известные британские курганы являются куполообразными или, по крайней мере, криволинейными в сечении. За весь свой опыт сэра Р. Колта Хоар встречался только с одним прямолинейным памятником этого класса, который он, следовательно, называет Коническим курганом. Был ли он усеченным или нет, не совсем ясно. Сверху растут кусты или сорняки, которые скрывают его форму.[96] В кургане не было найдено ничего, указывающего на его возраст, кроме латунного (бронзового?) наконечника копья, но он принадлежал британской деревне, по-видимому, римского периода, поскольку в нем были найдены железные гвозди и римская керамика.[97] Как бы то ни было, в Бартлоу, на границе Эссекса и Кембриджшира, есть ряд курганов, которые представляют собой усеченные конусы и, несомненно, римского происхождения. В комнате одного из них была найдена монета Адриана, и мистер Гейдж и другие археологи, присутствовавшие при вскрытии, согласились, что все четыре вскрытых монеты были примерно одного возраста.[98] Поэтому мы можем быть уверены, что они были созданы не ранее времен Адриана, хотя, судя по стилю изготовления различных найденных изделий, я был бы склонен считать их несколько более современными, но это не имеет большого значения. Нас больше всего интересует тот факт, что угол наклона упомянутого

выше Конического кургана составляет 45 ° к горизонту, главных курганов в Бартлоу - 37½ °, а Силбери-Хилл - 30°. Здесь мы, конечно, имеем последовательность, недостаточно длинную, чтобы быть вполне удовлетворительной, но все же представляющую значительную ценность как указание на то, что Силбери-хилл был постримским.

С другой стороны, у нас есть несомненные свидетельства того, что усеченная коническая форма была распространена в постримские времена. Например, у нас есть такое место в Мальборо, неподалеку, и если это место было "Бери Мерлина", в чем сэр Р. Кольт Хоар охотно убедил бы нас, это значительно помогает нам в наших аргументах. Однако, не настаивая на этом, мистер Джордж Кларк в своей наиболее ценной статье о древних английских замках,[99] перечисляет девяносто усеченных конусов, возведенных в Англии, по его мнению, между римскими временами и нормандским завоеванием. "Эти земляные сооружения, - говорит он, - можно описать так: сначала был насыпан усеченный земляной конус, стоящий на своем естественном склоне от 50 до 100 футов в диаметре наверху и от 20 до 50 футов в высоту".[100] Мистер Кларк не верит, что они когда-либо были захоронениями, и ему не приходит в голову, что они могут быть мемориальными. Я бы, однако, не был склонен принимать первый вывод за абсолютный до тех пор, пока не будут проведены раскопки, по крайней мере, в некоторых из них, где, как мне кажется, мы можем найти указания, скорее, в обратном направлении. Были ли они мемориальными или нет, должно зависеть от традиций, на которые до сих пор никто не обращал внимания. Утверждение г-на Кларка состояло в том, что все они в то или иное время использовались в жилых целях и в качестве укреплений, и многие из них зарегистрированы как возведенные как замки. Все это, вероятно, совершенно верно, но нас здесь интересует тот факт, что существует почти сотня примеров усеченных земляных конусов, выброшенных в Англии после римских времен, и ни одного до. Если это так, то неизбежным представляется вывод о том, что Силбери-Хилл должен принадлежать к более поздней эпохе. Можно ли подтвердить этот вывод или нет, должно зависеть от того, что следует из других памятников, которые мы собираемся исследовать. Свидетельств самого памятника, а это все, что мы до сих пор имели возможность привести, может быть достаточно, чтобы сделать это вероятным, но не для доказательства правоты дела. Если не будут приведены другие примеры, свидетельствующие в том же направлении, дело не может считаться доказанным, какой бы сильной ни была *презумпция prima facie* ни была установлена.

21. Марден Серкл. От сэра Р. К. Хоара. Без масштаба.

Хотя Марден серкл немного удален, возможно, будет удобно включить его в группу Эйвбери. Он расположен в деревне с таким названием в семи милях к югу от Силбери Хилл. Когда сэр Р. Кольт Хоар обследовал его пятьдесят лет назад, южная половина вала была настолько полностью разрушена, что ее невозможно было отследить, и он перенес ее через ручей, в результате чего вся площадь составила около пятидесяти одного акра.^[101] У меня сложилось впечатление, что это ошибка, и что площадь круга была лишь примерно вдвое меньше. Вал был примерно того же сечения, что и в Эйвбери, и ров находился внутри, как и там. Внутри этого ограждения были две насыпи, расположенные несимметрично, как круги в Эйвбери. Большую из них вскрыли с большим трудом из-за рыхлой природы земли, из которой она состояла; и мистер Каннингтон был убежден, что она была погребальной и содержала одно или несколько захоронений путем кремации; но сэр Р. Кольт Хоар был настолько проникнут друидической теорией Эйвбери, что не мог отказаться от идеи, что столь похожий памятник должен быть также друидическим алтарем и храмом в целом. Второй курган был слишком сильно разрушен, чтобы дать какие-либо результаты, и при повторном осмотре места оказалось, что он был расчищен. Большая часть валлума также была удалена, но в нем был найден по крайней мере один скелет человека, который был там похоронен.^[102] Сколько еще их могло быть, сказать невозможно. Разрушители этих древностей вряд ли могли похвастаться количеством тел, которые они потревожили.

Большой интерес этого круга заключается в том, что он содержит в земле аналог того, что было найдено в Эйвбери в камне; не то чтобы это обязательно указывало на более ранний или более поздний возраст. В Мардене, который находится на краю мела, камней нет, в то время как местность вокруг Эйвбери была и остается покрытой сарсенами по сей день.

Однако это можно рассматривать как очень положительное свидетельство могильного характера этого памятника, если бы таковой был необходим и если бы он был тщательно исследован, возможно, удалось бы решить вопрос о возрасте обоих. В этом отношении памятник Мардену представляет собой лучшее поле для исследования, чем Эйвбери. Разрушение или обезображивание его холма, или валлума, не было бы большой потерей для антикваров, если бы велись надлежащие записи об их нынешнем виде; в то время как делать что-либо, ведущее к дальнейшему обветшанию Эйвбери, является святотатством, от которого каждый содрогнулся бы.

Прежде чем покинуть окрестности, теперь остается только попытаться определить, кто были те храбрецы, которые были похоронены в Эйвбери, и кто те победители, которые воздвигли курган в Силбери, предполагая, что один является местом захоронения, а другой трофеем. Несколько лет назад я предположил, что это были те, кто пал в последней и величайшей битве Артура при Бадон-Хилл, сражавшиеся где-то в этом районе в 520 году нашей эры,^[103] и ничто из того, что произошло с тех пор, не поколебало моей убежденности в правильности этого определения, ГИПЕРССЫЛКА \ "X109d027cf1215896c46d7053863d1196fc7429f" но многое, как правило, подтверждает это.

Авторы "Monumenta Britannica" фиксируют место этой битвы при Бейнсдауне, недалеко от Бата, что соответствует общепринятому мнению.^[105] Карт и другие предположили, что Бейдон-Хилл находится примерно в тринадцати милях к западу-северу от Эйвбери, в то время как доктор Гест относит его к Бэдбери, в Дорсете,^[106] расстояние в сорок миль. К сожалению, Гильдас, который является нашим главным авторитетом в этом вопросе, дает нам только в трех словах все, что он может сказать о местности, в которой велись бои — "Prope Sabrinum Ostium";^[107] и утверждалось, что эти слова являются интерполяцией, потому что они встречаются не во всех древних рукописях. Однако, если они являются вставкой, они все еще относятся к очень древней эпохе и не были бы приняты и повторены, если бы они не были добавлены кем-то, кто знал или имел полномочия для их представления. В общепринятом переводе эти слова означают "недалеко от устья Северна", сооружения, сразу же пагубного для притязаний Бата, которое невозможно описать как "недалеко от этой реки", даже если бы кто-нибудь мог сказать, где находится устье этой реки. Труднее всего определить, где заканчивается река и начинается устье, и особенно для средневекового географа эта точка должна была находиться гораздо ближе к Глостеру, чем даже к Бристолу. Это, однако, не имеет большого значения, поскольку слова в тексте - не "Sabrinæ ostium", а "Sabrinum ostium"; и поскольку о реке всегда говорится как о реке женского рода, здесь она не упоминается, и выражение может быть переведено только как "у валлийских ворот". Также не кажется трудным определить, где должны были находиться валлийские ворота.

Вандсдаик, по-видимому, всегда рассматривался как барьер, воздвигнутый для предотвращения вторжений валлийцев в южные графства, и та его часть, которая простирается от Савернейк форест на запад на десять или двенадцать миль, кажется, в какой-то сравнительно недавний период была возведена и укреплена^[108] (либо белгами, либо саксами), чтобы сделать его более эффективно для этой цели. В зависимости от того, продвигается ли армия на север от Винчестера или Чичестера к долине Северн, или движется из Глостера или Сайренчестера на юг, вал либо защищает, либо преграждает путь. В его центре, недалеко от истоков Кеннета, саксы продвинулись в 557 году для осады замка Барбери, и, завоевав эту выгодную позицию, они снова продвинулись в 577 году к Деораму и участвовали в битве, в результате которой они овладели Глеванкестером, Киренсастером и Батанкестером.^[109] То, что они затем совершили, они, похоже, безуспешно пытались

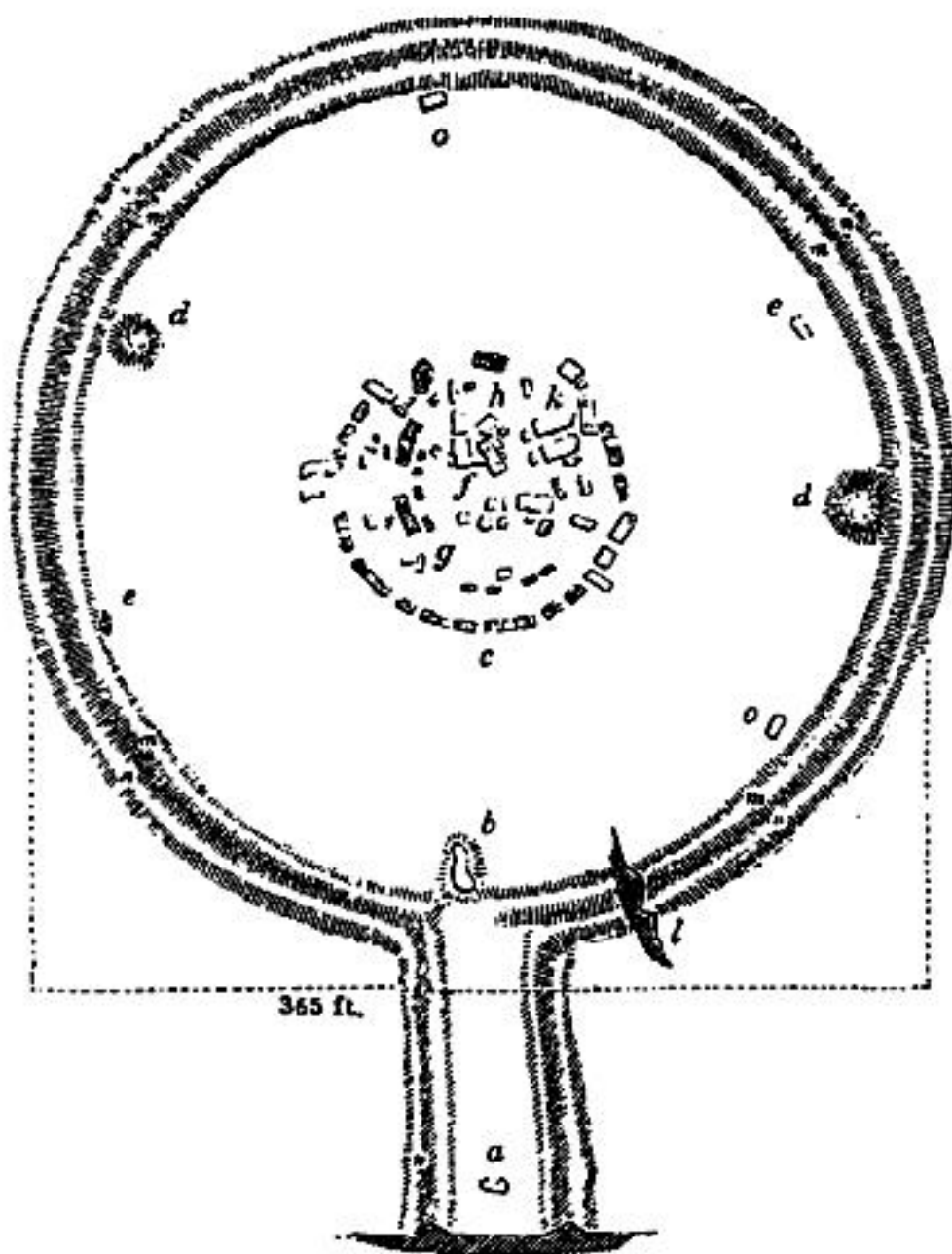
совершить тридцать семь лет назад и были остановлены при попытке Артура на Бадон-Хилл. Если это так, то не может возникнуть особых трудностей с определением местоположения валлийских ворот как того отверстия, через которое сейчас проходит дорога в 2 с половиной милях к югу от Силбери-Хилл, в самом центре укрепленной части Уондсдайка. Если это так, то саксы под командованием Сердика, должно быть, проходили через деревню Эйвбери, если предположить, что она тогда существовала, по пути в Сайренчестер; и если мы предположим, что Артур напал на них на Уоден-хилл, то вся история кампании становится ясной. Если мы можем полагаться на номинальное сходство, то этот случай можно считать доказанным. Ваден - это название, которым в наши дни жители страны называют холм между Эйвбери и Силбери, и так он называется в справочниках артиллерийской разведки, а этимологически Ваден больше похож на Бадон, чем на Байдон, или Бэдбери, или на любое другое название по соседству. Возражение против этого состоит в том, что холм Уоден не укреплен, и что Гильдас говорит о "Одержимости Монтисом Бадоники". Это правда, что сейчас на нем нет следов каких-либо земляных работ, но во времена Стакли на его вершине были курганы и земляные кольца (очевидно, могильные), которые изображены на его табличках; но сейчас от них не осталось и следа. Холм был возделан в его время, и примерно через столетие после его смерти все следы крепостных валов, возможно, были стерты, если предположить, что они вообще существовали. Однако я полагаю, что истинное объяснение этой трудности можно найти в отчете Джеффри Монмутского об этих сделках. Он - хрупкая трость, на которую можно положиться; но иногда кажется, что у него был доступ к авторитетным источникам, ныне утраченным, и их свидетельства порой проливают значительный свет на отрывки нашей истории, которые иначе были бы малоизвестны. По его словам, была и осада, и сражение; и его рассказ об этом сражении настолько обстоятелен и правдоподобен, что трудно поверить, что это чистая выдумка. Если это не так, то каждая деталь его описания идеально соответствовала бы нападению на армию, расположенную на холме Уоден.^[110] Тогда, вероятно, осадой был бы холм Барбери, который Сердику пришлось бы поднять при наступлении Артура; и отступая к убежищу Вандсдайка, он был настигнут в этом месте и разбит, и таким образом, между бриттами и саксами на много лет установился мир. Возможно, правда, что письменные свидетельства либо недостаточно подробны, либо недостаточно точны, чтобы установить тот факт, что битва велась на этом месте. Следует, однако, признать, что ничто из написанного не противоречит изложенному здесь, и когда к этому мы добавляем такое место захоронения, как Эйвбери, на одном конце Уоден-Хилл, и такой памятник, как Силбери-Хилл, на другом, доказательства того, что это было так, кажутся мне настолько достоверными, насколько мы можем сейчас ожидать в подобных вопросах.

Однако тех, кто считает, что все эти памятники абсолютно доисторические, конечно, не убедит ни один аргумент, основанный на одном памятнике; но если окажется, что можно привести еще более убедительные доводы в пользу столь же современного возраста других памятников, с этим доводом в конечном итоге придется согласиться. Когда это произойдет, я не сомневаюсь, что в конце концов будет признано, что те, кто пал в двенадцатой и величайшей битве Артура, были похоронены на ринге в Эйвбери, и что те, кто выжил, воздвигли эти камни и курган в Силбери в тщетной надежде, что они передадут позднейшим потомкам память об их доблести.

Стоунхендж.

Хотя из-за своего исключительного характера Стоунхендж не так ценен, как некоторые другие, как свидетельство возраста или использования остальных памятников этого класса, в некоторых отношениях он даже более важен для наших аргументов, поскольку обладает более полной средневековой историей, чем почти любая другая из серии. Следует

признать, что эта история не так ясна и не так полна, как можно было бы пожелать; но вместе с другими доказательствами, которые можно привести, она представляет собой настолько убедительный довод, что оставляет желать лучшего. Однако, прежде чем перейти к этому, необходимо выяснить, что такое Стоунхендж на самом деле, или, скорее, был им, поскольку, как ни странно, хотя опубликовано бесчисленное количество его реставраций, ни одна из них не является вполне удовлетворительной. Существует очень мало расхождений во мнениях относительно внешнего круга или пяти больших центральных трилитов, но существует максимально возможное разнообразие мнений относительно количества и положения меньших камней внутри центрального или между двумя большими кругами.

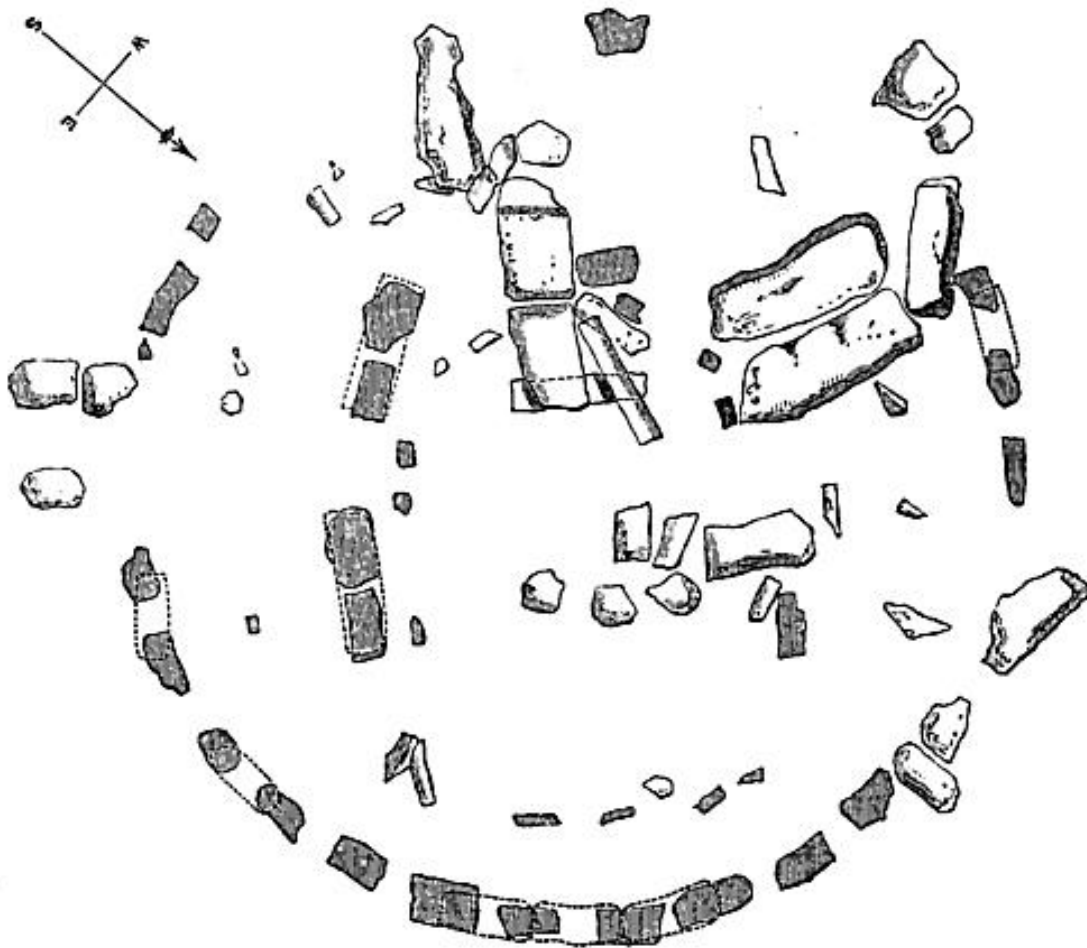
22. Общий план Стоунхенджа. Из "Рыцарской Старой Англии".

Кажется, нет никаких сомнений в том, что внешний каменный круг первоначально состоял из тридцати квадратных опор, расположенных по окружности примерно на равном расстоянии друг от друга. Хотя в настоящее время можно идентифицировать только двадцать шесть из

них, стоящих или лежащих фрагментами на земле, представляется столь же несомненным, что все они были соединены сплошной каменной опорой или архитравом, хотя только шесть из них сейчас находятся на месте.^[111] Обычно утверждается, что диаметр круга составляет около 100 футов, и поскольку это было предложено в качестве причины, по которой его считают постримским, важно знать его точные размеры. Оказывается, что от поверхности одного пирса до поверхности противоположного, где оба перпендикулярны, расстояние составляет $97 \cdot 6$, или ровно 100 римских футов. Расстояние от внешней стороны этих опор до внутренней части земляного вала, который окружает все здание, снова составляет 100 футов, хотя сейчас это невозможно определить с точностью до фута или двух, или даже больше; но поскольку это составляет 100 ярдов и 100 футов, которые так часто встречаются в этих памятниках, эти размеры вряд ли можно считать случайными, и "valeant quantum" указывает на их постримскую датировку.^[112]

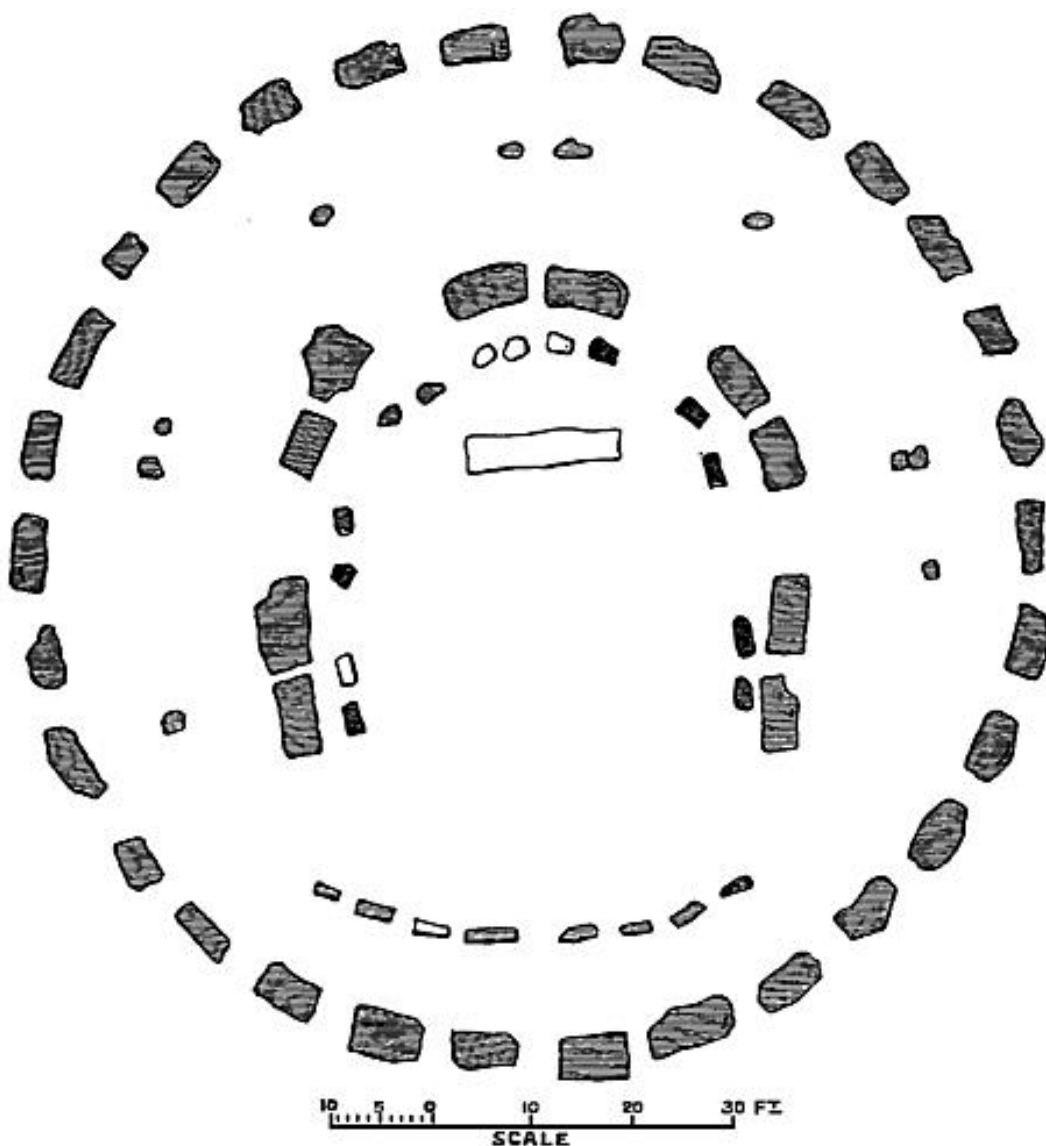
Внутри этих внешних кругов расположены пять великих трилитов. С момента публикации плана сэра Р. Кольта Хоара их положение и план можно считать улаженными. По его словам, высота внешней пары составляет 16·3, промежуточной пары - 17·2, а большого центрального трилитона в его нынешнем виде - 21·6. В своем простом величии они, пожалуй, являются самым эффектным образцом мегалитического искусства, которое когда-либо было создано человеком. Египтяне и римляне возводили камни большего размера, но они разрушили их величие орнаментом или сопутствующими элементами; но эти простые квадратные массивы на равнине Солсбери до сих пор не имеют себе равных по великолепию в своем особом стиле.

Все камни в этих двух больших группах представляют собой сарсены, как их называют местные жители, особый класс кремнистого песчаника, который встречается в качестве местного месторождения на дне долин между Солсбери и Суиндоном. Это тот же камень, что используется в Эйвбери, с той разницей, что там камни используются грубыми в их естественном состоянии, здесь же они обтесаны и подогнаны с очень большим изяществом. Каждая из стоек имеет шип на своей поверхности, а на нижней стороне архитрава, или горизонтальной детали, есть паз, или, скорее, два паза, в которые эти шип входят со значительной точностью.

23. Существующий в настоящее время Стоунхендж, согласно плану мистера Хокшоу.

Кроме них, даже сейчас внутри внутреннего круга есть одиннадцать камней, некоторые стоят, другие сброшены, но все еще существуют. Они имеют разную природу, поскольку все вырублены из магматических пород, которые не встречаются ближе Корнуолла или даже Ирландии. Точно не установлено, откуда они взялись; на самом деле, они, по-видимому, бывают разных видов и, следовательно, должны были быть привезены из разных мест. На местном уровне их называют Голубыми камнями, и, возможно, было бы хорошо пока принять это краткое название, поскольку оно не предполагает никакой теории и его достаточно, чтобы отличить их от местных сарсенов.

24. Восстановлен план Стоунхенджа.

Ни один из голубых камней не является крупным; один из лучших (23 на плане сэра Р. Кольта Хоара) имеет высоту 7 футов 6 дюймов, ширину 2 фута 3 дюйма у основания и сужается к вершине до 1 фута. Остальные, как правило, меньше. Один синий камень напротив 23-го прорезан канавкой сверху донизу, хотя для какой цели это делается, догадаться нелегко. При самом беглом взгляде становится очевидным, что эти камни обычно стояли парами, примерно в 3 футах друг от друга; но некоторые из них настолько полностью опрокинуты и смещены, что не совсем ясно, можно ли утверждать это обо всех. Войдя в хор по левую руку, мы находим тот, который, кажется, стоит особняком. Но мы можем заключить, что так было не всегда, исходя из того обстоятельства, что рядом с ним лежит самозванный камень с двумя врезными отверстиями, всего в 3 футах 6 дюймах друг от друга, который, должно быть, принадлежал к меньшему разряду трилитов и как раз такой, который подошел бы к паре синих камней. Следующая пара слева очень отчетлива и находится между двумя большими трилитами. Следующая пара также расположена аналогичным образом. На противоположной стороне есть две пары, но расположенные, насколько можно разглядеть, перед трилитами, а не между ними; и опять же, за камнем, называемым Алтарным камнем, есть два синих камня, но они настолько смещены из-за падения большого трилита позади них, что невозможно с уверенностью определить их первоначальное положение.

Вероятно, будет невозможно определить, были ли все пары камней миниатюрными трилитонами или нет, пока мы не сможем перевернуть все камни, которые сейчас усеивают землю, и посмотреть, есть ли второй камень с двумя углублениями на расстоянии 3-4 футов друг от друга. Между тем в работе Генри Хантингдона есть отрывок, который, возможно, прольет некоторый свет на этот предмет. He describes "Lapides miræ magnitudinis in modum portarum elevati sunt, ita ut portæ portis superpositæ videantur."^[113] При очень небольшой широте перевода это может быть воспринято как указание на большие трилиты, возвышающиеся над меньшими; но если мы хотим придерживаться буквального значения слов, это недопустимо. Поэтому было предложено другое объяснение. Самозванный камень из великого трилита, по-видимому, имеет врезные отверстия с обеих сторон. Если те, что на одной стороне, не являются просто последствиями непогоды, это должно указывать на то, что на них что-то стояло. Если мы возьмем два кубических блока и установим на них камень, который теперь называется Алтарным камнем, который имеет точные требуемые размеры, мы получим устройство, очень похожее на ворота Санчи,^[114] слепок которого сейчас выставлен в Южном Кенсингтоне, и который полностью оправдал бы слова Хантингдона. Если кто-то возразит, что в поисках типа до Санчи еще далеко, можно ответить, что кипрские императорские монеты имеют очень похожую конструкцию, и оба могут быть получены из общего центра. Однако в целом я склоняюсь к первому объяснению. Несомненно, существовали большие и малые трилиты, и от латинского писателя средневековья не следует ожидать слишком большой точности описания.

Было высказано немало удивления по поводу того, какого труда, должно быть, потребовалось, чтобы перевезти эти голубые камни из Корнуолла или Уэльса и установить их здесь. Если мы отнесем их к доримским временам наших обнаженных предков, раскрашенных в синий цвет, то трудности, конечно, будут значительными. Но после римских времен класс судов, которые они имели обыкновение строить на этих островах, должно быть, облегчил их транспортировку по морю, даже если они прибыли из Ирландии, как я полагаю, так и было. И любой, кто видел, с какой легкостью китайские кули переносят монолитные колонны длиной 10 и 12 футов и пропорциональной толщины, не удивится, что двадцать или тридцать человек должны были переносить их от истока Саутгемптон-Уотер до Стоунхенджа.^[115] С работами, оставленными римлянами, и с той каплей цивилизации, которую местные жители не могли не перенять от них, все было просто и, должно быть, было легким.

Еще большее удивление вызывала масса камней, из которых были сложены сами великие трилиты, и было распространено множество предположений о том, как наши предки могли без машин перетаскать эти массы на место и установить их в том виде, в каком они стоят сейчас. Большая часть этого чуда была удалена, поскольку стало понятно, что сарсены, из которых они состоят, являются естественными отложениями, обнаруживаемыми на поверхности во всех низинах Уилтшир-даунс. Благодаря прогрессу цивилизации они исчезли в окрестностях Солсбери, но их все еще можно увидеть сотнями в Клатфорд-Боттом, по всему Эйвбери и в северной части даунса. Следовательно, расстояние, на которое приходилось перетаскивать камни Стоунхенджа, вероятно, было очень небольшим; и спуск по твердой, ровной меловой поверхности с помощью нескольких роликов и веревок, должно быть, не представлял большой трудности. Процесс перекрытия их временной насыпью из дерева и мела также не испугал бы грубых людей, для которых время не имело значения. В конце концов, Стоунхендж - всего лишь детская забава по сравнению с монолитными массивами, которые египтяне добывали, вырезали и передвигали по всей своей стране задолго до того, как о Стоунхендже задумались, и без машин в том смысле, в каком мы понимаем этот термин. В Индии наши деды, возможно, видели гораздо более

замечательные дела, прежде чем мы вытравили из людей все чувства и предприимчивость. Например, большие ворота в Серингеме имеют высоту 40 футов, ширину 21 фут и глубину 100 футов. Каждый из четырех дверных косяков сделан из цельного гранитного блока, следовательно, более 40 футов в длину, поскольку они частично зарыты в землю. Все здание покрыто гранитными плитами, каждая длиной более 21 фута и поднятая на высоту 40 футов; и все они, хотя и сделаны из гранита, покрыты искусной резьбой. Однако строительство ворот было остановлено нашей ссорой с французами за обладание Трихинополем в середине прошлого века. У индейцев в те дни не было машин, но с большим количеством рук и досугом можно было воздвигнуть горы; и именно по этому принципу действуют варварские народы и благодаря ему они достигают таких чудес. Массы Стоунхенджа, в конце концов, не так уж велики, но они впечатляют своей простотой. Используя очевидный парадокс, это одно из самых художественных зданий в мире из-за самого отсутствия искусства. 40-футовые монолиты Серингема не впечатляют так сильно, как 20-футовые камни Стоунхенджа, потому что один покрыт скульптурой, другой более приближен к естественному состоянию, и воздействие на разум значительно усиливается монолитной простотой целого.

Как ни странно, само это величие и кажущаяся сложность являются одной из наиболее распространенных причин, объясняющих его доримскую древность. Мало кто может избавиться от неопределенного впечатления, что все великое и трудное должно быть также древним, хотя есть вероятность, что если проанализировать это чувство, то окажется, что оно возникло из знаний, которые мы усвоили в детской и которые рассказывали нам о великанах, живших в незапамятные времена. Однако если мы обратимся от поучений, содержащихся в детских стишках, к страницам трезвой истории, то узнаем нечто совсем иное. Не придавая слишком большого значения нагоде и синей краске наших предков, вся история и свидетельства курганов заставляют нас предположить, что жители этого острова до того, как его заняли римляне, были малочисленны, *телосложением* были бедны и находились на очень низком уровне цивилизации. Хотя их национальный дух, возможно, был выбит из них, они, должно быть, увеличились в численности, в физическом комфорте и в цивилизации за четыре столетия мирного процветания римского владычества, и, следовательно, насколько можно судить по этому аргументу, стали бесконечно более способны воздвигнуть такой памятник, как Стоунхендж, после ухода римлян, чем они были до их прихода.

Безусловно, кажется одной из самых странных инверсий логики предполагать, что Стоунхендж воздвиг тот же самый народ, который за сотни, а может быть, и тысячи лет своей оккупации не смог создать ничего большего, чем жалкие кротовые холмы курганов, которые они наскребли по всем Уилтширским холмам. Ни у одного из них нет даже каменного круга вокруг основания; нигде нет камня битвы или какого-либо каменного памятника. Хотя холмы, должно быть, были покрыты сарсенами, у них не хватило ни ума, ни предприимчивости даже на то, чтобы установить один из этих камней дыбом. И все же нас просят поверить, что одни и те же люди в одном и том же штате воздвигли Стоунхендж и Эйвбери и возвели холм Силбери. Эти памятники могут быть выражением чувств той же расы, но, если я не очень сильно ошибаюсь, совсем другой и гораздо более развитой цивилизации.

Мы будем в лучшем положении, чтобы ответить на часто поднимаемый вопрос, были ли голубые камни частью первоначального сооружения или были добавлены позже, когда обсудим материалы для истории его возведения; тем временем мы можем перейти от них, которые являются действительно интересной частью сооружения, к кругу, который, как

обычно предполагается, существовал между внешним кругом Сарсенса и внутренним хором из больших камней.

Относительно этого нет ничего определенного, за исключением восьми камней, которые тянулись поперек входа на хоры и, следовательно, могут быть названы экраном хора. Из четырех с правой стороны только один упал, но он все еще там; с левой стороны остались только два, и только один стоит, но рисунок совершенно ясен. Два центральных камня имеют высоту 6 футов, а сами камни равномерно отваливаются вправо и влево до 3 футов на концах. Это грубые неотесанные сарсеновые камни, но ничто не указывает на то, были они частью оригинального дизайна или нет.

Помимо этого, между двумя большими сарсеновыми кругами, находится около девяти или десяти камней, но находятся ли они на месте или нет, или их когда-либо было больше, определить, кажется, невозможно. Слева, ближе к центру, изображена пара, которая, возможно, была трилитомом, но остальные разбросаны настолько несимметрично, что было бы опасно выдвигать какие-либо предположения относительно их первоначального расположения. Однако кажется совершенно невероятным, что, хотя экран хора даже сейчас почти цел, этот круг, если он когда-либо существовал, должен был быть настолько полностью разрушен. Если бы она была законченной, то, вероятно, состояла бы из 40 камней (исключая, конечно, ширму на хорах), и из них только 10, если не больше, можно назвать принадлежащими ей. Это грубые необработанные камни небольших размеров.

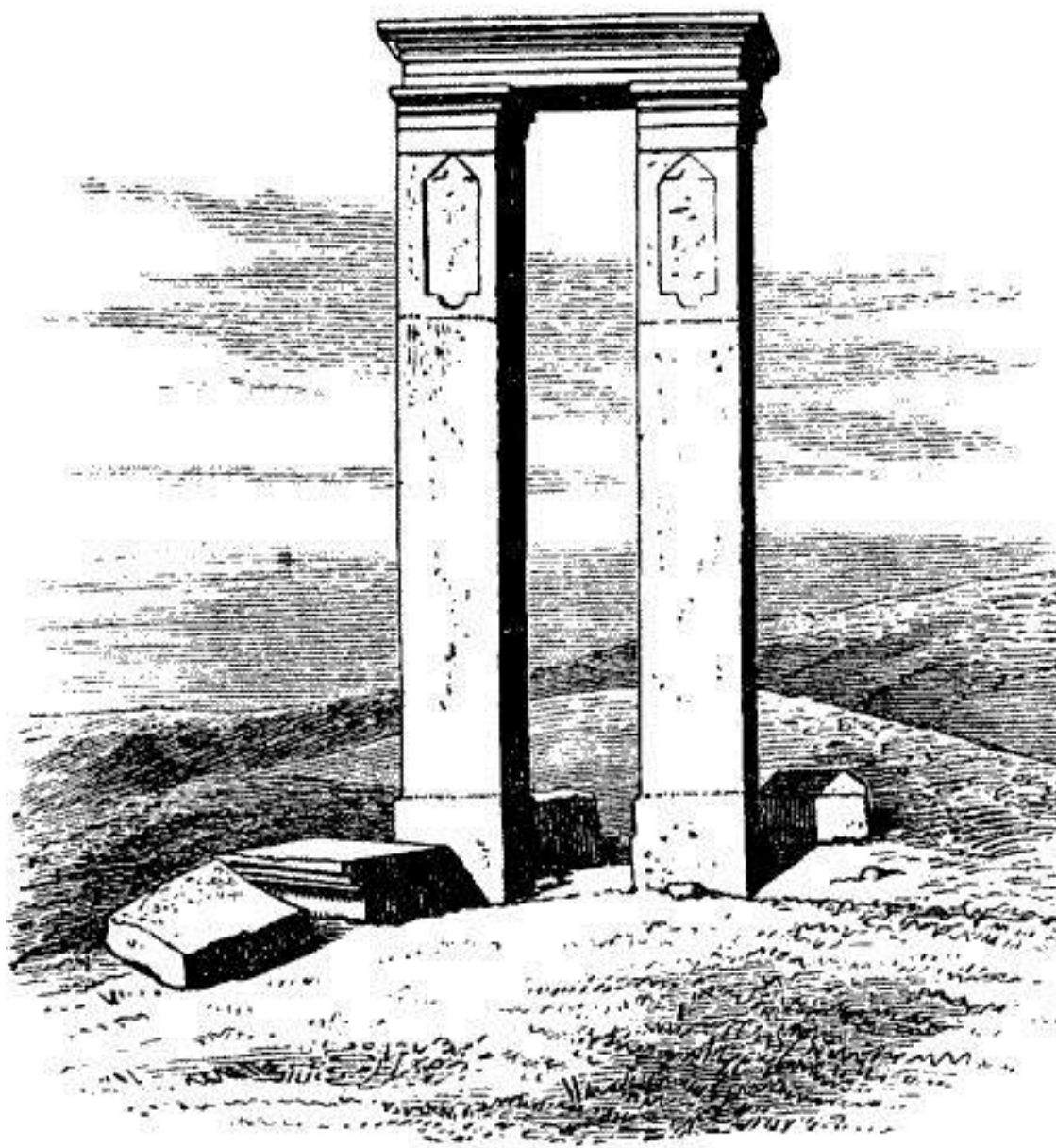
В дополнение к этому, внутри валлума лежат два камня, которые сейчас опрокинуты, несимметрично друг другу или чему-либо еще. Здесь снова возникает вопрос, были ли там еще? На данный момент нет ничего, что могло бы привести нас к нашему ответу, и поскольку от этого ничего не зависит, мне, возможно, будет позволено предположить, что каждое из этих событий знаменует собой вторичное погребение. У подножия каждого, как мне кажется, можно было бы найти урны или кости, или какие-нибудь свидетельства захоронения, и если бы это место оставалось местом захоронения в течение столетия, его могли бы окружить кругом камней, как Эйвбери, или Кричи, или Стэнтон-мур. Однако это место, возможно, опустело вскоре после того, как были возведены эти два здания, и с тех пор ни одно из них не было пристроено.

Есть еще два других камня, один стоящий, другой лежащий на короткой аллее, ведущей к храму. Их положение в точности совпадает с положением двух камней, которые являются единственным, что видно на так называемой Бекхэмптон-авеню в Эйвбери. Но для чего они нужны, догадаться трудно. Если бы любое из этих мест было храмовым, они были бы расположены друг напротив друга по обе стороны проспекта, чтобы священники в процессии и люди могли проходить между ними, но, поскольку они располагались друг за другом в центре проезжей части, они, должно быть, имели какое-то другое значение. Что бы это могло быть, я не могу предположить. Лопата может подсказать нам, если применять ее разумно, но, кроме лопаты, я не знаю, где искать решение этой загадки.

Те, кто считает, что Стоунхендж был храмом, безусловно, имеют гораздо больше оснований для такой теории, чем это было бы возможно установить в отношении Эйвбери. Действительно, глядя на план местности выше, в его расположении есть что-то исключительно тамплиерское. В центре находится хор, на котором можно было бы совершать достойную службу, а камень сейчас находится как раз в таком положении, чтобы дать ему право называться алтарным камнем. Однако, к несчастью для этой теории, он находится на одном уровне с землей, и даже если мы предположим, что поверхность вокруг него была приподнята, его толщины недостаточно, чтобы дать ему право называться

таковым, судя по любому аналогичному примеру, известному нам в других местах. Вокруг хоров проходит то, что с полным основанием можно считать дорожкой для процессий; и если бы только его стены были прочными и имелись какие-либо признаки того, что здание когда-либо было покрыто крышей, было бы трудно доказать, что оно было возведено не как храм, а для богослужения. Поскольку, однако, у него нет стен, и невозможно поверить, что он когда-либо предназначался для перекрытия крыши, все аргументы, которые применимы к Эйвбери в этом отношении, в равной степени применимы и здесь, включая этот в дополнение. Если только его строители не были гораздо более толстокожими или покрытыми шерстью, чем их дегенеративные потомки, когда они выбрали этот очень продуваемый сквозняками и гипотральный стиль архитектуры, они, несомненно, выбрали бы защищенное место на берегу Эйвона неподалеку, где с помощью деревьев и других приспособлений они могли бы обеспечить некоторое укрытие от суровой погоды. Они никогда бы не воздвигли свои храмы на самой высокой и наиболее открытой части меловой равнины, где невозможно было укрыться и где никакая служба не могла совершаться иначе, как через нерегулярные промежутки времени, в зависимости от погоды в течение года. Поскольку, однако, он отличается не только планом, но и конструкцией — он обтесан и имеет выступы — от всех грубых каменных кругов, с которыми мы знакомы в других местах, ни одна теория не будет вполне удовлетворительной, которая не объясняла бы это различие. Я полагаю, что это различие проистекает из того факта, что единственный из всех известных нам памятников такого класса, он был возведен неторопливо и в мирное время князем, сохранившим в своих жилах значительную примесь римской крови. Все или большинство других, по-видимому, представляют собой записи сражений, возведенные в спешке солдатами и неквалифицированными рабочими, но об этом позже.

Из-за его исключительного характера обычные аналогии применимы не столько непосредственно к Стоунхенджу, сколько практически к любому другому памятнику.

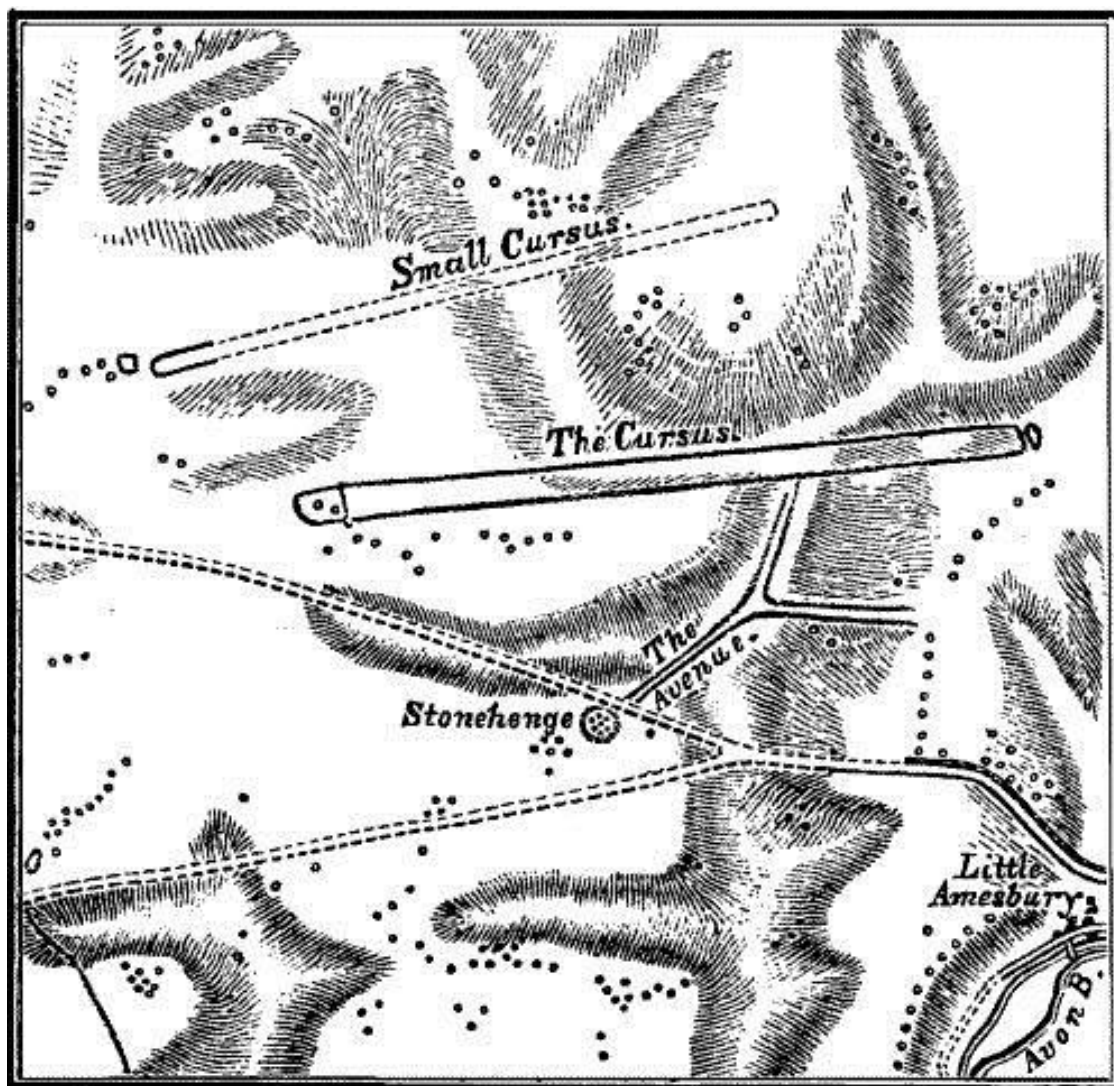

25. Гробница Исидора в Хатуре.

Мы сможем лучше судить о том, насколько применимы те, что заимствованы из Индии, когда опишем памятники этой страны. В Европе трилитон, безусловно, явление исключительное, и проследить его происхождение нелегко. Мое собственное впечатление таково, что это всего лишь усовершенствованный дольмен, стоящий на двух ножках вместо трех или четырех; но если это так, то отсутствуют промежуточные этапы, которые позволили бы нам логически связать эти две. Однако они не были совсем неизвестны в римском мире. Например, несколько из них существуют в Сирии; три из них выгравированы на работе Де Вогюэ. Одна (гробница Эмилия Регина, 195 г. н.э.) состоит из двух дорических колонн с импостом; другая ([гравюра на дереве № 25](#)) - гробница некоего Исидора, датирована 222 годом н.э. и больше похожа на наш пример с Солсбери; оба последних названия расположены недалеко от Хатуры.^[116] Отношение подобного примера к вопросу о возрасте этих памятников допускает двойную интерпретацию. Согласно обычному и показному способу рассуждения, более грубая форма должна быть самой ранней, а архитектурная скопирована с нее. Но я полагаю, что эта теория полностью расходится с наблюдаемыми фактами. Грубость или проработанность памятника, вероятно, во всех случаях будет считаться показателем

большей или меньшей цивилизованности людей, его воздвигнувших, но редко или вообще никогда не будет надежным показателем времени. Что нас больше интересует в настоящее время, так это знание того, что эти сирийские образцы, безусловно, являются захоронениями, и их форма, таким образом, является еще одним аргументом в пользу погребального характера Стоунхенджа, если таковой вообще был необходим. Однако более удовлетворительным, чем это, является свидетельство Олауса Магнуса, архиепископа Упсальского, процитированное выше.^[117] Он описывает и изображает "самые почетные памятники великих людей своей страны, возведенные из огромных камней и имеющие форму больших ворот или трилитонов" (в режиме альтиссимы и широты января, поперечный вирибус гигантум эректа). Нет никаких оснований предполагать, что этот автор когда-либо видел или даже слышал о Стоунхендже, однако было бы трудно описать назначение или способ строительства этого памятника более точно, чем это делает он; и поскольку такое свидетельство считается ценным, оно имеет решающее значение как для возраста, так и для использования памятника.

Переходя от этой ветви исследования к таким местным признакам, какие дает это место, мы не находим ничего очень важного ни за, ни против нашей гипотезы. Утверждалось, например, что количество курганов, усеивающих холмы в нескольких милях от Стоунхенджа, является доказательством того, что этот храм стоял там до того, как были возведены курганы, и что они собирались вокруг его священных пределов. Первое возражение против этой точки зрения состоит в том, что она применяет христианский прецедент к языческому народу. За исключением евреев, которые, похоже, хоронили своих царей рядом со своими храмами,^[118] Я не знаю ни одного народа в древние или современные времена, кроме христиан, которые поступали так, и у нас, конечно, нет никаких намеков на то, что древние бритты были исключением из этого универсального правила.

26. Местность вокруг Стоунхенджа. Из карт артиллерийской разведки. Масштаб от 1 дюйма до 1 мили.

Предполагая, однако, в порядке аргументации, что это было бы иначе, мы тогда, несомненно, обнаружили бы курганы, расположенные с некоторой привязкой к Стоунхенджу. Они либо тесно собрались бы вокруг его территории, либо выстроились рядами вдоль ведущих к нему дорог или проспектов. Однако ничего подобного не происходит, как видно из гравюры на дереве на следующей странице. В радиусе 700 ярдов от памятника находится только одна очень незначительная группа, насчитывающая восемь человек (от 15 до 23 на плане сэра Р. Кольта Хоара). Кроме того, они становятся частыми, венчая вершины холмов или скапливаясь в ложбинах, но нигде нет хотя бы видимой ссылки на Стоунхендж. Если кто-нибудь возьмет карты Артиллерийской разведки или планы сэра Р. Кольта Хоара, он обнаружит, что курганы довольно равномерно распределены по всей поверхности равнины, от двух или трех миль к югу от Стоунхенджа до лагеря Чидбери, расположенного в восьми милях к северу от него. Действительно, если доверять планам сэра Р. Кольта Хоара, на северной оконечности равнины они были более плотными, чем на южной;^[119] но, поскольку карты вооружения этого не подтверждают, на это не следует полагаться. Нигде на такой большой территории (скажем, 10 на 5 миль) нет никаких следов системы в отношении способа размещения этих курганов. Действительно, от Дорчестера до Суиндона, на расстоянии более семидесяти миль, они разбросаны поодиночке или группами настолько беспорядочно, что единственным возможным объяснением, по-видимому,

является то, что каждый человек был похоронен там, где жил; возможно, это было в его собственном саду, но более вероятно, в его собственном доме. Круги хижин в британских деревнях по группировке и форме настолько похожи на курганы, что трудно не заподозрить между ними некую связь. Возможно, когда глава семьи умирал, его хоронили у его собственного очага, а земляной холмик заменял хижину, в которой он жил. Как бы то ни было, есть один аргумент, который упускают из виду те, кто утверждает, что курганы пришли к Стоунхенджу. Признано, что Стоунхендж относится к так называемому бронзовому веку,^[120] но половина курганов содержат только кремень и камень и, следовательно, находились там до постройки Стоунхенджа. Ни в коем случае нельзя сказать, что ближайшими к ним были те, которые содержали бронзу или железо, как правило, совсем наоборот; при всех своих знаниях, даже сэр Р. Кольт Хоар никогда не мог рискнуть предсказать по местности, будет ли обнаружено, что захоронение относится к тому или иному классу, и мы не можем сейчас.

Одним из самых прямых доказательств того, что этот аргумент несостоятелен, является тот факт, что строители Стоунхенджа настолько не уважали могилы своих предшественников, что фактически разрушили два кургана, насыпая вал вокруг памятника. Сэр Р. К. Хоар обнаружил захоронение в одном из них и из этого добавляет: "мы можем с уверенностью заключить, что этот могильный курган существовал на равнине, я не рискну утверждать, до строительства Стоунхенджа, но, вероятно, до того, как был засыпан ров".^[121]

Однако, по-видимому, нет необходимости продолжать этот спор дальше. Я думаю, любой, кто внимательно изучит карту Артиллерийской разведки, должен понять, что между земляными и каменными памятниками нет никакой связи. Или, если это его не убедит, если он поедет из Стоунхенджа через Вестдаун в лагерь Чидбери,^[122] он вряд ли сможет не прийти к выводу, что Стоунхендж пришел к курганам, а не курганы к Стоунхенджу.

Считалось, что еще одно указание, извлеченное из курганов, проливает некоторый свет на этот предмет. В одном из них (№ 16) недалеко от Стоунхенджа, примерно в 300 ярдах, были найдены обломки тех же синих камней, которые образуют внутренний круг памятников; но в этом кургане не было больше ничего, что указывало бы на его возраст, кроме прекрасно сохранившегося наконечника копья из меди и булавы из того же металла, которая, по-видимому, указывала на принадлежность его к бронзовому веку. В другом (№ 22) была найдена пара пинцетов из слоновой кости. Из этого открытия был сделан вывод, и не без некоторого основания, что курганы были более современными, чем Стоунхендж; и если мы должны верить, что все курганы дохристианского периода, как некоторые пытаются нас убедить, на этом спор заканчивается. Но так ли это? Мы только что убедились, что холмы Бартлоу, несомненно, были римскими. Мы знаем, что саксы хоронили в ху по всей стране, по крайней мере, до датчанина Хаббы,^[123] который был убит в 878 году, а в Дании, как мы сейчас увидим, до гораздо более позднего периода; и мы не знаем, когда древние бритты перестали использовать этот способ погребения. Кем бы ни были те, кто построил Стоунхендж, они не были христианами; или, во всяком случае, это определенно не христианское сооружение, и у нас нет оснований предполагать, что те люди, которые были заняты на его возведении и которые на протяжении тысячелетий хоронили в курганах, изменили способ захоронения перед обращением в христианство. Бесконечно более вероятно, что они продолжали эту практику очень долго спустя; и пока мы не сможем установить некоторое время, когда мы будем уверены, что захоронения в курганах прекратились, из этих свидетельств нельзя извлечь никаких аргументов. То, что главный каменщик Стоунхенджа был похоронен в своем собственном доме или мастерской, кажется нам самой естественной вещью в мире; и то, что деревня курганов, если я могу использовать

это выражение, может быть современницей памятника, я тоже считаю вероятным; но если мы не сможем установить их возраст по каким-либо внешним признакам, их существование, по-видимому, не имеет прямого отношения к вопросам, которые мы сейчас обсуждаем.

Раскопки в районе Стоунхенджа проливают больше света на предмет нашего исследования, чем что-либо найденное снаружи, но даже они не настолько отчетливы или удовлетворительны, как можно было бы пожелать. Первое исследование было предпринято герцогом Бекингемом, и отчет о нем сохранился у Обри. Он говорит: "В 1620 году герцог, когда король Яков был в Уилтоне, действительно приказал раскопать середину Стоунхенджа, и это недокапывание стало причиной падения и лежания там большого камня", очевидно, имея в виду большой центральный трилитон. В процессе раскопок они "нашли великое множество костей оленей и быков, древесный уголь, лепешки для теста (что бы это ни значило), наконечники стрел и несколько частей доспехов, изъеденных ржавчиной. Кости сгнили, но принадлежали ли они оленям или людям, они не могли сказать."^[124] Далее он добавляет, "что Филипп граф Пембрук действительно сказал, что посреди этой местности был найден алтарный камень, и что его унесли в собор Святого Иакова". Что это означает, понять нелегко, поскольку Иниго Джонс отчетливо описывает как алтарь камень, ныне известный под этим названием, размером, по его словам, 16 на 4 фута. Кажется невозможным, чтобы какой-либо другой мог существовать без его ведома, и если бы он существовал, это слишком явно благоприятствовало бы его взглядам, чтобы он не упомянул об этом факте.

Поскольку раскопки, о которых говорилось выше, должны были происходить между тем, что сейчас называется алтарным камнем, и большим трилитоном, они представляют для нас значительный интерес. Но, как ни странно, это оставляет нас в неведении, были ли найденные там кости человеческими или нет; однако одно кажется сносно несомненным: наконечники стрел и доспехи были из железа, судя по состоянию ржавчины, в котором они находились, и это пока указывает на постромскую эпоху.

Камден упоминает еще один любопытный факт. На его табличке (стр. 122), наполовину в плане, наполовину на высоте, в месте, отмеченном буквой С, за пределами валлума, изображены мужчины, производящие раскопки, и упоминается "Место, где выкопаны мужские кости". Это не имеет большой ценности с точки зрения самого Стоунхенджа, но любопытно из-за аналогии с местом, где были найдены кости на холме Хакпен, и может служить указанием на место, где кости еще могут быть найдены в Эйвбери. Как мы увидим далее, есть веские основания полагать, что главное погребение, по крайней мере, находилось не внутри круга, а снаружи, с одной стороны.

В более поздние времена сэра Р. Кольта Хоара добавляет— "При раскопках (внутри круга) мы нашли несколько фрагментов римской, а также грубой британской керамики, части головы и рогов оленя и других животных, а также большой железный наконечник стрелы с зазубринами", что в полной мере подтверждает то, что Обри рассказывает нам о раскопках герцога Букингемского. Мистер Каннингтон также копал рядом с алтарем на глубину почти 6 футов и обнаружил, что мел был перенесен на эту глубину. Примерно на глубине 3 футов он нашел немного римской керамики. Вскоре после падения великого трилита, в 1797 году, он раскопал часть земли, которая попала в раскопки, и "нашел фрагменты прекрасной черной римской керамики, а с тех пор еще один фрагмент на том же месте".^[125]

Никаких раскопок в этом районе не проводилось со времен сэра Р. Кольта Хоара, но поскольку и он, и мистер Каннингтон были опытными землекопами и совершенно точно описали то, что они нашли, то, судя по находкам железных доспехов и римской керамики в

таких местах и на такой глубине, сомневаться в том, что здание, должно быть, было возведено после того, как римляне поселились на этом острове, невозможно. Поскольку сейчас, вероятно, не найдется никого, кто согласился бы с теорией Иниго Джонса о том, что он был построен самими римлянами, мы должны обратиться к какой-то дате после их ухода, к которой мы можем отнести его возведение.

В отношении письменной истории Стоунхенджа мы, к сожалению, вынуждены полагаться главным образом на Джеффри Монмутского, который, хотя и был летописцем исторических событий, был также баснописцем с самым буйным воображением. Следовательно, его показания легко дискредитировать, и некоторые считают себя вправе вообще отбросить их в сторону. Если, однако, мы хотим отвергнуть каждого средневекового автора, который описывает чудеса или украшает свой рассказ баснями, мы можем с таким же успехом немедленно закрыть наши книги и признать, что между уходом римлян и приходом норманнов история Англии представляет собой просто путаную мешанину, в которой можно найти имена некоторых людей и сведения о битвах, в которых они сражались друг с другом, но не более того. Это простой процесс, и он может удовлетворить некоторые умы. Попытка отделить зерна от плевел - более утомительная и трудоемкая задача, сопряженная с трудностями и открытая для критики, но именно ее необходимо предпринять, если мы хотим достичь истины. В данном случае выбор трудностей, по-видимому, очевиден. Либо мы должны отвергнуть историю Джеффри как полностью выдуманную и недостойную доверия, либо принять его главное утверждение о том, что Стоунхендж был воздвигнут Аврелием Амброзием как памятник памяти британских вождей, предательски убитых Хенгистом.

Первое имеющееся у нас сообщение о событии, приведшем к его возведению, принадлежит Неннию, который жил гораздо ближе ко времени этого происшествия, чем Джеффри, который скопировал его повествование. Оно заключается в следующем: Саксы, потерпев поражение от Вортимира в нескольких сражениях на побережье Кента, были заперты в Танете и вынуждены ждать, пока не смогут вызвать помощь из дома. Когда они прибыли, Хенгист, прежде чем прибегнуть к открытой силе, прибегнул к хитрости, и на пиру, устроенном во дворце или монастыре в Эймсбери, на который было решено, что все должны прийти безоружными, триста британских дворян были предательски убиты последователями Хенгиста, которые спрятали свое оружие под плащами. Из-за этого началась война, которая длилась, по-видимому, четыре года, когда Амброзий, сменивший Вортигерна, вынудил саксов просить мира.^[126] Поскольку это установлено, Джеффри представляет его как воздвигающего Стоунхендж с помощью Мерлина как памятник тем, кто был так вероломно убит Хенгистом. Резня произошла, по-видимому, в 462 году, и, следовательно, возведение Стоунхенджа могло быть начато примерно в 466 году и продолжалось в последующие годы, скажем, до 470 г. н.э. Если бы он удовлетворился изложением истории в тех немногих словах, которые используются здесь, в этом, вероятно, никто бы не усомнился; но, во-первых, у Мерлина плохой характер, поскольку он связан со средневековыми романами, которые сделали историю Артура знаменитой, но сказочной, и способом, которым Джеффри представляет его как приносящего камни из Ирландии достаточно, чтобы вызвать недоверие у всех трезвых умов.^[127] Насколько я понимаю повествование, оно таково — на горе в Ирландии существовал памятник, что-то вроде Стоунхенджа, который Мерлин, посоветовавшись, посоветовал королю скопировать. Такого взгляда на этот вопрос, безусловно, придерживался Джеральдус Камбрэнсис в 1187 году, поскольку он сообщает нам, что в упомянутом месте "в его время можно было увидеть похожие камни, возведенные подобным образом", хотя в том же предложении он сообщает нам, что они или другие

подобные им были перенесены на равнину Солсбери Мерлином.^[128] Поскольку он, вероятно, говорит о том, что видел собственными глазами, его слова представляют собой достаточно четкое доказательство того, что Мерлин не убрал то, что все еще оставалось в Килдэре спустя столько веков после его смерти. Однако это также свидетельствует о том, что дизайн памятника был привезен из Ирландии и даже скопирован с круга, остатки которого, вероятно, до сих пор можно найти, если поискать. Насколько нам известно, ничего подобного Стоунхенджу не существовало ни в Англии, ни во Франции в 5 веке. Но, как мы сейчас увидим, он, вероятно, мог быть в Ирландии. Единственные трилиты, о которых я знаю в других местах, - это три в памятнике в Оленьем парке недалеко от Слайго. Они маленькие и имитируют порталы, но они больше похожи на Стоунхендж, чем какие-либо другие известные сейчас. В том возрасте, о котором мы сейчас говорим, Ирландия ухитрилась сохранить свои старые традиции, не испытавшие влияния римских или иностранных образцов, и достигла той стадии в искусстве, которая позволила бы ей разработать такой стиль архитектуры. Находясь в Англии, крайне маловероятно, что что-либо столь оригинальное могло быть создано во время римской оккупации острова. Тем не менее, у такого памятника, как этот, должен был быть прототип, и если мы не сможем доказать его существование здесь до времен Цезаря, то модель, предложившую этот дизайн, мы должны искать в Ирландии или какой-нибудь другой стране. Но, в конце концов, разве мы не боремся с тенью? Не может ли быть так, что традиция привозить памятник из Ирландии применима только к голубым камням? Компетентные геологи заверили меня, хотя я не видел факта, изложенного в какой-либо форме, которую я мог бы процитировать, что они принадлежат к породам, не найденным в Великобритании, но которые распространены в Ирландии. Если это так, то доставить их с острова-Побратима было бы не сложнее, чем из Уэльса или Корнуолла. Когда вы садитесь на корабль, разница в расстоянии не имеет значения. Если они действительно пришли из Ирландии, то нет ничего более вероятного, чем то, что по прошествии восьми или десяти столетий факты, относящиеся на самом деле только к части, должны быть применены к целому; и в этом случае помощь

Мерлин или какой-нибудь не менее могущественный волшебник, несомненно, стали бы незаменимыми. По крайней мере, в ту эпоху я не знаю никакого другого агентства, которое могло бы осуществить перенос, и я несколько не удивлен, что при данных обстоятельствах Джеффри пришел к тому же выводу.

Истинное объяснение этой тайны, по-видимому, заключается в том, что дизайн Стоунхенджа, возможно, был заимствован из Ирландии, поскольку местный стиль искусства был в упадке в Англии во время римской оккупации, и что голубые камни, скорее всего, были привезены с острова-Побратима, чего вполне достаточно для объяснения мифа о Мерлине; но обо всем этом мы сможем лучше судить, когда обсудим ирландские древности того же возраста.

Однако, возвращаясь к нашей истории, немного дальше Джеффри утверждает, что сам Аврелий был похоронен "недалеко от монастыря Амбриус во время Танца гигантов (*chorea gigantum*), который он повелел сделать при своей жизни".^[129] Насколько я понимаю, это четкое утверждение о том, что это место использовалось для захоронения, в противном случае из контекста мы бы сделали вывод, что бритты, убитые Хенгистом, были похоронены на кладбище при монастыре, и что Стоунхендж, следовательно, был кенотафом, а не памятником. Но опять же, описывая жизнь Константина, племянника и преемника Артура, после рассказа о том, как он победил саксов и отомстил племянникам Мордредра, он продолжает: "Через три года после этого он был убит Конаном и похоронен рядом с Утером

Пендрагоном в каменном сооружении, возведенном с замечательным искусством недалеко от Солсбери и называемом на английском языке Стоунхендж". [130] Это последнее событие, хотя дата не указана, должно было произойти где-то между 546 годом, или через четыре года после смерти Артура, и 552 годом, датой битвы при Банбери-Хилл, где командовал Конан, его преемник. Предположив на мгновение, что это может быть так, не достаточно ли этого для объяснения одной из тайн Стоунхенджа - присутствия пар голубых камней внутри хора? Почему мы не можем предположить, что они были воздвигнуты в память о королях или других людях, которые были похоронены перед ними? Почему Аврелий и Константин не могли быть похоронены перед двумя маленькими парами по обе стороны так называемого алтарного камня? Если бы это было так, а мне кажется чрезвычайно вероятным, что так оно и было, последние остатки тумана, нависшего над этим памятником, рассеялись бы.

Со времен Джеффри (1147) все последующие средневековые историки принимают изложение этих событий, данное им, со случайными, но в целом незначительными вариациями, и даже современные критики склонны принять его рассказ о Константине и Конане, поскольку его повествование может быть проверено рассказом Гильдаса, который был современником этих королей. Аналогичные утверждения также встречаются в триадах валлийских бардов, которые, как утверждают некоторые, являются оригинальными и независимыми авторитетами. [131] У меня сложилось впечатление, что они могут быть такими, но я не думаю, что их независимость была установлена настолько четко, чтобы мы могли привести какие-либо аргументы по этому поводу. С другой стороны, случайный намек Джеффри на возведение Стоунхенджа как кенотафа убитой знати и последующее захоронение там двух королей кажется настолько вероятным и естественным, что трудно понять, почему их следует рассматривать как выдумки. Два последних события, во всяком случае, не добавляют величия или чуда королям или его повествованию, и не являются такими событиями, которые были бы вписаны на страницу истории, если бы они не были известны в настоящее время или не были записаны где-то в каком-то письменном виде, к которому историк имел доступ.

Прежде чем покинуть Стоунхендж, с ним связана еще одна древность, о которой необходимо сказать несколько слов. Как на плане сэра Р. Кольта Хоара, так и в "Артиллерийской съемке" отмечены две продолговатые ограды, называемые большим и меньшим "Курсусом", вдоль которых антиквары прошлого века забавлялись, изображая гонки на колесницах древних бриттов, хотя, поскольку они приписывали введение гонок римлянам, они допускали, что они, должно быть, сформировались после покорения острова этим народом. [132] Большой курс имеет около мили и трех четвертей в длину и 110 ярдов в ширину. Меньший настолько расплывчат, что можно определить только его начало; но даже что касается большего, я дважды прошел по нему, не замечая его существования, хотя я искал его, и, я думаю, никто не заметил бы его, если бы его внимание не было обращено на него. Его пограничные насыпи никогда не могли достигать 3 футов в высоту, а теперь во многих местах почти стерты с лица земли.

То, что эти трассы когда-то были гоночными трассами, представляется мне одной из самых невероятных из различных гипотез, которые выдвигались даже в отношении Стоунхенджа. Ни одно римское ипподромное поле, о котором мы знаем, не предусматривало, чтобы лошади возвращались хотя бы раз мимо того места, откуда они стартовали, и ни одно поле не было даже длиной в милю, не говоря уже о миле с тремя четвертями. Я не знаю, какими скачками баловались британцы до Завоевания, и не рискну высказать свое мнение по этому поводу; но если бы они хотели, чтобы скачки увидели все, поблизости есть несколько красивых и подходящих мест, где они могли бы проложить более длинную трассу вдоль

одного из низовьев, где десятки тысяч могли бы удобно наблюдать за состязанием с пологих берегов по обе стороны, тогда как здесь скачки вообще могли видеть только первые ряды, да и то несовершенно. Можно также отметить, что восточный конец *cursus* закрыт насыпью, которая, должно быть, представляла собой исключительно неудобное положение для судей, хотя это место было отведено им сэром Ричардом; а западный конец также отрезан насыпью, за которой на трассе находится несколько курганов, что кажется маловероятным для проведения скачек.

Но если не ипподромы, то что это было? Если кто-нибудь обратится к гравюре на дереве № 12, стр. 55, изображающей линии у моста Меривейл, и сравнит их с курсивом, показанным на гравюре на дереве № 26, стр. 102, изображающей землю вокруг Стоунхенджа, я думаю, он должен понять, что два курсива, если их завершить, занимали бы точно такое же относительное положение по отношению к Стоунхенджу — в гораздо большем масштабе, конечно, — как курсивы в Дартмуре по отношению к окружности там. Договоренности настолько схожи, что цели вряд ли могут отличаться. На первый взгляд кажется, что это противоречит теории сражения. Мы не знаем ни о каком сражении на Солсберийской равнине. Это, однако, самое простое негативное предположение из всех возможных. Мы знаем, что за резней в Эймсбери последовала четырехлетняя война между Амброзием и саксами.^[133] Сражения там, должно быть, были, и их было много, и вполне вероятно, что главная победа была одержана в непосредственной близости от столицы одной из противоборствующих сторон. Если эти курсивы действительно обозначают поле битвы, это сразу же объясняет несколько аномальное положение Стоунхенджа. Что может быть более вероятным, чем то, что победитель выбрал поле своей окончательной победы, чтобы воздвигнуть там памятник в память о тех, чья вероломная резня стала причиной войны? Конечно, это всего лишь гипотеза, и она выдвигается только как таковая, но мне кажется, что она бесконечно ближе к истине, чем беспричинное предположение о гоночной трассе, и выглядит как одно из совпадений, которые обязательно происходят, когда расследование находится на правильном пути к истинному решению.

Первое впечатление, которое произведет повествование на предыдущих страницах у большинства читателей, вероятно, будет заключаться в том, что по этому вопросу нужно сказать что-то еще или что что-то важное упущено. Если бы, можно было возразить, дело было настолько ясным, как здесь изложено, в нем никогда нельзя было бы усомниться и, должно быть, оно было принято давным-давно. Все, что я могу сказать в ответ, это то, что если что-то и опущено, то я об этом не осведомлен. Все, о чем я знаю, было изложено настолько полно и справедливо, насколько это казалось необходимым для ясного понимания. В данном случае следует помнить, что обычные аргументы, основанные на разделении на каменный, бронзовый и железный века, вряд ли имеют значение. Внутри Стоунхенджа не было найдено ничего, кроме железа и римской керамики. Даже допуская, что курганы в непосредственной близости от Стоунхенджа были ровесниками, прежде чем их свидетельства смогут принести какую-либо пользу, необходимо установить, когда людей перестали хоронить в курганах и когда человек мог не желать, чтобы бронзовый наконечник копья был погребен вместе с ним в качестве реликвии, даже если он не сражался с ним при жизни. Однако даже в этом случае свидетельства были бы слишком расплывчатыми, чтобы перевесить данные о находках внутри круга.

Если после того, что было сказано выше, кто-то все еще утверждает, что Стоунхендж - это храм, а не усыпальница, у нас нет общей основы для рассуждений, и нам не нужно пытаться это сделать. Или, если кто-либо, столь же знакомый с местностью, как я лично, или кто с

такой же тщательностью изучал карты боеприпасов, любит утверждать, что курганы пришли к Стоунхенджу, а не Стоунхендж к курганам, мы смотрим на вещи такими разными глазами, что нам в равной степени нужна общая основа для аргументации.

Однако в случае, подобном настоящему, большая трудность, которую необходимо преодолеть, заключается не столько в хладнокровных аргументах и скрупулезных рассуждениях, сколько в некоем неопределенном чувстве, что памятник, должно быть, старый, потому что мы так мало о нем знаем. "Omne ignotum pro antiquo" - это вопрос веры для многих, кто не желает слушать никаких аргументов противного, и в случае со Стоунхендж это ложное представление настолько поддерживалось почти всеми, кто писал о нем со времен Якова I, что теперь будет очень трудно опровергнуть его. Однако те, кто придерживается этого, вряд ли осознают, какими темными были века между уходом римлян и временами Альфреда Великого, и как много могло быть сделано за это время без каких-либо записей, дошедших до наших дней. Даже если мы отдадим им все имеющиеся у нас мегалитические памятники, это действительно очень мало для такого большого населения за столь долгое время.

Даже в гораздо более поздний период английской истории, чем тот, которым мы сейчас занимаемся, удивительно, как мало мы знали бы о наших памятниках, если бы полагались на "litera scripta" в получении информации. Любой, кто знаком с путеводителями прошлого или начала нынешнего столетия, увидит, какая ужасная путаница в датах существовала в отношении возведения наших величайших соборов и средневековых памятников. Повсюду смешивали саксонский и нормандский языки, не придавали значения различию какого-либо из стилей между раннеанглийским и перпендикулярным, и часто даты менялись местами. Фактически, только после того, как Рикман взял дело в свои руки, из хаоса возник порядок, и он преуспел, потому что его конструктивные знания позволили ему воспринимать прогрессивные события, которые формировали истинные последовательности, и таким образом он смог восполнить недостаток письменной информации. Сейчас каждый тиро может установить дату каждой лепнины в любом из наших средневековых зданий, но если бы у нас была только письменная история, на которую можно положиться, в девяти случаях из десяти он не смог бы доказать, что здание не было возведено римлянами, финикийцами или кем-либо еще. Если это так в эпоху, когда письменность была столь же распространена, как между завоеванием и Реформацией, должны ли мы удивляться, если обнаружим, что между уходом римлян и Альфредом дела обстоят гораздо мрачнее, когда письменная история нам вообще вряд ли поможет? Но метод Рикмана, примененный к Стоунхенджу и подобным памятникам, если я не сильно ошибаюсь, покажет их даты почти так же четко, как даты наших средневековых памятников были показаны тем же методом.

Никто, кроме тех, у кого была возможность специально изучать этот предмет, не может осознавать, насколько лишен каких-либо литературных упоминаний период, о котором мы сейчас рассказываем. Они настолько скудны и немногочисленны, что многие хорошо информированные люди сомневаются, жил ли когда-либо такой человек, как король Артур; и едва ли хоть одно из его великих деяний подтверждено сколько-нибудь удовлетворительными свидетельствами современников. Тем не менее, во все века и во всех странах, где существуют письменные или устные истории, они наполнены подвигами любимых национальных героев — такими, каким был Артур, — и даже там, где они наиболее полны и рассеяны, крайне редко можно найти в них упоминание о строительстве какого-либо храма или гробницы. От строительства Парфенона до завершения строительства часовни Генриха VIII упоминания о зданиях в "Всеобщей истории" настолько немногочисленны, насколько это возможно, и состоят из нескольких параграфов, разбросанных по многим

сотням томов. Я убежден, что никто, дважды задумавшийся над этим вопросом, не ожидал бы найти упоминания о зданиях на нескольких страницах, которые представляют собой все, что у нас есть об истории между уходом римлян и временем достопочтенного Беда; и все же отсутствие записей - это аргумент, который, если я не ошибаюсь, оказал большее влияние на общественное сознание, чем почти любой другой. Слишком часто предполагается, что, поскольку мы ничего о них не знаем, они должны быть старыми. Напротив, мне ничто не кажется столь невероятным, как то, что строители, не оставив никаких записей о своих подвигах, должны были оставить какой-либо письменный отчет о возведении Грубых Каменных Памятников.

Прежде чем завершить эту главу, кажется, стоит упомянуть еще об одном моменте, который заключается в том, что, насколько мне известно, не было сделано ничего такого, что позволило бы нам предположить, что жители этого острова до прихода римлян были либо более многочисленными, либо более могущественными и, следовательно, более способными возводить такие памятники, как Стоунхендж и Эйвбери, чем после того, как эти люди прожили среди них четыре столетия. Все наши существующие знания, по-видимому, склоняются к диаметрально противоположному выводу, и теперь, когда время туманных деклараций и *априорных* рассуждений прошло, если можно привести какие-либо доказательства обратного, было бы хорошо, если бы они были приведены сейчас, ибо в противном случае суждение может быть принято по умолчанию. Если мы не ошибаемся, аргументы должны быть вескими и ясными, то есть перевешивать доказательства, только что представленные в отношении двух памятников, использование и возраст которых мы только что обсуждали.

Сноски

[77] Эти сведения взяты из тщательного обзора, проведенного сэром Р. Кольтом Хоаром в 1812 году и опубликованного в его "Древних уилтах", том ii. pl. xiii. стр. 70 и далее.

[78] "Стоунхендж и Эйвбери", стр. 34.

[79] Хака, или Хако, согласно Кемблу, был неким мифическим человеком с очень датским именем, которое встречается в Хэмпшире и Беркшире, а также здесь. Перо, по-видимому, означает просто вложение, как сейчас в английском. См. Кембла в "Journal Arch. Inst." xiv. стр. 134.

[80] 'Звонок. Галл. vi. 17.

[81] "Скульптурные камни Шотландии", ii. p. xli.

[82] Турнам, "Череп Британника"; Лондон, с 1856 по 1865 год.

[83] "Дипломатический кодекс Эви Саксонской", v. стр. 238, № 1120.

[84] Стакли, "Стоунхендж и Эйбери", стр. 27.

[85] Подробности взяты из брошюры, озаглавленной "Раскопки в Эйвбери под руководством секретаря Уилтширской археологии". и Nat. Hist. Общество", напечатанное в Devizes, но, насколько я знаю, еще не опубликованное.

[86] "Скульптурные камни Шотландии", том i. введение. стр. xx.

[87] План этого был опубликован примерно во времена Стакли неким мистером Твинингом в брошюре, которая была написана для доказательства того, что эта группа памятников была установлена Агриколой, чтобы представлять карту Англии! К нему прилагается план, который показывает все пути прямыми; но какое значение можно

придавать каким-либо доказательствам, исходящим от человека с такой теорией, как эта?

[88] "Древний Уилтшир", ii. стр. 63.

[89] Камден, "Британия", 127.

[90] "Археология", xxviii. стр. 399 *и далее*.

[91] 'Археологический журнал Уилтшира. и Нац. История. Общество, vii. стр. 1861.

[92] Достаточно любопытно, что эти размеры почти идентичны размерам кургана, воздвигнутого бельгийско-голландцами в память об участии, которого они не принимали в битве при Ватерлоо. Его размеры составляют 130 футов в высоту, 544 фута в диаметре и 1632 фута в окружности. Угол наклона боковых сторон меньше и составляет $27\frac{1}{2}$ градусов из-за меньшего диаметра плоской вершины, который составляет всего 40 футов.

[93] Дуглас, "Нения Брит". стр. 161. См. также Солсберийский том Археологического института, стр. 74.

[94] "Королевский азиатский журнал", xiii. стр. 164; и план майора Скиннера в Анураджапуре.

[95] Уилсон, "Ариана Антиква", стр. 41; и "Мемуары" Массона, *passim*.

[96] Сэр Р. К. Хоар, "Древний Уилтшир", i. стр. ii. рис. 8.

[97] Там же. i. стр. 191.

[98] "Археология", xxx. стр. 300 *и последующие*.

[99] 'Арх. Журнал, xxiv. стр. 92 и 319.

[100] Там же. стр. 100.

[101] "Древний Уилтшир", ii. 5. К сожалению, к плану Марден-Серкл не приложен масштаб, а размеры не указаны в тексте.

[102] "Древний Уилтшир", стр. 7.

[103] Я принимаю даты доктора Геста для этой части предмета не только потому, что считаю их наиболее вероятными, но и потому, что я думаю, что, исходя из его знаний и особого внимания, которое он уделил этому предмету, он, скорее всего, прав. Посмотрите на *Объемную арку*. Журнал, стр. 62.

[104] "Athenæum Journal", 13 декабря 1865г.

[105] 'Пн. Брит.' стр. 15.

[106] "Солсберийский том", стр. 63.

[107] 'Пн. Брит.' стр. 15.

[108] Кольт Хоар, "Древний Уилтшир", ii. стр. 22.

[109] Саксонская хроника, в 'понедельник. Брит.' стр. 304.

[110] "Джеффри Монмутский", ix. стр. 4.

[111] История плана приведена на [странице 92](#), и из нее взяты все измерения в тексте. Когда я гостил у своего друга, мистера Хокшоу, выдающегося инженера, в Эверсли, я жаловался на некорректность всех опубликованных планов, когда он сказал: "У меня в офисе работает человек, чьи планы - сама суть мельчайшей точности. Я пришлю его сделать один для тебя". Он так и сделал, и его план в масштабе 10 футов на 1 дюйм лежит

передо мной. Впоследствии я отнес этот план в Стоунхендж и определил положение и характер каждого отмеченного на нем камня.

[112] Я почти боюсь упоминать об этом даже в примечании, чтобы кто-нибудь не обвинил меня в том, что я основываю на этом какую-либо теорию, вроде книги Пьяцци Смита "Британские дюймы в пирамидах", но любопытно совпадение, что почти все британские круги представлены в двух измерениях. Диаметр меньшего класса составляет 100 футов, а большего - 100 метров. Все они имеют длину более 100 ярдов. Последняя мера, во всяком случае, безусловно случайна, насколько мы в настоящее время знаем, но в качестве номенклатуры и "технической памяти" использование терминов может быть полезным, при условии четкого понимания того, что на ней не основана никакая теория.

[113] "История", в "Пн. Брит.'694.

[114] "Поклонение дереву и змее" автора, листы iii. et seq.

[115] Двадцать китайских кули подняли бы любого из них на ноги за неделю.

[116] "Центральная серия" графа Мельхиора де Вогюэ. Хотя эта работа была начата около десяти лет назад и получены подписки, она все еще не завершена. До сих пор не опубликовано ни текста, ни карт, что чрезвычайно затрудняет идентификацию этих мест.

[117] Смотрите *предшествующий* выпуск, сноску, [стр. 15](#).

[118] "Топография Иерусалима" Автора, стр. 58.

[119] "Древний Уилтшир", i. стр. 178, план vi.

[120] Сэр Джон Лаббок, "Доисторические времена", стр. 116.

[121] Сэр Р. Кольт Хоар, "Древний Уилтшир", i. стр. 145.

[122] На картах боеприпасов название пишется как Сидбери.

[123] "Археология", vii. стр. 132-134.

[124] "Древний Уилтшир", i. стр. 154.

[125] "Древний Уилтшир", i. стр. 150.

[126] Ненний, в "Пн. Брит.'" стр. 69.

[127] Джеффри, viii. с. 9.

[128] "Fuit antiquis temporibus in Hiberniâ lapidum congeries admiranda, quæ et Choreia gigantum dicta fuit, quia gigantes eam ab ultimis Africæ partibus in Hiberniam attulerunt et in Kildarienes planicie non procul a Castro Nasensi, tam ingenii quam virium opere mirabiliter erexerunt. Unde et ibidem lapides quidam aliis simillimi similique modo erecti usque in hodiernum conspiciuntur. Mirum qualiter tanti lapides tot etiam et tam magni unquam in unum locum vel congesti fuerint vel erecti: quantoque artificiis lapidibus tam magnis et altis alii superpositi sint non minores; qui sic in pendulo et tanquam in inani suspendi videntur ut potius artificum studio quam suppositorum podio inniti videantur. Juxta Britannicam historiam lapides istos rex Britonum Aurelius Ambrosius divina Merlini diligentia de Hiberniâ in Britanniam advehi procuravit; et ut tanti facinoris egregium aliquod memoriale relinqueret eodem ordine et arte qua prius in loco constituit ubi occultis Saxonum cultris Britannicæ flos occidit et sub pacis obtentu nequitie telis male tecta regni juvenus occubuit."—*Topogr. Гиберния*, том ii. глава xviii.

Если мы могли доверять Уэру, то они все еще существовали в начале прошлого века. He speaks of "Saxa illæ in gentia et rudia quæ in planitie non longe a Naasa in agro Kildariensi et alibi visuntur."—*Hist. Hib.*, xxiv. 103.

[129] 'История. Брит.' viii. глава xvi.

[130] 'История. Брит. xi. глава iv.

[131] Это главный аргумент "Христианского циклопа" Герберта.

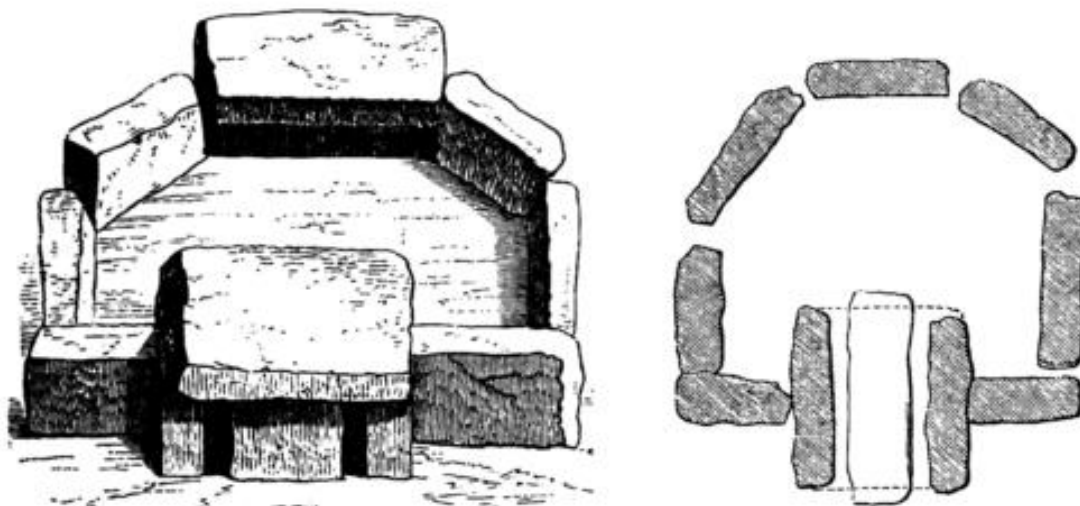
[132] "Древний Уилтшир", i. стр. 158. Смотрите также гравюру на дереве № 26, стр. 102. Пунктирная часть меньшего курсива - моя собственная реставрация.

[133] Предварительный просмотр, стр. 107.

ГЛАВА IV. ВТОРОСТЕПЕННЫЕ АНГЛИЙСКИЕ ДРЕВНОСТИ.

Эйлсфорд.

Подробное изучение этих групп в Эйвбери и Стоунхендже, вероятно, будет сочтено достаточным, чтобы, по крайней мере, *prima facie* привести доводы в пользу гипотезы о том, что эти памятники были погребальными - что по крайней мере некоторые из них отмечали поля сражений, и, наконец, что их древность не была полностью доисторической. Если это так, то нет необходимости повторять те же доказательства при рассмотрении тех памятников или групп, которые мы собираемся описать. Кстати, последнее, если я не ошибаюсь, во многом подтвердит эти предположения, но нет необходимости настаивать на них или расширять их в той степени, в какой это было сделано на предыдущих страницах.

27. Бесчисленные камни, Эйлсфорд. С рисунка Стакли.

Среди оставшихся в Англии групп камней одна из самых важных находится — или, скорее, была — перед Эйлсфордом в Кенте. Наиболее известным представителем этой группы является домик Кита, известный как Kit's Cotty, который, однако, так часто рисовался и описывался, что вряд ли есть необходимость делать что-то большее, чем сослаться на него здесь. Это дольмен, состоящий из четырех камней, три из которых стоят вертикально; два боковых камня имеют площадь около 8 футов и толщину 2, третий несколько меньше; они

образуют три стороны камеры, четвертая сторона была — и, по-видимому, всегда была — оставлена открытой. Эти трое поддерживают заглушку размером 11 на 8 футов. Если мы можем доверять рисунку Стакли,^[134] это был внешний дольмен, стоящий на конце низкого длинного кургана. На другом конце кургана стоял обелиск, который с тех пор убрали, но во времена Стакли говорили, что это "могила генерала". С тех пор насыпь была выровнена плугом, но в целом она образует сооружение, столь распространенное как в Англии, так и в Скандинавии, что я склонен доверять рисунку. Однако здесь от этого зависит так мало, что настаивать на этом не стоит, но траншея поперек кургана может привести к интересным результатам. Почти прямо к югу от коттеджа Кита, на расстоянии около 500 ярдов, находится другой памятник того же класса, широко известный как "Бесчисленные камни", но настолько разрушенный — очевидно, искателями сокровищ, — что его план сейчас невозможно разглядеть. Однако во времена Стакли она была более совершенной, и поскольку его карандашу всегда можно доверять больше, чем перу, возможно, стоит воспроизвести его рисунки,^[135] расположение камней было своеобразным, но может иметь аналогии в других местах. Говорят, что между этими двумя существовал третий дольмен на памяти человека, но сейчас от него не осталось и следа. В тылу этих групп, ближе к деревне, существует или существовала линия больших камней, протянувшаяся от места под названием Спринг Фарм в северо-восточном направлении на расстояние трех четвертей мили до другого места, известного как Хейл Фарм,^[136] проходящая через Толлингтон, где сейчас найдено большее количество камней. Перед линией, недалеко от центра Толлингтона, стоят два обелиска, известных сельским жителям как камни-гробницы — вероятно, из-за их формы. Они имеют 12 футов в длину, 4-6 в ширину и около 2-3 футов в толщину.^[137] Они, по-видимому, частично обтесаны или, по крайней мере, имеют такую форму, чтобы походить друг на друга.

Помимо этих камней, которые все находятся на правом берегу реки, есть еще несколько групп в Аддингтоне или около него, примерно в пяти милях к западу от Эйлсфорда. Два из них в парке Аддингтона давно известны антикварам, поскольку были описаны и изображены в "Археологии" в 1773 году.^[138] Первый представляет собой небольшой круг, около 11 футов в диаметре, шесть составляющих его камней имеют высоту 19 футов, ширину 7 и толщину 2. Рядом с ним находится более крупный камень овальной формы размером 50 на 42 шага. Камни, как правило, меньше, чем в другом круге. Другие группы или отдельные камни описаны мистером Райтом,^[139] который исследовал землю вместе с этим превосходным и почтенным антикваром преподобным Л. Б. Ларкингом. Похоже, они придерживались общего мнения, что аллея из таких камней существовала на всем пути от Аддингтона до Эйлсфорда, но мне кажется, что нет достаточных доказательств, подтверждающих этот вывод. Многие камни кажутся естественными валунами, и ни в одном месте отчетливо не заметно какого-либо выравнивания.

В дополнение к этому мистер Райт обнаружил и попытался раскопать несколько небольших памятников погребального характера недалеко от дома Китс Котти, но расположенных на склоне холма непосредственно над ним. Они "состоят, как правило, из групп камней, частично погребенных на гребне холма, но, очевидно, образующих или сформировавших небольшие погребальные камеры". "Каждая группа, - добавляет он, - обычно окружена кругом из камней".^[140]

Только теперь остается вопрос, почему все эти камни были помещены сюда и кем? Мистер Райт слишком трезвый и слишком хорошо информированный антиквар, чтобы повторять обычную чушь о том, что подобные памятники были храмами или алтарями друидов. Вывод, к которому он приходит (стр. 183), заключается в том, что коттедж Кита и кладбище вокруг него, а также кладбище в приходе Аддингтон, вместе образовали грандиозный некрополь

бельгийских поселенцев в этой части острова. Против этого следует отметить, что бельгийцы не воздвигали подобных памятников в своей собственной стране, поскольку Бельгийская Галлия является именно той частью Франции, в которой не найдено каменных памятников, и очень маловероятно, что бельгийцы должны были сделать здесь то, чего они не сделали у себя дома. Но другое возражение состоит в том, что теория совершенно беспочвенна, в ней нет ни тени традиции, ни аналогии, и не приводится никаких доводов, объясняющих, почему это должно быть так, и, мягко говоря, она крайне маловероятна. Если бы от устья Хамбера до истока Саутгемптон-Уотер была проведена прямая линия, то это была бы единственная группа памятников этого класса к востоку от линии, и какие возможные основания мы можем иметь для предположения, что князья или народ этого обширного округа выбрали это место, и только это, для своего некрополя? Если бы это была какая-нибудь обширная равнина вроде Солсбери, или какая-нибудь мрачная долина, или место расположения какого-нибудь древнего священного города, выбор, возможно, был бы понятен, но вряд ли можно было выбрать более неромантическое, неправдоподобное место, чем долина реки Медуэй. Она не является ни центральной, ни доступной, и ни история, ни традиция не подтверждают это предположение.

Предположим, с другой стороны, мы предполагаем, что эти сооружения являются записью битвы, которая, согласно "Саксонской хронике",^[141] произошла на этом месте между Вортигерном, Хенгистом и Хорсой в 455 году, и в которой Катигрен был убит на стороне британцев, а укрепленная Хорса пала на стороне британцев. Саксы. Это, по крайней мере, объясняет все, что мы видим — линия камней у Толлингтона - это как раз такая позиция, которую заняла бы британская армия, чтобы прикрыть брод у Эйлсфорда от врага, наступающего со стороны Танета. Два обелиска впереди будут обозначать положение двух вождей; Коттедж Кита станет могилой Катигрена, каковой она всегда представлялась по традиции; круги в Аддингтоне станут могилами вождей, которые были ранены в битве, отведены в тыл и похоронены с подобающими почестями на том месте, где они погибли; и, наконец, курган в Хорстеде также, в соответствии с древней традицией, будет могилой Хорсы.

От этого последнего определения зависит так много, что в прошлом году благодаря доброте полковника Фишера, Р.Э., из Чатема была вызвана группа саперов, и курган был тщательно исследован. Было обнаружено, что кремация (предположительно человеческого тела) происходила на естественной поверхности земли и что над ней был насыпан курган. Мел был выкопан на некоторую глубину и найден совершенно нетронутым, но нигде не было обнаружено никаких украшений или орудий труда. Сначала это показалось разочаровывающим, но мистер Годфри Фоссет, присутствовавший при раскопках, ссылаясь на некоторые отрывки из "Беовульфа", сказал, что это именно то, чего следовало ожидать. Стихотворение, во-первых, является едва ли не лучшим авторитетом, который у нас мог быть, поскольку, по словам Кембла, "в нем рассказывалось о подвигах, по времени не очень далеких от перехода Хенгиста и Хорсы в Британию, и стихотворение, вероятно, было привезено сюда кем-то из тех англосаксов, которые в 495 году сопровождали Сердика и Кинерика".^[142] После конфликта Хенгиста с Фином тело было сожжено (л. 2232-2251); но после смерти Беовульфа упоминается не только кремация, но и великолепный курган возвышается над местом, где стояла погребальная груда, "ad on Eorthen" (л. 6266), на поверхности земли. На похоронах Беовульфа вазы, оружие и всевозможные драгоценности были брошены в кучу и сожжены вместе с ним; и неудивительно, учитывая богатство, только что спасенное героем-победителем из-под опеки "Вурма". Бедный Хорса умер побежденным, и все, на что могли рассчитывать его друзья, - это на то, что им разрешат похоронить его под флагом перемирия с соблюдением таких обрядов, которые обеспечили бы ему надлежащий

прием в загробном мире. Если бы они попытались зарыть вместе с ним какие-либо сокровища, они, вероятно, были бы присвоены победоносными британцами.

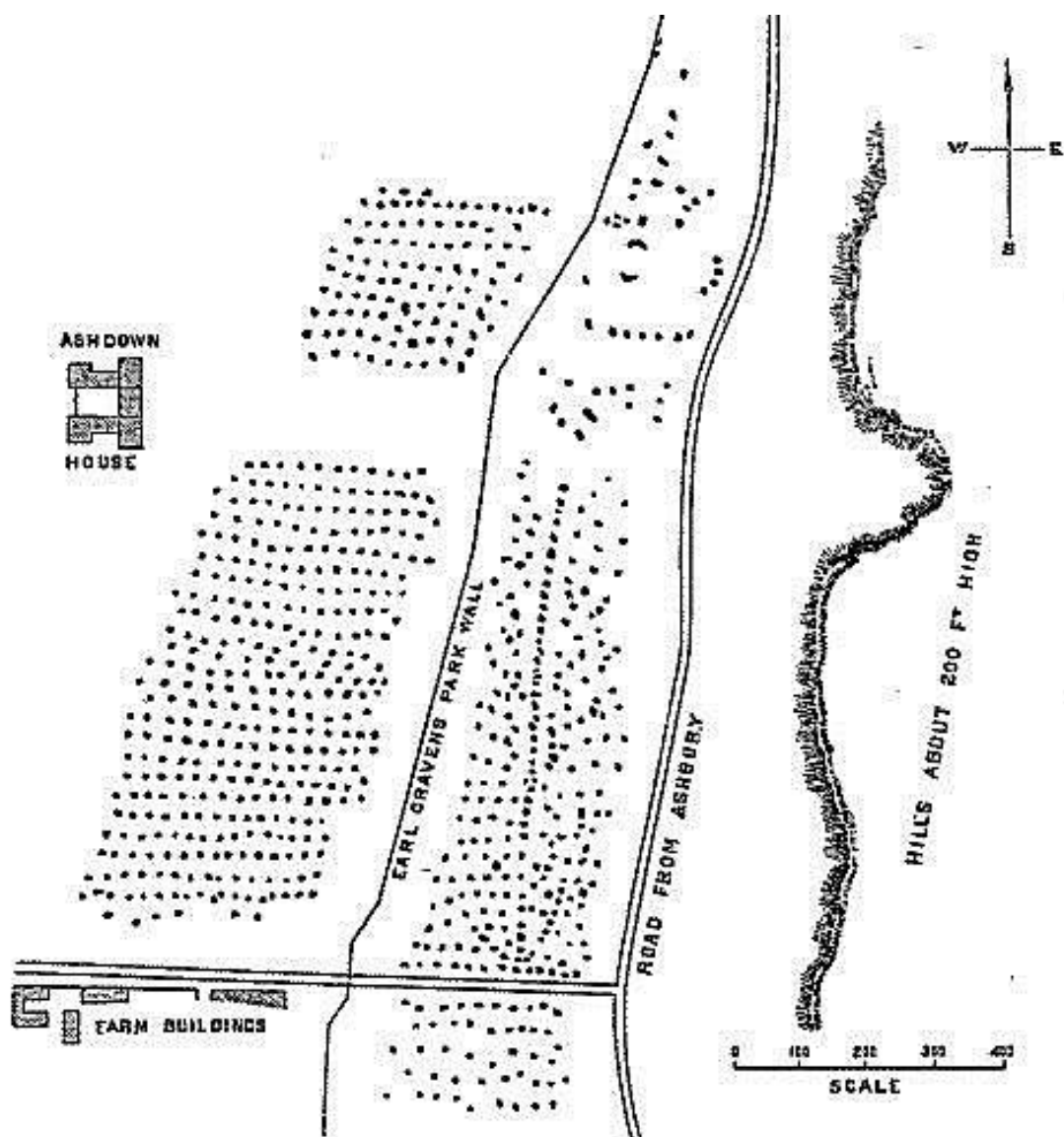
Высказывание Беда о том, что гробница Хорсы находилась в "восточной части Кантии",^[143] неоднократно цитировалось, чтобы опровергнуть это отождествление. Но что Беда имел в виду под "восточными частями"? Не могло ли быть так, что в его времена Медуэй делил Кент на восток и запад? Или же он, возможно, говорил, не имея достаточных местных знаний. Но то, что Хорса пал при Эйлсфорде, достоверно, как и любой другой факт той эпохи: скорее всего, он был похоронен недалеко от поля битвы; и деревня, где расположен курган, вероятно, с тех пор называется Хорстед, как и в наши дни.

Все это, как мне кажется, приводит настолько веские доводы, что я не могу отделаться от мысли, что это может быть принято до тех пор, пока, по крайней мере, что-то не будет выдвинуто против этого. В настоящее время мне не известен ни один аргумент в пользу обратного, который, как мне кажется, заслуживал бы сколь-либо серьезного рассмотрения. Никаких кремневых, бронзовых или железных орудий любого рода, насколько мне известно, на месте найдено не было — возможно, это только потому, что их не искали; но при нынешнем положении дел датская система не может быть поддержана или опровергнута этой точкой зрения.

Реальная трудность, которой следует опасаться при получении признания этого объяснения камня в Эйлсфорде, заключается в его чрезвычайной простоте. После всего, что было написано о непостижимой тайне и первобытной древности этого класса памятников, слышать, что это всего лишь воспоминания о битве, произошедшей на этом месте в 455 году, слишком ужасно прозаично, чтобы с этим можно было мириться, да, возможно, и не следовало бы соглашаться, если бы это было само по себе. Однако, если окажется, что это лишь один из многих примеров, окончательное признание вышеприведенных взглядов вряд ли может вызывать сомнения.

Эшдаун.

В окрестностях Уффингтона, в Беркшире, есть три памятника, по крайней мере, два из которых до сих пор заслуживают того, чтобы в них поселились местные жители и оставили имя в нашей истории. Одним из них является знаменитая белая лошадь, которая дала название долине и чисткой которой до сих пор пользуются жители окрестностей по случаю проводимого раз в три года фестиваля и игр, которые так красочно описал мистер Томас Хьюз.

28. Сарсеновые камни в Эшдауне. С рисунка А. Л. Льюиса, эсквайра.

Второй - кромлех, известный как пещера Уэйленда Смита и увековеченный благодаря использованию его сэром Вальтером Скоттом в романе "Кенилворт". Третий столь же примечателен, как и любой другой, но все еще нуждается в своем поэте. Прилагаемая гравюра на дереве даст четкое представление о ее характере и масштабах.^[144] Он не претендует на детальную точность, и это, к счастью, в данном случае не имеет большого значения. Все камни опрокинуты: некоторые лежат плашмя на земле, некоторые на своих краях, и только о самых маленьких можно сказать, что они стоят. Следствием этого является то, что мы не можем быть уверены, что точно знаем, где стояли какие-либо из них, и были ли они расположены рядами, как в Карнаке; и если да, то в скольких рядах, и всегда ли они имели тот беспорядочный вид, который представляют сейчас. Они расположены на площади около 1600 футов к северу и югу и на половине этого расстояния к востоку и западу. Щель в центре была сделана намеренно, чтобы расчистить обзор перед домом, когда он строился, и многие камни, как предполагается, были использованы при возведении. Это те же сарсены, что использовались в Эйвбери и Стоунхендже, и самые крупные имеют около 10 футов в длину, от 6 до 9 в ширину и от 3 до 4 футов в высоту (в их нынешнем лежащем положении); но таких больших мало, большинство от 2 до 4 футов в длину и ширину и от 1 до 3 в высоту.^[145]

Никто пока не пытался дать никакого объяснения этому памятнику, кроме повторения обычных формул друидов. Мне кажется почти неоспоримым, что это памятник битве, произошедшей здесь между саксами и датчанами в 871 году. Из Ассера мы узнаем, что язычники, продвигаясь из Рединга, заняли возвышенность. Иногда предполагается, что замок Уффингтон был построен ими по этому случаю, что ни в коем случае не невозможно. Продвигаясь на восток, они затем атаковали христиан под командованием Альфреда, которые занимали нижнюю часть города. Это, а также несвоевременный приступ набожности со стороны его брата, чуть не погубили христиан в тот день; но мастерство и бесстрашие Альфреда возобладали, и победа была полной.^[146] Поскольку это так, нет ничего более вероятного, чем то, что победоносная армия, либо самостоятельно, либо с помощью крестьян, собрала сарсенов по соседству и расположила их так, как располагались Альфред и его армия, когда он впервые подвергся нападению язычников. Представляется также вероятным, что он мог выгравировать эмблему белого коня на склоне холма, где язычники разбили лагерь в ночь перед битвой и где, вероятно, битва закончилась на следующий день.

Вопрос о том, относится ли пещера Вейланда Смита к той же группе или к более раннему периоду, решить не так-то просто. У меня сложилось впечатление, что она старше. Это трехкамерный дольмен, почти идентичный по плану дольмену Петри № 27 в Кэрроуморе, который будет описан в следующей главе, но с той разницей, что в то время как круг из камней в ирландском примере содержал тридцать шесть или тридцать семь камней и был 60 футов в диаметре, этот, вероятно, содержал только двадцать восемь и имел всего 50 футов в диаметре. Это и тот факт, что один из них состоит из сарсенов, а другой — из гранитных блоков, настолько полно объясняют всю разницу между ними, что я не могу поверить, что между возведением этих двух мог пройти такой большой промежуток времени, как восемь столетий. Я полагаю, что он, должно быть, был воздвигнут для погребения местного героя в первые века христианской эры; но об этом мы сможем судить лучше, когда продвинемся дальше в нашем обзоре подобных памятников.

Роллрайт.

В Роллрайте, между Чиппинг-Нортоном и Лонг-Комптоном, в Оксфордшире, есть круг, который, судя по тому, что о нем написано, приобрел важное значение в антикварном мире, и это, конечно, не связано ни с его размерами, ни с какими-либо традициями, которые с ним связаны. Каждый антиквар, от Камдена до Батерста Дина, считал необходимым рассказать что-нибудь об этом великолепном храме жрецов-друидов, так что путешественника, когда он посетит его, наверняка ждет ужасное разочарование. Это обычный 100-футовый круг, вход в который, по-видимому, находится с юга, напротив пяти самых больших камней, которые расположены рядом с северной стороны, самый высокий в центре - около 5 футов в высоту. Остальные в среднем около 3-4 футов, но неодинаковые по высоте и расположены неравномерно, но с тенденцией образовывать группы по три, что является особенностью, наблюдаемой в некоторых подобных кругах Дартмура.

Через дорогу, на расстоянии около 50 ярдов, стоит единственный камень-obelisk высотой около 10 футов на насыпи, которая кажется искусственной. Однако, если это так, то он был возведен из материалов, взятых из ямы, которая все еще существует с одной стороны, а не из окружающей ее канавы, как это обычно бывает в подобных случаях. В другом направлении, примерно в четверти мили от круга, стоит дольмен, который является самой прекрасной достопримечательностью в группе. Упавший верхний камень имеет размеры 8 на 9 футов и значительную толщину; а три опорных камня имеют высоту 7, 8 и 10 футов соответственно.

Этот круг, по-видимому, исследовал Ральф Шелдон, но безрезультатно.^[147] Курган, насколько известно, еще нетронут, и дольмен теперь нельзя исследовать, не вызвав его полного разрушения; Я полагаю, никто не будет оспаривать, что он могильный. Сейчас было бы трудно подвергнуть экспериментальной проверке вопрос о том, таков ли круг или нет, поскольку около сорока или пятидесяти лет назад он и участок вокруг него были засажены лиственницами, корни которых распространились по поверхности, и теперь от них с трудом можно было избавиться. Об этом приходится сожалеть, поскольку из-за своего изолированного положения группа предоставляет прекрасную возможность проверить обычные теории относительно этих памятников. Если это был храм, то это дает нам очень слабое представление о религиозном состоянии наших предков, поскольку для района в радиусе от двадцати до тридцати миль у них должно было быть только одно небольшое ограждение, окруженное низкой несовершенной стеной высотой 3-4 фута. Если когда-либо существовал какой-либо другой камень, его следы должны были быть найдены, иначе почему этот сохранился таким полным, ведь, по-видимому, не пропал ни один камень. Странно также, что, как и в других случаях, он расположен в самой высокой и унылой части окружающей местности. Фактически, это не только самая необычная форма, но и самое неудобное место для храма. Это также дает нам очень низкое представление об их цивилизации. Круг в Роллрайте - это своего рода памятник, который мальчики из любой из наших более крупных школ могли бы установить за неделю, при условии, что камни будут найдены разбросанными повсюду, на небольшом расстоянии, что, несомненно, и имело место при его возведении. Возможно, дольмену потребуется немного приспособиться, чтобы поднять верхний камень; но нет ничего такого, что жители деревни по соседству не смогли бы завершить за несколько дней, если бы захотели, и уж точно ничего такого, что победоносная армия, численностью, скажем, даже в 1000 человек, не смогла бы завершить между восходом и заходом солнца летним днем. Даже если допустить могильный характер группы, вряд ли это может быть место захоронения вождя, клана или семьи. В таком случае вместо одного дольмена должно было быть несколько, возможно, меньших размеров, но расположенных последовательно. У вождя, должно быть, были предки, или преемники, или родственники, и они не удовлетворились бы тем, что у одного-единственного члена их семьи будет почетная могила, а они сами будут покоиться в ничем не примечательных могилах. Как и в других случаях, если мы не готовы признать, что это место битвы, я не знаю ничего, что могло бы объяснить ситуацию и форму группы; и я не вижу, почему мы должны отвергать объяснение Камдена обстоятельств, при которых это было воздвигнуто: "Я искренне думаю, что это был памятник какой-то победе, и, возможно, воздвигнутый датчанином Ролло, который впоследствии завоевал Нормандию". "В то время, когда он с датчанами беспокоил Англию грабежами, мы читаем, что датчане вступили в битву с англичанами при Хок-Нортоне, месте, которое в старину не было чем-либо более известным, чем прискорбная резня англичан на этом поле битвы во времена правления короля Эдуарда Старшего".^[148] Это последнее, однако, по-видимому, ошибка, поскольку именно Эдвард (901-923) на самом деле был современником Ролло. Он также был современником Горма Старого из Дании, о чьих курганах и языческих обычаях мы услышим позже.

Это снова покажется очень прозаичным антиклимаксом тем, кто воспитан на идеях глубокой древности и удивительном великолепии таких памятников, как Эшдаун и Роллрайт. Посещения их достаточно, чтобы развеять одну часть этой иллюзии, а немного здравого смысла, примененного к другой, вероятно, покажет, что более умеренная точка зрения полностью соответствует всем реальным требованиям дела.

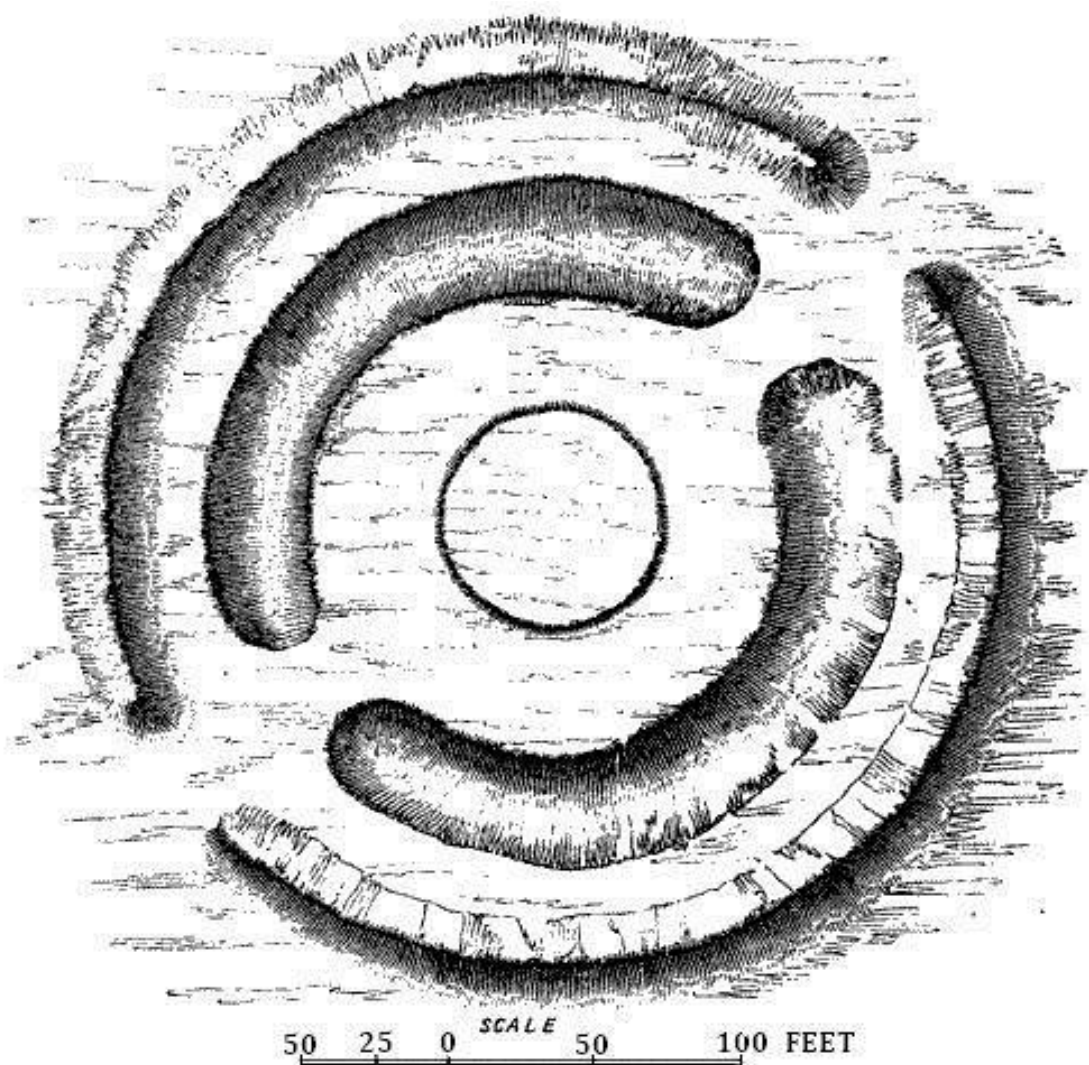
Пенрит.

В окрестностях Пенрита в Камберленде есть группа, или, возможно, следует сказать, что есть три группы памятников, имеющих значительное значение благодаря своей форме и размерам, но не представляющих интереса из-за отсутствия какой-либо традиции, объясняющей их нахождение там, где мы их находим. Они тянутся почти по прямой от Литтл-Салкельда на севере до Шапа на юге, на расстоянии четырнадцати миль по прямой, Пенрит расположен немного западнее линии и ближе к ее северной, чем к южной оконечности.

Примерно в полумиле от первой названной деревни находится круг, известный в народе как Длинная Мэг и ее дочери, числом шестьдесят восемь, если считать, что каждый камень представляет единицу. Он имеет около 330 футов (100 метров) в диаметре, но не образует идеального круга. Камни представляют собой необработанные валуны, и очень немногие из них сейчас стоят вертикально. За пределами круга стоит сама Длинная Мэг, сделанная из камня другого класса, чем остальные, высотой около 12 футов, и, по-видимому, обтесанная или, по крайней мере, в какой-то форме.^[149] Внутри круга Камден сообщает о "существовании двух каменных пирамид, под которыми, по их словам, похоронены мертвые тела; и действительно, достаточно вероятно, - добавляет он, - что это был памятник, воздвигнутый в честь какой-то победы".^[150] В настоящее время от этих пирамид не осталось никаких следов, и я не знаю, чтобы в центре когда-либо рыли могилы. Однако у меня сложилось впечатление, что основное погребение произошло снаружи, и эта Длинная Метка указывает либо на голову, либо на подножие могилы вождя.

Недалеко от Пенрита находится еще один круг под названием Мейборо, примерно тех же размеров — 100 метров — что и в Литтл-Салкелде, но совсем другой конструкции. Вал, или ограждение, полностью состоит из небольших истертых водой камней, взятых со дна рек Имаунт или Иден. Камни удивительно однородны по размеру, и их примерно столько, сколько любой человек мог бы унести без неудобств. Этот курган сейчас настолько заминирован, что чрезвычайно трудно угадать его размеры. Возможно, он был от 15 до 20 футов в высоту и вдвое больше в ширину у основания. Та же причина затрудняет определение размеров внутренней области. Дно круга я вычислил как 290 футов от подножия одного склона до подножия противоположного, и, следовательно, в целом как от 320 футов до 340 футов^[151] от гребня до гребня; но эти размеры должны приниматься только как приблизительные, пока не будет произведено более тщательное обследование, чем это было в моих силах выполнить. Рядом, но не совсем в центре, возвышается единственный великолепный монолит; он может достигать 12 футов в высоту, но более чем в два раза превышает объем Лонг-Мэг. Во времена Пеннанта в центре все еще стояли четыре камня, из которых этот был одним, и, вероятно, первоначально могло быть еще несколько, образующих небольшой круг в центре.^[152] В свое время он также узнал, что в щели в валлуме стояли четыре камня — две пары, выглядевшие как начало аллеи. Это место, однако, находится слишком близко к Пенриту, а камень там слишком ценный, чтобы допустить утечку подобных вещей, так что сейчас не осталось ничего, что позволило бы нам с уверенностью восстановить этот памятник.

Рядом с этим находится третий круг, известный как Круглый стол Артура.

29. Эскизный план Круглого стола короля Артура с восстановленной стороной, уничтоженной дорогой.

Он состоит или состоял из земляного вала, насколько можно разглядеть, 300 футов от гребня до гребня; но примерно треть круга срезана для образования дороги, и нелегко говорить с уверенностью. Внутри вала находится широкая насыпь, затем ров, а в центре - плато диаметром около 170 футов, слегка приподнятое в центре. На поверхности не видно ни одного камня, хотя разрушенный вал показывает, что он в основном состоит из них. Сейчас есть только один вход через вал и ров, но поскольку оба входа существовали во времена Пеннанта (1772) и указаны на его плане памятника, я без колебаний восстановил второй соответствующим образом.^[153] Расстояние между Мейборо и Круглым столом короля Артура составляет около 110 ярдов, и примерно на таком же расстоянии от последнего названного памятника во времена Пеннанта существовал третий круг. Однако, по-видимому, в его время это был, по крайней мере, всего лишь кольцевой ров, а теперь он полностью исчез.

Из-за их более разрушенного состояния останки в Шапе описать сложнее. Однако Стакли посетил их в 1725 году, но он жалуется, что все время, пока он был там, шел дождь, а дождь на такой унылой открытой пустоши, как Шап, крайне неблагоприятен для занятий

антиквариатом.[154] Останки также были описаны Камденом,[155] но, по-видимому, не по личным наблюдениям, и с тех пор их описывали другие, но разрушение было настолько быстрым, что деревня была почти полностью застроена из них следует, что сейчас чрезвычайно трудно установить, какими они были на самом деле. Все, однако, сходятся во мнении, что основным памятником было выравнивание, согласно некоторым данным, двойного ряда камней, из которых на других можно проследить только один ряд. Насколько я мог разглядеть на месте, это начиналось недалеко от места, называемого Громовым камнем, на севере, где в поле есть семь больших камней; шесть расположены в два ряда; седьмой, кажется, начинается одной линией, от этого до места на южной оконечности деревни, называемого Карл Лофтс, отдельные камни можно проследить через равные промежутки, по-видимому, совершенно прямой линией, и еще дальше, на ферме под названием Брекенбир, мистер Симпсон воображал, что в 1859 году он мог проследить остатки круга в 400 футов длиной. в диаметре, с большим обелиском в центре.[156] Признаюсь, в 1869 году мне не так повезло, и я также отличаюсь от него в отношении положения стоун-роу. Судя по описанию Стакли, он предположил, что оно располагалось к югу от Карл-Лофтс, хотя и не смог обнаружить никаких его следов. У меня сложилось впечатление, что она началась с круга в Брекенбуре, непосредственно к югу от Карл-Лофтс, и продолжалась в северо-западном направлении почти полторы мили до Громового камня, как упоминалось ранее. Примерно в полумиле к югу от Брекенбира находится часть того, что когда-то было очень красивым кругом. Он был частично разрушен железной дорогой, но, по-видимому, представлял собой стофутовый круг и располагался значительно впереди линии проспекта, в том же положении относительно ряда камней, что и круг на Меривейл-Бридж ([гравюра на дереве № 12](#)), или как Стоунхендж относительно его оси ([гравюра на дереве № 26](#)), независимо от того, предполагаем ли мы, что он продолжался в этом направлении или заканчивался, как указано выше. Перед кругом находится величественный курган под названием Кемп-Хау, в котором, как говорят, было найдено тело человека гигантского роста.[157]

Согласно популярной традиции, каменная аллея первоначально простиралась до Мьюир-Дивока, на расстояние более пяти миль, на что она, безусловно, указывает. Хотя это в высшей степени невероятно, это не совсем лишено оснований, поскольку на Мьюр-Дивоке есть пять или шесть каменных кругов и несколько курганов. Большинство кругов были вскрыты недавно, и во всех случаях были обнаружены гробницы или другие свидетельства погребений.[158] Сразу за Мьюиром возвышается возвышающийся холм высотой 1747 футов, отмеченный в Артиллерийской службе как Артурс-Пайк. Кроме них, на холме за Шапом, к востоку, есть несколько каменных кругов, некоторые одинарные, некоторые двойные, но ни один из них не имеет большого размера или составлен из камней очень больших размеров. Весь вид страны напоминает район, используемый в качестве места захоронения в степи, далеко превосходящей все, что могло потребоваться обычным жителям данной местности, поскольку более мрачного и неприветливого места нет ни в одной части этих островов.

Насколько я знаю, с этими памятниками не связано ни одной заслуживающей доверия традиции, которая связывала бы их с каким-либо историческим или местным происшествием. Таким образом, мы почти полностью предоставлены их внутренним формам или аналогиям, чтобы определить либо их историю, либо их цели.

Сейчас, вероятно, не найдется никого, кто всерьез утверждал бы, что длинный ряд камней в Шапе был храмом либо друидов, либо кого-либо еще. По крайней мере, если эти древние люди считали, что одиночный или даже двойной ряд широко расставленных камней, протянувшихся на полторы мили поперек унылой пустоши, был подходящей формой для

места для богослужения, они, должно быть, были устроены иначе, чем мы. Если бы у них не было хвостов или, по крайней мере, длинноострых ушей, которыми Дарвин наделяет наших предков, они приняли бы какую-нибудь форму виска, более похожую на те, что используются во всех других странах мира. Это также не было гробницей. Здесь не только не было найдено никаких погребальных останков, но и нигде больше не было обнаружено никаких следов такого назначения, связанных с подобными постройками. Даже, однако, если утверждается, что это могильное сооружение, оно определенно не было местом захоронения в деревушке Шап или в ее окрестностях, поскольку более жалкого места для жилья в Англии не существует, и не может быть, чтобы Шап, подобно Эйвбери, нуждался в самых великолепных кладбищах на острове, в то время как ничего подобного не существует вблизи крупных населенных пунктов. Если бы страна была так же густонаселена, как Китай, мы могли бы вообразить, что люди ищут заброшенные, неосвоенные места, где можно похоронить своих мертвецов, но даже в настоящее время Уокинг - единственное кладбище, выбранное по этому принципу в Англии, и в любое предыдущее время, на которое мы можем оглянуться, эта идея кажется слишком абсурдной, чтобы ее рассматривать хотя бы на мгновение.

Следовательно, если выравнивание в Шапе было могильным, оно должно было быть местом захоронения тех, кто пал в какой-то битве на этом месте; фактически это подводит нас к единственному известному мне предположению, которое кажется хоть сколько-нибудь правдоподобным: что оно отмечает поле битвы, подобное тем, что были в Дартмуре (*ante*, стр. 54), и другим, с которыми мы встретимся позже.

Раскопки доказали, что все меньшие круги, которыми изобилуют окрестности, являются могилами, и если таковы круги диаметром от 60 до 100 футов, то все аналогии должны привести нас к выводу, что 100-метровые круги также являются могилами. Прямых доказательств этого, однако, пока получено не было, но это может быть связано в первую очередь с трудностью раскопок на такой большой территории; или, возможно, тела были похоронены за пределами круга, как в Хакпене (*ante*, стр. 76), или у подножия камней, как в Кричи (*ante*, стр. 75), или в тех кругах, где нет стоящих камней в подобном положении — у подножия внутреннего склона вала — и это как раз те места, где их не искали. Между тем, пирамиды из камней внутри круга Дочерей Длинной Мэг, похоже, подтверждают эту точку зрения на их погребальное назначение. Но если это и гробницы, то, конечно, это не были семейные или княжеские усыпальницы. Если бы это было их предназначением, они были бы найдены не только двумя или тремя группами в самых диких и отдаленных частях страны, но и в гораздо большем количестве и ближе к тем местам, где больше всего собирается мужчин. На самом деле мы склоняемся к предположению Кэмдена, что они, возможно, были созданы для того, чтобы отпраздновать какую-то победу; но, если да, то какую победу? Похоже, что верховая езда - это хобби, и очень трудно высказать то же предположение, что было сделано в отношении Эйвбери, но, признаюсь, я не знаю ничего другого, что можно было бы выдвинуть с таким большим правдоподобием, как считать их памятниками походов Артура против саксонских захватчиков.

Первое возражение, которое, естественно, будет выдвинуто против этой гипотезы, состоит в том, что король Артур был мифом и вообще никогда не участвовал ни в каких битвах. Не было необходимости рассматривать это, когда речь шла об Эйвбери. Все, что тогда требовалось, это знать, был ли Уоден-Хилл Бадон-Хиллом. Если это было место той знаменитой битвы, то дальнейших расспросов не требовалось. Артур, и только он, командовал там; и если мы признаем факт происходившей битвы, мы в то же время признаем существование того, кто там командовал. Но что касается других одиннадцати сражений, упомянутых Ненниусом[159] случай не столь ясен, и, согласно нынешней модной школе исторической

критики, считается разумным отвергнуть все это как миф, потому что доказательства не таковы, чтобы выдержать рассмотрение в суде, а также потому, что история в ее нынешнем виде настолько перемешана с невероятными баснями, что отбрасывает все сомнения. дискредитация в целом. Гораздо легче высмеивать глупые чудеса, которые, по словам средневековых менестрелей, творил Мерлин, и смеяться над чудесными подвигами Артура и рыцарей его Круглого стола, чем пытаться собрать воедино те немногие факты, которые их дикая поэзия оставила незамеченными. Но если кто-нибудь попытается проделать тот же процесс с одной из многочисленных "Историй благородства и вельможи Роя Александра ле Гранда", он столкнется с точно такими же трудностями. Аристотель и его учитель были изображены такими же сказочными личностями, как Мерлин и Артур, и чудеса одного и подвиги другого одинаково удивительны. В случае с Александром у нас, к счастью, есть Арриан, Курций и другие, которые рассказывают нам правду о нем; но у Артура не было современной истории, и вместо того, чтобы жить в высокоразвитом государстве, которое просуществовало века после него, он был последним ярким светом своего века и расы, а после него на столетия воцарился мрак. Только после долгого затмения его имя было использовано в поэтическую и некритичную эпоху в качестве вешалки для бардов, на которую они вешали свои дикие фантазии.

Здесь не место рассматривать столь масштабный вопрос. Достаточно будет изложить то, что я считаю основными фактами. Тем, кто их не признает, не нужно читать дальше. Артур, как мне кажется, родился принцем одного из небольших государств на Западе Англии, вероятно, Корнуолла, и после смерти Амброзия, примерно в 508 году, вступил в борьбу, которую последний вел с переменным успехом против орд саксов и других племен, которые постепенно вытесняли бриттов из Англии. У меня сложилось впечатление, что еще до ухода римлян юты, англ и датчане не только торговали с ними, но и поселились как на саксонском литтусе в Кенте, так и на побережье Йоркшира, Нортумберленда и Лотиана; и что в течение столетия, прошедшего между уходом римлян и временами Артура, они постепенно вытесняли британское население за гряды холмов, которая простирается от Карлайла до Дерби и образует хребет Англии. Именно на равнинах за этим хребтом и дальше к югу, по-видимому, происходили все битвы Артура. Имея за спиной Камберленд, Уэльс и Корнуолл, он был не только уверен в поддержке местного населения в своем тылу, но и имел надежное убежище на случай, если удача отвернется от него. Во всей этой обширной местности я не знаю ни одного места, столь выгодного в стратегическом отношении для защитника своей страны, как возвышенность около Шапа или открытая местность, простирающаяся оттуда до Салкельда. Горные хребты Шапа защищали его справа от врага, наступавшего со стороны Ланкастера, Каледонский лес и очень пересеченная местность прикрывали его слева, а впереди была только дикая негостеприимная местность, по которой захватчик с противоположного побережья мог продвинуться против него, в то время как в тылу у него был однодневный переход между неприступными горами и озерами Камберленда.

Я боюсь слишком подчеркивать тот факт, что один из кругов в Пенрите и холм напротив Шапа носят имя Артура, потому что за последние несколько лет мы видели двух твердолобых трезвомыслящих шотландцев, доказывающих, к собственному удовлетворению, что Артур родился к северу от Твида, что все его битвы и подвиги были совершены в северной части острова. Даже Ганора — вероломная Гвинебра — если и не шотландка, то, во всяком случае, была похоронена на кладбище Мигле под камнем, который несколько столетий спустя изваял какой-то благочестивый потомок.^[160] Однако даже здесь, мне кажется, я могу заметить разницу между этими двумя случаями. В средние века у шотландцев были такие историки, как Боус и Фордан, которые записывали подобные басни в назидание своим соотечественникам и с должным патриотизмом желали, чтобы их стране досталась такая

большая доля мирового величия или великих людей, какую они могли бы присвоить. За ними последовал образованный класс по всей стране, которым двигали те же мотивы, и они сделали именно то, что Стакли и его последователи сделали с английскими памятниками. Они нашли друидов, у которых не было храмов, и развалины, которые, как они предполагали, были храмами без священников; итак, соединив их вместе, они создали то, что, как им казалось, было совершенным целым из двух несочетаемых половинок. Итак, шотландцы, имея, с одной стороны, богатый репертуар басен, а с другой - холмы без названий и скульптурные камни без владельцев, соединили их вместе и продолжали повторять в той же манере свои выдумки, пока из ужасного повторения они не приобрели сходство с фактом.

В Камберленде, если я не ошибаюсь, дело обстояло совсем по-другому. У хамов той страны не было ни литературы, ни образования, ни того пылкого патриотизма, который позволял шотландским поэтам и педантам создавать для себя квазиисторию из деяний других людей. Трудно представить себе жителей Камберленда, озабоченных Артуром и его делами и желающих присвоить его имя своим холмам или древностям, если только какая-то древняя традиция не сделала это вероятным, и, следовательно, "*valeat quantum*", эти названия можно рассматривать как предполагающие реальную связь между этим местом и этим человеком.

Из-за чрезвычайной краткости записи в Ненниусе, [161] есть несколько вещей, по поводу которых даже среди верующих в Артура существует большее расхождение во мнениях, чем места его сражений. Рассматривая их в том порядке, в котором они упомянуты, считается, что первое сражение произошло на реке Глем-оф-Глейн, которая, как предполагают редакторы "*Monumenta Historica Britannica*", может быть рекой с таким названием в Нортумберленде. Указанная река настолько мала, что трудно представить, что ее название следует связывать со столь важным событием.

Если нам придется забраться так далеко на север, я бы предпочел разместить его в замке Вуд, недалеко от Лохмабена, в Дамфрисшире, где есть круглая ограда, идентичная по плану и размерам Круглому столу короля Артура в Пенрите. [162] Стратегически это гораздо более вероятное место, чем открытое восточное побережье Нортумберленда; но, кроме плана Вуд-Касла, я не знаю никаких оснований для размещения этого поля битвы в Аннандейле.

Нет никаких указаний на то, где происходили второе, третье или четвертое сражения; но для пятого у нас есть важное обозначение, что оно проходило "*super aliud flumen quod vocatur Duglas vel Dubglas quod est in regione Linuis*", или в другом месте г-жи Линнуис. Примечание на полях указывает на Линдси в Линкольншире, но, по-видимому, только потому, что первые три буквы в обоих совпадают. Мимо Уигана в Ланкашире протекает река Дуглас, которую Уиттекер в своей "Истории Манчестера" смело называет указанным местом, и другие были склонны согласиться с его решением. Тщательно осмотрев местность, я признаюсь, что нет места, которое показалось бы мне более неподходящим для большого сражения, чем берега этой реки, и сейчас не осталось никаких местных свидетельств того, что они там были. Нельзя не чувствовать, что если Артур когда-либо позволил загнать себя в такой угол, не имея за спиной ничего, кроме моря, по которому можно было отступить, то он определенно не был тем полководцем, который так успешно выступил против саксов. Я гораздо более склонен полагать, что Линнуис - это всего лишь варварская латинизация Linn, что на гэльском и ирландском означает море или озеро. По-валлийски это Llyn, а по-англосаксонски Lin, и если это так, то "В регионе Линнуис" может означать "В Озерной стране".

Название реки вовсе не кажется мне непреодолимой трудностью. Все реки вокруг Пенрита, Лоутер, Имаунт и Эдем, имеют названия, которые, несомненно, были даны им саксами, но до

их появления у них, должно быть, были кельтские названия; и Дабх как прилагательное означает темный или черный, а Глас, зеленый или серый, используется в качестве субстантива для обозначения моря в ирландском языке. Такой эпитет прекрасно подходил бы к Лоутеру; и если бы его можно было отождествить с рекой, упомянутой Неннием, нашим трудностям пришел бы конец. Однако эти спекуляции, конечно, следует принимать во внимание, чего они стоят. Насколько известно, нет никаких подтверждений тому, что название Дуглас или Дубхгласс применялось к Лоутеру или Эдему.

Шестая битва произошла на реке Бассас. Было высказано предположение, что это означает Басс-Рок в Фрит-оф-Форт; но вряд ли нужно возражать, что рок - это не река, и существует крайняя невероятность того, что Артур когда-либо видел Лотиан. В Дербишире есть Бас-Лоу[163] в районе, где, как мы сейчас увидим, есть основания полагать, что Артур участвовал в одном или нескольких своих сражениях, но я не знаю ни одной реки с таким названием в этом районе.

Седьмая война была в фильме Сильвы Калидонис "настоящий кот Селидон". Кошка в последнем имени, очевидно, Кэт или Cath, "битва", с которой мы часто встречаемся и еще встретимся при описании этих событий. Койт, насколько нам известно из словарей, означает коракл и, по-видимому, указывает на борьбу в лодках. Каледонский лес - это то, что действительно определяет местность. Обычно считается, что это лес, простиравшийся от Пенрита до Карлайла; и если это так, то можно предположить, что любой из наших кругов Пенрита отмечает место седьмой битвы. Наиболее вероятно, что в этом случае это был бы Салкельдский круг, или, возможно, тот, который известен как Серые Яуды, недалеко от Камрю, примерно в восьми или девяти милях к северу.[164]

Восьмая битва произошла в Кастелло Гиннионе, или Гуине, который, судя по звучанию названия, вряд ли находится в Уэльсе или на границе с Уэльсом, если только мы не предположим, что эти валлийские названия были общими для всей страны до того, как саксы переименовали многие места. В таком случае у нас нет ничего, что могло бы подсказать нам, где велась битва.

Девятая битва произошла "в городе Легионис". Это может быть либо Честер, либо Каэрлеон в Южном Уэльсе. Скорее всего, это было последнее, поскольку в другой рукописи добавлено "quæ Britannice Karlum dicitur", или Cair lin в другой.

Десятая война произошла на берегах реки, которая называлась Рибройт. Хотя в разных рукописях это пишется как "полба". Трибруит, Тратрюроит и Траттрюроит - кажется, это невозможно идентифицировать. Но это, должно быть, была большая река, иначе вряд ли было бы употреблено выражение "in littore".

Одиннадцатая битва, "произошедшая в Монте-квод-дицитур-Агнес-Катрегоннон"; и в разных рукописях. это пишется как Cathregomion, Cabregonnon, Catbregonnion, а в одном из них добавлено: "в Сомерсетшире, где мы называемся Cathregion appellamus". Похоже, сейчас в этой стране не известно такого названия; но, как мы вскоре, я надеюсь, увидим основания полагать, это место, вероятно, теперь известно как Стэнтон-Дрю.

Двенадцатой битвой была битва при горе Бадон, расположение которой, как мы уже указывали, почти наверняка может быть зафиксировано в непосредственной близости от Эйвбери.

Следует признать, что все это достаточно расплывчато, и многое зависит от номинального сходства, которое никогда не бывает очень удовлетворительным; тем не менее общее

впечатление, которое это оставляет, кажется достойным принятия. Это наводит нас на мысль, что Артур начал свою борьбу с захватчиками на севере Англии, вероятно, во времена Амброзия, и пробивался на юг, пока после двенадцати кампаний, или двенадцати сражений, не одержал свою коронную победу при Бадон-Хилл, которая даровала ему мир до конца его дней. Во всяком случае, что касается первых семи сражений, то, кажется, нет причин, по которым мы не могли бы присвоить какое—либо из них, за исключением, возможно, первого, нашим камберлендским кругам. Доказательство того, разумно это делать или нет, конечно, будет зависеть от случая, который мы сможем выявить для других кругов, которые нам предстоит исследовать, и от общей взаимозависимости, которую, как можно показать, вся серия оказывает друг на друга.

В настоящее время может быть разрешено придерживаться гипотезы, которая, безусловно, имеет достоинство объяснять факты в том виде, в каком они теперь известны; но вероятность или опровержение которой должно зависеть от фактов и аргументов, которые будут приведены ниже.

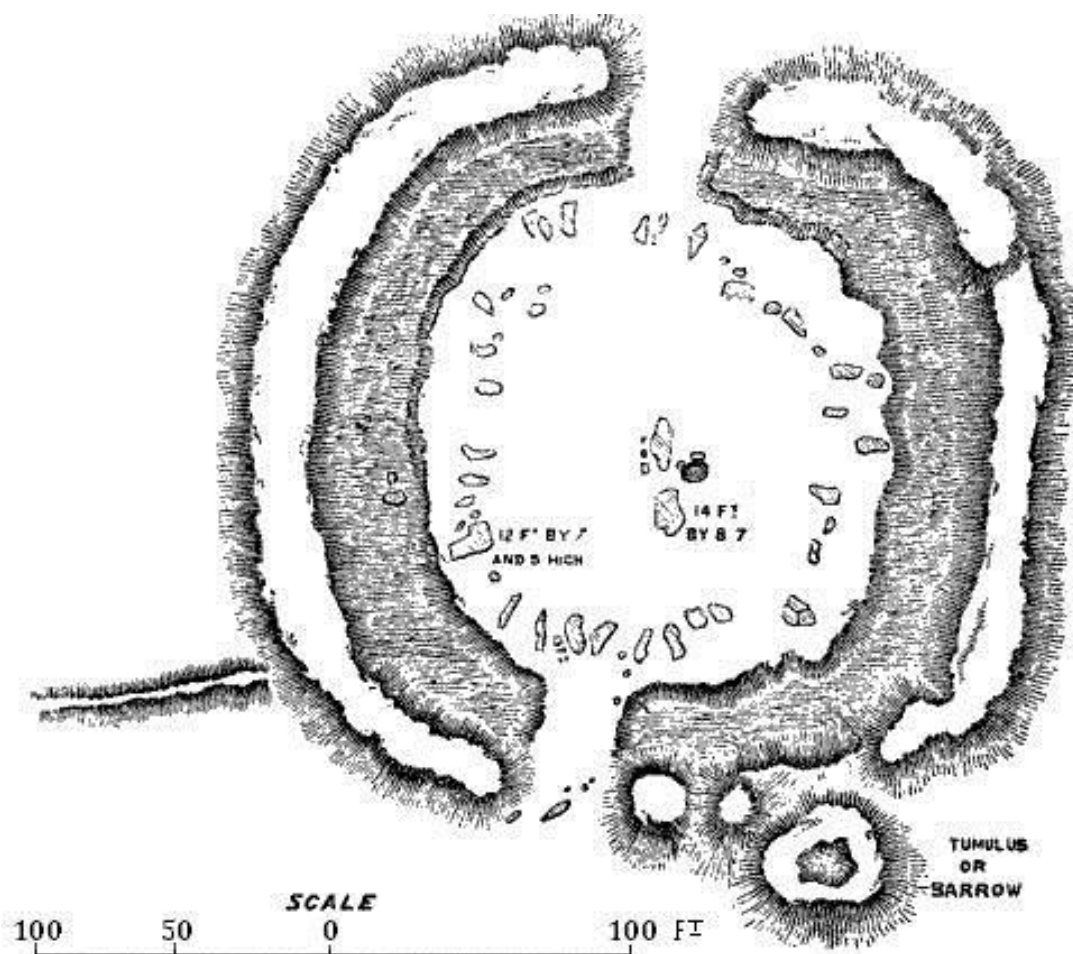
Дербишир.

Следующая группа памятников, с которыми нам предстоит иметь дело, возможно, не менее интересна, чем любая из ранее описанных. Как упоминалось ранее, говоря о трудах Уильяма и Томаса Бейтманов, северо-западная часть графства изобилует курганами, но ни один из них, по-видимому, не имеет такого древнего характера, как те, что были раскопаны каноником Гринвеллом в Йоркшире, и большинство из них содержат предметы настолько разного характера, что не поддаются систематической классификации. Поскольку они, однако, едва ли относятся к предмету, который мы сейчас рассматриваем, нет необходимости говорить о них больше в настоящее время; и тем более, что группа, которая непосредственно относится к нашему направлению исследований, четко определена по местности и, вероятно, также по возрасту.

Главный памятник этой группы хорошо известен антикварам как Арбе или Арбор Лоу,^[165] и расположен примерно в девяти милях к юго-востоку от Бакстона, и по любопытному совпадению расположен в том же месте относительно Римской дороги, что и Эйвбери. Это настолько верно, что при Обследовании боеприпасов — за исключением масштаба — одно может быть ошибочно принято за другое, если его вырезать из соседних объектов. Однако Майнинг-Лоу, который является центром Силбери-Хилл в этой группе, находится в четырех милях отсюда, хотя все еще находится на линии римской дороги, а не всего в одной миле, как в примере с Уилтширом. Кроме того, в Бенти-Грейндж, примерно в миле от Арбор-Лоу, находится самое интересное Саксонское ущелье. Гиб-Хилл, Кенс-Лоу, Рингхэм-Лоу, Энд-Лоу, Лин-Лоу и, вероятно, в общей сложности десять или двенадцать важных насыпей, покрывающих пространство в пять миль в одном направлении и от полутора до двух миль в поперечнике.

Арбор Лоу состоит из круглой платформы диаметром 167 футов, окруженной рвом шириной 18 футов внизу, земля, взятая из которого, была использована для формирования вала высотой от 15 до 18 футов и диаметром около 820 футов в окружности наверху.^[166] Первое, что бросается в глаза при взгляде на план ([гравюра на дереве № 30](#)), это то, что по дизайну и общим размерам памятник идентичен памятнику под названием "Круглый стол Артура" в Пенрите. Единственное отличие состоит в том, что в данном случае сечение рва, а следовательно, и вала, было увеличено за счет бермы; но устройство обоих объектов одинаковое, как и внутренние и внешние размеры. В Арбор-Лоу есть два входа через ров, как это было в примерах Камберленда и Дамфришира. Как упоминалось выше, сейчас там виден

только один круг, другой был скрыт дорогой, но в остальном эти два круга настолько похожи, что не оставляют почти никаких сомнений относительно их истинных черт.

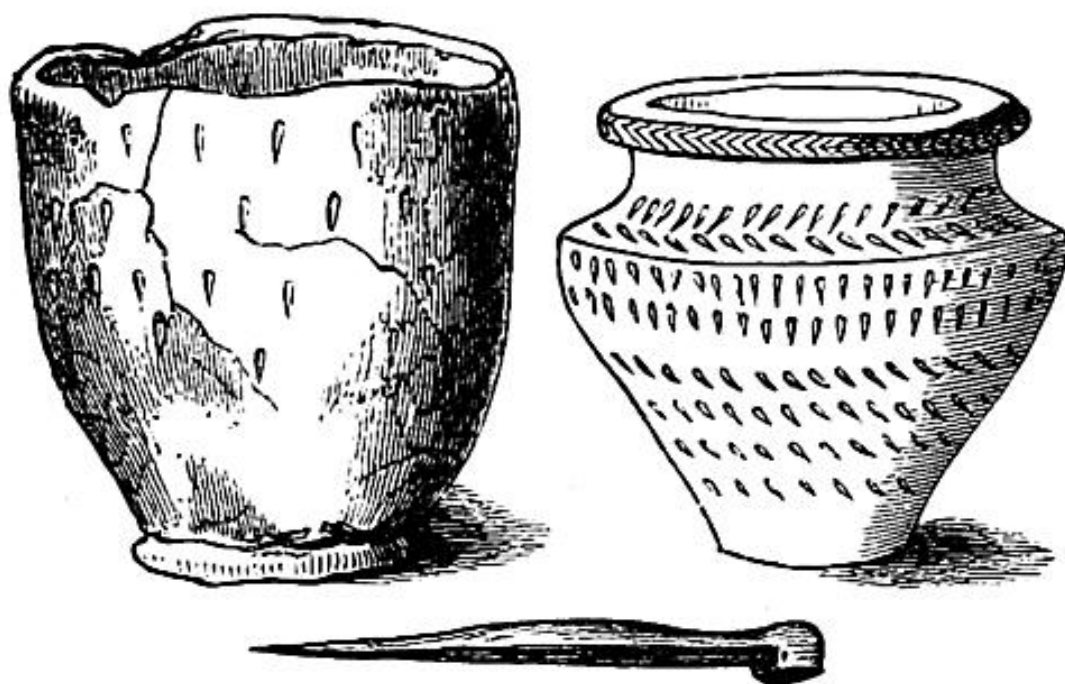

30. Арбор Лоу. С рисунка сэра Гарднера Уилкинсона.

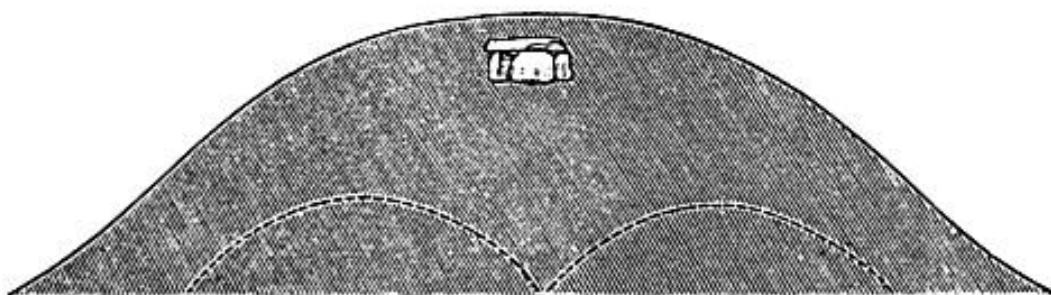
Пример Дербишира, однако, обладает, в дополнение к земляным сооружениям, кругом из камней на внутренней платформе, первоначально их было, вероятно, сорок или пятьдесят; но теперь все они распростерты, за исключением, возможно, некоторых самых маленьких, которые, будучи почти кубической формы, все еще могут находиться на месте. В центре платформы также находятся несколько очень больших камней, которые, очевидно, были частью центрального дольмена.

В Арбор Лоу есть еще одно очень интересное дополнение, которого не хватает в Пенрите, - это курган, несимметрично прикрепленный к внешней стенке. Это было, после неоднократных попыток, наконец успешно раскопано господами Дж. Бейтман, и обнаружено, что он содержал урну довольно неправильной формы, в которой среди прочего были найдены две вазы[167] одна исключительно элегантной формы, другая менее. Самих по себе этих предметов недостаточно для определения возраста кургана, но их достаточно, чтобы показать, что он был не очень ранним. Одним из самых интересных моментов в этом открытии является его положение по отношению к кругу. Он идентичен памятнику Длинной Мэг в отношении ее дочерей, и, возможно, некоторые из камней за пределами Эйвбери,

которые предположительно являются началом аллеи, могут обозначать основные места погребения.

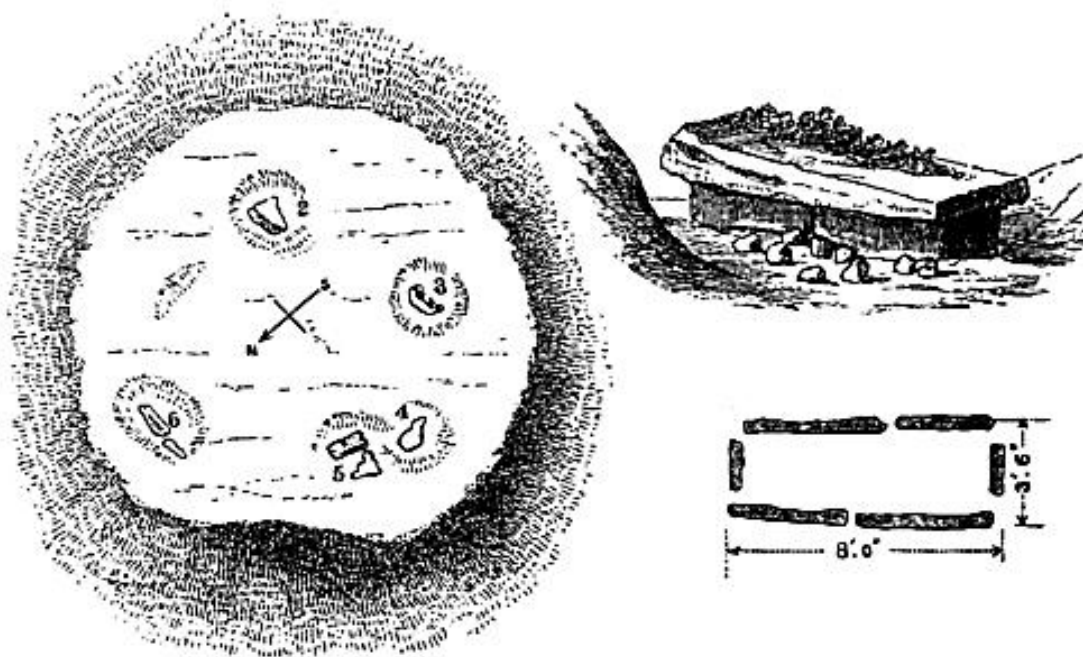

31. Вазы и бронзовая булавка, найденные в Арбор Лоу.

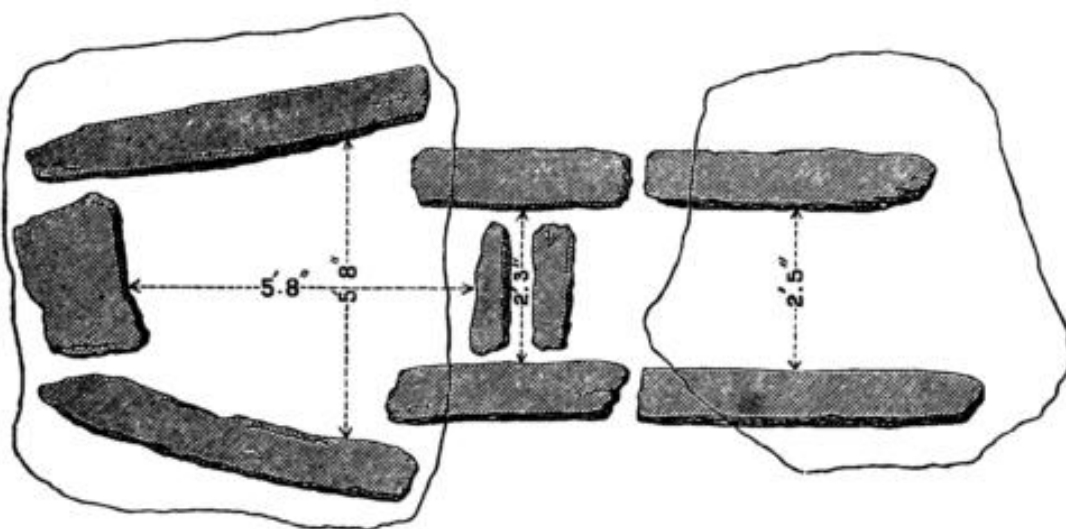

32. Участок Гиб-Хилл. Масштаба нет.

К Арбор-Лоу, на расстоянии около 250 ярдов, примыкает еще один курган, называемый Гиб-Хилл, по-видимому, около 70-80 футов в диаметре.^[168] Он был тщательно раскопан мистером Т. Бейтманом в 1848 году; но после того, как он прорыл туннели во всех направлениях на уровне земли и ничего не нашел, он был удивлен, обнаружив, что при снятии бревен, поддерживавших его галереи, склон холма обвалился и обнажил пещеру совсем рядом с вершиной. Все это рухнуло, а камни, из которых состоял гроб, были убраны и заново установлены в саду Ламбердейл-Хауса. Он состоял из четырех массивных блоков известняка, образующих стенки камеры размером 2 фута на 2 фута 6 дюймов и покрытой одним квадратом размером 4 фута. Верхний камень находился не более чем на 18 дюймов ниже уровня дерна. Внезапным падением бортика была разбита очень красивая ваза, осколки смешались с находившимися в ней обгорелыми костями; но, хотя они и были восстановлены, к сожалению, их изображение не сохранилось. Единственными другими предметами, найденными в этом кургане, были "обтесанный кельт из базальтового камня, кремневый наконечник дротика или дротиковой стрелы и маленькая железная малоберцовая кость, украшенная драгоценными камнями".^[169]

33. Вершина Миннинг-Лоу, как она появилась в 1786 году. От Дугласа.

34. План помещений в Minning Low.

Хотя Гиб Хилл интересен как первый из высокоуровневых дольменов, с которыми мы встретились в этой стране, Майнинг Лоу - еще более яркий пример того класса, на который мы намекали ранее как на распространенный в Авероне (*ante*, гравюра на дереве № 8), и с которым мы будем часто встречаться по мере продвижения. Когда он впервые привлек внимание антикваров в 1786 году, Minning Low, по-видимому, представлял собой прямой усеченный конус диаметром около 300 футов, а платформа на его вершине имела 80 футов в поперечнике.^[170] Его высоту установить не удалось.^[171] Уже тогда он был засажен деревьями, так что на эти размеры, за исключением ширины платформы, вряд ли можно положиться, и с тех пор вся насыпь была настолько перекопана и разрушена, что сейчас их невозможно проверить. На платформе наверху в 1786 году стояли живые кистваны, каждый из которых мог вместить по одному телу; и, насколько можно судить по таблицам и

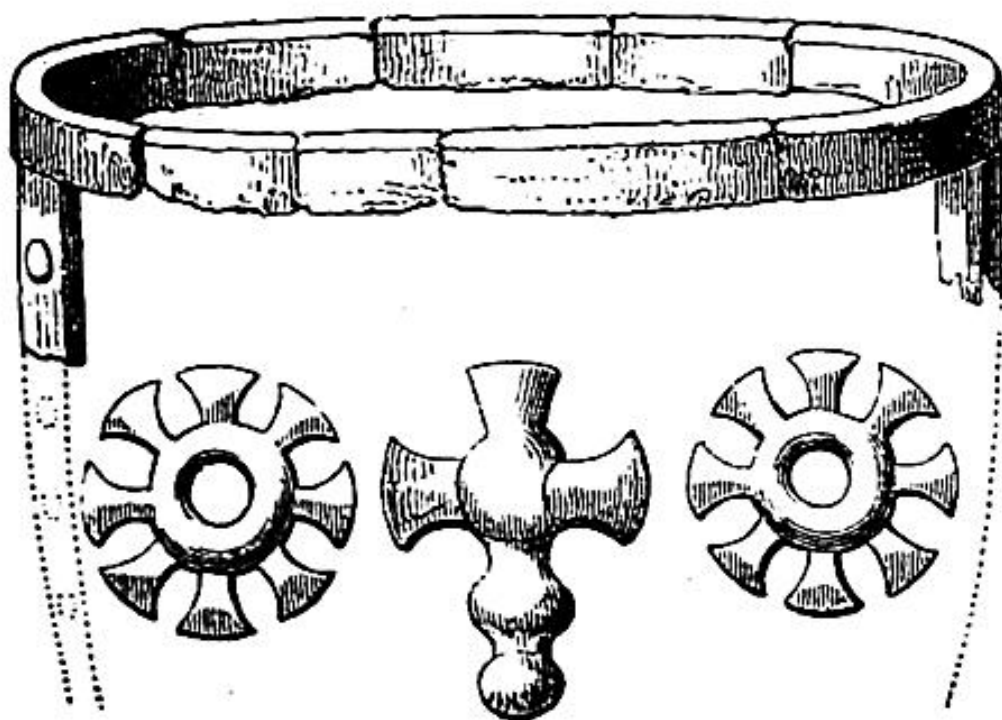
описаниям Дугласа, их заглушки были заподлицо с поверхностью, или, возможно, как в Гиб-Хилле, они могли находиться на несколько дюймов ниже поверхности и, обнажившись, могли быть разрезаны по мере их обнаружения; но это маловероятно, потому что, если бы они не были всегда обнажены, маловероятно, что их либо искали в такой ситуации, либо нашли случайно. Под ними — на какой глубине нам не сообщают — мистером Бейтманом была обнаружена каменная камера, или, скорее, три камеры, по-видимому, на уровне земли с южной стороны Кургана.^[172] Используя собственные слова м-ра Бейтмана ("Остатки" и др., стр. 39): "На вершине холма Миннинг Лоу, как они сейчас выглядят из-за удаления с них почвы, находятся два больших кромлеха, точно такой же конструкции, как хорошо известный коттедж Китс, недалеко от Мейдстоуна, в Кенте. В камере, рядом с которой лежало тело, были найдены фрагменты пяти урн, несколько костей животных и шесть медных римских монет, а именно: одна Клавдия Готика (270 г.), две Константина Великого, две Константина младшего и одна Валентиниана. Существует поразительная аналогия между этим и большим курганом в Нью-Грейндж, описанным доктором Ледвичем, более полное исследование которого, вероятно, дало бы дополнительные доказательства." Мистер Бейтман тогда не знал, что в кургане Нью-Грейндж была найдена монета Валентиниана",^[173] что является дополнительным сходством.

Факт нахождения здесь этих монет устанавливает дату, за пределами которой невозможно определить возраст этого кургана, но не дату, ниже которой он мог быть возведен. Монеты, найденные в британских курганах, почти всегда принадлежат последним императорам, которые правили в Британии, и чьи монеты, возможно, сохранились и в определенной степени находились в обращении после прекращения всякой прямой связи с Римом, и, таким образом, их редкость или древность, возможно, сделали их пригодными для захоронений. Ни в одном из этих грубых курганов не было найдено ни одной монеты Августа или кого-либо из более ранних императоров, что, несомненно, имело бы место, если бы какой-либо из них был доримским. Следовательно, этот курган определенно датируется первой половиной четвертого века, и насколько он может быть современнее, еще предстоит определить.

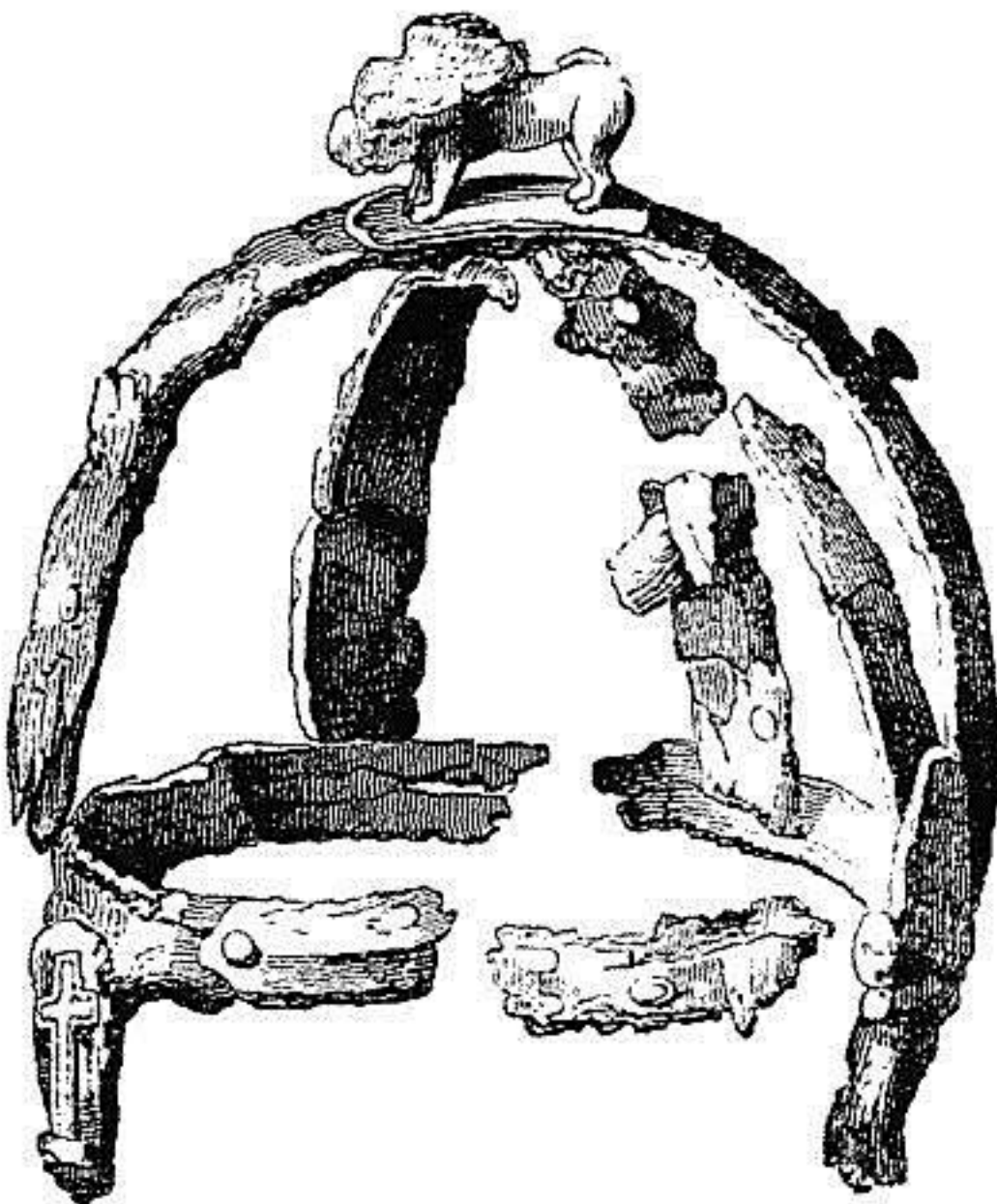
Как бы то ни было, если предположение мистера Бейтмана о том, что этот памятник является копией коттеджа Кита, верно — и никто, кто знаком с этими двумя памятниками, вероятно, не станет оспаривать это, — это сразу снимает всякую неправдоподобность с аргумента о том, что последнее название может быть могилой Катигрена. Единственное поразительное различие между ними заключается в том, что коттедж Кита представляет собой внешний отдельно стоящий дольмен, в то время как Майнинг Лоу похоронен в кургане. Это, согласно взглядам, принятым на этих страницах, исходя из опыта других памятников, привело бы к выводу, что кентский образец был более современным из двух. Однако здесь не стоит оспаривать этот момент; для нашей настоящей цели достаточно знать, что оба они относятся к постримскому периоду и, вероятно, не так уж далеки по времени.

Другой курган, принадлежащий к этой группе, находится в Бенти-Грейндж, примерно в миле от Арбор-Лоу, который, хотя и имеет другой характер, может быть связан с другими. В нем было похоронено только одно тело, от которого, однако, не осталось никаких следов, кроме волос.^[174] По-видимому, над ним было чуть более 2 футов земли. Первое, что было найдено, была кожаная чашка для питья, украшенная серебром со звездами и крестами. Там также были две круглые эмали, украшенные переплетающимся узором, который встречается в самых ранних англосаксонских или ирландских рукописях шестого или седьмого веков, а может быть, и немного раньше; также был найден шлем, сделанный из железных прутьев, с бронзовыми и серебряными украшениями, и увенчанный, как уверяет нас мистер Бейтман,

совершенно отчетливым изображением свиньи. Затем он цитирует несколько отрывков из "Беовульфа", в которых поэт описывает: "Кабан - украшение головы, шлем, возвышенный в войнах" (л. 4299).... "Они казались похожими на кабанов, если носить их на щеках" (л. 604).... "У груди легко было разглядеть кольчугу, покрытую запекшейся кровью, золотого борова, твердого как железо кабана" (л. 2213). Поскольку Беовульф жил, как показано выше, вероятно, в пятом веке, поэму можно рассматривать как точное описание костюма воинов его времени; и ничто не могло более полно соответствовать его описанию, чем содержимое этой гробницы.

35. Фрагмент чашки для питья из Бенти Грейндж.

36. Фрагмент шлема из Бенти Грейндж.

В Кенслоу-Барроу, между Майнинг-Лоу и Арбор-Лоу, было найдено несколько орудий труда из кремня и кости; но при расчистке могилы в скале, которая была исследована ранее в 1821 году, мистер С. Бейтман обнаружил несколько нетронутых частей скелета, а вместе с ними небольшой изящный бронзовый кинжал, а чуть выше - железный нож формы и размера, которые обычно хранятся в англосаксонских погребениях.^[175] Конечно, теория последовательных захоронений призвана объяснить эти тревожащие факты; но, похоже, здесь нет ничего, что оправдывало бы какой-либо другой вывод, кроме того, что в данном случае все отложения относились к одному возрасту. Это, следовательно, может быть добавлено к примерам, приведенным из "Остатков", чтобы показать, насколько мало датская система действительно применима к классу памятников, о которых мы говорим.

На Стэнтон-Мур, в четырех милях к востоку от Кенслоу и примерно в пяти милях от Арбор-Лоу и Миннинг-Лоу соответственно, есть много памятников, как из земли, так и из камня,

которые, хотя и в меньших масштабах, по-видимому, относятся к тому же возрасту, что и только что описанные. Бейтманы, по-видимому, сильно упустили их из виду, но очень подробный отчет о них дан мистером Рукомв шестом томе "Археологии" за 1780 год. Один из них, названный "Девять дам", уже был приведен (*ante*, стр. 49); но к западу от него стоит камень, называемый Королевским камнем, на расстоянии 34 ярдов, что наводит на мысль о сходстве с кругом Салкельд. В полумиле к западу от этого, ближе к Арбор-Лоу, находится другая группа из девяти камней, самый высокий из которых 17 футов в высоту, а в 75 ярдах к югу - два камня меньших размеров; в 200 ярдах от этого - овальное кольцо, большая ось которого имеет длину 243 фута, меньшая - 156 футов. Здесь есть то, что мистер Рук называет двойным рвом, вал как снаружи рва, так и внутри; на самом деле это менее развитый пример той формы, законченными примерами которой являются Arbor Low и Arthur's Round Table. На восточной стороне Пустоши стояли три высоких изолированных камня, которые во времена Рука туземцы все еще называли Кошачьими камнями, ясно показывая, что все еще сохранилась традиция о битве, которая произошла там, но когда и кем, никаких преданий о том, что происходило на этом месте, не сохранилось, чтобы просветить нас.

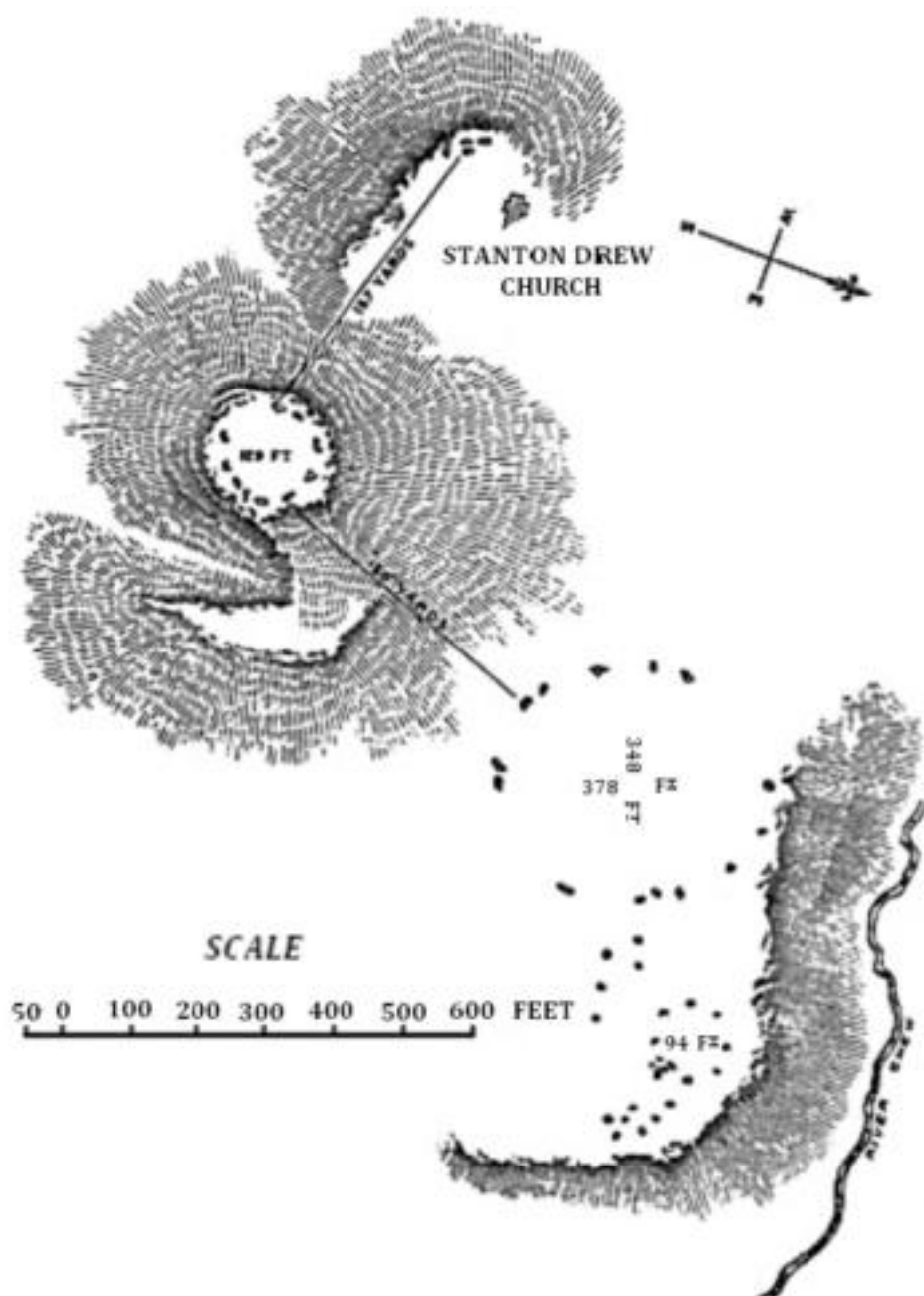
Все эти памятники и многие другие, описывать которые было бы утомительно и неинтересно, расположены внутри круга, который можно описать радиусом около трех миль, центр которого находится на полпути между Хенти-Грейндж и Стэнтон-Мур. Возможно, было бы преувеличением утверждать, что все они одного возраста; но, безусловно, между ними есть очень сильное семейное сходство, и они не могут сильно отличаться ни по возрасту, ни по целям. Возможно, также следует признать, что это не гробницы или храмы жителей вересковых пустошей, на которых они стоят. Страна, где они расположены, представляет собой унылую негостеприимную местность, только не такую плохую, как Шап, но едва ли более способную прокормить большое население, если его предоставить только собственным ресурсам, чем Уилтшир-Даунс. Следовательно, эти три местности никогда не могли быть настолько богаты памятниками этого класса, чем поселения в более плодородных частях острова. Должно быть, их воздвигли незнакомцы, и определить, кем были эти незнакомцы, - вот задача, которой сейчас должны заняться антиквары.

Что бы ни было решено по этому поводу, я думаю, следует признать одно, а именно, что Стол Артура в Пенрите, Арбор Лоу и Эйвбери являются памятниками одной эпохи и были предназначены для одних и тех же целей. Первый представляет собой простой земляной памятник определенного дизайна и с определенными размерами; второй имеет тот же дизайн и размеры, с добавлением круга из камней и дольмена в центре; третий обладает всеми особенностями, которыми обладают два других, с добавлением увеличенных размеров и удвоения внутренних кругов. Но внутренний ров, вал, характер круга и другие особенности так похожи друг на друга и так непохожи на то, что встречается в других местах, что они должны устоять или рухнуть вместе. Если кто-то из них и принадлежал к эпохе Артура, то все трое определенно принадлежали к ней. Если, с другой стороны, можно будет доказать, что кто-то из троих принадлежит к другой эпохе, то двое других вряд ли смогут сохранить свое положение. Круги в Камрю, Салкелде и Мейборо имеют так много общего, что их, вероятно, тоже следует отнести к этим трем, хотя нет одинаковых доказательств, оправдывающих их объединение. Каменная аллея в Шапе также, скорее всего, является аналогом аллеи в Кеннете; но разрушение круга в Брекенбуре и ограниченные знания, которыми мы располагаем о нем, не позволяют утверждать о нем что-либо определенное.

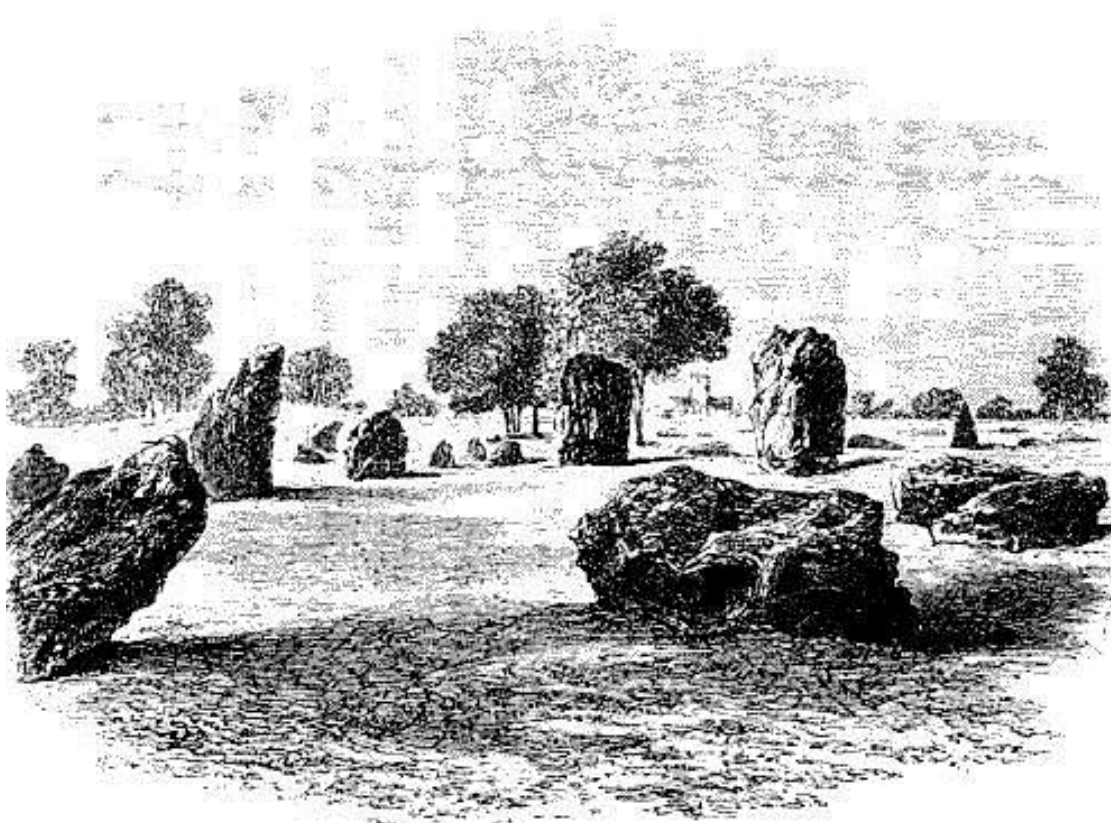
Если мы можем рассматривать Гиб-Хилл как аналог Силбери-Хилл, его место и позиционное положение могут пролить некоторый свет на тайну, связанную с последним. Относительные расстояния этих спутников до их основных объектов почти пропорциональны диаметру

окружностей, и они оба обладают той особенностью, что у них нет углубления в основании. Археологический институт в 1849 году сделал в точности то, что до них сделали бейтманы. Они проложили туннель и исследовали основание Гиб-Хилл, но в отчаянии отказались от него, когда в результате несчастного случая им открылась могила над их головами, на расстоянии 18 дюймов от поверхности. Антикварам в Силбери повезло меньше; но, судя по аналогии с Гиб-Хилл, и еще больше по аналогии с Миннинг-Лоу, можно ожидать, что могилы будут расположены вокруг плато на вершине, вероятно, их было шесть или семь, и, вероятно, в пределах нескольких футов от поверхности. В центре платформы в Миннинг-Лоу ее не было, хотя она была в меньшем кургане Гиб-Хилл; и это может объяснить неудачу герцога Нортумберлендского, когда он копал под холмом в 1776 году. Над беднягой Стакли очень смеялись за то, что он оценил очень современно выглядящие железные удила, принадлежащие к уздечке, найденной на вершине холма[176] (гравюра на дереве № 18); однако может оказаться, что это единственный реальный факт, который он унес с собой из этого места. В киствене, на вершине Миннинг Лоу, не было найдено ничего, кроме железного меча, но он был почти идеален;[177] почему нельзя было найти уздечку, ведь мы знаем, что лошадей часто хоронили вместе с воинами, которых они понесли в битве?

Не считая пока Корнуолла, кружки в Стэнтон-Дрю образуют единственную сколько-нибудь значимую группу в Англии, для которой остается найти цель и название; и, признаюсь, я не вижу причин отделять их от только что названных. Есть так много точек сходства, что они вряд ли могут относиться к разным эпохам, и их цель, безусловно, одна и та же. Если в приведенных выше аргументах что-то есть, они должны обозначать поле битвы. Это, конечно, не семейная или княжеская усыпальница, и уж тем более не местное кладбище, да и не нужно его сейчас добавлять, и уж точно не храм.

37. Нарисованы круги в Стэнтоне. По плану сэра Р. К. Хоара.

38. Вид на круги в Стэнтон-Дрю. По эскизу Перси Шелтона, эскавайра.

Их расположение будет понятно из прилагаемой гравюры на дереве (№ 37). Группа состоит из одного первоклассного круга или овала размером 378 футов (?) на 345 футов— 100 метров; и двух второго класса, один 96 футов, другой 129; и дольмена рядом с церковью, на расстоянии 157 ярдов от названного последним.^[178] К двум основным кругам прикреплены короткие прямые дорожки, указывающие, по-видимому, на два камня, расположенных очень близко друг к другу — один на расстоянии 300 футов от большого круга, другой на расстоянии около 100 футов от меньшего, или на расстояниях относительно их диаметров. Есть также очень большой камень, называемый Королевским камнем, на обочине дороги, но за пределами плана. Это, вместе с камнями, на которые указывают аллеи, вероятно, являются аналогами отдельно стоящего камня, известного как Лонг Мэг, в Салкелде, или Кольцевого камня, который находится в 180 футах от одного из кругов в Эйвбери; возможно, также из двух, которые, как предполагается, являются началом Бекхэмптон-авеню в этом месте, или пята Монаха в Стоунхендже, или Королевского камня в Стэнтон-Мур. На самом деле, все эти круги, кажется, имеют отдельные камни, стоящие на некотором небольшом расстоянии от них снаружи. Именно там я бы искал основные захоронения, а не в самих кругах; но это один из вопросов, который можно решить своими именами, и только своими. Однако к меньшему из двух кругов в Стэнтон-Дрю также примыкает груда камней, которая, по-видимому, является руинами дольмена, и они могут указывать на реальное место захоронения, как и курган, пристроенный к Арбор-Лоу, который соответствует им по положению.

Единственная зафиксированная традиция, касающаяся этого памятника в Стэнтон-Дрю, представляет Кейну, святую деву пятого века, дочь, по-видимому, валлийского принца, получившую в дар от принца страны землю, на которой сейчас стоит деревня Кейншем. Однако ее предупредили о ненадежности дара из-за змей смертоносного вида, которые кишели в этом месте. Несмотря на это, она приняла дар и своими молитвами превратила

змей в камни, которые мы сейчас там видим,^[179] так, по крайней мере, уверяют нас Стакли и Батерст Дин.

Такая традиция ценна только как указание даты, которая в народе приписывается памятнику. В данном случае предлагается пятый век, который может быть на 50 или даже 100 лет раньше, чем я был бы склонен его отнести, но такие данные не имеют большого значения. Дата также затенена в описываемом инциденте; ибо не только в Ирландии, но и во Франции, а часто и в Англии ранняя борьба первых христианских миссионеров представлена как победы над змеями или змеепоклонниками. Святая Хильда, например, в Уитби ознаменовала установление христианства в седьмом веке, превратив йоркширских змей в ammonites, которые до сих пор встречаются там в больших количествах, которые в глазах крестьян гораздо больше похожи на каменных змей, чем на камни, в которые святая Кейна превратила своих врагов из Сомерсетшира.

Какова бы ни была ценность этих и подобных им традиций, одно кажется совершенно очевидным: каждая местная традиция, которая до сих пор цитировалась, представляет эти памятники как возведенные впоследствии римских времен, и в целом как относящиеся к той переходной эпохе, когда христианство боролось с язычеством за господство. Простые люди, как правило, охотно развлекают себя баснями о великанах и полубогах и возвращаются в доисторические времена; но в отношении этих памятников они, по-видимому, этого не сделали. Я не помню ни одной традиции, которая относилась бы какой-либо каменный круг к доримскому периоду.

Однако, если я прав, предполагая, что эти большие группы кругов относятся к эпохе Артура, нам не составит труда отвести этому подобающее место в череде его сражений. Девятая битва, как мы видели выше, вероятно, произошла при Каэрлеоне на реке Уск; что, по-видимому, указывает на то, что в определенный момент своей карьеры Артур был вынужден вернуться из Англии в Южный Уэльс; но его возвращение к этой гипотезе легко проследить. Десятое сражение произошло на берегу какой-то большой реки, которой, следовательно, должен был быть Северн, хотя название, данное в тексте, не подтверждает это предположение; одиннадцатым было "В монте-квод-дичитур-Агнел в Сомерсетшире", что вполне соответствовало бы названию, за исключением того, что в этом случае Стэнтон Дрю находился бы на прямой линии наступления на Бадон-Хилл, где была одержана двенадцатая и завершающая победа.

Название здесь, как и повсюду, создает трудности, но Стэнтон на камнях, или Каменный город, - это просто эпитет, примененный ко всем этим группам саксами в какой-то период, последующий за тем, о котором мы говорим, когда память об их предназначении была утрачена или о ней мало заботились те, кто принадлежал к другой расе и говорил на другом языке, которые пришли на смену бриттам, которые их воздвигли. Если мы не предположим, что Стоунхендж, Стэнтон-Дрю, круги на Стэнтон-Мур, камни в Стеннисе и другие были воздвигнуты самими саксами, они должны были изначально носить кельтские названия, и Ненний цитировал бы именно эти названия, и, следовательно, они не могли быть теми, под которыми они известны сейчас.

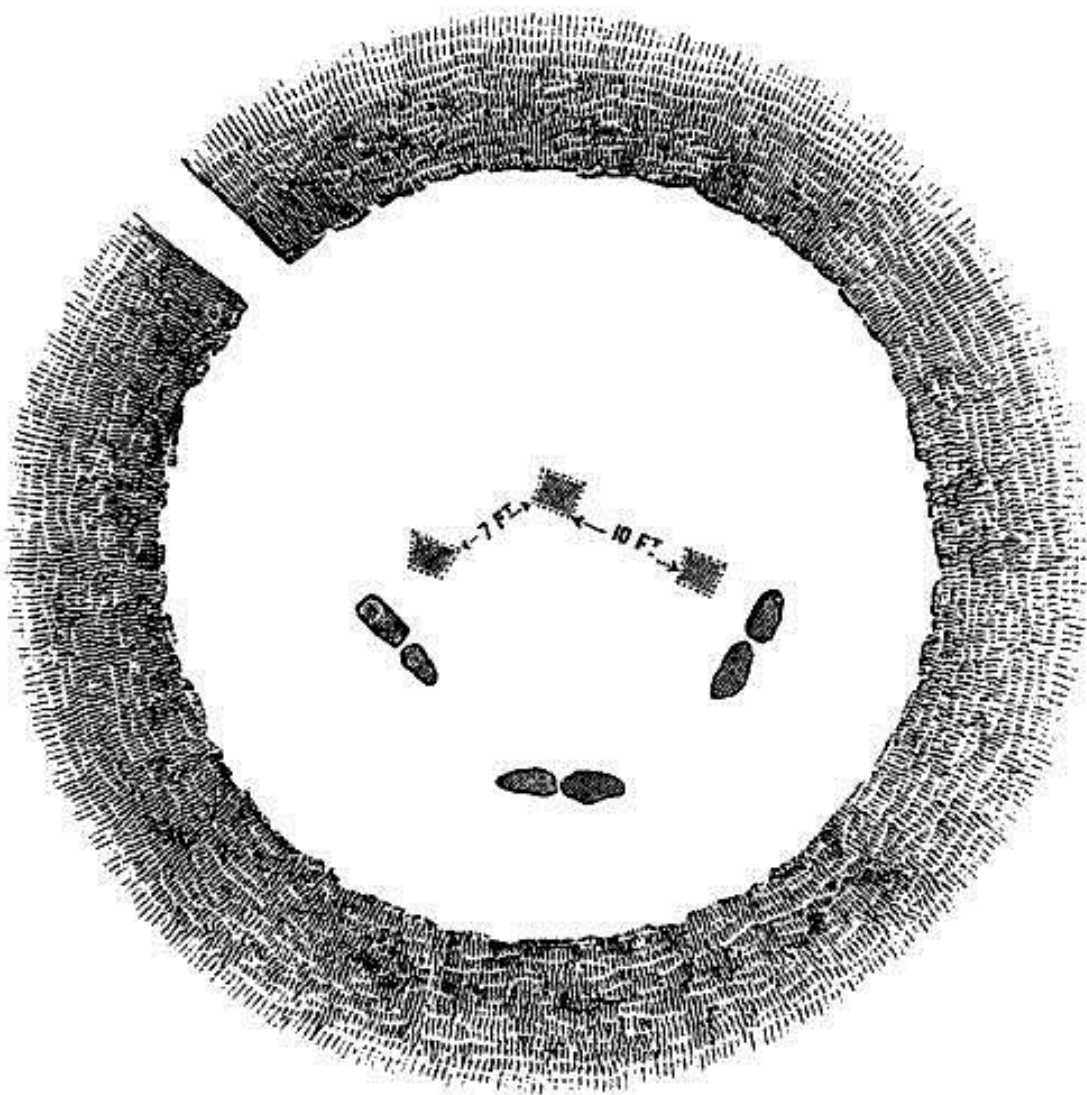
Выражение "в Монте" является единственным подтверждением этого определения, поскольку одной из примечательных особенностей местности является укрепленный холм, известный как Маэс^[180] Холм, который буквально смотрит в Стэнтон-Дрю и является наиболее примечательной особенностью, видимой с него, и сражение на его гребне является столь же вероятной операцией, как и любая другая вероятная будет предпринято в этом квартале.

Если бы вышеприведенное было всеми доказательствами, которые можно было бы привести в поддержку гипотезы о том, что все эти великие круги относились к эпохе Артура, его можно было бы признать достаточным не для вывода, а для справедливого *prima facie* доказательства. Однако разумность того, что было здесь выдвинуто, как мы надеемся, будет становиться все более и более очевидной по мере того, как мы продолжим. Следует опасаться, что при нынешнем состоянии доказательств абсолютного математического или логического доказательства этому нет. До тех пор, пока внимание не будет полностью обращено на определенную линию аргументации, эксперименты не проводятся, и авторитетные источники, которые имеют к этому отношение, не читаются, или, если они сделаны или прочитаны, их не понимают; но когда аргументы исследуются с искренним желанием доказать или опровергнуть их, со всех сторон появляется новый свет, и вскоре могут появиться основания для положительного ответа.

Между тем, прежде чем идти дальше, может быть, стоит отметить, что этот класс кругов характерен только для Англии. Их нет ни во Франции, ни в Алжире. Все скандинавы очень разные, как и ирландцы. Единственный круг за пределами Англии, который хоть сколько-нибудь напоминает их, - это круг в Стеннисе, или, скорее, в Брогаре, на Оркнейских островах, который будет подробно описан далее. Там у нас есть большой 100-метровый круг со рвом (но без вала), меньший 100-футовый круг с разрушенным дольменом в каменном круге, как в Стэнтон-Дрю, и у нас есть холм Маес для Маес-Хау. В группе Стеннис также есть отдельные камни, хотя им не хватает рудиментарных аллей и некоторых незначительных особенностей, и они могут быть более современными, но очень похожи; в то время как в Корнуолле и других местах они маленькие и неправильной формы, и им совершенно не хватает достоинства, присущего тем, которые мы осмелились назвать артуровскими.

Аргументы, приведенные на предыдущих страницах, вероятно, будут сочтены достаточными, чтобы привести веские доводы в пользу того, что эти огромные круги были возведены, во всяком случае, после ухода римлян, и если это так, то поле для обсуждения ограничено очень узкими рамками. Либо они, должно быть, были возведены романизированными бриттами до того, как они были настолько полностью обращены в христианство, что полностью отучились от своих языческих привычек, либо это были работы саксов или датчан. Мы сможем лучше судить о том, насколько вероятно, что авторами были последние, когда изучим грубые каменные памятники Скандинавии или Фрисландии, из которых норманны прибыли на наши берега. Когда это будет сделано, мы, вероятно, придем к выводу, что, поскольку они воздвигали дольмены как места захоронения своих умерших, а также менгиры или Камни баута и круги на своих полях сражений, нет ничего невероятного в том, что они сделали то же самое и здесь. Вопрос, однако, в том, воздвигли ли они эти огромные 100-метровые круги? Насколько я знаю, они уникальны; класс совершенно самостоятельный и настолько похожий, независимо от того, встречаются ли они в Камберленде или Дербишире, или в Уилтсе, или в Сомерсетшире, что, за вероятным исключением оркнейской группы, они должны быть работой одного народа, а также почти одного возраста. Если, на самом деле, они не обозначают поля сражений, к которым я пытался их отнести, они должны обозначать нечто, почти близкое к ним по дате и столь же близкое по замыслу и назначению.

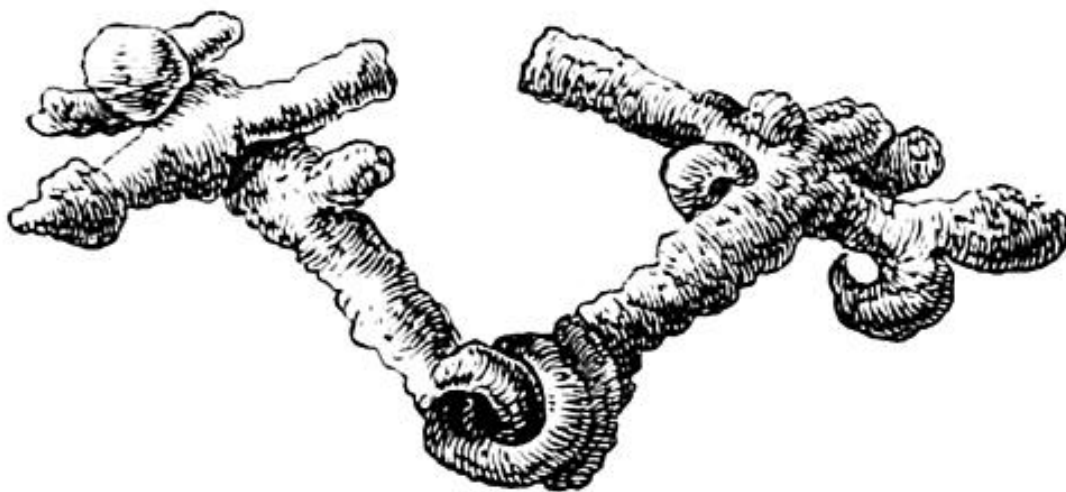
Круги поменьше.

39. Курган Роуз-Хилл. Из "Археологии", том х.

Было бы столь же утомительно, сколь и бесполезно пытаться перечислить все меньшие круги, существующие в различных частях Англии; но есть два или три, которые любопытны сами по себе и интересны как иллюстрация больших кругов, о которых мы только что говорили. Первым следует упомянуть тот, что расположен в Энглвудском лесу, недалеко от Роуз-Хилл, и, следовательно, почти на равном расстоянии от Камрю, Салкелда и Карлайла. Следовательно, локально он принадлежит к камберлендской группе, описанной выше, и, возможно, относится к ней и в настоящее время. Это низкая платформа, ее вряд ли можно назвать курганом, поскольку ее высота всего 12 футов. Он круглый и имеет 63 фута в поперечнике. На платформе стоят, или, по крайней мере, стояли в 1787 году, три билитона, или группы из двух высоких камней, стоящих бок о бок, как во внутреннем круге Стоунхенджа. Мистер Рук копал перед одним из них, намереваясь посмотреть, насколько глубоко он ушел в землю, но, к своему удивлению, обнаружил яму, образованную из шести идеально подогнанных тесаных камней, но размером чуть более 2 футов в каждую сторону. Перед другой внешней группой он нашел похожий колодец, но немного большего размера, 2 фута 10 дюймов на 2 фута 2 дюйма, и дальше от центральной пары вертикально стоящих камней, ближе к центру круга, третий колодец, сформированный из таких же обтесанных и хорошо подогнанных камней. Во всех трех из них были найдены человеческие кости,

фрагменты черепов, зубы и т. Д., Но никаких орудий труда или украшений любого рода, только под одной головой металлический комок, по-видимому, с частицами золота внутри.[181] Это было отправлено в Общество антикваров на экспертизу, но с каким результатом не указано.[182] Согласно плану, изначально в кургане было шесть захоронений. Фактически, это был аналог вершины Миннинг Лоу, с добавлением пары обелисков. Мистер Рук был, однако, настолько озадачен, обнаружив друидов, похороненных на шесть футов ниже пола их собственного храма, что не стал искать дальше. Но если курган все еще существует, было бы очень интересно узнать, существуют ли еще какие-либо захоронения в кургане или какие-либо захоронения глубже под ними, как в примере с Дербиширем. В нем могли содержаться монеты, и если это так, это было бы интересно как еще один пример его датировки; но в то же время его усеченная коноидальная форма и расположение могил и трилитов достаточны, чтобы показать, что он был современником Майнинг Лоу и Стоунхенджа или, во всяком случае, недалеко от их даты.

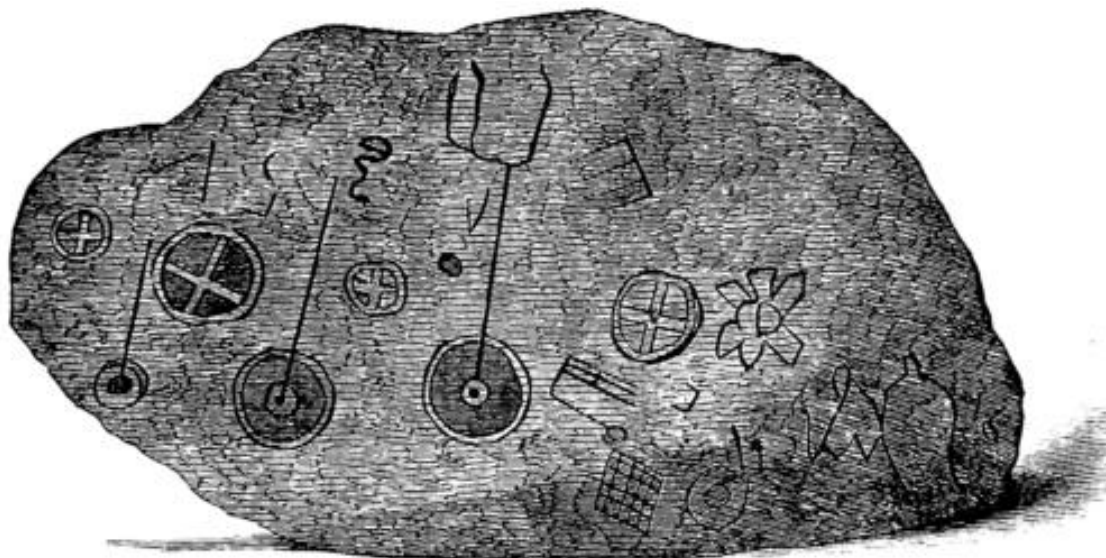

40. Рукоятка найдена в Аспатрии.

В той же статье, в которой мистер Рук описывает курган Роуз-Хилл, он приводит отчет о раскопках в местечке под названием Аспатрия, немного дальше на запад, недалеко от Сент-Биз. Они расчистили курган диаметром около 90 футов и на глубине 3 футов ниже первоначальной поверхности земли обнаружили гробницу, в которой лежал скелет человека гигантского роста. Когда он лежал, вытянувшись, он измерил 7 футов от головы до лодыжки. Его ступни были разложившимися. На боку у него, рядом с лопаткой, висел железный меч длиной 4 фута, рукоять которого была изящно украшена инкрустированными серебряными цветами; также была найдена золотая фибула или пряжка с частями щита и его боевого топора. Одной из самых любопытных найденных вещей был обломок уздечки, который выглядит настолько современно, что не вызвал бы интереса, если бы его увидели на прилавке в Seven Dials. Главный интерес заключается в его сходстве с тем, что Стакли нашел в Силбери-Хилл ([гравюра на дереве № 18](#), стр. 81). Он тщательно почистил и отполировал свой. мистер Рук выгравировал на нем всю ржавчину, так что на первый взгляд они не так похожи, как есть на самом деле. Тот факт, что этот был найден в несомненно древней могиле, снимает всю *на первый взгляд* невероятность предполагаемого возраста другого. Судя по форме, Stukeley's кажется более старым из двух; но у нас нет хронометрической шкалы для уздечек.

Все это придает этой могиле очень современный вид; но на внешней стороне камней, образующих гробницу, были выгравированы различные фигуры, которые представляют

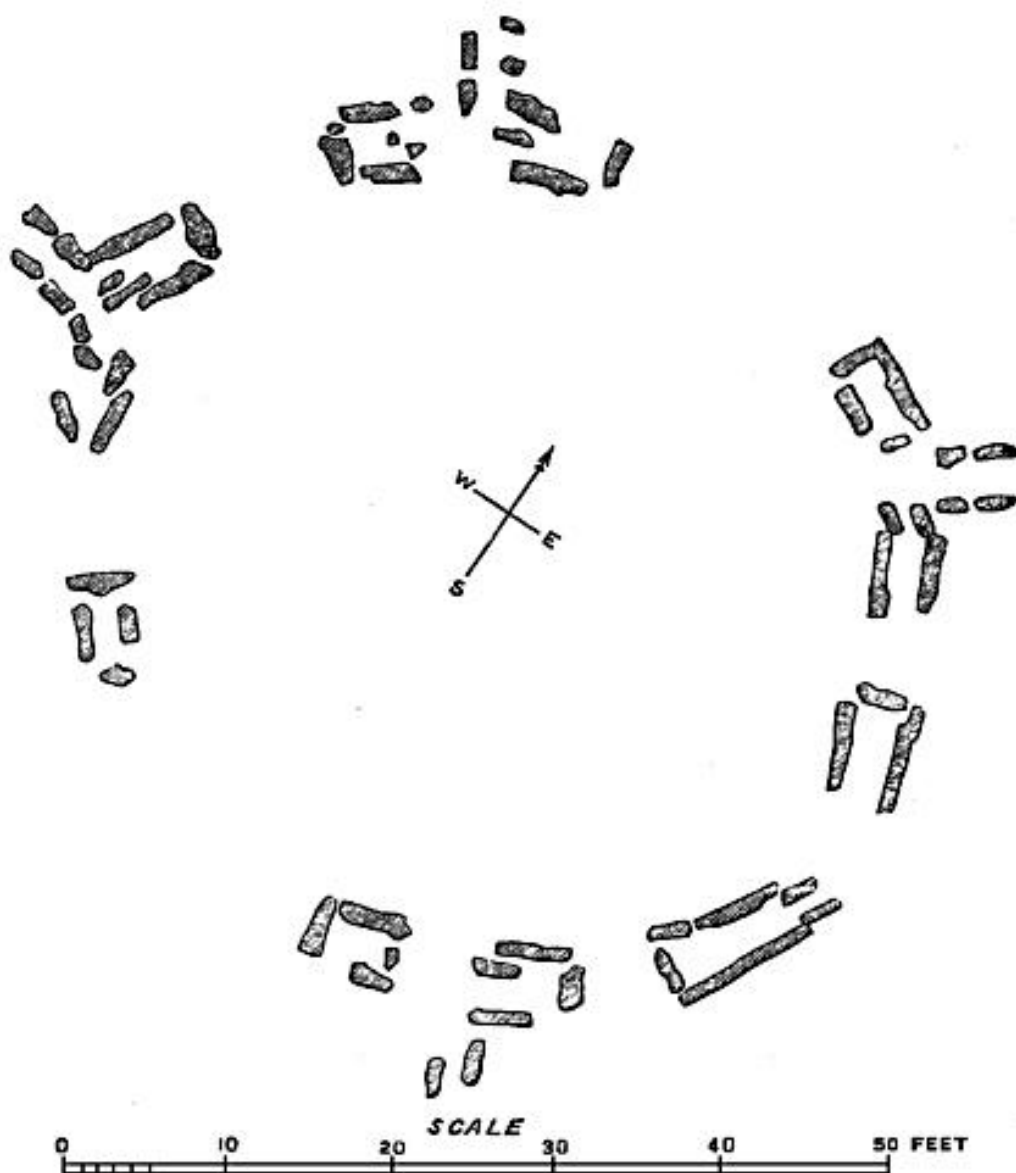
интерес для сравнения с ирландскими и датскими гравюрами, с которыми мы встретимся позже. Они нарисованы не очень художественно и, вероятно, хуже выгравированы; но крест в круге легко распознать. Есть концентрические круги с точками в центре и исходящими от них прямыми линиями, а также другие рисунки, найденные на камнях и в других местах, которые антиквары до сих пор были склонны относить к первобытной древности, но которые эта гробница относит, по крайней мере, к эпохе викингов — о которой подробнее ниже.

41. Боковой камень, киста аспатрии.

42. Мул-Хилл, Вид на Кисту.

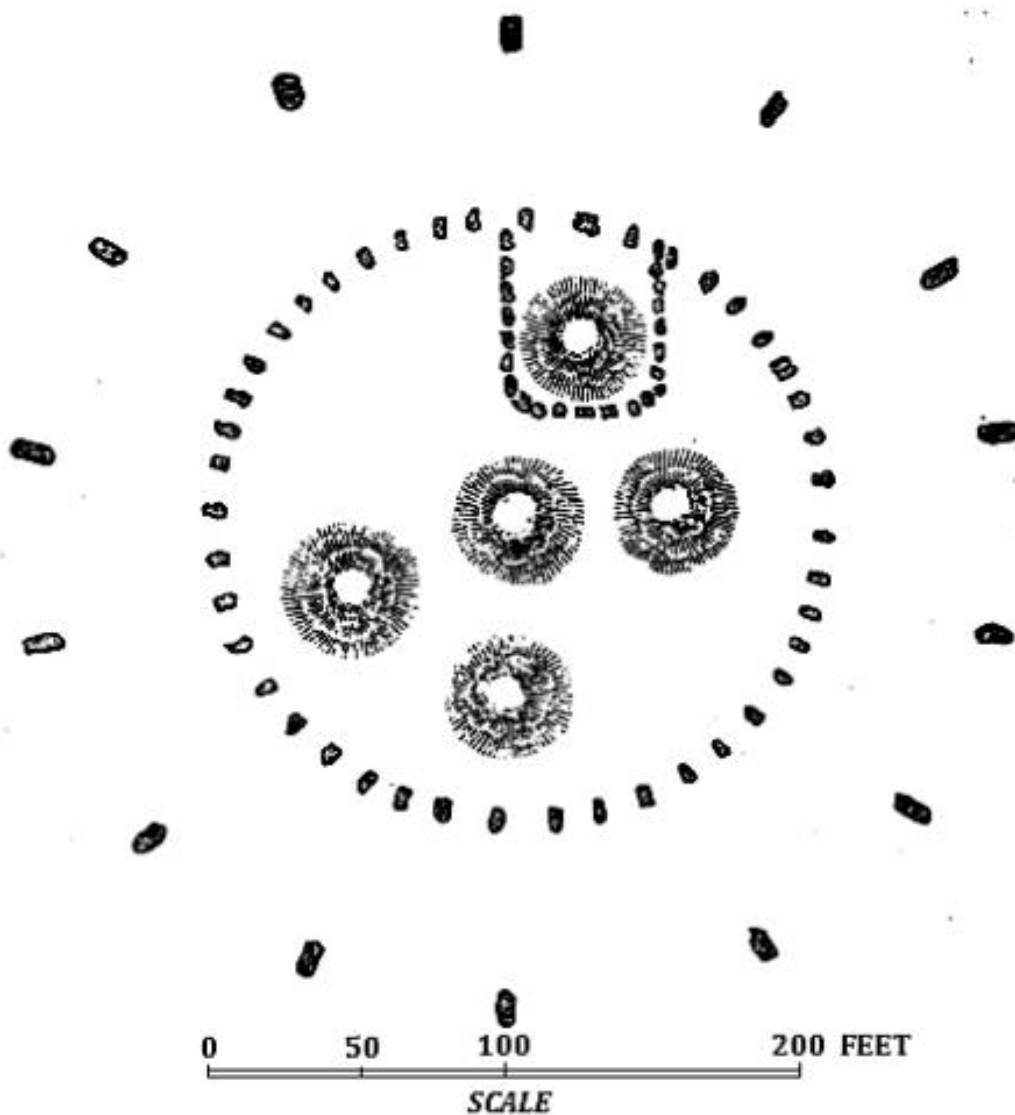
43. Круг цистов на Мул-Хилл, остров Мэн.

Круг гробниц на Мул-Хилл, на острове Мэн, интересен еще по одной причине; к сожалению, все они были обнажены и разграблены до того, как на них обратил внимание какой-либо антиквар, и, следовательно, у нас нет ничего, по чему можно было бы хотя бы догадаться об их дате. Их интерес заключается в их расположении, которое состоит из восьми цилиндров, расположенных по кругу, с другими, казалось бы, расположенными под прямым углом через определенные промежутки времени.^[183] При простом осмотре очевидно, что эти хранилища, должно быть, когда-то были засыпаны землей. Это не дольмены или что-то еще, что могло бы сойти за самостоятельные памятники. Если бы они были засыпаны землей, то образовали бы круглую насыпь диаметром 45 футов внутри и 65 футов в поперечнике у подножия внешнего склона, и, насколько можно судить по одному примеру, это доказывало бы, что круглый вал в Эйвбери и многих других местах был местом захоронения тел. За исключением случая, упомянутого в описании круга в Мардене, мне неизвестно о телах, найденных в Англии под этими валами; но их не искали. В одном мы можем быть уверены, что в этих вопросах нет ничего уникального, и что то, что произошло однажды, происходило часто, и, без сомнения, будет найдено, если искать.

Стоит обратить внимание на еще одну особенность этого круга. В круге есть два промежутка или отверстия напротив друг друга, как в Арбор Лоу и Пенрите. Не следует слишком полагаться на это, поскольку пробелы здесь могут возникнуть из-за удаления cist; но совпадение по меньшей мере любопытно, и если бы мы восстановили этот памятник в только что указанном смысле и могли бы положиться на эту реставрацию, тайна валлума, окружающего Эйвбери, и других подобных памятников больше не была бы тайной. На мой взгляд, так не было уже много лет; но хотя я пока не осмеливаюсь просить других следовать за мной сразу, я надеюсь, что на предыдущих страницах было собрано достаточно доказательств, чтобы сделать вероятным, что это были всего лишь сплошные курганы.

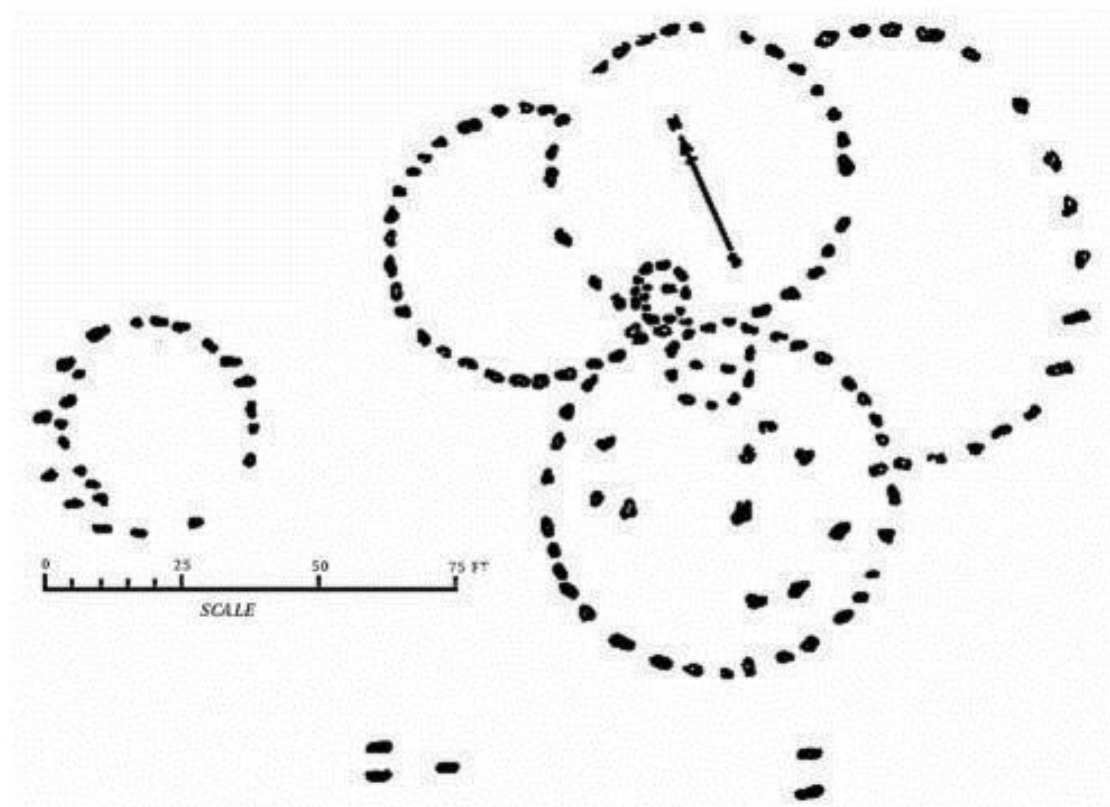
Круг или, скорее, окружности на Берн-Мур, недалеко от Уаст-Уотер, Камберленд, описаны мистером Уильямсом как состоящие из 100-футового круга, образованного из сорока четырех камней, за которым на расстоянии 25 футов находится внешний круг из четырнадцати больших камней. Ниша или квадратное ограждение на одной стороне внутреннего круга содержит пирамиду из камней диаметром 25 футов, а внутри круга находятся четыре других, расположенных на неравном расстоянии друг от друга и имеющих диаметр от 21 до 25 футов; каждый, как и сам круг, окружен четырнадцатью камнями. При их вскрытии было обнаружено грубое помещение, сложенное из пяти камней, в котором были найдены остатки обгоревших костей, рогов оленей и других животных.^[184]

Один из интересных моментов этого памятника заключается в том, что он объясняет существование аналогичного квадратного ограждения на одной стороне хорошо известного 100-футового круга недалеко от Кесуика. Сейчас там нет никаких признаков пирамиды из камней; возможно, ее убрали, как те, что были в Салкельде, или, возможно, тело было похоронено без этих внешних признаков; но то, что оно лежит, или лежало, в этом ограждении, кажется несомненным. Основная причина упоминания о нем здесь заключается в том, что он, несомненно, является захоронением. Далее мы найдем множество примеров в равной степени, но пока неплохо проиллюстрировать один, который определенно не был ни храмом, ни местом собраний, и который содержит, кроме того, несколько особенностей, на которые у нас будет возможность обратить внимание ниже.

44. Круги на Берн-Мур, Камберленд.

Кажется почти столь же очевидным, что боскавенские круги, которыми мы пока завершаем наши иллюстрации английских кругов, не были ни Храмами, ни Вещами. Очень трудно понять, как кто-либо мог вообразить, что нечто столь запутанное, как центр этих кругов, может быть храмом, не говоря уже о месте собраний. Но Борласе, хотя в целом и признает погребальную природу кругов, утверждает, что это был храм, и описывает положение прислуживающих друидов и все церемонии вплоть до мельчайших подробностей. Круги небольшие, самый большой из них всего 75 футов в диаметре, а вся группа - всего 200 футов в поперечнике, да и сами камни никоим образом не отличаются внушительными размерами. Еще одно обстоятельство, достойное внимания, заключается в том, что перед основными кругами есть отдельные камни. Интересные результаты могут быть получены при раскопках у их основания, поскольку по причинам, изложенным выше, создается впечатление, что основное захоронение может быть найдено у их ног.

45. Круги Боскавена. Из Борласа.

Дольмены.

Как указывалось выше, Англия, по-видимому, является родиной больших кругов, нигде за пределами Англии 100-метровых кругов пока не найдено, за исключением, конечно, круга в Стеннисе. Франция, напротив, кажется родиной дольменов. Они существуют там в количестве, намного превосходящем все, что мы можем показать, и размерами, превосходящими все, чем мы можем похвастаться. В самой Англии, когда мы перечислили коттедж Кита, дольмен в Клатфорд-Боттом, пещеру Уэйланда Смита в Роллрайте и еще одну в Древстейнтоне в Девоншире, наш список почти исчерпан. Там могут быть груды камней, которые кажутся дольменами или чем-то на них похожим; и курганы с камерами, внутренние образования которых, если их обнажить, могут быть причислены к дольменам; но, принимая это слово в его широком смысле, трудно расширить наш список дальше полудюжины.

В Корнуолле дело обстоит иначе. В углу к западу от Фалмута их по меньшей мере вдвое больше, чем во всей Англии. В Уэльсе, я думаю, я мог бы перечислить вдвое больше, чем в Корнуолле; и в Англси^[185] их, безусловно, столько же, сколько в Корнуолле, возможно, даже больше; и на острове Мэн они также многочисленны. Трудно быть точным, поскольку один и тот же памятник, по крайней мере иногда, упоминается под двумя названиями; но не будет преувеличением сказать, что было описано от пятидесяти до шестидесяти памятников, и большинство из них были найдены в Западной части страны, и я не удивлюсь, если трудолюбивый статистик доведет это число до 100, включая, конечно, многие из тех, что сейчас находятся в упадке.

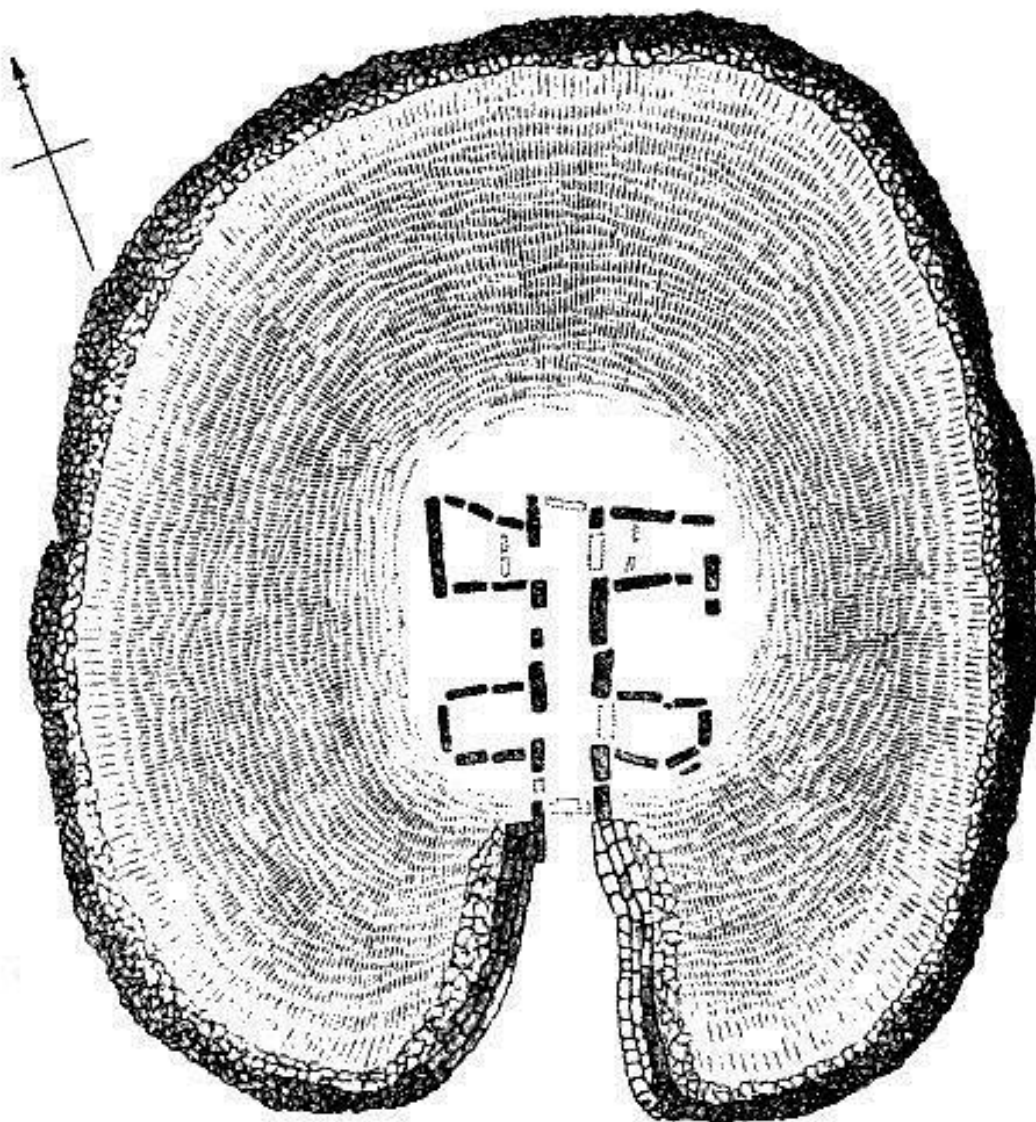
Есть две точки зрения, с которых можно рассматривать это географическое распределение английских дольменов. Первым и наиболее очевидным было бы предположить, что они были возведены бриттами после того, как их загнали в горные крепости Запада, сначала римлянами, а затем, более полно, саксами. Другая точка зрения заключалась бы в том, что

они являются работой другой расы, которая, как у нас есть все основания полагать, населяла западную страну во времена римлян. Тацит особенно четко высказывается по этому поводу. Он делит жителей страны на три класса. Рыжеволосые каледонцы, похожие на германцев и населяющие север; силуры со смуглым цветом лица и вьющимися волосами, которых он описывает как живущих в той части страны, которая находится напротив Испании, и он предполагает, что древние иберийцы пересекли и заняли эти регионы; и затем он добавляет: "Те, кто ближе всего к Галлии, похожи на жителей этой страны".^[186] В нынешнем облике населения этой страны так много подтверждающего эту общую классификацию, что, кажется, очень мало оснований сомневаться в ее общей правильности; и поскольку все эти дольмены найдены в стране Силуров, можно утверждать, что они принадлежат им. Если бы он присоединил аквитанцев к иберийцам, он, вероятно, более полно изложил бы все факты этого дела в том виде, в каком мы их теперь знаем.

Однако, признавая этот этнографический взгляд на дело в максимально возможной степени — что я готов сделать, — это все же оставляет вопрос о дате полностью нерешенным. На этот вопрос был бы дан ответ, если бы мы осмелились предположить, что силуры были вытеснены из плодородных частей долины Северна, которые, как мы имеем основания предполагать, они занимали во времена Агриколы, в горные твердыни, и что только тогда они начали повторять в камне то, что ранее они возводили только на земле. Если бы это можно было установить, мы получили бы как этнографическое, так и хронологическое определение немалой ценности; но об этом мы сможем составить более полное мнение после обсуждения памятников Франции.

Между тем есть один момент, имеющий отношение к теме, на который, возможно, стоит обратить внимание. В Уэльсе и Англси, которые, как мы можем предположить, были страной силуров или той, куда они были изгнаны, нет кругов, а только дольмены. В Корнуолле, где кровь, безусловно, была более смешанной, есть и круги, и дольмены, и то же самое происходит на другой оконечности западного округа на острове Мэн.

Если утверждается, что, находясь ближе к Испании или Аквитании, чем Уэльс, Корнуолл должен был быть древнейшим и наиболее исключительно населенным темной расой, ответ заключается в том, что, хотя первоначально это могло быть так, расы в Корнуолле были смешаны с кельтской и другой кровью еще до эпохи каменных памятников; в то время как на острове Мэн мы, вероятно, увидим основания полагать, что северная кровь была влита в вены людей в очень раннем возрасте, когда существовало мало памятников этого класса, если они вообще существовали, и, конечно, до того, как все были достроены.

46. Парк Cwn Tumulus. Масштаб 16 футов на 1 дюйм.

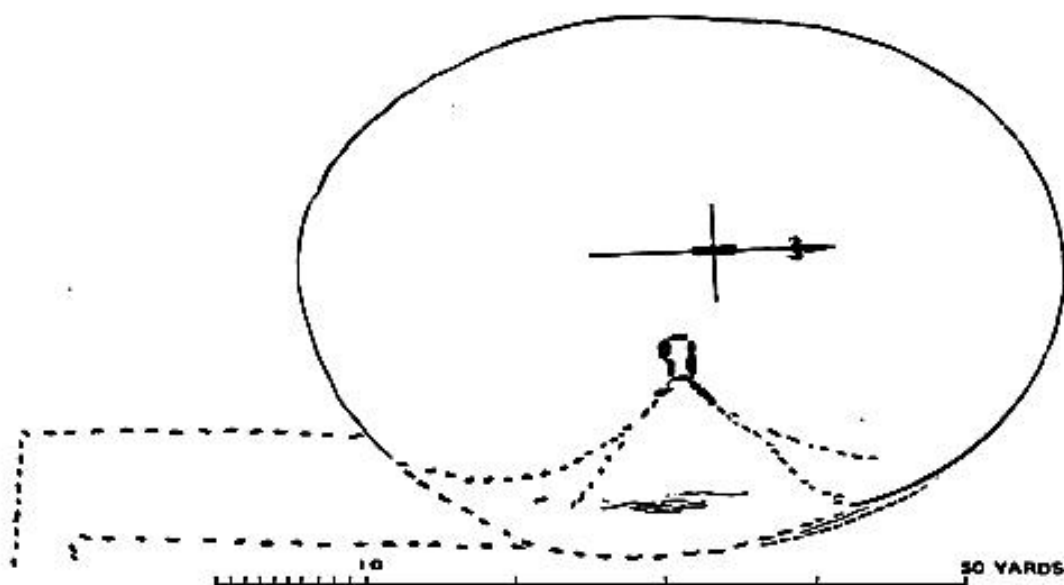
Даже беглого осмотра этих дольменов Западного побережья, я думаю, было бы достаточно, чтобы доказать любому, что теория о том, что все они изначально были покрыты земляными насыпями, совершенно несостоятельна. Что такие камерные могилы, как в Ули в Глостершире,[\[187\]](#) или Стоуни Литтлтон в Сомерсетшире,[\[188\]](#) всегда были намерение быть таким образом замаскированным достаточно очевидно. Как и этот в парке Cwn на полуострове Гауэр, недавно открытый и описанный сэром Джоном Лаббоком.[\[189\]](#) Он того же типа, что Ули и Стоуни Литтлтоны, но имеет только четыре камеры, расположенные с каждой стороны центрального прохода. Одной из его самых замечательных характеристик является красивая каменная кладка подпорных стенок по обе стороны воронкообразного прохода, ведущего к камерам. Они так тщательно построены, что очевидно, что они предназначались для того, чтобы их видели, а вход оставался открытым. Действительно, если только мы не предположим, что это был памятник какой-то драке, для предположения чего, кажется, нет оснований, очевидно, что он должен был оставаться открытым до тех пор, пока не произошло сорок смертей в семье вождя, которому он служил усыпальницей, поскольку по крайней мере такое количество тел было найдено в комнатах, но в ужасно беспорядочном состоянии, как будто могила была вскрыта раньше, но не осталось никаких орудий или следов металла, указывающих хотя бы приблизительно на ее возраст.

В Ули, в Глостершире, на полпути между Беркли и Тетбери, есть курган, который по своему внутреннему устройству очень похож на описанный последним. Вход имеет ту же форму, и в нем есть четыре боковых помещения; но те, что в Uley, более художественно сгруппированы в центре, а не разделены проходом, как в Park Cwn. Внешне различия более очевидны; пример из Глостершира имеет продолговатую или, скорее, сердцевидную форму, в то время как пример из Гауэра имеет более круглую форму. Курган Улей был впервые открыт неким мистером Бейкером в 1821 году, но впоследствии с большой тщательностью исследован доктором Турнамом; и очень тщательный отчет, полученный в результате его собственных наблюдений, сопоставленных с записями мистера Бейкера, опубликован им в "Археологическом журнале".^[190] Тела в камерах, которых было много, были потревожены и лежали в беспорядке, как в парке Квн; но среди них был найден сосуд, напоминающий римский слезоотделитель, и немного керамики, которая могла быть либо романо-британской, либо средневековой. Там же были найдены несколько фрагментов кремневых орудий труда, по-видимому, наконечников стрел, а снаружи два каменных топора — один из кремня. Недалеко от вершины кургана, точно над самой восточной камерой, было еще одно погребение, и рядом со скелетом были найдены три медные монеты сыновей Константина Великого.

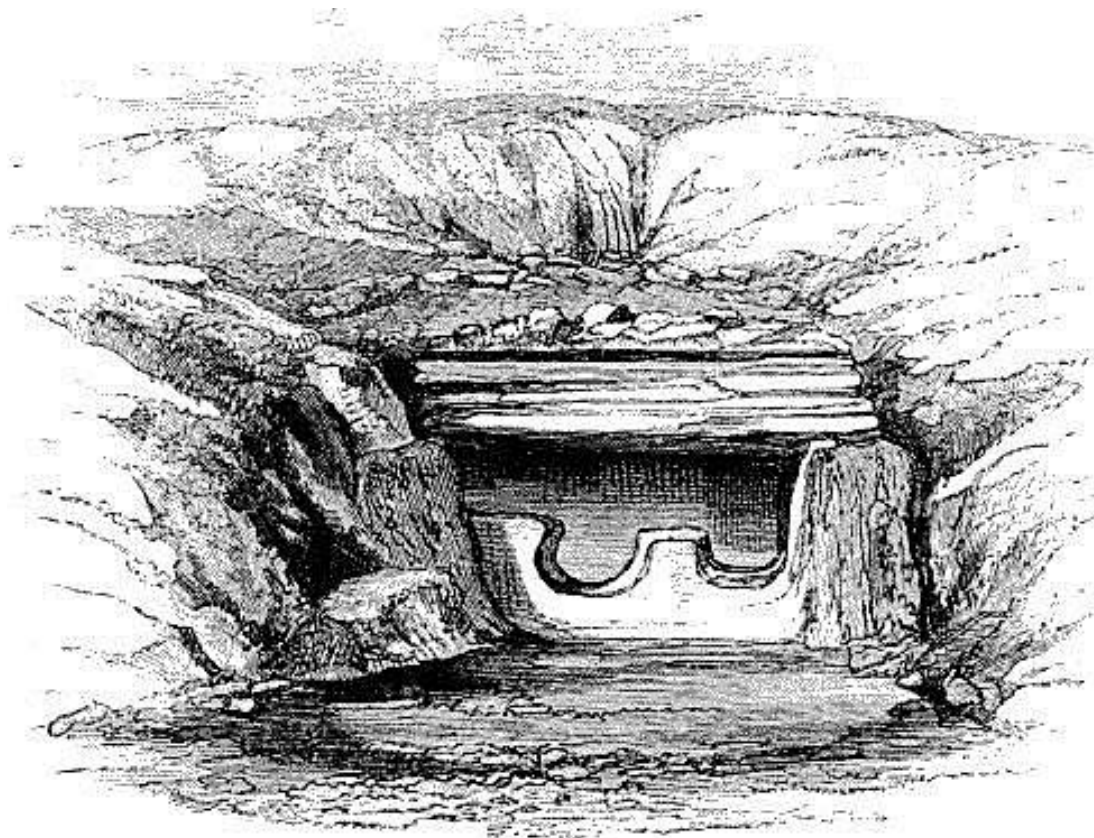
Основываясь на этом свидетельстве, доктор Турнам, с одобрения, вероятно, каждого антиквара в Англии, приходит к выводу, что первоначальное возведение камерного кургана относится к далекому доисторическому прошлому; что керамика и т. Д. Были завезены случайно; и что монеты относятся к вторичному захоронению после римского периода. Единственным доказательством этого является наличие вышеупомянутых кремней и предположений, основанных на них; они стали символами веры у антикваров, оспаривать которые - сущая ересь. Как я уже говорил, пока кто-нибудь не сможет показать, в какой период времени кремнь перестали использовать в той или иной местности, эти доказательства ничего не стоят. Что касается вторичных погребений, то представляется немыслимым, чтобы по прошествии по меньшей мере 500 или 600 лет и цивилизующего влияния римской оккупации кто-либо выбрал вершину одного из курганов давно забытых дикарей-язычников в качестве места захоронения. Если бы захоронение в курганах было в моде в Глостершире, как это было на холмах Йоркшира или даунсе Уилтшира, что-то можно было бы сказать в пользу такой гипотезы, если бы мы могли также предположить, что за это время скачки не были нарушены. Но во всем графстве едва ли найдется полдюжины курганов. Они, как и Ули, Родмартон,^[191] Стоуни Литтлтон,^[192] все камерные курганы одного класса и, по-видимому, одного возраст. Можно также отметить, что все они находятся недалеко от римских стоянок и окружены свидетельствами римской оккупации.

На предыдущих страницах мы уже встречались с несколькими примерами захоронений на вершинах холмов, таких как Гиб Хилл, Майнинг Лоу и др., Которые, безусловно, не являются второстепенными, и у нас есть основания подозревать, что при поиске будут найдены новые; а находки римских монет на вершинах курганов или вблизи них слишком часты, чтобы быть случайными, и происходят даже в Ирландии, куда римляне никогда не заходили.

У нас будет возможность вернуться к этой теме, когда мы будем говорить о гробнице короля Харальда Хильдетанда в Летре, а затем предложить рассмотреть ее более подробно; но пока кажется очевидным, что свидетельства монет и керамики перевешивают свидетельства кремней; и если это так, то не только Ули, но и все курганные камеры в Глостершире или Сомерсете принадлежат либо романо-британскому, либо, скорее, постримскому периоду британской истории.

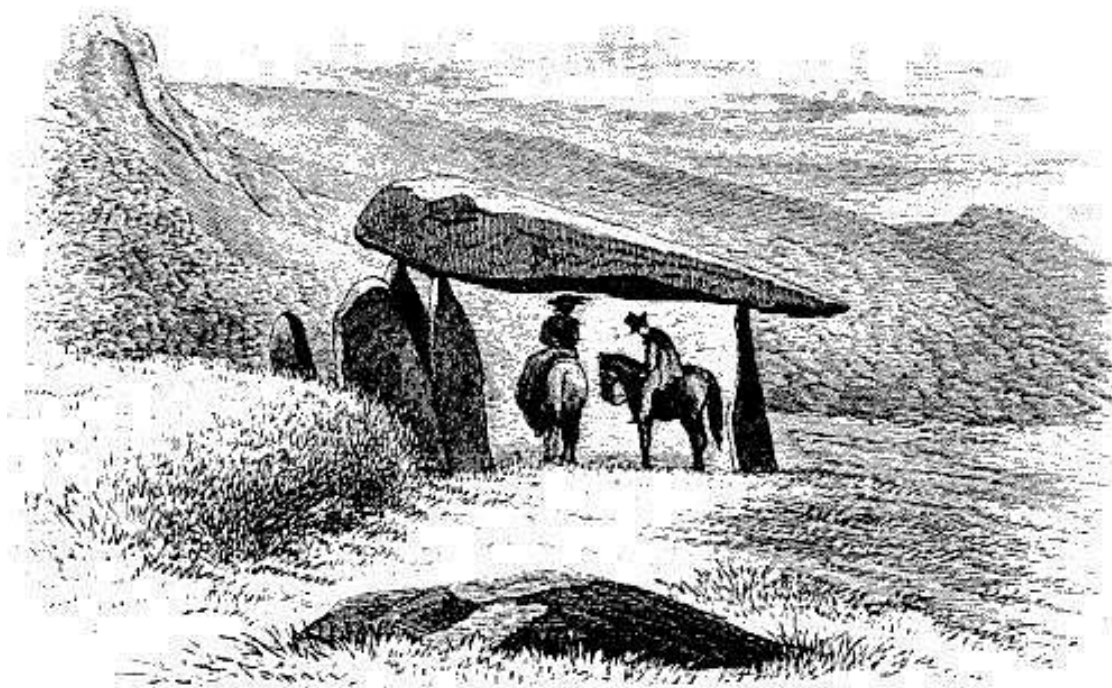
47. Tumulus, Plas Newydd.

48. Вход в дольмен в кургане, Плас Ньюидд.

Другой и даже более интересный пример этого класса недавно был обнаружен достопочтенным У. О. Стэнли в Plas Newydd, недалеко от большого дольмена, изображенного на гравюре на дереве № 50.^[193] Это камера или кист шириной 3 фута 3 дюйма и длиной около 7 футов, перекрытый двумя плитами. До того, как их потревожили, опорные плиты должны были образовать почти идеальные стены, что отличало cist от тех, что стоят на широко расставленных ножках. Однако главной достопримечательностью является ведущая к нему широкая каменная аллея, свидетельствующая о том, что он всегда

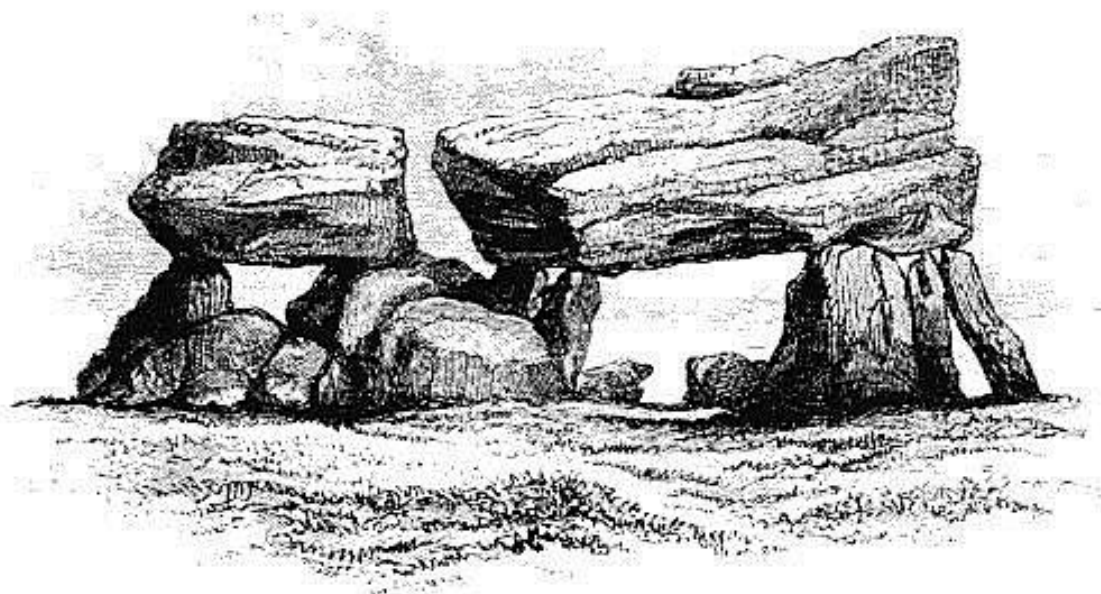
предназначался для посещения; и еще более любопытны два отверстия, которые были проделаны в плите, закрывавшей вход. Верхняя часть этой плиты сейчас отломана, но осталось так много, что легко увидеть, что изначально они были круглыми и около 10 дюймов в диаметре. Такие камни с отверстиями очень часто встречаются в восточных дольменах, а также распространены в Корнуолле и других местах;[194] но каково могло быть их назначение, пока не объяснено. Можно попытаться продолжить. В настоящее время нас в первую очередь интересует связь этой формы камерных курганов с внешними дольменами.

49. Дольмен в Пентре Ифан. Из "Археологии Кембриджа".

Почти все так называемые дольмены на Нормандских островах относятся к этому классу. Одно из них уже приводилось ([гравюра на дереве № 11](#)), и можно с уверенностью утверждать, что все помещения, которые были обшиты плитами, чтобы образовать почти идеальные стены, и все, которые имели сложные квазисводчатые крыши, были или должны были быть покрыты насыпями — особенно те, которые перекрывали ведущие к ним проходы. Существует, однако, очень большое различие между этими погребальными камерами и таким памятником, как этот в Пентре Ифан, в Пембрукшире.[195] Верхний камень настолько велик, что, как говорят, пять человек верхом на лошадях нашли под ним убежище от проливного дождя. Даже допуская, что лошади были всего лишь валлийскими пони, мужчины не поднимают такие массы и не устанавливают их на остриях для того, чтобы снова спрятать. Кроме того, опоры не образуют и не могли образовывать камеру. Земля обвалилась бы со всех сторон, и соединение между крышей и полом было бы полностью оборвано еще до того, как все было завершено. Или, возьмем другой пример, в Плас-Ньюидде, на берегу пролива Менай. Здесь цокольный камень представляет собой огромную художественно обработанную глыбу, опирающуюся на четыре каменные ножки, но не претендующую на то, чтобы образовывать камеру. Если бы цокольный камень предназначался просто как кровельный, то треть или четверть его веса была бы столь же полезной и столь же эффективной с архитектурной точки зрения, если бы его закопали. Способом архитектурного выражения, который лучше всего понимали эти каменщики, была сила массы. В Стоунхендже, в Эйвбери и везде, как здесь, они стремились придать достоинство и выразительность, используя самые большие блоки, которые только могли перевезти или

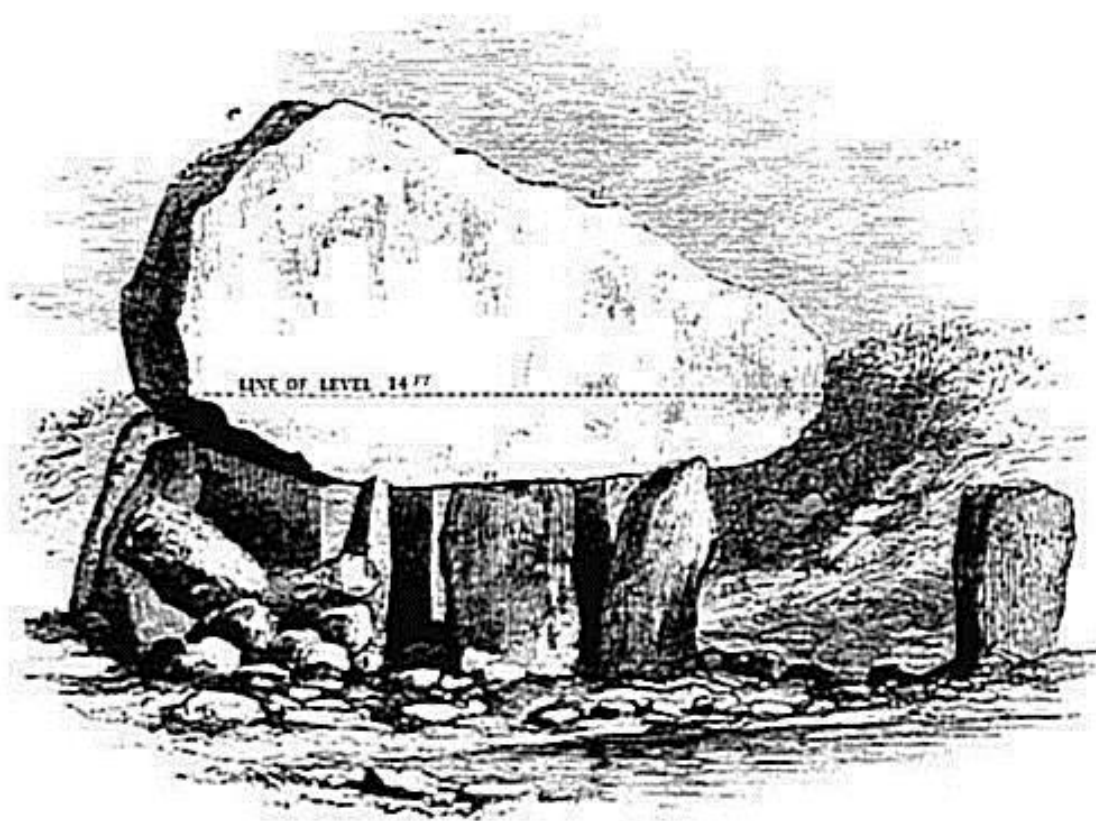
поднять, — и они были правы; ибо, несмотря на их грубость, они и сейчас производят на нас впечатление; но если бы они похоронили их в курганах, они не произвели бы впечатления ни на нас, ни на их современников.

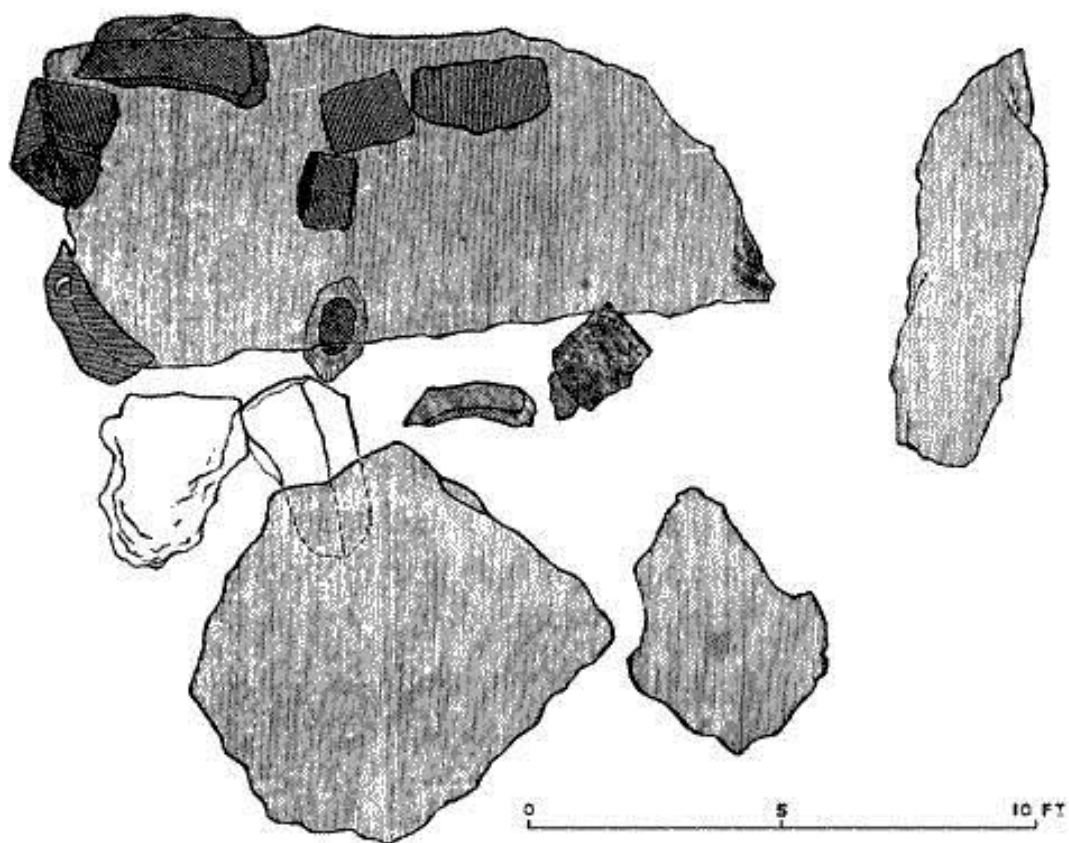
50. Dolmen at Plas Newydd. Из "Археологии Кембриджа".

Однако, как упоминалось ранее, главным аргументом против теории о том, что они всегда были скрыты, является невозможность объяснить исчезновение курганов. Если бы они располагались на плодородных равнинах, где земля была ценной для сельскохозяйственных целей, можно было бы предположить, что цивилизованный народ с высоко развитыми антикварными вкусами, возможно, взял бы на себя труд и расходы по удалению курганов ради сохранения земли и сохранения дольменов из-за их исторической ценности. Но то, что грубые крестьяне Корнуолла и Уэльса могли сделать это, непостижимо, тем более что гораздо большее количество этих памятников расположено на унылых вересковых пустошах, не представляющих никакой сельскохозяйственной ценности. Еще более непостижимо, что они сделали это так аккуратно, что теперь от кургана не осталось и следа ни вокруг камней, ни по соседству.

Если бы с этими западными дольменами была связана какая-либо история или под ними были найдены какие-либо останки, которые позволили бы нам установить их дату, хотя бы приблизительно, или расположить их в какой-либо понятной последовательности, возможно, стоило бы повторить их названия или проиллюстрировать их формы. Однако ничего подобного пока не предпринималось; и, по-видимому, не существует материалов, на основе которых можно было бы разработать какую-либо подобную серию.

51. Реплика Артура, Гауэр. С рисунка сэра Гарднера Уилкинсона.

52. План действий Артура.

Насколько мне известно, только один дольмен в Уэльсе носит имя; но это знаменитый дольмен короля Артура. Дольмен, носящий его имя, расположен на полуострове Гауэр, на северных склонах унылого Брин-Цефна, примерно в десяти милях к западу от Суонси.^[196] Он образует центр очень обширной группы памятников — по меньшей мере восемьдесят пирамид из камней еще предстоит насчитать на территории менее полумили в длину и четверти мили в ширину. В основном они небольшие, от 12 до 15 футов в диаметре; один, 20 футов в поперечнике, был открыт сэром Гарднером Уилкинсоном, но оказалось, что в нем нет погребения. Самый большой имеет 68 футов в диаметре, но не был открыт. Примерно в 350 футах от него находится дольмен. Замковый камень даже сейчас имеет 14 футов 6 дюймов в длину, 7 футов 5 дюймов в высоту и 6 футов 8 дюймов в ширину, но от него откололся очень большой кусок, и теперь он лежит рядом, толщиной более 3 футов; и еще один кусок, по-видимому, был отломан с другого конца, так что в готовом виде он, должно быть, весил от 35 до 40 тонн. Первоначально он покоился на десяти или одиннадцати вертикальных камнях, два из которых, однако, упали, и только четыре теперь касаются заглушки. Сэр Гарднер придерживается мнения, что когда-то он был покрыт курганом, но это представляется весьма сомнительным. Небольшая насыпь, обложенная крупными камнями, которая сейчас его окружает, диаметром от 73 до 74 футов, больше похожа на ограду дома Хоба Херста (гравюра на дереве № 53), чем на остатки кургана, и пока не будут представлены какие-либо дополнительные доказательства, нам следует позволить себе усомниться в том, что когда-либо так обрабатывались какие-либо каменные накладки на ножках. Сэр Гарднер с сомнением проследил аллею, от которой, однако, сейчас сохранилось всего пять камней, простирающуюся примерно на 500 футов в направлении, которое проходило бы мимо дольмена на севере, подобно тому, как в Шапе был очерчен круг перед ним, или линии у моста Меривейл, круг все еще находится там; сэр Гарднер также указывает на несколько небольших круглых ограждений, которые, по аналогии с теми, что были найдены в Дартмуре, он принимает за круги хижин.

53. Дом Хоба Херста на болоте Баслоу, Дербишир. С рисунка Томаса Бейтмана.^[197]

Что же тогда представляет собой эта группа памятников? Сэр Гарднер предполагает, что это кладбище древних бриттов; но если так, то почему другие кладбища не найдены в плодородных долинах и равнинах Южного Уэльса? Почему они выбрали один из самых голых и унылых склонов холма, наиболее удаленный от их жилищ, в качестве места для захоронения своих мертвых? Почему они, подобно жителям Солсберийской равнины, не разбросали свои могилы примерно поровну на площади 30 миль на 10? Зачем теснить их менее чем на полмили? Не возвращаясь к моему предыдущему предложению о поле битвы, я не вижу, как можно ответить на эти вопросы; и если да, то я не думаю, что нам нужно далеко ходить в поисках его названия? Как указывалось выше, восьмая битва Артура, должно быть, произошла в Уэльсе. Название места пишется Гуин (Gwyn), Гуинон, Guinnon, Ганнион,^[198] что, безусловно, по-валлийски; и когда мы обнаруживаем, что это произошло

непосредственно перед битвой при Каэрлеоне на Уске, и главный памятник, все еще носящий имя Артура, мы можем справедливо, я думаю, принять это предложение, по крайней мере, до тех пор, пока не будет предложено лучшее.

Как бы то ни было, я думаю, что все антиквары согласятся с сэром Гарднером Уилкинсоном в предположении, что это камень Сетти[199] упоминается в валлийских триадах. "84-я триада" рассказывает о Короле Эммриса в Кэр Карадавге (другое название Солсбери) и 88-м из трех великих достижений острова Британия: возведении камня Сетти, строительстве работы Эммриса и насыпании кучи Кивраньона.[200] Работа Эммриса (Амброзиуса), как правило, признается, является Стоунхендж. Если это камень Четти, в чем я не вижу причин сомневаться, остается только идентифицировать третий. Большинство антикваров предполагают Силбери-Хилл; и, если я прав, размещая эти три памятника так близко друг к другу по дате, это также представляется чрезвычайно вероятным и, насколько это возможно, является удовлетворительным подтверждением того, что было выдвинуто выше из других источников.

Из-за моего незнания валлийского языка я не в состоянии сказать, насколько следует полагаться на доказательства этих триад. Но Герберт и другие компетентные ученые считают несомненным, что Эммрис - это Амброзий, и "Работа", безусловно, относится к Стоунхенджу. Если это так, то дата его создания не подлежит сомнению, и поскольку два других упоминаются на одном дыхании, вполне вероятно, что они были недалеки по времени. Все это может быть, я уверен, что это действительно так, но косвенные доказательства, приведенные выше, кажутся мне настолько более ясными и заслуживающими большего доверия, что высказывания валлийских бардов придают им очень мало дополнительной силы. Однако, без сомнения, удовлетворительно, что их свидетельства совпадают со всем, что было приведено выше, как прямо или косвенно влияющее на их возраст или использование.

Прежде чем продолжить, возможно, стоит ненадолго вернуться в дом Хоба Херста. Это цитируется здесь, чтобы показать, как курган с дольменом на вершине может быть соединен с низким валом, чтобы не скрывать его, в точности, я полагаю, как в случае с Цитатой Артура. Но название места, где он расположен, может дать подсказку, которая может привести к чему-то в дальнейшем. Следует помнить, что шестая битва Артура состоялась под названием "super flumen quod vocatur Bassas". Этот курган расположен на болоте "Бас", причем "Низкий" - это просто название самого кургана. Эти номинальные сходства слишком ненадежны, чтобы на них можно было положиться; но чем больше мы рассматриваем всю группу, тем больше становится очевидным, что между памятниками, называемыми здесь артуровскими, существуют совпадения в названии, форме или назначении, которые не могут быть случайными. По отдельности они, возможно, и не способны противостоять враждебной критике, но в своей совокупности, как мне кажется, представляют собой действительно очень веский довод.

Если бы какой-либо из других дольменов на Западе имел хотя бы такое хорошее название с указанием даты, как Arthur's Quoit, их можно было бы расположить в ряд; но поскольку ни у одного из них нет даже традиционных дат, все, что мы можем сейчас сделать, это предположить, что дольмен в Плас-Ньюидде ([гравюра на дереве № 50](#)) примерно того же возраста, что и Камень Артура: возможно, что-то более современное, поскольку оно более тщательно выровнено; но это может быть связано с тем, что один из них был камнем битвы, а другой - мирной могилой. Аналогичным образом, может показаться, что такая

преувеличенная форма, как Пентре Ифан ([гравюра на дереве № 49](#)), является "демонстрацией силы" еще более современной эпохи; и если бы мы могли получить такую, которая определенно старше любой из них, можно было бы построить предварительную схему, которая могла бы привести нас к удовлетворительным результатам.

Я ни в коем случае не отчаиваюсь в том, что в конечном итоге смогу построить такую схему классификации и, еще до завершения этой Работы, достаточно ясно дать понять, что это возможно, и тогда останется только, если удастся установить одну или две фиксированные или вероятные даты, подвести все это к историческому исследованию.

Сноски

[134] "Курьезная итерация", стр. xxxiii.

[135] "Курьезная история", стр. xxxii.

[136] Когда я был там четыре года назад, мне посчастливилось найти старика, каменщика, который в молодости работал с этими камнями. Он прошелся со мной по земле и указал на расположение тех, кого помнил.

[137] Очень сложно точно указать размеры. Один из них почти полностью зарыт в землю, и его размеры можно определить только зондированием; другой зарыт наполовину.

[138] "Археология", ii. 1773, стр. 107.

[139] "Странствия антиквара"; Лондон, 1854, стр. 175 *и далее*.

[140] *источник. цитата*. 175.

[141] 'Понедельник. История. Брит.' стр. 299.

[142] "Беовульф: англосаксонская поэма", перевод Дж. У. Кембла, 1835, предисловие, стр. xix.

[143] 'Пн. История. Брит.' стр. 121.

[144] Эта гравюра на дереве буквально скопирована с другой работы мистера Льюиса, опубликованной в "Норвичском томе Международного доисторического конгресса", а цифры и факты, которые я собираюсь процитировать, в основном взяты из сопровождавшей ее статьи. Выводы, однако, сильно различаются.

[145] "Норвичский том Международного доисторического конгресса", стр. 37.

[146] Утверждаю, в понедельник. История. Брит.' стр. 476.

[147] Стакли, "Эйвбери", стр. 12; Борлаз, стр. 210.

[148] Камден, "Британия", i. стр. 285. См. также книгу Чарлтона "Стоунхендж, возвращенный датчанам", стр. 36.

[149] На этом камне сэр Гардинер Уилкинсон начертил один из тех концентрических кругов, которые так часто встречаются на камнях на севере Англии. Я сам этого не видел, но если предположить, что это правда — в чем я не сомневаюсь, — это нам мало поможет, пока мы не узнаем, когда и кем были выгравированы эти круги.

[150] 'Brit.' стр. 1021.

[151] Пеннант в своем тексте называет диаметр 88 ярдов, но масштаб, приложенный к его плану, составляет почти 110 ярдов.

[152] "Турне по Шотландии, 1772 год", стр. xxxvii, стр. 276.

[153] Недалеко от Лохмабена, в Аннандейле, существует или существовал круг под названием Вуд Касл, который по плану и размерам идентичен этому. Это фигурирует в книге генерала Роя "Военные древности римлян", стр. viii. Я бы без колебаний назвал его памятником такого класса, если бы не вид, которому я крайне не доверяю, но который делает его похожим на фортификационное сооружение. Поскольку у меня нет средств проверить факты, я могу только привлечь к ним внимание.

[154] 'Iter Boreale', стр. 42.

[155] 'Brit.,' Gough edit. iii. стр. 401.

[156] "Археологический журнал", xviii. стр. 29.

[157] Там же., xviii. стр. 37.

[158] Мне неизвестно, был ли опубликован какой-либо отчет об этих раскопках. Факты, которые я выяснил на месте.

[159] Здесь, опять же, я цитирую копию в 'Mon. Хист. Brit.' стр. 47 *и далее.*, на который нет необходимости ссылаться каждый раз, когда упоминается это имя.

[160] Стюарт Гленни, "Король Артур". 1867. Л. В. Скин. "Древние книги Уэльса", i. 52 *и далее.*

[161] 'Пн. История. Брит.' стр. 73.

[162] "Воин римлян" генерала Роя, стр. viii.

[163] Бейтман, "Раскопки за десять лет", стр. 87.

[164] Сам я этого круга не видел, хотя специально проделал долгое путешествие. Говорят, что он состоит из восьмидесяти восьми камней, и один из них больше остальных, стоит за пределами круга, на расстоянии около пяти ярдов, или ровно столько, сколько Мег выделяет по отношению к своим дочерям.

[165] Впервые описано в "Археологии", том. viii. стр. 131 *и далее.*, преподобный С. Пегге, 1783г.

[166] Эти размеры, а также план взяты из статьи сэра Гарднера Уилкинсона в "Журнале археологической ассоциации", xvi. стр. 116, и, следовательно, на них можно полностью положиться.

[167] Бейтман, "Остатки", стр. 65.

[168] Эти размеры взяты из плана сэра Гарднера Уилкинсона. Бейтманы, при всех их достоинствах, на редкость небрежны в цитировании размеров.

[169] *Ante*, стр. 11.

[170] Дуглас, 'Nenia Brittanica', стр. 168, стр. xxxv.

[171] Если бы мы знали его рост, мы могли бы догадаться о его возрасте. Если он был 65 футов в высоту, то его угол наклона должен был составлять 30 градусов, а возраст, вероятно, такой же, как у Силбери-Хилл. Если 100 футов и угол наклона больше 40 градусов, то он, должно быть, был старше.

[172] "Раскопки за десять лет", стр. 82.

[173] "Жизнь Петри" Стокса, стр. 234.

[174] Полное исчезновение тела этого несомненного саксонского вождя должно заставить нас с осторожностью приписывать отдаленную древность многим сравнительно свежим телам, которые мы находим в других местах.

[175] Бейтман, "Раскопки за десять лет", стр. 21.

[176] "В 1723 году рабочие выкопали тело великого короля, похороненное там, в центре, совсем немного ниже поверхности. Кости были очень гнилые, и шесть недель спустя я, к счастью, пришел спасти большую диковинку, которую они вынесли оттуда, — железную цепь, как они ее называли. Это была уздечка, похороненная вместе с монархом. Там были оленье рога и железный нож с костяной ручкой, тоже чересчур прогнивший, забранный вместе с ним". — Стакли "Стоунхендж и Эйвбери", стр. 41-12. Уздечка фигурная, рис. xxxvi.

[177] Дуглас, "Неня Брит". стр. 168.

[178] Ничто не может сравниться с бесстыдством, с которым Стакли вставил изогнутые дорожки между этими кругами, чтобы придать им форму змеи. Ничего подобного не существует и не существовало в 1826 году, когда мистер Крокер составил для сэра Р. К. Хоара обзор, с которого скопирована гравюра на дереве, с исправлениями сэра Гарднера Уилкинсона.

[179] "Археология", xxv. стр. 189.

[180] Каково значение слова "Maes"? Удивительно, что гора Маес-Хау на Оркнейских островах расположена по отношению к Стоячим камням Стенниса на Оркнейских островах так же, как холм Маес-Нолл по отношению к группе кругов. Я не знаю, чтобы это название встречалось где-нибудь еще. Согласно словарям, оно просто означает "равнина" или "поле". По-ирландски "Mag" произносится как "Мой", но вряд ли это может иметь здесь значение.

[181] "Археология", x. pl. xi. стр. 106.

[182] Вероятно, это был кусок железного колчедана, который, возможно, использовался для зажигания света.

[183] "Археология Кембрийская", третья серия, том xii. стр. 54. Причудливый план того же круга появляется в том же томе, но совершенно не заслуживает доверия. Это воспроизведено Уорингом, "Mon." & c. pl. xli.

[184] "Труды Общества антикваров", iii. стр. 225.

[185] Достопочтенный У. К. Стэнли перечисляет поименно двадцать четыре объекта в Англии. — "Археология Камбренсиса", четвертая серия, том i, стр. 58.

[186] Тацит, "Жизнь Агриколи", глава v.

[187] 'Археология Сомерсета. Соч. Труды, 'viii. стр. 51.

[188] "Археология", xix. стр. 43 *и последующие*.

[189] "Журнал этнологического общества", январь 1871 г., стр. 416.

[190] Том xi. стр. 315 *и далее*.

[191] 'Pro. Соч. Ант., вторая серия, ii. 275. Thurnam, 'Archæologia,' xlii. 217.

[192] "Археология", xix. стр. 43.

[193] "Археология Камбрии", четвертая серия, том i, стр. 51 *и последующие*.

[194] Информацию о Родмартоне см. в "Трудах Соц. ант." l. s. c.; о корнишском языке см. Статью М. Браша, "Gent. Mag.", 1864.

[195] "Археология Камбрии", третья серия, xi. стр. 284.

[196] Нижеследующие сведения взяты из статьи сэра Дж. Гарднера Уилкинсона, опубликованной в первом томе четвертой серии "Археологии Кембриджа", 1870 год. Это не только последнее, но и лучшее описание, которое я знаю, и, поскольку оно вышло из-под пера столь точного наблюдателя, я полагался исключительно на него.

[197] "Раскопки за десять лет", стр. 87.

[198] Кто-нибудь осмелится предложить Gower?

[199] Это то же самое слово, что и "Котти", применительно к коттеджу Кита в Кенте? Очень похоже.—Скромность?

[200] Герберт, "Циклоп Христианский", стр. 35.

ГЛАВА V. ИРЛАНДИЯ.

Мойтура.

В конце концов, вполне вероятно, что именно ирландские анналы прольют наибольшее количество света на историю и использование мегалитических памятников. Действительно, если бы министерство лорда Мельбурна в 1839 году в приступе несвоевременной скупости не упразднило Историческую комиссию при Ирландском артиллерийском управлении, мы не блуждали бы сейчас ощупью в темноте. Если бы они даже продолжали пользоваться услугами доктора Петри до момента его смерти, он не оставлял бы желать лучшего в этом отношении. Но ничего подобного сделано не было. Распоряжение было издано. Все документы и информация, собранные за четырнадцать лет работы наиболее компетентным штатом исследователей, были отброшены в сторону — все члены команды были уволены в кратчайшие возможные сроки, а наши знания о древней истории и древностях Ирландии отброшены назад, по крайней мере, на полвека.[201]

Между тем, однако, определенное количество лучших работ ирландских летописцев было тщательно переведено и отредактировано Джоном О'Донованом и другими, и этого достаточно, чтобы позволить любому человеку, не знакомому с ирландским языком, проверить дикие домыслы антикваров класса Вэллэнси и О'Брайена, а также составить мнение о ценности самих летописей, хотя вряд ли пока этого достаточно, чтобы позволить незнакомцу построить надежную хронологическую или историческую схему из представленных ему разнородных материалов. Мы должны подождать, пока появится какой-нибудь второй Петри, который будет обладать достаточными знаниями ирландского языка и литературы, не теряя при этом саксонского хладнокровия суждений, прежде чем мы сможем надеяться получить достоверный и последовательный рассказ о древней Ирландии.

Когда это будет сделано, вероятно, обнаружится, что ирландцы обладают более обширной литературой, иллюстрирующей эоценовый период их ранней истории, чем почти любая другая страна Европы. Ирландия также может похвастаться тем, что, никогда не будучи завоеванной римлянами, она сохранила свои исконные формы, а народ - свои исконные

обычаи и моду, не подвергаясь влиянию римской цивилизации, в течение более длительного времени, чем другие страны Европы, находившиеся под ее влиянием.

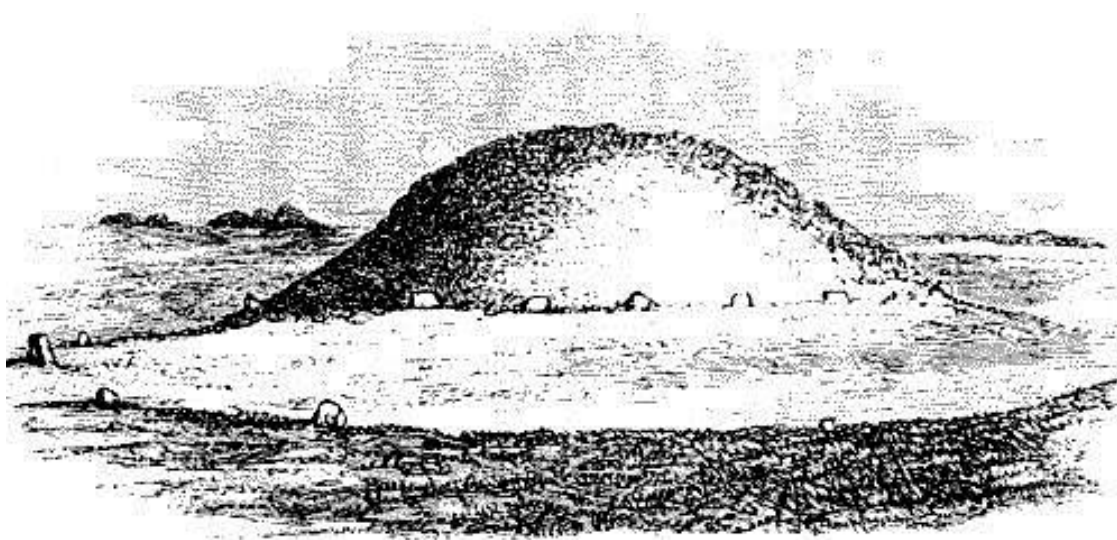
В качестве наиболее важных и поучительных частей ирландских анналов предлагается сначала рассмотреть отрывки, описывающие две битвы при Мойтуре^[202] (Mag Tuiredh), оба из которых произошли в течение нескольких лет. Описания полей, на которых они сражались, вероятно, будет достаточно, чтобы решить вопрос об использовании пирамид и кругов; и если мы сможем установить приблизительную дату, это значительно облегчит трудности в понимании возраста наиболее важных ирландских древностей.

Повествование, содержащее отчет о битве при Южной Мойтуре, или Мойтура Конг, хорошо известно ирландским антикварам. Он еще не опубликован, но перевод с рукописи из Тринити-колледжа в Дублине был сделан Джоном О'Донованом для Ordnance Survey и был получен из их записей, на которые выше ссылался сэр Уильям Уайлд. Он неоднократно посещал поле битвы с рукописью в руках и опубликовал подробный отчет о ней, с достаточным количеством выдержек, чтобы сделать все понятным.^[203] История вкратце такова: — В определенный период ирландской истории колония фирболгов, или белгов, как их обычно называют ирландские антиквары, поселилась в Ирландии, вытеснив фоморов, которые, как говорят, пришли из Африки. После того, как они владели страной тридцать семь лет, на них, в свою очередь, напала пришедшая с севера колония туата де Дананн, которые, как говорят, принадлежали к одной расе и говорили на языке, понятном для обоих. Услышав о прибытии этих чужеземцев, фирболги продвинулись с равнин Мита до Конга, расположенного между Лох-Коррибом и Лох-Маском, где и произошла первая битва, которая после четырехдневных ожесточенных боев завершилась в пользу захватчиков.^[204]

Вторая битва произошла семь лет спустя, близ Слайго, при обстоятельствах, которые будут более подробно описаны ниже, и завершилась в равной степени в пользу туата де Дананн, и в результате они получили во владение страну, которой, по словам Четырех Магистров, владели 197 лет.^[205]

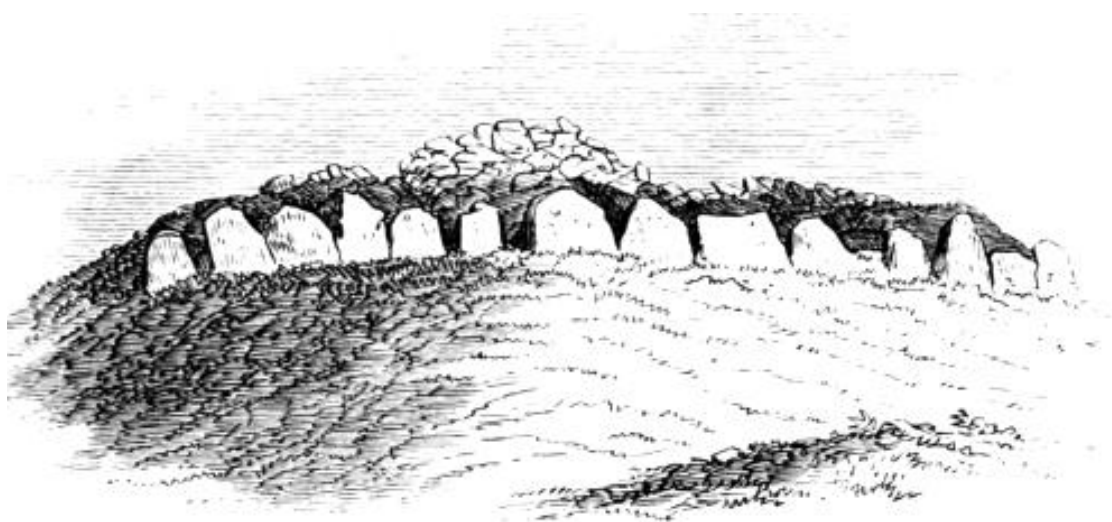

54. Круг на поле битвы Южной Мойтуры. От сэра У. Уайльда.

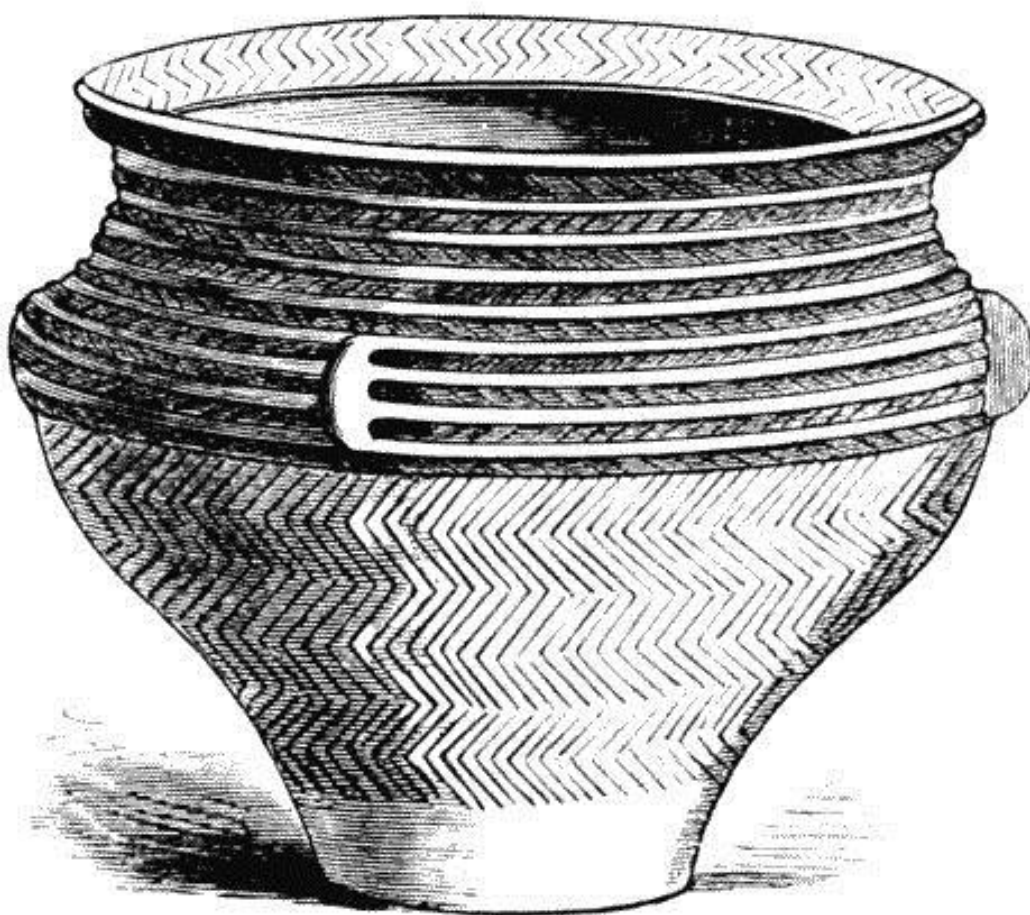

55. Пирамида из камней на поле битвы в Южной Мойтуре.

Поле, на котором разыгралась четырехдневная битва при Южной Мойтуре, простирается на пять-шесть миль к северу и югу. Недалеко от центра помещения, почти напротив деревни Конг, находится группа из пяти каменных кругов, один из которых диаметром 54 фута представлен на прилагаемой гравюре на дереве (№ 54). Другой, очень похожий, находится неподалеку; а третий, побольше, но частично разрушенный, находится в нескольких ярдах от первого. Два других можно проследить только сейчас, и еще два, как говорят, существовали поблизости, но полностью исчезли. На других участках поля битвы есть шесть или семь больших каменных пирамид, все они более или менее разрушены, камни использовались для возведения дамб, которыми окружено каждое поле в этой стране; но ни одна из них не была исследована с научной точки зрения. Один из них представлен ([гравюра на дереве № 55](#)). Сэр У. Уайльд определил, что все это связано с инцидентами в битве, и, похоже, нет причин сомневаться в его выводах. Наиболее интересным, однако, является тот, который связан с инцидентом в битве, о котором стоит рассказать, поскольку он иллюстрирует то, каким образом памятники подтверждают историю. Утром второго дня битвы король Эочи удалился к колодезю, чтобы освежиться, когда трое его врагов, посмотрев вниз, узнали его и потребовали сдаться. Пока он вел с ними переговоры, на них напал его слуга и убил; но слуга сразу же скончался от полученных ран и, как гласит история, был похоронен со всеми почестями в пирамиде из камней неподалеку. В повествовании говорится, что колодезь, из которого король с таким трудом выбрался, является единственным открытым в округе. Так обстоит дело и по сей день; ибо особенность страны в том, что воды из Лох-Маска впадают в Лох-Корриб не по каналам на поверхности, а полностью через расщелины в скале под землей, и доступ к воде возможен только тогда, когда трещина в скале открывается в одну из них. Колодезь, о котором идет речь, является единственным из них на некотором расстоянии, к которому к воде ведут ступени, частично вырубленные в скале, частично сооруженные. Рядом находится пирамида из камней ([гравюра на дереве № 56](#)), которую и по сей день называют "Пирамидой Одного человека". Она была открыта сэром У. Уайльдом, и в ее камере была найдена одна урна, которая сейчас хранится в Музее Королевской академии в Дублине, таким образом, раскопки самым удовлетворительным образом подтверждают рассказ.

56. Пирамида из камней "Одного Человека", Мойтура.

57. Урна в пирамиде из камней "Одного человека", Мойтура.

"Битва произошла в день Летнего солнцестояния. Фирболги потерпели сокрушительное поражение, и их король, покинувший поле битвы с личной охраной из 100 храбрецов в поисках воды, чтобы утолить свою жгучую жажду, был сопровождаем отрядом из 150 человек во главе с тремя сыновьями Немед, которые преследовали его до берега, называемого Трейг-Эотейл, недалеко от Баллисадара, в графстве Слайго. Здесь завязалась ожесточенная битва, и пал король Эочи (Эохайд), а также лидеры с другой стороны, трое сыновей Немед."[\[206\]](#) На

выступающем в залив мысу, примерно в миле к северо-западу от деревни Баллисадэр, до сих пор видна пирамида из камней, которая, как говорят, была воздвигнута над останками короля, и, как говорят, также были найдены кости между приливом и отливом на берегу внизу, предположительно принадлежащие воинам, павшим в последней битве. Может быть и иначе, но между повествованием и памятниками на месте происшествия существует согласованность, которая вряд ли может быть случайной и которую будет очень трудно объяснить, кроме как предположив, что они относятся к одним и тем же событиям.

На самом деле, было бы трудно представить себе что-либо более удовлетворительное и подтверждающее летопись, чем памятники на равнине; и никто, я полагаю, не мог бы пройти по полю с книгой сэра Уильяма в руке, не почувствовав важности его опознания. Конечно, можно предположить, что книга была написана кем-то, знакомым с этим местом, с учетом особенностей местности. Вероятность, однако, того, что это было сделано до девятого века, и сделано так трезво и так хорошо, очень мала, и предположение, что в пирамиде "Одного человека" будет найдена только одна урна, является большей удачей, чем можно было разумно ожидать. Однако даже если книга была написана с учетом особенностей местности, это не отменяет того факта, что на этом месте произошла великая битва и что эти пирамиды из камней и круги отмечают могилы тех, кто пал в битве.

Коллекция памятников на поле битвы в Северной Мойтуре еще интереснее, чем на острове Мойтура-Конг, и почти оправдывает утверждение Петри, "что, за исключением памятников в Карнаке, в Бретани, это, даже в своем нынешнем разрушенном состоянии, крупнейшее собрание подобного рода, обнаруженное до сих пор в мире".^[207] У них также есть то преимущество, что основная группа, состоящая примерно из шестидесяти или семидесяти памятников, расположена на возвышенности и на территории, простирающейся не более чем на милю в одном направлении и примерно на полмили в другом. Местность тоже гораздо менее каменистая, чем около Конга, так что памятники лучше выделяются и имеют более внушительный вид. Петри исследовал и описал шестьдесят четыре памятника, расположенных на этом участке или вокруг него, и пришел к выводу, что первоначально их могло быть не менее 200.^[208] У меня сложилось впечатление, что их могло быть 100, но вряд ли больше, хотя, конечно, это всего лишь предположение, и их уничтожение происходит так быстро, что он, в конце концов, может быть прав.

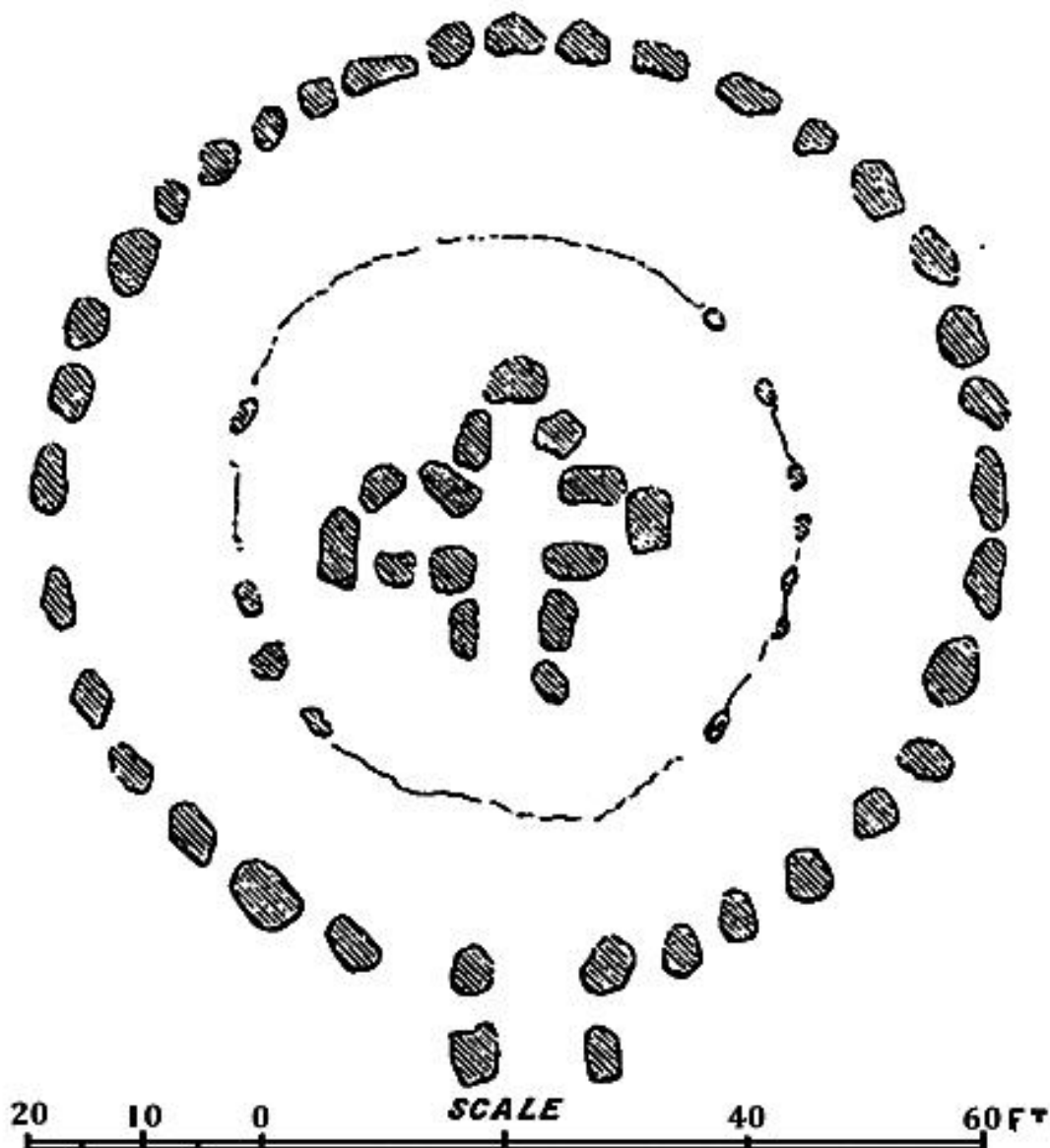
В описанном выше пространстве можно найти почти все разновидности мегалитического искусства. Есть каменные пирамиды с дольменами внутри — дольмены, стоящие отдельно, но которые, очевидно, всегда были открыты; дольмены с одиночными кругами; другие с двумя или тремя кругами камней вокруг них; и круги без дольменов или чего-либо еще в центрах. Единственная форма, которой нам не хватает, — это проспект. Ничего подобного, по крайней мере, сейчас, проследить невозможно, и не похоже, чтобы какой-либо из кругов обладал такими придатками.

58. Поле битвы при Северной Мойтуре.
Масштаб 6 дюймов на 1 милю.

Прилагаемая гравюра на дереве (№ 58) объясняет расположение основной группы. Снимок взят из Артиллерийской службы и, насколько это возможно, совершенно правильный, но, поскольку он выполнен всего в 6-дюймовом масштабе, слишком мал, чтобы передать форму памятников. [209] В центре находится, или, скорее, была, большая пирамида из камней, называемая Листоги́л. Петри обозначил его как № 51, но поскольку в течение многих лет он использовался как карьер по соседству, сейчас он настолько заминирован, что трудно определить ни его план, ни размеры. Петри говорит, что его диаметр составляет 150 футов; я сделал его 120. Он был окружен кругом из больших камней, внутри которого находилась пирамида из камней, первоначально, вероятно, высотой 40 или 50 футов. Все это было удалено до такой степени, что обнажился киства́ен или до́льмен в его центре. Его верхний камень имеет площадь 10 квадратных футов и толщину 2 фута и сделан из известняка, как и его опоры. Все остальные памятники сложены из гранитных глыб. "Те, кто первыми открыли

его, утверждают, что не нашли внутри ничего, кроме обгоревшего дерева и человеческих костей. Наполовину обожженные кости лошадей и других животных были и до сих пор находятся в этой пирамиде в больших количествах" (Петри, стр. 250). В примечании говорится, что в этой пирамиде также был найден большой каменный наконечник копья (кремь?).

59. Эскизный план 27-го круга Северной Мойтуры.

Прилагаемая гравюра на дереве (№ 59) даст представление об общем расположении круга, пронумерованного Петри 27.^[210] Он примерно среднего размера, 60 футов в диаметре. Общие размеры кругов составляют 40, 60, 80, а один (№ 46) имеет 120 футов в диаметре. Внешний круг дома № 27 сложен из больших камней, в среднем 6 футов в высоту и около 20 футов в окружности. Внутри него находится круг из камней поменьше, почти скрытый дерном, а в центре находится трехкамерный дольмен, от которого сохранилось пятнадцать камней; но все камни, закрывающие центральную внутреннюю камеру, кроме камня, исчезли, и теперь он стоит на краю перед своей опорой.

Общий вид этого круга будет понятен из прилагаемого изображения ([гравюра на дереве № 60](#)), сделанного по фотографии. Однако это не отдает должное его внешнему виду, поскольку камера была расположена слишком низко и не смотрит в круг, как это делает глаз. Вдалеке виден холм под названием Нок-на-Ри, увенчанный так называемой пирамидой Королевы Мив, о которой подробнее ниже.

60. Вид на круг 27, Северная Мойтура. С фотографии.

Другой из этих кругов, № 7, вот как описывает Петри: "Этот круг с его кромлехом совершенен. Его диаметр составляет 37 футов, а количество камней тридцать два. Кромлех имеет около 8 футов в высоту, столовый камень покоится на шести камнях огромной величины: он имеет 9 футов в длину и 23 фута в окружности". Его общий вид можно увидеть на прилагаемом виде фотографии ([гравюра на дереве № 61](#)); хотя это, как и в последнем случае, далеко не соответствует его внешнему виду.^[211]

61. Дольмен с кругом, № 7, Северная Мойтура. С фотографии.

Номер 37 описан доктором Петри (стр. 248) как тройной круг. Внутренний круг 40 футов в диаметре. Второй из двенадцати больших камней длиной 80 футов, третий в виде круга диаметром 120 футов. "Кромлех наименьшего размера, не более 4 футов в высоту. Окружность каменного стола составляет 16 футов, и он опирается на пять опор".

Раскопки почти во всех этих памятниках проводились либо мистером Уокером, владельцем участка, либо доктором Петри, и, едва ли за одним исключением, они выявили свидетельства использования в могильных целях. Были найдены либо человеческие кости, либо урны с прахом. Железа, по-видимому, ни в одной из них обнаружено не было. Говорят, что сорок лет назад, в 63 году, был найден бронзовый меч; но обычно там не было ничего, кроме орудий из кости или камня. В то время, когда Петри писал (1837), они не были оценены или классифицированы, как это было с тех пор; поэтому мы не можем сделать из них никаких

выводов относительно возраста памятников, и, насколько мне известно, не существует коллекции, в которой эти "находки" сейчас доступны. Действительно, я боюсь, что Петри и те, кто работал с ним, были слишком мало осведомлены о важности этих существенных свидетельств, чтобы быть осторожными при сборе или описании содержимого этих могил; и поскольку все или почти все были вскрыты, этот источник информации может быть перекрыт навсегда.

Помимо этих памятников на поле битвы, есть еще два, расположенных почти на равном расстоянии от него и, по-видимому, принадлежащих к той же группе; один известен как Гробница Мисган Мив, знаменитой королевы Коннахта, жившей, по-видимому, одновременно с цезарем Августом или, скорее, как настаивают летописцы, с Иисусом Христом;^[212] хотя, согласно более точной версии Тигернаха, ее смерть произошла на 7-м году правления Веспасиана, в 75 году н.э..^[213] Он расположен на вершине высокого холма, известного как Нок-на-Ри ([гравюра на дереве № 60](#)), на расстоянии двух миль к западу от поля битвы. Это было описано достопочтенным Рт. Уильям Бертон, 1779 год, представляет собой огромную груду мелких камней и имеет овальную форму, 650 футов в окружности у основания, наклон 79 футов с одной стороны и 67 футов с другой. Площадь на вершине составляет 100 футов в самом большом диаметре и 85 футов в самом коротком. Когда Петри посетил его в 1837 году, его окружность составляла всего 590 футов, а самый большой диаметр на вершине - всего 80 футов. Фактически, в этот промежуток времени он использовался как каменоломня; и я не сомневаюсь, что плоская вершина первоначально имела обычные 100 футов и была круглой. "Вокруг его основания, - говорит Петри, - находятся остатки многих менее важных надгробных памятников, состоящих из групп крупных камней, образующих круглые или овальные ограждения. Тщательные раскопки в этих гробницах, проведенные мистером Уокером, привели к открытию не только человеческих захоронений, но и нескольких грубых украшений и каменных орудий, сходных по характеру с теми, которые обычно находят в гробницах этого класса в Ирландии, и которые, поскольку не сопровождаются какими-либо другими металлическими изделиями, идентифицируют эту группу памятников по возрасту с памятниками из Кэрроумора, среди которых, как известно, не было обнаружено остатков железа, и указывают на их принадлежность к какому-либо периоду полудицилизованного общества в Ирландии".^[214]

Исходя из их положения, вряд ли возможно сомневаться в том, что эти меньшие гробницы были построены одновременно с Большой Пирамидой или после нее; и если бы это действительно была гробница королевы Мив, это пролило бы некоторый свет на наш предмет. Большая пирамида, однако, еще не раскопана; и пока это не будет сделано, принадлежность гробницы не может быть установлена определенно. Однако есть несколько причин сомневаться в этой традиции. Во-первых, у нас есть прямое свидетельство комментария, написанного Моэлмуири, о том, что Мив (Мехбх) была похоронена в Раткрогане, который был надлежащим местом захоронения ее расы; "ее тело было вывезено ее народом из Ферт-Медхбха, поскольку они сочли более почетным похоронить ее в Круачане".^[215] Поскольку "Книга кладбищ" подтверждает это, кажется, нет веских причин сомневаться в этом факте, хотя, возможно, впервые она была похоронена в этом районе, что, возможно, и дало начало традиции.

Если, с другой стороны, мы можем доверять описанию Беовульфом могилы воина, как ее понимали в 5 веке, то ни одна гробница на этих островах не соответствовала бы его идеалу более идеально, чем пирамида из камней на Нок—на-Ри:-

"Затем сотворил

Люди из вестернов

Холм над морем.

Он был высоким и широким,

Человеком, путешествующим по морю

Чтобы его было видно издалека.

То, что ирландская королева была похоронена на вершине горы с видом на Западный океан, кажется совершенно невероятным и противоречит имеющимся у нас свидетельствам; но то, что воин-викинг был похоронен таким образом, с видом на море и поле битвы, кажется естественным; но кем он мог быть, предстоит выяснить будущим исследователям.

Другая пирамида расположена всего в двух милях к востоку от поля битвы, на возвышенности с видом на озеро Лох-Гилл. Она меньше по высоте, чем так называемая Гробница Царицы, но ее вершина почти идеальна и имеет любопытное блюдцеобразное углубление, насколько можно измерить, 100 футов в диаметре. В это никогда не копались, и, насколько я мог узнать, с этим не связано никаких традиций.

История битвы при Северной Мойтуре, рассказанная в Ирландских анналах, вкратце такова:[\[216\]](#) —

Нуада, который был королем туата де Дананн во время битвы при Южной Мойтуре, потерял в бою руку. Однако несколько искусных мастеров, которых он имел при себе, искусно заменили его серебряным, так что впоследствии он всегда был известен как Нуада Серебряной Руки. То ли по этой причине, то ли по какой-то другой, не объясненной, он передал верховную власть Бреасу, который, хотя и был фоморианцем по происхождению, возглавлял армию Туата де Дананн. Из-за своих скудных привычек и властного нрава Бреас вскоре стал очень непопулярен среди придворной знати; и в то время, когда недовольство было в самом разгаре, к его Двору прибыл некий поэт и сатирик Кэрбре, сын поэтессы Этан. Король обращался с ним в такой убогой манере и с таким неуважением, что он оставил это с отвращением; но, прежде чем сделать это, он написал и опубликовал настолько язвительную сатиру против короля, что кровь дворян вскипела от негодования, и они настояли на том, чтобы он сложил власть, которой он обладал в течение семи лет. "На этот призыв регент неохотно согласился; и, посоветовавшись со своей матерью, они оба решили удалиться ко двору его отца Элатхи, в то время великого вождя фоморианских пиратов, или морских королей, которые тогда бороздили весь Германский океан и правили Шетландскими островами и Гебридскими островами".

Элатха согласился предоставить своему сыну флот, чтобы тот завоевал Ирландию для себя у туата де Дананн, если сможет; и с этой целью собрал всех людей и корабли, находящиеся в западном направлении от Скандинавии, для предполагаемого вторжения, главное командование было поручено Балору Дурному Глазу совместно с Бреасом. Высадившись близ Слайго, они разбили свои палатки на том месте — Кэрроуморе, — где впоследствии произошла битва.

Здесь на них напал Нуада Серебряной Длани в сопровождении великого Дагды, который принимал видное участие в предыдущей битве, и других известных вождей. Битва произошла в последний день октября и красноречиво описана. Фоморианцы потерпели поражение, а их вожди были убиты. Король Нуада был убит Балором Сглаза, но вскоре после этого сам Балор пал от камня, брошенного в него Лугом, его внуком и дочерью Эйтленн.

С интервалом в сорок лет, согласно "Анналам четырех мастеров", Дагда унаследовал вакантный трон и правил восемьдесят лет.[\[217\]](#)

Из приведенного выше резюме — все важные отрывки которого приведены точными словами перевода — очевидно, что автор трактата рассматривал фоморов и туата де Дананн как один и тот же народ или, по крайней мере, как два племени одной расы, вожди которых были тесно связаны друг с другом смешанными браками. Он также отождествляет их со скандинавскими викингами, которые сыграли столь важную роль в истории Ирландии вплоть до битвы при Клонтарфе, произошедшей в 1014 году.

Это может на первый взгляд показаться очень невероятным. Мы не должны, однако, забывать знаменитые строки Клавдиана:[\[218\]](#) "Мадуэрунт саксонские фузо-оркады: инкалуит Живописный сангвинический Туле: Скоторум кумулос флевит ледниковый Иерн". Можно сказать, что это было написано через три или даже четыре столетия после событий, о которых мы сейчас говорим; но это также было написано за пять столетий до того, как норманны, как обычно предполагается, оккупировали Оркнейские острова или вмешались в дела Ирландии, и действительно указывает на более раннее положение дел, хотя насколько оно предшествовало времени поэта, показать нечего.

Часто предлагалось отождествлять дананнов с датчанами из-за сходства их имен. Пока я не посетил Слайго, признаюсь, я всегда смотрел на это как на одну из тех случайных догадок, основанных на идентичности простого звука, которые обычно очень обманчивы в исследованиях такого рода. Памятники, однако, на поле битвы так близко соответствуют тем, что изображены Мэдсеном в его "Древних предысториях Датской марки",[\[219\]](#) и их расположение так похоже на расположение поля Браавалла[\[220\]](#) и на других полях сражений в Скандинавии, что теперь потребуются очень веские доказательства обратного, чтобы опровергнуть очевидную и тесную связь между ними.

Завершая свой рассказ о битве, мистер О'Карри добавляет: "Кормак Мак Каллинан в своем знаменитом Глоссарии цитирует этот трактат в качестве иллюстрации слова *Nes*; так что уже в девятом веке он рассматривал его как очень древнее авторитетное историческое произведение".[\[221\]](#) Если это так, то, похоже, нет веских причин сомневаться в том, что он рассказал о событиях, находящихся в пределах его компетенции, и поэтому мы можем рассматривать приведенный выше отчет как исторический, пока не будет доказано обратное.

Теперь остается только попытаться выяснить, существуют ли какие-либо средства, с помощью которых даты этих двух битв при Мойтуре могут быть установлены с какой-либо уверенностью. Если мы обратимся к "Анналам четырех мастеров", которые являются излюбленным авторитетом ирландских антикваров, мы сразу получим поразительный ответ. Согласно им, битва при Мойтура-Конге произошла в 3303 году от рождества Христова, а вторая битва - двадцать семь лет спустя.[\[222\]](#) Двадцатка - это необоснованная интерполяция. Это эквивалентно 1896 и 1869 годам до Рождества Христова. Алфавитное письмо, как мы сейчас увидим, было введено в Ирландии только после христианской эры, поэтому идея о

том, что подробности этих двух сражений должны были сохраняться устно в течение 2000 лет, а все промежуточные события были забыты, просто нелепа. Истина, по-видимому, заключается в том, что "Четыре мастера", подобно истинно патриотичным ирландцам середины семнадцатого века, считали необходимым ради чести своей страны вернуть свою историю хотя бы к временам Всемирного потопа. Поскольку страна во времена Туата де Дананн была разделена на пять королевств,^[223] а в другие времена и на двадцать пять, в их распоряжении было множество имен вождей, и вместо того, чтобы относиться к ним как к временным, они записывали их последовательно, пока не дошли до Цезаира - не Юлия, а внушки Ноя, который прибыл в Ирландию за сорок дней до Потопа с пятьюдесятью девушками и тремя мужчинами, которые, следовательно, избежали участи остального человечества и заселили западный остров. Это достаточно глупо, но их отношение к герою "Мойтуры" почти такое же. Учитывая, что ему было тридцать лет, когда он принял столь заметное участие во второй битве 3330 года, ему, должно быть, был семьдесят один год, когда он возшел на ирландский престол, и, после семидесяти девяти лет правления, он умер в зрелом возрасте 150 лет от последствий отравленной раны, полученной 120 лет назад. "Четыре Мастера" говорят на восемьдесят лет раньше, но это всего лишь еще одна из их тысячи и одной неточности.

Когда мы переходим от них к гораздо более достоверным летописям Тигернаха, умершего в 1088 году н.э., нас сразу встречает его часто цитируемое изречение о том, что "*omnia Monumenta Scotorum usque Cimboeth incerta erant*".^[224] Было бы более удовлетворительно, если бы он мог добавить, что по истечении этого времени на них можно было положиться, но, по-видимому, это ни в коем случае не имело места. Поскольку, однако, сообщается, что Кимбоэт основал Арму в 289 году до н.э., это дает нам предел, за который мы, безусловно, не сможем перейти без опасностей и трудностей. Мы вступаем на более верную почву, когда доходим до правления Кримтанна, который, согласно Тигернаху, умер в 85 году нашей эры, после 16 лет правления.^[225] "Четыре Учителя", это правда, делают его современником Христа; но даже доктор О'Донован вынужден признать, что все эти более ранние правления после христианской эры предшествовали примерно в той же степени.^[226] Однако, к сожалению для нашей цели, ранние анналы Тигернаха почти полностью посвящены хроникам королей Эмании или Армы, и лишь случайно он называет королей Тары, которая была столицей как Фирболгов, так и Туата де Дананн, и он не делает никаких намеков на битвы при Мойтуре. Таким образом, хотя наш летописец в определенной степени оставляет нас здесь, в ирландских рукописях есть случайные упоминания о Дагде и его друзьях, относящиеся к другим темам, которые кажутся достаточными для решения вопроса. Лучшие из них были собраны Петри для другой цели в его знаменитой работе о Круглых башнях, и, поскольку они там легко доступны, нет необходимости цитировать их полностью, а только отрывки, имеющие непосредственное отношение к нашей теме.^[227]

Первый отрывок взят из очень знаменитого произведения, известного как "Леабхар на Луидре", написанного, по-видимому, до 1106 года, который "Четыре мастера" указывают как дату смерти автора. Говоря о Кормаке, сыне Арта и внуке Конна из Ста Битв: "Перед своей смертью, которая произошла в 267 году, он сказал своему народу не хоронить его в Бруге, на реке Бойн, где были похоронены короли Тары, его предшественники, потому что он не обожал камни и деревья и не поклонялся тому же богу, что и те, кто похоронен в Бруге, ибо он верил, — добавляет монашеский хронист, — в единого истинного Бога согласно закону".

Далее в трактате говорится, что "короли рода Херемон были похоронены в Круачане до времен Кримтанна, который был первым королем из них, похороненным в Бруге". Остальные, включая королеву Мив, были похоронены в Круачане, потому что они владели Коннаутом. "Но

они были похоронены в Бруге со времен Кримтанна до времен Леогера, сына Найла (428 г. н.э.), за исключением трех человек, а именно Арта, сына Конна, и Кормака, сына Арта, и Найла из Девяти Заложников". Чуть дальше у нас есть следующий абзац: "(101.) Дворян Туата де Дананн обычно хоронили в Бруге, *то есть*, Дагдха с его тремя сыновьями, а также Лугайда и Оэ, Оллама и Огму, поэтессу Этан и Корпре, сына Этана, и Кримтханн последовал за ними, потому что его жена была одной из Туата Деа, и именно она попросила его выбрать Бруг в качестве места захоронения для себя и своих потомков".

В "Книге Бэллимота" (стр. 102) сказано: "О памятнике Бруга здесь, а именно о Постели дочери Форанна. Памятник Дагда. Курган Морриган. Барк Кримтанна, в котором он был похоронен. Карнайл (каменная пирамида) Конна Ста битв" и проч. Во втором отрывке мы узнаем следующие названия более подробно: "Сначала ложе Дагдхи, две папочки Морриган, на месте, где родился Чермуд Милбхел, сын Дагдхи"[228]— (памятники) Сирр и Кьюррелл, женам Дагдхи — есть два холма; могила Аэд Луиргнех, сын Дагдхи. Опять же, в прозаическом комментарии к стихотворению, которое цитирует Петри, мы имеем следующее, написанное, по-видимому, Моэлмуори. "Вожди Ольстера до Конхобара (говорят, что он умер 33 года назад[229]) были похоронены в Талтене.... Дворяне Туата де Дананн, за исключением семерых, которые были похоронены в Талтене, были похоронены в Бруге, *то есть*, Луг и Оэ, сын Оллама и Огмы, и Карпре, сын Этана, и Этан (сама поэтесса), и Дагда с тремя ее сыновьями, и очень многие другие, кроме Туата де Дананн, Фирболгов и других".

Нет сомнений, что многие подобные отрывки можно было бы найти в ирландских рукописях, если бы их искали компетентные ученые, но этих выдержек, вероятно, достаточно, чтобы доказать две вещи. Во-первых, знаменитое кладбище в Бруге, на реке Бойн, в шести милях к западу от Дрохеды, было местом захоронения королей Тары от Кримтханна (84 г. н.э.) до времен Святого Патрика (432 г. н.э.), и что это было также местом захоронения всех тех, кто участвовал — но не был убит — в битвах при Мойтуре. К сожалению, мы не в состоянии идентифицировать могилы каждого из этих героев, хотя, возможно, это связано с тем, что должным образом исследована только одна из них, которая называется Нью-Грейндж и которая была разграблена еще до того, как первые современные исследователи в семнадцатом веке обнаружили вход. Холм Даут был открыт лишь частично. Великая пирамида Ноута нетронута, как и великая пирамида, известная как Гробница Дагдха. Одни только раскопки могут доказать их абсолютную идентичность; но, по крайней мере, в этом можно быть уверенным, у нас есть на берегах Бойна группа памятников, сходных по внешнему виду, по крайней мере, с теми, что были на двух полях сражений в Мойтуре, и дата появления большего числа памятников в Бруге, безусловно, относится к более поздней христианской эре.[230]

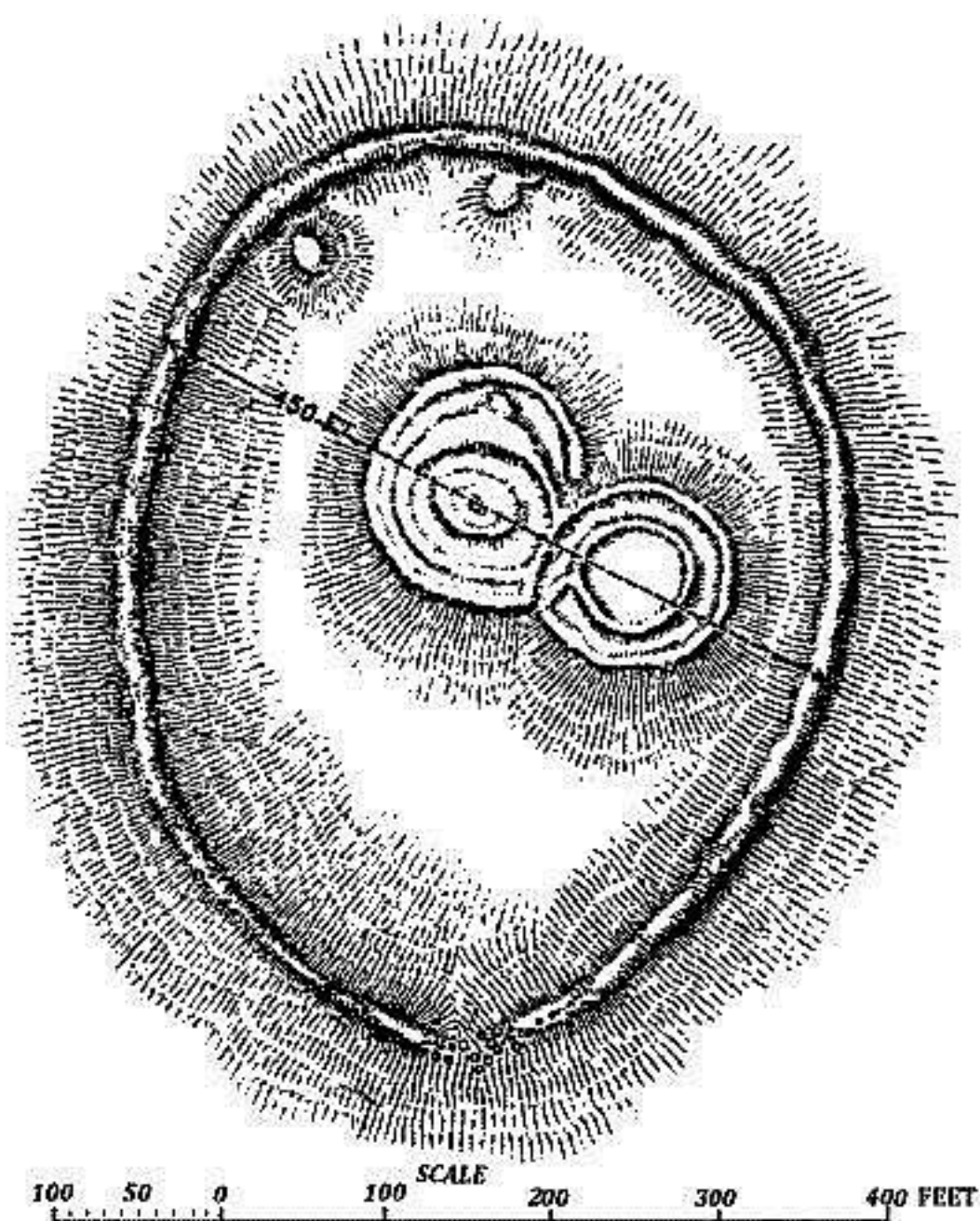
Второй пункт не поддается такому прямому доказательству, но кажется столь же ясным. Дело в том, что короли расы Кримтханн немедленно сменили королей туата де Дананн, которые сражались при Мойтуре. Если бы мы действительно могли доверять утверждению, что Кримтханн был первым королем, похороненным в Бруге, мы были бы вынуждены впоследствии найти место для Дагды под каким-нибудь псевдонимом, и вполне возможно, что так оно и есть,[231] но в настоящее время кажется более разумным предположить, что он предшествовал ему с очень коротким интервалом.

Согласно "Четырем Мастерам", туата де Дананн вымерли почти 2000 лет назад, когда мы обнаруживаем, что Кримтханн женился на принцессе этой расы, причем на женщине достаточно влиятельной, чтобы побудить его принять то, что, по-видимому, буквально было семейным захоронением дагдха, за место захоронения его самого и его расы; и кажется

невозможным поверить, что, когда это произошло, оно могло быть старым, или запущенным, или заброшенным.

Согласно "Четырем Владыкам", Фирболги правили всего тридцать семь лет, так что в данном случае они, по-видимому, не погрешили в сторону преувеличения, а туата де Дананн - 196 лет. Из этого, однако, мы должны вычесть двадцать лет, которые они без необходимости вставили между двумя битвами, и мы должны взять что-то из восьмидесяти лет правления Дагдхи после того, как ему исполнился девяносто один год. Если мы допустим столетие, то битвы при Мойтуре будут происходить с 20 по 30 год до н.э., а прибытие фирболгов примерно в середине первого века до н.э. Это, с небольшим пределом погрешности в любом случае, я убежден, почти точная дата этих событий.[\[232\]](#)

Если мы обратимся к знаменитому холму Тара, примерно в десяти милях отсюда, где жили те, кто был похоронен в Бруг-на-Боинне, мы найдем многое, подтверждающее высказанные выше взгляды. Когда Петри был прикреплен к Артиллерийской службе, он составил очень тщательный план останков на этом холме и составил о них самые подробные мемуары, которые были опубликованы в восемнадцатом томе "Трудов Королевской ирландской академии". Он завершается следующими словами (стр. 231): "Из выведенных исторических аллюзий будет видно, что, за исключением нескольких последних описанных,[\[233\]](#) все они почти современны и относятся к третьему веку христианской эры. Эпоха первоначального туата де Дананн Катаир относится к отдаленному периоду неопределенной традиции. Единственными другими памятниками с установленной датой являются памятники Конора Мак Нессы и Кухулима, оба из которых процветали в первом веке. Этих фактов достаточно, чтобы доказать, что до появления Кормака Макарта,[\[234\]](#) Тара не стала выдающейся знаменитостью".

62. Рат-на-Риог, или Катэр из Кормака, в Таре.

Единственная трудность в этом отрывке - это ссылка на туата де Дананн. В то время, когда Петри писал это, он, как и большинство ирландских антикваров, не смог освободиться от чар "четырех мастеров" и, пораженный усилиями, которые они приложили, и общей корректностью их летописей после христианской эры, почти без вопросов принял их дохристианскую хронологию. Упомянутый здесь Катэр - это лишь неотличимая часть Рата Кормака, которому традиция присваивает это название, но ни по плану, ни по материалам, ни по конструкции он не может быть отделен от него. То, что у дананнов был монастырь на этом холме, более чем вероятно, если, как я полагаю, они непосредственно предшествовали династии Кримтханнов, которая, несомненно, проживала здесь. Вполне возможно также, что они занимали это место, которое является самым высоким на холме, и что впоследствии Кормак расширил их дворец. Стоит обратиться к его плану ([гравюра на дереве № 62](#)) из-за его любопытного сходства с планом Эйвбери; то, что здесь было сделано в земле,

впоследствии было сделано в камне в Уилтшире, и кажется, что, как это часто бывает, дом мертвых был скопирован с жилища живых.

Дагдха, по-видимому, здесь не проживали. Из контекста я бы сделал вывод, что он проживал в великом Рате диаметром около 300 футов в Дауте, где, по-видимому, родился его сын и рядом с которым, как показано выше, он также был похоронен. Однако, если у него не было резиденции на Королевском холме, его так называемая коса была одним из самых знаменитых предметов убранства дворца. Это было сложнейшее изделие скобяной промышленности, в нем самым удивительным образом выполнялись различные кулинарные операции, и, во всяком случае, это показывает, что кузнец, изготовивший его, обладал немалым мастерством в обработке железа, из которого оно в основном и состояло.^[235]

Ратха Леогера (429-458 гг. н.э.) интересна нам не только как последняя возведенная здесь, но и из-за обстоятельств, при которых ее строитель был похоронен на крепостных стенах. Похоже, что, несмотря на все проповеди и убеждения святого Патрика, который был его современником, Леогер отказался обратиться в христианскую религию; но, как великий старый язычник, он приказал похоронить себя стоящим в своих доспехах на крепостном валу своей Рати лицом к стране врагов, с которыми он сражался при жизни. То, что это было сделано, подтверждено так же хорошо, как и любой инцидент того времени, возможно, даже лучше;^[236] и я не могу не предположить по внешнему виду Ратей, что некоторые другие короли также были похоронены здесь. Как бы то ни было, это обстоятельство должно помешать нам испытывать какое-либо удивление по поводу фактического обнаружения скелета человека под крепостным валом в Мардене (*ante*, стр. 86) или если бы человеческие кости все еще были найдены под валом в Эйвбери, несмотря на отрицательные свидетельства частичных исследований Уилтширского археологического общества.

Существует еще одна точка зрения, с которой можно рассматривать этот вопрос, чтобы пролить некоторый свет на главный вопрос о возрасте рассматриваемых памятников. Если мы сможем установить, когда искусство письма впервые было применено в Ирландии, мы можем получить приблизительную дату, до которой нельзя ожидать существования подробной истории каких-либо событий. Сейчас все лучшие антиквары Ирландии согласны с тем, что до правления Кормака Мак Арта, 218-266 гг. н.э., в Ирландии не использовалось алфавитное письмо. По-видимому, есть свидетельства того, что, как упоминалось выше, он был обращен в христианство каким-то римским священником; и хотя маловероятно, что он сам овладел искусством письма, он, по-видимому, был инициатором составления определенных трактатов. Правда, ни одна из них в настоящее время не существует, но на них ссылаются и цитируют древнюю ирландскую рукопись таким образом, что не остается сомнений в том, что некоторые книги были написаны в Ирландии в третьем веке, но почти наверняка до этого времени их не было. Однако верно, что Юджин О'Карри упорно настаивает на существовании какой-либо огамской письменности в Ирландии до этого времени и даже до христианской эры.^[237] Но, хотя мы можем принять первое предположение, доказательства последнего имеют самое неудовлетворительное описание. Однако даже если бы это можно было установить, это доказало бы очень немного. Написать связную историю в Огаме было бы так же трудно, как и в казначейских ведомостях, и, насколько известно, таких попыток никогда не предпринималось. Самое большее, что когда-либо делал или мог сделать Огам, - это записывать генеалогии; а такие подробные истории сражений при Мойтуре, какими мы располагаем, совершенно неподвластны ему. С другой стороны, собственный отчет мистера О'Карри о трудностях, с которыми Сенчан столкнулся при получении копий знаменитого "Тайн Бо Чуайлгне", или "Добычи скота в Кули", после 598 года, показывает, как мало тогда практиковалось это искусство. В то время в Ирландии не

существовало ни одного экземпляра этой поэмы, повествующей о жизни и приключениях королевы Мив в первом веке. Следовательно, в Италию была отправлена миссия, чтобы скопировать ту, которая, как говорят, существовала там, и хотя миссионеры чудесным образом избежали путешествия, [238] вывод тот же, что ни одной письменной копии их самого знаменитого труда не существовало в Ирландии в 600 году.

Петри столь же ясно высказывается по этому вопросу. В своей "истории Тары" он утверждает, что ирландцы не были знакомы с буквами до введения христианства в пятом веке, за сомнительным исключением сочинений, приписываемых Кормаку Мак Арту. Следовательно, он считает, что подлинная история Ирландии начинается только с Туатала, 130, 160 гг. н.э., в чем он, вероятно, прав. [239]

Но здесь возникает вопрос — до появления письменности в стране, как долго могло столь подробное повествование о битвах при Мойтуре, которым мы располагаем, и которое могло быть подтверждено материальными доказательствами на месте, передаваться устно в виде простого повествования в прозе? Среди такого грубого народа, каким, по общему признанию, были ирландцы того времени, будет ли этот период длиться одно столетие, или два, или сколько? Каждый должен решить для себя сам. Я не знаю случая, чтобы какие-либо грубые люди сохраняли устно такую подробную историю в течение пары столетий. Для меня большая трудность состоит в том, чтобы понять, как память о битвах сохранилась так идеально, предполагая, что они происходили так давно, в первом веке до н.э. Поскольку не утверждается, что повествования были записаны так рано, во времена Кормака, я должен, исходя из их внутренних свидетельств, быть гораздо более склонным предположить, что битвы должны были произойти через одно или два столетия после рождения Христа. В любом случае, кажется абсолютно невозможным, что дата этих сражений может быть столь отдаленной, как их относят Четыре Мастера, или даже как склонны признавать некоторые ирландские антиквары.

Истина, по-видимому, заключается в том, что в период эоцена ирландской истории или в течение одного-двух столетий, предшествовавших появлению письменности, у нас есть целая группа имен, настолько неразрывно смешанных друг с другом, что разделить их невозможно. У нас есть Дагдха, его жены и их сыновья. У нас есть поэтесса Этан и ее сын с дурными наклонностями. Это королева Мив из "Набега на скот" и ее муж Конхобар Макнесса. Есть Камбхейл, Фингал Макферсона и Кухуллин; а затем такие полуисторические личности, как Туатал Принятый и Конн из Ста Битв. Все они жили почти вместе в одной столице, были похоронены на одном кладбище и образуют полуисторическую, полумифическую группу, которая обычно предшествует письменной истории в большинстве частей мира. Даты многих из них известны с довольно приблизительной точностью, в то время как даты других установить невозможно. Однако, по-видимому, этого достаточно, чтобы оправдать наше почти положительное утверждение о том, что битва при Мойтуре, прославившая дагдха, произошла в течение пятидесяти лет, предшествовавших или последовавших за рождением Христа. Мое собственное впечатление говорит в пользу первого, как более вероятной даты.

Кому-то это может показаться чрезмерно трудоемким исследованием, направленным на доказательство незначительного момента. Однако это не составляет и десятой части того, что можно было бы узнать по этому вопросу из переведенных и печатных документов, и, конечно, было бы трудно преувеличить его важность применительно к предмету данной работы. Если можно доказать, что две группы памятников в Конге и Кэрроуморе являются

памятниками тем, кто пал в двух битвах при Южной и Северной Мойтуре, мы сделали огромный шаг к пониманию использования этих памятников; и если можно показать, что они датируются примерно христианской эрой, мы получаем не только точку зрения для определения возраста всех других ирландских древностей, но и основу для наших рассуждений относительно аналогичных останков в других странах.

Ни один ирландский антиквар, да и вообще ни в одной другой стране, насколько мне известно, не осмелился усомниться в том, что ими отмечены поля сражений. Также, при нынешнем состоянии доказательств, я не вижу никаких оснований подвергать сомнению этот факт; и, по крайней мере, на данный момент, мы можем считать это очевидным. Второе предположение более открыто для вопросов. Ирландские антиквары, как правило, не согласятся со столь серьезным преуменьшением древности этих двух великих сражений. Но после самого пристального внимания, которое я смог уделить всему, что было написано и сказано по этому вопросу, и тщательного сравнения памятников на этих полях с памятниками других стран, я был бы, в целом, склонен перенести их на столетие вперед или на два, если бы я мог найти пробел, в который их можно было бы поместить, а не датировать их раньше. Они выглядят старше и более условными, чем английские круги, описанные в предыдущей главе, но не настолько, чтобы заставить нас ожидать разницы в четыре или пять столетий. С другой стороны, они настолько похожи на те, что изображены на поле Бравалла, и на другие памятники Скандинавии, которые будут описаны ниже, что вызывает недоумение мысль о том, что между ними прошло семь или десять столетий. Но, принимая во внимание все обстоятельства дела, сделанные выше выводы представляются справедливыми и разумными и соответствуют не только тому, что было сказано в предыдущей главе, но и фактам, которые будут приведены на следующих страницах.

Кладбища.

Хотя ирландским антикварам удалось идентифицировать места значительного числа из тысячи и одной битвы, которые, как и следовало ожидать, украшают каждую страницу анналов кельтской расы, однако, поскольку ни одно из них не отмечено кругами или пирамидами, подобными тем, что были найдены на двух полях сражений при Мойтуре, они бесполезны для нашей настоящей цели, и наши дальнейшие иллюстрации должны быть взяты из мирных ирландских захоронений, которые, однако, представляют особый интерес.

В истории Кладбищ насчитывается восемь;^[240] но из них только первые три могут быть идентифицированы с какой-либо уверенностью в настоящее время. Но поскольку древности Ирландии до сих пор систематически не исследовались, возможно, будут найдены и другие, а также еще много полей сражений, отмеченных камнями. Тем временем наше дело с

"Три кладбища идолопоклонников:

Кладбище Тайлтена избранного,

Кладбище вечно прекрасных Круачан,

И кладбище Бруг.^[241]

Два последних известны с уверенностью. Первым, скорее всего, является ряд курганов в Лох-Крю, недавно исследованных мистером Конвеллом; но, поскольку некоторые сомневаются в

этом отождествлении, мы воспользуемся им в последнюю очередь и сначала поговорим о тех, относительно которых больше уверенности.

Круачан, или Раткроган, расположен в пяти милях к западу от Каррика-он-Шеннон и состоит, по словам Петри, из круглого каменного рва,^[242] ныне почти уничтожен, 300 футов в диаметре. Внутри "находятся небольшие круглые насыпи, которые при осмотре обнаруживают грубые погребальные камеры, сформированные из камня без какого-либо цемента и содержащие несгоревшие кости". Памятник Датхи (428 г. н.э.), представляющий собой небольшой круглый курган с каменным столбом из красного песчаника, расположен за пределами ограды, на небольшом расстоянии к востоку, и может быть идентифицирован по следующему сообщению о нем знаменитого антиквара Дуалда Мак Фирбиса. "Тело Датхи было доставлено в Круачан и похоронено в Религ-на-Риог, где было похоронено большинство королей расы Херемон, и где по сей день (1666 г.) на каменном памятнике над его могилой, недалеко от Рат-Круачана, стоит колонна из Красного камня".^[243]

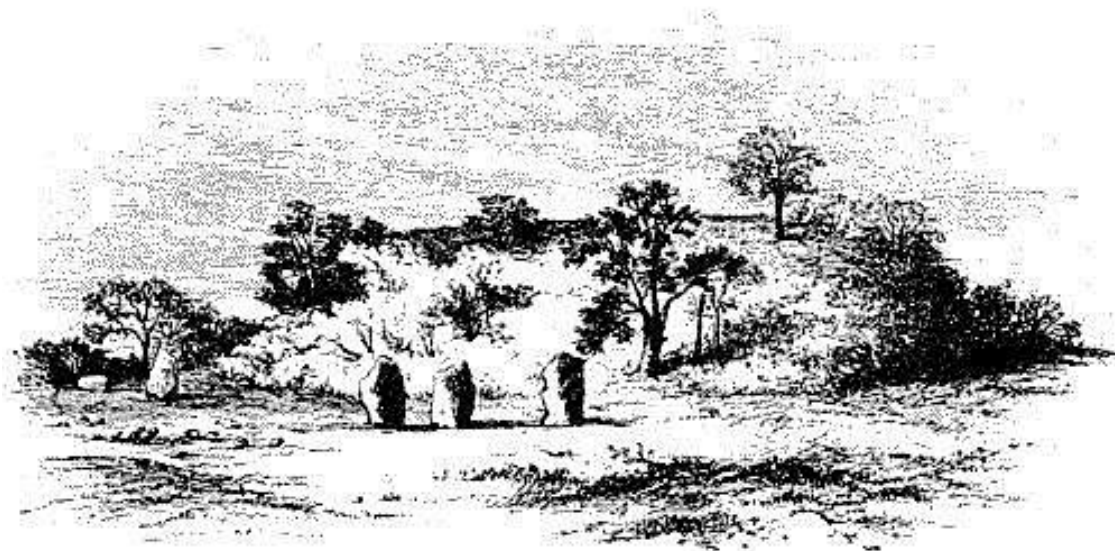
Таким образом, здесь мы имеем знакомый 300-футовый круг с внешним захоронением, как в Арбор Лоу, и внешним каменным памятником, как в Салкельде и других местах. Главным различием между этим и нашими английскими боевыми кругами, по-видимому, является количество пирамид, каждая из которых содержит камеру, которые окружают круг в Рат-Крогане, и возможно, что если бы их вскрыли с большой осторожностью, среди них можно было бы обнаружить последовательность; но в настоящее время мы почти ничего не знаем об их содержимом.

В настоящее время есть только два имени, которые мы можем с уверенностью идентифицировать как имена людей, похороненных здесь. Королева Мив, которая, как упоминалось ранее, была перенесена из Ферт-Мив, или Могила Мива, своего первого места захоронения, в этот Рат примерно в конце первого века, а Дати - в начале пятого. Сомнительно, были ли здесь похоронены какие-либо другие люди до названной первой королевы. Из контекста кажется, что то, что ее похоронили в ее собственном храме, привело к тому, что он был освящен для погребальных обрядов и продолжал использоваться таким образом до тех пор, пока христианство не побудило людей искать места для захоронения в другом месте, кроме кладбищ идолопоклонников.

Безусловно, самым известным, а также самым интересным из ирландских кладбищ является то, которое простирается примерно на две мили к востоку и западу на северном берегу Бойна, примерно в пяти милях от Дрохеды. На этом пространстве до сих пор сохранилось около семнадцати могильных курганов, три из которых являются выдающимися.^[244] Теперь они известны под названиями Knowth для самого западного из них, Dowth для того, что на востоке, и примерно на полпути между этими двумя, который известен как Нью-Грейндж. Перед последним, но ниже по течению, ближе к реке, находится другой, поменьше, все еще широко известный как Дагдха, и другие носят имена с большей или менее определенностью; но систематического исследования этой группы еще не проводилось, так что мы пребываем в полном неведении относительно их преемственности или того, кем могут быть короли или знать, похороненные в их могилах.

Это на данный момент никогда не было тщательно измерено и, насколько мне известно, даже не описано в наше время. Предположительно, это насыпь диаметром 200 футов и высотой от 50 до 60 футов, с плоской вершиной не менее 100 футов в поперечнике. Он

полностью состоит из мелких рыхлых камней, которые широко использовались для строительства дорог и хозяйственных построек, так что в настоящее время насыпь имеет очень ветхий вид, что затрудняет определение ее первоначальной формы; и, насколько известно, в наше время доступ к ее внутренней части был закрыт. Петри отождествляет его (стр. 103) с "пещерой Кнодхба, которую датчане однажды обыскали (862 г. н.э.), когда три короля, Амлафф, Имар и Ауисл, грабили территории Фланна, сына Конайнга. Если это так, то найти вход в него не должно быть трудно, но перспектива того, что исследователи будут вознаграждены каким-либо сокровищем или ценным предметом, действительно очень мала.

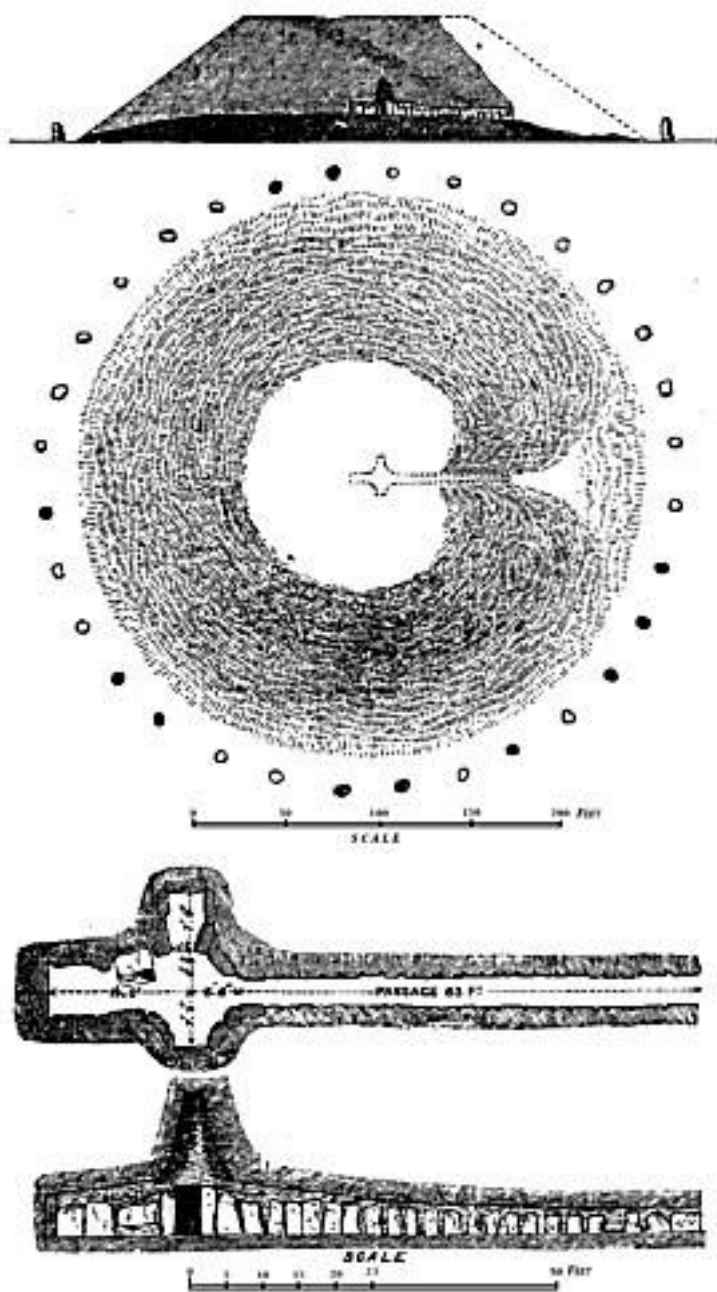

63. Вид на курган в Нью-Грейндж. С рисунка полковника Форбса Лесли.

Менее чем в миле от этого находится более крупный и знаменитый курган Нью-Грейндж. Почти наверняка это один из трех, разграбленных датчанами 1009 лет назад. Нигде не было обнаружено его описания до того времени, когда мистер Ллуид, хранитель музея Эшмола в Оксфорде, упомянул о нем в письме, датированном Слайго 1699 годом.^[245] Он описывает вход, проход, боковые часовни и три бассейна как существовавшие тогда точно так же, как и сейчас, и не ссылается на недавнее открытие входа, хотя сэр Томас Молине в 1725 году говорит, что это было найдено, по-видимому, незадолго до того, как он написал, при случайном снятии нескольких камней.^[246] Однако первый действительно подробный отчет принадлежит губернатору Пауноллу во втором томе "Археологии" (1770). Он нанял местного геодезиста по имени Буи, чтобы тот измерил его для него, но либо он, должно быть, был неумелым, либо гравер неправильно понял его рисунки, поскольку на опубликованных табличках почти невозможно определить форму и размеры насыпи. За 100 лет, прошедших с момента его обследования, процесс разрушения шел быстрыми темпами, и теперь потребовались бы как мастерство, так и терпение, чтобы восстановить памятник до его прежних размеров. Между тем прилагаемых вырезок, частично с пластинок г-на Буи, частично из личных наблюдений, может быть достаточно для иллюстрации, но они далеки от того, чтобы претендовать на абсолютную точность или быть такими, какими хотелось бы видеть столь важный памятник.

Его размеры, насколько я могу судить, следующие: он имеет диаметр от 310 до 315 футов для всей насыпи, на ее стыке с естественным холмом, на котором он стоит. Высота составляет около 70 футов, из них 14 футов приходится на склон холма до пола центральной камеры и 56 футов над ним. Угол внешнего склона, по-видимому, составляет 35 градусов, или на 5 градусов круче, чем у Силбери-Хилл, и, следовательно, если в этом аргументе что-то есть, он

может быть, по крайней мере, на столетие или два старше. Платформа на вершине имеет около 120 футов в поперечнике, вся она сложена из рыхлых камней с минимально возможной примесью земли и мусора.

64. Нью-Грейндж, недалеко от Дрохеды.

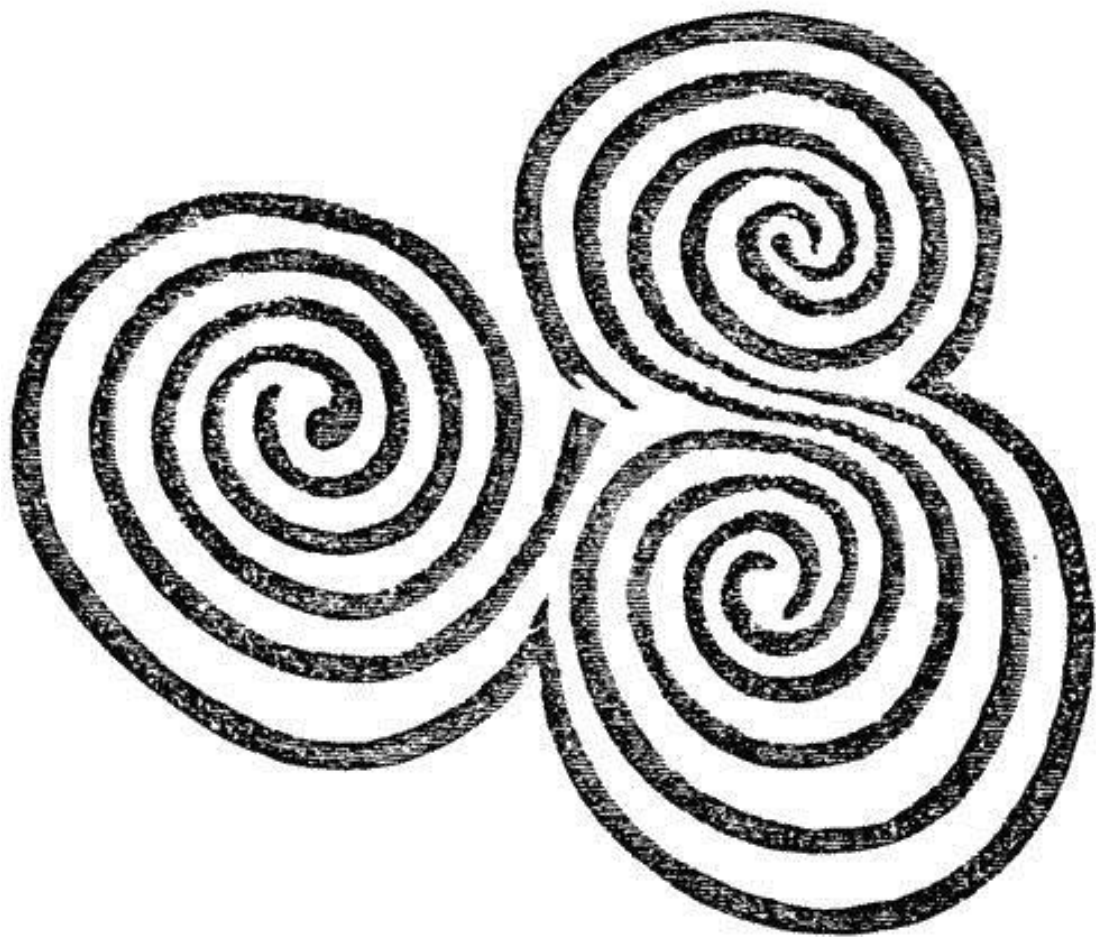
Вокруг его основания был круг из больших каменных монолитов ([гравюра на дереве № 63](#)). Они стоят, по словам сэра У. Уайльда, на расстоянии 10 ярдов друг от друга, по окружности в 400 шагов, или 1000 футов. Если это было так, то расстояние от центра до центра составляло как можно больше 33 футов, и, следовательно, первоначально их должно было быть тридцать, или столько же, сколько в Стоунхендже. Исходя из плана Буи, я делаю цифру тридцать два, но вряд ли на это можно положиться. Из этого расположения следует, что если бы курган был удален или никогда не возводился, мы имели бы здесь точно такой круг — 333 фута в диаметре, — какой мы находим в Салкелде или в Стэнтон-Дрю, и вряд ли можно

сомневаться, что такое расположение на берегах Бойна дало начало тем кругам, которые мы находим на полях сражений Англии два или три столетия спустя. Ллуид в своем письме Роуленду упоминает один камень поменьше, стоявший на вершине, но он исчез, как и двадцать камней внешнего круга, когда проводилось обследование мистером Буи.

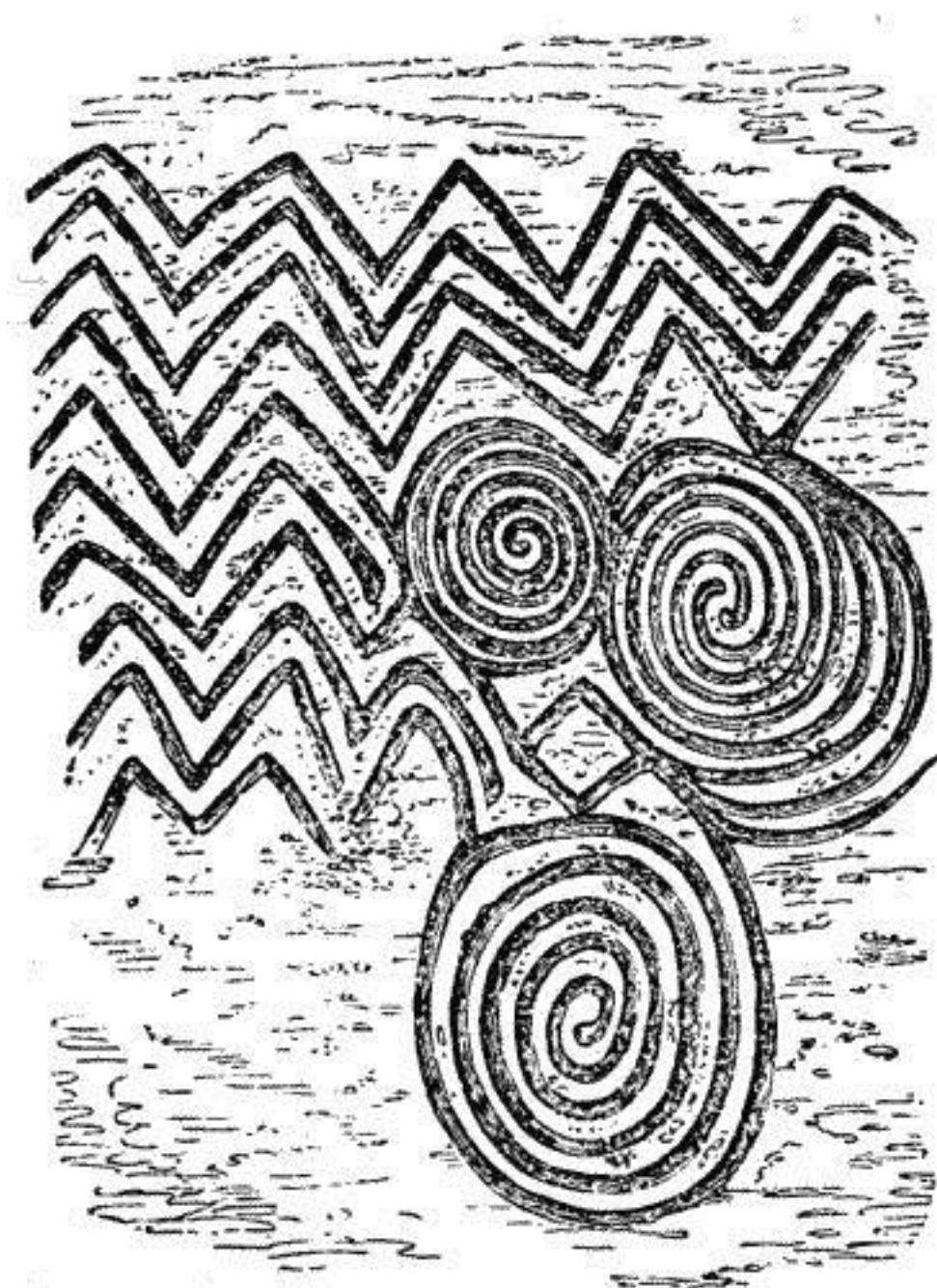
На расстоянии около 75 футов от внешнего края насыпи и на высоте 14 или 15 футов над уровнем каменного кольца находится вход в склеп. Пороговый камень имеет 10 футов в длину и около 18 дюймов в толщину и богато украшен двойными спиралями самого сложного и элегантного характера;^[247] а на небольшом расстоянии над ним виден фрагмент струнного хода, еще более искусно украшенный узором, более похожим на современную архитектуру, чем что-либо еще на этих курганах. Проход в центральную камеру имеет длину около 40 футов, высоту 6 футов и ширину 3 фута, хотя оба эти измерения были значительно уменьшены, первое из-за скопления земли на полу, второе из-за массы насыпи, вдавливающей боковые стены прохода, так что любой может проползти с трудом. Продвигаясь внутрь, крыша, состоящая из очень больших каменных плит, быстро становится выше; и на расстоянии 70 футов от входа поднимается в конический купол высотой 20 футов, образованный из больших масс камня, уложенных горизонтально. Склеп простирается еще на 20 футов от центра купола; с восточной и западной сторон расположены две другие ниши, причем восточная значительно глубже противоположной.

В каждом из этих углублений находится неглубокий каменный бассейн овальной формы размером 3 на 3 фута, диаметром 6-7 дюймов и глубиной 6-9 дюймов. По-видимому, они являются неотъемлемой частью этих ирландских гробниц, хотя для чего они использовались, пока точно не установлено.

На одном камне в коридоре и на большинстве камней во внутренней комнате изображены скульптурные орнаменты, в основном того же спиралевидного характера, что и на камне у порога, но вряд ли выполненные столь искусно. Один камень в правом углу самой внутренней камеры упал вперед (см. План), так что, подползая к нему, можно увидеть обратную сторону некоторых соседних камней, и обнаруживается, что на некоторых из них искусно вырезаны те же спиральные орнаменты, что и на их фасадах, хотя совершенно невозможно, чтобы в таком положении их можно было увидеть после того, как насыпь была поднята. Чтобы объяснить это, некоторые утверждали, что они принадлежали более старому зданию до того, как были использованы здесь; но вряд ли кажется необходимым принимать столь резкую гипотезу. Возможно, камни были вырезаны до того, как их использовали, и в то время, когда не существовало планов или рисунков, их могли счесть неподходящими по размеру или форме для тех мест, для которых они изначально предназначались, и, следовательно, либо обточить, либо использовать в другом месте. Или, возможно, поскольку склеп должен был быть построен и сносно достроен до того, как над ним насыпали курган, король, возможно, приказал украсить его снаружи, находясь в таком состоянии. В те дни труд не имел большой ценности, и опасно пытаться объяснять капризы королей при том состоянии общества, которое должно было тогда существовать. Идентичность стиля и характера орнаментов как на скрытых, так и на видимых частях этих камней исключает мысль о том, что они были работой разных эпох. Снос более старого здания подразумевает осквернение и запущенность, которые, должно быть, были результатом времени; и, принимая во внимание их идентичность, маловероятно, что прошло достаточно много времени, чтобы допустить, что здание было настолько осквернено и запущено, что его камни были вывезены и использованы в другом месте.

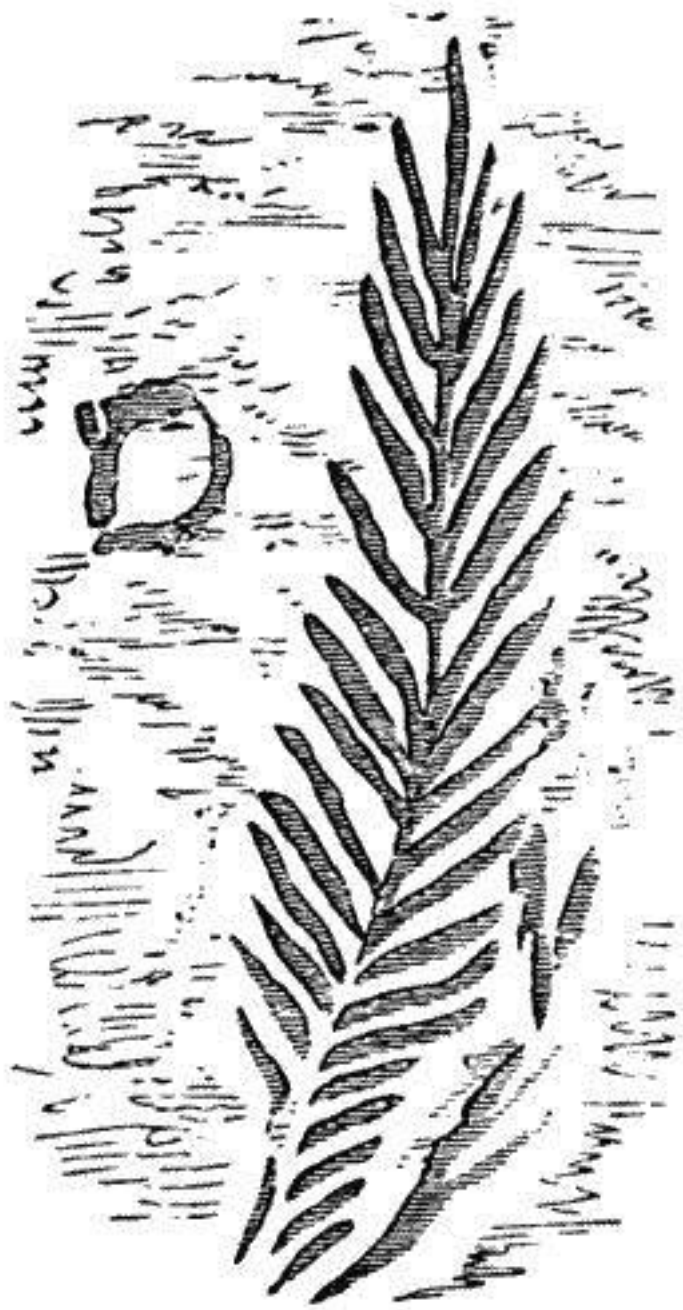
65. Украшение в Нью-Грейндж. Из натирания.

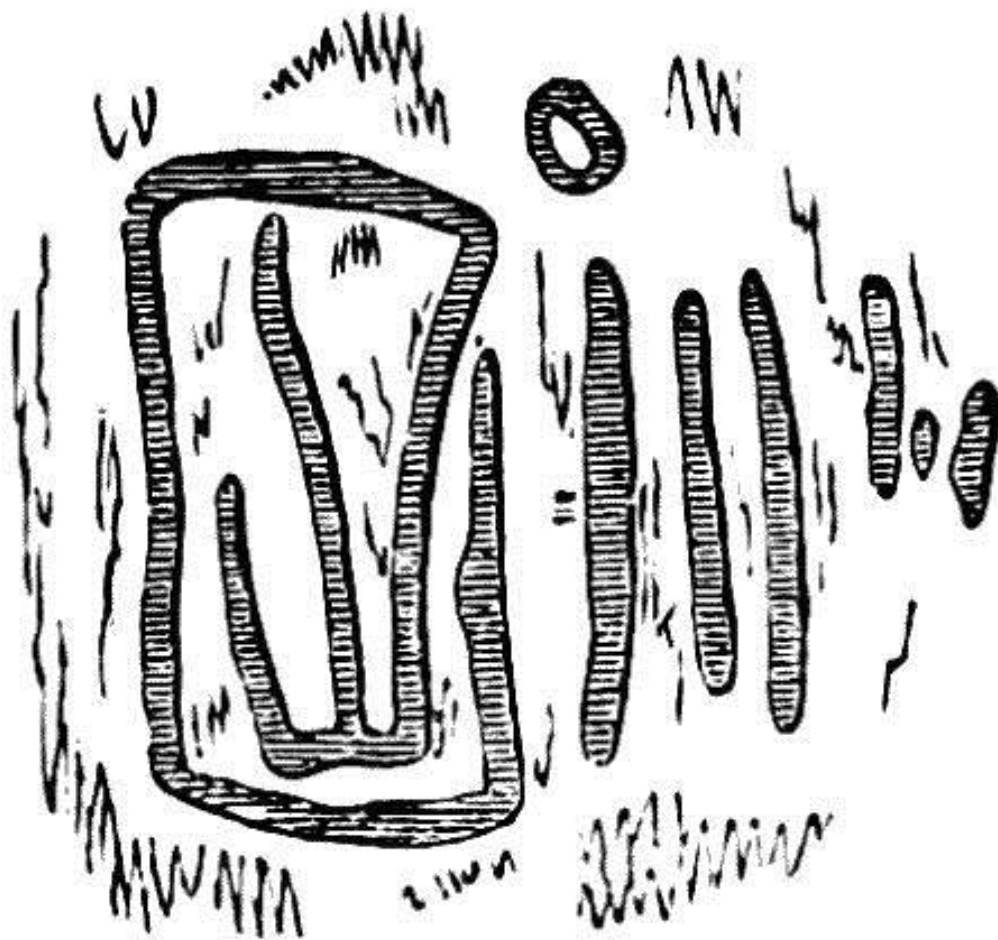
66. Украшение в Нью-Грейндж. Из натирания.

Расположение входа в пределах контура Кургана - особенность, которую на первый взгляд гораздо труднее объяснить. В нынешнем виде он расположен на расстоянии около 50 футов по горизонтали в пределах того, что, как у нас есть все основания полагать, было первоначальными очертаниями кургана. Мало того, что нет оснований полагать, что проход когда-либо расширялся дальше, но украшенный орнаментом порог, резная веревочная дорожка наверху и другие признаки, по-видимому, указывают на то, что на такой глубине курган имел то, что можно назвать архитектурным фасадом. Одним из способов объяснить это было бы предположить, что первоначальный курган был всего около 200 футов в диаметре на уровне пола, и что тогда внутрь был доступен доступ, но что после смерти короля, который его воздвиг, его преемники добавили ограждение толщиной в 50 футов, образовав широкую платформу наверху и эффективно закрыв вход в гробницу. Если бы это было так, мы могли бы легко представить, что многие из его семьи или последователей были похоронены в этом конверте и образовали вторичные, но почти современные захоронения,

которые так часто находят в английских курганах. Опыт раскопок Лоу ([ксилография № 33](#)), Роуз-Хилл ([ксилография № 39](#)) и других английских курганов во многом подтверждает такую гипотезу; и многое другое можно сказать в ее пользу, но это один из тех вопросов, на которые можно дать удовлетворительный ответ только при тщательном изучении самого кургана. Между тем, однако, я скорее склонен принять гипотезу о том, что курган имел воронкообразный вход, подобный входу в парк Cwn tumulus ([гравюра на дереве № 46](#)), и что в Plas Newydd ([гравюра на дереве № 47](#)), и показан пунктирными линиями на [гравюре на дереве № 64](#). Причина этого станет более очевидной, когда мы приступим к изучению курганов Лох-Крю, но очевидная легкость, с которой Амлафф и его брат датчане, по-видимому, ограбили эти гробницы в девятом веке, по-видимому, указывает на то, что входы тогда было нетрудно найти .

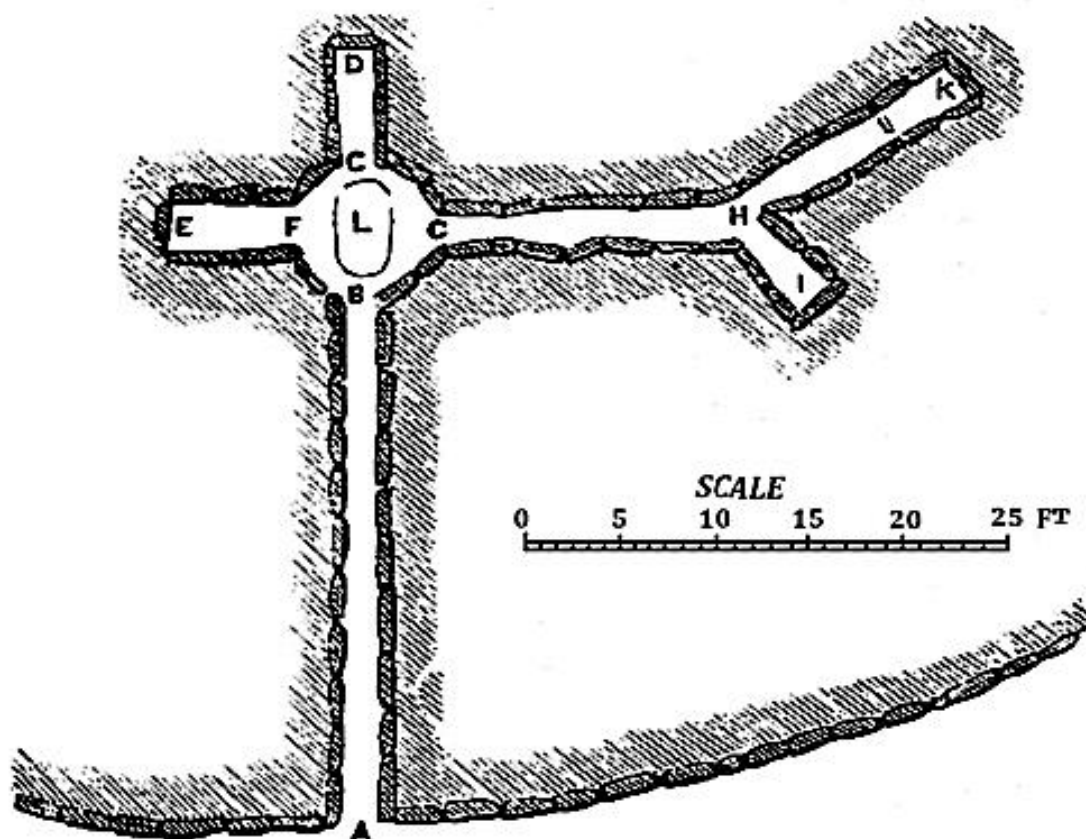
67. Филиал в Нью-Грейндж. От натирания.

68. Скульптурный знак в Нью-Грейндж с неопределившимся характером.

Орнаменты, покрывающие стены помещений в Нью-Грейндж, очень разнообразны как по форме, так и по характеру. Наиболее распространенный рисунок - спирали в различных сочетаниях, часто очень красивые. Кажется, что они всегда были нарисованы рукой, никогда не обрисовывались с помощью инструмента и никогда не были достаточно правильными ни по форме, ни по сочетанию. Приведенные выше гравюры на дереве из rubbings дают четкое представление об их общем виде, хотя многие из них гораздо сложнее, а некоторые более тщательно вырезаны. Самый обширный и, возможно, также самый красивый - это тот, что находится на внешнем пороге.^[248] Эти спирали, однако, редко встречаются сами по себе, но чаще встречаются в сочетании с зигзагообразными орнаментами, как на ([гравюра на дереве № 66](#)) и в ромбовидных узорах; фактически, во всех мыслимых разновидностях, которые, казалось, соответствовали фантазии художника или форме камня, над которым он работал. В одном случае определенно подразумевалась растительная форма. Могут быть и другие, но этот, несомненно, представляет собой либо пальмовую ветвь, либо папоротник; у меня сложилось впечатление, что это первое, хотя каким образом знания о восточном растении дошли до Нью-Грейнджа, ни в коем случае не ясно. Стоит привести еще один пример скульптур, если не из-за их красоты, то, по крайней мере, из-за их интереса ([гравюра на дереве № 68](#)). Он нарисован в натуральную величину во втором томе "Археологии", стр. 238, и губернатор Паунолл после тщательного изучения приходит к выводу, что символы - финикийские, но только цифры ([стр. 259](#)). Генерал Вэлленси и другие не были столь скромны;

но одно кажется совершенно очевидным, что это не иероглиф ни в одном из известных ныне алфавитов. Тем не менее, это вряд ли может быть простым украшением. Это должен быть либо знак каменщика, либо какой-то узнаваемый символ, что-то, обозначающее положение камня, на котором он выгравирован, или принадлежность его какому-то лицу. Подобные знаки встречаются и во Франции, но кажутся там столь же лишенными какого-либо узнаваемого значения.

69. Покои в Кургане в Дауте. С плана мисс.

Третий из этих огромных курганов на реке Бойн известен как курган Даут. Возможно, Петри прав, отождествляя его с третьей гробницей, разграбленной датчанами в 862 году. Он был исследован Комитетом Королевской ирландской академии в 1847 году, но без каких-либо удовлетворительных результатов. Сбоку от него к центру была проделана огромная рана, которая страшно изуродовала его форму,^[249] но никакой центральной камеры достичь не удалось; но на западной стороне был обнаружен небольшой вход, ведущий к проходу, который простирался на 40 футов 6 дюймов (от А до D) внутрь. На расстоянии 28 футов от входа он образовывал небольшую куполообразную камеру с тремя ответвлениями, очень похожую на ту, что была в Нью-Грейндж, но меньшего масштаба. В центре этой квартиры находился один большой плоский бассейн (L), похожий по форме и, без сомнения, по назначению на три бассейна в Нью-Грейндж, но гораздо большего размера, размером 5 на 3 фута. Южная ветвь камеры простирается до К в криволинейной форме примерно на 28 футов, где в настоящее время она остановлена большим камнем, а другой частично загораживает проход на расстоянии 8 футов перед конечным камнем.

Академия еще не опубликовала никакого отчета о своих раскопках, и, насколько мне известно, нигде не существует плана кургана. Неизвестны даже его размеры. Пока это не будет установлено, все выглядит так, как будто эта камера находилась в конверте, подобном

тому, который, как только что предположили, существовал в Нью-Грейндж. В этом случае первоначальный курган, вероятно, имел 120 футов в диаметре, а его окружность - 200 футов.

Стены покоев этой гробницы украшены еще более богатым и искусным орнаментом, чем стены покоев в Нью-Грейндж, и выполнены в более изысканном стиле. В целом я был бы склонен считать его более современным, чем его более внушительный соперник.

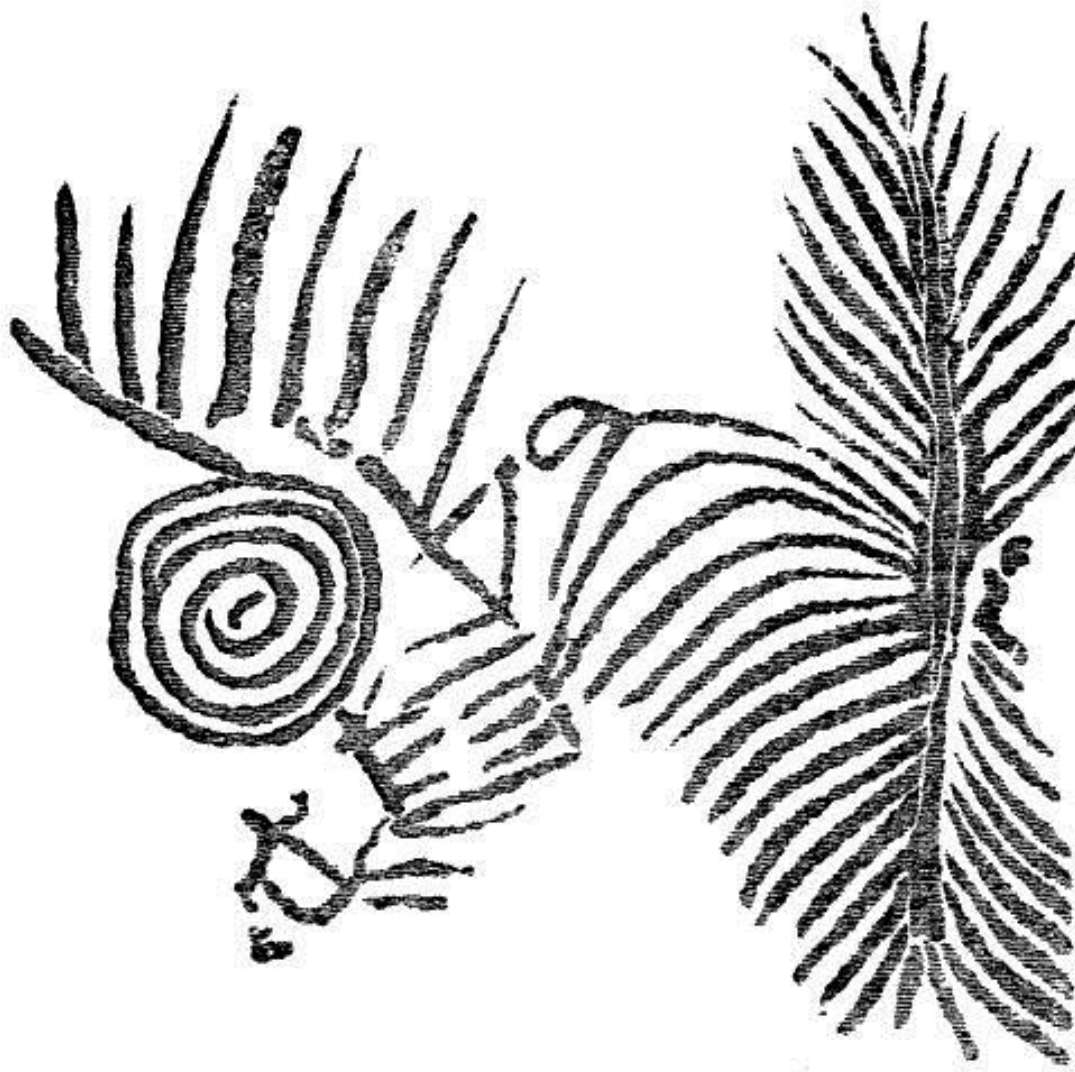
Открыт еще один небольшой курган на кладбище. Он расположен на территории Неттервиль-Хаус. Однако это всего лишь миниатюрное повторение центральных залов его более крупных собратьев, но без скульптур или каких-либо других заметных особенностей.

Курган, называемый Гробницей Дагдхи, и десять или двенадцать других, которые все еще существуют на этом кладбище, все, насколько известно, нетронуты и все еще остаются наградой за трудолюбие первого исследователя. Если три больших кургана были разграблены датчанами, что представляется вероятным, этого достаточно, чтобы объяснить отсутствие обычных погребальных сокровищ, но из этого ни в коем случае не следует, что остальные были бы столь же безрезультатны. Напротив, поскольку нет никаких свидетельств о том, что они были вскрыты, и на их боках нет следов ран, мы можем ожидать, что они могут быть целы и что кости и доспехи великого Дагдхи все еще могут быть найдены в его почитаемой могиле.

В больших курганах в Нью-Грейндж и Дауте не было найдено ничего, что пролиvalo бы дополнительный свет либо на их возраст, либо на лиц, которым они должны быть присвоены. Говорят, что в Нью-Грейндж были обнаружены два скелета, но при каких обстоятельствах, нам не сообщается, и, следовательно, мы не знаем, считать ли их первоначальными или вторичными захоронениями. Находка монеты Валентиниана упоминается Ллуидом в 1699 году, но он просто говорит, что они были найдены на вершине, или, скорее, как можно предположить, около вершины, когда она была обнаружена при разборке камней для строительства дорог и подобных целей. Если бы она была найдена в камере, как в Minning Low, это дало бы нам дату, дальше которой мы не могли бы подняться, но когда и при каких обстоятельствах была найдена монета Феодосия, не сообщается, равно как и то, что с ней стало. Более важная находка была сделана лордом Альбертом Кунингхэмом в 1842 году. Несколько рабочих, которых наняли для раскопок в кургане у входа, обнаружили два великолепных золотых ключа, брошь и золотое кольцо, а вместе с ними золотую монету Гета[250] (205-212 гг. н.э.). Похожее золотое кольцо было найдено примерно в то же время в камере и находится у миссис Колдуэлл, жены владельца. Хотя мы могли бы усомниться в ценности выводов, которые можно сделать на основании первой находки монет, это дополнительное свидетельство кажется убедительным. Трех римских монет, найденных в разных местах, в разное время, с резбовыми элементами и кольцами, по-видимому, вполне достаточно, чтобы доказать, что он не мог быть возведен ранее 380 года, в то время как вероятной датой его завершения может быть около 400 года н.э. Однако оно могло быть начато на пятьдесят или шестьдесят лет раньше. Наиболее вероятно, что строительство такой гробницы, как эта, было начато королем, останки которого ей было суждено содержать; но насыпь над комнатой не насыпали бы до тех пор, пока там не был бы похоронен сам король и, вероятно, его жены и сыновья, и, следовательно, между началом и завершением строительства такого памятника могло пройти значительное время.

В Дауте был обычный разнообразный ассортимент вещей. Большое количество шаровидных каменных дробей, вероятно, камней для пращи; а в камере фрагменты обожженных костей, многие из которых оказались человеческими; стеклянные и янтарные бусы уникальной формы, фрагменты браслетов из гагата, любопытная каменная пуговица, малоберцовая

кость, костяные набедренные повязки, медные булавки, железные ножи и кольца. Несколько лет назад джентльмен, живущий по соседству, расчистил часть прохода и нашел несколько железных предметов старины, несколько костей млекопитающих и небольшую каменную урну, которую он подарил Ирландской академии.^[251] В той мере, в какой отрицательные свидетельства представляют ценность, можно отметить, что ни в одном из этих курганов не было найдено ни кремневых орудий, ни чего—либо бронзового — если только медные булавки не относятся к этой категории - ни в одном из этих курганов.

70. Украшение в Дауте. От натирания.

71. Украшение в Дауте. От натирания.

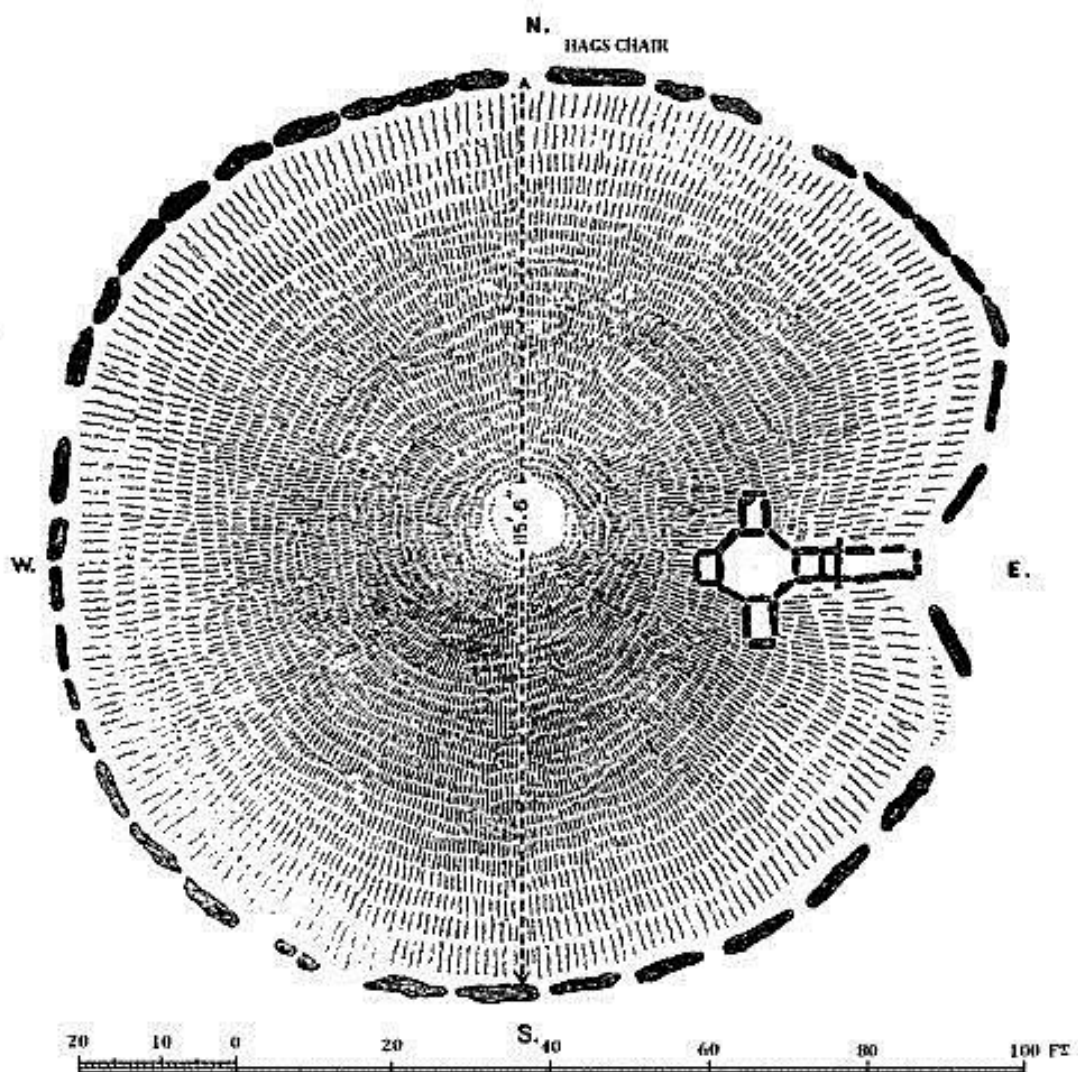
Украшения, найденные внутри покоев в Дауте, в целом схожи с украшениями в Нью-Грейндж, но в целом более тонкие и утонченные. Предполагая прогрессивный характер ирландского искусства, в чем я не вижу причин сомневаться, они указывали бы на более современную эпоху, и это, учитывая другие обстоятельства, кажется более чем вероятным. Хотя спирали встречаются часто, орнаменты Даута больше напоминают свободно прорисованные растительные формы. Идентифицировать фигуры на прилагаемой ксилографии (№ 70) не так просто, как на пальмовой ветви в Нью-Грейндж ([ксилография № 67](#)), но нет никаких сомнений в том, что целью было имитировать растительную природу. В других случаях вводятся формы, которые, как мог бы предположить искусственный антиквар, предназначались для змей, или письменности, или, во всяком случае, имели какое-то оккультное значение. Прилагаемый фрагмент растирания любопытен, поскольку нечто очень похожее встречается на камне в Коилсфилде, в Эйршире, и, возможно, действительно наводит на мысль, но о какой природе мы пока не в состоянии догадаться. Он не так похож на алфавитный иероглиф, как в Нью-Грейндж ([гравюра на дереве № 68](#)), и пока не будет доказано, что он имеет значение, вряд ли стоит строить догадки относительно этого. Мы будем в лучшем положении, чтобы судить о ценности или важности этих украшений с художественной или хронометрической точки зрения, когда изучим памятники в Лох-Крю и в других местах; но даже независимо от таких соображений, никто не может рассматривать памятники на берегах Бойна, не будучи пораженным элегантностью, а также бесконечным разнообразием орнаментов, покрывающих их стены.

Однако, если материальных доказательств недостаточно, письменные свидетельства более ясны и удовлетворительны, чем в отношении любой группы гробниц в трех королевствах. В процитированном выше отрывке говорится, "что они" — короли Ирландии — "были похоронены в Бруге со времен Кримтанна (76 г. н.э.) до времен Леогера, сына Найла (458 г. н.э.), за исключением трех человек, а именно Арта, сына Конна, и Кормака, сына Арта, и Найла из девяти заложников" - отца Леогера. Названная причина, по которой Арт и Кормак не были похоронены здесь, заключалась в том, что они приняли христианство. Арт был похоронен в местечке под названием Треуа; Кормак - на правом берегу Бойна в местечке под названием Рос-на-ри, напротив Бруга; а Найл - в Очайме. Но после того, как мы избавились от этих троих, нам еще предстоит найти могилы для двадцати семи королей, и только семнадцать курганов теперь можно проследить в Бруге; и, кроме них, нам нужно найти могилы Дагдхи и трех его сыновей, поэтессы Этан и ее сына Корпре, и Боинн, жены Нехтана, "которая взяла с собой в могилу свою маленькую собаку Дабиллу", и огромного числа дворян Туата де Дананн и других. Невозможно найти места для всех этих людей в видимых сейчас могилах, если каждый был похоронен отдельно. Возможно, однако, что в больших курганах находилось несколько гробниц. Форма и расположение камер в Дауте ([гравюра на дереве № 69](#)), возможно, подтверждают такое предположение; но многие из них могли быть погребены под пирамидами меньшего размера, которые давным-давно убрали, чтобы освободить место для сельскохозяйственных улучшений, и многие еще могут быть обнаружены, если место будет тщательно и систематически исследовано, чего, по-видимому, пока сделано не было. Однако, прежде чем можно было бы прийти к чему-либо похожему на определенность относительно распределения этих захоронений, необходимо было бы тщательно исследовать большие курганы, а это, исходя из характера их материала, практически повлечет за собой их разрушение, о чем было бы очень жаль. Между тем, если мне будет позволено высказать предположение, я бы сказал, что Нью-Грейндж может быть "Кумотом или Соразмерной могилой Кэрбр Лайфчер". Он, согласно Четырем Учителям, правил с 271 по 288 год — но, вероятно, на пятьдесят или шестьдесят лет позже - и, по-видимому, был

королем, заслуживающим настоящей королевской гробницы; и я чувствую большую уверенность в том, что неоткрытый курган у реки может быть тем, о чем говорит традиция, — могилой Великого Дагдхи, героя Мойтуры. Что касается остальных, то при нынешнем состоянии наших знаний было бы небезопасно высказывать какое-либо мнение. На данный момент достаточно быть уверенным в том, что у нас есть группа памятников, все или почти все из которых были возведены в первые четыре столетия христианской эры, и на этой основе мы можем с достаточной уверенностью рассуждать о других группах, с которыми мы можем встретиться в ходе этого исследования.

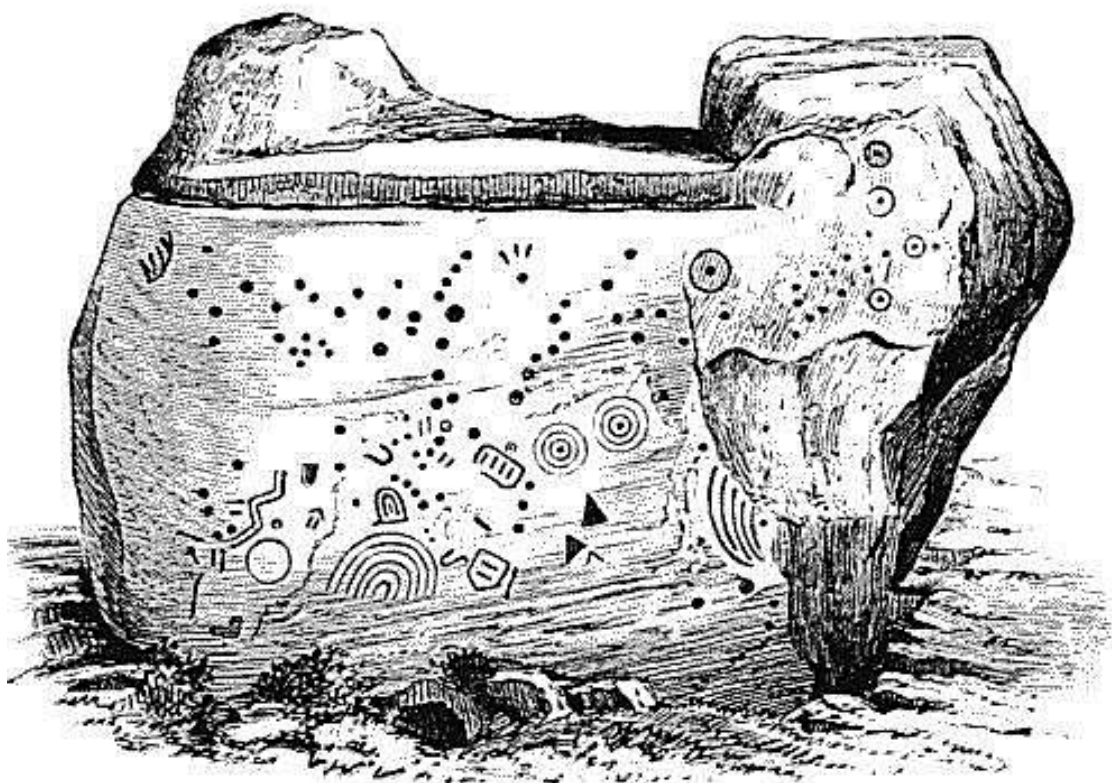
Команда Лох.

На расстоянии двадцати пяти миль почти точно к западу от Бруг-на-Боинн и в двух милях к юго-востоку от Олдкасла находится гряда холмов, названных на Артиллерийской карте Слив-на-Каллиаг - холмом ведьм. Это более чем на 200 футов над уровнем моря и самая заметная возвышенность в этой части страны. На гребне этого хребта, протяженностью около двух миль, расположено от двадцати пяти до тридцати пирамид, некоторые из которых значительных размеров, от 120 до 180 футов в диаметре; другие гораздо меньше, а некоторые настолько почти стерты с лица земли, что их размеры сейчас едва ли можно установить. Еще семь или восемь лет назад это кладбище было совершенно неизвестно ирландским антикварам, и расположение пирамид едва ли было указано даже в Артиллерийской службе; но в 1863 году они привлекли внимание мистера Юджина Конвелла из Трима. В 1867-8 годах ему удалось, при содействии покойного мистера Нейпера из Лох Крю, владельца участка, произвести раскопки и исследовать их все. Краткий отчет о полученных им результатах был представлен Королевской Ирландской академии в 1868 году, а затем напечатан им для частного обращения в 1868 году; но более масштабная работа с планами и рисунками, в которой он намеревается полностью проиллюстрировать все это, все еще приостановлена из-за отсутствия поддержки. Когда она будет завершена, это будет один из самых ценных вкладов в наши археологические знания, которые мы получили за последние годы. Между тем следующие скудные сведения почерпнуты из брошюры мистера Конвелла и информации, которую я почерпнул во время личного визита, который я совершил на это место в его компании осенью прошлого года. Все иллюстрации взяты из его рисунков.

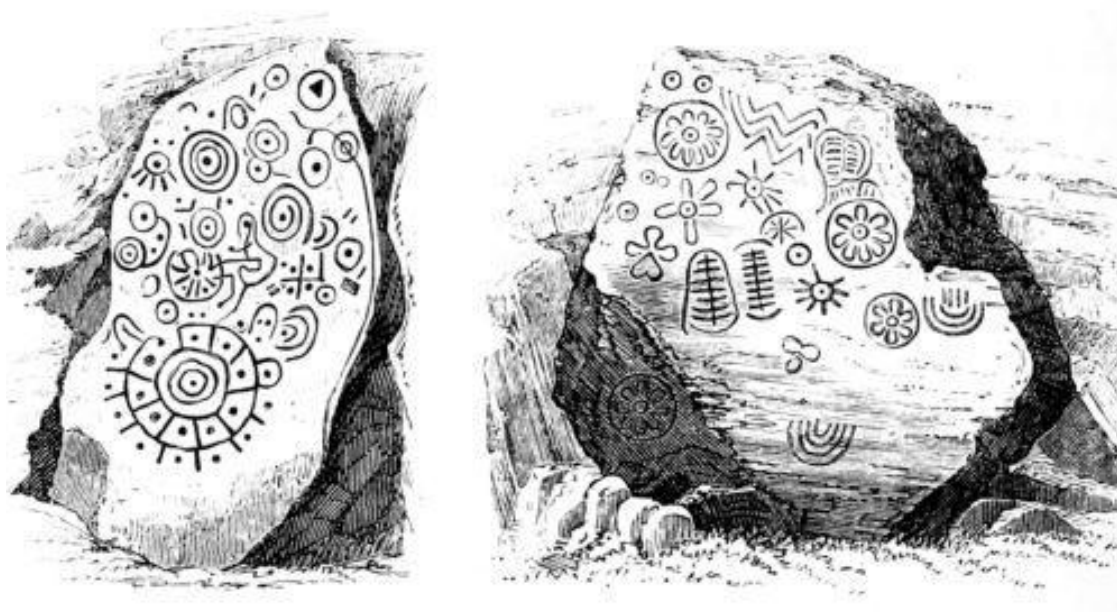
72. Пирамида Т в Лох—Крю. - По плану Э. Конвелла.

Одним из наиболее совершенных из этих курганов является тот, который мистер Конвелл назвал пирамидой Т ([гравюра на дереве № 72](#)). Он стоит на самой высокой точке холма и, следовательно, наиболее бросается в глаза. Это усеченный конус, 116 футов в диаметре у основания, с наклонной стороной, длиной от 60 до 70 футов. Вокруг его основания расположены тридцать семь камней, уложенных по краям и варьирующихся от 6 до 12 футов в длину. Они не отсоединены, как в Нью-Грейндж, а образуют подпорную стенку насыпи. На севере, примерно в 4 футах от круга, находится большой камень длиной 10 футов, высотой 6 футов и толщиной 2 фута, следовательно, весящий более 10 тонн. Верхняя часть выполнена в виде грубого сиденья, от которого и произошло его название "Кресло ведьмы" ([гравюра на дереве № 73](#)), и нет никаких сомнений в том, что оно предназначалось как сиденье или трон; но был ли это царь, воздвигший гробницу, или с какой целью, сейчас сказать трудно.

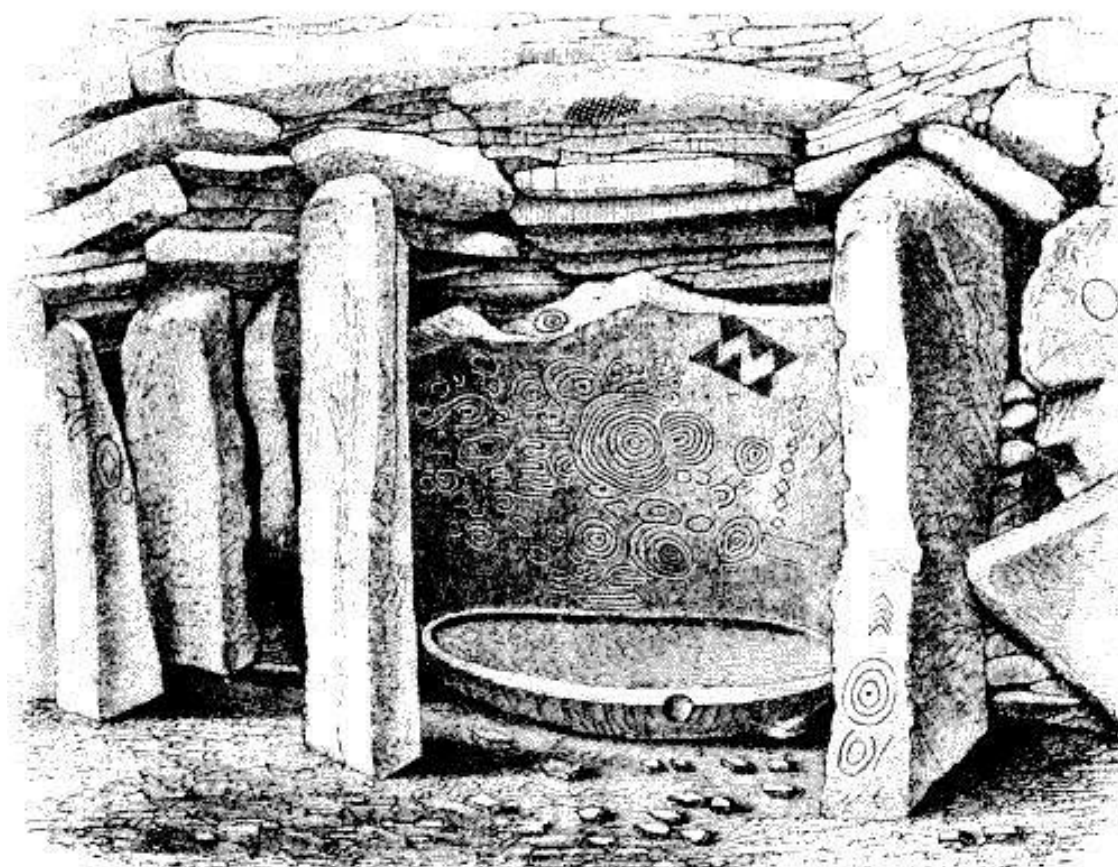
73. Кресло ведьмы, Лох Крю. — С рисунка Э. Конвелла.

На восточной стороне насыпи камни, образующие периферию пирамиды, загибаются внутрь на восемь или девять ярдов с каждой стороны от того места, где начинается вход в пещеру. Он имеет обычную крестообразную форму и 28 футов в длину от входа до плоского камня, закрывающего самую внутреннюю камеру; следовательно, купол находится не почти под центром кургана, как в Нью-Грейндж, и придает некоторую вероятность представлению о том, что камера в Дауте ([гравюра на дереве № 69](#)) действительно была главной усыпальницей. Двадцать восемь камней в камере были украшены различного рода приспособлениями. Двое из них представлены на прилагаемой гравюре на дереве (№ 74), которая вместе с рисунками на стуле Ведьмы дает четкое представление об их общем характере. Они, безусловно, более грубые и менее артистичные, чем на реке Бойн, и пока что указывают на более ранний возраст. В камерах этой гробницы не было найдено ничего, кроме большого количества обугленных человеческих костей, идеальных человеческих зубов, смешанных с костями животных, по-видимому, оленей, и одной бронзовой булавки длиной 2 с половиной дюйма, со слегка украшенной головкой и стержнем, все еще сохраняющей красивый зеленый блеск.

74. Два камня в пирамиде Т, команда Лох. —Э. Конвелл.

Пирамида L ([гравюра на дереве № 75](#)), расположенная немного западнее, имеет 135 футов в диаметре и окружена сорока двумя камнями, подобными тем, что находятся в пирамиде Т. Такой же изгиб внутри этих камней отмечает здесь вход, который расположен в 18 футах от внешней линии круга. Камера здесь почти тех же размеров, что и описанная ранее, - 29 футов в глубину и 13 в ширину. В одной из боковых камер находится самая большая из загадочных плоских чаш, которые когда-либо были обнаружены, 5 футов 9 дюймов в длину и 3 фута 1 дюйм в ширину, вся она обработана и подобрана с такой тщательностью и мастерством, как будто выполнена современным каменщиком. У этого есть любопытная зазубрина на ободке, но поскольку она не проходит насквозь, вряд ли ее можно использовать в качестве носика. До тех пор, пока не будет найдена какая-нибудь нераскрытая гробница или что-то аналогичное в других странах, чрезвычайно трудно сказать, как именно могли использоваться эти большие каменные блюда. То, что на них было положено тело или прах, более чем вероятно, и затем они могли быть накрыты крышкой, похожей на крышку для посуды, какую находят на гробницах в Южной Вавилонии.^[252] Под этим бассейном было найдено большое количество обугленных человеческих костей и сорок восемь человеческих зубов, помимо идеально округлого сиенитового шара, все еще сохраняющего свой первоначальный блеск, а также несколько гагатов и других украшений. В других местах было найдено большое количество обугленных костей, несколько грубых глиняных изделий и костяных орудий, но никаких металлических предметов. Гравюра на дереве, изображающая келью с большой чашей, дает четкое представление об общем стиле скульптуры в этой и соседних пирамидах. Части, заштрихованные крест-накрест, похоже, были выгравированы острым металлическим инструментом. Обычные формы, однако, как здесь, так и на Бойне отбираются; но были ли они выполнены молотком, прямой киркой или зубилом, приводимым в движение молотком, ни в коем случае не ясно. Мое собственное впечатление таково, что было бы действительно очень трудно выполнить эти узоры любым молотком и что должно было использоваться долото, но из кремня, бронзы или железа, нет никаких доказательств.

75. Камера в Кэрн—Л, в Лох-Крю. -Э. Конвелл.

Пирамида Н, хотя и имеет всего 5-6 футов в высоту и 54 фута в диаметре, по-видимому, была единственной на холме, не подвергавшейся ранее раскопкам, и предоставила исследователю самую удивительную коллекцию предметов. Камера имела обычную крестообразную форму, 24 фута от входа в заднюю часть и 16 футов в поперечнике боковых камер. В проходе и склепах этой пирамиды мистер Конвелл собрал около 300 фрагментов человеческих костей, которые, должно быть, принадлежали значительному числу отдельных людей; 14 фрагментов грубой керамики, 10 кусочков кремня, 155 морских раковин в отличном состоянии, не считая гальки и мелких полированных камешков, в большом количестве.

Наиболее примечательная часть коллекции состояла из 4884 фрагментов, более или менее совершенных, костяных орудий. Сейчас они находятся в Дублинском музее и выглядят как остатки запасов производителя ножей для разрезания бумаги. Большинство из них имеют форму ножа, и почти все более или менее отполированы, но без дополнительных украшений; но 27 фрагментов, по-видимому, были окрашены, 11 перфорированы, 501 с выгравированными рядами тонких линий; 13 гребней были выгравированы с обеих сторон, а 91 с выгравированными циркулем кругами и кривыми высокого уровня искусства. На одном из них перекрестными штриховками изображен олень с рогами - единственная попытка изобразить живое существо в коллекции.

Кроме того, в этой пирамиде были найдены семь бусин янтаря, три маленькие стеклянные бусинки разных цветов, два осколка и любопытная капля расплавленного стекла длиной 1 дюйм, имеющая форму трубы на одном конце и сужающаяся к другому концу; шесть совершенных и восемь фрагментов бронзовых колец и семь образцов железных орудий труда, но все, как и следовало ожидать, сильно изъеденные ржавчиной. Один из них по

внешнему виду напоминает ножку циркуля, с помощью которого, возможно, были выгравированы костяные орудия труда, а другой - железный пробойник длиной 5 дюймов с острием в форме долота, свидетельствующим об использовании молотка на противоположном конце.

Пирамида из камней D - самый большой и важный памятник группы, ее диаметр составляет 180 футов, и хотя она очень сильно обветшала, круг из пятидесяти четырех камней, который первоначально окружал ее, все еще можно проследить. На его восточной стороне камни загибаются внутрь примерно на двенадцать шагов в форме, характерной для этих пирамид; но хотя исследователи усердно искали то, что они считали верной "находкой", они не могли проникнуть внутрь кургана. Камни падали на них так быстро, а риск, которому они подвергались, был так велик, что они были вынуждены отказаться от идеи прокладывания туннеля, и хотя большая группа людей усердно работала в течение двух недель, пытаясь спуститься сверху, им не удалось проникнуть ни в центральную, ни в какие-либо другие помещения. Таким образом, до сих пор остается загадкой, существует ли слепой топ, как многие в Индии, или же его секрет все еще остается для того, чтобы вознаградить какую-нибудь более удачливую группу исследователей. Если у него нет центральной камеры, то изгибание вовнутрь внешнего круга из камней является любопытным примером приверженности священной форме.

Другие памятники на холме не представляют никаких особенностей, достойных перечисления в общем обзоре, подобном настоящему, хотя они были бы наиболее интересны в монографии. Хотя они сильно различаются по размеру и богатству орнамента, все они принадлежат к одному классу и, по-видимому, к одной эпохе. Для нашей нынешней цели одной из наиболее интересных особенностей является то, что, как и группа на берегу Бойна, это, по сути, кладбище. На самом деле здесь нет ни кругов, ни дорожек, ни дольменов, ни грубых каменных памятников. Все они тщательно построены и все более или менее украшены; и во всей серии наблюдается градация и прогрессия, сильно отличающаяся в этом отношении от простоты и грубости английских памятников, описанных в предыдущей главе.

Теперь остается только попытаться установить, кто были те, кто был похоронен в этих курганах, и когда они были похоронены там до своего упокоения. Насколько позволяют имеющиеся в настоящее время доказательства, мне кажется, вряд ли можно сомневаться в том, что это кладбище Талтен, столь прославленное в ирландских легендах и поэзии:

"Воинство Великого Мита похоронено

Посреди Величественного Бруга;

Великие ультонцы привыкли хоронить

В Талтене с помпой.

"Истинные ультонцы до Конхобара,

Были когда-либо похоронены в Талтене,

До самой смерти этого торжествующего человека,

Из-за чего они потеряли свою славу".[253]

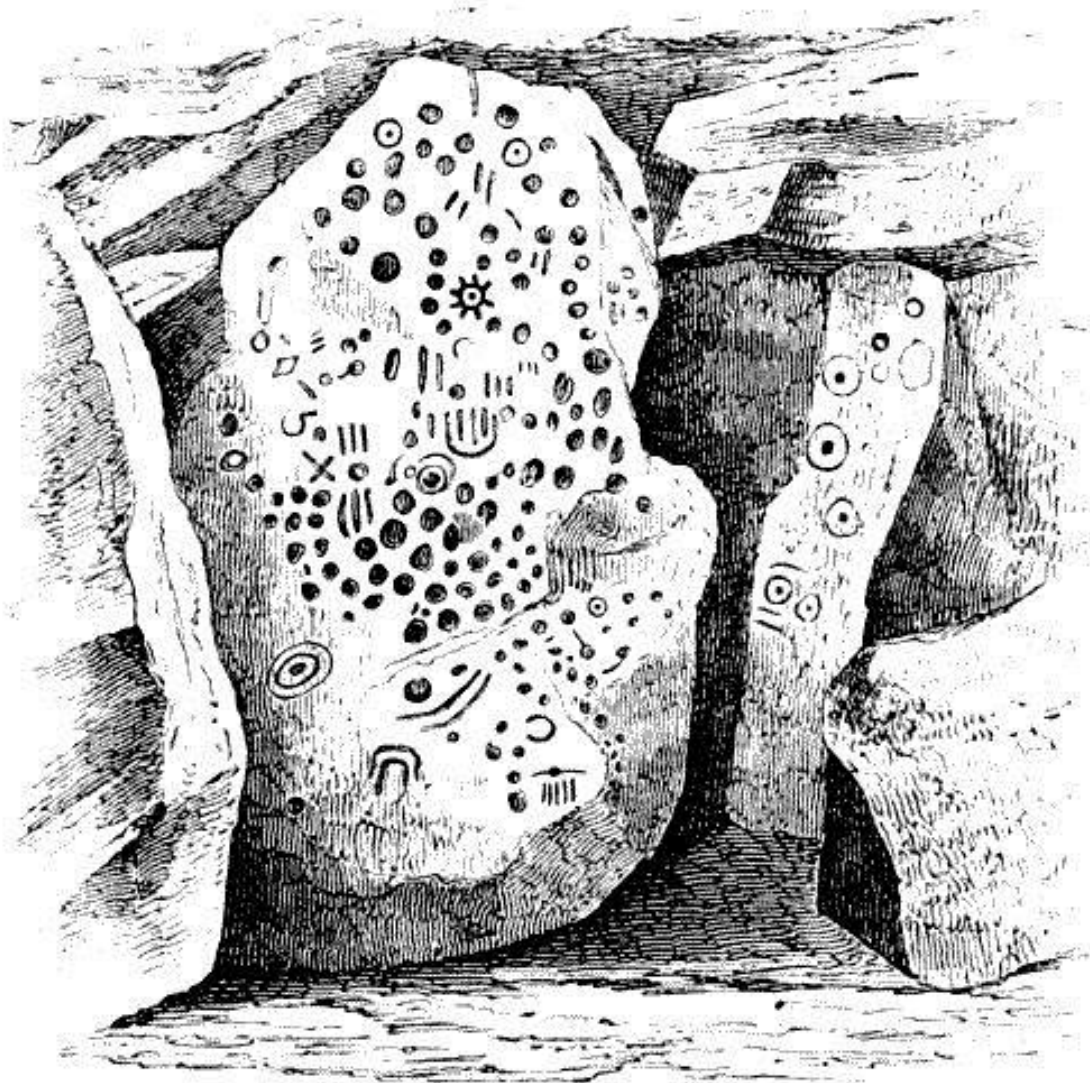
Расстояние этого места от Теллтауна, современного представителя Талтена, составляет двенадцать миль, что кому-то может показаться возражением, но следует помнить, что Бруг находится в десяти милях от Тары, где жили все короли, которые были там похоронены; а поскольку Датхи и другие из них были похоронены в Рат-Крогане, в шестидесяти пяти милях отсюда, расстояние вряд ли является возражением. Действительно, среди народа, который, как свидетельствуют его памятники, уделял столько внимания погребальным обрядам и церемониальным почестям своим умершим, как, очевидно, делали ирландцы-язычники, должно было мало иметь значения, находилось ли место последнего упокоения одного из их королей на несколько миль ближе или дальше от его резиденции.

Однако не следует забывать, что настоящей резиденцией ультонцев, которые, как говорят, были похоронены в Талтене, была Эмания, или Арма, в сорока пяти милях по прямой. Почему они предпочли быть похороненными в Мите, так близко от соперничающей столицы Тары, если этот знаменитый город тогда существовал, - загадка, разгадать которую нелегко; но то, что это было так, кажется несомненным, если вообще можно полагаться на традиции или Книги ирландцев. Если их настоящее место жительства было так далеко, то, по-видимому, не имеет большого значения, находилось ли оно в десяти или двенадцати милях от того места, которое мы теперь знаем как Теллтаун. Должна была быть какая-то очень веская причина, побудившая ультонцев хоронить так далеко от своих домов; но поскольку эта причина не была зафиксирована, бесполезно пытаться угадать, какую форму она приняла. То, что могло бы показаться наиболее разумным предположением цивилизованному саксу в девятнадцатом веке, по всей вероятности, было бы прямой противоположностью мотиву, который руководил нецивилизованным кельтом в первом веке до Рождества Христова, и поэтому мы можем с таким же успехом отказаться от этой попытки. Какая-то иная причина, помимо простой близости к месту жительства, руководила ирландцами при выборе места расположения своих кладбищ; что это было, мы сможем выяснить позже, — в настоящее время, насколько мне известно, материалов для формирования мнения не существует. Если, однако, это не Талтен, то ближе к Теллтауну не было найдено могил, которые вообще соответствовали бы сохранившимся у нас описаниям этого знаменитого кладбища; и, пока они не найдены, эти холмы Лох-Крю, безусловно, заслуживают этого отличия. Я не вижу, чтобы этот вопрос вызывал сомнения.

Если это так, то нетрудно определить, кто был похоронен здесь. Помимо свидетельства только что процитированного стихотворения, в книге "Кладбища" говорится: "В Тайлтене короли Ольстера хоронили виг¹. Оллам Фодхла со своими потомками вплоть до Конхобара, который пожелал, чтобы его перенесли в место между Слиа и морем, лицом к востоку, из-за веры, которую он принял". Это обращение Конхобара - одна из самых известных легенд в древней истории Ирландии. Он был ранен в голову пулей, которая осталась там, и врач приказал ему сохранять спокойствие и избегать любых волнений, поскольку это был его единственный шанс выжить. В течение семи лет он следовал этому совету; но когда он увидел солнечное затмение и почувствовал великую судорогу, охватившую природу в день распятия Христа, он повернулся к своему Друиду и спросил: "Что это?" На что Бакрах, Друид, ответил: "Это правда, воистину, Христос, Сын Божий, в этот день распят евреями". "При описании этой чудовищности Конхобар пришел в такое негодование, что чуть не сошел с ума: его возбуждение было так велико, что шар вылетел у него из головы, и он умер в ту самую пятницу, в которую произошло распятие".^[254] Все это может быть достаточно глупо, поскольку электрический телеграф тогда не использовался, но это стоит процитировать здесь, поскольку кажется, что именно для установления этой синхронности хронология

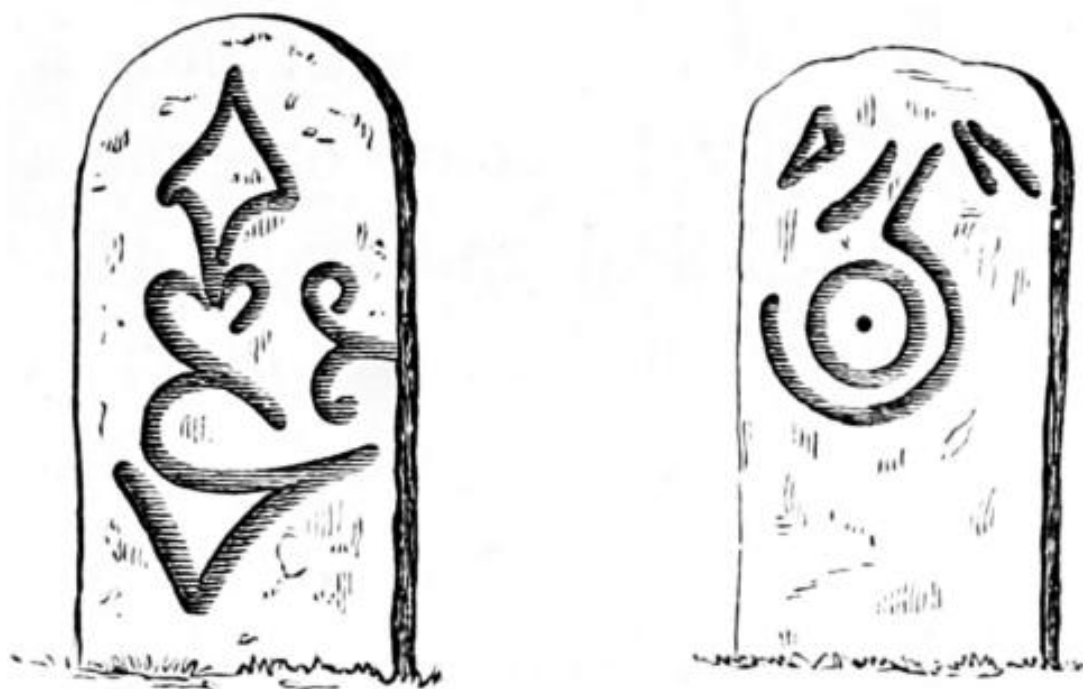
периода была фальсифицирована по меньшей мере на полвека. Конхобар и Кримтханн были двумя королями двух великих династий, правивших тогда в Ирландии, которых летописцы стремятся приурочить к Христу, и хотя им это не удастся, они без особых сомнений устанавливают, что эти короли были современниками. Если к этому мы добавим факт, столь часто повторяемый цитируемыми выше авторитетными источниками, что Конхобар был последним представителем своего рода, похороненным в Талтене, и что Кримтханн был первым представителем своего рода, похороненным в Бруге, мы получим достаточно ясное представление об истории этих кладбищ. Бруг, фактически, унаследовал Талтен после упадка династии Ултонов и возвышения Туата де Дананн после того, как победы при Мойтуре установили их господство и они обосновались в Таре.

Характер скульптур в двух группах памятников полностью подтверждает это мнение. Резьба в Лох-Крю более грубая и менее художественная, чем в Бруге. Она более разрозненная и чаще всего представляет собой просто знаки на чашках. Три камня, представленные на предыдущей и последующих гравюрах на дереве (№ 75 и 76), выбраны из огромного количества в портфолио Конвелла как довольно средние образцы стиля скульптуры, распространенного в Лох-Крю, а гравюра на дереве № 73, изображающая кресло Ведьмы, и № 75, комната в пирамиде L, передаст точное представление о целом. Ни в одном случае, по-видимому, невозможно угадать, что должны были представлять эти цифры. Ни одно животное или растительное образование не может быть распознано, даже если дать максимальную волю воображению; круги или волнистые линии, похоже, не предназначены для передачи каких-либо живописных идей. Красота формы, как украшение, по-видимому, была всем, к чему стремился древний кельт, и в то время он, возможно, считался успешным, хотя вряд ли это производит такое же впечатление на современные умы. Изящные завитки, спирали и листва Нью-Грейнджа и Даута там не встречаются, как и ничего, хоть в малейшей степени приближающегося к ним. Действительно, когда выйдет книга мистера Конвелла, в которой все они будут описаны более или менее подробно, я полагаю, что будет легко организовать все это в прогрессивную серию, иллюстрирующую художественную историю Ирландии за пять столетий до прихода Святого Патрика.

76. Экипаж "Камня в пирамиде" Т. Лоха.—Э. Конвелл.

Было бы чрезвычайно опасной аргументацией применять этот закон прогрессивного развития ко всем странам. Особенно в Индии он очень часто меняется на противоположный. Самое грубое искусство часто гораздо современнее самого изысканного, но в Ирландии этого, по-видимому, никогда не было. От самых ранних нацарапок на каменных столбах, вплоть до английского завоевания, ее искусство, кажется, было неизменно прогрессивным; и, начиная с этих двух кладбищ, которые, вероятно, являются старейшими инкунабулами ее творчества, его историю можно было бы писать без пробелов или остановок, пока она не расцветет в тех изысканных рукописях, крестах и изделиях из золота и металла, которые до сих пор вызывают такое безоговорочное восхищение.

77. Камни в скульптурных могилах, Кловер-Хилл. По эскизу автора.

В Ирландии может быть и, без сомнения, есть много других скульптурных надгробий, но они еще не исследованы или, по крайней мере, не опубликованы. Один, однако, заслуживает внимания; конечно, не из-за своего великолепия, а из-за нескольких интересных моментов, которые выделяют его особенности. Он расположен в поле недалеко от Кловер-Хилл, недалеко от Кэрроумора, поля битвы при северной Мойтуре.^[255] Его размеры всего 7 на 5 футов, а глубина - 4½ фута. Его венчающий камень изначально находился на одном уровне с землей, и никакая пирамида из камней или круг из камней не отмечает его внешне, и нет никаких преданий о том, что что-либо подобное когда-либо существовало. Резьба на камнях, образующих камеру, неглубокая и сейчас очень нечеткая из-за того, что заросла лишайниками и мхом, но их общий характер будет понятен из прилагаемой гравюры на дереве. Его характер представляет собой нечто среднее между скульптурами Талтена и Бруга, что очень хорошо согласуется с его датой, если мы предположим, что оно связано с полем битвы. Это, однако, весьма сомнительно, поскольку мало что бросается в глаза при исследовании, кроме того факта, что все те памятники, которые прямо или косвенно связаны с полями сражений, буквально грубы и нетронуты резцом, но что все или почти все те, которые находятся на кладбищах или были неторопливо воздвигнуты теми, кто их занимает, более или менее украшены. Возможно, однако, что кто-то, связанный с битвой, пожелал быть похороненным рядом со своими товарищами, которые пали там, и подготовил это последнее пристанище для себя, но мы должны знать больше, прежде чем подобные предположения смогут иметь большую ценность.

Представляет интерес еще один момент, касающийся этой гробницы. Если бы второстепенные захоронения в Бруге были похожи на то, что находится на одном уровне с поверхностью, мы не можем предположить, сколько их еще может быть там неоткрытых, и столь же трудно сказать, как их можно извлечь из-под земли.

Дольмены.

Чрезвычайно трудно написать что-либо, что было бы хоть сколько-нибудь удовлетворительным относительно нескольких одиноко стоящих дольменов Ирландии. Не то чтобы их историю было, возможно, нелегко установить, но просто потому, что до сих пор все довольствовались тем, что считали их доисторическими, и поэтому никто не дал себе труда исследовать этот вопрос. Первым пунктом было бы установить, существует ли кто-либо из них на полях сражений, упомянутых в ирландских анналах. У меня сложилось впечатление, что они этого не делают, но на этот вопрос может дать удовлетворительный ответ только человек, более близко знакомый с древней политической географией Ирландии, чем я могу претендовать. Однако пока не было доказано, что существует какая-либо связь между ними и какими-либо известными полями сражений, и пока это не будет сделано, мы должны довольствоваться тем, что рассматриваем их как могилы вождей или выдающихся личностей, прах которых содержится в урнах, которые обычно находят под ними.

Еще более важный вопрос зависит от их географического распределения. Нет ничего более опасного, чем делать какие-либо важные выводы из того, что известно по этому вопросу в настоящее время. Если бы все те, что описаны в книгах и журналах ученых обществ, были отмечены на карте, можно было бы сделать вывод, что большинство из них находится на восточном побережье Ирландии; около дюжины в Уотерфорде и Уэксфорде; столько же в Дублине и Мите и столько же в графстве Даун. Но это знание может просто означать, что восточное побережье, где есть дороги и города, следовательно, более посещаемо туристами и антикварами, чем отдаленный или недоступный запад.

Однако среди записей Артиллерийской разведки и на чертежах Дю Нуайе, вероятно, имеется достаточно материалов для этой цели. Оба хранятся в Библиотеке Королевской ирландской академии в Дублине; но любой человек, который попытается использовать эти материалы для целей такого исследования, должен быть не только энтузиастом, но и иметь в своем распоряжении все свое время. Беспорядок, в котором они сейчас находятся, делает их совершенно бесполезными для любого рядового исследователя ирландских древностей.

У самих ирландцев, похоже, есть только одна традиция, касающаяся их дольменов. Они называют все это "Грядями Диармида и Грейна", и именно это название применяется к ним в отчетах Артиллерийской службы. Побег Диармида с Грейн, дочерью Кормака Мак Арта, датой которого, согласно "Четырем мастерам", был 286 год н.э., является одной из самых знаменитых ирландских легенд.^[256] История такова, что, преследуемые по всей Ирландии разочарованным женихом Финном, они возвели их как укрытия или для того, чтобы прятаться в них. Это, конечно, достаточно абсурдно; но это показывает, что, по мнению самих ирландцев, они принадлежат к периоду, прошедшему между рождением Христа и обращением народа в христианство. Ни в одной ирландской книге нет ни намека на то, что какие-либо из них были возведены до христианской эры, и ничего такого, что заставило бы нас предположить, что какие-либо из них более современны, чем времена святого Колумбы.

Самая обширная группа отдельно стоящих дольменов, о существовании которых известно в Ирландии, находится в Глен-Колумбкилле или его окрестностях, на крайней западной оконечности Донегола. Насколько мне известно, никаких отчетов о них опубликовано не было ни в одной книге или журнале, и всем, что я знаю о них, я обязан моему другу мистеру Норману Муру, который посетил это место этой осенью, чтобы получить информацию, которую я хотел, и именно из его описаний я извлек нижеследующее.^[257]

Основные группы расположены в Глен-Малин-Мор, небольшой долине, идущей параллельно долине Колумбкилла, примерно в двух милях к югу от нее. Есть три группы на северной стороне этой долины и две на южной, простирающиеся примерно на полмили от морского берега примерно на три мили вглубь. Самая прекрасная группа находится рядом с морем с южной стороны и состоит из шести дольменов, расположенных почти в ряд, примерно в 50 или 100 футах друг от друга, и сопровождается несколькими пирамидами из камней, но такими маленькими, что вряд ли заслуживают названия курганов. Высота камней дольменов колеблется от 6 до 12 футов, а их венчающие камни все еще на месте, хотя некоторые были смещены.

Вторая группа, расположенная немного выше по долине, состоит из десяти дольменов, расположенных в два параллельных ряда, но они не такие большие и не такие совершенные, как те, что ближе к морю.

Почти напротив названной группы на берегу, но на северной стороне ручья, находятся два дольмена, настолько близко примыкающих друг к другу, что их можно рассматривать почти как одно сооружение. Примерно в полумиле к востоку от этого находится четвертая группа, состоящая из четырех дольменов, сопровождаемых пирамидами, и, по крайней мере, две из первых отличаются значительным величием. Самая дальняя группа в долине состоит из пяти или шести дольменов, но все, кроме одного, в разрушенном состоянии.

Количество дольменов в Глен-Колумбкилле не указано мистером Муром; но, исходя из контекста, их должно быть пять или шесть, что составляет от двадцати до тридцати для всей группы. Насколько можно судить по описанию, группа в Глен-Колумбкилле, по-видимому, имеет лучше оборудованные и более законченные помещения; следовательно, я должен сделать вывод, что она более современная, чем другие. Однако для их классификации потребовался бы тщательный личный осмотр; хотя я не сомневаюсь, что это можно было бы сделать и что при некоторой осторожности эти шесть групп можно было бы расположить в последовательный ряд, какой бы ни оказалась начальная или конечная дата.

Общая конструкция и внешний вид этих гробниц аналогичны так называемому дому Калли Бирры в Мите, описанному далее ([гравюра на дереве № 80](#)). Судя по его положению и внешнему виду, нет особых оснований сомневаться в том, что Мит относится к пятому или шестому веку; и если это так, то столь же мало оснований сомневаться в том, что эти дольмены в Донеголе примерно того же возраста, или, другими словами, что этот способ погребения продолжал практиковаться в определенных частях Ирландии, особенно вблизи побережья, вплоть до полного обращения жителей в христианство.

Насколько я знаю, в этой долине нет никаких других традиций, связанных с чем-либо, кроме тех, которые касаются святого Колумбы, который, как предполагается, долгое время проживал здесь, пытаясь обратить жителей в христианство. Добился ли он успеха или нет, неясно. Он, конечно, с отвращением покинул Ирландию и поселился на первом острове, откуда не были видны берега его ненавистной родины. Единственная другая традиция, которая, по-видимому, имеет отношение к этому предмету, относится к святому Патрику, который, будучи не в состоянии обратить "Демонов" вокруг Кроу Патрика в Майо, загнал их в море; но вместо того, чтобы погибнуть, как им следовало, когда он бросил им вслед свой колокол, они появились снова и поселились на этом мысу.^[258] Смысл этой басни, по-видимому, в том, что некое племя — не кельтское, поскольку кельты принимали христианство, когда и где бы оно им ни проповедовалось, но, возможно, иберийского происхождения — отказавшись принять учение, было силой изгнано со своих мест в Майо и искало убежища у родственных племен в этом отдаленном уголке острова, и оставалось

здесь до тех пор, пока Святой Колумба поселился среди них. Если бы мы могли предположить, что группа колумбскиллов относится ко времени, непосредственно предшествовавшему их обращению, и что остальные пять групп в Малине Более распространены за два, три, возможно, за четыре столетия до времен Святого Колумбы, и что они принадлежали к иберийской или кельтиберской расе, у нас была бы гипотеза, которая, по крайней мере, объясняла бы все их особенности. Хотя в поле зрения находится Кэрроумор, расположенный на южной стороне залива Слайго, несомненно, что эти памятники не имеют никакого отношения к ним или к работам какой-либо из стран-строителей Северного круга. Они должны быть испанцами или французами; и мы вряд ли можем колебаться между двумя. Во времена Елизаветы и на протяжении всей истории испанцы селились в Голуэе и на западном побережье Ирландии. Такая колонизация, если она длится долго, не является результатом какого-либо внезапного импульса или давнего прошлого; и вполне вероятно, что иберийцы, еще до того, как научились говорить по-латыни, были поселены здесь с очень раннего возраста. Из того, что мы знаем о них и их памятниках на полуострове, также вероятно, что они отказывались от обращения в христианство в течение более длительного периода, чем кельты, и что они должны были использовать дольмены в качестве своих гробниц, предпочитая либо курганы, либо круги.

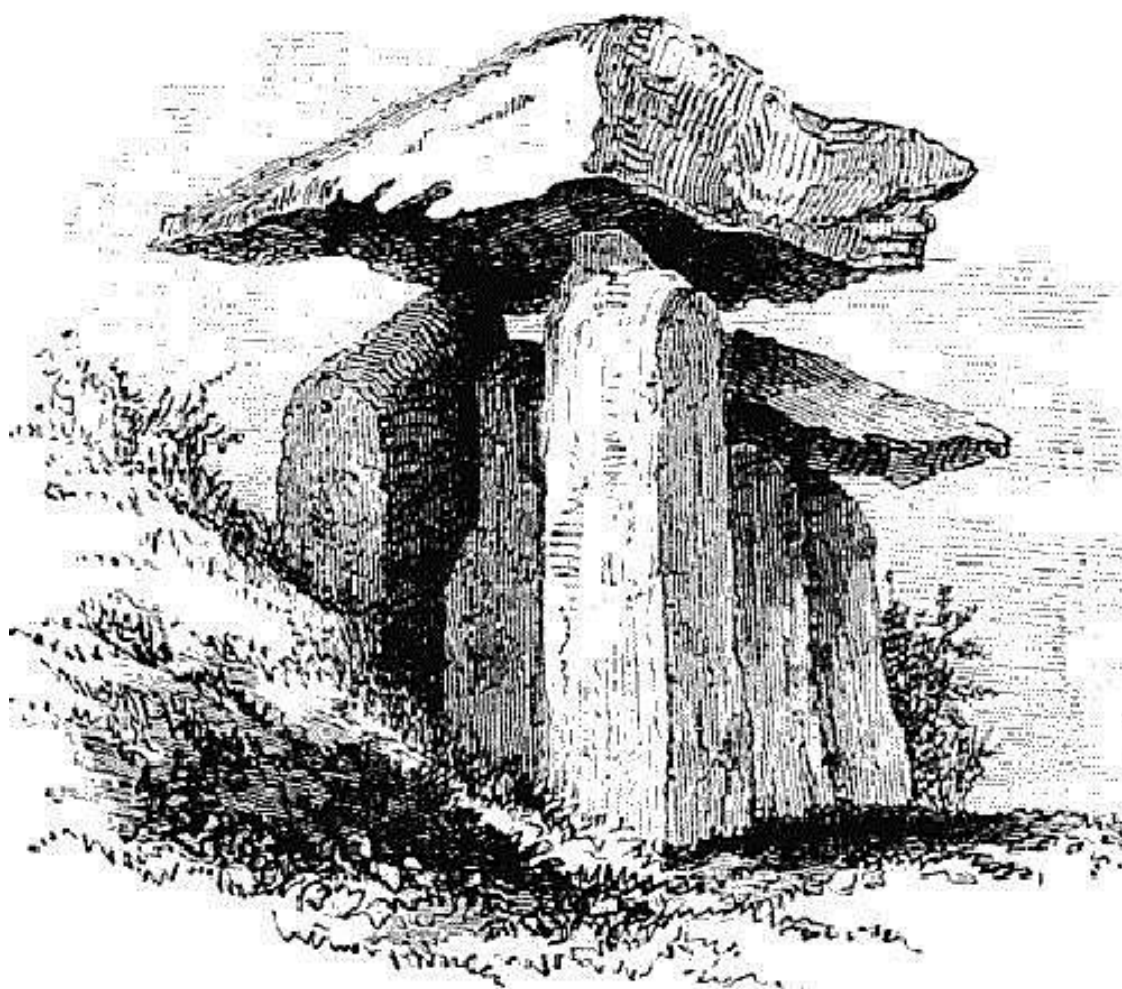
Как бы то ни было, есть по крайней мере два момента, которые мы можем считать негативными по отношению к этим дольменам. Во-первых, они не отмечают полей сражений: они не имеют ничего общего с подобными памятниками. Во-вторых, поскольку по соседству с ними нет столицы или плодородной местности, они не являются королевским кладбищем; на самом деле, на них не претендует, даже самым отдаленным образом, ни одна из королевских рас Ирландии. Насколько мы можем судить, это могилы иностранной колонии, обосновавшейся на этом месте. Вероятно это или нет, конечно, должно зависеть от сравнения этих памятников с памятниками в странах, из которых они, как предполагается, были привезены. Но, в то же время, это можно принять как гипотезу, которая, по крайней мере, объясняет явления такими, какими мы их находим в Ирландии, даже если судить об этом только по их собственным внутренним свидетельствам.

Один из самых интересных ирландских дольменов, известный как Могила гиганта, находится недалеко от Драмбо, примерно в четырех милях к югу от Белфаста. Интерес, связанный с этим памятником, однако, проистекает не столько из величия самого сооружения, хотя его можно считать первоклассным образцом и весьма сносно совершенным, сколько из-за его уединенного расположения в центре самого большого круга на этих островах, за исключением Эйвбери. Круг имеет около 580 футов в диаметре и, следовательно, более шести акров в длину и образован не так, как в Эйвбери или Арбор-Лоу, вырытым внутри рвом и полученной таким образом землей, используемой для образования вала, а путем выравнивания вершины холма и разбрасывания удаленной при этом земли так, чтобы образовался круглый амфитеатр. Хотя, следовательно, вал снаружи не такой высокий, как в Эйвбери, поскольку вся внутренняя поверхность была понижена, внутренний эффект гораздо грандиознее.^[259]

Какова же тогда была цель этого грандиозного земляного сооружения с единственным одиноким дольменом в центре? Было ли это просто противоположностью такому кургану, как в Нью-Грейндж? Было ли дело в том, что вместо того, чтобы засыпать землей гробницу, они расчистили ее и расположили вокруг, чтобы придать ей достоинство? Или дело было в том,

что вокруг гробницы проводились погребальные игры или церемонии и что амфитеатр был подготовлен для придания достоинства их проведению? На эти вопросы можно будет ответить только тогда, когда будет известно больше об этих кругах и они будут сопоставлены друг с другом, а весь предмет будет подвергнут более тщательному изучению, чем это было до сих пор. У меня сложилось впечатление, что это могила вождя, и только его, и что она одна из самых современных в своем классе.

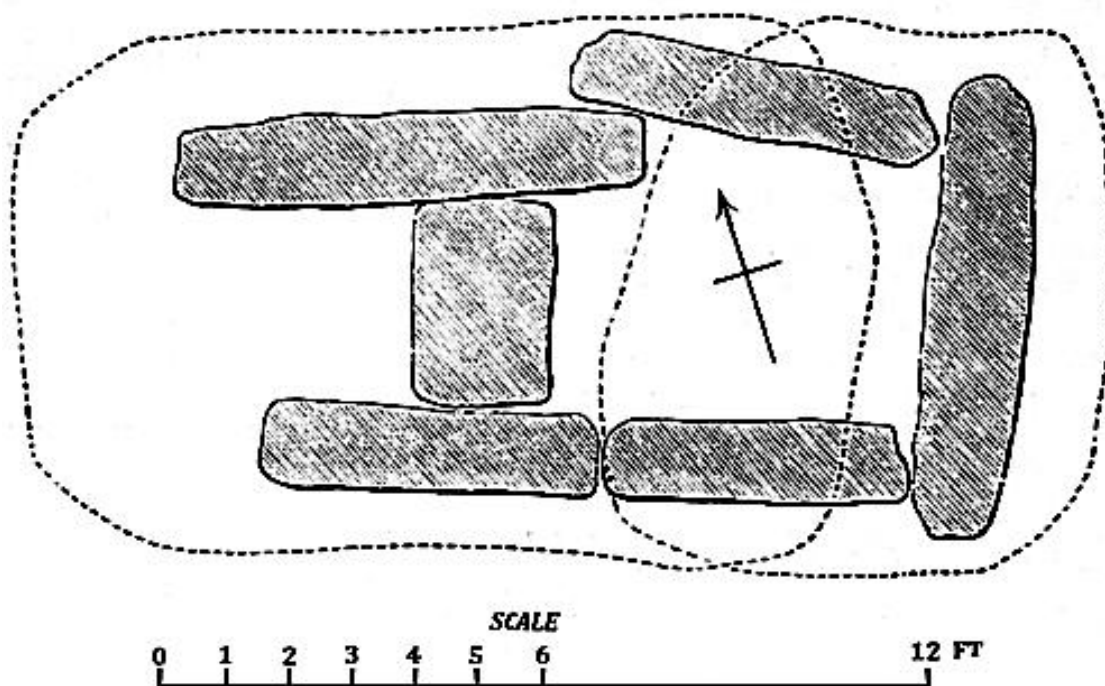
Примерно на таком же расстоянии к западу от Белфаста находится еще один дольмен, который сам по себе является гораздо более прекрасным примером, чем эта Могила Великана. Говорят, что его венчающий камень весит 40 тонн и поддерживается пятью вертикальными камнями значительных размеров. Однако у него нет круга или дополнительных элементов. Кельтское название района, в котором он стоит, было "Байл клаф тогал", *то есть* Город Камня чужаков, что, по-видимому, указывает на то, что он не был очень старым и его происхождение не было полностью забыто.

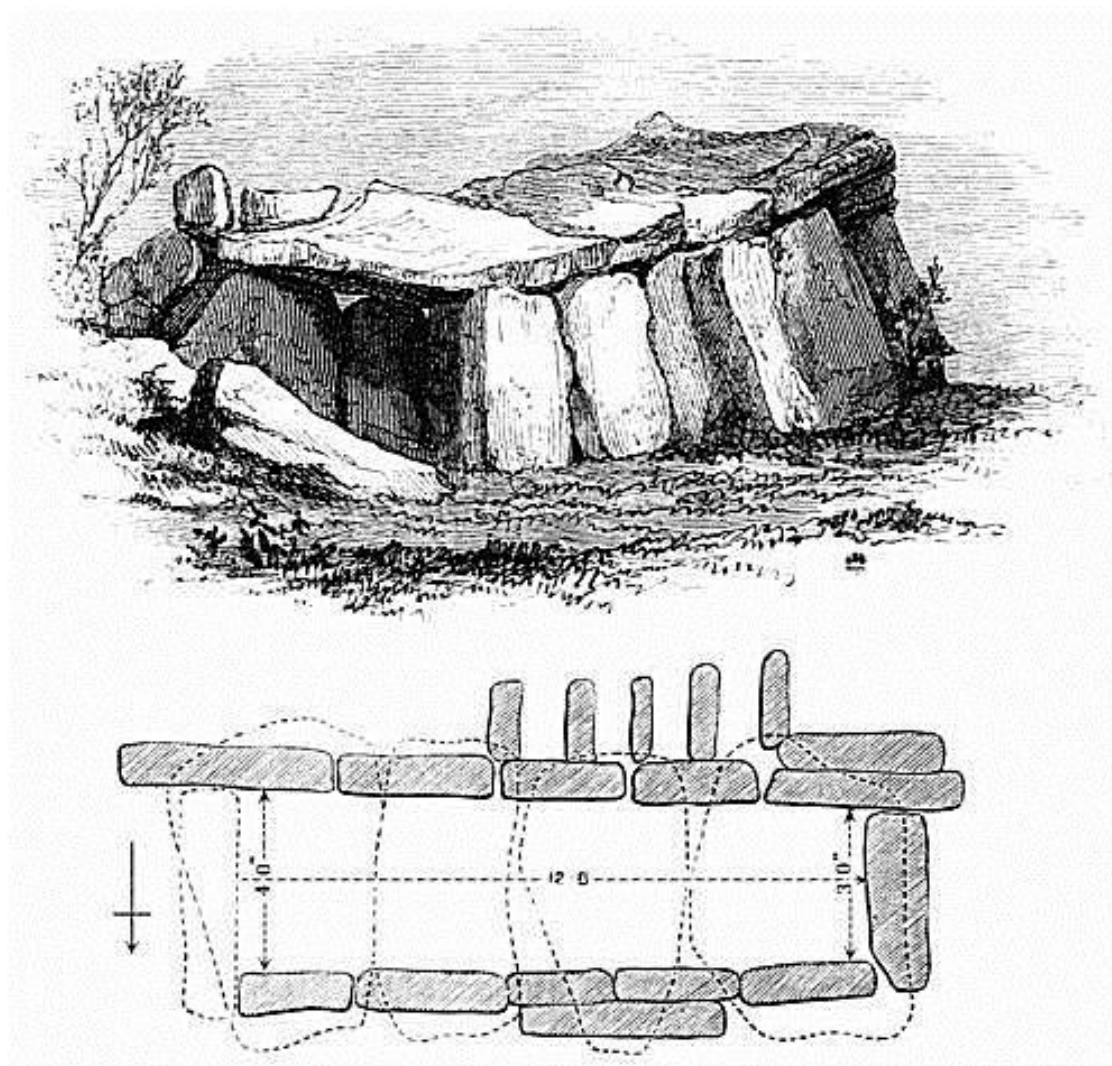
78. Дольмен в Ноккине.

В Нокине, графство Уотерфорд, есть замечательный дольмен ([гравюра на дереве № 78](#)), хотя у него нет ни окружения, ни каких-либо традиций, связанных с ним.^[260] Однако это интересно, поскольку выглядит так, как будто мы приближаемся к форме, из которой вырос Стоунхендж, который, я не сомневаюсь, можно было бы найти в Ирландии, если поискать. Это также интересно, поскольку показано в плане ([гравюра на дереве № 79](#)), расположение, которое, как я полагаю, характерно для ирландских дольменов. Келья правильной формы, но

перед ней находится полуземлянка, или прихожая, которая выглядит так, как будто ее могли использовать для совершения подношений умершим после того, как келья была закрыта.

79. План дольмена в Ноккине.

80. Дом Каллии Бирры, северная оконечность прихода Монстербойс.

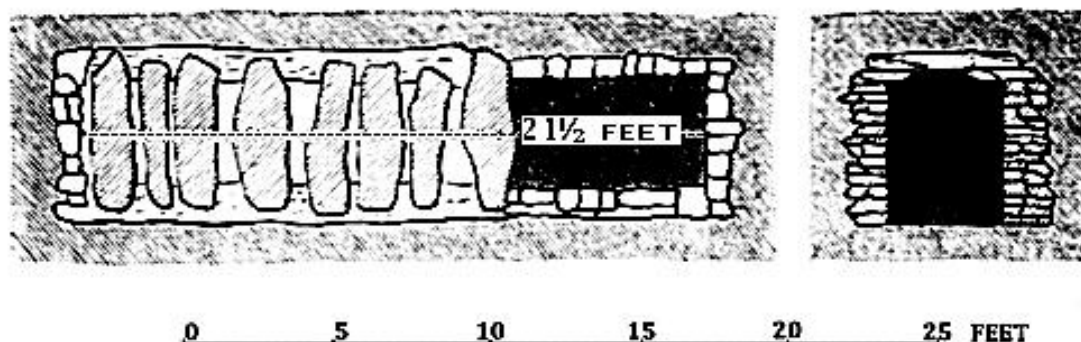
Прежде чем идти дальше, заслуживает иллюстрации еще один дольмен, поскольку он относится к классу памятников, распространенных в Бретани, до сих пор неизвестных в Великобритании. Он состоит из камеры длиной 12 футов 8 дюймов внутри, шириной 4 фута у входа, но уменьшающейся до 3 футов у внутреннего конца. Он расположен недалеко от Монастербойса, на северной границе прихода, и, следовательно, недалеко от Нью-Грейнджа, а также недалеко от Гринмаунта. В округе он известен как дом или гробница Каллии Веры, или Бирры, [261] ведьма, чье кресло изображено на гравюре на дереве № 73, и чье имя неразрывно связано с гробницами Лох-Крю. Согласно преданиям, собранным доктором О'Донованом и мистером Конвеллом, она сломала шею перед завершением последнего кургана и была похоронена недалеко от того места, где умерла, [262] в приходе Диармор, где, однако, ничего не осталось, чтобы отметить это место.

Судя по способу его постройки, вряд ли можно сомневаться в том, что первоначальным намерением было покрыть его курганом; но, вероятно, он никогда не был заселен. Если я прав в своих предположениях относительно его возраста, то его строитель, возможно, был обращен в христианство еще до того, как у него появилась для этого возможность. Но, как бы то ни было, его открытое положение может служить объяснением того, как король или вождь, воздвигший такое сооружение для своего захоронения, вполне мог развлекаться, если бы его жизнь была продлена, украшением резьбой как внутри, так и снаружи. Я не могу поверить, что внутренние украшения когда-либо выполнялись при искусственном

освещении, и, следовательно, оба они должны были быть завершены до того, как камера была захоронена.

В прошлом году генерал Лефрой раскопал курган в Гринмаунте, замок Беллингем, примерно в пяти милях к северу от так называемого дома Каллии Бирры.^[263] В нем он обнаружил камеру длиной 21 фут, шириной около 4 футов и высотой 5 футов, окруженную двумя параллельными стенами, сложенными из мелких камней и закрытыми с каждого конца аналогичной кладкой.

Крыша была сложена из плит в два ряда, причем нижние выступали в виде кронштейнов, а верхние простирались за стены с каждой стороны. Таким образом, по плану он был идентичен дому Бирры, хотя и длиннее и крупнее. Но, судя по способу постройки, он был явно более современным — фактически самым современным из всех камерных могильных курганов, когда-либо обнаруженных в Ирландии.

81. План и разрез помещения в кургане Гринмаунт. По рисунку генерала Лефроя.

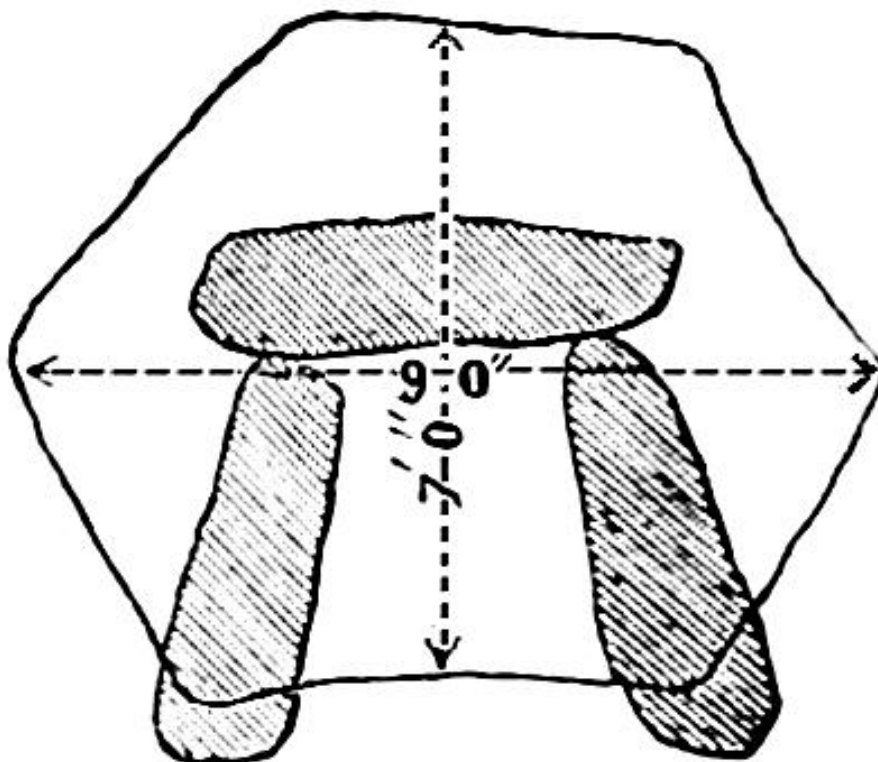
В патроннике ничего не было найдено: из него стреляли раньше, но кем и в какой период времени, ничего не указывало. На 9 или 10 футах ниже вершины, но все еще на высоте 6-7 футов над полом камеры, был найден бронзовый памятник с рунической надписью на нем, который, по мнению генерала, датских антикваров, относится к девятому веку (852?).

Единственный вопрос заключается в том, совпадает ли это со строительством гробницы или с ее разрушением? Название Домнал, или Домналл, ирландское, и положение, в котором оно было найдено, по-видимому, доказывают, что оно относится к периоду возведения кургана, а не к периоду его разграбления; и если это так, то эта могила приближается к возрасту, к которому может относиться Мейсхоу на Оркнейских островах.

Однако обстоятельство, которое в настоящее время интересует нас больше всего, - это сходство комнаты в Зеленой горе с гробницей леди Бирры. Будучи локально так близки друг к другу и так похожи по плану, они не могут быть очень отдаленными по времени, хотя более южные из них, судя по их мегалитическому характеру, несомненно, более древние из двух. Если мы допустим два или три столетия, то это большой отрезок, хотя даже это уводит нас далеко от какой-либо связи с памятниками в Лох-Крю и едва ли позволяет им очень близко подходить к памятникам в Бруг-на-Буане.

Уже указывалось на сходство этой гробницы с теми, что находятся в Глен-Колумбкилле, и, без сомнения, в Ирландии существуют другие, которые будут выявлены, как только внимание будет привлечено к этому предмету. Но в то же время они, насколько мы можем судить в

настоящее время, составляют обширную группу языческих или полужаязыческих памятников, простирающихся от времен святого Патрика до времен святого Колумбы, и, как таковые, являются одними из последних и, безусловно, одними из самых интересных памятников этого класса в Ирландии.

82. Дольмен Четырех маолов, Баллина.

Каким бы расплывчатым все это ни казалось, в Ирландии есть один дольмен, у которого, похоже, есть дата. Правнука Датхи, чей красный каменный столб в Рат-Крогане, воздвигнутый в 428 году н.э., как мы уже указывали, звали Саллах. Он был убит своими четырьмя молочными братьями из-за зависти к суверенитету. Они были повешены за свое преступление в месте, известном как Ард-на-Риаг, недалеко от Баллины, и похоронены на холме на противоположном берегу реки, где до сих пор стоит дольмен, на который указывают как на могилу четырех Маолов, убийц. Эти подробности приведены в "Диннсенхе", в "Книге Лекана" и в "Анналах Гиахраха", переведенных доктором О'Донованом (стр. 35), который в примечании добавляет, что "это свидетельство в сочетании с описанием ситуации на другом берегу реки Мой, напротив Ард-на-Риа, не оставляет сомнений в его идентичности".

В дольмене, о котором идет речь, нет ничего особенного. Цокольный камень размером 9 на 7 футов имеет шестиугольную форму и опирается на три стойки, расположенные аналогично тем, что стоят в домике Кита в Котти. Он идеально ровный и возвышается примерно на 4 фута над уровнем почвы. Замковый камень, возможно, был придан ему в его нынешнем виде искусством; но нет никаких признаков резьбы, и вообще нет ничего, что могло бы привлечь особое внимание.^[264] Интерес обусловлен ее датой. Если удастся установить, что она относится к началу VI века, в чем я вижу не больше оснований сомневаться, чем доктор О'Донован, то это будет точка в нашем исследовании, по крайней мере, в том, что касается дат.

Было бы утомительно перечислять другие дольмены в Ирландии, у которых нет ни дат, ни особенностей, отличающих их от других подобного класса, но в Ирландии есть один памятник мегалитического характера, который необходимо описать, прежде чем покинуть страну, хотя это определенно не дольмен, и его дата и использование в настоящее время загадочны.

83. Эскизный план памятника в Оленьем парке, Слайго. Масштаб 40 футов на 1 дюйм.

Он стоит в оленьем парке во владениях Хейзлвуд, примерно в четырех милях к востоку от Слайго. Вход в него осуществляется с юга и состоит в первую очередь из ограждения размером 54 на 24 фута. К западу от него находится помещение меньшего размера, примерно 30 на 12 футов, разделенное пополам двумя выступающими камнями. В восточном конце расположены две похожие квартиры бок о бок, но меньших размеров, вся длина здания составляет около 115 футов.^[265] Три входа из центральных в боковые помещения представляют собой трилитоны из прямоугольных и частично обработанных камней и напоминали бы нам Стоунхендж, не будь они такими маленькими. Они находятся всего в 3 футах от перемычки, и вы должны действительно низко поклониться, чтобы пройти под ними. Действительно, говоря об этих помещениях как о квартирах, следует иметь в виду, что войти можно куда угодно, пройдя между камнями и перешагнув через стены, которые сложены из камней, почти никогда не соприкасающихся друг с другом, самый высокий из которых имеет высоту всего 3 или 4 фута. Многие из них, хотя и массивны, имеют лишь половину этого роста.

Что же тогда представляет собой это любопытное сооружение? Вряд ли это гробница, настолько оно не похоже ни на одну другую гробницу, о которой мы знаем. В плане это больше похоже на храм; действительно, это мало чем отличается от устройства некоторых христианских церквей: но церковь или храмовый комплекс с такими проницаемыми стенами, как эти, и такими низкими, что прихожане снаружи могут видеть все, что происходит внутри, - это настолько аномальное устройство, что оно кажется неприемлемым. В настоящее время он уникален; если бы удалось обнаружить какой-нибудь подобный пример, возможно, мы смогли бы разгадать его загадку.

Он расположен на самом высоком плато холма. Немного ниже находится очень красивый каменный Катаир, или круглый форт, с Г-образным подземным помещением некоторой протяженности в центре; а на соседнем возвышении находятся несколько круглых курганов, которые, выглядя как места захоронения "Кастеллани", увеличивают вероятность того, что верхнее здание было усыпальницей.

Прежде чем оставить эту тему, может быть, стоит упомянуть о моменте, который, хотя и не очень отчетлив сам по себе, может оказать некоторое влияние на тех, кто шокирован сообщением о том, что грубые каменные памятники Ирландии настолько современны, как мы должны заключить из предыдущих страниц. Дело в том, что каждое упоминание Ирландии у любого классического автора и каждый вывод из ее собственных летописей приводят нас к предположению, что Ирландия в течение столетий, прошедших между христианской эрой и днем Святого Патрика, находилась в состоянии полного и безнадежного варварства. Свидетельство Диодора[266] и Страбона[267] о том, что его жители были каннибалами, слишком отчетливо, чтобы оспаривать, и, согласно последнему названному авторитету, они добавили к этому уродливая привычка есть своих отцов и матерей. Эти обвинения повторяются святым Иеронимом[268] в четвертом веке с большим, чем необходимо, акцентом. Все они представляют ирландцев как имеющих всех своих женщин общими и как более варварских, чем жители Британии,[269] действительно, более варварских, чем любой другой народ Европы. Нельзя также утверждать, что эти авторы писали, не зная о состоянии страны, поскольку описание побережий и внутренних районов, городов и племен Птолемеем свидетельствует о близком знакомстве с островом, которое могло быть получено только из наблюдений.[270] Их собственные летописи, правда, не повторяют эти скандалы; но нельзя сказать, что ничто из того, что у нас сейчас есть, не было записано в той форме, в которой мы сейчас располагаем, до времен Святого Патрика; и даже это выдерживало издание за изданием в руках патриотически настроенных ирландцев, прежде чем приобрело форму, в которой мы его сейчас находим. Даже они не рассказывают ни о чем, кроме сражений и убийств, а также о преступлениях всех видов. Даже самый высокий титул одного из их величайших королей, Конна "из ста битв", в достаточной степени свидетельствует о жизни, которую он вел, и о состоянии страны, которой он управлял. Поскольку у нас есть все основания полагать, что прогресс Ирландии был неуклонным и равномерным, очевидно, что если бы это было так, то очень короткое время, предшествовавшее тому, что мы находим в первые века христианства, вернуло бы нас к нынешнему состоянию коренных жителей Австралии, и мы обнаружили бы состояние общества, когда любые совместные усилия были невозможны. Это настолько очевидно не только из истории, но и из каждого вывода, который можно сделать из состояния Ирландии в последующие эпохи, что действительно удивительно, как такой народ мог воздвигнуть такие памятники, подобные тем, которые мы находим на берегах Бойна в первые века нашей эры. Ответ, конечно, заключается в том, что праздность дикарей способна на замечательные усилия. Нация людей, у которых нет более высоких амбиций, чем обеспечивать свои повседневные нужды, и которые готовы подчиниться любому тирану, который возьмется обеспечивать их ради удовлетворения своей собственной гордости или честолюбия, может творить чудеса. Египетские пирамиды и храмы южной Индии являются примерами того, что может быть сделано подобными средствами. Но для осуществления таких действий люди должны быть достаточно организованы, чтобы объединяться, и достаточно дисциплинированы, чтобы подчиняться; и у нас нет оснований предполагать, что в Ирландии они были либо до христианской эры, либо даже очень трудно понять, как они достигли такого уровня развития даже во времена Святого Патрика. То, что они были такими, подтверждают их работы; но если бы нам пришлось доверять указаниям, почерпнутым только из истории, вывод, несомненно, заключался бы в том, что памятники значительно современнее, чем указанные выше даты, присвоенные им; хотя представляется едва ли возможным отнести их к какому-либо более раннему периоду.

В Ирландии могут быть и другие грубые каменные памятники, помимо тех, что описаны или упомянуты на предыдущих страницах, но вряд ли они могут быть очень многочисленными или очень важными, иначе они вряд ли могли остаться незамеченными. Следовательно, они вряд ли повлияют на какой-либо вывод, к которому можно прийти в результате изучения тех, которые известны. Исходя из них, мы можем с уверенностью заключить, что все они, возможно, за исключением памятника Хейзлвуд, безусловно являются могильными; и все, если я не очень сильно ошибаюсь, были возведены впоследствии строительства Эмании Эохайдом Олламбом Фодлой в третьем веке до н.э. Могут быть пирамиды из камней и даже дольмены, принадлежавшие более ранним хиберниям до того, как шотландцы были изгнаны с Континента пуническими или римскими войнами в поисках убежища и покоя на зеленом острове Запада, но они должны быть незначительными и, вероятно, должны быть останься навсегда неузнаваемым.

Однако, начиная с даты основания Эмании, мы, кажется, имеем совершенно последовательный и понятный ряд, начинающийся с небольших и грубых пирамид из камней в Лох-Крю и, наконец, восходящий к величественным гробницам в Бруг-на-Боинне. Между этими двумя стоят памятники на полях сражений Мойтуры, а современниками последнего являются Ратхи на широко известном холме Тара. За ними, по-видимому, находятся гробница четырех Моэлов, так называемый дом Каллиаг Бирра и дольмены Гленколумбкилла, все они, по-видимому, относятся к шестому веку. Курган в Гринмаунте более поздний, чем любой из этих, но вряд ли принадлежит к нашей ирландской серии.

От них мы переходим по легким ступеням к ячейкам-ульям и ораториям ранних христиан. Вероятно, таких каменных жилищ не существовало до времен Святого Патрика, иначе мы нашли бы их следы в Таре, или Арме, или Теллтауне; но поскольку ничего подобного не существовало в этих королевских резиденциях шотландцев, мы можем справедливо предположить, что для домашних целей использовались только дерево и дерн. Но как только использование камня стало широко распространенным для таких целей, как это было в случае с введением христианства, вскоре мы обнаруживаем, что круглые башни с сопутствующими им церквями вырастают в каждом уголке страны, а ирландская архитектура неуклонно развивается по своему собственному руслу, пока ее формы не были изменены, но не стерты с лица земли изменениями, внесенными английскими завоевателями. История их стиля от Святого Патрика до английских завоевателей была так хорошо описана Петри, что сейчас мало что можно сказать об этом разделении. Но история предшествующих семи столетий все еще остается для того, у кого есть досуг, необходимый для изучения страны, и достаточно терпения и здравого смысла, чтобы правильно разгадать множество загадок, которые все еще с ней связаны, хотя основные очертания истории кажутся достаточно ясными и вразумительными. Если бы она была подробно изложена и полностью иллюстрирована, то стала бы ценнейшим комментарием к темному периоду истории Ирландии до введения христианства, когда сопутствующее введение алфавитной письменности впервые сделало ее анналы понятными и заслуживающими доверия.

В другом отношении изучение этих ранних памятников Ирландии, по-видимому, представляет предмет самого захватывающего интереса. Именно в Ирландии мы впервые начинаем осознавать тройственное разделение, которое, если его удастся установить, приведет к наиболее важным этнографическим выводам. Похоже, что на этом острове каменные круги скандинавов появились одновременно с дольменами иберов или аквитанцев, и мы можем проследить грубые кельтские курганы, которые росли между ними, пока не превратились в огромные курганы на реке Бойн. То, что эти три формы когда-либо были абсолютно различными, крайне маловероятно, и в равной степени маловероятно, что

они долгое время оставались таковыми в одной и той же стране, даже если бы можно было доказать, что в какой-то момент они принадлежали к трем отдельным расам. Однако в целом вряд ли можно сомневаться в том, что они действительно указывают на этнографические особенности, которые могут оказаться наиболее важными. В сочетании с их историей и знанием того, как их используют, эти памятники обещают спасти от забвения одну из самых любопытных глав ирландской истории, которая без них могла бы навсегда остаться ненаписанной.

Сноски

[201] Стоукс, "Жизнь Петри"; Лондон, 1868, стр. 99 *и далее*.

[202] На следующих страницах предлагается придерживаться популярного и произносимого написания ирландских имен собственных. Половина трудности чтения ирландских анналов заключается в незнакомом и грубом способе написания имен собственных, который, как мы узнаем из лекций Юджина О'Карри, никогда не отражает способ их произнесения. В научном труде, предназначенном для ирландских ученых, таком как "Анналы четырех мастеров", научный способ написания, конечно, единственный, который может быть принят, но в таком труде, как этот, это было бы лишь бесполезным и наносящим ущерб педантизмом.

[203] "Лох-Корриб, его берега и острова". Дублин, 1867. Сэр Уильям владеет резиденцией на поле битвы, где меня гостеприимно принимали в течение нескольких дней, когда я посетил эти окрестности в прошлом году.

[204] Они, а также все подробности битвы при Южной Мойтуре взяты из восьмой главы книги сэра У. Уайльда, стр. 211-248, и поэтому нет необходимости на них специально ссылаться.

[205] "Анналы четырех Мастеров", перевод Дж. О'Донована, i. стр. 23.

[206] "Материалы по древней ирландской истории" Юджина О'Карри, стр. 246.

[207] Стоукс, "Жизнь Петри", стр. 253.

[208] *l. c.* стр. 242.

[209] Я очень сожалею, что состояние моего здоровья и другие обстоятельства помешали мне нанести на карту и зарисовать эти останки, но я надеюсь, что какой-нибудь компетентный человек вскоре возьмется за эту задачу. До Кэрроумора легче добраться, чем до Карнака. Гостиницы в Слайго лучше, чем в Орее, руины находятся в трех милях от города, а пейзажи близ Слайго гораздо красивее, чем в Морбиане; и все же сотни наших соотечественников ежегодно устремляются к французским мегалитам и приносят домой альбомы для зарисовок, полные видов и измерений, но никто не думает об ирландских памятниках, и не существует их видов, которые были бы каким-либо образом доступны публике.

[210] К сожалению, это всего лишь набросок, сделанный в спешке, и, следовательно, на него нельзя безоговорочно полагаться. Два камня снаружи, которые выглядят как зачатки аллеи, я использую только для обозначения внешнего захоронения.

[211] Эти и несколько других фотографий поля и окрестностей были сделаны специально для меня мистером А. Слитером, Касл-стрит, 26, Слайго, который выполнил мое поручение дешево и разумно.

[212] "Материалы по древней ирландской истории" О'Карри, приложение xxv. стр. 41.

[213] "Меаба Регина оккиса - это продолжение дио филио Конкобари, 7 Веспасиано", ii. стр. 23.

[214] Стоукс, "Жизнь Петри", стр. 256.

[215] "Круглые башни" Петри, стр. 107.

[216] Более подробно это можно найти в книге Э. О'Карри "Материалы по древней ирландской истории", стр. 247-250.

[217] Именно в этот промежуток времени Луг, правивший тогда король, учредил ярмарку в Тайлтиане в память о своей приемной матери, дочери Маг Мор, короля Испании". "Эта ярмарка, - добавляет доктор О'Донован, - оставалась знаменитой вплоть до времен Родерика О'Донована". "Конор, последний монарх Ирландии; и традиции этого все еще настолько живы, что жители Мита до недавнего времени посещали Теллтаун для метания, борьбы и других мужских видов спорта". Было бы замечательным примером стабильности ирландских институтов, если бы ярмарка, основанная в жалкой деревушке в глубине страны за восемнадцать веков до Рождества Христова, процветала в средние века и вряд ли сейчас прекратила свое существование! Возможно, это было установлено примерно в христианскую эру, но, конечно, не раньше, и, таким образом, становится еще одним доказательством даты событий, которые мы описываем.— "Анналы четырех Мастеров", стр. 23.

[218] 'Пн. История. Брит.' хсviii.

[219] Мадсен, "Древности датской марки". Копенгаген, 1869.

[220] Sjöborg Samlingar för Nordens Fornälskare, i. p. 12.

[221] "Материалы по древней ирландской истории", стр. 250.

[222] "Анналы четырех Мастеров", перевод Дж. О'Донована, i. стр. 21.

[223] О'Карри, "Материалы по древней ирландской истории", стр. 246.

[224] О'Коннор, ii. стр. 1. О'Карри, "Материалы по древней ирландской истории", стр. 63.

[225] "Тигернахи Энн" О'Коннор, стр. 11-23.

[226] "Анналы четырех Мастеров", i. стр. 99.

[227] "Очерк древней архитектуры Ирландии" Г. Петри, стр. 97-109.

[228] Может ли это быть грейт Рат рядом с доменом Неттервилль? См. сэра У. Уайльда, "Бойн и Блэкуотер", стр. 211.

[229] Тигернах, О'Коннор, ii. стр. 23, "Carcobarus filius Nessæ obiit hoc anno—33".

[230] В "Анналах четырех Мастеров" (i. стр. 89) есть король по имени Эохайд Аиремб. "Ideo dictus, - говорит Линч, переводя Китинга, - quod tumulos effodi primus in Hibernia curavit". Я не сомневаюсь, что этимология верна, как и сам факт; но вряд ли стоило бы основывать на ней наши рассуждения, хотя она полностью согласуется с выводом, к которому я пришел из других обстоятельств. Согласно "Четырем Учителям", он жил в 118 году до н.э. Согласно более точному Тигернаху, в 45 году до н.э.

[231] Настоящим именем дагды, согласно "Четырем Мастерам", был Эохайд Оллатаир; и Эохайд, или Эочи, является одним из самых распространенных имен в истории Ирландии и постоянно повторяется.

[232] С тех пор, как вышеизложенное было написано, я был рад обнаружить, что такой выдающийся авторитет, как доктор Хенторн Тодд, покойный президент Королевской ирландской академии, пришел совсем другим путем, но почти к тому же выводу:

"Фирболги, или белги, — говорит он, — вторглись в Ирландию не из Франции, а из Британии - Думнонии, или в Девоне. "Завоевание Ирландии было ненамного старше времен Цезаря, если только не намного позже, и было первым притоком цивилизации, действительно грубой, но намного превосходящей цивилизацию хибернов". — *Ирландский Ненний*, переведено Дж. Х. Тоддом, Д.Э.н., Приложение С.

[233] Основным из них является рат королевы Мив, расположенный на некотором расстоянии. Согласно Тигернаху, она была убита своим пасынком на седьмом году правления Веспасиана, в 75 году нашей эры.

[234] Согласно Тигернаху, Кормак, внук Конна Ста Битв, обычно называемого Кормак Мак Арт, правил в 218-266 годах н.э.

[235] "История. и муравей с холма Тара". — "Trans. R. I. A." xviii. стр. 212.

[236] Там же. xviii. стр. 81, 137, 170 и др.

[237] "Материалы по древней ирландской истории", Приложение ii. стр. 463 *и далее*.

[238] Там же. стр. 29 *и далее*.

[239] "История и муравей Тары". — "Пер. R. I. S." xviii. стр. 46.

[240] Петри, "Круглые башни", 100 *и последующие*.

[241] Л. с. 105.

[242] Ирландцы использовали ров, поскольку римляне использовали валлум или шотландскую дамбу для обозначения либо вала, либо лощины, из которой он был взят.

[243] Цитата из "Книги бытия", стр. 251. Петри, "Круглые башни", стр. 107.

[244] Сэр У. Уайльд, "Бойн и Черная вода", 1849, стр. 188.

[245] "Мона Антиква" Роуланда, стр. 314.

[246] "Философские труды", № 335-336.

[247] Это хорошо проиллюстрировано в книге сэра Уайльда, стр. 192, гравюрой на дереве Уэйкмана.

[248] Уэйкман, "Справочник по ирландским древностям", стр. 25.

[249] В оправдание этого уродства следует объяснить, что эти ирландские пирамиды чрезвычайно трудно исследовать, не разрушая их. Поскольку они полностью состоят из рыхлых камней, в них почти невозможно проложить туннель и почти так же трудно пробить шахты. Единственный план, по-видимому, состоит в том, чтобы разрезать их, и, когда это будет сделано, обезображивание неизбежно.

[250] "Археология", xxx. pl. xii. стр. 137.

[251] Сэр У. Уайльд, "Бойн и Блэкуотер", стр. 209.

[252] "Журнал Королевского археологического общества", xv. стр. 270.

[253] "Круглые башни" Петри, стр. 105.

[254] "Материалы по истории Ирландии" О'Карри, стр. 636 *и далее*. То же самое добавляет еще Тигернах в 33 году: "Concobares filius Nessæ obiit hoc anno". — *Ann.* стр. 18.

[255] "Жизнь Петри" Стокса, стр. 256.

[256] Юджин О'Карри, "Материалы" и с., 314, 597.

[257] Этот ценнейший вклад, с его разрешения, печатается *полностью* в Приложении А.

[258] "Кроаг Патрик, гора в Майо, известна в легендарных записях как место финальных столкновений Святого Патрика с ирландскими демонами. С вершины он сбросил их в океан и довершил их смятение, швырнув свой колокол в их отступающие ряды. Двинувшись на север, они вынырнули из глубин и поселились в диких зарослях Сеанг-Сеан, на юго-западе Донегола. Здесь они оставались в безопасности до тех пор, пока наш тирконеллианский святой (Колумба) не получил указания ангела избавить это место от его грязных обитателей. После жестокой борьбы он полностью разгромил их. С тех пор его имя ассоциировалось с этим трактом, и дикий приход Глен—Колумбкилл сохраняет в своей топографии и традициях живой комментарий к легенде о святом Колумбе" и с. -Ривз, *Вита Святого Адама.*, стр. 206.

[259] Я не могу отделаться от мысли, что великий рат в Дауте сформировался в результате аналогичного процесса. Следовательно, в конце концов, это может быть и не жилой район, как предполагалось выше, но мы пока не в состоянии говорить положительно по таким вопросам.

[260] 'Археологический журнал Килкенни. Соч. ' v. N. S., стр. 479.

[261] Если бы вместо этой глупой легенды мы могли связать эту гробницу с Бренданусом Биорро, основателем монастыря Бирра, ныне Парсонстаун, это был бы шаг в правильном направлении. Его дата полностью согласуется с архитектурными выводами; ибо, согласно Тигернаху, он умер в 573 году.[*] Трудность заключается в том, чтобы поверить, что христианский "пророк", как его называют, мог додуматься до такой языческой формы гробницы. Однако искоренить устоявшиеся привычки нелегко, и его соотечественники, возможно, за столетие со времен Святого Патрика не изобрели нового способа захоронения и не смирились с ним. Датчане, безусловно, хоронились в хоуз в течение столетий после своего обращения, и ирландцы, возможно, были столь же консервативны. Однако вряд ли стоит обсуждать этот вопрос здесь, поскольку у нас нет ничего, кроме номинального сходства, на которое никогда особо не стоит полагаться.

* Ривз, "Вита Адамнани", стр. 210.

[262] Брошюра Юджина Конвелла с описанием курганов Лох-Крю, стр. 2.

[263] Следующие сведения взяты из статьи генерала Лефроя в "Археологическом журнале", № 180, 1870, стр. 281 и далее.

[264] Впервые мое внимание привлек к этому памятнику мистер Сэмюэл Фергюсон, Хранитель архивов Дублина. Тогда он считал это единственным кромлехом в Ирландии с достоверной датой; но, поскольку он не опубликовал это, меня не следует рассматривать как поручающего ему что-либо, кроме желания навести меня на след интересного расследования.

[265] В музее Королевской академии в Дублине есть модель этого любопытного сооружения, но неправильная; а гравюра на дереве в их каталоге, взятая с модели, имеет еще меньше претензий на точность.

[266] Диодор, ст. 32.

[267] 'Geo.' iv. стр. 201.

[268] Изд. Валерсий, i. стр. 413; ii. стр. 335.

[269] Тацит, "Агрикола", стр. 24.

[270] Меркатор, "География". стр. 31.

ГЛАВА VI. ШОТЛАНДИЯ.

Как бы там ни обстояло дело с Ирландией, вполне вероятно, что все мегалитические останки Шотландии известны и были описаны более или менее подробно. Однако те описания, которые существуют, разбросаны по страницам объемистых статистических сборников, или в трудах ученых обществ Англии и Шотландии, или в местных журналах, так что чрезвычайно трудно составить связное представление обо всем предмете или быть уверенным, что вы действительно знаете все, что требуется, и еще труднее передать другим четкое представление о его контурах. Если бы кто-нибудь сделал для нетронутых камней Шотландии то, что Джон Стюарт сделал для тех, в которых есть устройства, ситуация была бы совершенно иной. За исключением "Доисторических анналов Шотландии" Дэниела Уилсона — что бы это ни значило — общего описания доступно не было, а этот труд слишком краток и слишком скудно иллюстрирован, чтобы от него была большая польза. Однако вводного материала в двух томах г-на Стюарта, [271] с книгой г-на Уилсона, может быть достаточной для большинства целей; но полное знание можно получить, только ознакомившись с томами шотландской и английской археологии, а также с работами различных антикварных обществ обеих стран. [272]

Оставляя пока в стороне скульптурные камни, как вряд ли относящиеся к нашей теме, и "кошки", или боевые камни, их предшественники, хотя они многочисленны, как и следовало ожидать среди драчливых кельтских рас, населявших страну, остальные грубые каменные памятники немногочисленны. Отдельно стоящих дольменов немного, около полудюжины на всю страну, и ни один из них не связан с историей или традициями. Круги, однако, многочисленны и важны, и в какой-то степени рассчитаны на то, чтобы пролить свет на наши исследования. Если мы исключим два поля битвы при Мойтуре, их бесконечно больше, чем во всей Ирландии и Уэльсе, вместе взятых, хотя есть только одна группа, которая находится в Стеннисе на Оркнейских островах, которая может сравниться с великими английскими образцами.

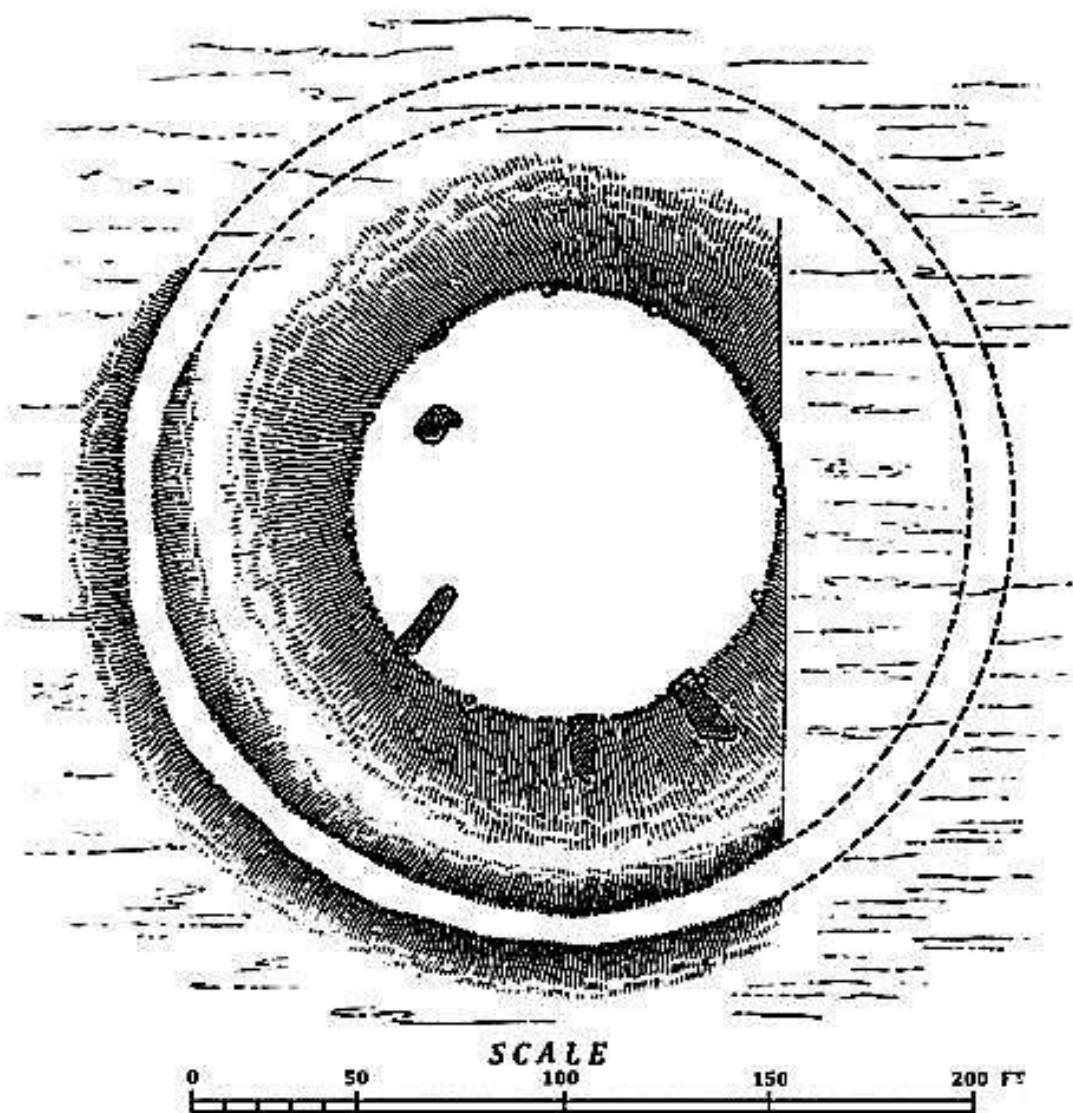
Их распределение тоже интересно. В низинах или к югу от Фрит-оф-Форт и Клайд нет каменных кругов; и дольмены редки в этих регионах, хотя это может быть связано с тем, насколько широко там ведется культивация. Однако до тех пор, пока не будет составлен статистический отчет, сопровождаемый картой, трудно уверенно говорить на эту тему, но общее впечатление таково, что низменности не являются и никогда не были регионом мегалитических остатков; и если это так, то это одно из многих доказательств того, что дольмены не являются ни доримскими, ни кельтскими. По крайней мере, у нас нет оснований полагать, что тевтонские расы, которые сейчас населяют эту страну, были поселены там во времена Агриколы. Но если бы кельты или пикты, населявшие тогда эту землю, имели обыкновение возводить мегалитические сооружения, у нас было бы больше шансов найти их следы в этой густонаселенной стране, чем на унылом нагорье Абердиншира или на голых пастбищах Оркнейских островов.

Район Шотландии, где этих кругов и грубых каменных памятников больше всего, находится по обе стороны от прямой линии, проведенной прямо из Инвернесса в Абердин, который

является местностью, где скульптурные камни также встречаются в значительном количестве, но грубые каменные памятники не найдены в Ангусе или Файфе, где их скульптурные преемники наиболее многочисленны. Однако округ кругов *par excellence* в Шотландии находится вовсе не на материке, а на северных и западных островах. Основная группа находится на Оркнейских островах; следующими по значимости являются группы в Льюисе. Они встречаются на островах Скай и Кантайр. В Арране их несколько, и оттуда легко добраться до острова Мэн, где они встречаются с английской группой в Камберленде.

Больших кругов на Оркнейских островах всего четыре; три из них расположены на длинной полосе суши, отделяющей озеро Харра от озера Стеннис. Четвертое находится на некотором расстоянии от остальных и отделено от них узким проливом, соединяющим два озера. Кроме того, здесь есть несколько земляных кругов поменьше и многочисленные курганы. Самый большой круг, известный как Кольцо Брогара, [273] имеет диаметр 340 футов (100 метров) между камнями. Первоначально их было шестьдесят, от 6 и 7 до 15 футов в высоту; за камнями проходит ров шириной около 30 футов и глубиной 6 футов, но без заметного вала с обеих сторон. Канаву пересекают две дамбы, как в Пенрите или Арбор-Лоу (гравюры на дереве № 29 и 30), расположенные напротив друг друга, но не совпадающие с осью косы, на которой расположен круг, и не обращенные ни к одной из четырех сторон света.

Следующим по важности является круг в Стеннисе, примерно в трех четвертях мили от него. Первоначально он состоял из двенадцати камней высотой от 15 до 18 футов. Сейчас стоят только два, но третий был таким не так много лет назад; а четвертый, от которого сейчас остался лишь фрагмент, изображен стоящим, когда был сделан рисунок, составляющий фронтиспис к этой работе. [274] Остатки дольмена все еще находятся внутри круга, однако не в центре, а близко к его краю, один из камней круга, по-видимому, служит ему надгробием. За каменным кругом диаметром 104 фута находится ров шириной 50 футов, что составляет от всего диаметра памятника до внешнего края окружающей насыпи около 240 футов. Недалеко от этого круга, недалеко от моста Брогар, стоит единственный монолит высотой 18 футов, который является самым прекрасным и высоким камнем группы; а в другом направлении - камень поменьше, с отверстием насквозь. Хотя этот камень всего 8 футов в высоту, 3 фута в ширину и 9 дюймов в толщину, он стал более известным, чем другие, благодаря использованию его сэром Вальтером Скоттом в "Пирате", а также потому, что до недавнего времени клятва, произносимая соединенными руками через отверстие в Камне Водена, рассматривалась даже судами Оркнейских островов как более чем обычно торжественная и обязательная. [275]

84. Окружение у Стенниса. Из плана лейтенанта Томаса.

Насколько мне известно, никаких раскопок в круге Стенниса не предпринималось, но его разрушенного дольмена, вероятно, достаточно, чтобы подтвердить его погребальный характер. Были предприняты некоторые попытки разведки на более крупном Кольце в Брогаре, но безуспешно. Вряд ли этому стоит удивляться, поскольку человек, который рассчитывает найти небольшое месторождение на площади в два акра, должен точно знать, где искать. Предполагается, что раскопки проводились в центре. Там, однако, земля выглядит очень похоже на нетронутую поверхность первоначальной пустоши, как будто ее никогда не выравнивали и не использовали ни для погребения, ни для каких-либо других человеческих целей, и имеет неровный уклон примерно на 6 футов в сторону озера. У меня сложилось впечатление, что отложения, если таковые существуют, будут обнаружены вблизи внешней окружности круга, либо у подножия камней, как в Кричи, либо за пределами рва, как в Хакпене или Стоунхендже. В меньших кругах, диаметр которых не превышает 100 футов, отложение, по-видимому, находилось либо в центре, либо, если по бокам, камни были расположены так, чтобы отметить его место. В более крупных, или 100-метровых кругах, мы еще не определились, где искать. Случайность может когда-нибудь выявить нужное место, но до тех пор, пока это не будет установлено научно или случайно, ни

один аргумент не может быть основан на негативных доказательствах, которые предоставляет наше невежество.

По соседству с этими каменными кругами находятся несколько чашеобразных курганов, похожих на курганы в окрестностях Стоунхенджа, не только внешне, но и внутренне. При вскрытии почти во всех из них были обнаружены погребения путем кремации и грубая полуобгоревшая керамика. Однако не здесь эти курганы обнаружены в наибольшем количестве. В соседнем приходе Сэндвик они существуют сотнями и разбросаны точно так же, как на Уилтширских холмах, тут и там, поодиночке или парами, без какого-либо видимого расположения или группировки. Говорят, что на островах насчитывается по меньшей мере 2000 таких кротовых курганов.^[276] Здесь, как и там, кажется, что где человек жил и умер, там он и похоронен, без какой-либо ссылки на что-либо существующее или то, что существовало. Ни к одному из этих курганов не прикреплены какие-либо каменные круги. Действительно, единственные грубые каменные памятники на Оркнейских островах того класса, который мы обсуждаем, - это только что описанные, и все они приурочены к одному отдаленному негостеприимному на вид месту. Однако рядом с ними лейтенант Томас перечисляет шесть или семь коноидальных курганов, форма и содержимое которых имеют совершенно иную природу. Тела в них были похоронены целиком, без кремации, и вместе с их останками были найдены серебряные подвески и другие украшения, похожие, насколько можно разобрать, — ни на одном нет гравировки — на те, что были найдены в заливе Скайл, а также монеты Ательстана 925 пробы и халифов Багдада, датируемые 887 - 945 годами.^[277] Вряд ли можно сомневаться в том, что эти коноидальные захоронения здесь, а также другие, найденные на островах, скандинавского происхождения, и их сопоставление с кругами, по крайней мере, наводит на размышления. Если бы круги были памятниками кельтам, которых они презирали и фактически уже тогда истребили, они вряд ли выбрали бы место захоронения так близко к ним.

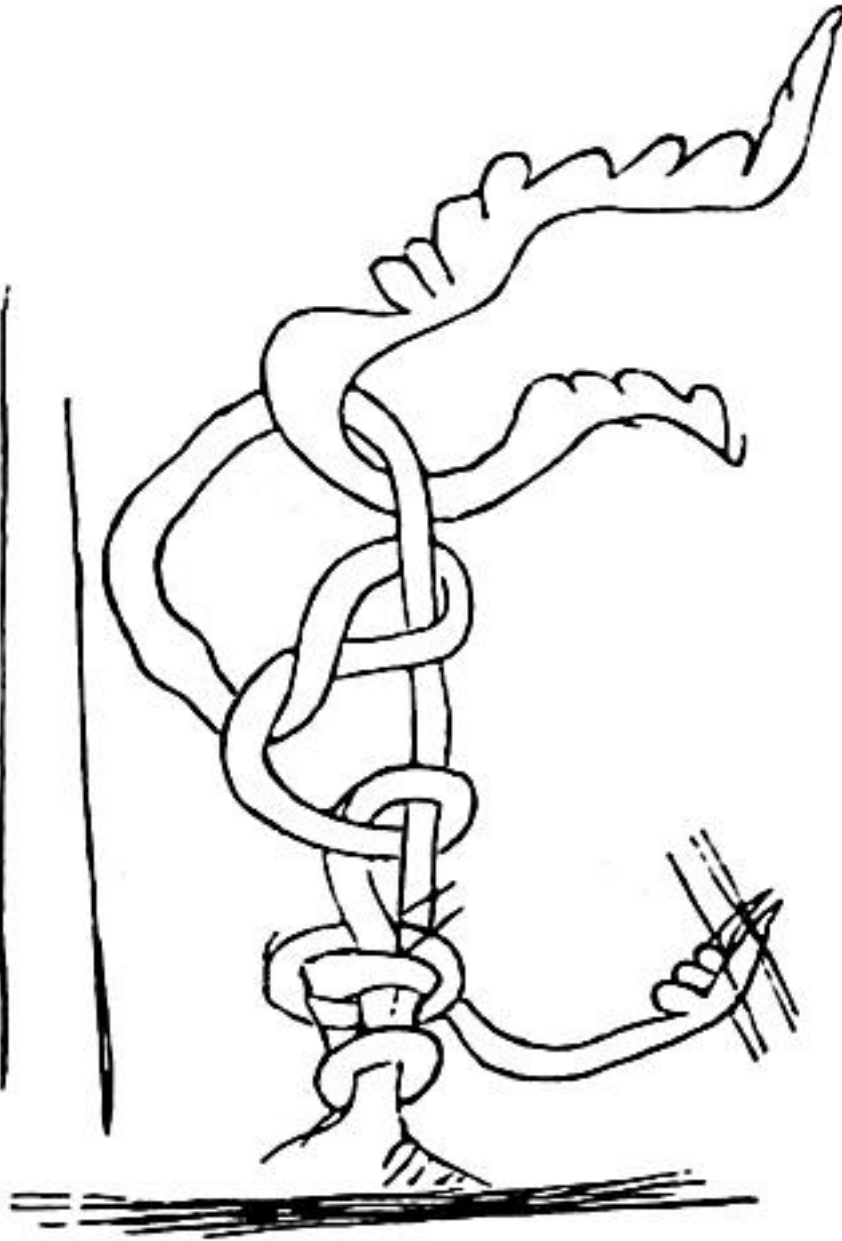
Однако самый важный из всех курганов не только в этом районе, но и на островах известен как Мэс-Хоу. Он был открыт в 1861 году в присутствии избранной группы антикваров из Эдинбурга, которые надеялись по внешнему виду найти его неповрежденным; однако в этом они были разочарованы. Похоже, что люди той же расы, что и те, кто его воздвиг, но которые тем временем были обращены в христианство, очевидно, в середине двенадцатого века вломились в эту гробницу своих языческих предков и разграбили ее содержимое. В качестве некоторой компенсации за это они написали свои имена очень разборчивыми рунами на стенах гробницы и короткими предложениями изложили то, что они знали и во что верили о ее происхождении.^[278]

Из этих рун мы узнаем, во-первых, что грабители были христианскими паломниками, направлявшимися в Святую Землю — Иорсала Фарер, — из чего профессор Мунк делает вывод, что они, должно быть, были частью экспедиции, организованной с этой целью ярлом Рагнвальдом в 1152 году. Помимо этого, невозможно придавать большое значение тому, что говорят нам эти Руны. Во-первых, потому, что ученые мужи, которым они были представлены, значительно различаются в своей интерпретации,^[279] и запись, даже у лучших из них, нечеткая. В одном или двух отношениях свидетельства надписей можно считать удовлетворительными. Все их авторы, по-видимому, настолько точно знали, что это за гробница и кому она принадлежала, что никто не позаботился описать, разве что в самой поэтической форме, то, что каждый, кто находился на месте происшествя, вероятно, прекрасно знал. Во всяком случае, в этих надписях нет никаких упоминаний о какой-либо другой или более ранней расе. Каждое выражение, понятное или нет, несет на себе

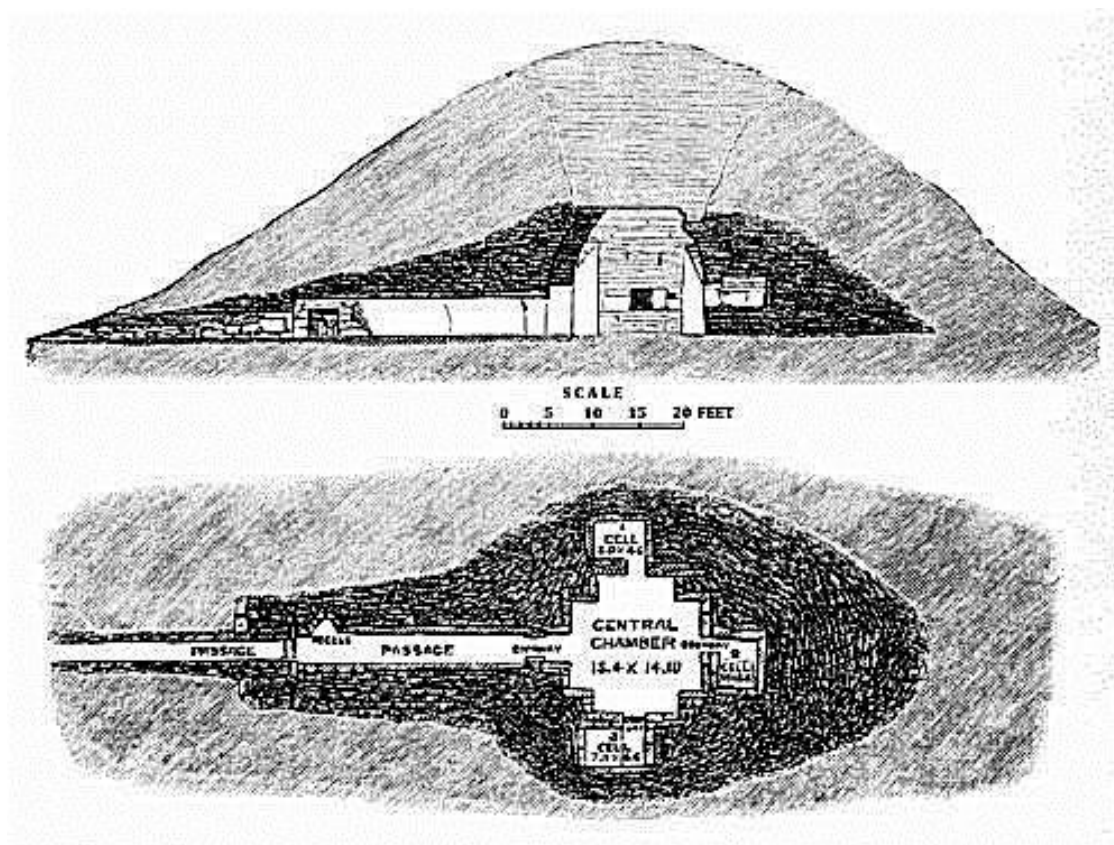
отпечаток севера. Лодброк, Ингеборг и все другие представленные имена скандинавские, и все аллюзии имеют северный выговор. Хотя это всего лишь отрицательное свидетельство, оно, безусловно, каким-то образом показывает, что грабители знали, что Хоу изначально был возведен людьми их собственной расы. Если, однако, прямые доказательства наличия этих надписей неубедительны, то на колонне, обращенной ко входу, есть одна гравюра, которая выглядит так, как если бы она была оригинальной, как по своему положению, так и по характеру. На нем изображен дракон (гравюра на дереве № 85) своеобразного скандинавского типа. Похожее изображение найдено на камне, прикрепленном к кургану, под которым был похоронен король Горм, в Йеллинге, Дания, в середине десятого века. Принимая во внимание разницу в рисунке, они настолько похожи, что не могут быть сильно различимы по дате. Третье животное этого вида найдено в Хунештадте, в Скании,^[280] и датируется примерно 1150 годом, но оно совсем другое и выглядит гораздо современнее, чем это. Если бы иерусалимские паломники нарисовали этого дракона, он, вероятно, был бы гораздо больше похож на хунштадтский пример. С другой стороны, если гробница в Мэс-Хоу подлинная, то возраст гробницы вряд ли может быть на полвека отличен от возраста гробницы в Хоу короля Горма, на которую в других отношениях она очень похожа. Однако очень маловероятно, что христианские паломники нарисовали бы дракона подобным образом, и еще менее вероятно, что они стали бы сопровождать его Вурмом, или Змеиным узлом, подобным тому, что находится на том же столбе; оба выглядят как языческие эмблемы и, по-видимому, принадлежат к оригинальному убранству гробницы.

85. Дракон в Мэс-Хоу.

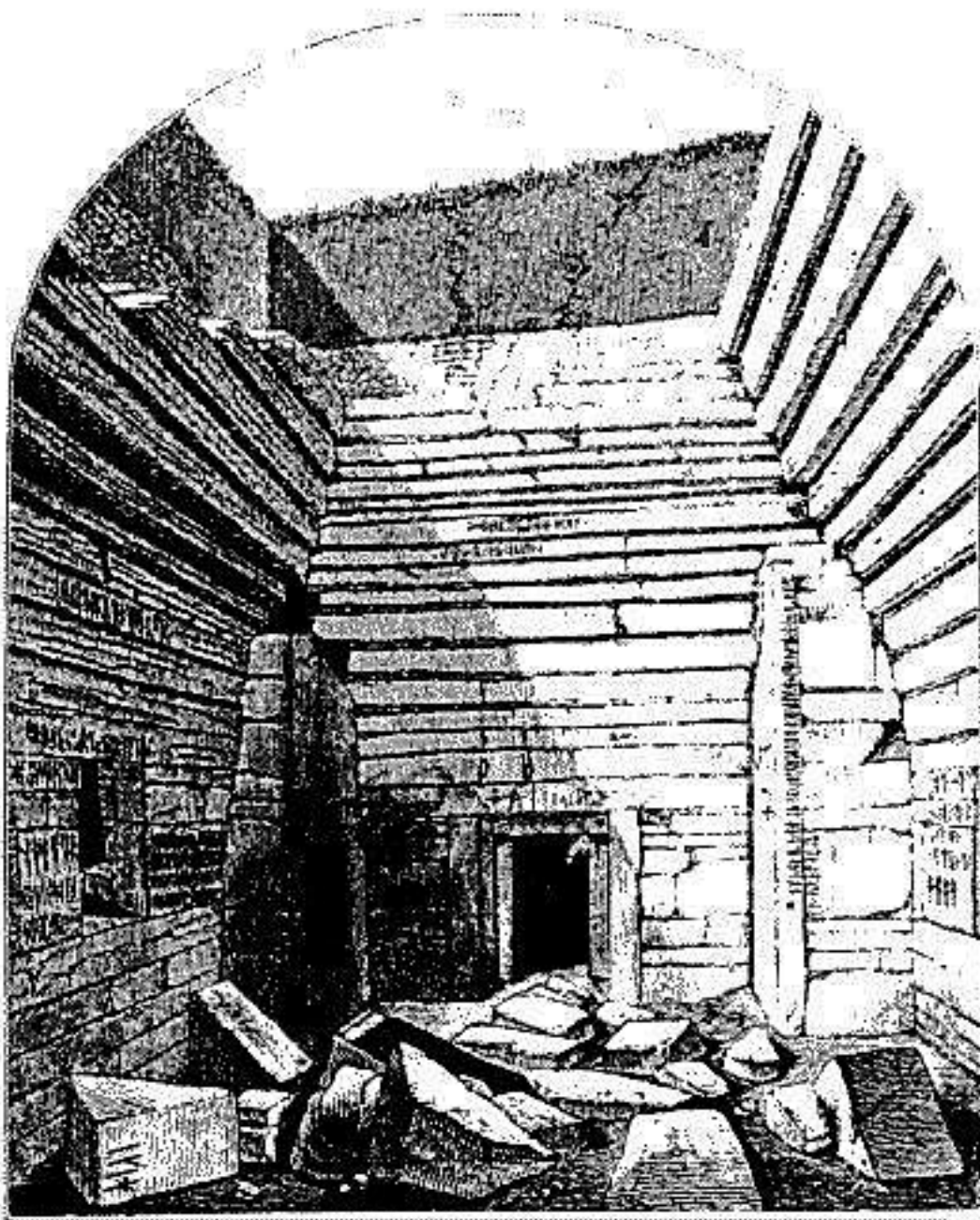
86. Вурм-Кнот, Мэс-Хоу.

87. План и разрез Мэс-Хоу. Из работы мистера Фаррера.

Среди надписей в Мэс-Хоу есть одна, которую из-за ее кажущейся незначительности никто из толкователей не снизошел до того, чтобы заметить. Его можно увидеть на одном из незакрепленных камней, лежащих на переднем плане гравюры на дереве № 88, оно состоит всего из четырех букв и читается либо ХИАЙ, либо ИКИ, в зависимости от того, как оно повернуто в ту или иную сторону. Поскольку из такого сочетания невозможно извлечь узнаваемое слово, а тем более смысл, неудивительно, что оно было отброшено в сторону; но именно потому, что оно непонятно, оно может оказаться ценным показателем возраста памятника. Нет ничего более маловероятного, чем то, что житель Иорсалы Фарер мог небрежно выгравировать эти руны на незакрепленном камне, но нет ничего более вероятного, чем то, что каменщик, который обтесал камень и подогнал его так, чтобы точно закрыть "локулус", поставил на нем отметку, показывающую, что он принадлежал правой камере, в которой должны были быть похоронены А или Б. Надпись находится на внутреннем краю камня, где она была спрятана, когда камень был *на месте*, и, скорее всего, была выгравирована на камне до того, как его первоначально использовали для закрытия отверстия.

Это, по крайней мере, объясняет его значение лучше, чем любое другое, которое до сих пор предлагалось, и если оно правильное, то эта надпись с Драконом и Вюрмским узлом находится среди оригинальных скульптур гробницы; и если это так, то будет трудно отнести ее к более раннему возрасту, чем десятый век, который, исходя из обстоятельств, которые будут упомянуты ниже, кажется в целом наиболее вероятной датой.

88. Вид Палаты в Мэс-Хоу. С рисунка мистера Фаррера.

Архитектура кургана, хотя и представляет некоторые указания на большую ценность, вряд ли обладает какими-либо особенностями, достаточно заметными, чтобы с уверенностью установить его дату. Внешне это усеченный конус ([гравюра на дереве № 87](#)) диаметром около 92 футов и высотой 36 футов, окруженный на расстоянии около 90 футов ровом шириной 40 футов и глубиной 6 футов, из которого, по-видимому, была извлечена земля, необходимая для формирования насыпи. Внутри он содержит камеру слегка крестообразной формы в плане, размером 15 футов 4 дюйма на 14 футов 10 дюймов и, когда он будет завершен, вероятно, 17 футов в высоту. С каждой из трех сторон камеры находится гробница, в которую можно попасть через небольшое отверстие в 3 футах от земли. Самый большой из них, который справа от входа, имеет размеры 7 футов на 4 фута 6 дюймов, а центральный - 5 футов 6 дюймов на 4 фута 6 дюймов. Каждая из них была закрыта одним камнем, тщательно обтесанным так, чтобы он подходил к отверстию. Проход, ведущий в центральную камеру, имел ширину 3 фута и высоту 4 фута 6 дюймов и первоначально был закрыт, по-видимому,

дверным проемом на расстоянии 2 футов 6 дюймов от камеры. За этим он выложен двумя плитами длиной 18 футов, доходящими почти до углубления, которое, по-видимому, устроено так, как будто в нем находилась настоящая дверь, закрывавшая гробницу, вероятно, из большого камня. За этим проходом все еще простирается примерно на 20 футов до нынешнего входа, но каменная кладка очень низкого класса, и неясно, насколько она современная.

Первое, что бросается в глаза при осмотре этого кургана, - это то, что он, несомненно, является прямым потомком великих пирамид на берегах Бойна, но отделен от них очень большим промежутком времени. Нелегко определить, какой промежуток времени должен был пройти, прежде чем боковые камеры этих гробниц слились с "локулами" этой, или сколько времени должно было пройти, прежде чем их грубые неотесанные массы были преобразованы в идеально подогнанную каменную кладку этой. Однако необходимо сделать некоторую поправку на разницу в материале. Старый красный песчаник Оркнейских островов, легко раскалывающийся на облицованные плиты, предлагает замечательные возможности для его использования, но все же то, как были установлены угловые контрфорсы камеры, и отделка келий, и огромные плиты, обрамляющие вход, - все это свидетельствует о прогрессе масонской науки, который, должно быть, потребовал столетий, при условии, конечно, что они были построены одними и теми же людьми. Но так ли это было? Насколько нам известно в настоящее время, эти острова, когда их завоевал Гарольд Харфагар в 875 году, были населены двумя расами, называемыми папе и пети. Обычно предполагалось, что первые были колониями ирландских миссионеров и их последователей, которые поселились здесь после обращения пиктов святым Колумбом в середине VI века. Также обычно предполагается, что пети были печтами, или пиктами.^[281] Сейчас будет нелегко установить, так это было или нет, поскольку, по словам епископа Таллоха, они были настолько полностью истреблены норманнами, что от их "потомства не осталось ничего". Но если Папе или Парас были ирландскими миссионерами, они были христианами, и каким бы еще ни был Мэс-Хау, это определенно не место христианских захоронений. И оно не пиктское. Если бы это было так, мы, несомненно, нашли бы нечто подобное в самой Пиктландии; но ничего, что могло бы сравниться с этим, не найдено ни в Файфе, ни в Форфаре, ни в какой-либо из тех стран, которые были заняты пиктами в дни их величия; и крайне маловероятно, что народ, который не мог или, по крайней мере, не стал возводить подобную гробницу на плодородных и густонаселенных землях, которые они занимали на материке, воздвиг бы такую гробницу на сравнительно бесплодном и малонаселенном острове. С другой стороны, кажется, есть все основания полагать, что 2000 маленьких курганов, о которых говорилось выше, являются могилами пиктов, или исконных жителей острова до того, как они были истреблены норманнами. Однако эти курганы не имеют абсолютно никакого отношения к Мэс-Хоу. Ни в одном из них нет камер, ни на одном нет каменных кругов вокруг них; все они криволинейные, и ни на одном, действительно, нет ничего, что наводило бы на мысль, что через какое-то время они превратились бы в такую гробницу, как та, которую мы описывали. На самом деле это повторение истории Стоунхенджа и его курганов. Раса гигантов, вытесняющая нацию пигмеев, с которой у них, безусловно, не было кровного родства, и воздвигающая среди своих жалких гробниц памятники, возможно, предназначенные для схожих целей, но в действительности столь же мало похожие на них, как великие соборы средневековья на деревянные церкви ранних саксов.

, По-видимому, остается только одна гипотеза, которая заключается в том, что это гробница северян, завоевавших эти острова в девятом веке. Это может показаться очень прозаичным происхождением от первобытной древности, которую некоторые склонны приписывать этим

памятникам, но в этом, безусловно, нет ничего невероятного; во-первых, потому, что у нас есть кажущееся несомненным свидетельство того, что Торфин, один из ярлов (940-970 гг. н.э.), "был похоронен на Рональдшее под курганом, который тогда был известен под названием Хаугагердиум, и, возможно, это то же самое, что мы сейчас называем Хау из Хугсея", или Хоксей.[282] Я не смог установить, верно это буквально или нет, но у меня есть основания полагать, что Торфин был похоронен не в Хау Хоксай, а в кургане неподалеку.[283] Однако тот факт, что он был похоронен в Хоу, - это все, что требуется в настоящее время. Другой важный курган упоминается профессором Мунком,[284] известен как Курган Хафдана в Сэнди и воздвигнут Торфом Эйнарсом (с 925 по 936 год). Таким образом, мы знаем по крайней мере о двух важных курганах, принадлежавших норвежским ярлам в десятом веке, хотя только один был идентифицирован с абсолютной уверенностью. Как упоминалось ранее, совершенно очевидно, что король Дании Горм (умер в 950 году) и Тайра были похоронены в курганах, внешне очень похожих на Мэс-Хоу. Открыт был только тот, что принадлежал королеве Тайре. Это камерная гробница, похожая на Мэс-Хоу, за исключением того, что камера в Дании сложена из деревянных бревен, а на Оркнейских островах - из каменных плит, но разницу легко объяснить. В Джеллинге камень встречается редко, а местность была покрыта лесами. В Стеннисе для подъема требовались каменные плиты, облицованные самостоятельно, а деревья были неизвестны. Следствием этого было то, что рабочие использовали лучший доступный материал для достижения своей цели. Как бы то ни было, тот факт, что короли Дании и ярлы Оркнейских островов были похоронены в Хаусе в десятом веке, снимает всю *априорную* невероятность гипотезы о том, что Мэс-Хау может быть могилой одного из этих северян.

Если это так, то наш выбор жильца находится в очень узких рамках. Мы не можем вернуться назад, за пределы времен Гарольда Харфагара (876 - 920), который первым по-настоящему завладел этими островами как зависимостью Норвегии и в 920 году сделал Сигурда старшего первым ярлом Оркнейских островов. Мы также не можем опуститься ниже возраста второго Сигурда, который стал графом в 996 году, поскольку мы знаем, что он был обращен Олаусом в христианство и был убит при Клонтарфе в 1014 году.[285] За эти семьдесят шесть лет, прошедших с 920 по 996 год, есть только одно имя, которое, по-видимому, отвечает всем требованиям дела и вряд ли может быть случайным. Хавард "счастливый", один из сыновей Торфина, похороненный в Ходже, был убит при Стеннисе в 970 году. Хавард женился на Рагухильде, дочери Эрика Блодокса, принца Норвегии, и вдове своего брата Арфина, но она, устав от своего второго мужа, настроила против него одного из его племянников, и произошла битва при Стеннисе, на месте, говорит Барри, "которое впоследствии получило название Хавардзтугар, из-за этого события или резни".[286] Ту же историю повторяет профессор Уилсон следующим образом: "Олаф Тригессон, - говорит Хавард, - был тогда в Стейнснесе в Росси. Из-за Хаварда произошла встреча и битва, и это было незадолго до того, как ярл пал. Теперь это место называется Хавардштайгер. Так это называлось, и так, как пишет мне мсье Петри, это все еще называют крестьяне по сей день".[287] Профессор Мунк из Христиании, посетивший это место в 1849 году, пришел к выводу, "что большинство могильных холмов, сгруппированных вокруг Бругарского круга, вероятно, являются памятниками этой битвы и, возможно, одним из самых крупных курганов при Хаварде эрле".[288] В этом я не сомневаюсь, что он прав, но тот, что побольше, я принимаю за Мэс-Хоу, который находится в поле зрения круга, хотя и не так близко к нему, как те, о которых он говорил.

Одно обстоятельство, которое на первый взгляд делает такой взгляд на дело более чем вероятным, заключается в том, что Мэс-Хоу, насколько нам в настоящее время известно, уникален. Могила Торфина, когда ее найдут, может представлять собой курган с камерами,

как и курган Хафдана, когда его вскроют, но других на Оркнейских островах не известно. Если бы это была гробница короля или вождя какой-либо местной династии, подобных гробниц должно было быть не меньше, чем на берегах Бойна или Блэкуотера. Должно быть, их была целая череда, одни более величественные, другие менее. Однако ничего подобного не происходит, и до тех пор, пока не будут найдены дополнительные сведения, группа Стеннисов не может быть отнесена к династии, просуществовавшей дольше только что указанных семидесяти шести лет. Эта недолгая династия, должно быть, также была самой великолепной и могущественной из всех, правивших на этих островах, поскольку ни одна гробница там не сравнится по великолепию с Мэс-Хоу. Если такое описание подходит какой-либо другой расе, кроме норвежских ярлов, я не знаю, где искать описание этого.

Предполагая пока, что это так, мы, естественно, обратимся к руническим надписям на стенах гробницы, чтобы посмотреть, насколько они подтверждают или опровергают эту точку зрения. К сожалению, в них нет ничего особенного ни в ту, ни в другую сторону. Единственные узнаваемые имена - Лодброк и Ингиборг. Первое, если Лодброк из нортумбрийской дурной славы, слишком рано; Ингиборг, если жена Сигурда Второго, слишком поздно, хотя, как первая христианская графиня Оркнейских островов, ее имя, возможно, каким-то образом перепутали с могилой последнего языческого ярла. Но должны ли мы ожидать найти какое-либо трезвое упоминание о дате и целях создания Хау в каких-либо каракулях на стенах? Английские варвары, которые пишут свои имена и рифмы на стенах гробниц вокруг Дели и Агры, не говорят, что это могила Хумаюна, или Акбара, или Этимада Доулы, или Сейеда Ахмеда. Они сочиняют какую-нибудь чушь о Тимуре-татарине, или о Великом Моголе, или какие-нибудь жалкие анекдоты о своем собственном народе. То же чувство, по-видимому, руководило христианами-норманнами в их обращении с могилой их языческого предшественника, и хотя, следовательно, мы не находим ничего, что можно было бы справедливо процитировать как подтверждающее точку зрения о том, что это гробница Хаварда, нет ничего, что можно было бы считать противоречащим ей.

Однако можно считать, что одна надпись проливает некоторый свет на этот предмет. В XIX.XX. рассказывается, хотя разными экспертами, которым это было передано, переведено так по-разному, что их трудно процитировать, что "в Орхау было найдено много сокровищ, и что это сокровище было зарыто на северо-западе", добавляя: "счастлив тот, кто сможет обнаружить это великое богатство".[289] Несколько лет назад к северо-западу от Мэс-Хоу, в заливе Скайл, было найдено огромное сокровище, как раз в таком месте, где пират, направлявшийся в Святую Землю, спрятал бы его в надежде по возвращении выкопать и забрать домой; но кораблекрушение или лихорадка, возможно, помешали ему сделать это. При этом кладе были найдены, как упоминалось выше, монеты Ательстана 925 года и багдадских халифов, датируемые 945 годом, именно такие даты, какие мы должны ожидать в гробнице 970 года, недавние, но не самые свежие монеты. Соединяя их с серебряными фигурками, найденными в коноидальных курганах вокруг Кольца Брогар, мы, по-видимому, имеем именно такую группу памятников, какую можно ожидать из приведенных выше исторических источников, и которые по своему содержанию почти наверняка относятся к указанному выше возрасту.

Если бы Мэс-Хоу был древней усыпальницей более ранней расы, когда северяне опустошали западные острова в начале IX века, крайне маловероятно, что они не стали бы вторгаться в "Орхоу". Сокровища, которые Амлафф и его датчане нашли в курганах на берегах Бойна, несомненно, побудили бы этих исследователей увидеть, что содержалось в оркейском кургане. Если бы они сделали это, иерусалимские паломники три столетия спустя не смогли бы сообщить, что в гробнице было найдено "большое вознаграждение", которое

было похоронено на северо-западе, по-видимому, в заливе Скайл. Все свидетельства надписей, насколько это возможно, указывают на то, что гробница была целой, когда ее взломали в двенадцатом веке. Если это так, то нет ничего более маловероятного, чем то, что она могла остаться нераскрытой, если существовала до 861 года как кельтская гробница. С другой стороны, нет ничего более вероятного, чем то, что норманны-христиане разграбили могилу одного из своих языческих предков, который, как они знали, был похоронен "с большим вознаграждением" в этом кургане за два столетия до них. Следует помнить, что двести лет - это очень долгий срок для неграмотного народа. Действительно, долгое время среди нас, со всеми нашими литературными пособиями; и если мы добавим к этому смену религии, произошедшую за это время среди норманнов, нам не нужно удивляться незнанию истории или презрению к обычаям своих языческих предков со стороны иерусалимских паломников. Во всяком случае, это было достаточно долгое время, чтобы полностью оправдать христианских грабителей, завладевших сокровищами своих языческих предков.

Однако, даже если предположить, что Мэс-Хоу является гробницей Хаварда или какого-либо другого норвежского ярла-язычника Оркнейских островов, все еще остается открытым вопрос, имеет ли она какое-либо отношение к двум кругам в непосредственной близости, и если имеет, то какое?[290]

Локально Хау и круги, безусловно, образуют одну группу. Таких курганов и подобных кругов нет в других частях островов, и это место настолько негостеприимно, так далеко от любого из населенных пунктов острова, что трудно понять, почему оно было выбрано, разве что случайно, поскольку являлось ареной каких-то важных событий. Если Хавард был убит здесь, в чем, кажется, нет причин сомневаться, нет ничего более вероятного, чем то, что один из его оставшихся в живых братьев, Лиотр или Лодвер, воздвиг курган над его могилой, подразумевая, что это также была могила для них самих. С другой стороны, крайне маловероятно, что шесть или семь других курганов, предположительно скандинавского происхождения, могли образоваться вокруг Кольца Бругар, если бы это было языческое святилище презираемых кельтов, которые предшествовали им во владении островом. Здесь нет необходимости снова возвращаться к вопросам о том, были ли храмом несколько широко расставленных камней, торчащих по кругу диаметром в сто метров, или нет. Это как раз такой памятник, который 1000 воинов-победителей могли бы установить за неделю. Это такое сооружение, которое жители округа не могли установить годами и не стали бы пытаться, потому что, когда бы оно было сделано, оно было бы абсолютно бесполезно для них ни в каких гражданских, ни в религиозных целях; и если это не кольцо, в котором были похоронены павшие в битве, я не знаю, что это такое. Вожди в этом случае были бы похоронены в коноидальных курганах поблизости, ярл - в соседнем хоу.

Поскольку Стеннис упоминается в Сагах, повествующих о смерти Хаварда, он, вероятно, существовал там и назывался простым скандинавским именем, которое северяне дали всему этому классу каменных памятников. Насколько я знаю, ни один из них не сохранил кельтского наименования. Предполагая, что это было раньше, его все равно вряд ли можно отнести к 800 году. Самая ранняя дата появления норманнов в наше время - 793 год в "Ирландских анналах", где упоминается о "обширном омниуме, изолирующем горечавку".[291] В 802 и снова в 818 годах они преследовали Иону,[292] и с тех пор, похоже, постоянно проводили пиратские экспедиции вдоль этих берегов, пока они не закончились формально оккупировав Оркнейские острова под руководством Гарольда Харфагара. Несмотря на меньший диаметр, Стеннис имеет более величественный и древний вид, чем Бругар, и, возможно, даже на столетие или два старше и является памятником какому-

нибудь вождю, павшему здесь в какой-то более ранней битве. В том, что это гробница, вряд ли можно сомневаться, судя по дольмену внутри ее кольца.

С кругом в Стеннисе связан дырявый камень[293], упомянутый выше, который, по-видимому, является наиболее четким и положительным свидетельством национальной принадлежности этой группы памятников.

Совершенно очевидно, что клятва Водену или Одину была принесена людьми, соединяющими свои руки через отверстие в этом камне-кольце, и что клятва, данная таким образом, хотя и христианами, считалась торжественной и обязательной. В те времена эта церемония считалась настолько священной, что человек, осмелившийся разорвать заключенную там помолвку, считался позорным и исключался из общества.[294] Директор Гордон в своем "Путешествии на Оркнейские острова" в 1781 году рассказывает следующий анекдот: "Молодого человека вызвали перед началом сеанса, и старейшины были особенно суровы. Когда министр спросил о причине такой суровости, они ответили: "Вы не знаете, какой это плохой человек; он нарушил обещание Одина", и далее объяснили, что договаривающиеся стороны взяли за руки через отверстие в камне".[295]

Такое посвящение камня Водену кажется невозможным после обращения ими северян в христианство примерно в 1000 году, и наиболее невероятным, если памятник был кельтского происхождения и существовал до завоевания страны 123 годами ранее. Если бы норманны не ненавидели и презирали своих предшественников, они бы никогда не истребили их; но, занимаясь этой работой, вероятно ли, что они приняли бы один из своих памятников как особо священный и следовали бы одному из своих обычаев, предполагая, что это был один из них, хотя нет абсолютно никаких доказательств того, что камень с отверстиями использовался на любом кельтском кладбище для какой-либо такой цели? Единственное решение, по-видимому, состоит в том, что памятник с таким сопровождением был воздвигнут между завоеванием страны и обращением завоевателей в христианство и, подобно многим древним обрядам, оставался неизменным на протяжении веков, не как перенятый у покоренных рас, а потому, что их предки практиковали его с незапамятных времен на своей родине. При любой другой гипотезе кажется невозможным, чтобы столь чисто языческий обряд мог пережить восемь веков христианства и по-прежнему считаться священным для тех, чьи предки поклонялись Водину в старые времена, за много веков до того, как эти камни были установлены на островах.

Все это кажется настолько ясным и последовательным, что можно предположить, что эта группа памятников была возведена между 800 и 1000 годами нашей эры, пока, по крайней мере, не будут выдвинуты какие-либо аргументы, ведущие к определенному выводу. В настоящее время я знаю только одну, которая заставляет меня задуматься: она любопытна и проистекает из удивительного сходства, существующего между этой и некоторыми более крупными английскими группами. Возьмем, к примеру, Стэнтон Дрю (ante, стр. 149). Он состоит из большого круга диаметром 340 футов, такого же, как Кольцо Брогара, и меньшего круга в пределах трех футов от размеров кольца Стенниса (101 против 104), в обоих последних есть дольмен, но не в центре, а по краю, единственное существенное отличие состоит в том, что в большом кольце в Стэнтоне было двадцать четыре камня, а в меньшем - восемь, по сравнению с шестидестью и двенадцатью в северном примере; это, однако, может быть связано с тем, что одно находится в местности, намного более каменистой, чем другое, и следует признать, что Стэнтонское кольцо состоит из двадцати четырех камней. камни выглядят старше, но это также может быть связано с различной природой пород, из которых они были взяты.

"Кольцо Букана" соответствует "кругу во фруктовом саду"; "Стража или королевский камень в Стеннисе" соответствует "Слову Хотвилла". Даже названия те же, "тон" и "несс" являются просто описанием таунленда и длинной полосы земли, на которой они расположены соответственно, и Мэс-Нолл смотрит сверху вниз на одно, а Мэс-Хоу - на другое.

Единственное, что требуется, - это кольцевой камень в примере с Сомерсетшир, но он мог легко исчезнуть, а в Эйвбери есть такой. Некоторые из этих совпадений, конечно, могут быть случайными, но они слишком многочисленны и слишком точны, чтобы быть полностью таковыми. Если их вообще признать, они, по-видимому, вынуждают нас к одному из двух выводов: либо время, прошедшее между возрастами двух памятников, меньше, чем можно предположить из предыдущих рассуждений, либо постоянство этих форм, когда они были однажды приняты, было большим, чем по другим причинам кажется разумным ожидать. Три или четыре столетия кажутся долгим сроком для зданий, стиль которых так почти идентичен. Однако, если их даты должны быть ближе друг к другу, кажется гораздо разумнее пригласить Стэнтон Дрю, чем возвращать Стенниса обратно. Гораздо больше соответствует тому, что мы знаем, вера в то, что Стэнтон Дрю был воздвигнут Хаббой и его датчанами, чем в то, что оркнейские круги и Мэс-Хоу могли быть работой несчастных Папе и Пети, которые населяли остров до вторжения норманнов.

Поскольку это последняя из больших групп, содержащих первоклассные круги, с которыми нам придется иметь дело на следующих страницах, возможно, стоит попытаться в как можно меньшем количестве слов суммировать те свидетельства, из которых мы приходим к выводу, что они могут относиться к указанной выше дате:-

1. История абсолютно умалчивает ни за, ни против этой теории. Что касается *litera scripta*, то она могла быть возведена либо финикийцами, либо во времена Стюартов.
2. Датская теория бесполезна. Не было найдено никаких кремневых, костяных, бронзовых или железных орудий, способных пролить какой-либо свет на его возраст.
3. На островах насчитывается несколько тысяч маленьких кротовых курганов - незначительных, без камней, без украшений.
4. Все детали Stennis group демонстрируют дизайн и мощь и создают эффект великолепия.
5. Кажется очевидным, что круги и курганы принадлежат двум разным народам.
6. Если это так, то курганы принадлежат пети и Папе; большие хоу и каменные памятники - северянам.
7. Если это так, то последние относятся к двум столетиям, охватывающим период между 800 и 1000 годами н.э.
8. Мэс-Хоу, будучи уникальным, должно быть, принадлежал к самой короткой, но самой великолепной династии на острове.
9. Что касается Хаварда. Он был убит на том месте, где сейчас стоит Мэс-Хоу, или недалеко от него.
10. Его отец, Торфин, был похоронен в хоу в Рональдшее. Его современник Горм был похоронен в хоу в Джеллинге.
11. Дракон и змея были вырезаны в гробнице Горма. Похожие изображения были найдены в Мэс-Хау.

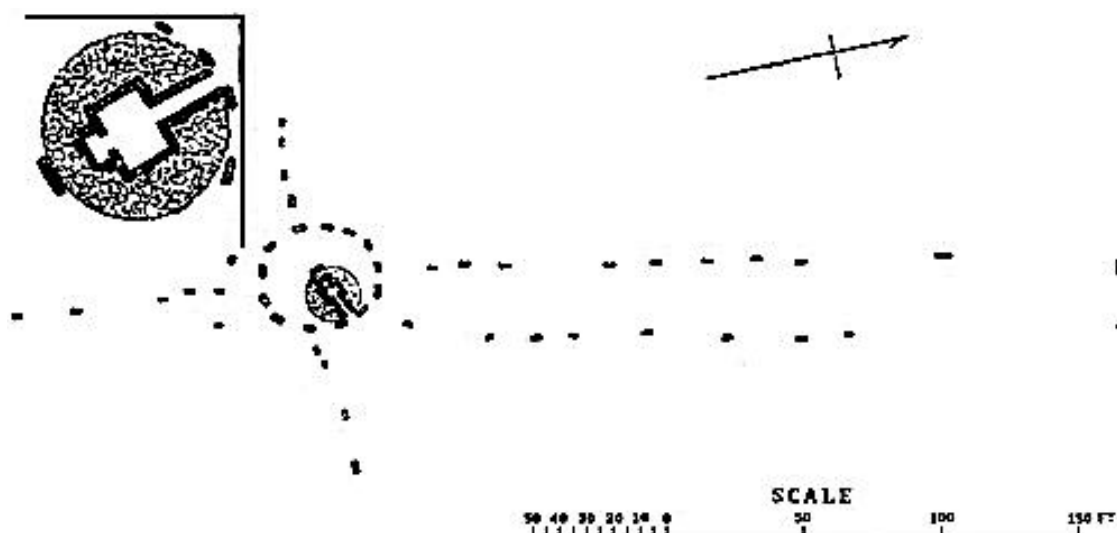
12. Четыре рунические буквы на заключительном камне правого локулуса, вероятно, датируются его первым возведением.
13. Все последующие надписи на гробнице признают ее скандинавским памятником.
14. Упоминание о сокровищах, найденных в нем в 1152 году, явно указывает на то, что в 861 году их не существовало, иначе они были бы разграблены норманнами, как ирландские гробницы.
15. Весьма вероятно, что "находка" из залива Скайл является частью этого клада, датированного не ранее 945 года, а может быть, двадцатью или сорока годами позже.
16. Торки, найденные в шести больших курганах в Бругаре, относятся к тому же возрасту.
17. Дырявый камень в Стеннисе, несомненно, был установлен северянами и посвящен ими Водену, и он, безусловно, является частью группы.
18. Название Havard's Steigr, закрепленное за этим местом в наши дни, имеет важное значение.

Против этого я знаю только один аргумент: *Omne ignotum pro antiquo*; который по причинам, указанным выше, я отвергаю.

Если бы кому-либо было представлено подобное дело относительно памятника, о котором мы никогда раньше не слышали, никто, вероятно, не колебался бы считать это дело доказанным, по крайней мере, до тех пор, пока другая сторона не смогла бы выдвинуть что-то более существенное. Однако таков эффект образования и так сильно оно влияет на умы большинства англичан в отношении финикийцев и друидов, что девять человек из десяти, вероятно, отвергнут его; некоторые утверждают, что это, должно быть, несправедливо, другие - что это неубедительное утверждение. Пусть они попытаются изложить свою точку зрения в нескольких словах, и я не думаю, что им будет трудно провести различие между этими двумя случаями.

Каллерниш.

Следующим по значимости после кругов Стенниса среди шотландской группы кругов является тот, что находится в Каллернише, на острове Льюис. Они расположены во внутренней части озера Лох-Роаг, на западном побережье острова, и, следовательно, более удалены от транспортных путей или центров пиктской или кельтской цивилизации, чем даже оркнейские группы. Местность, расположенная по соседству с ними, также представляет собой самую дикую и бесплодную местность, и никогда не могла быть заселена так плотно, как сейчас, где немногочисленное население совершенно не соответствует таким памятникам, как эти.

89. Памятник в Каллернише. По плану сэра Генри Джеймса.

Группа состоит из трех или четырех кругов, расположенных близко друг к другу, в начале залива. Они имеют обычную форму, от 60 до 100 футов в диаметре, и, следовательно, не примечательны ни своими размерами, ни размером камней, из которых они сложены. Одно из них, покрытое торфяным мхом, было раскопано несколько лет назад, и было найдено несколько ям, заполненных, как говорят, древесным углем;[\[296\]](#) но отчет ни в коем случае не является удовлетворительным. Примерно в миле к западу от трех из них, на северном берегу озера Лох-Роаг, стоит главный памятник. Он состоит из круга[\[297\]](#) 42 фута в диаметре. В центре находится высокий камень, около 17 футов высотой, который образует надгробие могилы крестообразного плана; но на самом деле это всего лишь трехпалатное сооружение, распространенное в курганах Кейтнесса и других частях севера Шотландии.[\[298\]](#) Первоначально она, по-видимому, была покрыта небольшой пирамидой из камней; но она исчезла, и могила освободилась от своего содержимого в какой-то период, предшествовавший образованию торфа, который скопился вокруг камней и который был удален несколько лет назад сэром Джеймсом Мэтисоном, когда эта могила была впервые обнаружена. От центрального камня двойная аллея простирается на 294 фута, а от той же точки на юг - в один ряд на 114 футов; таким образом, общая длина аллей составляет 408 футов; в то время как два рукава простираются на восток и запад, имея 130 футов в поперечнике.

Я полагаю, что именно Джон Стюарт первым сделал замечание: "Уберите пирамиду из камней из Нью—Грейнджа, и колонны сформировали бы еще один Каллерниш";[\[299\]](#) и, похоже, мало кто сомневается, что это истинное объяснение своеобразной формы памятника. Нетрудно также понять, почему это должно быть так; ибо следует иметь в виду, что все помещения и доступ к ним, должно быть, были построены и, вероятно, некоторое время стояли обнаженными, прежде чем над ними начали насыпать пирамиду из камней. Гробницу Каллии Бирры ([гравюра на дереве № 80](#)) и многочисленные "Феерические гроты", с которыми мы встречаемся во Франции и в других местах, я рассматриваю как камеры, некоторые из которых предполагалось похоронить в курганах, которые, однако, так и не были возведены: другие, когда люди познакомились с обнаженными формами, были похожи на многие дольмены, которые никогда не предполагалось прятать. Это может быть просто фантазией; но я не могу отделаться от впечатления, что, по крайней мере, во многих случаях покои были построены королями или вождями при их жизни как их собственные усыпальницы, и что пирамида из камней не возвышалась над ними до тех пор, пока тела не

были помещены в их ниши. Так, по крайней мере, обстоит дело на Востоке, где большинство великих гробниц были возведены теми, кто должен был в них лежать. При жизни они использовали их как дома удовольствий, и только после их смерти входы были замурованы, а окна затемнены, чтобы создать полумрак, который, как предполагалось, подобает жилищам умерших. Заслуживает внимания еще один момент. Кажется совершенно невероятным, что скульптуры, подобные тем, что найдены в ирландских и французских камерных курганах, могли быть выполнены при искусственном освещении. Либо камни были изваяны до того, как их поставили на свои места, что, мягко говоря, очень маловероятно; либо они были изваяны, когда свет еще мог проникать сквозь щели в камнях, образующих стены. В любом случае, однако, обнаженные формы этих комнат должны были быть прекрасно знакомы тем, кто ими пользовался; и нетрудно понять, почему, как в Кэрроуморе или Каллернише, они должны были повторять те же формы, которые, безусловно, никогда не предназначались для сокрытия.

Судя по появлению аналогичной формы в Северной Мойтуре ([гравюра на дереве № 59](#)), также использовавшаяся снаружи, можно утверждать, что она может быть того же возраста. Ирландский пример, как объяснялось выше, вероятно, того же возраста, что и большие камерные курганы Мита; но, по-видимому, между ними есть разница, которая указывает на совершенно иное положение дел.

В Мойтуре облицовочные камни, хотя и сброшенные, все еще существуют, и все выглядит как прямая имитация. В Каллернише размер, широкое расстояние между камнями, заостренная форма камней и вся конструкция в целом настолько сильно отличаются от всего, что могло быть предназначено для сокрытия, что, безусловно, кажется, что прошло много времени, прежде чем первоначальное использование формы могло быть настолько полностью упущено из виду, как это было в этом случае. Каждый должен сам определить, сколько веков он простоят между Нью-Грейнджем и Каллернишем. Мне кажется, что между ними должен был пройти очень значительный промежуток времени.

В Торморе, на западном побережье острова Арран, находится третья группа таких памятников, более многочисленная, но не такого масштаба, как памятники Стенниса или Каллерниша. Все они были тщательно исследованы доктором Брайсом из Глазго при содействии группы археологов в 1864 году, и результаты зафиксированы в "Трудах шотландских антикваров", [300], а также в небольшой работе по геологии Аррана. [301] Во всех захоронениях были обнаружены останки, кроме одного, который был вскрыт, но там все еще сохранился гроб. Главный круг сейчас представлен только тремя вертикальными камнями высотой от 18 до 20 футов; но первоначально они образовывали части круга диаметром 60 футов. Можно проследить два других круга, два киствана значительных размеров и два обелиска на возвышенности, которые, по-видимому, образовывали части либо кругов, либо каких-то других групп камней.

Хотя эта группа в Торморе не такая большая, как две другие, названные выше, она интересна, потому что дает справедливые средства проверить, были ли эти группы кладбищами или отмеченными полями сражений. Здесь два основных круга расположены на торфяном мху, который простирается, по крайней мере, на несколько футов ниже основания столбов, и в торфе были обнаружены могильные отложения. Другие из этих торморских памятников расположены там, где торф соединяется с песчаной почвой, а другие расположены на вершинах песчаных холмов, которые здесь несколько отходят от берега. Сейчас кажется маловероятным, что такое разнообразие вкусов могло существовать в какой-либо линии принцев. Если торф был выбран местом отдыха для кого-то, то, вероятно, так было бы и для всех. Если возвышенные песчаные холмы больше подходили для этой цели, почему

некоторые выбрали болото? а если кладбище, то почему не все рядом? Они простираются примерно на полмили к востоку и западу на расстоянии около мили от берега и занимают примерно самую пустынную равнину, какую только можно найти где-либо. Если бы здесь велась битва с каким-нибудь врагом, высадившимся в заливе, и те, кто был убит в ней, были похоронены там, где они пали, все это было бы легко объяснить; но трудно догадаться, кем могли быть вожди или принцы, похороненные здесь, если бы у них было время выбрать место своего последнего упокоения, или почему их похоронили таким беспорядочным образом.

В Бродик-Бей, на другой стороне острова, есть остатки двух других кругов и одного обелиска, но они широко разбросаны, и ничто не указывает на их назначение. Есть также другие круги и отдельно стоящие камни в Мулле Кантир, вплоть до канала Кринан; но опубликованные карты Артиллерийской службы не простираются так далеко, а опубликованные отчеты слишком расплывчаты, чтобы на их основе можно было сделать какие-либо выводы об их возрасте или использовании.

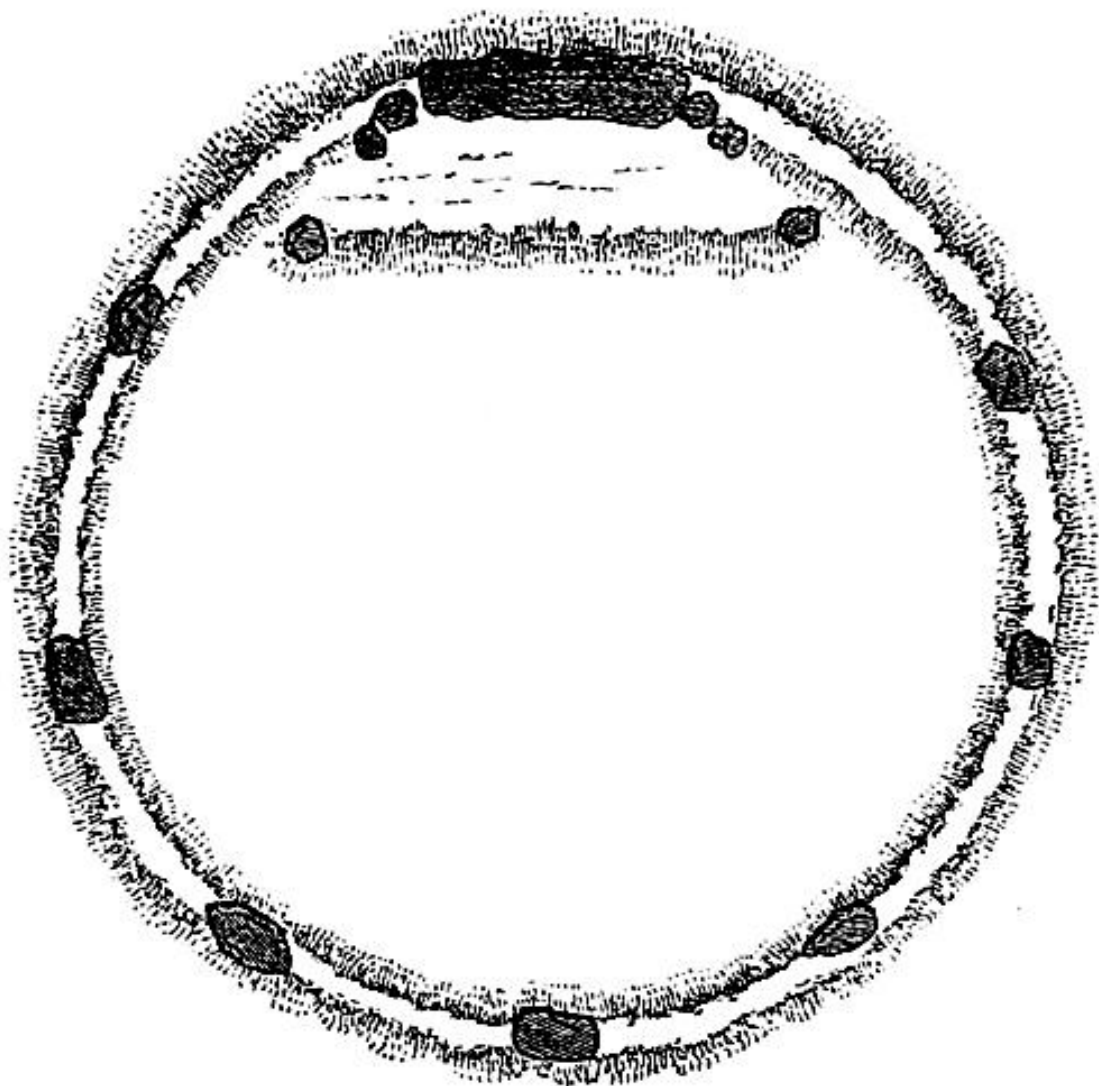
Круги Абердиншира, упомянутые выше, в некоторых отношениях отличаются от тех, что встречаются в других частях страны, и поэтому описаны полковником Форбсом Лесли в документе, зачитанном Британской ассоциации в этом году: "Основная группа камней в этих кругах всегда содержит один камень, больший остальных, который на разных памятниках варьируется от 11 до 16 футов в длину и от 2 до 6 в ширину. Его никогда не ставят вертикально; но вплотную к каждому концу этого лежащего монолита стоят два столбчатых камня; они различаются по высоте от 7 до 10 футов и обычно выбираются пирамидальной формы. С лицевой стороны и у концов лежащего камня два камня выступают примерно на 4 фута в круг, а образовавшееся таким образом углубление занято камнем, положенным плашмя на землю.

"В нескольких из этих кругов можно проследить приподнятую платформу шириной 5 или 6 футов и высотой 18 или 24 дюйма. С внешней стороны он был поддержан низкой стеной, соединяющей столбчатые камни, расположенные на равных расстояниях по окружности. Внутренняя сторона платформы поддерживалась камнями чуть больше ее высоты, расположенными рядом друг с другом.

Круги такого рода найдены в Акворти, Тайребэггере, Балкуэйне, Ротимее, Паркхаусе, недалеко от Диры, Дэвиота, Нью-Крейга, Дунадира и других населенных пунктов в Абердиншире. На "Кэндл—Хилл в Олд-Рейне" также есть круг,^[302] в пределах видимости от которого, на склоне хребта примерно в миле отсюда, стояли два скульптурных камня, которые сейчас находятся в Ньютоне, - на одном из которых уникальная алфавитная надпись; а на другом змея со сломанным скипетром, увенчанная двойным диском, обычно называемым Зрелищем. Украшение".

Их общее расположение будет понятно по гравюре на верхнем листе, представляющей один из них на Фиддес-Хилл, изображенный в пятом томе "Археологии", который можно считать прообразом остальных. Захоронение здесь, без сомнения, находится в приподнятой части, перед большим камнем, а не в центре, — особенность, которую мы уже имели возможность отметить в меньших кругах в Стэнтон-Дрю и Стеннисе. Однако, по-видимому, так было не всегда. Круг, например, в Рейне, о котором говорилось выше, был раскопан под руководством мистера Стюарта,^[303] и было обнаружено, что в его центре находится яма, в которой было "некоторое количество черной плесени, обгорелых костей и несколько кусочков древесного угля". Были также найдены фрагменты маленьких урн и все обычные принадлежности для захоронения". Завершая свой рассказ об этом, м-р Стюарт говорит: "Следует отметить, что 2 мая 1349 года Уильям, епископ Абердинский, провел суд в Стоячих

камнях Рейна, на котором присутствовал королевский судья" ("Regst. Episc. Aberd. том i. стр. 79, Spald. Клуб). Таким образом, ясно доказывается не только могильная природа кругов, но и то, как они впоследствии использовались.

90. Круг на Фиддес-Хилл, 46 футов в диаметре.

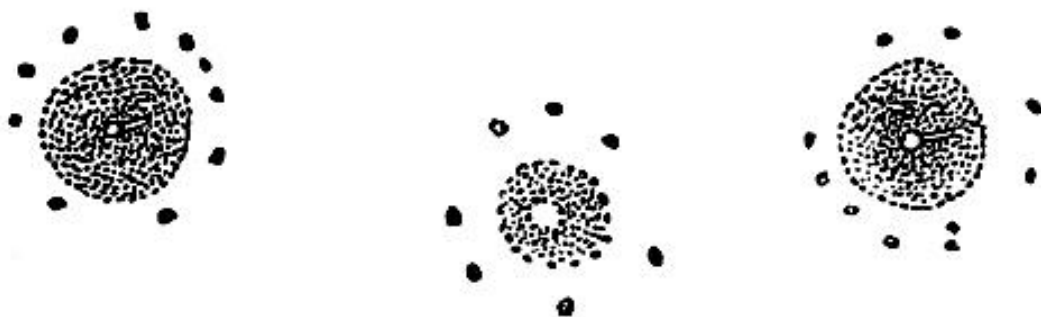
Если мы сможем связать эти камни в Рейне с камнями Ньютона, как склонен делать полковник Форбс Лесли, мы получим доказательство постхристианской датировки этого могильного круга, а также средневекового использования; и хотя я не сомневаюсь, что все это верно, простое сопоставление скульптурных камней и круга вряд ли кажется достаточным, чтобы на него полагаться.

В Приложении к предисловию к первому тому "Скульптурных камней" м-р Стюарт описывает раскопки, проведенные примерно в четырнадцать кругах, похожих или почти похожих на этот в Рейне; и во всех более или менее отчетливых захоронениях были обнаружены захоронения. В некоторых, как, например, в упомянутом ранее храме Кричи, у подножия каждого из шести камней, окружавших его, были обнаружены захоронения. Как и многие из наших английских кругов, этот последний был окружен рвом, в данном случае 20 футов

шириной и 6 футов глубиной, пересеченным двумя входами, как Арбор Лоу и Пенрит серкл, а внутри рва стояли камни. Как общее правило, можно утверждать, что все шотландские круги диаметром не более 100 футов при научном исследовании дали свидетельства использования в погребальных целях. Таков, безусловно, результат опыта мистера Стюарта, подробно описанного выше; опыта доктора Брайса в Арране; опыта мистера Дайса Никола[304] и других в Кинкардине; и в других местах. Полковник Форбс Лесли сообщает мне, что ему не так повезло с некоторыми из тех, кого он упомянул в своей лекции, которую он либо открыл сам, либо узнал подробности на месте. Однако он признает, что некоторые из них были открыты раньше, другие нарушены совершенствованием; и в целом его переживания кажутся исключительными и далеко не окончательными. С одной стороны, перевес доказательств настолько велик, что мы можем быть вполне довольны ожиданием объяснения таких исключительных случаев, как этот.

Все круги Абердиншира разбросаны поодиночке или, самое большое, парами в отдаленных и, как правило, бесплодных частях страны; так что очевидно, что они не обозначали ни полей сражений, ни даже кладбищ, а могут рассматриваться только как могилы вождей или иногда, возможно, семейные усыпальницы. Однако есть одна группа в Клаве, примерно в пяти милях к востоку от Инвернесса, которая представляет больший, чем обычно, интерес, но опубликованные отчеты о ней не столь полны и не столь удовлетворительны, как можно было бы пожелать.[305]

По словам мистера Иннеса, руины восьми или девяти пирамид все еще можно различить, хотя вся небольшая долина или впадина, в которой они расположены, кажется усеянной блоками, которые, возможно, принадлежали другим, но которые смыла наступающая волна возделывания. Самые совершенные из ныне сохранившихся пирамид - три на западном конце долины, две внешние и более крупные стоят примерно в 100 ярдах друг от друга. Они сделаны из камня, около 70 футов в диаметре, окружены кругом из вертикальных камней размером 100 футов в поперечнике. Промежуточный меньше, всего 50 футов, с кругом диаметром 80 футов.[306] Было обнаружено, что две крайние из них содержат круглые камеры диаметром около 12 футов и высотой 9 футов с ведущими к ним проходами длиной около 15 футов и шириной 2 фута; и в двух или трех случаях камни в них были украшены изображениями чаш, хотя не похоже, что они были изваяны иным образом.[307] В том, что к западу были найдены две могильные урны, чуть ниже уровня первоначальной почвы. Однако при извлечении они были сломаны; и, по-видимому, их не собирали снова и не рисовали, так что из них нельзя сделать никаких выводов относительно возраста пирамид.

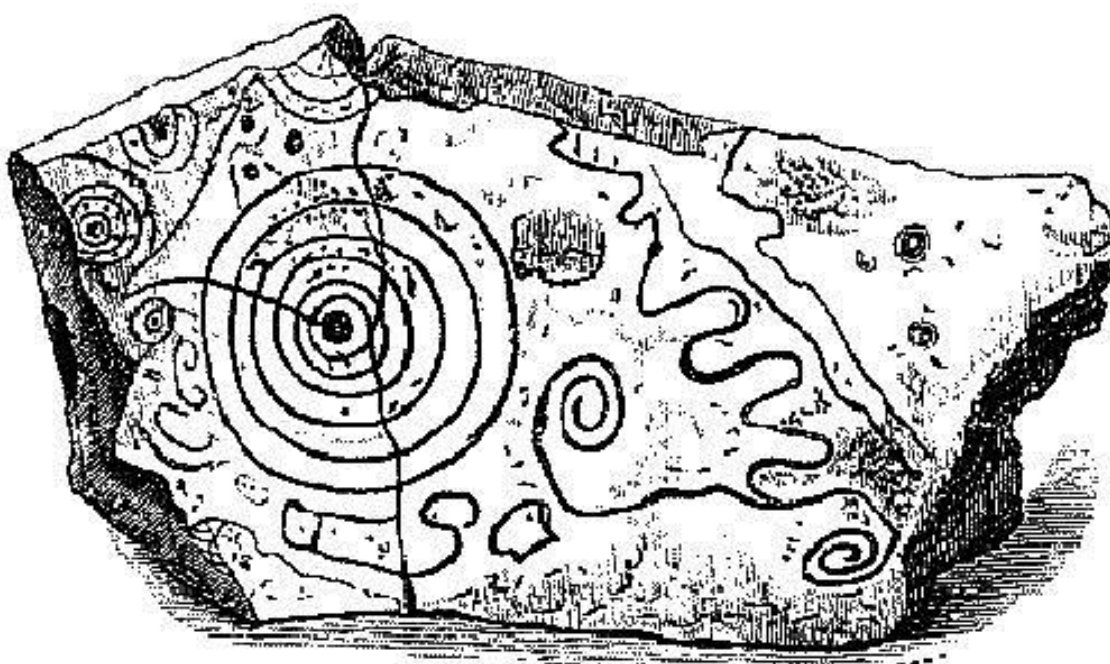
91. План холмов клавы. Из Артиллерийской разведки. Масштаб 25 дюймов.

92. Вид на холмы Клавы. С рисунка мистера Иннеса.

Какой бы скудной ни была эта информация, ее достаточно, чтобы показать, что Клава не отмечает поле битвы. Тщательно построенные палаты с горизонтально-сводчатыми крышами - это не те памятники, которые солдаты в спешке возводят над могилами своих павших вождей. Очевидно, это кладбище; и с учетом знаний, которые мы приобрели, изучив те, что находятся в Ирландии, не может быть особых колебаний в приписывании его той династии, которую представлял король Бруд, когда святой Колумба в шестом веке посетил его в его "Munitio" на берегах Несса.^[308] Если король Бруд действительно был обращен в христианство Колумбом, то ни в коем случае нельзя исключать, что небольшая квадратная ограда в западном конце "хью", которая до сих пор используется как место захоронения языческих или, по крайней мере, некрещеных младенцев, отмечала место, где он и его преемники были похоронены после того, как раса была отлучена от матери. более благородные погребальные обряды их предков.

Было бы чрезвычайно интересно продолжить это исследование, если бы для этого существовали материалы; поскольку мало найдется проблем более запутанных и в то же время в своем роде более важных, чем происхождение пиктов и их отношения с ирландцами и гэлами. Язык здесь нам не поможет: мы слишком мало знаем о том, на котором говорили пикты; но эти памятники, несомненно, помогли бы, если бы кто-нибудь взял на себя труд исследовать этот вопрос путем тщательного сравнения всех существующих в Шотландии и Ирландии.

93. Камень в Койлсфилде.

На юге Шотландии, например, мы находим такой камень в Койлсфилде, на реке Эйр,[\[309\]](#) который, принимая во внимание разницу рисунка, идентичен изображенному на гравюре на дереве № 71. Там тот же круг, та же неопределенная волнистая линия и, в целом, тот же символ. Другой был найден на Аннан-стрит в Роксбургшире и настолько похож по рисунку, что, если бы его поместили в камеру в курганах Нью-Грейнджа или Даута, никто бы не заподозрил, что он находится не в том месте, для которого был изначально спроектирован [. \[310\]](#) Но, по крайней мере, в Пиктланде, или, другими словами, к северу от Форта, на восточной стороне Шотландии, скульптур такого класса пока не обнаружено.

94. Перед камнем в Аберлеммо с Крестом.

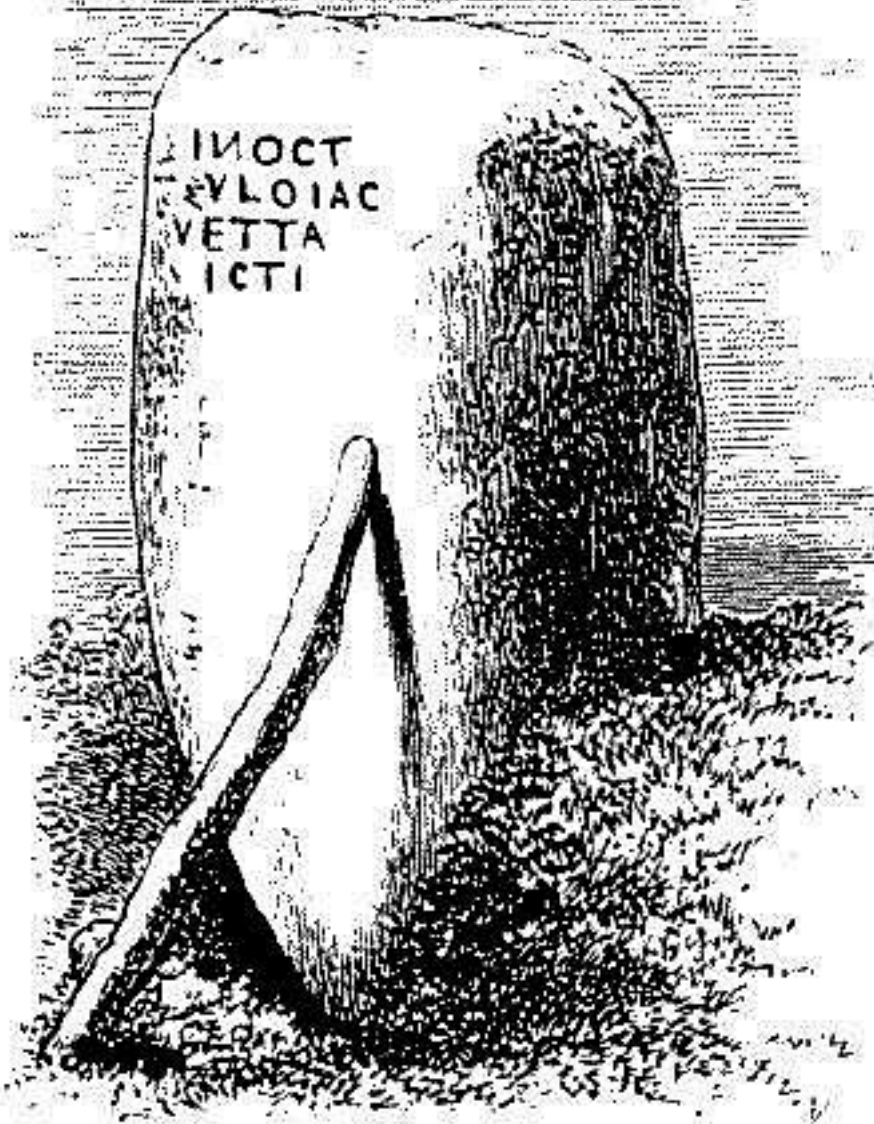

95. Обратная сторона камня в Аберлеммо.

Скульптурных камней пиктов, однако, вполне достаточно, чтобы доказать тесное расовое родство между двумя народами, но всегда с различиями, которые очевидны даже при беглом рассмотрении. Возьмем один пример. В Аберлеммо, недалеко от Бречина, есть очень красивый камень, который, как говорят, был установлен в память о победе, одержанной над датчанами при Лонкарти в последние годы десятого века.^[311] Как бы то ни было, кажется, нет причин сомневаться в том, что это боевой камень и действительно принадлежит веку, к которому народная традиция относит его. На лицевой стороне изображен крест, но, как и все в Шотландии, без нарушения очертаний камня, который все еще сохраняет память о своей грубой форме. В Ирландии руки креста так же неизменно выходят за линию камня, как и руки в Айоне, которые являются ирландскими, и к ним обычно присоединяется круглая Слава. Орнаменты на кресте одинаковы в обеих странах и в основном состоят из того

любопытного переплетающегося плетеного узора, столь распространенного также в рукописях той эпохи в обеих странах, но который, насколько мне известно, больше нигде не существует, кроме Армении.^[312] Так называемый "ключевой" орнамент на горизонтальных плечах креста в Аберлеммо, по-видимому, также восточного происхождения, поскольку он встречается в Сарнатх Топе, недалеко от Бенареса, и в других местах, но является общим для обеих стран; также как и орнамент в виде дракона на боковой стороне креста, хотя он больше похож на скандинавский орнамент, чем на что-либо, что может претендовать на происхождение дальше. восток.

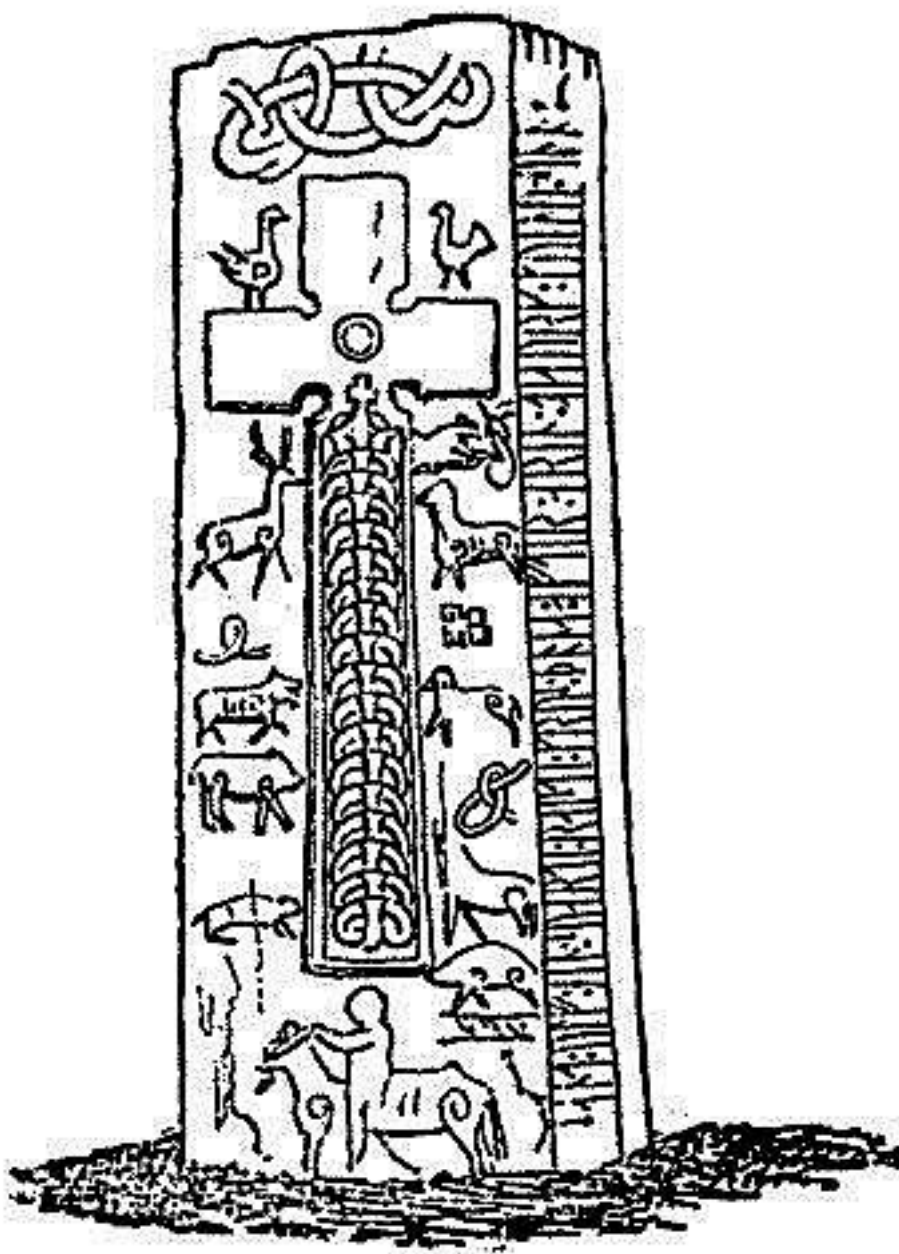
Среди различий можно отметить, что рисунки на ирландских крестах почти неизменно отсылают к сценам Страстей Господних или взяты из Библии. На шотландских камнях они также постоянно отсылают к инцидентам в битвах или на охоте, или к тому, что можно рассматривать как события гражданской жизни. Существенное различие, однако, заключается в том, что, за редким исключением, пиктские камни несут на себе некоторые из тех эмблем, которые представляли такую загадку для антикваров. Так называемый сломанный скипетр, брошь и алтарь можно увидеть в камне Аберлеммо; но в более ранних примерах они гораздо важнее и бесконечно разнообразны.^[313] Также стоит отметить, что единственные настоящие круглые башни в Ирландии украшают две пиктские столицы Бречин и Абернети. Все это указывает на различие, которое вполне может помочь нам понять, почему святому Колумбе потребовался переводчик для общения с пиктами;^[314] но также и на сходство, которое привело бы нас к пониманию того, что кладбище в Клаве было аналогом того, что на берегах Бойна, с той же относительной степенью великолепия, с какой короли Инвернесса относились к королям Тары; и если мы не найдем подобных курганов в Бречине или Абернети, то, должно быть, короли этих провинций — если таковые вообще существовали — были обращены в христианство до того, как приняли этот способ захоронения. Можно предположить, что, поскольку Мэс-Хоу, безусловно, является прямым потомком памятников на реке Бойн, это тоже должна быть кельтская или пиктская гробница. Однако по причинам, указанным выше, такая теория кажется совершенно несостоятельной; но, таким образом, многое можно допустить, что такая гробница, вероятно, не была бы воздвигнута даже норманнами в стране, где не было основного кельтского или пиктского населения.

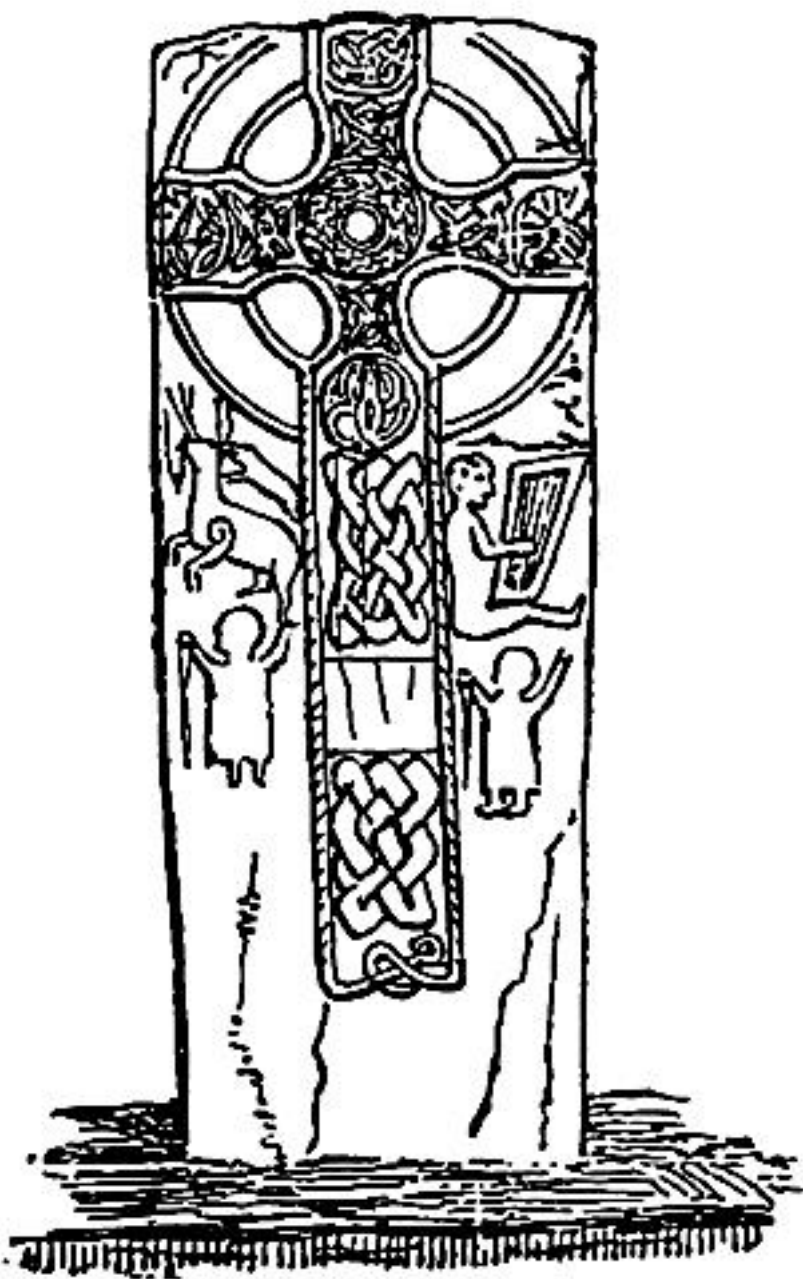
96. Кэт Стоун, Кирклистон.

Прежде чем покинуть эти изваянные камни, может быть, стоит указать на одну из тех аномалий, которые так часто встречаются нам в подобных исследованиях, и показать, как мало обычных вероятностей достаточно, чтобы привести к истинному заключению. Среди скульптурных камней Шотландии, вероятно, одним из старейших является камень Ньютона. На нем есть, по крайней мере, оганская надпись по краю; и большинство антикваров признают, что оганские гравюры на камне были прекращены, когда была введена и общепонятна алфавитная письменность. На лицевой стороне также есть буквенная надпись, но буквы не римские. Возможно, они плохо написаны на греческом, но определенно выглядят доримскими и, следовательно, вероятно, являются самой ранней известной шотландской надписью. В Кирклистоне, недалеко от Эдинбурга, есть еще один камень с надписью на латыни. Это "кошка", или боевой камень, и на нем на хорошей латыни записано имя Ветты, сына Виктиса. Является ли этот Ветта дедушкой Хенгиста и Хорсы, как утверждал сэр Джеймс Симпсон, или нет,^[315] не имеет большого значения для нашего настоящего

аргумента. Он примерно их возраста и, следовательно, такой же старый, как любой из других камней в Шотландии; и есть также третий в Ярроу, [316] с более поздней надписью, которая, кажется, примерно того же возраста, что и образец из Лотиана. Любопытная часть этого дела заключается в том, что, начав с алфавитного письма, они полностью отказались от него, и в течение шести или семи столетий, на протяжении которых, несомненно, существуют эти скульптурные камни, найти камень с алфавитной надписью - редчайшая возможная вещь; и почему это должно быть так, ни в коем случае не ясно. Возьмем, к примеру, только что упомянутый камень Аберлеммо. Люди, воздвигшие его, были христианами, — свидетельство тому крест: орнаменты на нем почти идентичны тем, что найдены в ирландских рукописях седьмого и восьмого веков. [317] Таким образом, очевидно, что люди, нарисовавшие эти орнаменты, умели писать, а поскольку они умели писать и вырезать с такой изысканной точностью, кажется странным, что им никогда не приходило в голову даже написать имя людей, воздвигших камень, или какое-нибудь слово, выражающее его назначение. Ирландцы, вероятно, сделали бы так; а скандинавы покрыли бы их рунами, как они сделали с теми, что воздвигли на острове Мэн, хотя, вероятно, и несколько позже. Что касается двух крестов, изображенных на гравюрах на дереве, № 97 и 98, то на первом имеется надпись о том, что "Сандульф Смуглый воздвиг этот крест своей жене Арнбьерг". Судя по их именам, оба явно скандинавского происхождения. Надпись на боковой стороне второго гласит: "Мал Лумкун воздвиг этот крест своему приемному отцу Мальмору, или Мал Муру". [318] Оба названия несомненно гэльского происхождения, что показывает, что по крайней мере в том возрасте любая этнографическая теория, которая приписывала бы эти камни исключительно какой-либо из рас, вряд ли может быть поддержана. Тогда эти две расы, по-видимому, следовали моде того времени, как они поступали в более суровые времена. За исключением случая с камнем Святого Вижана, на котором сэр Джеймс Симпсон прочитал имя Дростена, [319], с большой долей уверенности относящий его к 729 году н.э., ни один из 101 камня, проиллюстрированных в великолепных томах Сполдинг-клуба, не содержит едва ли ни обрывка буквенного письма. Во всем они отдавали предпочтение странному виду геральдической символики, толкование которой до сих пор не поддается изобретательности наших лучших антикваров. Следовать этим курсом было очень порочно, но пока мужчины поступали так, вероятно, еще во времена Суэно, 1008 г. н.э., [320] излишне спрашивать, почему мужчины устанавливали грубые камни в память о событиях или личностях, когда они могли бы высечь или начертать их; или почему, на самом деле, как мы бы настаивали, они не воспользовались всеми ресурсами об искусстве или учености, которыми они обладали?

97. Крест на острове Мэн с рунической надписью.

98. Крест на острове Мэн с рунической надписью.

Другие памятники из грубого камня Шотландии не являются ни многочисленными, ни важными. Дэниел Уилсон перечисляет около полудюжины дольменов, которые все еще существуют в низинах и в некоторых частях Аргиллшира, но ни один из них не важен по своим размерам и не представляет каких-либо особенностей, отличающих их от дольменов Уэльса или Ирландии; при этом ни одна традиция не привязалась ни к одному из них таким образом, чтобы дать намек на их возраст или назначение. Помимо них, есть несколько одиночных камней, разбросанных тут и там по всей стране, но нет ничего, что указывало бы на то, являются ли они кошачьими камнями, обозначающими границы или просто могилами, так что перечислять их было бы столь же утомительно, сколь и неструктурно. То, что они могут представлять небольшой интерес, будет лучше оценено, когда мы изучим страны Скандинавии и Франции, которые более многочисленны, а также более понятны. Когда мы также освоим их в той мере, в какой это позволят нам доступные материалы, мы сможем оценить значение многого из того, что только что было изложено. Между тем, может быть,

стоит отметить, что то, что мы, по-видимому, уже получили, — это знание о том, что раса, строившая круги, пришла с севера, коснувшись сначала Оркнейских островов, а затем, пройдя через Гебридские острова, разделилась на севере Ирландии - одна ветвь осела на западном побережье этого острова, другая высадилась в Камберленде и проникла в Англию в юго-восточном направлении.

Подобным же образом мы, по-видимому, имеем дело с расой строителей дольменов, которые с юга впервые появились в Корнуолле, а оттуда распространились на север, поселившись по обе стороны пролива Святого Георгия и оставив следы своего существования на юге и обоих побережьях Ирландии, а также в Уэльсе и на западе Англии в целом. Были ли эти два противоположных течения синхронными или нет - это вопрос, который должен быть решен позже. Мы также будем в лучшем положении, чтобы установить, что это были за расы, которые таким образом распространились вдоль наших берегов, когда изучим единственные страны, из которых, вероятно, они могли произойти.

Сноски

[271] "Скульптурные камни Шотландии". Два тома. quarto. Опубликовано Сполдинг-клубом в 1856 и 1867 годах.

[272] Несколько лет назад покойный мистер Райнд из Сибстера оставил наследство стоимостью более 400 *фунтов стерлингов*. ежегодно, чтобы предоставить профессору археологии в Шотландии, который также должен был выполнять функции хранителя самих памятников, но, к сожалению, оставил это дело обремененным пожизненными интересами родственнику. Два года назад была предпринята попытка заставить правительство предвидеть падение пожизненных процентов и немедленно назначить мистера Стюарта на этот пост. Возможно, было бы чересчур ожидать столь просвещенного акта щедрости от такого правительства, как наше. Но об их решении приходится сожалеть; не только потому, что таким образом мы можем полностью лишиться услуг самого квалифицированного человека в Шотландии для этой цели, но и в большей степени потому, что сами памятники быстро исчезают, и никаких записей о них не сохранилось. Сельское хозяйство очень безжалостно относится к большому камню или коряге, которые стоят на пути плуга, и в такой улучшающейся стране, как Шотландия, следующему поколению может мало что остаться для записей.

[273] Описание этих памятников взято из статьи лейтенанта Томаса с геодезического судна Ее величества *Вудларк*. Это самый подробный и корректный опрос, который у нас есть среди всех британских групп. Это было опубликовано в "Археологии", xxxiv. стр. 88 и далее.

[274] Четыре камня изображены стоящими, когда "Вид памятника" Барри был опубликован в 1807 году, и четыре камня изображены стоящими на серии гравюр, сделанных герцогиней-графиней Сазерленд по ее собственным рисункам в 1805 году. Если локоть в переносице, изображенный на рисунке на фронтисписе, не является вольностью, которую художник позволил себе, то мой рисунок более ранний, чем любой из этих. Когда я впервые купил его, я думал, что это работа Дэниела. Однако его турне состоялось в 1815 году. Судя по внутренним свидетельствам, этот рисунок должен быть датирован 1805 годом.

[275] "Археология", xxxiv. стр. 89.

[276] "Археология", xxxiv. стр. 90.

[277] Большая часть этой находки со всеми монетами находится в Музее Общества антикваров, Эдинбург. Даты на монетах были любезно скопированы для меня мистером Стюартом.

[278] "Примечание к руническим надписям, обнаруженным во время недавних раскопок на Оркнейских островах". Джеймс Фаррер, член парламента 1862 года.

[279] 'Proc. Soc. Ant. Scot.', стр. 70.

[280] Олаус Вормиус, "Памятник Данике", стр. 188, рис. 6.

[281] "История Оркнейских островов" Барри, стр. 399. См. также "Археология", xxxiv. стр. 89.

[282] Барри, "История Оркнейских островов", стр. 124.

[283] Мистер Джордж Петри недавно по моей просьбе провел некоторые раскопки в этих курганах, но результаты не были окончательными. Он придерживается мнения, что один из исследованных им курганов может быть могилой Торфина, но он слишком сильно разрушен, чтобы давать какие-либо определенные указания.

[284] "Воспоминания о Северной Антарктиде", iii. стр. 236.

[285] Эти даты взяты у Барри, стр. 112 *и далее.*, но они кажутся бесспорными и встречаются во всех исторических источниках.

[286] "История Оркнейских островов". стр. 125.

[287] "Доисторические анналы Шотландии", стр. 112. 'Archæologia,' xxxiv. p. 89.

[288] "Воспоминания северных антикваров", iii. стр. 250.

[289] Фаррер, "Надписи на Оркнейских островах", стр. 37.

[290] Несколько лет назад ответ на такой вопрос сочли бы сразу же, как он был задан; но, как пишет Дэниел Уилсон в отчаянном отрывке из своего Введения, * "Эта теория датского происхождения почти всех наших местных искусств, хотя и принята без исследования и поощряется вопреки очевидности, давно перестала быть просто популярной ошибкой. Более того, - добавляет он, - это кумулятивная ошибка; Пеннанта, Чемберса, Барри, Мак-Каллоха, Скотта, Хибберта и множество других авторов можно было бы процитировать, чтобы показать, что теория, подобно снежному шару, собирается по мере своего вращения, без разбора используя любые шансы оказаться на своем неустойчивом пути". Однако, несмотря на его возмущение, я подозреваю, что оно наберет такую силу, что дискредитировать его будет очень трудно. С тех пор как Александр Бертран также предпринял свою атаку на теорию о том, что кельты имели какое-то отношение к мегалитическим памятникам, почва быстро уходит у них из-под ног; и хотя доказательства все еще далеки от завершения, все же, судя по нынешним представлениям, кельты должны отказаться от своих притязаний на любой из каменных кругов, а также на большинство других каменных памятников, с которыми мы знакомы, если не на все.

* "Доисторические анналы Шотландии", стр. xv.

[291] "Анналы Иннисфалля". у О'Коннора, 'Перераб. Привет. Сума. ii. стр. 24. "Анналы Ультона". Там же. iv. стр. 117.

[292] "Иона" герцога Аргайлла, стр. 100.

[293] Слева от вида на фронтисписе.

[294] "Шотландская археология". iii. стр. 119.

[295] "Археология", xxxiv. стр. 113.

[296] "Труды Общества Шотландии", iii. стр. 213.

[297] Эти размеры и план взяты из работы сэра Генри Джеймса "Стоунхендж, Турушан" и др.

[298] Андерсон, о рогатых курганах в Кейтнесе, "Proc. Soc. Ant. Шотландии", vi. стр. 442 *и далее.*, и vii. стр. 480 *и далее.*

[299] "Скульптурные камни Шотландии", ii. стр. xxv.

[300] Том iv. стр. 499.

[301] Глазго, 1865, стр. 186 *и далее.*

[302] В "Археологии", том. xxii. стр. 200 и 202, приведены планы и виды шести кругов Абердиншира, и еще два приведены в том же томе *далее.*

[303] "Скульптурные камни Шотландии", том i, стр. xxi.

[304] В сентябре 1858 года мистер Дайс Никол с группой опытных археологов раскопал четыре круга, расположенных в ряд и простирающихся почти на милю, на дороге из Абердина в Стоунхейвен и примерно в 1½ миле от моря. Первый и последний были потревожены раньше, но второй, в Кинг-Косси, и третий, в Аквортисе, дали несомненные свидетельства их могильного происхождения. Вывод, к которому пришли эти джентльмены, заключался в том, что "каким бы другим целям ни служили эти круги, одним из их применений было место захоронения". —*Proceedings Soc. Ant. Scot.* против. стр. 134.

[305] Я очень сожалею, что не смог посетить это место сам. Однако оно было тщательно обследовано капитаном Чарльзом Уилсоном, когда он был прикреплен к артиллерийской службе в Инвернесе. Он также составил подробные планы и зарисовки всех памятников, но, к сожалению, отправил их в Артиллерийское управление в Саутгемптоне, и, следовательно, они недоступны для наших нынешних целей.

[306] Эти размеры взяты частично из таблицы обзора боеприпасов в 25-дюймовом масштабе, а частично из статьи мистера Иннеса в "Proceedings Soc. Ant." iii. стр. 49 *и далее.*

[307] Там же. Приложение, vi. pl. x.

[308] Ривз, Адамнан. Вита Святого Колумба". стр. 150.

[309] "Доисторические анналы" Уилсона, стр. 332.

[310] Забавный спор относительно существования этого камня можно найти в "Трудах Scot. Ant.", iv. стр. 524 *и далее.* Кажется абсолютно невозможным, чтобы какой-либо человек, даже вдохновленный каким-то первозданным виски, случайно нарисовал скульптуру, настолько похожую на то, что делали его предки за пятнадцать веков до него.

[311] Гордон, "Первый сентябрь", стр. 151.

[312] В моей "Истории архитектуры", ii. стр. 345, я рискнул робко намекнуть, что этот армянский орнамент будет найден идентичным тому, что изображен на ирландских и пиктских крестах. С тех пор я видел серию фотографий армянских церквей, которые не оставляют у меня сомнений в том, что это сходство не случайно, а что одна страна позаимствовала его у другой.

[313] Смотрите "Скульптурные камни" Стюарта и "Ранние расы Шотландии" полковника Форбса Лесли, *passim*.

[314] Ривз, Адамнан. Вита Святого Колумба", стр. 65 и 145.

[315] 'Proceedings Soc. Ant. Scot.' iv. стр. 119 и далее.

[316] Там же. iv. стр. 524.

[317] Вествуд, "Факсимиле ирландских рукописей", листы 4-28.

[318] Эти две гравюры на дереве заимствованы у Ворсаи, "Датчане и северяне". Лондон, 1852.

[319] "Скульптурные камни Шотландии", ii. стр. 70.

[320] Камден, "Брит". 1268.

ГЛАВА VII. СКАНДИНАВИЯ И СЕВЕРНАЯ ГЕРМАНИЯ.

Вступительное слово.

Датчанами и их почитателями было так много сказано об услугах, которые они оказали изучению доисторической археологии, что вызывает некоторое разочарование тот факт, что при ближайшем рассмотрении оказывается, что об их мегалитических памятниках известно едва ли не меньше, чем о памятниках любой другой страны Европы. До сих пор не опубликовано ни одной работы, дающей что-либо похожее на статистический отчет о них, и не существует карты, показывающей их распределение. Та скудная информация, которую можно получить о датских дольменах и других подобных памятниках, рассеяна по стольким томам трудов и разрозненным эссе, что чрезвычайно трудно составить о них какое-либо связное представление - фактически, почти невозможно для любого, кто не знаком с местными провинциями, в которых они находятся. Похоже, правда заключается в том, что датские антиквары были так заняты размещением своих микролитических сокровищ в стеклянных витринах, что совершенно пренебрегли своими более крупными памятниками снаружи. Таким образом, они собрали богатства, которыми не обладает ни одна другая нация, и создали очень совершенную грамматику и словарь этой науки. Но грамматика и словарь - это не история и не философия; и хотя их труды в конечном итоге могут оказаться наиболее полезными для будущих исследователей, они очень малопригодны для наших нынешних целей. Действительно, до сих пор они были скорее предвзятыми, чем иными, заставляя людей верить, что, когда они могут отличить кремневый, бронзовый или железный инструмент, они знают альфу и омегу науки, и что больше ничего не требуется для определения относительной даты любого данного памятника. Это все равно, как если бы мы взяли на вооружение простую химию древних и разделили все известные вещества на землю, воду, огонь и воздух: разделение не только удобное, но и практически настолько верное, что против него почти ничего нельзя сказать. Однако она не соответствует уровню знаний того времени и не учитывает тот факт, что земля иногда может превращаться в газы, а воздух - в жидкости или затвердевать. Вместо их простой системы сейчас требуется нечто такое, что учитывало бы различные расы человечества — некоторые прогрессивные, некоторые наоборот — и различные случайности успеха и процветания или катастрофы и

бедности: первое ведет к объединению отдельных сообществ в крупные центры и последующему прогрессу; другое ведет к рассеянию и застою, если не к регрессу, в искусстве жизни, которое стремится к тому, что мы называем цивилизацией. На Международном конгрессе доисторической археологии, состоявшемся в Копенгагене осенью 1869 года, стало ясно, что многие из лучших северных антикваров были склонны в значительной степени отказаться от жестких линий своей первоначальной системы и признать не только то, что в ней могут быть значительные совпадения, но даже, в некоторых случаях, что ее указания не соответствовали фактам. С момента проведения Конгресса прошло более двух лет, но книга, содержащая отчет о его работе, еще не опубликована; когда она будет опубликована, мы, вероятно, сможем с гораздо большей благосклонностью отзываться не только об их взглядах, но и о степени их знаний о рассматриваемых древностях.

При таких обстоятельствах мы можем поздравить себя с тем, что у нас есть такая работа, как у Себорга.^[321] Он писал, к счастью, до изобретения датской системы, но, к сожалению, до того, как рисунок и гравировка достигли точности и ясности, которые характеризуют их сейчас. Вследствие последнего недостатка мы не всегда можем быть уверены в своих аргументах, основываясь на его рисунках; но, вообще говоря, он настолько честен, настолько свободен от системы, что в этом отношении опасность очень невелика. Достоинство работы также в том, что она так же свободна от спекуляций о друидах и змеях, которые уродуют современные работы английских антикваров, как и от "Трех эпох датчан"; хотя, с другой стороны, он относит все дольмены и подобные памятники к доисторическим "йотерам", или расе великанов, которые, согласно его взглядам, предшествовали Одину и его истинным скандинавам, которым он приписывает все подлинно исторические памятники.

В дополнение к трудностям, возникающим из-за скудости информации о памятниках, скандинавы еще не определились с их ранней хронологией. Даже обширных коллекций, содержащихся в тяжеловесных томах Лангебека и Зума^[322] далеко недостаточно для этой цели; и таких авторов, как Саксон Грамматикус^[323] пишите с непринужденной беглостью, слишком характерной для нашего Джеффри Монмутского и других, которые хоронят подлинную историю под такой массой небылиц, что чрезвычайно трудно восстановить то, что мы действительно ищем. Терпеливый труд в сочетании с рассудительной критикой, без сомнения, рассеял бы большинство неясностей, которые сейчас уродуют эту страницу средневековой истории; но, между тем, скандинавские анналы столь же неясны, как ирландские, и более неопределенны, чем современные анналы Англии.

Об истории Скандинавии до христианской эры абсолютно ничего не известно. Теперь уже недопустимо верить в исторического Одина, которого все средневековые историки представляют жившим в первом веке до нашей эры и основателем тех семей, которые сыграли столь важную роль в последующей истории нашей собственной, а также всей группы северных народов. Современная школа германцев обнаружила, что Один был богом, жившим на небе в доадамитские времена и никогда не снисходившим до посещения нашей подлунной сферы. Сейчас это большая ересь - предполагать, что в течение тысячи лет, прошедших между его предполагаемой датой и датой, указанной в наших самых ранних рукописях. дикие фантазии варварских племен, возможно, и не собирались вокруг расплывчатого образа национального героя, не переносили его обратно в мифическую эпоху и не наделяли атрибутами и окружением бога. Поскольку немцы постановили это, бесполезно оспаривать это, и не стоит пытаться сделать это здесь, поскольку для наших нынешних целей это имеет наименьшее возможное значение.

Говорят, что примерно в христианскую эпоху жил король по имени Фроде I. У которого, поскольку он никогда не был обожествлен, возможно, была могила на земле, и если бы его удалось идентифицировать, ему было бы позволено возглавить наш список. Между ним и Харальдом Харфагаром, который в 880 году завоевал Норвегию и вступил в отчетливый контакт с британской историей на Оркнейских островах, у нас есть несколько списков королей, более или менее полных, и с более или менее определенными датами. [324] То, что в те дни были короли, вероятно, никто оспаривать не будет, и, возможно, последовательность имен сомнительна; и если даты ошибаются даже на пятьдесят лет или около того, это не имеет большого значения для нашего аргумента. Памятники простираются так далеко и посвящены королям, даты которых настолько точно установлены, что не имеет значения, относятся ли более ранние к датам на сорок или пятьдесят лет раньше или слишком поздно. Их фиксацию можно оставить для будущих исследований, поскольку она не имеет прямого отношения к теории, которую мы сейчас пытаемся исследовать.

Полясражений.

Главные из скандинавских памятников, наиболее интересные для нашего настоящего объекта, состоят из тех групп камней, которые отмечают поля сражений. Мало того, что их даты обычно известны с достаточной точностью, чтобы пролить значительный свет на вопрос о древности таких памятников в целом, но они также иллюстрируют, если не определяют, использование многих групп камней, с которыми мы встречаемся в других странах. В своем первом томе Себорг посвящает этим полям сражений десять иллюстраций, иллюстрирующих вдвое больше сражений, произошедших между пятым и двенадцатым веками после Рождества Христова.

99. Вид на поле битвы при Конгсбаке. Из Себорга.

Первый из них, в Конгсбаке, недалеко от побережья в Халланде, хотя и имеет несколько неопределенную дату, заслуживает упоминания из-за его сходства с трассами в Дартмуре, Эшдауне, Карнаке и других местах, хотя, к сожалению, план или размеры не указаны. На холмах за ними находится курган, называемый могилой Фроде, а на равнине приметный камень носит его имя; но был ли это Фроде V. (400) или какой-то другой Фроде, неясно. Себорг относит это к дате около 500 года, и, кажется, очень мало оснований сомневаться в том, что он хотя бы приблизительно прав. [325]

Второе изображенное поле битвы похоже на предыдущее, за исключением формы камней, которые, по-видимому, принадлежат к другой минералогической формации. [326] Однако ясно видно, что они расположены в виде кругов и линий и даже больше похожи на формы, с которыми мы знакомы в других местах. Говорят, что он представляет собой поле битвы, на котором шведский король Адиль сражался с датчанином Снию, и на котором последний

вместе с вождями Эскилем и Алкилем был убит. Поскольку все эти имена хорошо известны в средневековой истории этих стран, не составит большого труда отнести эту битву примерно к тому же времени, что и битву при Конгсбаке.

С третьим мы вступаем на более надежную почву. Ни одно событие в истории этих земель не известно лучше, чем битва на пустоши Браавалла в Остерготланде, где старый слепой король Харальд Хильдетанд встретил свою судьбу в 736 году, или, по другим данным, в 750 году. Как повествует нам Сага, Один, когда король был молод, научил его тактике, которая давала ему превосходство в битве над всеми его врагами; но бог лишил его своей милости, и он пал перед доблестью своего племянника Сигурда Ринга, которому бог поведал секрет боевого порядка. Не вызывает сомнений, что круги, показанные в вырезке на противоположной странице, были установлены в память об этом событии и что в них находятся тела тех, кто был убит в этом бою; и если это так, это проливает значительный свет на поля сражений при Мойтуре, иллюстрированные гравюрами на дереве № № 54-61. Круги на Браавалле обычно от 20 до 40 футов в диаметре и, следовательно, в среднем меньше, чем в Мойтуре; они также более многочисленны, если мы не примем предложение Петри,^[327] что первоначально на ирландском поле должно было быть не менее двухсот; и если это так, то первыми, несомненно, будут расчищены те, что поменьше. далеко, так что сходство, возможно, первоначально было большим, чем сейчас, — действительно, настолько большим, что затрудняет объяснение того факта, что два поля сражений были обозначены столь сходным образом, когда между ними прошло столько времени, сколько семь столетий. Поскольку представляется невозможным, чтобы дата битвы при Браавалле была сдвинута на пятьдесят лет в любом случае, не обманываем ли мы себя относительно Мойтуры? Возможно ли, что это представляет собой какое-то более позднее происхождение скандинавских викингов на западном побережье Ирландии, и что пирамида из камней в Нокнарее -

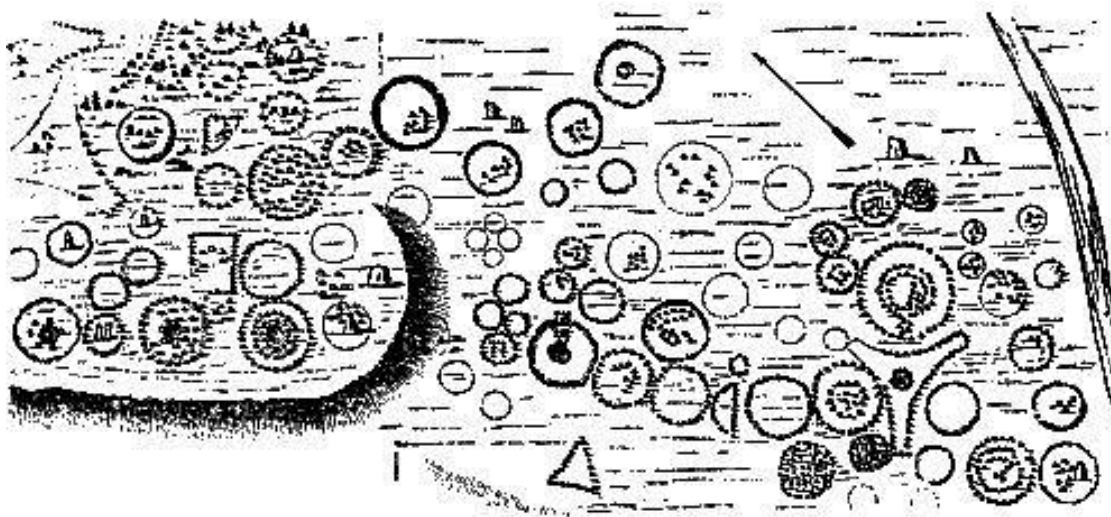
"Высокий и широкоплечий,

Моряками над волнами

Быть замеченным издалика,

Знаменитый маяк войны"^[328]—

которую они застроили за десять дней — это действительно могила какого-то северного героя, павшего в какой-то последующей битве при Кэрроуморе? То, что все это памятники одного класса и принадлежат если не одному народу, то, по крайней мере, народам, находящимся в тесном контакте друг с другом, и имеющим схожие веры и чувства, по-видимому, не допускает сомнений. Однако, когда мы приглядываемся к ним повнимательнее, в них обнаруживаются особенности, которые могут объяснить даже столь значительный промежуток времени. Круги Брааваллы меньше и в целом, возможно, как мы можем предположить, вырождаются. Существуют квадратные и треугольные могилы и другие формы, которые, насколько нам известно, являются сравнительно современными изобретениями, и, в целом, есть изменения, которые могут объяснить этот промежуток времени; но то, что между ними прошло более семи столетий, кажется совершенно невероятным.

100. Часть поля битвы на пустоши Браавалла. Из Себорга.

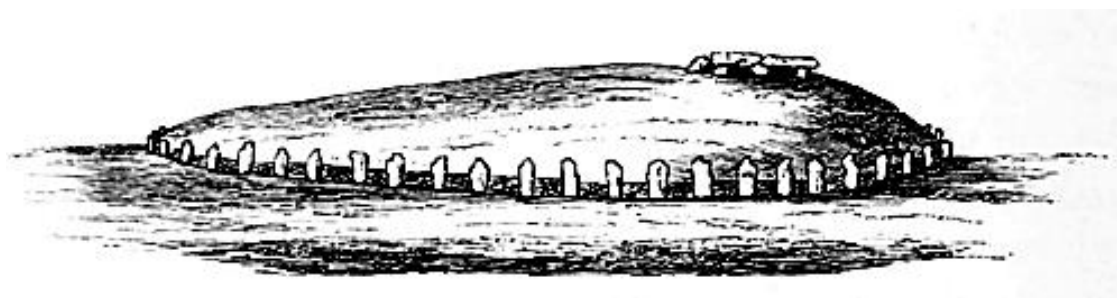
101. Могила Харальда Хильдетанда в Летре.[\[329\]](#)

Вернемся, однако, к королю Хильдетанду. Согласно саге, "После битвы победитель, Сигурд Ринг, приказал искать тело своего дяди. Тело, когда его нашли, было омыто и помещено в колесницу, в которой сражался Харальд, и перевезено внутрь кургана, который по приказу Сигурда был воздвигнут. Затем лошадь Харальда была убита и похоронена в кургане вместе с кольцевым седлом, чтобы король мог по своему усмотрению отправиться в Валгаллу либо в своей колеснице, либо верхом. Затем Ринг устроил большой поминальный пир и пригласил всю присутствующую знать и воинов бросить в курган большие кольца и благородные доспехи в честь короля Харальда. Затем они тщательно заделали насыпь".[\[330\]](#) Этот курган до сих пор существует в Харальде Летры, столице Силанда. Он был упомянут Саксоном Грамматиком в 1236 году,[\[331\]](#) и описан и нарисован Олаусом Вормиусом в 1643 году;[\[332\]](#) и никто никогда не сомневался в его идентичности, до недавнего времени музей власти распорядились провести раскопки. К сожалению, в земле, извлеченной из камеры, было найдено несколько "кремневых клиньев", из чего Ворсаи и его братья-антиквары сразу пришли к выводу, что "это, вне всякого сомнения, просто обычный кромлех каменного периода"[\[333\]](#) — вывод, который кажется мне обратным логическому. Никто, я полагаю, не сомневается в том, что король Хильдетанд был похоронен в кургане с кольцами и гербом; и если этот курган исторически считался принадлежащим ему в течение последних 600 лет, и традиционно так было с момента его смерти, то на антикварах лежит обязанность показать, насколько бесполезны эти традиции и истории, и указать, где он на самом деле покоится. Формировать эмпирическую систему и утверждать — чего они не могут доказать, — что кремневые орудия не использовались после определенной доисторической даты и что, следовательно, все курганы, в которых найдены кремневые орудия, являются

доисторическими, кажется, по меньшей мере, неразумным. Несомненно, было бы гораздо более философски признать, что флинт мог использоваться до тех пор, пока мы не сможем найти какую-либо причину для установления даты его прекращения. В данном случае "instantia crucis" состояла бы в том, чтобы покопаться в некоторых кругах в Браавалле и посмотреть, нельзя ли найти там какие-нибудь кремни. В Мойтуре не было найдено металла, хотя металл, если верить истории, широко использовался, а кремневые орудия, вероятно, не были найдены, потому что те, кто вскрывал гробницы, не осознавали его важности. В ожидании этой проверки форма могилы может дать нам некоторое представление о ее возрасте. Это продолговатый курган с внешним дольменом на одном конце и рядом из десяти камней с каждой стороны, два крайних из которых выше остальных. Похожий курган, известный как Кеннет Лонг барроу, существует в Эйвбери, [334] действительно настолько похож, что если эта гробница в Летре историческая, то, безусловно, это английский пример. С другой стороны, если можно доказать, что один из них принадлежит к давно забытому прошлому, другой также должен быть отправлен в такую же неудовлетворительную неопределенность.

Курган в Вест-Кеннете был тщательно исследован в 1859 году доктором Турнамом, и результаты его исследования полностью описаны в статье в "Археологии", том. xxxviii., из которого следующие сведения взяты вместе с некоторыми другими из второй статьи "О длинных курганах" того же автора, в vol. xlii. из того же издания.

Внешне это курган размером 336 футов в длину и 75 футов в самой широкой части. Первоначально он был окружен так называемым перисталитом из высоких камней, между которыми, как говорят, до сих пор можно различить стену из камней поменьше. На его вершине, как и в Лете, находился внешний дольмен над главной камерой гробницы. Камера была почти квадратной по форме, размером 8 на 9 футов, к ней вел проход шириной 15 футов на 3 фута 6 дюймов; и ее расположение фактически такое же, как у джерсийского кургана (гравюра на дереве № 11), и, как отмечает сэр Джон Лаббок, "очень близко напоминает курган каменного века", который он только что описывал, на острове Моэн, "и, фактически, план проходных могил в целом". [335]

102. Лонг-Барроу, Кеннет, отреставрирован доктором Турнамом. 'Archæologia,' xlii.

При вскрытии в камере были обнаружены шесть первоначальных захоронений под слоем черного, покрытого сажей, жирного вещества толщиной от 3 до 9 дюймов, которое, как отмечает доктор Турнам, "не могло быть потревожено с момента первоначального образования отложения" (стр. 413). У двоих из них при жизни были проломлены черепа; остальные были целы. Чтобы объяснить это, доктор Турнам прилагает значительные усилия, чтобы доказать, что рабов иногда приносили в жертву на похоронах их хозяев, но ему не удается найти ни одного случая, когда их убивали, разбивая им головы; и если бы им предстояло служить своему хозяину в загробном мире, даже дикарь был бы достаточно проникновенен, чтобы понять, что проломить ему череп - это не способ сделать его полезным для службы ни в этом мире, ни в загробном. Насколько я знаю, такой способ

жертвоприношения никогда не применялся.[336] Но если предположить, что это было так, все шесть захоронений в этой гробнице, по-видимому, были почти равными и одинаково почетными, и почему, следовательно, все их черепа не были проломлены, неясно. Если, с другой стороны, мы предположим, что это могила шести человек, погибших в бою, двое из которых были убиты ударами по голове, а четверо - ранами в теле, это, несомненно, было бы более простым способом объяснения наблюдаемых фактов. Однако даже если бы мы признали, что эти люди с проломленными головами были принесены в жертву, это ни в коем случае не доказало бы, что могила была доисторической. Совсем наоборот, поскольку мы знаем из неоспоримого авторитета указа Карла Великого, что человеческие жертвоприношения практиковались саксами-язычниками, несомненно, еще в 789 году,[337] и были достаточно частыми, чтобы представлять собой одно из первых преступлений, против которых он выступил со своими указами. Дело в том, что ни историки, ни антиквары, похоже, не вполне осознают состояние полного варварства, в которое была погружена большая часть Европы между крушением Римской империи и возрождением порядка при Карле Великом. Христианство, без сомнения, пустило корни в некоторых излюбленных местах, и некоторые яркие огни выделялись из общей темноты, но на большей части Европы языческие обряды все еще практиковались в такой степени, что ими легко объяснить любую языческую практику или любую древнюю форму погребения, которую можно найти где бы то ни было.

Вернемся, однако, к нашему длинному кургану. Под куском сарсенового камня, но на черепе одного из главных похороненных здесь людей (№ 4), были найдены два куска черной керамики (рис. 8, стр. 415), которые, по мнению доктора Турнэма, могут относиться к римской эпохе. Другие фрагменты того же сосуда были найдены в других частях гробницы, а также фрагменты керамики (рис. 14-17), не британской, но возраст которой он не решается назвать. Насколько я могу судить, это, по-видимому, именно такая керамика, которую менее опытные британские гончары изготавливали по римским образцам после ухода этого народа. Но это несущественно, ибо за пределами камеры и, следовательно, глубже в кургане были найдены фрагменты несомненно римской керамики. Таким образом, пока что все говорит в пользу мнения, что это была могила людей, убитых в битве после ухода римлян; ибо мы с трудом можем поверить, что битва могла состояться и такая гробница была воздвигнута над убитыми во время их оккупации; и если это так, как доказывает керамика, этого не могло быть раньше, выбор даты ограничен очень узкими рамками. Возможно, это было либо в 450 году, сразу после ухода римлян, либо в 520 году, в день битвы при Бадон-Хилл, то есть в то время, когда, я полагаю, он был создан. Что касается общего аргумента, то не имеет значения, какая дата выбрана. Против этого вывода мы должны привести следующие факты. Во-первых, в гробнице не было обнаружено никаких следов железа, бронзы или какого-либо другого металла. Во-вторых, в ней было найдено по меньшей мере 300 кремневых фрагментов. Некоторые из них были просто отщепами, некоторые шишками, но многие представляли собой кремневые орудия правильной формы (рис. 10-13),[338] не принадлежит к древнейшему типу, но такой, который антиквары привыкли относить к дометалло-каменному веку. В дополнение к этому, количество грубой местной керамики было очень значительным. Целых сосудов найдено не было, но в углу были свалены в кучу осколки, которых хватило бы на пятьдесят сосудов; и в другом углу были соответствующие фрагменты. Доктор Турнам пытается объяснить это, ссылаясь на отрывок из сцены надгробия в "Гамлете", где наш великий драматург говорит об "осколках, кремнях и гальке", которые следует бросать в могилы самоубийц; использование которых, добавляет он, "в средневековые времена могло быть пережитком язычества". Однако ему, по-видимому, не приходит в голову, что если такой обычай был известен в шестнадцатом веке, то, скорее всего, он был в полной силе в шестом. Достаточно странно, что такой обычай, даже если он

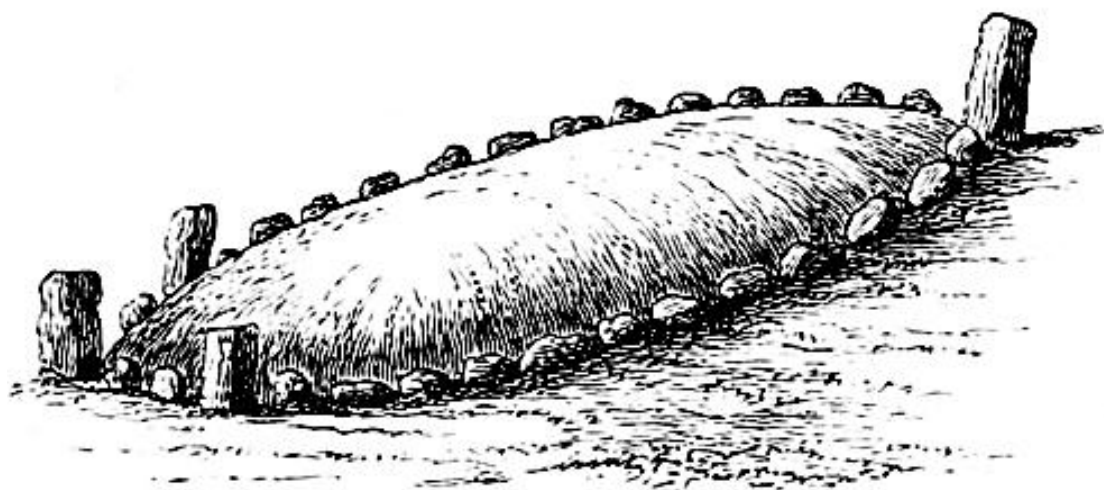
касался только самоубийств, пережил тысячу лет таких революций и изменений религии, каким подверглась Англия в те дни; но то, что он стал известен христианам после 3000 или 4000 лет неиспользования, кажется едва ли возможным.

Мне кажется, что из различных видов керамики, найденных в гробнице, нельзя извлечь никаких аргументов. Если кто-нибудь возьмет на себя труд раскопать кухонные отбросы виллы, построенной за последние десять лет, в ранее необитаемом месте, он, вероятно, найдет осколки изысканной фарфоровой вазы, которую горничная разбила, вытирая пыль с камина в гостиной. Он наверняка найдет множество осколков керамики, использовавшейся в столовой, а вместе с ними, вероятно, и более грубую посуду, использовавшуюся в молочной, и смешанную с этими бесчисленными "осколками" цветочных горшков, использовавшихся в оранжерее. Согласно рассуждениям, общепринятым среди антикваров, этот навоз должен был накапливаться, по крайней мере, в течение 2000 или 3000 лет, потому что потребовалось бы все это время или даже больше, прежде чем грубая керамика цветочных горшков превратилась бы в изысканный фарфор для вазы в гостиной. Аргумент, по сути, тот же, что и в отношении кремней. Можно считать само собой разумеющимся, что люди пользовались орудиями из кости и камня до того, как познакомились с использованием металла; но что оспаривается, так это то, что они перестали использовать их сразу же после того, как познакомились с бронзой или железом. Так и с фаянсом: люди, без сомнения, использовали грубую, плохо отформованную и плохо обожженную керамику, прежде чем научились изготавливать более качественную; но даже когда они смогли это сделать, несомненно, что они не прекратили использовать керамику очень низкого класса; и мы не сделали этого по сей день. Возьмем один пример из многих. В музее Общества антикваров в Эдинбурге есть серия сосудов ручной работы, сильно обожженных, которые легко можно принять - и часто так и бывает — за сосуды, найденные в доисторических гробницах. Тем не менее, они производились и использовались на Шетландских островах в прошлом и даже в нынешнем столетии.

Истина, по-видимому, заключается в том, что, как и в случае с находкой монет, именно дата последнего фрагмента определяет время сдачи на хранение. В нем могут быть монеты на сто или тысячу лет старше, но этот клад не мог быть захоронен до того, как была отчеканена последняя монета, которая в нем находится. Так и с этим курганом. Присутствие римской или постримской керамики в заведомо нетронутой гробнице, вне всякого сомнения, указывает на возраст, до которого скелеты не могли быть захоронены там, где их нашел доктор Турнам. Присутствие кремней и грубой керамики только показывает, но делает это наиболее убедительно, насколько совершенно беспочвенны данные, на основании которых антиквары до сих пор устанавливали возраст этих памятников. Это определенно доказывает, что кремни и черепки были захоронены в гробницах в римские или постримские времена; и если в данных доктора Турнама нет ошибки, то этих раскопок самих по себе достаточно, чтобы доказать, что датская теория трех эпох немногим лучше "беспочвенной ткани" - если не "видения", то, по крайней мере, иллюзии, которая, если не удастся объяснить факты доктора Турнама, не имеет прочного основания, на которое можно опереться.

Если бы в скандинавских длинных курганах проводились какие-либо систематические раскопки, возможно, не было бы необходимости приводить английские примеры, иллюстрирующие их возраст или особенности. Некоторые из них приведены Себоргом, но ни об одном не сообщается как об открытом. Этот, например, внешне похож на длинный курган в Западном Кеннете и, если полагаться на информацию Себорга, является одним из нескольких, отмечающих место, где Фроде V (460-494) высадился в Швеции, где произошла

битва, и те, кто пал в ней, были похоронены в этих курганах, или где камни Баута отмечают их могилы. Если это так, то форма длинного кургана с перисталитом, конечно, не была неизвестна в пятом веке; и нет ничего невероятного в том, что он использовался в Англии также в ту эпоху. Однако в решении этих вопросов скандинавы имеют огромное преимущество перед нами. Все их курганы имеют названия и даты; они могут быть правдивыми или ложными, но они дают отправную точку и представляют интерес для исследований, которых не хватает в этой стране, но которые, как мы надеемся, однажды позволят норманнам реконструировать свою монументальную историю на удовлетворительной основе.

103. Длинный курган в Вискехараде, в Халланде. С рисунка Себорга.

В большинстве случаев антиквары в этой стране довольствовались удобным вымыслом вторичных захоронений, чтобы объяснить запутывающие противоречия, в которые их повсюду вовлекает их система. В случае с курганом Кеннета лонга такому предположению нет оправдания. Все погребения были одного возраста, и это, несомненно, соответствовало возрасту камеры, в которой они были найдены, а керамика и кремни не могли быть там ни до, ни после. Действительно, я не знаю ни одного случая несомненно вторичного погребения, если только оно не относится к эпохе действительно доисторических курганов каноника Гринвелла. Когда он опубликует свои исследования, мы будем в состоянии установить, насколько они соответствуют теории.^[339] В камерных курганах вторичные захоронения, похоже, никогда не происходят; и нет ничего более маловероятного, чем то, что они должны произойти. Как утверждает сам доктор Турнам: "По крайней мере, в трех случаях мистер Каннингтон и сэр Р. К. Хоар обнаружили в длинных курганах скелеты, которые, судя по их вытянутому положению и характеру сопровождавшего их железного оружия, были, очевидно, англосаксонскими".^[340] Простодушный человек, следовательно, вообразил бы, что это были англосаксонские могилы, ибо что может быть более невероятным, чем то, что гордые саксы-завоеватели удовлетворились бы захоронением своих мертвецов в могилах ненавистных и презираемых кельтов, которых они были заняты истреблением.^[341]

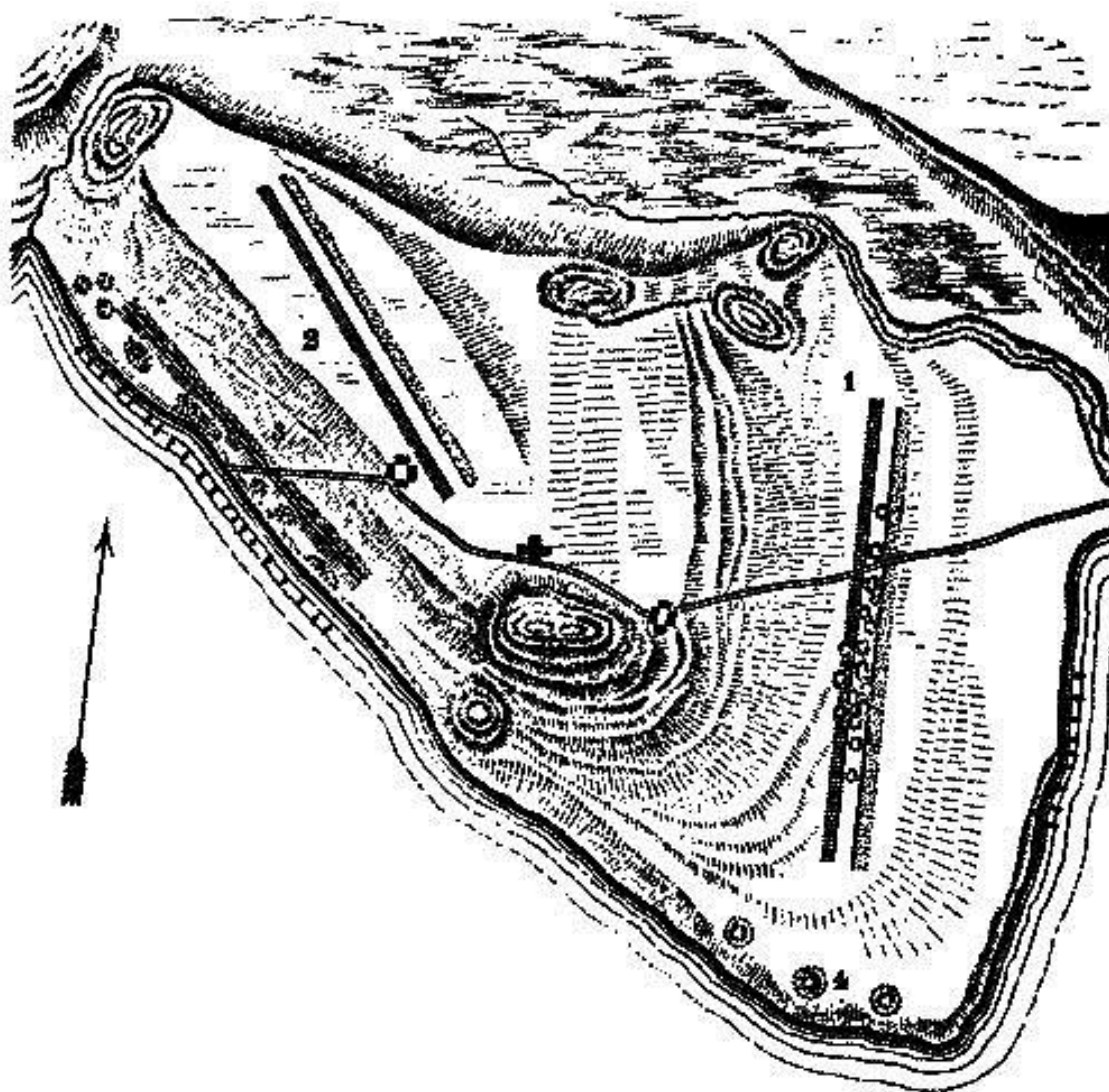
Если приведенные выше рассуждения удовлетворительны и достаточны для доказательства того, что длинный курган в Уэст-Кеннете относится к постримскому времени, это применимо также к Родмартону, Ули, Стоуни Литтлону и всем длинным курганам Глостершира, которые по причинам, указанным выше (*ante*, [стр. 164](#)), мы рискнули отнести к постримскому периоду; и тем более в нем находится гробница короля Хильдетанда в Летре. Это правда, что у нас нет таких же прямых средств определения его даты, как у наших собственных

памятников. Датчане относятся с таким крайним презрением к любому памятнику, который сразу не вписывается в их систему, что они даже не снизойдут до его изучения. Как только Ворсаи нашел в гробнице несколько "кремневых клиньев", он сразу же постановил, что она была доисторической и что нет смысла искать дальше; и, следовательно, мы предоставлены этому факту и его внешнему сходству для нашей идентификации. Здесь, опять же, возникает трудность. Приведенные выше два рисунка (ксилографии № 101 и 102) могут показать их слишком большое сходство или преувеличить различия. Один - старый рисунок с натуры, другой - современная реставрация; тем не менее существенные факты несомненны. Оба представляют собой длинные курганы с камерами, украшенные рядами высоких камней, частично или полностью окружающих их основание, и оба имеют внешние дольмены на вершине, и оба содержат кремневые орудия труда. Если это так, то трудность заключается скорее в том, чтобы объяснить столь незначительные изменения, произошедшие за 230 лет, чем в том, чтобы испытывать какое-либо удивление по поводу того, что они не идентичны. Момент, на котором мы хотим здесь настаивать, заключается в том, что они оба постримские и, следовательно, могут принадлежать к любой эпохе между Артуром и Карлом Великим.

Остальные поля сражений, изображения которых приведены в Себорге, едва ли столь интересны, как в Браавалле, которая с могилой убитого короля является ориентиром в нашем исследовании. Если те круги на вересковой пустоши Браавалла действительно обозначают поле битвы, а та гробница в Летре - та, в которой был похоронен слепой старый король, — ни в одном из этих фактов я не вижу причин сомневаться, — то все трудности, основанные на предполагаемой невероятности того, что памятники настолько современны, как я склонен их представлять, устраняются, и каждый случай должен быть подтвержден или опровергнут в соответствии с доказательствами, которые могут быть приведены за или против его возраста. Вернемся, однако, к полям сражений, приведенным Себоргом. На рисунках 43 и 44 представлены две группы кругов и камней Баута близ Хвитаби, в Мальме. Говорят, что они отмечают два поля сражений, на которых Рагнар Лодброк одержал победы над своими мятежными подданными в Скании: Себорг говорит о 750 и 762 годах, поскольку он придерживается хронологии на пятьдесят лет раньше, чем Сухм. Но как бы то ни было, кажется, нет никаких причин сомневаться в том, что эти камни действительно отмечают поля, где в восьмом веке происходили сражения, и что Рагнар Лодброк принимал в них участие. Эти группы гораздо менее многочисленны, чем в Браавалле, но настолько похожи, что не могут быть далеки от них по возрасту.

В Стикластаде, в Норвегии, в провинции Дронхейм, в 1030 году произошла битва между Кнутом Великим и Олофом Святым; и рядом с ней находится группа из сорока четырех каменных кругов, которые Себорг, по-видимому, хотя и с некоторыми сомнениями, связывает с этой битвой. Но насчет следующего (рис. 49), похоже, сомнений нет. Датский принц Магнус Хенриксон убил Эрика Святого и был убит Карлом Сверкерссоном в 1161 году в Уппланде, в Дании; и это место отмечено двадцатью каменными кругами и овалами, большинство из которых окружают курганы и две квадратные ограды диаметром от 30 до 40 футов. Следовательно, сами по себе они не очень важны, но интересны, если описание правильное, поскольку показывают, как этот языческий обычай сохранялся даже после того, как христианство, должно быть, прочно утвердилось в стране. Другая группа (рис. 51), как говорят, отмечает место, где в 1150 году шведская героиня Бленда победила датского короля Свена Грата, и это место отмечено кругами и камнями Баута; на одном из них, перед курганом, есть руническая надпись, хотя она просто гласит, что Дедрик и Тунне подняли камень в честь Румара Доброго.

Здесь необходимо упомянуть только еще одну группу. На клочке суши, на острове Фрейрсе, недалеко от входа в Дронгхайм-фиорд, в 958 году Хакон, сын Харальда Харфагара, в трех битвах разбил своих племянников, сыновей Эрика Блодокса. Первый и второй из них, как показано на плане ([гравюра на дереве № 104](#)), отмечены пирамидами из камней и курганами; а третий - восемью большими курганами, три из которых имеют форму, известную в Скандинавии как корабельные курганы, и имеют длину от 100 до 140 футов. На гравюре на дереве также есть три кургана по адресу 4, в одном из которых, как говорят, похоронен один из сыновей Эрика Блодокса. Неясно, не покрывают ли пять больших курганов, усеивающих равнину, останки тех, кто также пал в этой битве. Похоже, что в них не производились какие-либо раскопки. Это поле битвы представляет для нас интерес не столько потому, что оно демонстрирует постоянство этого плана разметки полей сражений в столь поздние сроки — более поздние только что были приведены, — сколько потому, что все действующие лица этой сцены знакомы нам по роли, которую они играли в операциях на Оркнейских островах в десятом веке. Если бы они в своей собственной стране придерживались этих обычаев старого света, мы не должны были бы удивляться тому, что они воздвигли круги или насыпали курганы в своих новых владениях. Это правда, что ни один из этих скандинавских кругов не может сравниться по размаху со Стоячими камнями Стенниса или Кольцом Бругара, но подобное происходит не в первый раз. Греки возвели на Сицилии более крупные и, пропорционально численности населения, более многочисленные дорические храмы, чем у них было в их собственной стране; и норманны, возможно, сделали то же самое в Оркадии, где у них была покоренная, возможно, порабощенная раса для выполнения этих работ.

104. Поле битвы при Фрейрсе. Из Сьеборга, том i, стр. 16.

Tumuli.

Количество могильных холмов в Скандинавии очень велико, и некоторые из них очень важны; но, насколько я могу установить, исследовано очень мало, и до тех пор, пока не будут исследованы лопатой, ничто не может быть менее информативным, чем простой земляной холмик. Карта их распространения могла бы, без сомнения, пролить значительный свет на этнографию страны и сказать нам, были ли финны или лопари их первоначальными авторами, или рабы или веныды были их интродуцентами; и, наконец, настоящие ли скандинавы привезли их с собой из других стран или просто переняли у первоначальных жителей, и в этом случае их можно рассматривать только как пережитки. Траурная пышность или сооружение гробниц любого рода настолько несовместимы с привычками любого народа, столь по сути тевтонского, каким были и остаются скандинавы, что мы не можем понять, почему они приняли эти формы или даже каменные круги или памятники любого класса в стране, где их ранее не существовало. Если мы предположим, что современные скандинавы были германскими племенами, которые завоевали страну у кимбров или более ранних лопарей и финнов, и сделали это как воины, не взяв с собой женщин, то дело становится достаточно понятным. При таких обстоятельствах они, должно быть, вступали в

браки с коренными жителями страны и в конечном итоге, через несколько поколений, утратили бы большую часть своей индивидуальной национальности и переняли многие обычаи народа, среди которого они поселились, используя их только в более энергичной манере и в большем масштабе, чем смогли перенять их более тщедушные предшественники.^[342] Крайне маловероятно, что "норманны", если они немцы — а это действительно доказывает их язык — когда-либо изобретали такие вещи, как курганы, дольмены, круги или любые другие подобные неарийские формы, в какой-либо стране, где они не существовали до того, как они ее заняли; но что как иммигранты они должны были перенять обычаи предыдущих жителей на земле происходит только то, что, как мы видим, происходит повсюду. Урегулирование этих вопросов будет чрезвычайно интересным для этнографии Северной Европы и не должно быть трудным, когда проблема будет решена должным образом. Между тем, все, что доступная в настоящее время информация позволит нам сделать здесь, - это сослаться на некоторые курганы, содержание которых более или менее напрямую связано с аргументацией, являющейся главной целью этой работы.

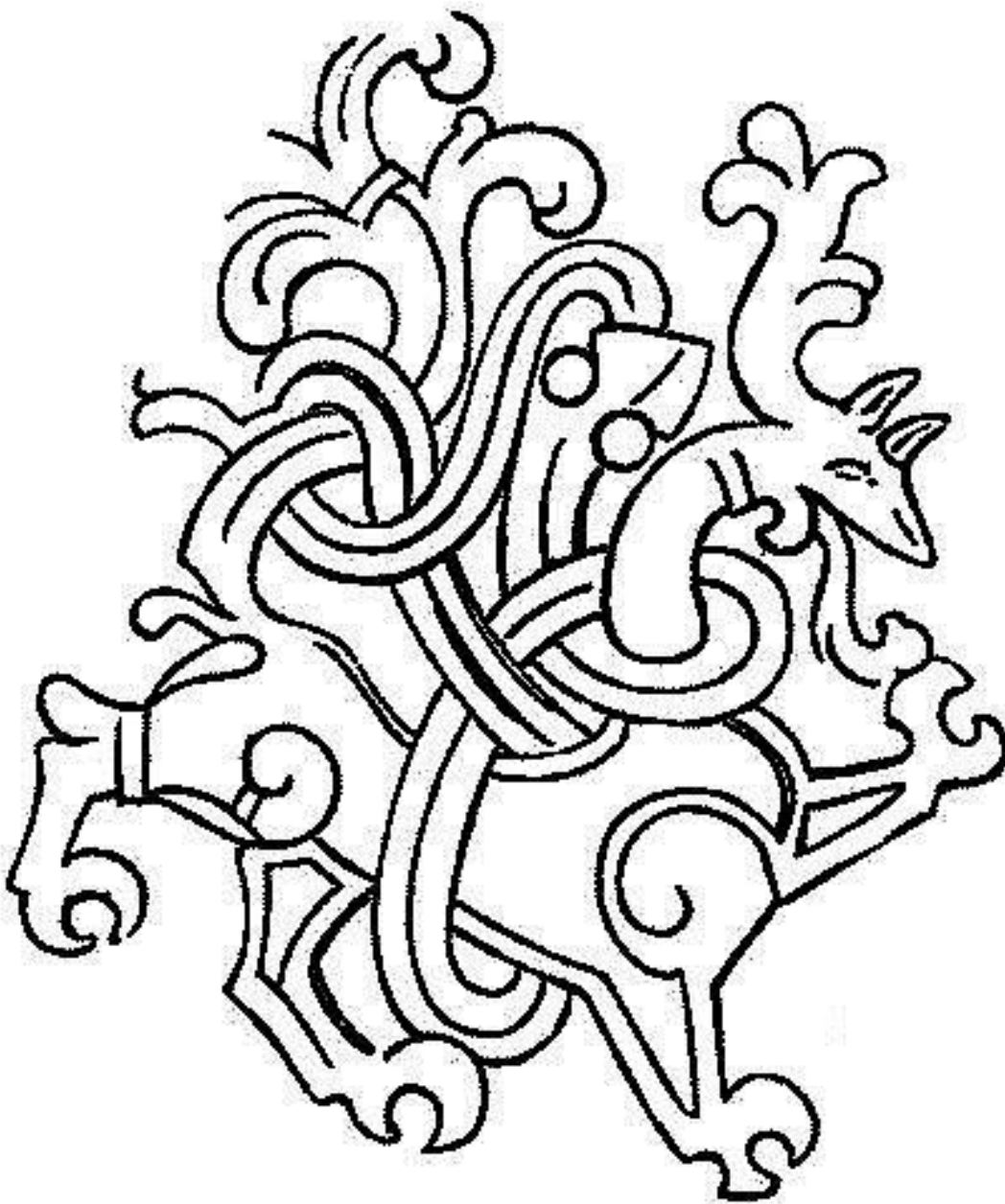
Первая из них - тройная группа в Упсале, ныне широко известная как могилы Тора, Водина и Фрейи. Можно проиллюстрировать трудность получения точной информации об этих памятниках, заявив, что даже в 1869 году сэр Джон Лаббок, который, как правило, так хорошо информирован и имел такие средства получения информации, не знал, что они были открыты.^[343] Мне был известен отрывок из книги Марритта "Путешествия по Швеции", в котором он утверждает, что один из них был вскрыт на месте и что "в его "камере гиганта" были найдены кости женщины и, среди прочего, фрагмент золотого браслета из филагри, богато украшенного спиральными узорами, несколько игральные кости и шахматная фигура, то ли король, то ли конь".^[344] Желая, однако, получить дополнительную информацию, я познакомился с мистером Гансом Хильдебрандом, который предоставил мне следующую информацию. Впоследствии я получил письмо от профессора Карла Севе из Упсалы, который любезно обобщил для меня единственные опубликованные отчеты о раскопках в том виде, в каком они появлялись в местной газете в то время. Они были пересланы мне профессором Гео. Стивенсом из Копенгагена, который также был настолько любезен, что перевел их. Они настолько интересны, что я напечатал их в том виде, в каком они есть, в качестве приложения В. На основе этих двух документов составлен нижеследующий отчет, на который можно полностью положиться.

Один из курганов, известный как Водинский, был открыт в 1846 году под руководством герра Хильдебранда, королевского антиквара Швеции. Вскоре было обнаружено, что насыпи располагались на гребне из гравия, так что туннель должен был вести вверх. На стыке естественной почвы с искусственной была найдена пирамида из плотно спрессованных камней, каждый размером примерно с человека. В центре пирамиды из камней в погребальной камере была найдена погребальная урна, содержащая обожженные кости, пепел, фрагменты бронзовых украшений, уничтоженных огнем, и фрагмент золотого орнамента изящной работы. Внутри пирамиды, но немного в стороне от урны, была найдена куча собачьих костей, одинаково обожженных огнем, и фрагменты двух золотых брактеатов. "Качество изготовления золотых украшений, - добавляет герр Хильдебранд, - очень напоминает изготовление золотых брактеатов пятого или шестого веков, и сами фрагменты этих необычных украшений позволяют установить дату, ранее которой эти курганы не могли быть возведены". Насколько поздними они могут быть, нелегко предположить, не увидев, по крайней мере, брактеатов, которые, по-видимому, не были опубликованы. С небольшой местной промышленностью я почти не сомневаюсь, что можно было бы установить не только дату этих гробниц, но и имена царственных особ, которые были там похоронены, вероятно, в шестом или седьмом веке нашей эры.

"Гробницы Центральной Швеции, - добавляет герр Хильдебранд, - обычно сооружаются таким же образом: урну с костями помещают на поверхность почвы, на место кремации или в другое место, в зависимости от обстоятельств. Как правило, при них не находят ничего, кроме железного гвоздя или какого-нибудь подобного пустячного предмета" — любопытное и экономное воспоминание об экстравагантных обычаях их предшественников. По его словам, "почти в каждой деревне Швеции, за исключением некоторых горных районов и самых северных провинций, есть могильные поля совсем рядом с домами. Все древности, найденные в курганах на этих полях захоронений, относятся к железному веку. Гробницы более ранних эпох не имеют никакой связи с усадьбами нынешних людей".

Насколько эти гробницы простираются вглубь по времени, невозможно установить без гораздо более тщательного изучения, чем тому, которому они были подвергнуты до сих пор. Однако можно с уверенностью предположить, что ими продолжали пользоваться до обращения жителей в христианство и, вероятно, даже в течение некоторого значительного времени после этого, поскольку такой обычай нелегко искоренить.

Было бы столь же утомительно, сколь и бесполезно пытаться перечислять различные вскрытые курганы, поскольку их содержимое почти не проливает света на наше расследование; и поскольку они распределены по витринам в музее не в соответствии с их местонахождением или традициями, а в соответствии с их систематическими классами, восстановить их сейчас на их историческом месте почти невозможно.

105. Дракон на камне короля Горма, Джеллиндж. Из 'Ан. Север. Олдкунд. хii. 1852.

Однако в Джеллинге, на восточном побережье Ютландии, есть два кургана, традиционно известные как курганы Горма Старого и его королевы Тиры Дейнбод - Возлюбленной. Дата смерти Горма, похоже, сейчас принята за 950 год н.э.;^[345] но неясно, сам ли он воздвиг гробницу, или это из-за сыновнего благочестия его сына Харальда Блаатанда, или Синего Зуба, и в этом случае ее дата была бы 968 годом.^[346] Саксон Грамматик, по крайней мере, сообщает нам, что он похоронил свою мать в кургане, а затем отправил целую армию мужчин и быков на работу, чтобы убрать с ютландского берега огромный камень — небольшую скалу — и перенести его на место, где лежала его мать, подвергшаяся захоронению.^[347] Этот камень все еще существует, и на одной его стороне изваян дракон, который заставляет нас вспомнить дракона, найденного в Мэс-Хоу ([гравюра на дереве № 85](#)), а на другой стороне фигура, которая, без сомнения, предназначена для изображения Христа на кресте. На двух сторонах - рунические надписи, в которых он описывает свою привязанность к отцу и матери и свое обращение в христианскую веру.

Насколько я могу установить, гробница короля Горма еще не вскрыта. Пещера Тиры была исследована много лет назад — по-видимому, в 1820 году; но никаких разделов или подробностей опубликовано не было, так что чрезвычайно трудно установить даже размеры. Энгельгардт сообщает высоту в 43 фута, а диаметр - 240 футов;^[348] Ворсае указывает высоту в 75 футов, а диаметр - в 180 футов, и он, вероятно, прав.^[349] Но в Дании все, что нельзя поместить в стеклянную витрину в музее, настолько категорически отвергается как не имеющее ценности, что никто не заботится о том, чтобы записать это. Когда вошли, оказалось, что он был разграблен, вероятно, в средние века, и все, что осталось, это следующие предметы: — Маленький серебряный кубок, выложенный золотом изнутри и украшенный переплетенными драконами снаружи; несколько фибул в форме черепахи, украшенных фантастическими головами животных; несколько головок пряжек и другие предметы, не представляющие большой ценности. Камера, в которой были найдены эти предметы, имела размеры 23 фута в длину, 8 футов 3 дюйма в ширину и 5 футов в высоту;^[350] стены и крыша, выполненные из массивных дубовых плит, первоначально, по-видимому, были увешаны гобеленами, но почти все они погибли.

Эти памятники Горма и Тиры не только интересны сами по себе и заслуживают гораздо большего внимания, чем им до сих пор уделяли датчане, но они наиболее важны с точки зрения их влияния на общую историю памятников этого класса. Во-первых, их дата и место назначения установлены неоспоримо, и, поскольку это так, устраняется единственное основание, на котором мог быть основан любой *априорный* аргумент относительно возраста любого кургана, предшествующего десятому веку. Как только становится понятно, что могильные холмы были возведены в десятом веке, становится невозможным утверждать, что маловероятно, что Силбери-Хилл или любой другой курган в Англии не может принадлежать шестому или любому последующему столетию вплоть до того времени. Этот аргумент, однако, еще более уместен применительно к Мэс-Хоу и другим курганам на Оркнейских островах. Если скандинавские короли были похоронены в "хоуз" вплоть до 1000 года — я полагаю, что они простираются намного дальше этой даты, — то почти наверняка оркнейские ярлы были похоронены в подобных курганах, по крайней мере, до их обращения в христианство (986 год н.э.). Был ли Мэс-Хоу возведен как усыпальница для сыновей Рагнара Лодброка, как Джон Стюарт, кажется, заключает из надписей,^[351] или Хейварда Эрла, как я пытался показать выше, не имеет большого значения для общего аргумента. То, что это была могила скандинавского ярла, воздвигнутая между 800 и 1000 годами нашей эры, кажется вполне несомненным, и у меня сложилось впечатление, что это почти с такой же уверенностью гробница того ярла, которому я осмелился ее приписать.

Как упоминалось ранее, никаких аргументов против этих взглядов нельзя привести из того факта, что гробница Тиры облицована дубовыми плитами, в то время как камера в Мэс-Хоу сложена из камня. Разницы между двумя населенными пунктами достаточно, чтобы объяснить это. Дания всегда славилась своими лесами, и особенно на берегах Балтийского моря, в Еллингe, всегда была доступна древесина самых благородных размеров, в то время как камень этой страны был твердым и неподатливым. С другой стороны, на Оркнейских островах абсолютно нет древесины естественного происхождения, достаточной для изготовления трости хорошего размера, а камень не только повсюду в изобилии, но и легко раскалывается на плиты, облицованные самостоятельно и наиболее легко обрабатываемые, так что камень, и только камень, будет материалом, используемым на Оркнейских островах для этой цели, поскольку дерево также будет лучшим и наиболее доступным материалом в Дании.

Если, прежде чем оставить эту тему, мы вернемся на несколько минут к ирландским памятникам, то теперь мы сможем более правильно судить о вероятности данного случая, чем раньше. Предполагая, что трехкамерный курган в Нью-Грейндж был возведен между 200 и 400 годами, а Мэс-Хоу и Джеллиндж - между 800 и 1000 годами нашей эры, мы имеем период от пяти до шести, возможно, даже семи столетий между этими памятниками. Является ли это более чем достаточным для объяснения разницы между ними, или этого слишком мало? Нелегко дать категоричный ответ на такой вопрос, но, судя по опыту, полученному от других стилей в разных частях мира, в целом можно было бы сделать вывод, что времени на это уходит больше, чем требуется. Нельзя отрицать, что в промежутке между ирландскими и скандинавскими памятниками был достигнут прогресс, действительно значительный прогресс, но то, что для достижения этого прогресса потребовалось пять столетий, вряд ли можно было ожидать, и было бы трудно привести другой пример столь медленного прогресса. И все же вряд ли возможно свести Нью-Грейндж к эпохе Святого Патрика (436 г. н.э.), и столь же трудно перенести Мэс-Хоу за пределы Рагнара Лодброка (самое позднее, 794 г.), а между этими датами всего 358 лет; но мы, безусловно, должны что-то добавить либо с одной, либо с другой стороны; и если мы сделаем это, мы получим прогресс настолько медленный, что это было бы почти необъяснимо, если бы не предположение, что это работы двух разных народов. В то время, когда была возведена гробница на реке Бойн, Ирландия энергично и быстро прогрессировала, и ее искусство процветало больше, чем можно было ожидать при ее тогдашнем состоянии цивилизации. Когда был возведен Мэс-Хоу, местное население было бедным и вымирающим, и поскольку благородные викинги вряд ли снизошли бы до того, чтобы самим выступать в роли каменщиков, они делали все, что могли, используя имевшиеся в их распоряжении средства. Однако, как бы мы ни пытались это объяснить, представляется невозможным допустить большой промежуток времени между курганами в Джеллинге и Стеннисе и курганами на Бойне, чем указано выше; и поскольку представляется столь же трудным приблизить их друг к другу, вероятность, по-видимому, в пользу уже установленных для них дат.

Возвращаясь, однако, к этому отступлению; помимо только что упомянутых, Дания обладает почти полной серией королевских гробниц, каких нет ни в одной другой стране Европы. Даже Ворсае признает существование домов Фроде Фродегоде, жившего примерно в христианскую эпоху, из Амлеха, недалеко от Вексио—шекспировского "Гамлета", из Хамбла и Хьярне,^[352] помимо уже упомянутых домов Хильдетанда, Горма и Тиры. Если бы датчане только предприняли систематическое исследование этих королевских гробниц, это могло бы разрешить многие спорные моменты средневековой археологии. Изучение гробниц, с которыми не связано никаких традиций, может пополнить сокровищницы их музеев, но лишь случайно может пролить свет либо на историю страны, либо на прогресс ее искусства. Если были вскрыты десять или двенадцать гробниц с известными именами, прикрепленными к ним, должно произойти одно из двух: либо они покажут последовательность и прогресс относительно возраста их предполагаемых обитателей, либо такую последовательность невозможно будет проследить. В первом случае выигрыш для истории и археологии был бы огромным, и это возможность разрешить спорные вопросы, которую не предоставляет ни одна другая страна. Если, с другой стороны, такую связь проследить невозможно, то рушатся многие основы, на которых основаны рассуждения предыдущих страниц, но в любом случае такое исследование не могло не пролить поток света на предмет, который мы пытались прояснить. Есть опасение, что все они были перерыты. Норманны, конечно, не пощадили ни одной гробницы в завоеванных ими странах, и наш опыт посещения Мэс-Хоу и гробницы Тиры заставляет нас опасаться, что после своего обращения в христианство они были так же не склонны щадить могилы своих собственных предков. Однако все, что их интересовало, -

это предметы, сделанные из драгоценных металлов; так что еще может остаться достаточно для менее алчных нужд антиквара.

Дольмены.

Насколько в настоящее время известно, на севере Германии нет никаких значимых курганов или полей сражений, отмеченных большими камнями; но дольмены там многочисленны и интересны, они принадлежат ко всем классам, найденным в Скандинавии, и, насколько можно установить, почти идентичны по форме. Ничто, однако, не удивило бы меня меньше, чем если бы выяснилось, что и курганы, и камни Бауты были там обычным явлением, особенно на острове Рюген и вдоль берегов Балтийского моря вплоть до Ливонии. Немцы еще не обратили внимания на этот класс своих древностей. Они были слишком заняты превращением своих национальных героев в богов, чтобы думать о камнях, которые ничего не рассказывают. Всякий раз, когда они берутся за работу над ними, они, без сомнения, будут делать это с той тщательностью, которая характерна для всего, за что они берутся. Но поскольку исследованию, вероятно, придется пройти через стадию философии солнечного мифа, может пройти еще много времени, прежде чем их история достигнет областей практического здравого смысла.

Поскольку подробных карт опубликовано не было, чрезвычайно трудно быть уверенным в распределении этих памятников в какой-либо части региона северных дольменов; но нижеследующее, взятое из "Очерка дольменов" Бонштеттена, может дать некоторую общую информацию по этому вопросу, особенно в сочетании с картой (стр. 275), которая с очень небольшими изменениями взята из той, что сопровождала его работу.

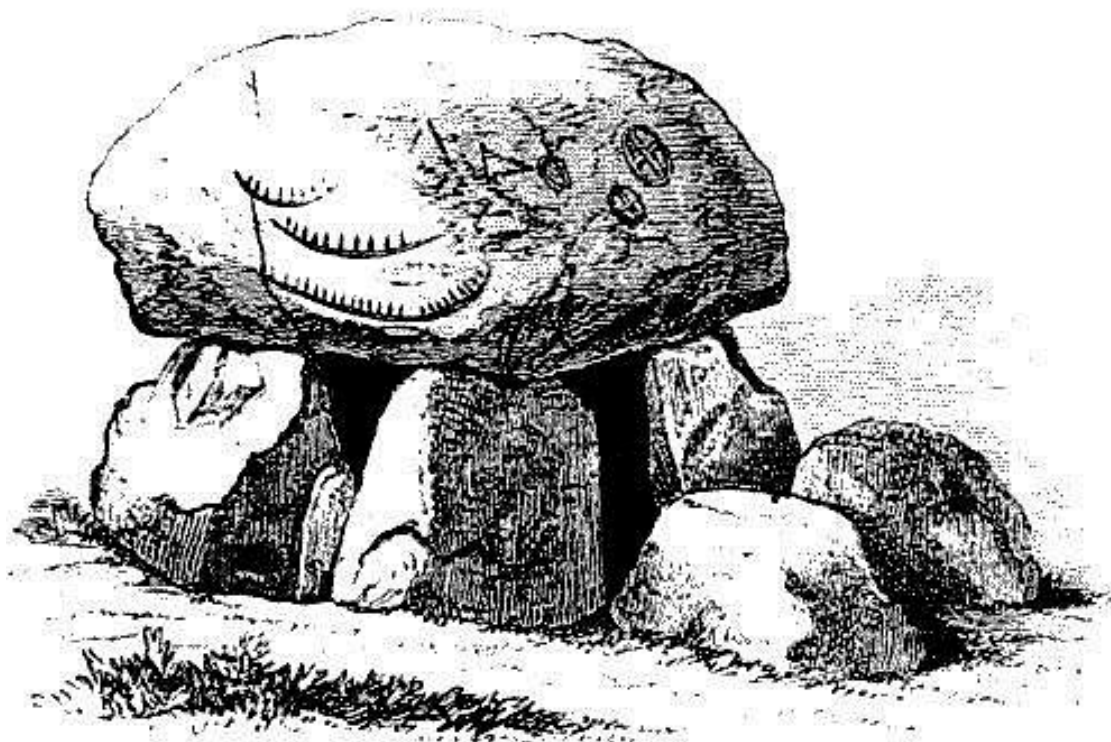
По словам Бонштеттена, ни в Польше, ни в Познани нет дольменов. Впервые они появляются на реке Прегель, недалеко от Кенигсберга; но в Пруссии они очень редки, известны только два других: один в Мариенвердере, другой в Конице. В Силезии есть один в Кляйн-Радене, недалеко от Оппельна; другой находится в районе Лигниц, и они очень многочисленны в Укермарке, Альтмарке, в Ангальте и Прусской Саксонии, а также в Померании и на острове Рюген. Их еще больше в Мекленбурге, который описывается как особенно богатый памятниками этого класса. В Ганновере множество дольменов, за исключением юго-восточных районов, таких как Геттинген, Оберхарц и Хильдесхайм. Однако, чтобы компенсировать это, в северных округах, Люнебурге, Оснабрюке и Штаде, их насчитывается по меньшей мере двести. В великом герцогстве Ольденбургском находятся одни из самых больших дольменов в Германии; один из них, недалеко от Вильдесхайма, имеет длину 23 фута; другой, недалеко от Энгельманнс-Беке, окружен оградой из камней размером 37 на 23 фута, каждый камень имеет высоту 10 футов, а верхний камень третьего - 20 на 10 футов. В Брауншвейге их было несколько недалеко от Хельмштедта, но сейчас они разрушены. В Саксонии несколько редких экземпляров встречаются даже на юге, в Эрцгебирге, а два были недавно уничтожены в окрестностях Дрездена. Придерживаясь северной линии, мы находим их в трех северных провинциях Голландии, Гронингене, Обер-Исселе, и особенно в Дренте, где они встречаются в большом количестве, но ни одного к югу от этих провинций, и нигде они, по-видимому, не соприкасаются с Рейном или граничащими с ним землями; но несколько их найдено в великом герцогстве Люксембург, как в своего рода оазисе, на полпути между южным, или французским, регионом дольменов и регионом северной Германии.

Из северогерманских районов они простираются через Гольштейн и Шлезвиг в Ютландию и на Датские острова, но наиболее многочисленны на восточной или балтийской стороне Кимврийского полуострова, а также очень часты на юге Швеции и прилегающих островах.

Дольмены, называемые в собственном смысле этого слова, неизвестны в Норвегии, но, как упоминалось выше, пирамиды из камней и памятники этого класса там не редкость.

Значение этого распределения будет легче оценить, когда мы установим границы французского месторождения, но пока, возможно, будет удобно отметить, что, если только дольмены не удастся проследить намного дальше на восток, перед нами огромная пропасть, прежде чем мы достигнем ближайших границ восточного месторождения дольменов. В стране, занятой белгами, есть меньший, но очень отчетливый разрыв между ними и французскими территориями, и другой, но практически гораздо меньший, между ними и британскими островами. Это пробел, потому что промежуточное пространство занято морем; но поскольку из распределения всех северных дольменов в непосредственной близости от берегов и на островах видно, что люди, которые их воздвигли, были мореплавателями, и поскольку мы знаем, что у них были суда, способные плавать по этим морям, разрыва практически нет. Исторически мы знаем, сколько ютов, англов, фризов и людей аналогичного происхождения под общим названием саксов стекалось к нашим берегам в первые века христианской эры, и впоследствии, какую важную роль датчане и норманны сыграли в нашей истории, и какое количество из них высадилось и обосновалось в Великобритании в качестве колонистов или завоевателей в разные эпохи, по крайней мере, до одиннадцатого века. Следовательно, если мы признаем, что дольмены являются историческими, или, другими словами, что возведение мегалитических памятников практиковалось в течение первых десяти веков после христианской эры, нам нетрудно понять, откуда взялись наши примеры и кому они обязаны. Если, с другой стороны, мы предположим, что они доисторические, мы окажемся в полном недоумении относительно них или их связи с обитателями континента. Единственным известным нам континентальным народом, поселившимся в Британии до римских времен, были белги, и они - единственный народ между Геркулесовыми столбами и Рижским заливом, у которого, имея морскую доску, также нет дольменов или мегалитических останков любого рода. У всех остальных они более или менее есть, но северные народы, насколько нам известно, не колонизировали эту страну до христианской эры.

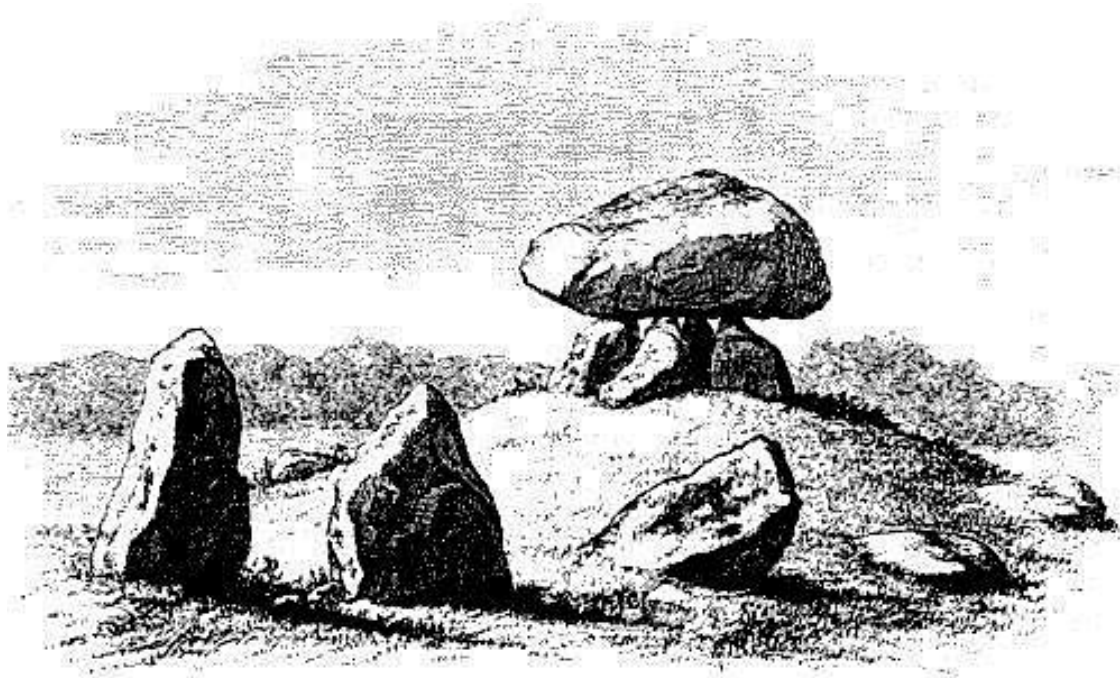
Поскольку все северные исследователи древностей пришли к выводу, что эти дольмены в основном относятся к мифическому периоду каменного века и что лишь немногие из них относятся к полуисторическому веку бронзы, напрасно ожидать, что они соберут какие-либо предания или запишут какие-либо имена, которые могли бы связать их с личностями, известными в истории. Таким образом, мы совершенно лишены помощи истории или традиции, которые могли бы помочь нам ни в их классификации, ни в какой-либо попытке установить их возраст, в то время как указаний, позволяющих нам связать их с нашими собственными или друг с другом, очень мало.

106. Дольмен в Херреструпе.

Среди немногих, которые дают какие-либо достоверные указания на их возраст, одно из самых интересных находится в Херреструпе, в Зеландии, которое недавно было извлечено из кургана, который когда-то покрывал его.^[353] На нем выгравировано около полудюжины изображений кораблей, которые обычно рисовали викинги и которые в большом количестве встречаются на западном побережье Геттенбурга.^[354] Согласно лучшим источникам, эти представления варьируются примерно от 500 до 900 г. н.э.,^[355] и некоторые из них, возможно, более современные. Те, что находятся в этом дольмене, не кажутся ни самыми древними, ни самыми современными, и если мы возьмем за их датировку восьмой век, то не так уж сильно ошибемся. То, что они также ровесники памятника, кажется совершенно несомненным. Мы не можем представить себе, чтобы какой-нибудь викинг выгравировал их на заброшенном дольмене, скажем, даже 100-летней давности, а затем покрыл его курганом, как это было до недавнего времени. Если бы это никогда не было скрыто, можно было бы выдвинуть любую гипотезу, но курган подтверждает этот факт. Однако, помимо кораблей, на головном камне есть почти такое же количество маленьких кругов с крестами внутри. Предназначены ли они для изображения колесниц или какого-либо другого предмета, неясно, но если мы вернемся к гравюре на дереве № 41, изображающей боковой камень дольмена в Аспатрии, мы обнаружим, что там изображен идентичный предмет, причем таким образом, что, принимая во внимание разницу стиля в столетии, прошедшем между исполнением двух гравюр, их следует считать идентичными. Насколько мне известно, не было опубликовано ни одной гравюры с изображениями предметов, найденных в этом датском дольмене, но в английском, как уже упоминалось, найденные предметы относились к самому современному железному веку; фактически, такие вещи, которые полностью согласуются с датой восьмого века. Среди них, как вы помните, было удилище с рукояткой, так похожее на удилище Стакли, найденное в Силбери-Хилл, хотя, безусловно, и более современное, чем удилище Стакли. Таким образом, у нас есть три кургана, которые, судя по их гравюрам или содержанию, в наиболее удовлетворительной степени подтверждают друг друга и делают даты, указанные выше, мягко говоря, весьма вероятными. Если принять

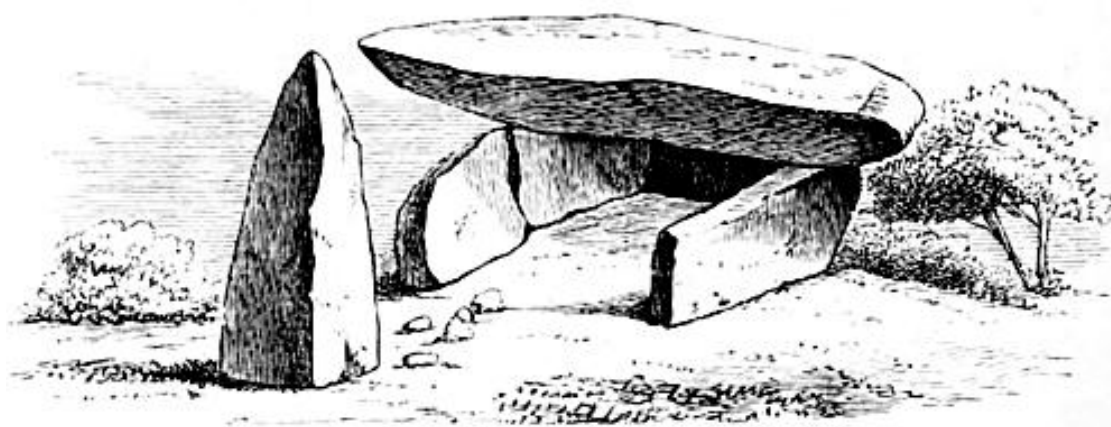
полученную таким образом дату для памятника Аспатрии, то она еще интереснее, поскольку указывает на те таинственные концентрические круги с линией, проходящей через них из центра, которые в таком количестве были найдены на скалах на севере Англии и в Шотландии. [356] Насколько я знаю, это единственные образцы этих кругов, которые были захоронены и, следовательно, были связаны с другими предметами, которые помогают установить их возраст.

107. Дольмен в Хальскове. С рисунка Мадсена.

Как указывалось ранее, многие памятники, выгравированные Мэдсеном [357] настолько похожи на памятники в Северной Мойтуре, что почти невозможно поверить, что они были воздвигнуты другой расой людей или на каком-либо большом расстоянии во времени. Один, например, в Хальскове, настолько похож на дольмен и круг, представленные на гравюре на дереве № 61, что одно могло бы почти сойти за другое, если бы фотография не была сделана не с той стороны, чтобы подчеркнуть сходство, как это видно на месте, в то время как на других сходство столь же велико или даже больше. Однако очень неудовлетворительно извлекать эти точки сходства из книг, некоторые гравюры в которых сделаны по несовершенным рисункам. В других больше нацелены на художественный эффект, чем на правду, и некоторые взяты с фотографий, которые, хотя и передают правдивость, в целом дают неинтеллигентное представление об объекте. Только при личном знакомстве можно проверить все факты и избежать подводных камней. Но всегда полезно обращать внимание на любые формы, которые могут показаться новыми, и объяснять особенности в других формах, которые, если бы не такие средства сравнения, остались бы незамеченными. Вот, например, один из Сьеборга, который напоминает Бесчисленные Камни в Эйлсфорде, нарисованные доктором Стакли (гравюра на дереве № 27). Он находится в местечке под названием Оруст, в Богуслане, [358] и стоит на невысоком кургане, окруженном двадцатью большими камнями у своего основания. Камера низкая, полукруглой формы, а перед ней стоит то, что немцы называют сторожевым камнем. Сьеборг не называет дату этого памятника, поскольку он был настолько погружен в современные теории, что считал все дольмены доисторическими, хотя все круги и камни Баута, отмечающие поля сражений, были для него такими же историческими, как и любые памятники в его стране. Судя по внешнему виду, дольмен в Орусте может быть того же возраста, что и Бесчисленные Камни в

Эйлсфорде, и если бы другие памятники в двух странах можно было сравнить с какой-либо точностью, их формы и традиции могли бы пролить свет на их реальную историю.

108. Дольмен в Орусте. Из Себорга.

Однако скандинавские дольмены интересны нам не только из-за аналогий с аналогичными памятниками в этой стране или из-за их связи с их историей. У них есть свои формы и особенности, которые стоит изучить. Если бы существовали материалы для преодоления этих различий, их совокупность составила бы сумму, которая позволила бы нам отделить скандинавскую группу от британской, как мы можем отделить нашу собственную группу от французской, а французскую - от группы Северной Германии. Однако, прежде чем это будет сделано, должно быть опубликовано гораздо больше, и в более точной форме; но, когда это возможно, это обещает дать этнографической науке наиболее удовлетворительные результаты. Проблема аналогична той, которая, как было известно, существовала в отношении остроконечной готической архитектуры. Сейчас это признано кельтско-французским изобретением, но оно было перенято испанцами и итальянцами, с одной стороны, и немцами и нами самими - с другой; хотя всегда с разницей. Ни один антиквар сейчас ни на мгновение не усомнился бы в различении итальянского и немецкого или испанского и английского образца, хотя разница настолько мала, что ее с трудом можно выразить словами, и должна быть тщательно представлена, чтобы ее можно было воспринять. Подобным образом, стиль искусства, выполненный из грубого камня, по-видимому, был изобретен некоторыми докельтскими народами, но был перенят кельтами, скандинавами, британцами и иберийцами - возможно, не всегда чисто в их собственных странах, но всегда со значительными различиями, которые, будучи восприняты и классифицированы, позволят нам различать произведения нескольких рас так же четко, как мы можем различать средневековые стили, пришедшие им на смену.

109. Схема из Себорга, рис. А.

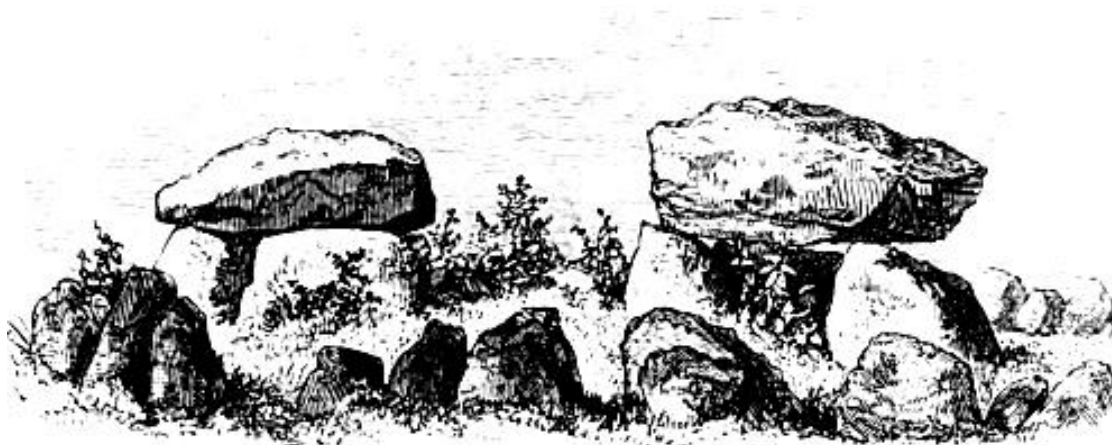
Среди этих особенностей наиболее легко узнаваемыми являются квадратные или продолговатые ограждения, окружающие курганы, и, иногда, один, в других случаях два или даже три отдельно стоящих дольмена. Чтобы прояснить ситуацию, я процитировал диаграмму из Себорга, хотя это почти единственный пример в этой работе, где гравюра на дереве не представляет реально существующий объект. Однако я не сомневаюсь, что это правильно, поскольку старый Олаус Вормиус представляет собой один из двух подобных поселков, которые в его время существовали близ Эскильде. Оба имели ограждения площадью 50 квадратных шагов, окружавшие один курган с кругом камней вокруг основания, другой посередине и, как говорится в тексте, алтарь-дольмен на вершине, хотя на гравюре на дереве это не показано. Другой, на дороге в Бирк, в Зеландии, заключал в себе три кургана, расположенные рядом, один в центре, похожий на только что описанный, и с дольменом на вершине; два кургана поменьше представлены рядом с каждой стороны, но только с кругом камней вокруг их основания.[359], несомненно, существуют и другие разновидности, но современные антиквары не предоставили нам их рисунки. Из схемы и описания видно, что в том, что касается самого кургана, эти датские курганы идентичны тем, которые уже упоминались как существующие в Оверни ([гравюра на дереве № 8](#)), но, насколько мне известно, квадратной ограды не существует ни во Франции, ни в этой стране. Однако эти квадратные ограждения, по-видимому, относятся к очень современному времени, и камни, следовательно, небольшие и, следовательно, могли быть удалены, что легко могло быть сделано; но все же, кажется, мало сомнений в том, что многие из них все еще могут оставаться, и их можно найти, если поискать.

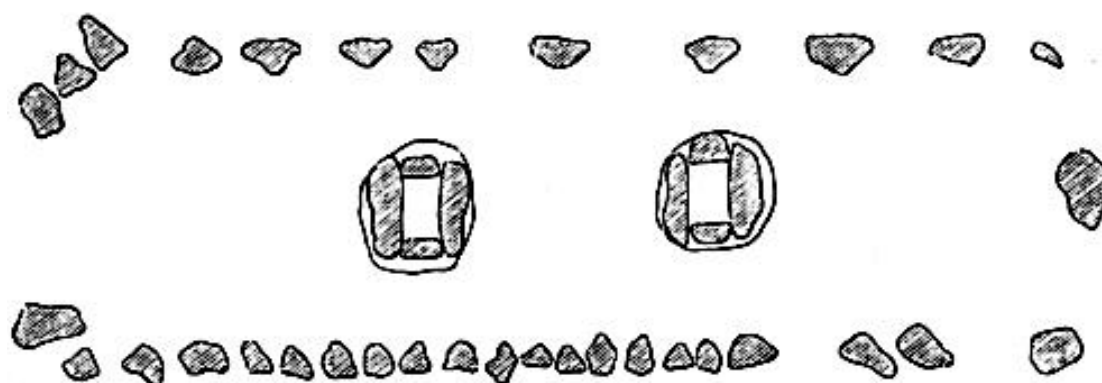
110. Dolmen near Lüneburg. Из Бонштеттена.

Один из самых ярких известных мне примеров - продолговатое прямоугольное сооружение, окружающее единственный отдельно стоящий дольмен, недалеко от Люнебурга, изображенный Бонштеттенем[360] ([гравюра на дереве № 110](#)); однако он редко утруждает себя размерами и, будучи совершенно убежден, что все они доисторические, никогда не спекулирует что касается дат, то ни один из них не снисходит до того, чтобы замечать традиции. Таким образом, то, что мы знаем о нем, ограничивается представлением, которое, в конце концов, может быть взято из какой-то другой работы, поскольку он редко удостоивает нас ссылками. Два других представлены фон Эсторфом как существующие недалеко от Эльцена, в Ганновере.[361]

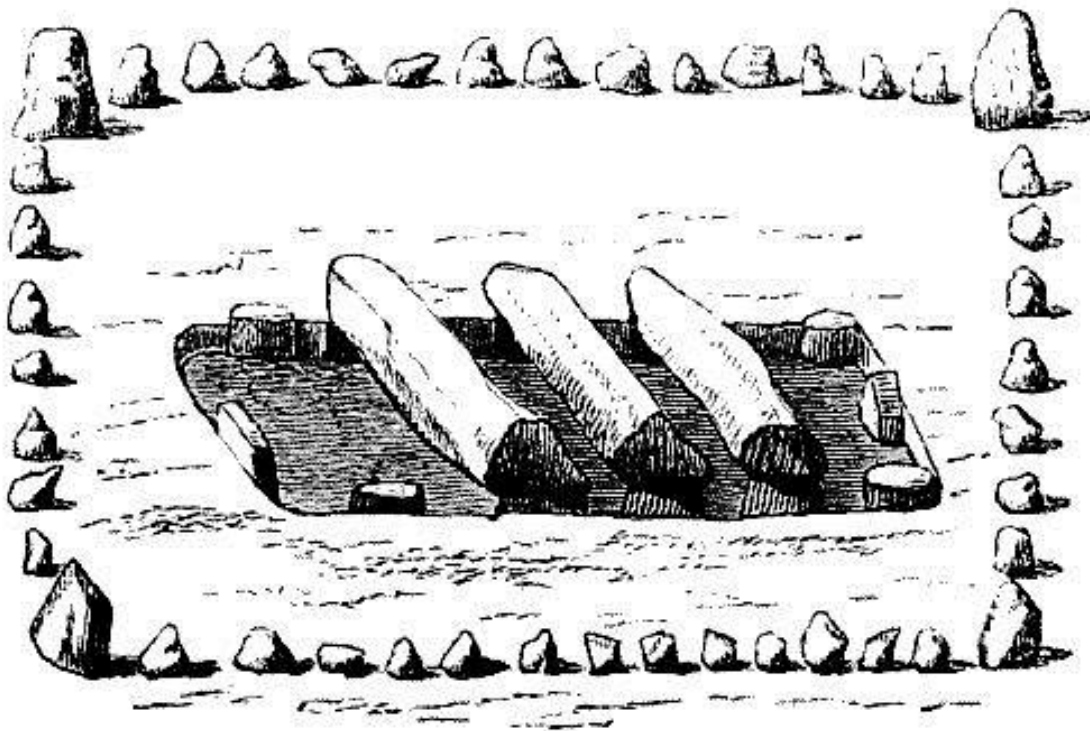
Хорошим примером двух дольменов в прямоугольном корпусе является дольмен в Валдбигардсе, недалеко от Сорез, в Зеландии. Здесь ограждение составляет около 70 футов в одном направлении на 20 футов в другом - наружное измерение. В этом случае камни, ограждающие дольмены, меньше по сравнению с ними, чем это обычно бывает. На той же плите Мадсен изображает единственный дольмен в гораздо более квадратном помещении.[362] Он, как и в Хальскове ([гравюра на дереве № 107](#)), изображен стоящим на холме, но независимо от того, стоят ли дольмены так или на плоской поверхности, как в Валдбигардсе, совершенно очевидно, что они никогда не были заключены в курганы, а всегда стояли свободно, как сейчас.

111. Двойной дольмен в Вальдбигорде. От Мадсена.

112. План Двойного дольмена в Вальдбигорде.

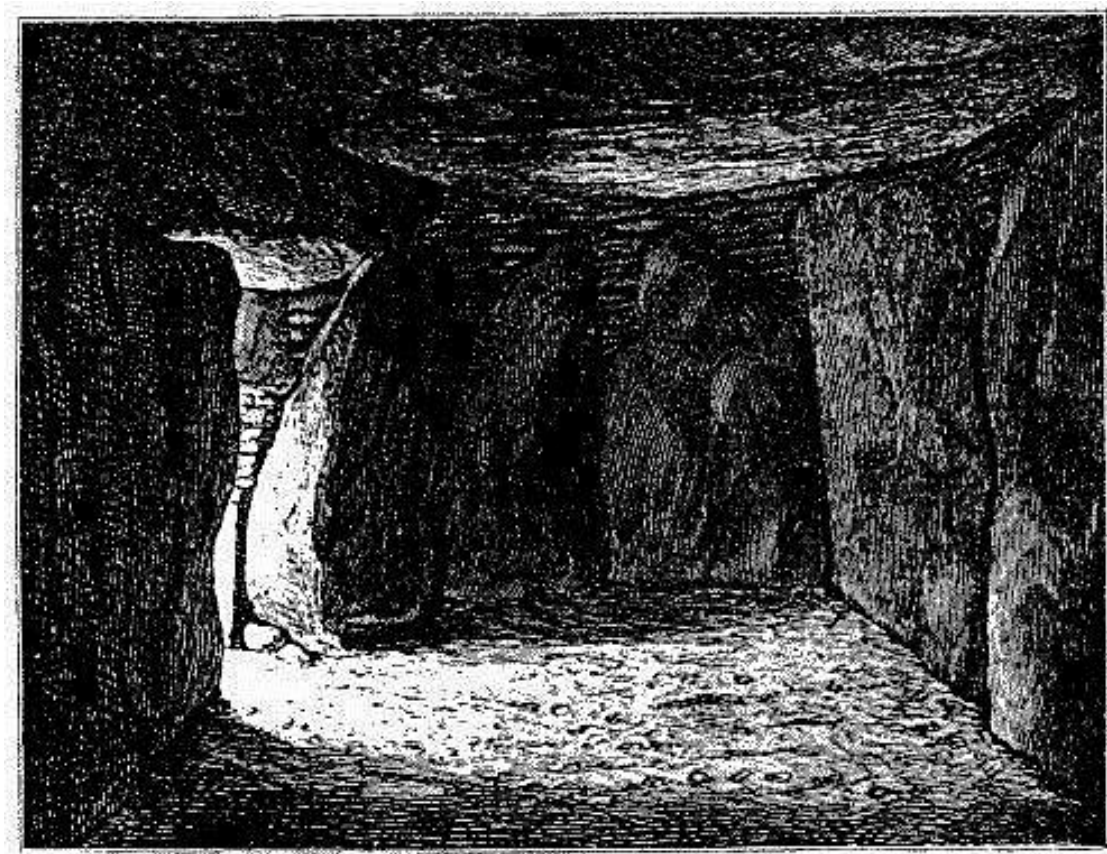
113. Triple Dolmen, Höbisch. От Кейслера.

Для трех дольменов в одной квадратной ограде мы вынуждены вернуться к старому Кейслеру, хотя в данном случае гравировка настолько хороша, что в ее правильности можно почти не сомневаться.^[363] Он расположен недалеко от Хебиша, в Марке Бранденбург, состоит из внешней ограды из сорока четырех камней и имеет 118 шагов в окружности, а посередине расположены двенадцать камней, из которых шесть несут по три больших камня, расположенных поперек них. Очень жаль, что не существует лучшей иллюстрации этого любопытного памятника, поскольку он, вероятно, очень похож на те, что находятся в Дренте, с которыми он, действительно, сравнивает его; и поскольку они образуют одну из самых замечательных групп этого класса памятников на континенте, было бы весьма желательно проследить их связь с другими, расположенными дальше на восток.

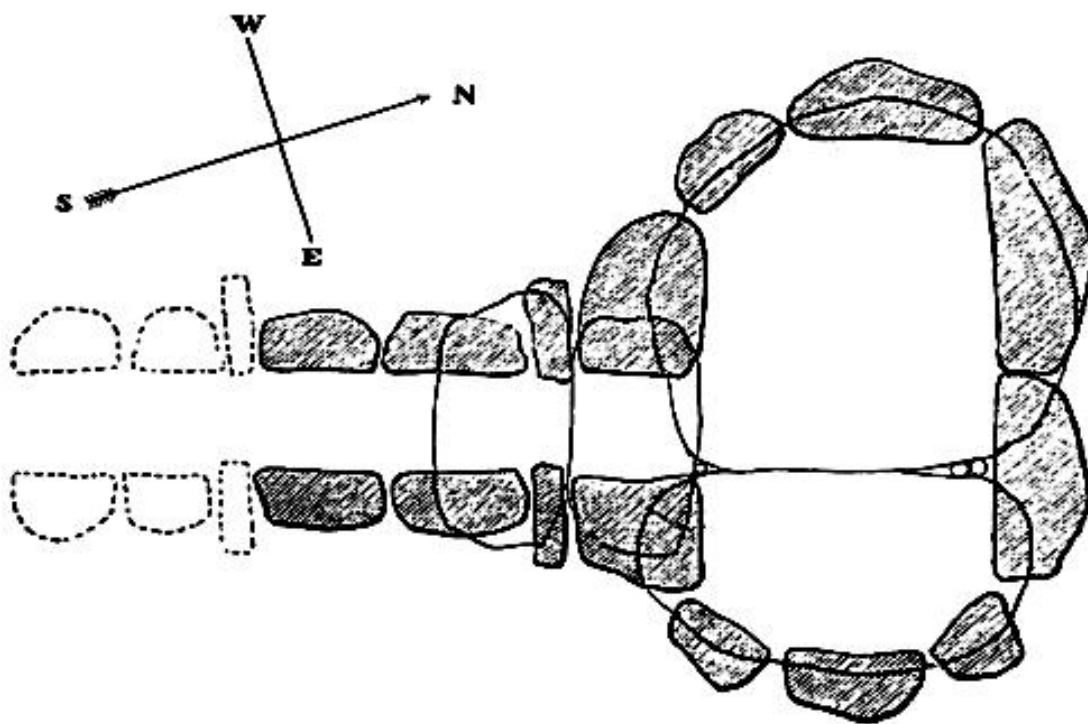
Памятник, аналогичный тому, что в Хебише, изображен в Себорге (т. i, стр. 6), но без ограждения; и третий, Оруст, в Богуслане (стр. 3); но в этом случае три длинных камня окружены круглым ограждением с двумя сторожевыми камнями снаружи; и есть несколько других, которые в большей или меньшей степени демонстрируют схожие особенности.

Погребенные дольмены в Скандинавии в некоторых отношениях даже интереснее тех, которые выставлены на всеобщее обозрение и всегда предназначались для этого, но наши знания о них неизбежно более ограничены, чем о других классах. Себорг почти полностью оставляет нас здесь, а Мадсен иллюстрирует только два, в то время как современные антиквары больше заботились о сохранности и классификации их содержимого, чем о том, из каких помещений они были извлечены. Как правило, они могут быть старше отдельных образцов, но они не выглядят старыми, хотя, поскольку металл в них обычно не обнаруживался, предполагается, что все они относятся к каменному веку. Одного примера будет достаточно, чтобы показать общие черты более древней группы памятников этого класса. Следующие две гравюры на дереве представляют внутренний вид и план одной из них недалеко от Уби, в районе Холбак, Зеландия. Он был открыт в 1845 году и имел тогда 13 футов в высоту и более 300 футов в окружности. Камера имеет размеры 13 на 8 футов и окружена девятью большими камнями, которые были расколоты или обтесаны таким

образом, чтобы получить плоскую внутреннюю поверхность, а промежутки заполнены камнями поменьше, очень аккуратно подогнанными. Входная галерея имеет 20 футов в длину и закрыта, или может быть закрыта, двумя дверями. Из расположения входа определенно не следует, что его предполагалось спрятать. Весь внешний вид напоминает о достойном приближении к гробнице. Если бы предполагалось, что она будет закрытой, камера, без сомнения, находилась бы в центре кургана, а не у одной из сторон, как это есть. Другой памятник того же класса, проиллюстрированный Мадсеном, [364] находится недалеко от Смидstrup, в районе Фредериксборга. Он очень похож по размерам и деталям, но имеет особенность в том, что две камеры расположены бок о бок, с двумя отдельными входами, и камеры имеют более совершенную эллиптическую форму, чем достигается в Uby.

114. Вид на интерьер палаты в Уби. От Мадсена.

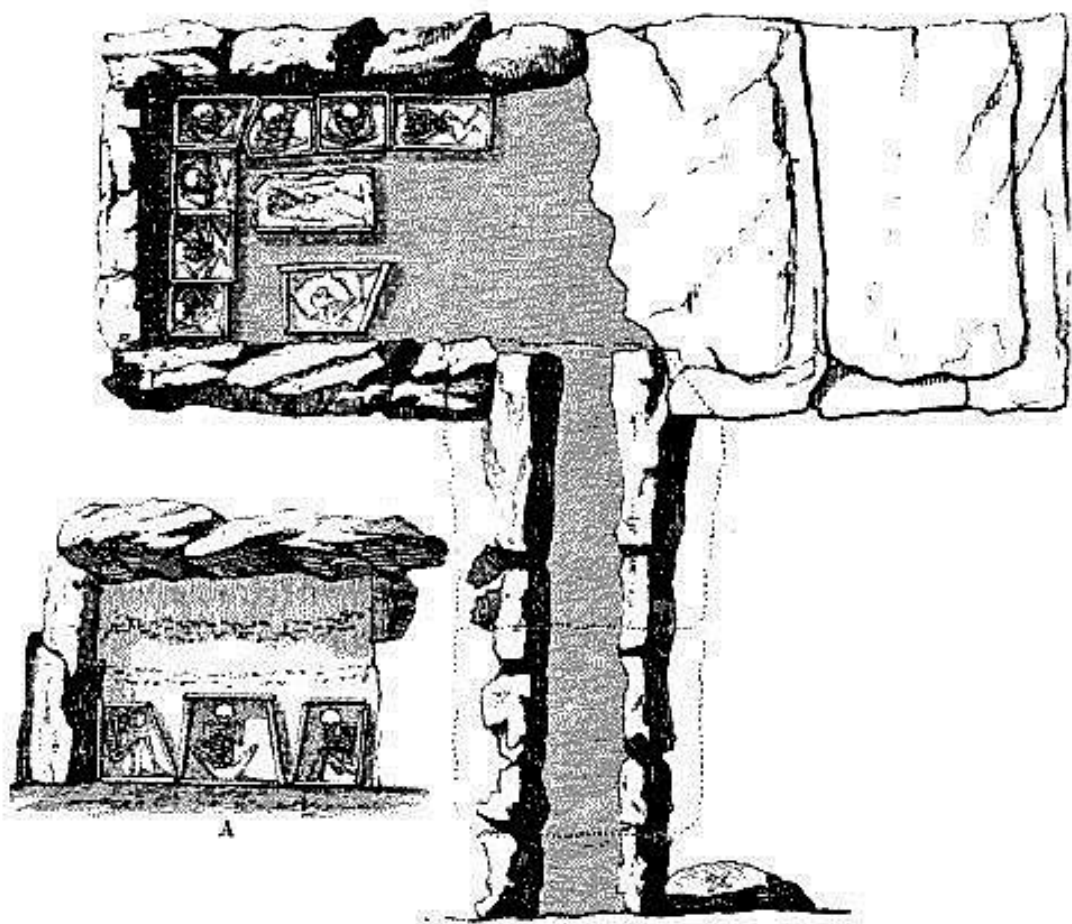

115. План палаты в Уби. От Мадсена.

Эти последние примеры из работы Мадсена еще более интересны для нас, поскольку иллюстрируют разницу между дольменами или камерами, которые всегда предназначались для захоронения в курганах, и теми, которые всегда предназначались для обнажения. В камерах в Уби и Смидструпе камни уложены так близко друг к другу, что очень небольшого уплотнения между ними было достаточно, чтобы не допустить попадания земли, а проходы к ним и другие приспособления указывают на их первоначальное назначение. Однако ситуация сильно отличается с дольменами в Хальскове и Вальдбигорде, или с дольменами в Люнебурге или Хебише, которые, очевидно, сейчас находятся на своих насыпях в том виде, в каком они были изначально спроектированы. При очень небольшом изучении кажется легким обнаружить первоначальные намерения во всех этих памятниках; но есть еще одно различие. Ни одно из тех, что должны были быть выставлены на всеобщее обозрение, так и не было похоронено, в то время как многие из тех, которые должны были быть прикрыты, так и не получили предназначенный им конверт.

Памятник, имеющий значительное сходство с двумя последними цитируемыми, существует, или, возможно, скорее существовал, в Аксевалле, в Вестерготланде. Он был открыт, по-видимому, в 1805 году, и изображения взяты из рисунков, сделанных тогда капитаном Линдгреном, который руководил раскопками по приказу короля. Он состоит из одной квартиры длиной 21 фут, шириной 8 футов и высотой 9 футов. Стены и крыша сложены из плит красного гранита, которые, если полагаться на плиты, были обтесаны или, по крайней мере, сформованы каким-то механическим способом. Вместо того, чтобы тела клали на пол камеры, как это обычно бывало, и находили их вперемешку с обломками и разного рода посудой, у каждого из девятнадцати человек, занимавших эту камеру, был отдельный гроб, такой маленький и неправильной формы, как в Роуз-Хилл ([гравюра на дереве № 39](#)), что тело пришлось согнуть вдвое в крайне неудобной позе, чтобы поместить в гробницу. Это ни в коем случае не было необычным способом погребения в те ранние века, но если скелеты действительно были найдены в представленных здесь позах, их погребение должно

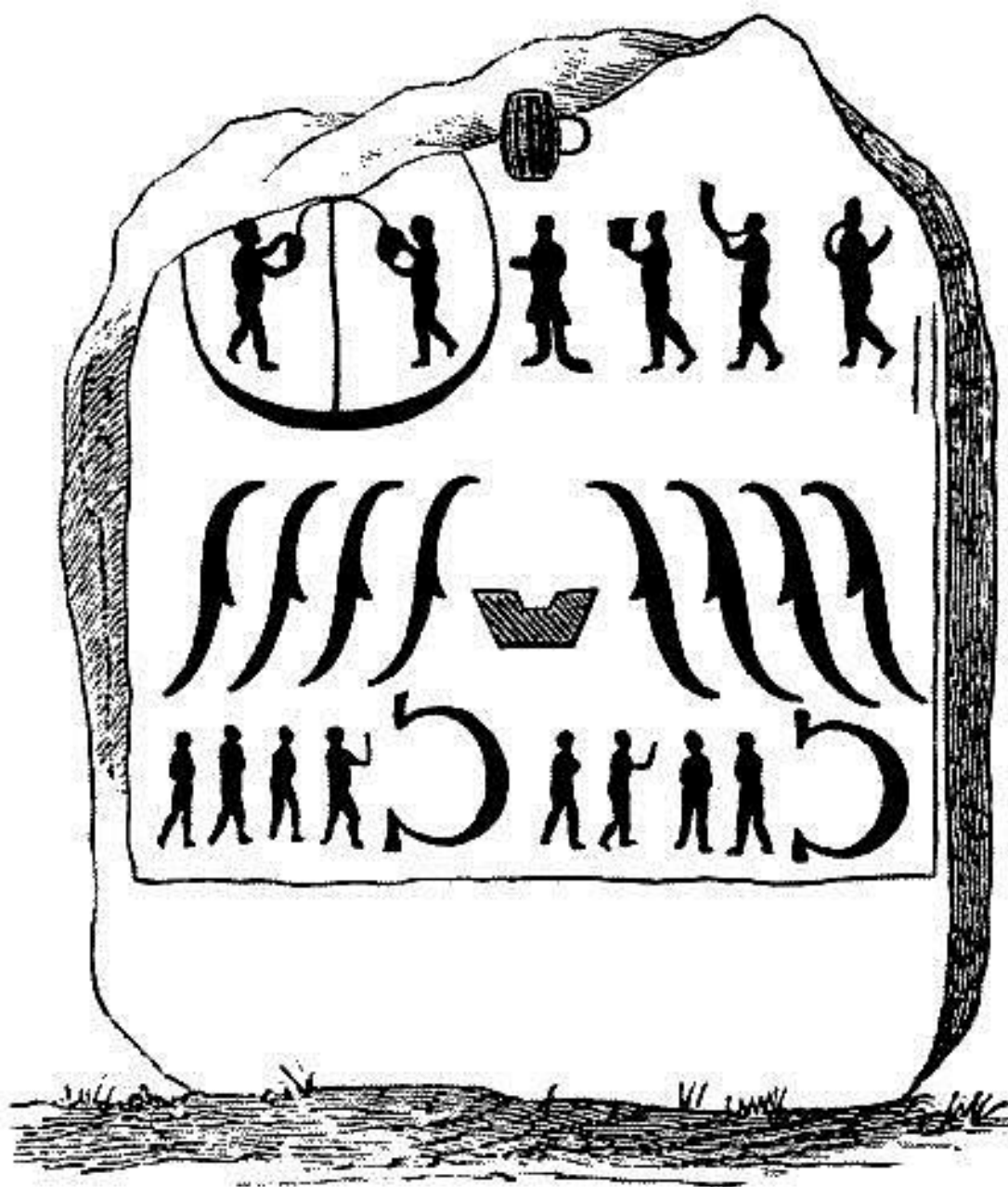
относиться к действительно очень недавнему времени. Я знаю, что в книгах по археологии нет ничего более распространенного, чем изображение скелетов, сидящих в своих ящиках в самых непринужденных позах.^[365] Но если вся плоть исчезла так же полностью, как изображено на этих рисунках, кожные покровы тоже должны были исчезнуть, и если они сгнили или превратились в пыль, скелет, должно быть, разрушился и был найден грудой на полу. Было бы интересно узнать, как долго, будь то в очень сухих или во влажных местах, сохраняются покровы, чтобы предотвратить это разрушение до того, как они будут потревожены. Ни один квалифицированный специалист еще не высказал своего мнения по этому вопросу, но время вряд ли могло растянуться на многие столетия. Но существует ли этот случай на самом деле? разве все эти странные скелеты не являются всего лишь плодом воображения увлеченных антикваров?

116. Дольмен в Аксевалле. Из Себорга.

Как бы то ни было, эти эллиптические и длинные прямоугольные дольмены с их расположением сводов и входов в центре более длинной стороны кажутся настолько отличными от тех, что обычно встречаются в других странах, что указывают на другую провинцию. Вряд ли можно сомневаться в том, что овальные формы старше, хотя их возраст не столь ясен, и не было опубликовано никаких описаний их содержимого, которые позволили бы нам составить определенное мнение по этому вопросу. В них были найдены кремневые орудия труда, но, насколько я могу судить, бронзы нет. Следовательно, согласно датской системе, все они относятся ко времени до Соломона или осады Трои. Возможно, это и так, но я в этом сильно сомневаюсь. Те, кто проводил раскопки гробницы Аксевалла, сообщили, что на одной из стен было найдено нечто похожее на надпись ([гравюра на дереве № 116](#), рис. А); но была ли это надпись или естественное образование, ни в коем

случае не ясно — во всяком случае, поскольку у нас нет ее копии, это вряд ли поможет нам установить дату.

117. Надгробие на могиле Кивика. Из Себорга.

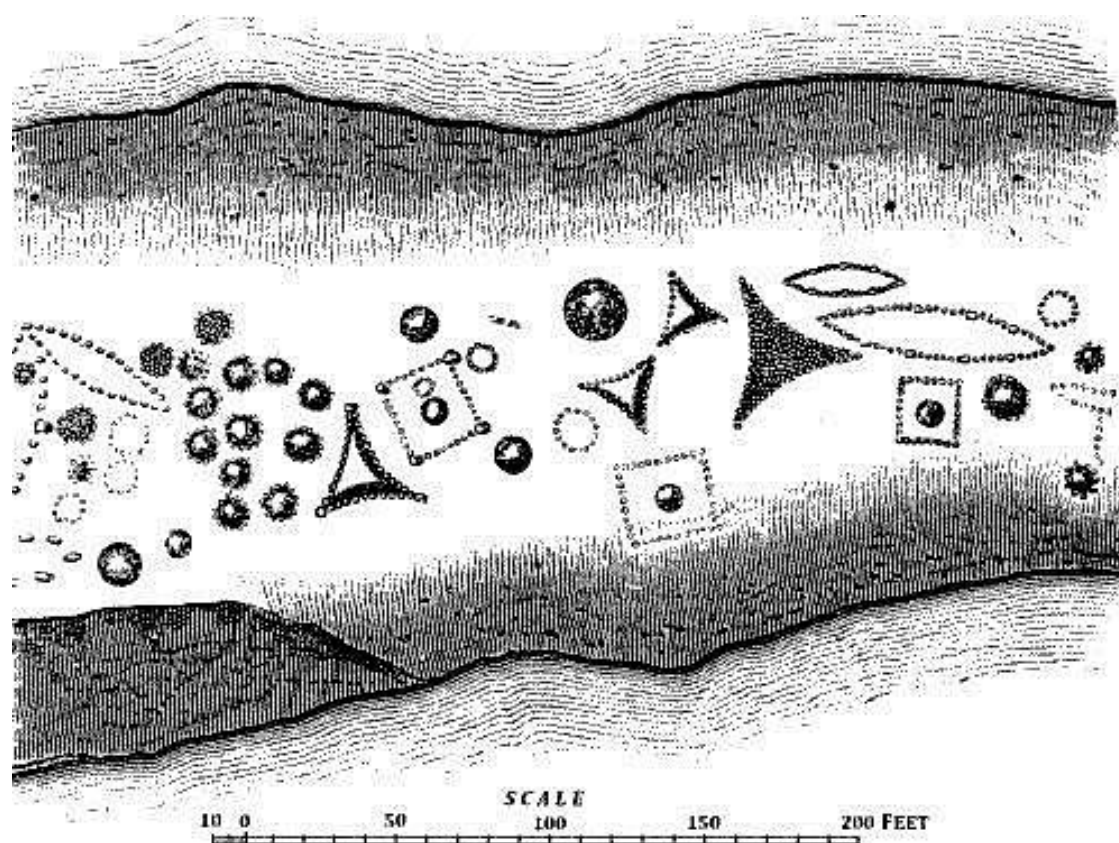
В некоторых отношениях гробница Аксевалла напоминает могилу близ Кивика, в районе Кимбришем, недалеко от южной оконечности Швеции. Это самая знаменитая из шведских могил. Он упоминается Линнеем как совершенный в 1749 году, но вскоре после этого был открыт, и с тех пор его рисунки и иллюстрации время от времени публиковались, что породило обычное разнообразие мнений. Сам и Себорг, похоже, сходятся во мнении, что это связано с битвой, которую Рагнар Лодброк вел в тех краях около 750 года, в которой был убит сын тогдашнего короля.^[366] Эта дата представляется вероятной; если бы она была позже, на некоторых из ее камней почти наверняка были бы найдены руны; если бы раньше, изображения человеческой фигуры вряд ли были бы столь совершенными. Один камень, найденный в другом месте ([гравюра на дереве № 117](#)),^[367] который, по-видимому, был его надгробием, имеет любопытное сходство с надгробием Дол ар Маршан в Локмариакере,

проиллюстрированным далее. Сходство может быть случайным, но, как и во всех этих случаях, трудно поверить, что между двумя памятниками, которые демонстрируют столь незначительный прогресс, могло пройти пять или шесть столетий; принадлежал ли этот камень могиле Кивик или нет, он определенно того же возраста и рисунка, некоторые фигуры на нем идентичны тем, что найдены в гробнице, и они вряд ли могут быть старше указанной выше даты. На другом камне этой гробницы изображены два круга, обрамляющих кресты, которые можно увидеть на дольмене Херреструп и камне Аспатрия, все из которых, вероятно, относятся к восьмому веку. Сама гробница не примечательна своими размерами, она всего 14 футов в длину, 3 фута в ширину и почти 4 фута в высоту. Однако он слишком велик для могилы одного воина, но нам не говорят, было ли на нем несколько небольших гробниц, подобных той, что в Аксевалле. Вероятность, однако, такова, что это было так, но 120 лет назад люди не были точными наблюдателями за антикварными явлениями.

Помимо них, существуют еще две формы гробниц, которые, насколько пока известно, весьма характерны для скандинавской провинции. Первые из них - это так называемые корабельные могилы, судя по их форме. Они состоят из двух сегментов круга, соединенных вместе концами так, чтобы представлять палубу судна, и бывают всех размеров, от 20 или 30 футов до 200 или 300 футов. Обычно их находят на морском берегу, и вряд ли можно сомневаться, что они отмечают могилы викингов.

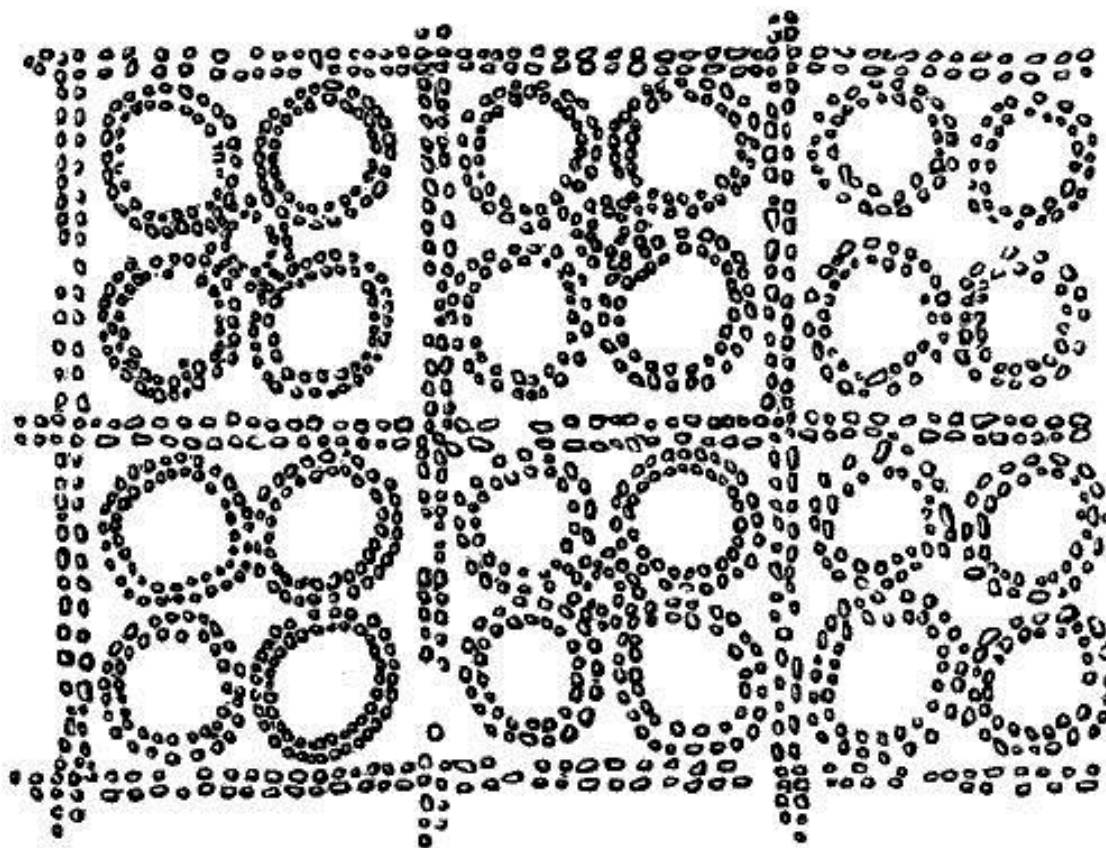
Другая форма столь же своеобразна, но более трудна для объяснения. Он отмечен рядом камней, образующих равносторонний треугольник, иногда прямолинейный, но так же часто линии загибаются внутрь, что значительно ограничивает внутреннее пространство. Ни в коем случае не ясно, что подсказало эту форму и что она должна была представлять. Однако он встречается на полях сражений ([гравюра на дереве № 118](#)), и одиночные экземпляры часто встречаются на тарелках Себорга, иногда с камнем Баута в центре. Единственная гипотеза, которая, по-видимому, объясняет эту форму, заключается в том, что это "Клиновидный орден" Олауса Великого, и что он отмечал место, где объединенная конная и пешая фаланга сражалась и победила.[\[368\]](#) Вероятность такова, что там, где она одиночная, она обозначает могилу определенного звания либо в армии, либо в гражданской жизни.

Все эти формы показаны на следующей гравюре на дереве из группы, найденной на полуострове Хьортехаммер, в Блекинге, на юге Швеции, но другие встречаются на острове Амром и во многих других местах.[\[369\]](#) Оспаривалось, представляют ли они поля сражений или являются обычными могилами жителей района, в котором они найдены. То, что найденные на берегу во Фрейрсе ([гравюра на дереве № 101](#)) могилы тех, кто пал там в битве при Блодоксе в десятом веке, кажется вполне несомненным, но всегда ли так было, можно усомниться; но, безусловно, песчаный полуостров, подобный полуострову Хьортехаммер, кажется самым неподходящим местом для захоронения своих мертвецов мирными людьми, особенно в то время, когда не одна десятая часть земли вокруг могла быть обработана.

118. Могилы в Хьортехаммере. Из Ворсаи.

Для наших нынешних целей не имеет большого значения, какое мнение преобладает, поскольку эти формы не имеют отношения к формулярам других стран, тем более что их дата, по-видимому, не вызывает сомнений. Ворсаэ помещает их все между 700 и 1000 годами,^[370] или во второй и последний железный век, и поскольку никто, похоже, не оспаривает это, это может быть принято как установленный факт. Особенности их формы и мелкие камни, из которых сложено большинство из них, таковы, что дата, приписываемая им здесь, не обязательно сводит истинные мегалитические останки к чему-либо похожему на тот же возраст. Это, однако, снимает всякую неправдоподобность с утверждения, что они могут быть гораздо более современными, чем предполагалось, и совершенно очевидно, что между большими английскими и ирландскими кругами и могилами викингов не было разрыва; или, другими словами, люди не переставали отмечать свои могилы кругами и пирамидками, а затем по прошествии столетий возродили этот обычай и начали его снова, в меньшем масштабе. Возможно, имело место происхождение, но не было решения проблемы преемственности, и, следовательно, любой может составить представление о том, сколько времени должно было пройти, прежде чем великие круги Уилтшира могли выродиться в круги Хьортехаммера.

119. Круги в Ашенраде. От Бера.

Есть еще одна группа памятников, которую, по-видимому, стоит проиллюстрировать, прежде чем оставить эту тему. Они встречаются на крайнем востоке провинции, на берегах Двины, в Ливонии. В местечке под названием Ашенраде, примерно в пятидесяти милях по прямой от Риги, находится группа, изображенная на прилагаемой гравюре на дереве.^[371] Такое расположение необычно для Европы, но встречается в Алжире, и, похоже, представляет собой лишь такое сочетание квадратных оград Скандинавии, какое мы ожидали бы найти на кладбище, в отличие от поля битвы.

В этих могилах было найдено огромное количество бронзы и других металлических изделий, а также личных украшений, многие из которых выгравированы в книге профессора Бера. Они во многих отношениях напоминают знаменитую "находку" в Халльштадте, в Зальцкаммергуте;^[372] но к этим ливонским сокровищам было примешано большое количество монет и железных орудий очень современной формы. Монеты классифицируются следующим образом:—

Немецкие монеты, датируемые с	936 по 1040 год н.э.
Англосаксонские монеты, датируемые	"991" 1036 годом.
Византийские монеты, датируемые	"911" 1025 годом.
Арабские или куфические монеты, датируемые	"906" 999 годом.

Любопытно, что восточные монеты появились намного раньше других, но их всего пять, и, возможно, они сохранились как раритеты. Даты остальных, во всяком случае, доказывают, что некоторые из этих гробниц датируются не ранее 1040 года, и все, вероятно, относятся к столетию, предшествовавшему этой эпохе.

Однако, помимо них, есть курганы в местечке под названием Сегевольде и круги, иногда с камнем в центре, в Баярде, и, без сомнения, другие останки того же класса в округе. Целью, однако, единственной известной мне книги на эту тему было проиллюстрировать не формы гробниц, а предметы, найденные в них, и проследить этнографические связи людей, владевших ими, с другими племенами, которые в разное время населяли этот район. Даты всего этого, согласно их описателю, можно смело отнести к периоду между восьмым и двенадцатым веками.[373]

Дренте.

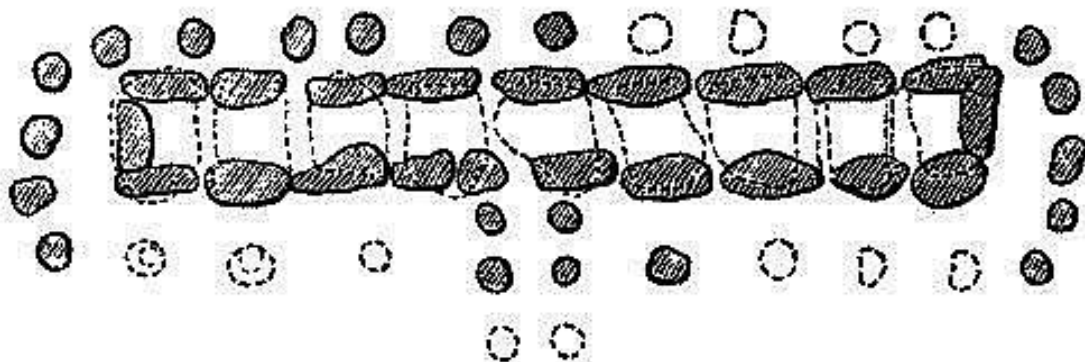
Самая южная группа этих памятников, относящихся к северному отделу, является одной из самых обширных, хотя, к сожалению, и одной из наименее известных. Он расположен почти исключительно в провинции Дренте, в Северной Голландии, где Хунебеды — кровати великанов, или могилы, как их называют местные жители, — разбросаны по территории, простирающейся примерно на двадцать миль к северу и югу и, вероятно, на десять или двенадцать миль в противоположном направлении. Этот участок местности представляет собой голую вересковую пустошь, которая даже сейчас лишь частично возделана или действительно способна к возделыванию, и никогда вообще не могла прокормить население, соответствующее такой обширной группе памятников.

Еще в 1720 году Кейслер обратил на них внимание и изобразил один из них, чтобы показать его сходство со Стоунхенджем.[374] Гравировка, однако, настолько дефектна, что невозможно разобрать, что она представляет, а поскольку размеры или статистические данные не приведены, она очень мало добавляет к нашим знаниям. Короткая статья на эту тему появилась в "Журнале Археологической ассоциации" в 1870 году, но, к сожалению, без каких-либо иллюстраций,[375] и, следовательно, наши знания о них почти полностью зависят от работы, опубликованной в Утрехте в 1848 году покойным доктором Янсеном, хранителем древностей Лейденского музея. Эта работа во многих отношениях является наиболее кропотливой и удовлетворительной; но, хотя вряд ли правильно было бы говорить об этом, она не содержит иллюстраций, плиты перекрытия представлены условными символами, о которых никто не догадался бы, что они предназначены для зданий любого типа, без самого тщательного изучения книги. Я рискнул попытаться перевести одно из них в обычные формы на гравюре на дереве № 120, но никоим образом не гарантирую его правильность. Однако он достаточно точен, чтобы объяснить общий характер памятников.

В пределах вышеописанной области Янсен измерил и описал пятьдесят одну все еще существующую Хунебеду, и, вероятно, когда-то их было гораздо больше, поскольку он сожалеет о потере четырех, которые он помнит по своей юности; и несколько других были сильно разрушены совсем недавно. К счастью, это вряд ли повторится, поскольку с либеральностью и умом, которых не проявило ни одно другое правительство в Европе, голландцы приобрели Гунебеды и землю, на которой они стоят, с правом проезда к ближайшей дороге, чтобы, насколько это возможно, они были защищены от будущих грабежей.

Из этих пятидесяти одного памятника только один является дольменом в том смысле, в каком мы обычно его понимаем, подразумевая, таким образом, единый венчающий камень, поддерживаемый тремя или, как в данном случае, четырьмя стойками. Этот находится недалеко от Эксло и является одним из немногих, образовавших камеру в кургане. У некоторых есть три заглушки, и от этого числа они варьируются до десяти или двенадцати,

по крайней мере, вдвое больше опор. Фактически, все они принадлежат к классу, который французы называют "аллеями куверт" или "феерическими гротами"; дом Каллии Бирры (гравюра на дереве № 80) и дольмены в Глен-Колумбкилл принадлежат к тому же классу. Но у дольменов Дренте есть одна особенность, которой нет ни во Франции, ни в Ирландии: все они закрыты с обоих концов, а вход, там, где он есть, всегда находится с более длинной стороны. В этом отношении они больше напоминают скандинавские образцы, такие как гробница в Аксевалле (гравюра на дереве № 116) или гробница в Уби (гравюра на дереве № 114).

120. План Хунебеда близ Эммена.

Прилагаемая попытка реставрации одного из них недалеко от Эммена даст четкое представление об их общем устройстве. Общая длина здания составляет 49 футов, а внутренняя ширина - от 4 до 6 футов. Его крыша выложена девятью или десятью камнями, некоторые из которых значительных размеров. Некоторые из этих лож имеют ряд камней вокруг себя, расположенных не по кругу или овальной форме, а, как в данном случае, повторяющих линии центрального зала. Так обстоит дело с другим объектом, расположенным рядом с тем же местом, общая длина которого составляет 125 футов. Однако при внимательном рассмотрении оказывается, что это не один гребень, а три, расположенные по прямой линии, с небольшим промежутком между ними. В двух из них пять, а в одном - шесть заглушек. Как правило, каждый верхний камень стоит на двух стойках, и хотя часто они соприкасаются друг с другом, так же часто они образуют действительно независимые трилиты. Несомненно, именно этот факт побудил Кейслера сравнить эти памятники со Стоунхенджем, хотя на самом деле нет двух наборов памятников из грубого камня, которые могли бы быть более непохожими ни по расположению, ни по конструкции. Как будет видно из прилагаемого вида одного из ближайших Балло[376] (гравюра на дереве № 121), они образованы из бесформенных гранитных валунов. Иногда она может быть искусственно расколота, но, безусловно, нетронута стамеской. Все, что, по-видимому, было сделано, - это отобрать те из них, которые наиболее соответствовали по форме целям, для которых они должны были быть применены, а затем грубо нагромоздить их один на другой, но таким образом, чтобы повсюду оставлять широкие промежутки между камнями, составляющими конструкцию.

121. Дольмен в Балло. С фотографии.

Первый вопрос, который возникает в связи с этими Грядками, заключается в том, были ли они изначально покрыты землей или нет? То, что некоторые из более мелких были и остаются достаточно ясными, а некоторые среднего размера все еще частично являются таковыми; но на самых крупных и многих из более мелких нет и следа какого-либо подобного покрытия; и кажется невозможным поверить, что на участке жалкой бесплодной пустоши, где плата за землю сейчас не стоит и десяти шиллингов за акр, кто-либо мог в любое время взять на себя труд выкопать и увезти такие огромные насыпи, которые потребовались бы, чтобы покрыть эти памятники. Здесь кажется более очевидным, чем почти где-либо еще, что, даже если бы это было сделано с целью их охвата, это намерение более чем в половине случаев так и не было приведено в исполнение.

Можно считать само собой разумеющимся, что когда-то эти гряды были гораздо более многочисленными в Дренте, чем сейчас, но гораздо сложнее установить, распространялись ли они на соседние провинции или нет. Один находится в Гренингене, другой - во Фрисландии, и больше нигде. Конечно, может случиться так, что в этих более плодородных и густонаселенных районах они использовались или удалялись из почвы в качестве наслоений, в то время как в Дренте их составные части не представляли никакой ценности и их можно использовать в качестве загонов для овец и свинарников; и для этих целей они, по-видимому, использовались свободно. Возможно также, что в соседних провинциях нет гранитных валунов и что они распространены в Дренте. Определенно, в Гельдерланде, стране, в которой мы ожидали бы найти памятники такого класса, их нет, поскольку это естественная линия связи с регионом немецких дольменов; и если только не было подручных материалов для их строительства, трудно понять их отсутствие.

Поскольку эти грядки были открыты по крайней мере на протяжении веков — если они не были такими изначально — и использовались крестьянами для всевозможных целей, напрасно ожидать, что сейчас в них будет найдено что-либо, что может пролить свет на их возраст или использование. Мы можем только надеяться, что нетронутый или лишь частично разграбленный образец можно будет найти в некоторых из многочисленных курганов, которые все еще существуют по всей стране. Признаюсь, я не испытываю оптимизма по поводу того, что так оно и будет. Я бы надеялся на большее от раскопок пола тех, которые

известны, и тщательного сбора любых фрагментов керамики и других предметов, которые могут быть найдены в них. Конечно, ничего, представляющего какую-либо внутреннюю ценность, найдено не будет; но то, что совершенно бесполезно для каких-либо других целей, может оказаться наиболее важным в антикварном смысле. Судя по ним с общей абстрактной точки зрения, они не кажутся очень древними и могут варьироваться от христианской эры вплоть до того времени, когда жители этой страны были обращены в христианство, когда бы это ни произошло. Это, однако, можно сделать только из их сходства с другими памятниками, упомянутыми на предыдущих страницах, а не из каких-либо специальных свидетельств, собранных от них самих или из какой-либо местной традиции, имеющей отношение к их древности.

Когда мы изучим мегалитические останки Бретани и севера Франции, мы будем в лучшем положении, чем сейчас, чтобы оценить важность разрыва, существующего между французскими и скандинавскими провинциями; но пока, возможно, будет удобно заметить даже здесь, что едва ли кажется сомнительным, что русла Дренте и Гроты фей в Бретани являются выражением одного и того же чувства, и, в целом, что мегалитические останки южного и северного отделов западных частей Европейского континента являются произведениями сходных, если не сказать более древних цивилизаций. идентичные расы, применяемые для одних и тех же целей и, вероятно, примерно одного возраста.

Эти две провинции сейчас разделены долиной Рейна. Вероятно, не будет слишком широким утверждением сказать, что в долинах Рейна или Шельды нет настоящих памятников из грубого камня,^[377] ни в одной из их притоков, или, фактически, ни в одной из стран, населенных немцами и белгами. Расы, строившие дольмены, фактически были разделены надвое последней названной расой на пути к колонизации Британии. Когда это произошло, у нас нет точных сведений. Согласно Цезарю, незадолго до него Дивитиак правил белгами Галлии и Британии как одной провинцией;^[378] и вывод из всего, что мы знаем — а их очень мало — состоит в том, что бельгийская иммиграция на этот остров в то время была недавней. Независимо от того, было ли это тысячу или десять тысяч лет назад, нас здесь интересует тот факт, что это произошло до эпохи памятников из грубого камня. Если мы признаем, что народы, которые от Кадиса до Кимврийского Херсонеса воздвигли эти дольмены, были одной расой - или, по крайней мере, исповедовали одну религию — и руководствовались одним набором мотивов в своем уважении к мертвым, то, кажется, невозможно избежать вывода, что независимо от того, пришли ли они непосредственно с востока, или мигрировали с юга на север, или в противоположном направлении, они когда-то образовали непрерывное сообщество наций по всему западному побережью Европы. Они были перерезаны только в одном месте — между Дренте и Нормандией - и то сравнительно современным народом, белгами. Если это так, то разделение произошло в период, предшествующий появлению дольмена, когда бы это ни было. Если бы у коренных народов Бельгии был обычай возводить дольмены до того, как они были разграблены пришельцами, мы должны были бы найти там по крайней мере их останки, как мы находим их к северу и югу от этого района. При нынешнем положении дел вывод кажется неизбежным, что именно после своего разделения северная и южная семьи, хотя и разошлись больше в контактах, приняли, каждая по-своему, те более постоянные и мегалитические формы, к которым их научил стремиться контакт с более высокой цивилизацией, не отказываясь при этом от различий, которые отделяли их от более прогрессивных кельтов и вполне цивилизованных римлян.

ПРИМЕЧАНИЕ.

Карта напротив составлена частично по двум картам М. Бертрана, упомянутым на стр. 326, и частично по той, которая прилагается к "Очерку дольменов" барона де Бонштеттена, 1864 год. Он был скорректирован, насколько позволял масштаб, на основе накопленной с тех пор информации; и может рассматриваться как достоверно отражающий наши знания о распределении дольменов в настоящее время. Однако до тех пор, пока правительства этой страны и Дании не снизойдут до рассмотрения этого вопроса, такая карта неизбежно должна оставаться несовершенной в своих наиболее важных частях.

Сноски

[321] "Самлинггар фор Нордерс Форнальскаре", Стокгольм, 1822-1830.

[322] "Священные писания даникорума среднего века", 9 томов. folio, Hafniæ, 1722 *et seq.*

[323] "Исторические датчане", библиотека xvi. Soræ, 1644, в fol.

[324] Следующего списка королей Дании, скопированного у Данхэма и приводящего даты из Зума, и "Хеймскрингла" Снорро, вероятно, будет достаточно для наших нынешних целей:—

	Сам.	Snorro.
	Д. А.	Б. С.
Фруде I.	35	17
Fridlief	47	--
Гавар	59	--
Фруде второй.	87	--
Wermund	140	--
Олаф	190	--
		А. Д.
дан Mykillate	270	170
Фруде раздел III.	310	235?
Хальфдан I.	324	290
Фридлиф III.	348	300
Фроде IV.	407	370
Ингель	436	386
Хальфдан II.	447	"
Фроде Против	460	"
Хельге и Роу"	494	438
Фроде VI.	510	"
Рольф Крейк	522	479
Фроде VII.	548	
Хальфдан III.	580	554
Рюрик	588	

Ивар	647	587
Харальд Хильдетанд	735	"
Сигурд Ринг"	750	--
Раджнар Лодброг	794	--
Сигурд Сногоге	803	--
Герда Канут	850	--
Эрик I.	854	-
Эрик II.	883	-
Харальд Харфагар	-	863
Горм Старый (умер?)	941	-
Харальд Блатанд	991	-
Свейн	1014	-

[325] "Самлинггар" и с. i. табличка 11, рис. 38, стр. 104.

[326] *Источник. sup. cit.*, рис. 39.

[327] Стоукс, "Жизнь Петри", стр. 260.

[328] Беовульф, *источник. sup. cit.*

[329] Энгельгардт, "Иллюстрированный путеводитель по музею Копенгагена", стр. 33.

[330] Гравюра на дереве скопирована с рисунка в Съеборге, ii. рис. 214. Это повторяет Worsaae, *источник. sup. cit.*, оба скопированы с какого-то оригинала, который я не позаботился отследить.

[331] "История Дании", viii. стр. 133.

[332] "Памятник Даникоруму", libri sex, i. p. 12.

[333] "Первобытные древности Дании", стр. 113.

[334] Одно время я, основываясь на саксонской хартии, был склонен полагать, что этот курган был могилой Сиссы, саксонского короля Винчестера, современника Артура. Преподобный мистер Джонс, который тщательно изучил этот вопрос, сообщил мне, что Хартия № 1094, которая взята из "Кодекса Винтона". fol. 54, относится к Овертону в Хантсе, а не к Овертону в Уилтсе, потому что Таданлидж (Tadley) упоминается как ее часть. Поскольку я не могу оспаривать компетентность столь выдающегося авторитета в подобном вопросе, ее отождествление с гробницей царя Сиссы должно быть пока отменено, но из этого ни в коем случае не следует, что она может быть не его возраста.

[335] "Доисторические времена", стр. 153.

[336] Рабов скифских царей душили (Геродот, iv. 71 и 72).

[337] "Итак, человек принесен в жертву дьяволу и воинствует в еще большем языческом демонизме, умерщвляя". —Балусиус, *капитан рег. Франк.* i. 253.

[338] Деревянные блоки этих и других иллюстраций к статье доктора Турнэма были предоставлены сэру Джону Лаббоку и использованы им в его "Доисторических временах", № 146-156, где они будут более доступны многим, чем в "Археологии".

[339] Была предпринята попытка обосновать аргумент в пользу вторичных погребений (Лаббок, "Доисторические времена", стр. 156) на эдикте Карла Великого, в котором он говорит: "Jubemus ut corpora Christianorum Saxonum ad cœmeteria ecclesia deferantur et

non adtumulos paganorum (Balusius, 'Cap. Reg. Франк'. i. стр. 154). Если бы это было выражение "в курганах", в нем, возможно, что—то и было; но мне кажется, из эдикта следует справедливый вывод, что даже во времена Карла Великого обращенные саксы настаивали на том, чтобы их хоронили — вероятно, в курганах - рядом с могилами их отцов, и, вероятно, с соблюдением языческих обрядов, несмотря на их номинальное обращение.

[340] "Археология", xlii. стр. 195.

[341] Ничто не удивило бы меня меньше, чем обнаружение захоронения в верхней части кургана в Западном Кеннете, между крышей камеры и дольменом. Многие признаки в длинных курганах Западной части Страны заставляют нас ожидать, что это могло иметь место, но из этого ни в коем случае не следует, что это было бы вторично. Напротив, это, вероятно, было бы если не первым, то, по крайней мере, главным захоронением в кургане.

[342] Я изо всех сил пытался следовать аргументам Ворсааэ по этому поводу ("Zur Alterthumskunde des Nordens", 1847), но безуспешно. Поскольку он лично знаком со страной и ее памятниками, он может быть совершенно прав в том, что утверждает, но поскольку к этой части работы нет ни карт, ни иллюстраций, постороннему человеку практически невозможно судить; и поскольку, как и все датчане, он свято верит в трехвековую систему, трудно понять, насколько это может повлиять на его точку зрения.

[343] "Доисторические времена", стр. 107.

[344] "Один год в Швеции", ii. стр. 183.

[345] Энгельгардт, "Иллюстрации каталога". стр. 33. Suhm указывает цифру 991, но более вероятной представляется дата смерти его сына Харальда Блаатанда.

[346] "Аннален для Nordk. Олдк." xii. стр. 13.

[347] 'История. даника', x. стр. 167.

[348] "Руководство ил." стр. 33.

[349] "Первобытный муравей. Дания", стр. 104.

[350] Энгельгардт, Кат. ил. du Musée, p. 33.

[351] 'Proceedings Soc. Ant. Scot.', стр. 265. Если Рагнар был взят в плен Эллой Нортумберлендской, то это, должно быть, было во второй половине девятого века. Сам считает, что его смерть наступила почти столетием ранее, в 794 году.

[352] "Первобытный муравей Дании", стр. 112.

[353] 'Annalen для Nord. Aldk.' vi. pl. x.

[354] Хольмберг, "Скандинавский Холлистингар", стр. 3.

[355] Там же. стр. 21. 'Soc. des Ant. du Nord', ii. стр. 140 и далее.

[356] Сэр Джеймс Симпсон, приложение, том vi. "Proc. Soc. Ant. of Scotland", *passim*.

[357] Мэдсен, "Древности датской Марки", 1869.

[358] "Самлингар", i. pl. iii. рис. 6.

[359] Олаус Вормиус, "Даника Монумента", стр. 8 и 35.

[360] "Очерки дольменов", стр. 9.

[361] "Heidnische Alterthümer von Uelzen", Ганновер, 1846.

- [362] Мэдсен, "Специалист по древностям". стр. 8.
- [363] "Antiquitates Septentrionales", стр. 320 и 519, стр. xvii.
- [364] Мэдсен, фото 13 и 14.
- [365] Бейтман, "Раскопки за десять лет", стр. 23. Льюэллин Джоуэтт, "Могильные холмы", стр. 14 и 15 и др.
- [366] Шеборг. *источник. цит. по.*
- [367] В настоящее время удалена. Себорг, iii. pl. 10, стр. 143.
- [368] *Предварительный просмотр*, сноски, стр. 15.
- [369] Гравюра на дереве восстановлена с пластины в "Alterthumskunde Scandinaviens" Ворсае, но и она, и группа Амром найдены в "Английском археологическом журнале", xxiii. стр. 187.
- [370] Археол. Журнал, "*loc. cit.*" стр. 185.
- [371] Бер, "Гребень жизни", Дрезден, 1850 г., пл. i. К сожалению, как это слишком часто бывает, на табличке не выгравирована шкала, а в тексте не указаны размеры.
- [372] Насколько мне известно, еще не опубликовано.
- [373] "Гребень жизни", стр. 51.
- [374] 'Ant. Septent.' p. 5, pl. ii.
- [375] Ни в коем случае не ясно, посещал ли мистер Сэдлер, который является автором этой статьи, когда-либо это место или черпал свою информацию из книги Янсена, которую, однако, он никогда не упоминает. Как бы то ни было, это лучшая известная мне статья на эту тему, и она вполне достойна прочтения.
- [376] Гравюра на дереве сделана по фотографии, любезно предоставленной мне мистером Фрэнксом. Этого достаточно, чтобы показать характер конструкции, но камера - на редкость неразумный интерпретатор плана или аранжировок.
- [377] Как уже говорилось, в труднопроходимых горных районах Люксембурга есть несколько дольменов, но они, похоже, принадлежат древним расам, которые в этих уголках не были сметены бельгийским течением.
- [378] Цезарь, Колокол. Желчь". ii. стр. 4.
-

ГЛАВА VIII. ФРАНЦИЯ.

Только в самое последнее время французы обратили свое внимание на изучение своих памятников из грубого камня; но с тех пор, как они сделали это, это было сделано настолько систематическим и научным образом, что, если бы это продолжалось еще несколько лет, изучающие этот класс древностей во Франции мало что оставили бы желать лучшего. Война и революция, однако, вмешались как раз в тот момент, когда результаты этих трудов должны были вот-вот появиться на свет, и как долго нам теперь, возможно, придется их ждать, никто не может сказать. В июле прошлого года работа над Музеем Сен-Жермена была далека от

завершения, и к тому времени были опубликованы только первые части великого "Словаря кельтских древностей". Сейчас мы едва ли можем надеяться на продолжение необходимых расходов, которые необходимы для завершения первого, и трудно предвидеть, каким образом материалы, собранные для словаря, теперь могут быть использованы.

Даже при значительном продвижении к завершению строительства вряд ли следует ожидать, что музеи Сен-Жермена и Вана смогут соперничать с королевскими коллекциями Копенгагена; и если бы французы ограничились только коллекционированием, они не слишком продвинули бы наши знания; но, занимаясь этим, они также собрали статистическую информацию, составили карты и описания, так что наши знания об их памятниках гораздо более полные, чем о датских. Если позаимствовать сравнение из родственных наук, это выглядит так, как если бы датчане занимались исключительно минералогией предмета: собирали образцы со всех сторон и расставляли их в соответствии с их сходством, совершенно независимо от местности, из которой они были привезены. Французы, с другой стороны, основали науку, подобную геологии, на своих знаниях о минералах; они тщательно отметили распределение различных классов памятников и, насколько это было возможно, установили их относительное наложение друг на друга. Первый, без сомнения, является наиболее полезным процессом, и он должен в определенной степени предшествовать другому; но если мы не нанесем на карту различные породы на поверхности и не установим их слоистость, это вряд ли поможет нам в изучении формирования или истории нашего земного шара.

В 1864 году М. Бертран опубликовал в "Археологическом ревю" небольшую карту Франции, показывающую распределение дольменов в том виде, в каком они были известны в то время; а три года спустя другую, в гораздо большем масштабе, предназначенную для сопровождения "Словаря кельтских древностей" и содержащую все, что было тогда известно. Если бы сейчас было опубликовано второе издание этой карты, оно, без сомнения, было бы гораздо более полным; но основные очертания все равно должны быть теми же, и их достаточно для наших нынешних целей. Из этих карт и текста, который к ним прилагается, мы узнаем, что большинство памятников из грубого камня во Франции расположены на небольшом расстоянии по обе стороны от прямой линии, проведенной от берегов Средиземного моря, где-то около Монпелье, до Морле, в Бретани. Их нет ни к востоку от Роны, ни к югу от Гаронны, пока мы не доберемся до Пиренеев, и так мало к северу от бассейна или долины Сены, что их можно считать странниками.

Обращаясь к таблице в конце этой главы, составленной на основе таблицы 1864 года, мы обнаруживаем, что в тридцати отделах содержится более десяти памятников архитектуры. Тридцать других, по словам г-на Бертрана, содержат от одного до восьми или девяти; а остальные двадцать девять либо вообще ничего не содержат, либо они настолько незначительны, что едва ли заслуживают внимания.

Из этой таблицы мы узнаем, по крайней мере приблизительно, несколько фактов, представляющих значительный интерес для нашего расследования. Первая состоит в том, что из трех частей, на которые Цезарь разделил Галлию, северная в его время принадлежала к расе, у которой не было каменных памятников. В самой Бельгии их нет, а во Французской Фландрии, да и вообще в любой части Бельгийской Галлии, их так мало, что мы можем с уверенностью утверждать, что белги не были строителями дольменов. Далее, я не могу не согласиться с месье Бертраном в его выводе о том, что кельты в собственном смысле слова имеют столь же мало прав на памятники, как и белги.^[379] Мы кое-что знаем о провинциях, занятых кельтами за шестьсот лет до Рождества Христова из^[380] описание племен, которые при Бельвезе вторглись в Италию. Их столицей был Брюгге, и они заняли департаменты

непосредственно вокруг этого города; но тогда они не проникли ни в Бретань, ни к северу от Сены, ни в какую-либо часть Аквитании.[381] Но они занимали весь восток Галлии, по-видимому, до Рейна и страну на восточном берегу Роны. Согласно французской статистике, в департаментах Кот-д'Ор, Вогеzy, Верхний Рейн, Нижний Рейн, Ду, Юра и Айн насчитывается 140 000 курганов, но нет ни одного дольмена;[382] и к востоку от Рейна их нет. По мере продвижения на запад курганы становятся все реже, и постепенно встречаются дольмены. Аверни, например, были одним из кельтских племен, сопровождавших Белловезуса, и в их стране найдены дольмены; но, возможно, из этого нам нужно только сделать вывод, что в такой холмистой стране, как Овернь, древние люди все еще оставались и следовали своим старым обычаям, несмотря на частичную оккупацию ее кельтами-завоевателями. Мы не знаем, в какой период кельты впервые вторглись в Галлию, но, кажется, нет оснований предполагать, что прошло не так уж много времени, прежде чем они впервые вступили в контакт с римлянами; и если мы можем судить по темпам прогресса, которого они достигли в покорении остальной части страны в исторические времена, их первое вторжение вряд ли могло произойти за тысячу лет до н.э. Во всех курганах на востоке Франции, которые были раскопаны, обнаружены орудия из бронзы и металла,[383] и если бы они принадлежали кельтам, это вполне соответствовало бы выводам, к которым археологи пришли из других источников относительно бронзового века. Однако здесь не стоит углубляться в этот вопрос; поскольку, если не удастся доказать, что дольмены либо следовали за курганами, либо предшествовали им, это не имеет никакого отношения к нашей аргументации. Тот факт, что они занимают разные и обособленные районы, не позволяет сделать какой-либо вывод подобного рода из географических или внешних соображений. Их содержание, если сравнить, могло бы дать некоторую информацию, но до настоящего времени этого сделано не было, и все, что мы можем в настоящее время предположить, это то, что на земле Франции одновременно сосуществовали две современные цивилизации, или варварства. Однако у меня сложилось впечатление, что кельтские строители курганов были обращены в христианство раньше и отказались от языческого способа захоронения задолго до того, как строители дольменов запада, которых было труднее преобразовать, перестали возводить свои памятники из грубого камня.

Таким образом, мы вынуждены обратиться к третьей из великих провинций, на которые была разделена Галлия во времена Цезаря, чтобы попытаться найти людей, которые могли воздвигнуть каменные памятники Франции, и на первый взгляд кажется чрезвычайно вероятным, что они были воздвигнуты аквитанцами. И Цезарь[384] и Страбон[385] четко утверждают, что жители южной провинции отличались от кельтов языком и институтами, а также особенностями, и добавляют, что они больше походили на испанских иберов, чем на своих северных соседей. Однако, когда мы более внимательно изучаем этот вопрос, мы обнаруживаем, что Аквитания Цезаря была ограничена территорией между Гаронной и Пиренеями, и где, однако, сейчас сохранилось лишь несколько дольменов, если они вообще есть. Они довольно часты в Пиренеях[386] и Астурии, где остатки рас, строивших дольмены, возможно, нашли убежище и продолжали существовать после того, как их сородичи были вытеснены с равнин; и есть один или два на левом берегу Гаронны, но, кроме них, в собственно Аквитании их нет. Если, однако, мы применим термин Аквитания к провинции, расширенной Августом до левого берега Луары, мы включим большую часть провинций, где найдены дольмены; но и здесь, при более внимательном рассмотрении, мы обнаружим, что северные районы этой огромной провинции во времена Августа были населены кельтами или, во всяком случае, кельты составляли руководящие и влиятельные органы в штатах. Действительно, факт, по-видимому, заключается в том, что в течение шести столетий, прошедших между вторжениями галлов в Италию и ответным вторжением римлян в Галлию, кельты постепенно распространились по всей центральной Франции от Гаронны до Сены и

уничтожили политический статус народа, ранее населявшего страну, хотя нет оснований предполагать, что затем они, по крайней мере, попытались их истребить. Таким образом, либо кельты были строителями дольменов, что кажется крайне невероятным, либо в этих провинциях существовал доисторический народ, которому их следует приписать.

Вовсе не желая, по крайней мере сейчас, настаивать на этом, я могу здесь заявить, что в моем сознании с каждым днем крепнет впечатление, что строители дольменов во Франции являются прямыми потомками пещерных людей, останки которых недавно были обнаружены в таких количествах на берегах Дордони и других рек юга Франции.^[387] Эти останки найдены в большом количестве в Ардеше^[388] и в Пуату.^[389] Если они не были найдены в Бретани, возможно, их не искали или почва неблагоприятна для их сохранения; но они были найдены в Пикардии, хотя, возможно, и не совсем того класса. Конечно, опасно приводить какие-либо аргументы по поводу такого локального совпадения, поскольку новые открытия могут быть сделаны на востоке Франции или где-либо еще; но при нынешнем состоянии наших знаний пещерные люди и дольмены кажутся не только совпадающими, но и их частота в целом кажется совпадающей.

Поскольку мы почти ничего не знаем о языках, на которых говорили на юго-западе Франции до появления романских форм речи, филология вряд ли поможет нам в нашем исследовании. Однако есть одна частица, *ас*, которая, как я не могу отделаться от мысли, может оказаться важной, когда будет установлено ее происхождение. В таблице в конце этой главы я поместил количество названий городов, имеющих это окончание, в каждом департаменте^[390] рядом с количеством дольменов М. Бертрана. Совпадение, безусловно, примечательно, тем более что сравнительную скудость названий с этим окончанием в Бретани легко объяснить, принимая во внимание огромную рефлекторную волну кельтского населения из Англии, которая захлестнула эту страну в четвертом и пятом веках и изменила номенклатуру половины населенных пунктов в округе: тем не менее, Карнак и Тумиак, Миссилак и другие, как названия памятников, и Иффиньяк, как название порта, который, как я полагаю, был местом отправления в Англию, со многими другими, которые остались, достаточны для того, чтобы понять, что это за название. подтвердите, что ранее, возможно, существовало нечто большее.

Остается вопрос, что это за частица? Первым побуждением является предположение, что это определенный артикль баскского языка. Баски, например, говорят *Guizon*, "мужчина", *Guizónas*, "мужчина" и *Guizónas*, "мужчины", помимо использования этого термина в других случаях, в то время как их местная близость к стране дольменов делает такую связь далеко не невероятной. Однако против этого можно возразить, что *ас*, как конечный слог, почти никогда не встречается в баскских провинциях, и названия, к которым он присоединяется во Франции, вряд ли, по-видимому, принадлежат этому языку. Было высказано другое предположение,^[391] что это эквивалентно греческому слову *πόλις*, которое было бы именно тем значением, которое мы ищем, хотя в каком языке это встречается, ни в коем случае не ясно. Однако для нашей настоящей цели не имеет большого значения, что это может быть, а что нет. Достаточно знать, что его появление, насколько это возможно, совпадает с существованием дольменов. Он не встречается к востоку от Роны, как и дольмены, хотя и те, и другие часто встречаются на правом берегу этой реки; и его нельзя найти на востоке Франции, в тех странах, которые, как у нас есть основания полагать, были на заре истории в основном кельтскими и где курганы бронзового периода существуют в таком количестве. Однако он встречается в той части Корнуолла к югу от Редрута и к западу от Фалмута,^[392] где найдены все памятники из грубого камня этой провинции, но больше нигде в Великобритании или Ирландии он не встречается.

Его нет и на Нормандских островах, хотя дольменов там предостаточно; но это может быть объяснено последующей колонизацией этих островов, как и Бретани в более современные времена, расами иного происхождения, которые в значительной степени стерли первоначальную номенклатуру страны.

Не менее интересным, однако, для наших целей является тот факт, что, хотя окончание *переменного тока* часто встречается в департаментах между Гаронной и Пиренеями, в этом регионе нет дольменов, за исключением, как упоминалось ранее, нескольких у подножия гор. Это, на первый взгляд, может показаться противоречащим универсальности теории; но я, с другой стороны, беру это только для того, чтобы выразить, что ак-люди были изгнаны из этой страны иберо-аквитанцами еще до того, как они переняли моду на каменные памятники. Если бы мы знали, когда Аквитания была впервые занята людьми, которых там обнаружили Цезарь и Страбон, это дало бы нам дату, до которой дольмены вряд ли могли существовать; но поскольку у нас нет материалов для этой цели, все, что можно сказать, это то, что точно так же, как народы, населявшие дольмены, были разделены белгами надвое до того, как было введено использование камня для надгробных памятников, так и здесь произошло то же самое явление, и люди, с которыми нам приходится иметь дело, были вытеснены к северу от Гаронны, к западу от Роны и к югу от Сены, прежде чем они перешли на другие земли. строить дольмены — предполагая, конечно, что они когда-то простирались за эти пределы; но это, за исключением случая собственно Аквитании, в настоящее время, похоже, невозможно доказать.

До того, как римляне вступили с ними в контакт, и наши первые письменные свидетельства описывают их, они перестали быть нацией в политическом плане, и их язык также был утрачен, или, по крайней мере, за исключением одного слога *ас*, мы сейчас ничего о нем не знаем. Таким образом, если можно утверждать, что национальность этого народа была утрачена до христианской эры, а их язык вымер, то эти памятники должны относиться к давнему предшествующему периоду. Однако есть определенные соображения, которые заставили бы нас сделать паузу, прежде чем слишком поспешно делать такой вывод. По всему региону дольменов на юге Франции есть ряд церквей, стиль которых сильно отличается от стиля центральной и северной Франции. Типичным примером этого стиля является хорошо известная церковь Сен-Фронт в Периге. Но церкви в Каоре, в Суйяке, в Муассаке, Поусаке, Тремолаке, Сен-Ави-Сенье и многие другие не менее характерны. Кафедральный собор в Ангулеме, церковь аббатства Фонтевро и Сен-Морис в Анже,^[393] и церковь в Лоше — все эти церкви характеризуются наличием куполов, а более ранние - остроконечными арками, которые выглядят гораздо более так, как если бы они происходили от горизонтальных арок курганов, чем от расходящихся арок холмов. Римляне, которых кельты повсеместно переняли; и, в целом, стиль настолько своеобразен, что никто, хоть немного знакомый с ним, никогда не сможет принять его за кельтский стиль. Все они принадлежат к одной группе и столь же отчетливо, или даже в большей степени, чем *окончаниеас*, указывают на то, что в одиннадцатом и двенадцатом веках страну населял народ, отличный от кельтов. Хотя, следовательно, и их национальность, и их язык, возможно, были вытеснены более предприимчивыми и активными кельтами до времен Цезаря, очевидно, что они сохранили свои старые чувства и отдельное внутреннее существование по крайней мере на тысячу лет позже.

Есть еще одна черта, которая в исторические времена характеризовала эту страну как некельтскую — именно на юго-западе, и только там, во Франции, протестантизм когда-либо процветал или пустил корни. Для кельтов переход от управления иерархией друидов к

управлению аналогично организованным жречеством Рима был повсюду легким. Но потребовалась вся жестокая мощь инквизиции — крестовые походы Симона де Монфора - истребительные войны против севеннских камизаров - и, фактически, столетия самых жестоких и безжалостных преследований вплоть до отмены Нантского эдикта и, более того, до Французской революции — чтобы истребить этот народ и искоренить веру и чувства, за которые они цеплялись. Если в их жилах течет кровь пещерных людей, а я полагаю, что она должна быть, они принадлежат к одному из наименее прогрессивных народов земли, и поэтому мы не должны удивляться, если потребовалось две тысячи лет кельтской агрессивности в сочетании с кельтской свирепостью, чтобы полностью уничтожить эту расу, если, конечно, это сделано даже сейчас, в чем я очень сомневаюсь.

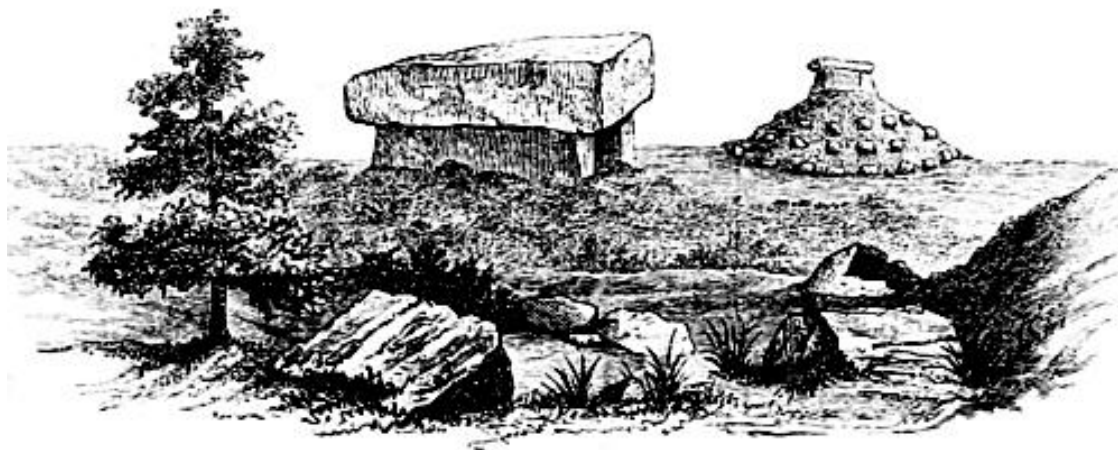
Прежде чем оставить эту часть темы, есть еще один вопрос, на который, возможно, стоит здесь сослаться, поскольку этим исследованиям распространения памятников из грубого камня, по-видимому, суждено пролить на него новый и важный свет. Мало найдется вопросов, которые обсуждались бы более остро среди ученых, чем отношения, которые, как утверждается, существовали между кимврами и галлами. Многое было сказано и может быть сказано с обеих сторон,^[394] но трудность, как мне кажется, возникла главным образом из ошибочного предположения, что во Франции существовали другие народы, кроме кельтов.

Нет никаких следов кельтов или кельтского языка в Кимврском Херсонесе или в северо-западном уголке Европы, который обычно считается страной, оккупированной кимврами, и ни один такой народ, как кимвры, не был заселен ни в одной части Франции в исторические времена. Если, однако, мы предположим, что родство могло быть между кимврами и аквитанцами, то дело приобретает совершенно иной аспект. Поскольку мы не знаем, каким на самом деле был язык аквитанцев, от него нельзя получить никакой помощи, но само наше незнание его оставляет поле для любых других свидетельств, которые могут быть приведены, а язык памятников кажется ясным и отчетливым. Кажется почти невозможным, чтобы между памятниками двух стран было такое большое сходство без какой-либо расовой общности, и большое сходство, существующее между памятниками на южной границе провинции северный дольмен и памятниками на северном краю южного поля дольменов, кажется, почти решает этот вопрос.

Из истории мы знаем о существовании этих отношений только по тому, как они вместе сражались против Марии в позднеримских войнах. Если тогда они были географически разделены белгами и кельтами, вставшими между ними, то это разделение, должно быть, произошло недавно, поскольку варварский народ вряд ли можно было заставить признать узы и обязанности родства по прошествии длительного промежутка времени.^[395]

Как можно понять из таблицы, стр. 376, или карты напротив стр. 324, памятники из грубого камня довольно равномерно распределены по всей территории, простирающейся от Ла-Манша до Средиземного моря. Однако наши знания о них практически ограничены северной частью этой зоны, известной как Бретань. Доступная информация о городах Лангедока и Гиенны носит самый скудный характер. Сотни английских туристов посетили Бретань, и многие из них нарисовали тамошние памятники и, по крайней мере, вразумительно описали их; но я не знаю ни одной английской книги, в которой упоминались бы памятники в департаментах Лот или Дордонь, и почти единственную информацию о них можно почерпнуть из местных "Статистических данных"; но поскольку они очень редко

иллюстрируются, их недостаточно. Никакая словесная форма не передаст правильного представления о каком-либо неизвестном архитектурном памятнике, кроме как путем сравнения его с известным; и если оба они не имеют каких-либо четко определенных особенностей стиля, то даже в этом случае очень трудно, а с грубыми бесформенными камнями почти невозможно словами передать то, что задумано.

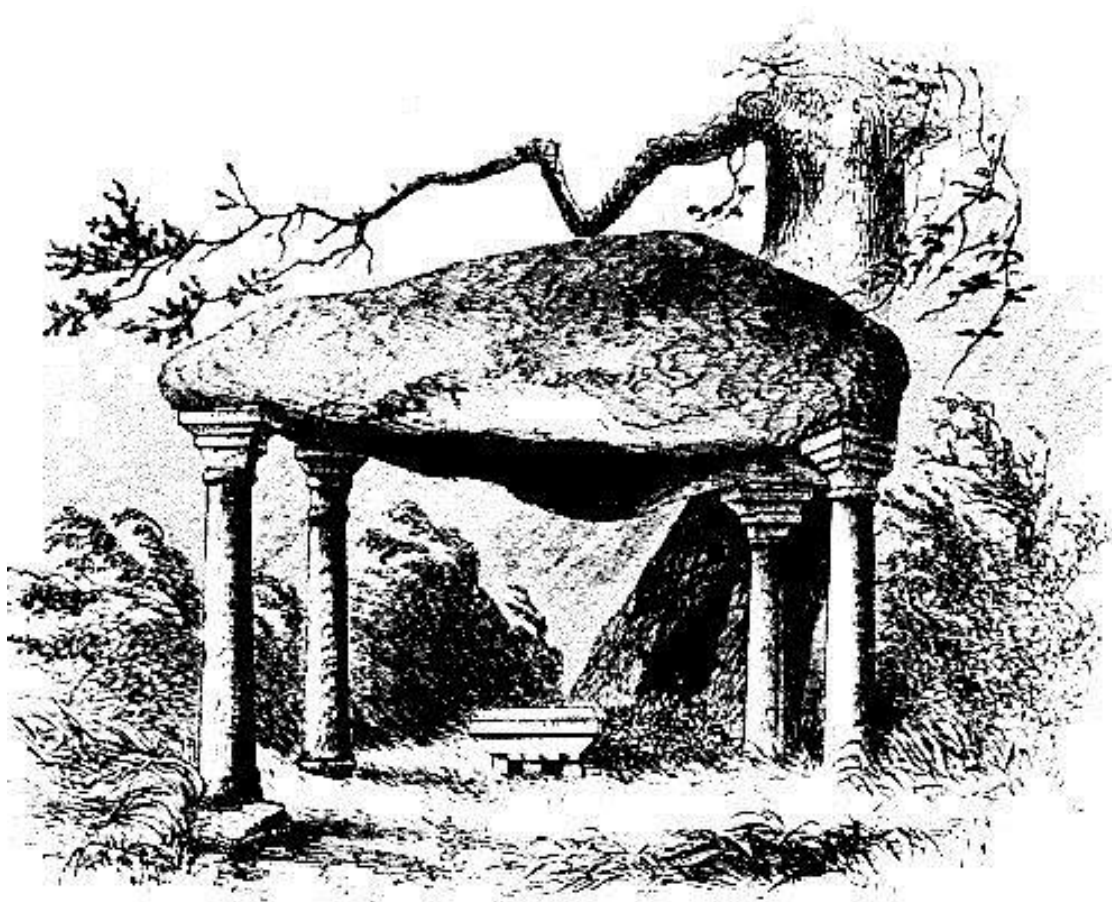
122. Дольмен в Сольере.

Следует сожалеть, что мы не знаем больше примеров южан, [396] поскольку они по нескольким существенным признакам отличаются от северян; и вполне вероятно, что любой, кто был знаком со всеми, мог бы указать градацию стиля, которая существенно помогла бы определить их возраст. Чем бы это ни обернулось в конечном итоге, я полагаю, никто не будет утверждать, что все они одного возраста или даже одного столетия. Гораздо более вероятно, что они существуют в течение значительного промежутка времени, вероятно, тысячи лет, и если это так, то мода должна была измениться даже среди пещерных рас, поскольку их кровь все больше и больше смешивалась; и было бы интересно узнать, где и — по крайней мере, относительно — когда это произошло. Мое нынешнее впечатление таково, что южане самые современные, в том числе и по этой причине. — Я рассматриваю последовательность от гробницы в кургане до дольмена или камеры в кургане как почти достоверную, и исходя из этого последовательность до обнаженного отдельно стоящего дольмена, а от него и до дольмена на кургане, как почти, если не совсем вероятную. Последняя форма, насколько я знаю, никогда не встречается в Бретани, в то время как, с другой стороны, она распространена на юге Франции. [397] Если они того же возраста, что и аналогичные памятники в Скандинавии и Ирландии, то они должны быть сравнительно современными. Есть также несколько памятников, трилитов из тесаного или частично тесаного камня, как этот в Соуллере ([гравюра на дереве № 122](#)), которые, по крайней мере, выглядят более современно, чем их северные сородичи.

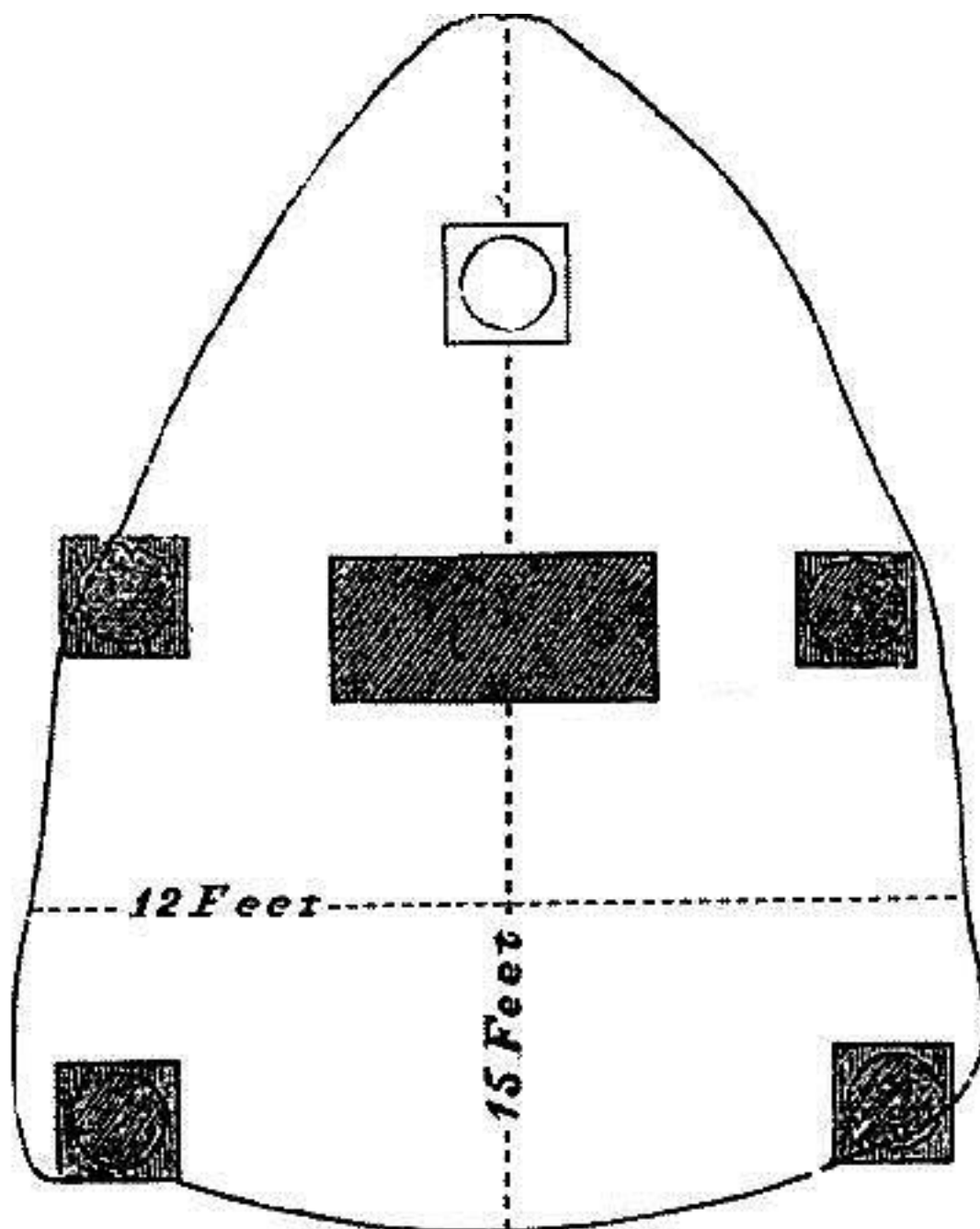
Однако памятником, который, по-видимому, способен пролить наибольший свет на их возраст, является дольмен Сен-Жермен-сюр-Вьен, недалеко от Конфолена, в Пуату. Как видно из гравюр на дереве напротив, его венчающий камень имеет размеры 12 на 15 футов и соответствующую толщину. Первоначально массив поддерживался пятью колоннами готического дизайна, но одна из них обвалилась, и теперь он опирается только на четыре; но их интерес обусловлен тем фактом, что стиль их орнаментации, несомненно, относится к двенадцатому веку или около того — определенно не ранее одиннадцатого. Чтобы объяснить столь нежелательную аномалию, было высказано предположение, что какие-то люди в двенадцатом веке срезали все остальные первоначальные грубые камни, поддерживавшие

цокольный камень, и оставили только хрупкие стержни, которые мы сейчас видим. Если бы это было так, это никоим образом не изменило бы аргумент, который был бы выведен из этого. Если бы в двенадцатом веке можно было найти людей, которые взяли на себя труд и подверглись огромному риску при такой операции, их уважение к памятнику должно было быть таким же, какое подразумевалось при его возведении; но факт в том, что каждая из пяти колонн состоит из трех отдельных частей — основания, стержня и капители,[398] и сейчас мы видим их такими, какими они были изначально установлены.[399]

По поводу гробницы моалов в Баллине могут возникнуть сомнения (стр. 233), но в отношении этого сомнения кажутся невозможными: это чистый и незамысловатый дольмен, возведенный в двенадцатом веке. Сам по себе этот факт, возможно, не имеет большого значения, но он лишает оснований для любого *априорного* аргумента относительно возраста этих памятников. Это, конечно, не доказывает, что все они современные, но показывает, что по крайней мере некоторые из них были возведены после времен римлян и в эпоху, уходящую далеко в средневековье.

123. Дольмен в Конфоленсе.

124. План дольмена в Конфоленсе.

Забавно, однако, наблюдать, как французские антиквары сопротивляются такому выводу. Доктор де Клозмадюк, например, один из самых выдающихся антикваров Бретани, открыл совершенно девственный курган в Крубельце. Пройдя через три отдельных, но нетронутых слоя, он достиг крыши закрытого дольмена, или камеры. В нем он обнаружил обычные продукты кремации и неизбежные кремневые наконечники стрел, но с торжеством ссылается на "отсутствие каких-либо следов мето". "Aucun doute, - добавляет он, - это невозможно. Ce dolmen appartient bien à cette classe de monuments primitifs de l'âge de pierre." Пока все ясно; но все еще есть трудности, поскольку он продолжает говорить: "Мы не знаем, кто управляет магазином предметов старины Тюильри, где можно приобрести верхнюю часть кургана и что-то вроде столов для дольменов. Il est raisonnable d'admettre que ces fragments de tuiles qui dénoncent l'industrie gallo-romaine, ont accidentellement pénétré dans l'intérieur."[\[400\]](#)

Давайте сделаем небольшую паузу, чтобы рассмотреть, что кроется за таким предположением. Эти плитки, которые, как предполагается, в большом количестве разбросаны по окружающей равнине, должно быть, поднялись на вершину кургана, проникли через три нетронутых слоя земли и, наконец, "случайно" проникли между плотно прилегающими плитами, образующими крышу камеры. Эта гипотеза не выдерживает тщательного изучения, но для некоторых умов все, что угодно, каким бы абсурдным оно ни было, предпочтительнее, чем допустить, что какой-либо дольмен или курган может быть построен после римских времен. Удивительно, однако, какой эффект оказывает это шибболет, "ни следа металла", на умы большинства антикваров. Конечно, верно, что до появления металлов никаких их следов нельзя было найти в доисторических курганах грубых дикарей, населявших Европу в древнейшие времена. В настоящее время мы не хороним в своих могилах металлические предметы, и, если бы не гвозди для гробов, было бы столь же справедливо утверждать, что могилы в Кенсал-Грин являются доисторическими, потому что в захоронениях нет следов металлических орудий труда. Во всяком случае, в настоящее время существует множество похоронных рас, которые не пользуются гробами и не закапывают в свои могилы металлические предметы; и все это этот аргумент сделал бы доисторическим. Мне кажется гораздо логичнее предположить, что в тех странах, которые были оккупированы римлянами, местные жители, хотя и вернулись после своего ухода к своим первоначальным способам погребения, были, по крайней мере, настолько цивилизованны, что знали, что бронзовые кинжалы и наконечники копий вряд ли пригодятся в загробном мире, и пришли к выводу, что личные украшения умерших с таким же успехом могут оставаться у их живых друзей. Эта гипотеза, по крайней мере, объяснила бы отсутствие металла в длинных курганах Глостершира и в Западном Кеннете, а также в Крубельце, хотя во всех этих случаях была найдена римская керамика. На самом деле, это самая простая негативная презумпция - предполагать, что, поскольку в могиле не найдено металла, она должна быть доисторической. Оно может быть любого возраста, вплоть до вчерашнего, в той мере, в какой речь идет о таком доказательстве.

Однако даже наличие металла не поколебало веру некоторых антикваров. Барон де Бонштеттен, например, открыл курган недалеко от Крубельца. На глубине одного фута (30 сантиметров) ниже нетронутой поверхности было обнаружено обычное месторождение кремневых орудий; а на глубине двух футов (60 сантиметров) ниже них были найдены две терракотовые статуэтки Латоны и монета Константина II. были найдены, но и без этого ни в малейшей степени не поколебавшие его несомненную веру в доисторическую древность гробницы![\[401\]](#)

В этих французских памятниках было найдено множество других римских монет, но их свидетельства игнорируются. В Манне-эр-Роек, обычно называемой Холмом Сезар, примерно в полумиле к югу от Локмариакера, недалеко от поверхности, были найдены одиннадцать медалей римских императоров, от Тиберия до Траяна, вместе с фрагментами бронзы, стекла и керамики, но признаков вторичного захоронения обнаружено не было.[\[402\]](#) Аналогичным образом на другом памятнике в Бомон-сюр-Уаз были найдены римские деньги, но, как осторожно объясняет М. Бертран, в слое над каменными и кремневыми орудиями, которые, по его мнению, указывают истинную дату создания памятника.[\[403\]](#) Однако кажется невозможным, что все эти римские монеты могли быть случайно помещены туда. Останки Валентина и Феодосия в кургане в Нью-Грейндж были точно в том же положении, что и останки Тита, Домициана и Траяна в Бьютт-де-Сезар или в Бомонте, и точно так же были найдены останки Константина в Ули, в Глостершире (*ante*, стр. 165). Те, что принадлежали Валентиниану в Миннинг-Лоу, находились в самой гробнице; так что, вероятно, другие могли бы быть найдены и в других гробницах, если бы они ранее не были разграблены. Нелегко

определить мотив размещения этих монет в верхней части кургана снаружи. Однако того, что они были найдены в таком месте в Нью-Грейндж, Ули, Локмариакере и Бомонте, достаточно, чтобы доказать, что это было не случайно, и их ценность настолько мала, что они не могли быть захоронены там для сокрытия. Должно быть, они имели какое-то отношение к какому-то погребальному обряду или суеверию, память о которых канула в лету. Ни одна древняя британская или галльская монета никогда не была найдена в подобном положении, и никаких христианских монет тоже не было, что, вероятно, имело бы место, если бы их присутствие было чисто случайным. Мне кажется неизбежным вывод, что на них смотрели как на ценные реликвии или раритеты и поместили их туда намеренно те, кто насыпал курганы, возможно, намного позже дат, указанных на монетах.

Дольмены.

В Грубых Каменных памятниках Франции нет ничего особенного, достаточного, чтобы отличать их от памятников других стран, которые мы описывали. Они там крупнее, изящнее и многочисленнее, чем в Скандинавии или на Британских островах, но, за исключением негативной особенности отсутствия кругов во Франции, отличить эти две группы практически невозможно. Вряд ли можно даже со стопроцентной уверенностью утверждать, что во Франции нет никаких кругов. Есть несколько полукругов, которые, возможно, были частями кругов, которые так и не были завершены; есть несколько рядов маленьких камней вокруг курганов или на них; но, конечно, ничего такого, что можно было бы на мгновение сравнить с большими кругами Камберленда и Уилтшира, или кругами Мойтуры и Стенниса, и, конечно, ничего похожего на бесчисленные скандинавские образцы.

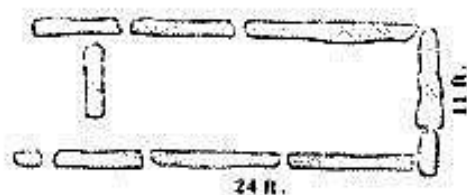
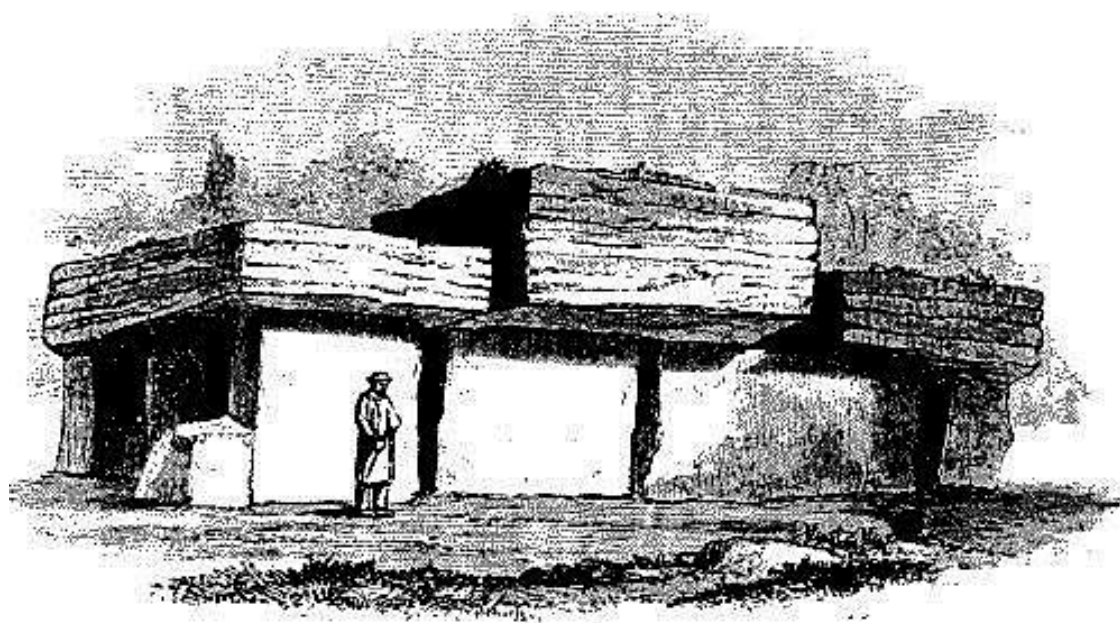
Мы вряд ли еще в состоянии рассуждать, почему это должно быть так; но, насколько я могу в настоящее время видеть, я бы сделал из этого вывод, что французские примеры, как правило, датируются более ранним периодом, чем британские и скандинавские. Круг, который я считаю одной из новейших форм грубой каменной архитектуры — скелет кургана после того, как плоть могильного холма, придававшая смысл группе, была отброшена в сторону за ненужностью. Но об этом мы сможем лучше судить по мере продвижения вперед.

Другой характеристикой, хотя и не отличительной чертой, является любовь французов к "Алле куверт" или "Гроту фей". В Англии пока не обнаружено примеров такой формы, но один выгравирован ([гравюра на дереве № 80](#)) как могила ведьмы Бирры близ Монастербойса, второй в том же районе, в Гринмаунте ([гравюра на дереве № 81](#)), и они существуют в Скандинавии, но их родиной является Дренте и соседний уголок Германии. Как уже упоминалось, в этой провинции насчитывается более пятидесяти примеров. Следует признать, что они гораздо грубее, чем французские; но это может быть связано с природой единственного доступного материала; у них также есть особенность в том, что вход всегда сбоку, а не в конце.

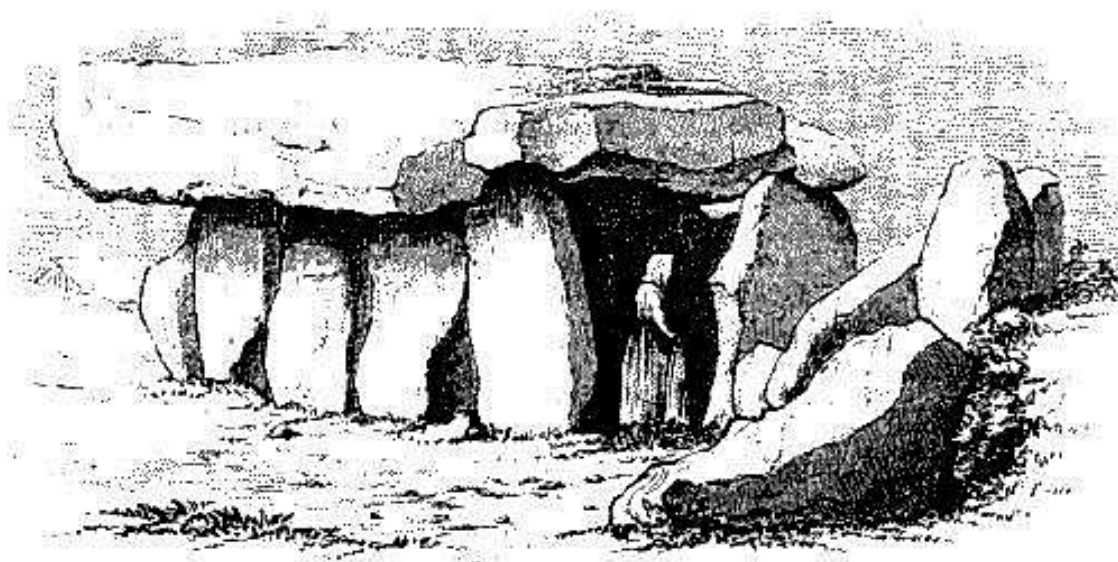
Поскольку их распространение во Франции еще не установлено, Гроты фей существуют только на Луаре и к северу от нее, фактически в самой северной части региона французских дольменов; с другой стороны, поскольку они в основном находятся в Дренте или на южной оконечности области немецких дольменов, мы можем предположить, что между ними есть какая-то связь, или что она была бы, если бы ее не разорвали бельгийцы до того, как были возведены дольмены в обоих регионах.

Одним из лучших французских примеров памятников этого класса является памятник близ Сомюра, в Банье. Стены состоят всего из четырех камней с одной стороны и трех с другой, но

их размеры составляют 57 футов 6 дюймов на 14 футов 4 дюйма в поперечнике. Другой, недалеко от Эссе, еще крупнее, хотя и не такой правильный в плане и не такой величественный по характеру камней. Однако его размеры у входа составляют 61 на 12 футов, а у внутреннего торца увеличиваются до 14 футов. В Меттрае, недалеко от Тура, есть третий, который, хотя и намного меньше, любопытным образом отличается формой. Огромная масса в центре ([гравюра на дереве № 125](#)) и две меньшие, образующие крышу, почти передают характер архитектуры из грубого камня. В Локмариакере есть четвертый, менее мегалитического характера,[\[404\]](#) и несколько других разбросаны по Бретани. Невозможно сказать, не было ли намерением, чтобы эти, как и все камеры меньшего размера, были захоронены в курганах. Однако только что процитированные работы, безусловно, никогда не были таковыми, но это могло возникнуть из-за того, что они остались незаконченными. Однако тот, что в Банье, вряд ли смог бы выдержать тяжелую массу, не обрушившись внутрь, а тот, что в Меттре, выглядит слишком законченным памятником, чтобы кто-то мог вообразить, что его строители хотели его спрятать.

125. Дольмен близ Меттрая. Из Гайабо.

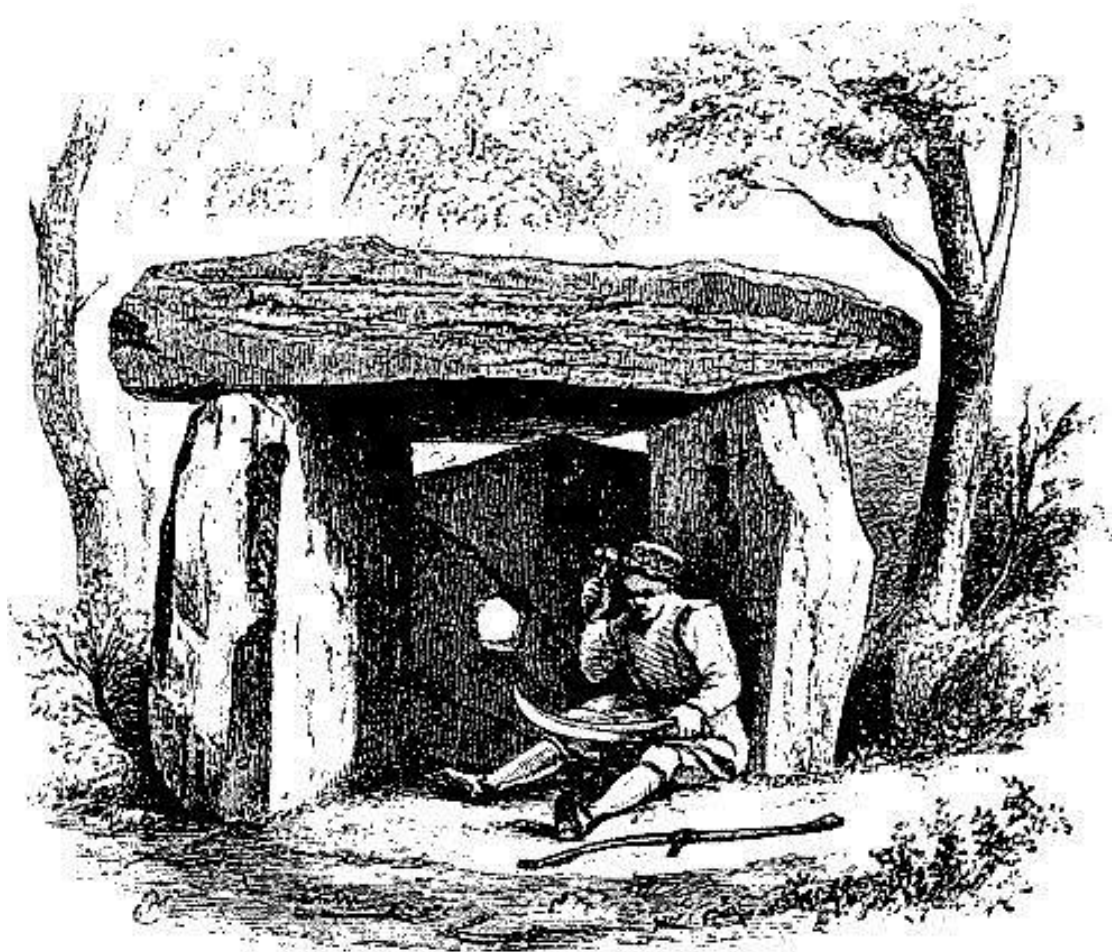
126. Дольмен Крукенхо.

Более обычная форма французских дольменов либо квадратная, либо немного превышает эту форму, редко достигая двух квадратов в плане, и с высотой, равной ее ширине. Один из лучших образцов[405] памятника этого класса находится в центре деревни Крукенхо, на полпути между Карнаком и Эрдевенем, и в настоящее время используется как сарай для телег. Он, конечно, никогда не был засыпан, хотя вход в него, возможно, был закрыт; действительно, камни, использованные для этой цели, до сих пор лежат перед ним. От этого, который можно назвать первоклассным дольменом обычного типа, до простого дольмена из четырех камней, такого как Котти хаус Кита, во Франции можно найти все возможные разновидности и градации; но, насколько мне известно, не было разработано классификации, которая позволила бы нам сказать, какие из них самые старые, а какие более современные.

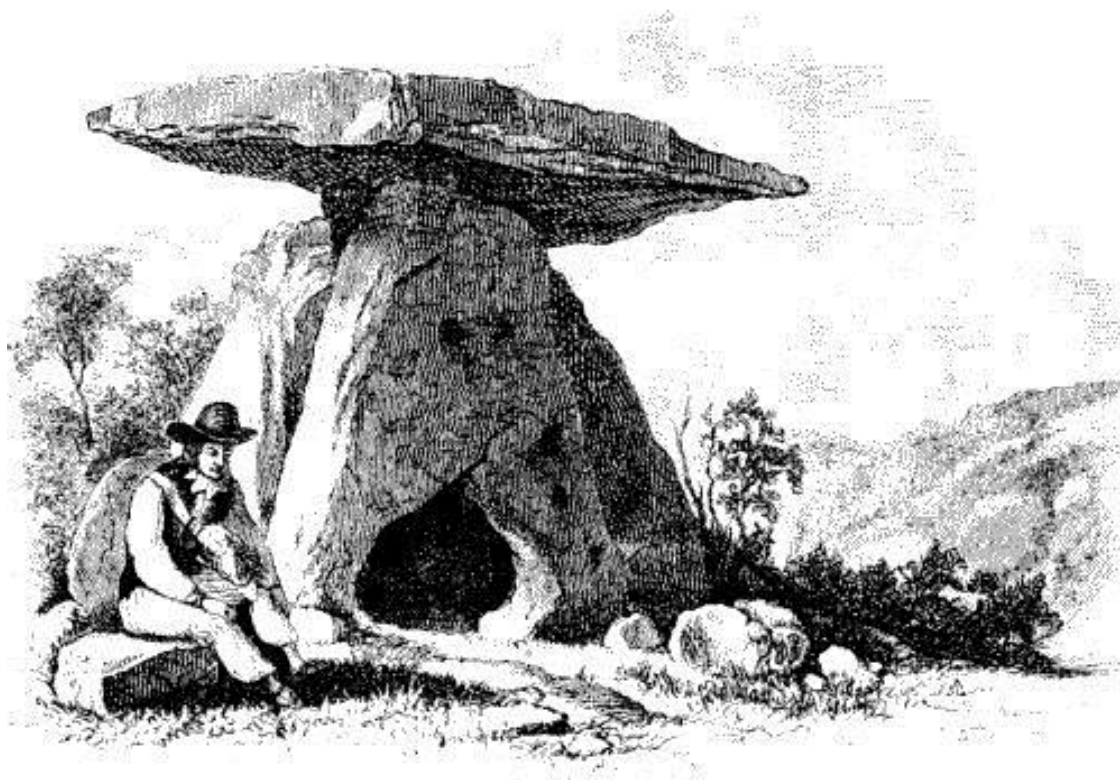
Однако в целом я склонен рассматривать Грот Фей как более современную форму. Камни, из которых они сложены, обычно обтесываются или, по крайней мере, придаются форме металлическими инструментами в той степени, в какой можно сказать, что камни Стоунхенджа были обработаны подобным образом. Они также больше похожи на обычные сооружения, чем другие мегалитические памятники, и кажутся скорее замогильными часовнями, чем усыпальницами. Однако даже если бы мы решили рассматривать их как относительно самые современные из северных дольменов, это не решило бы вопроса о южных внешних дольменах на курганах, которые могут быть еще более современными. Однако, боюсь, эти вопросы останутся без ответа до тех пор, пока наши знания о форме всей группы и о материалах, из которых составлены памятники, не станут более обширными и точными, чем в настоящее время.

Разновидность дырявого камня часто встречается во Франции либо в виде простых четырехкаменных дольменов, таких как Три, Уаза[406] (гравюра на дереве № 127), либо в еще более характерном примере в Гранмоне, в Нижнем Лангедоке[407] (гравюра на дереве № 128). Конечно, ни одно из них не предназначалось для прикрытия, по крайней мере, в первом случае, или, во всяком случае, только частично; в противном случае отверстие, которое, без сомнения, использовалось для доступа в камеру, было бы уничтожено. Зонтичная форма южного примера вряд ли когда-либо использовалась бы для помещения в кургане, но в качестве односкатной крыши идеально подходит для памятника под открытым небом. Так называемые бухты в Эйвбери были, я полагаю, в этой форме, и она преобладает также в

Индии[408] и в других местах, и сходство между ними настолько примечательно, что вполне могло породить предположения об их общем происхождении.

127. Дырявый дольмен в Три. Из Гайабо.

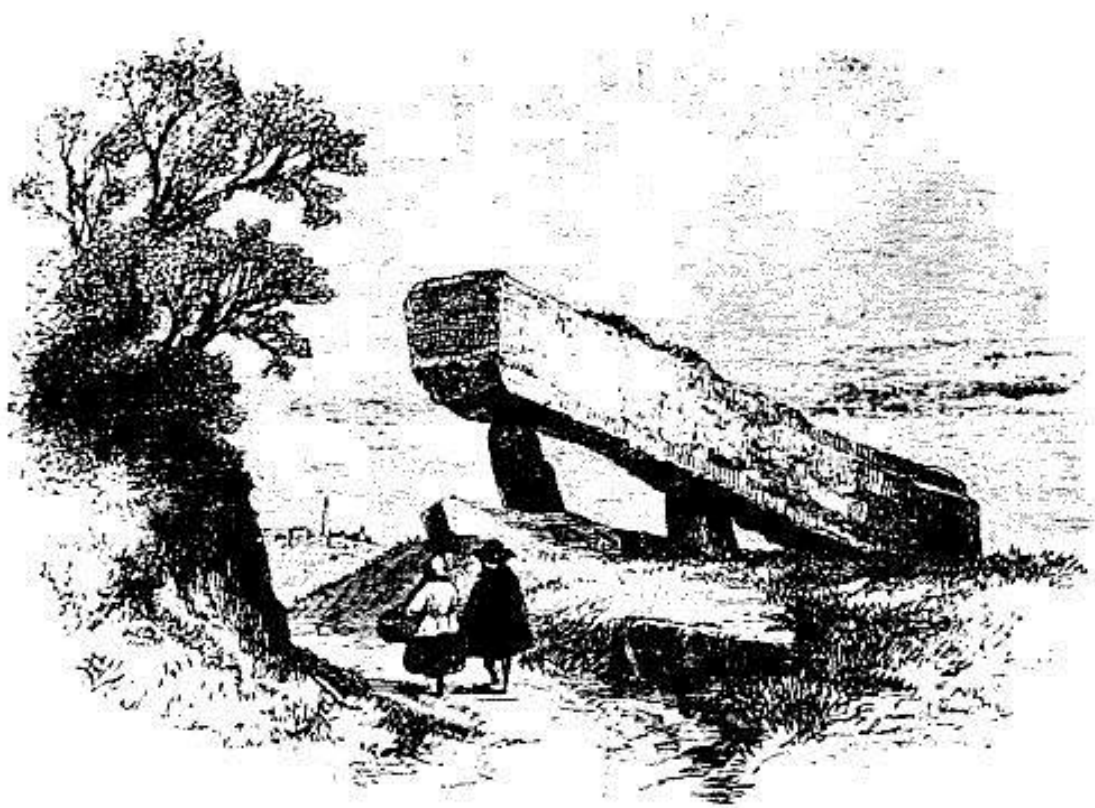
128. Дольмен Грандмона.

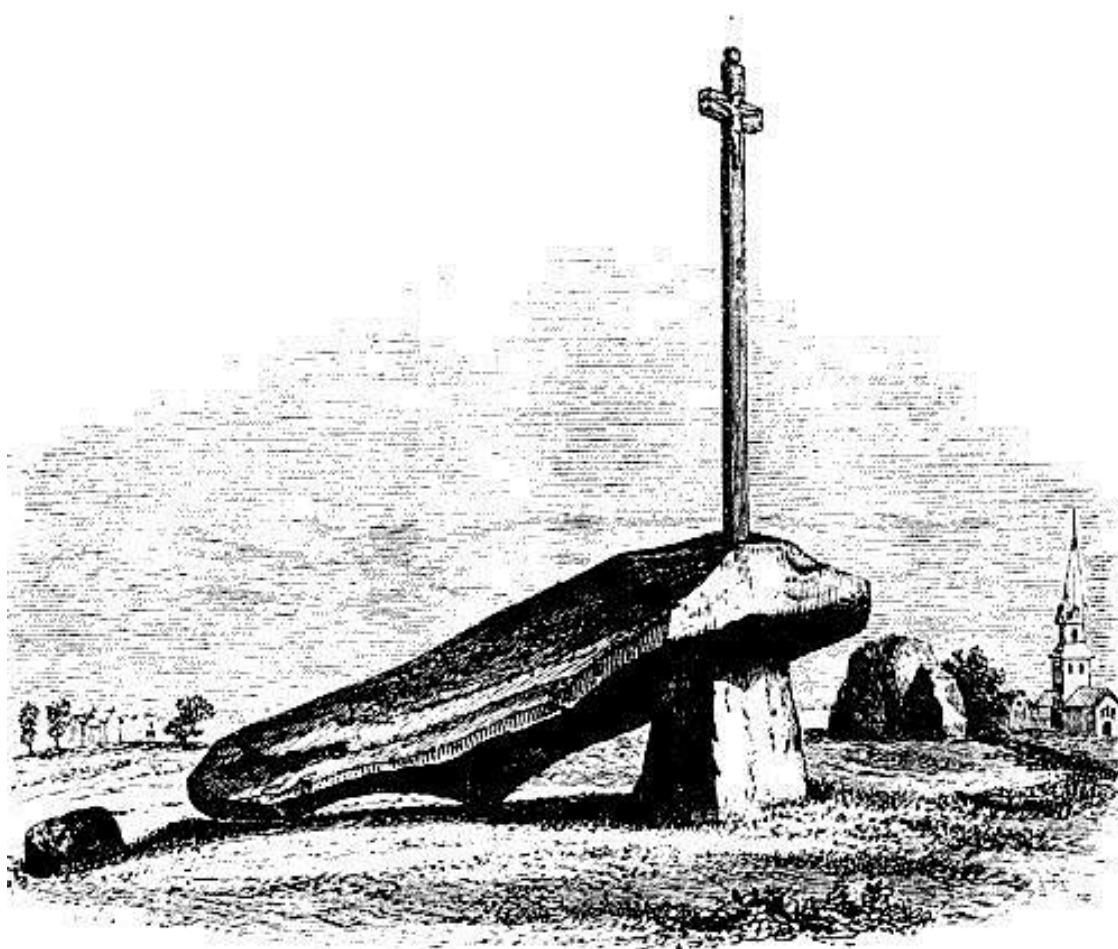
129. Полудольмен. From Malé, 'Antiquités du Morbihan.'

До сих пор существует форма дольменов, очень распространенная во Франции, но также часто встречающаяся на этих островах, хотя я не знаю, встречается ли она в Скандинавии. Г-н Дю Нуайе предложил назвать их "земными дольменами",^[409] с одного конца цоколя камни

всегда опираются на землю, другой поддерживается только колонной или блоком. На первый взгляд может показаться, что это были всего лишь незаконченные или несовершенные дольмены, поскольку более чем вероятно, что способ возведения во всех случаях заключался в том, чтобы поднять сначала один конец цоколя, а затем другой, поскольку таким образом вес уменьшается практически вдвое. Однако, если верить этому изображению памятника работы Мале,[\[410\]](#) ясно, что это был преднамеренный способ избавиться от половины расходов и половины хлопот, связанных с возведением гробницы-дольмена. Однако, в целом, они больше похожи на ту, что находится недалеко от Пуатье ([гравюра на дереве № 130](#)), где камень либо опирается одним концом на насыпь, либо на плоское пространство с уклоном вверх. Те, что находятся в Ирландии и Уэльсе, на самом деле кажутся всего лишь полудольменами, и поскольку экономия вряд ли была бы мотивом в старые добрые времена, я рассматриваю их, вероятно, как очень современную форму памятника этого класса. Действительно, в Керланде, в Бретани, есть такой памятник ([гравюра на дереве № 131](#)), который, несмотря на шок, который такая идея вызовет у большинства людей, я не могу не думать, что он является и всегда был христианским памятником. По крайней мере, для меня непостижимо, из каких побуждений какой-либо христианин мог установить крест на языческом памятнике такого класса, если это действительно был таковой. С другой стороны, кажется совершенно понятным, что долгое время после своего номинального обращения в христианство люди будут придерживаться форм, столь долго практиковавшихся их предками, и, по-видимому, нет серьезных причин, по которым даже самый фанатичный священник должен возражать против этого, при условии, что символ креста совершенно ясно показывает, что "бедный житель внизу" умер в истинной вере.

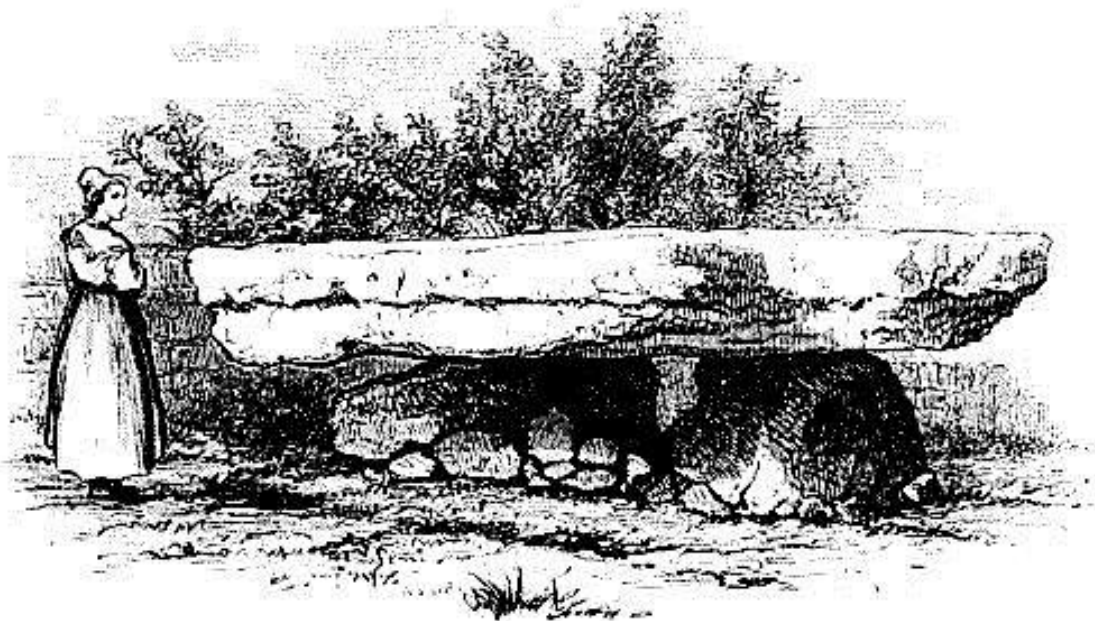

130. Полудольмен близ Пуатье.

131. Полудольмен в Керланде.

Я намеренно воздержался от упоминания о камнях-качалках, которые играют столь важную роль в формах друидического культа, изобретенных Стакли, Борлазом и антикварами прошлого века, потому что я считаю, что девять десятых из тех, что найдены в этой стране, — если не все — являются просто природными явлениями. Я далек от того, чтобы удивляться тому, что это должно быть так, удивительно то, что они не встречаются чаще там, где изобилуют рыхлые валуны, либо занесенные льдом, либо освобожденные в результате размыва нижележащих слоев. То, что некоторые из них покоятся в неустойчивом равновесии, которое легко нарушается, — это только то, чего можно было бы ожидать, и то, что они также были бы предметом удивления для окружающих деревенских жителей, также естественно; но из этого не следует, что какие-либо священники намеренно размещали или могли размещать грубые камни в таких местах или что они использовали их в религиозных целях.

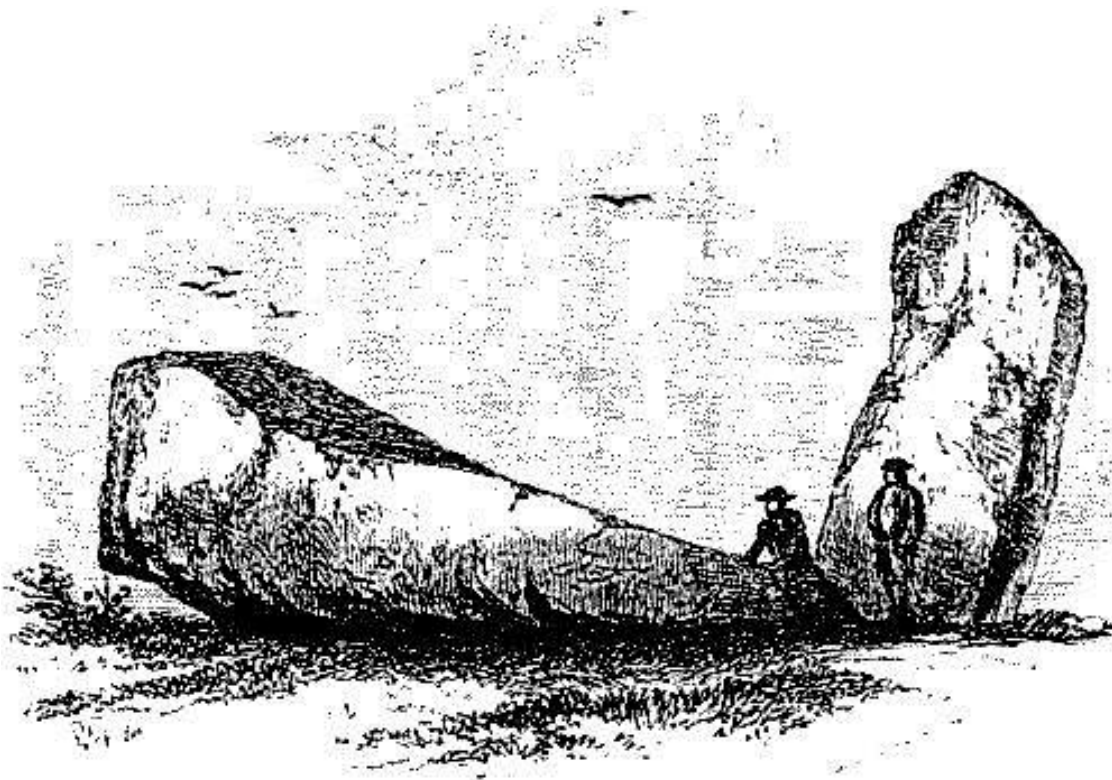

132. Pierre Martine.

Однако во Франции есть один под названием Pierre Martine, недалеко от Ливернона, в департаменте Лот, который был специально сбалансирован, если таковой вообще был. Его общий вид будет понятен по предыдущей гравюре на дереве, взятой из "La France monumentale et pittoresque", которая правильно отражает его форму и внешний вид.^[411] Заглушка имеет размеры 22 на 11 футов, толщину 16 дюймов и настолько сбалансирована на двух точках опоры, что достаточно легкого нажатия руки, чтобы заставить ее колебаться, и движение сохраняется в течение некоторого времени.^[412]

133. Pierre Martine. Из Бонштеттена.

134. Пьер Бранлант, в Бретани.

Другой, более знаменитый, в Бретани, известный как *Pierre branlante de Huelgoat*, кажется, скорее произошел случайно. Это выглядит так, как будто оно образовало или должно было стать частью полудольмена, но так случилось, что оно покоилось на одной из своих опор так, что могло колебаться, и ему позволили оставаться таковым. Даже если предположить, однако, что это было сделано намеренно, что бы это доказывало, кроме желания, которое пронизывает все эти памятники, вызывать изумление *силовыми приемами*. Я полагаю, будет правильно сказать, что ни в одной древней или средневековой книге не существует отрывка, в котором упоминались бы камни-качалки или их использование; и никто не смог объяснить, как они передавали свои оракулы. Определенный толчок вызывал колебание, не прерывистое и нерегулярное, но всегда пропорциональное приложенной силе; поэтому ответ всегда должен был быть одним и тем же для всех людей. Еще более важным фактом является то, что сейчас люди к ним не обращаются. Ни на Белтейне, ни на Хеллоуине, ни на любом из тех праздников, когда сельские жители возрождают все вымершие суеверия, чтобы помочь себе заглянуть в будущее, к этим камням-качалкам не обращаются; и кажется почти невероятным, что, когда сохранилось так много других суеверий, это одно должно быть потеряно, и потеряно в присутствии самих камней, которые все еще остаются. Это, конечно, чудеса, но я сильно сомневаюсь, что к ним когда-либо обращались с какой-либо более высокой целью, чем извлечение шестипенсовиков из карманов зазевавшихся туристов.

Карнак.

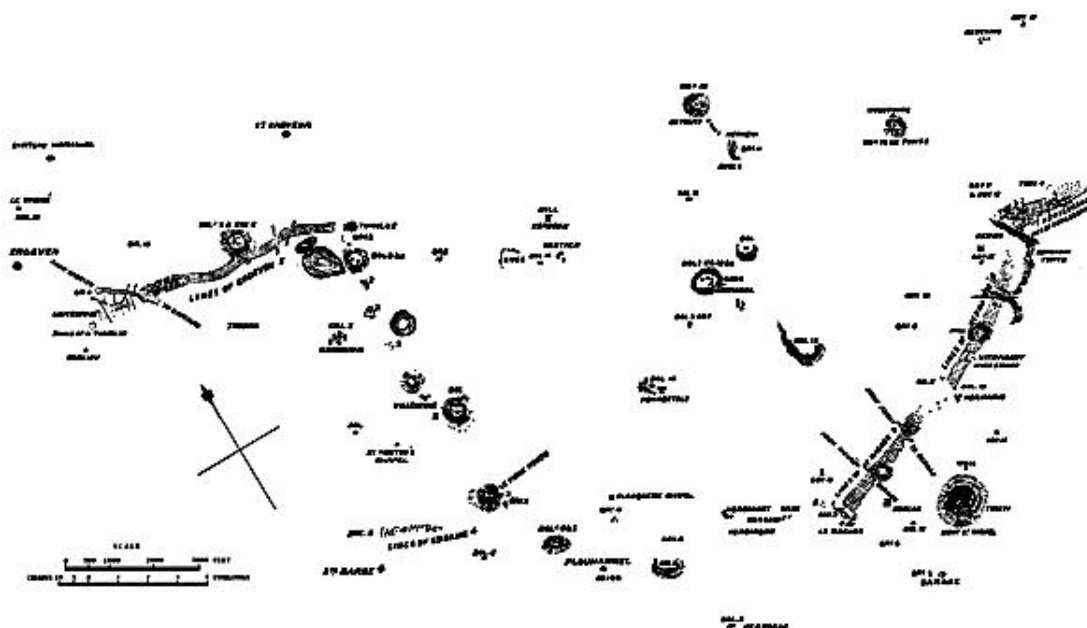
В зоне протяженностью около двадцати миль, простирающейся от Эрдевена на северо-западе до Тумьяка в юго-восточном направлении и нигде не превышающей пяти миль в ширину, находится самая замечательная группа мегалитических останков не только во Франции, но, возможно, и во всем мире. Здесь представлены не только примеры всех описанных нами классов памятников, за исключением кругов, но и более крупные и изящные

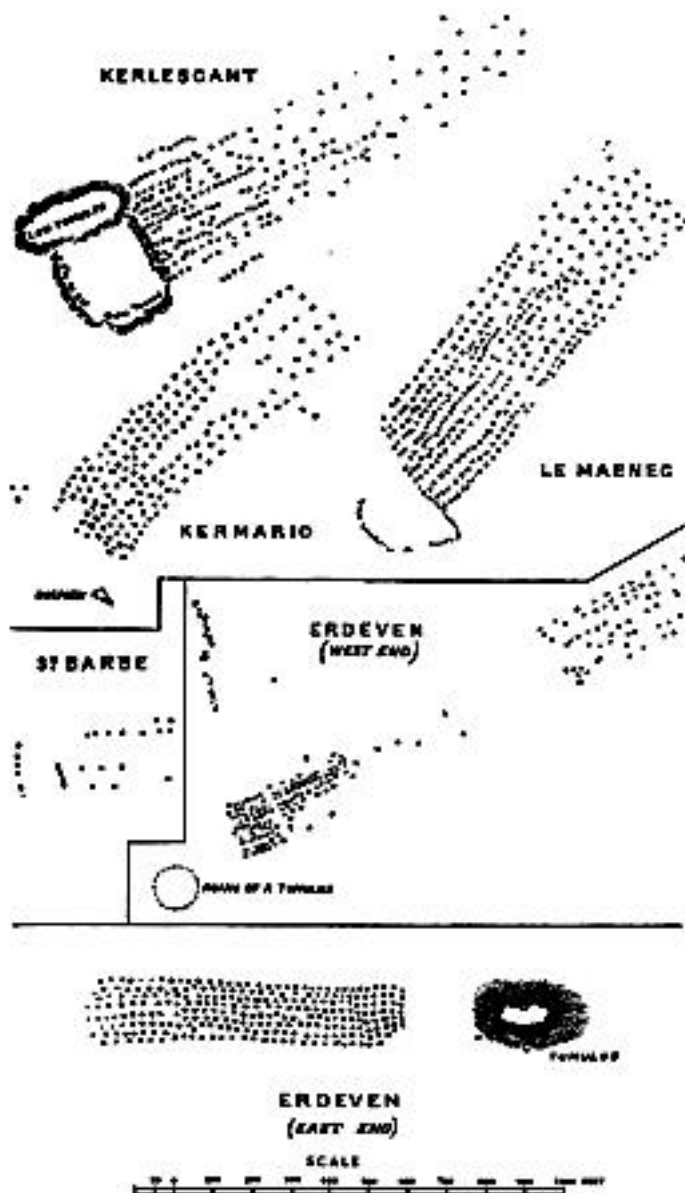
примеры, чем обычно можно встретить в других местах. Еще одним интересным моментом также является то, что в пределах зоны находятся — если я не ошибаюсь — как кладбище, так и поле битвы. По крайней мере, в окрестностях Локмариакера, который, кажется, нет причин сомневаться, был римским Дариоригом, столицей венетов во времена Цезаря, [413] все памятники более или менее скульптурные, а все камни обработаны, если не сказать обтесаны. С другой стороны, ни один камень в окрестностях Карнака не был обтесан или даже обработан методом раскалывания, и не было обнаружено скульптур какого-либо класса. Различие слишком явное, чтобы быть случайным, и, если не удастся установить, что они принадлежат к разным эпохам, что представляется мне крайне маловероятным, оно далеко не подтвердит вывод, к которому мы пришли в предыдущих главах.

Начнем с памятника Карнаку, [414] который является наиболее известным и важным. Как видно из гравюры на дереве на стр. 352, он состоит из двух отдельных рядов, или больших каменных рядов — один, Карнакский, простирается почти на две мили в направлении почти на восток и запад; другой, Эрдевенский, находится на расстоянии двух с половиной миль от Карнакского, и имеет длину немногим более одной мили. Есть третья, но меньшая группа в Сен-Барбе, примерно в полутора милях к югу от Эрдевена; многочисленные дольмены и курганы разбросаны через равные промежутки по всей равнине.

Чтобы быть понятым, памятник Карнаку снова должен быть разделен на три части. Начиная с Le Maepes (Камни), у нас есть одиннадцать рядов очень тонких камней, размером от 11 до 13 футов в высоту от земли, и все еще почти идеальных. Постепенно, однако, они становятся все меньше и реже, пока, когда они достигают дороги из Оре в Карнак, лишь немногие из них достигают 3 футов в любом направлении, а некоторые еще меньше. Вскоре после прохождения этой дороги аллеи полностью обрываются на расстоянии более 300 ярдов, и в промежутке между ними нет ничего, кроме нескольких естественных валунов. Однако, когда мы достигаем холма, на котором стоит ферма Кермарио, снова появляются аллеи, на этот раз всего десять, но совершенно правильные, с камнями такого же размера и на таком же правильном расстоянии друг от друга, как в Менеке. Однако они все больше и больше уменьшаются в размерах и почти совсем вымирают, прежде чем достигают кургана (tumulus?). на котором стоит ветряная мельница, и после этого они стали такими маленькими и редкими, что незнакомец, проезжающий через линию, вряд ли заметил бы, что они расположены искусственно, а просто счел бы это каменистым участком земли. Они снова полностью прекращаются, прежде чем мы достигаем ручья, и возобновляются в Керлесканте, где найдено тринадцать рядов; но они сложены из камней меньших размеров и расположены более неравномерно, чем камни в Менеке, и вымирают гораздо быстрее. На расстоянии менее 500 ярдов от головы колонны они полностью исчезают. Можно предположить, что эти промежутки образовались из-за того, что камни были убраны для сельскохозяйственных и других целей. Я думаю, однако, что любой, кто внимательно осмотрит это место, убедится, что мы действительно теперь обладаем всем или почти всем, что когда-либо находилось здесь. Они наиболее густые и лучше всего сохранились в деревне Менек и в Кермарио, где постройки встречаются чаще всего, и исчезают именно в тех местах, где нет ни зданий, ни стен, но где почва представляет собой открытую, бесплодную пустошь, без дорог, и откуда их было бы очень трудно перевезти; а в такой каменистой местности очень маловероятно, что такая попытка была бы предпринята. Кроме того, постепенное уменьшение их размеров перед исчезновением свидетельствует о закономерности дизайна, относительно которой ошибки быть не может. В дополнение к этому, все руководители трех подразделений отмечены памятниками разного рода, но

которые легко узнаваемы. Во главе отдела Менек находится криволинейная ограда из камней меньшего размера, ни один из которых не превышает 6 футов в высоту, но расположены гораздо ближе друг к другу, чем ряды ([гравюра на дереве № 136](#)). Вероятно, когда-то он был достроен и, если это так, примыкал к центральному ряду камней. В Кермарио перед трассой стоит дольмен, не примечательный своими размерами, но бросающийся в глаза со своего положения; а в Керлесканте есть четырехугольная[415] ограда, три стороны которого сложены из камней меньшего размера и расположены близко друг к другу, как в Менеке. Четвертая сторона образована курганом или длинным курганом. Это было раскопано в 1851 году некоторыми лицами, имеющими или не имеющими полномочий; но кто они были и что нашли, не записано.

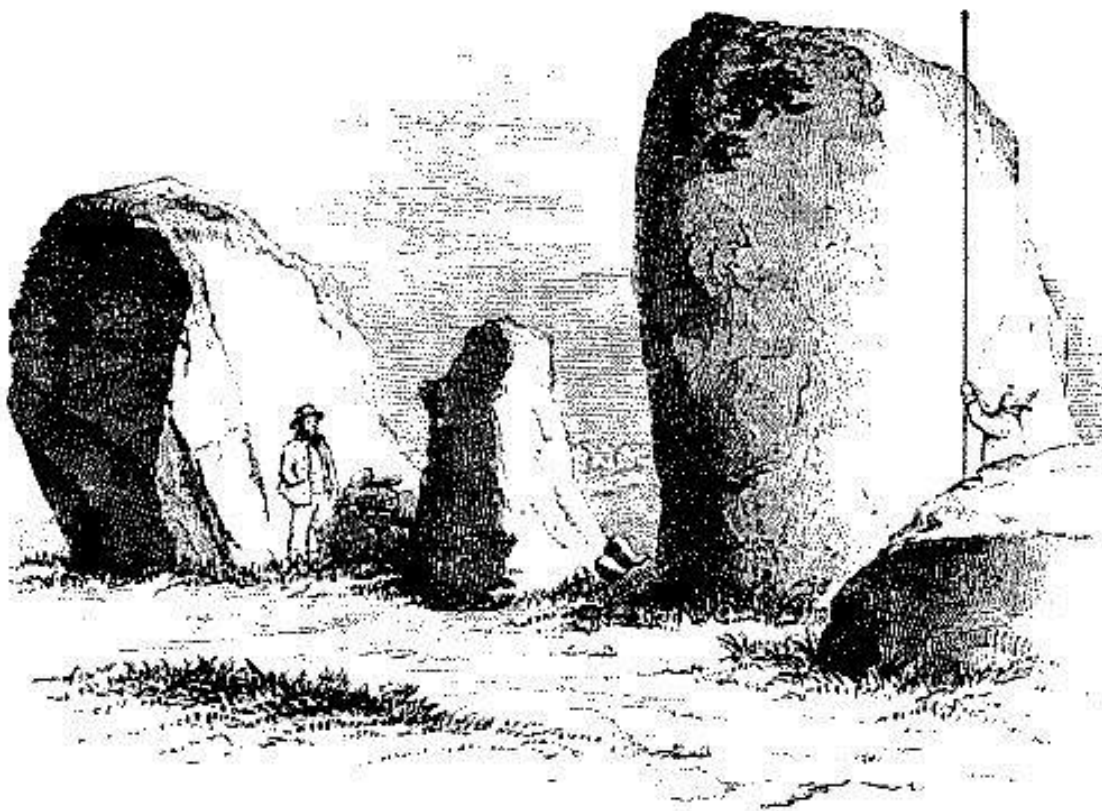
136.

Памятник в Эрдевене сильно уступает по масштабам памятнику в Карнаке и спроектирован по другому принципу. Вместо того, чтобы головы подразделения следовали одна за другой, как в Карнаке, они обращены наружу; и, подобно легендарной Амфисбене, у этой группы две головы, по одной на каждом конце. Главный из них - западный, где недалеко от дороги есть группа очень больших камней, но расположенных довольно беспорядочно. Кажется, их девять или десять рядов, и ряд больших камней ответвляется под прямым углом к северу. Пройдя около 100 ярдов, основная колонна обрывается и возобновляется снова на расстоянии 200 ярдов, в виде более мелких камней, расположенных гораздо шире. Он снова и снова настолько прерывается, что иногда бывает трудно проследить его, пока мы не приблизимся к восточному концу, где он возобновляет свою регулярность, имея восемь четко очерченных рядов камней, похожих на те, что на западном конце.[\[416\]](#)

В западной части все еще можно проследить остатки того, что когда-то было курганом, а за ним - единственный стоящий менгир. На восточном конце находится курган несколько овальной формы, а в центре - холм или возвышенность, по-видимому естественная, на которой расположены два дольмена; а к югу от восточного конца - второй холм или насыпь с еще двумя подобными памятниками.

Нелегко догадаться, были ли когда-либо линии Сен-Барба более завершенными, чем мы находим их сейчас. У меня сложилось впечатление, что сейчас они почти такие же, как были завершены изначально. Голова, обращенная на запад, по-видимому, предназначалась для криволинейного ограждения, подобного тому, что был в Менеке, но сейчас, по крайней мере, очень незавершена. Его наиболее примечательной особенностью является группа камней в его изголовье ([гравюра на дереве № 137](#)), два из которых являются самыми большими и прекрасными блоками в округе. Самый дальний на снимке имеет 19 футов в длину, 12 футов в ширину и 8 футов в толщину; другой, видимый на переднем плане, даже превосходит его по размерам. Похожи ли они на надгробия в Эйлсфорде или на два камня, найденных среди каменных рядов в Дартмуре, или действительно имеют какое-то отдельное значение, предстоит выяснить, когда мы узнаем больше об общей схеме, по которой планировались эти памятники.

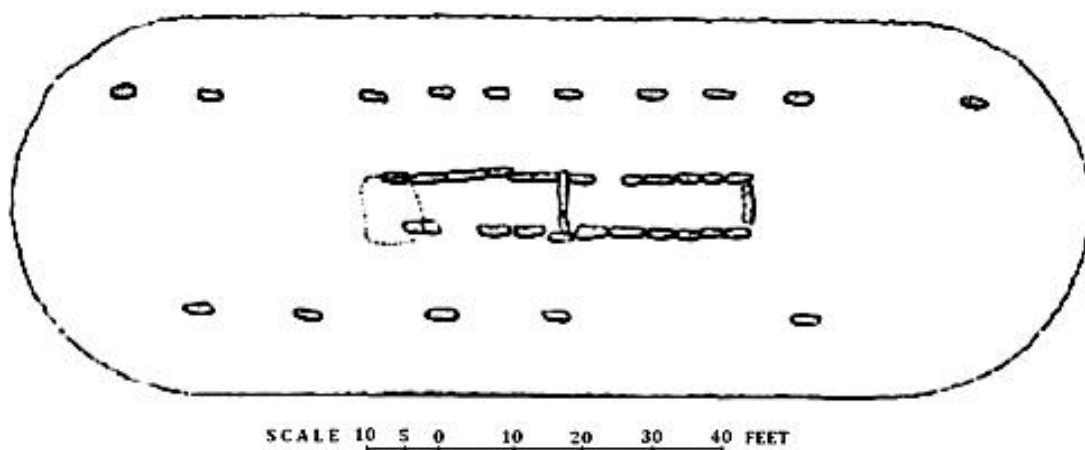
В настоящее время нет ничего, кроме сопоставления, что оправдывало бы нашу попытку связать эти огромные каменные ряды с более мелкими группами камней и дольменами или курганами, которые усеивают равнину, где они найдены. В этом отношении то, что мы находим в Карнаке, кажется полной противоположностью тому, что существует в Стоунхендже и Стеннисе. Там огромные каменные монументы стоят среди пигментных курганов другой расы и эпохи. Все они мегалитические, и все, по-видимому, были возведены почти в одно и то же время и принадлежат одному народу, кем бы они ни были, как в конечном итоге будет доказано. Что касается каких-либо аргументов относительно их возраста, то в настоящее время не имеет большого значения, так это или нет, поскольку все они одинаково необщительны по этому вопросу.

137. Начальник колонны в Санкт-Барб. От Господа. Блэр и Роналдс работы.

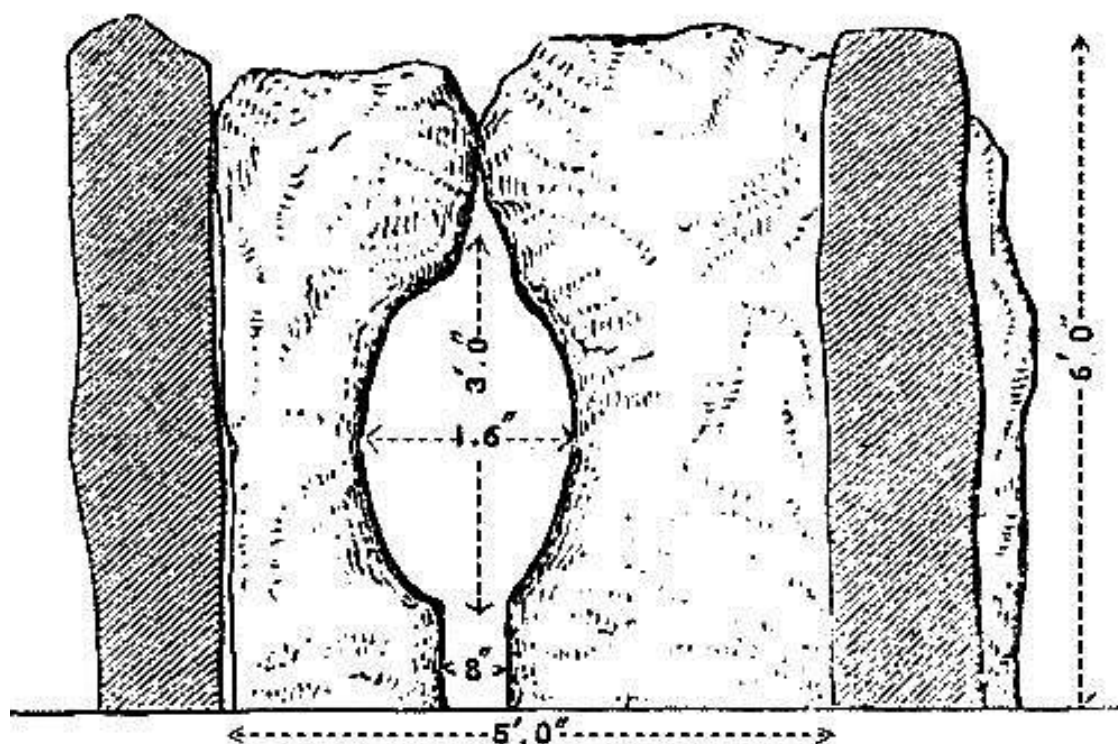
Один из курганов, известный как Мон-Сен-Мишель, расположен так относительно ряда Менек, что разделить их кажется невозможным. Он был открыт М. Рене Галлесом в 1862 году, и вскоре после этого был опубликован отчет о его исследованиях в форме отчета префекту. Сам курган у своего основания имеет почти 400 футов в длину и вдвое меньше в ширину. В наше время его вершина была выровнена, чтобы образовать платформу для церкви, которая сейчас занимает его восточную вершину. Перед церковью месье Галлес прорыл шахту почти в центре кургана и наткнулся на погребальную камеру неправильной формы, боковые стены которой были сложены из очень неправильной и некачественной кладки из мелких камней, подобной кладке дольменов в Крубельце. Его средние размеры составляли примерно 6 футов на 5 футов, а высота - 3 фута 6 дюймов. В нем были найдены несколько великолепных кельтов из нефрита и триболита, девять подвесок из яшмы и 101 бусина из яшмы, некоторые из которых были бирюзовыми, все отполированные и проколотые так, что образовывали ожерелье. Человеческие останки в главной камере, по-видимому, полностью погибли, вероятно, из-за продолжающегося проникновения воды, по крайней мере, с момента выравнивания вершины, хотя впоследствии некоторые кости были найдены в небольшой камере рядом.

На северной стороне проспекта в Керлесканте, на расстоянии примерно 100 шагов от него, находится второй длинный курган, следовательно, занимающий по отношению к нему то же положение, что Мон-Сен-Мишель по отношению к кургану в Менеке. Он настолько похож по внешнему виду и общему расположению на тот, что образует северную сторону ограды, которой заканчивается аллея, что не может быть никаких сомнений в том, что они того же возраста и являются частью одного и того же общего расположения. Он был открыт около двадцати лет назад джентльменом, проживающим в Карнаке, но был повторно осмотрен в 1867 году преподобным У. К. Лукисом.[\[417\]](#)

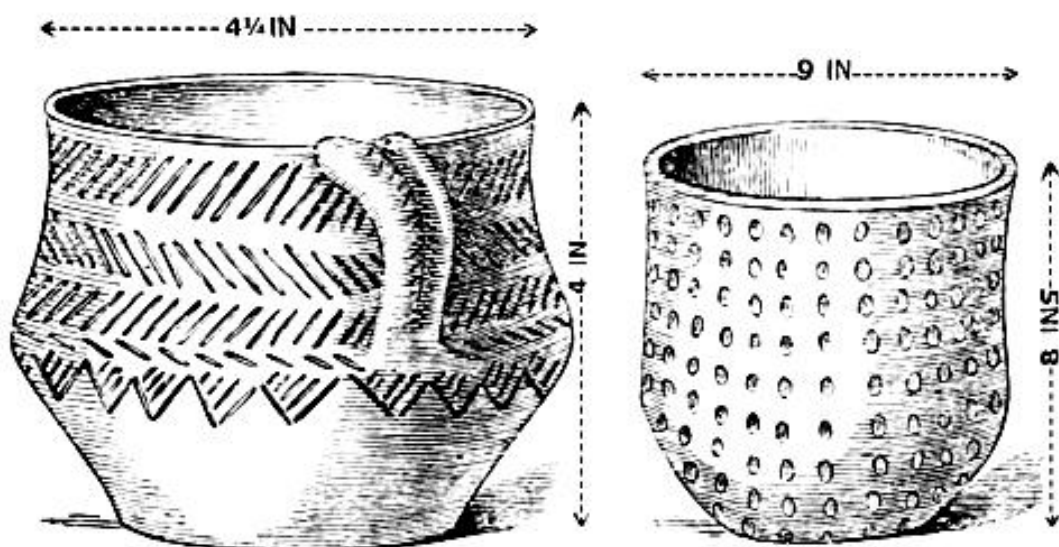

138. Длинный Курган в Керлесканте.

В центре он обнаружил длинную прямоугольную камеру размером 52 фута в длину и 5 футов в ширину внутри, разделенную на два равных отделения двумя камнями, срезанными в центре так, чтобы оставить отверстие шириной 1 фут 6 дюймов и высотой 3 фута. Похожее, но меньшего размера отверстие имеется сбоку и идентично отверстиям, найденным в длинных курганах в Родмартоне и Авенинге в Глостершире.^[418] Мистер Лукис, среди прочего, нашел огромное количество битой керамики, некоторые из них очень хорошего качества. Две вазы, которые ему удалось отреставрировать, интересны своим общим сходством с двумя, которые мистер Бейтман нашел в Арбор Лоу ([гравюра на дереве № 31](#)). Хотя они и не совсем одинаковы по форме, не может быть никаких сомнений в том, что они принадлежат к одному возрасту.

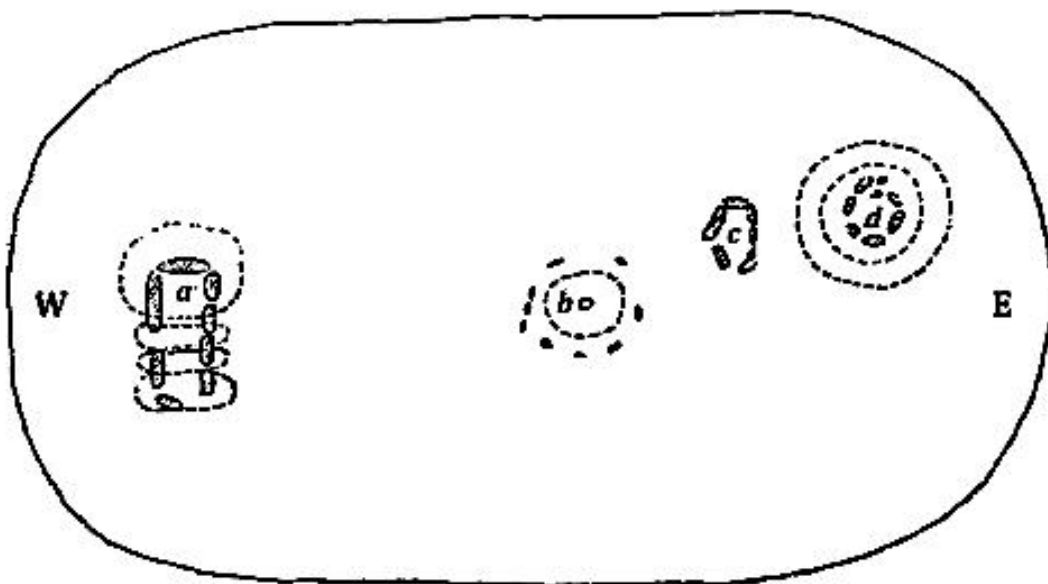
139. Дыра между двумя камнями в Керлесканте.^[419]

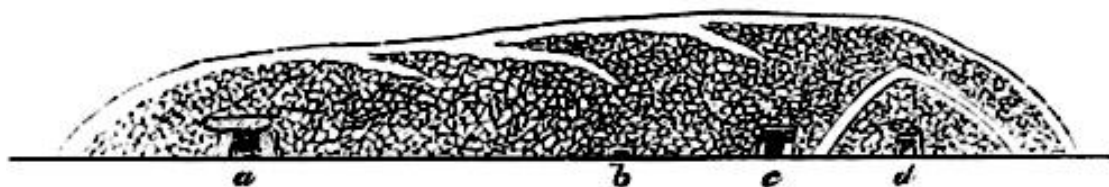
141. Вазы, найденные в Керлесканте.

Примерно в миле от этого примера мистер Лукис упоминает еще один, побольше. Он имеет размеры 81 фут в длину и 6 футов в ширину, разделен на два отсека, подобных только что описанному, и также имеет отверстие для входа. Он также измерил два в Финистере, один 76 футов, другой 66 футов в длину и оба 6 футов в ширину. Однако оба были нарезаны давным-давно и сейчас представляют собой просто руины. Без сомнения, можно было бы найти больше, если бы поискать. Действительно, эти прямолинейные "кувертные аллеи", или "феерические гроты", без ячеек, как их называют французы, как упоминалось ранее, являются наиболее характерной, если не самой распространенной формой французских памятников из грубого камня. Единственное другое место, где они столь же распространены, - Дренте, и, возможно, это боковое отверстие в Керлесканте является подступом к боковому входу, столь обычному в этой провинции.

В Плухарнеле, примерно в полутора милях к западу от Мон-Сен-Мишель, много лет назад был открыт двойной дольмен. В нем были найдены несколько прекрасных золотых украшений, другие — из бронзы, а также несколько кельтских или каменных топоров из нефрита^[420] — все это, как и те, что были найдены в Мон-Сен-Мишеле, очевидно, относятся к тому, что антиквары называют последним периодом века полированного камня; но пока не будет определено, что это за возраст, это мало поможет нам установить дату.

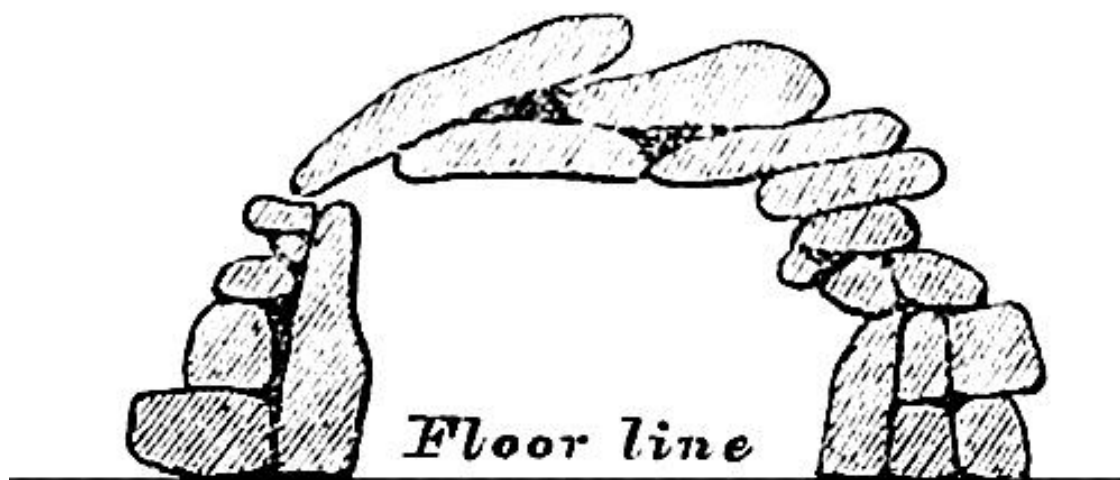

142. План Мустуар-Карнака.

143. Участок Мустуар-Карнак. From 'Mémoire' by René Galles

К северу от Керлесканта, примерно на расстоянии полумили, находится еще один длинный курган, называемый Мустуар или Мустуар-Карнак, который был открыт в 1865 году, также М. Рене Галлом. Было обнаружено, что он содержит четыре отдельных погребения, расположенных по его длине, которая превышает 280 футов, а высота варьируется от 15 до 20 футов. Западная камера представляет собой обычный дольмен класса, называемого "Гроты фей", и, по-видимому, является старейшим из группы. Центральная (b) представляет собой камеру очень неправильной формы, план которой трудно разобрать; третья (c) представляет собой неправильный в плане дольмен, но перекрытый тремя большими камнями; но четвертая (d) представляет собой круглую камеру, стены которой сложены из довольно крупных камней, а крыша возведена в виде горизонтального купола ([гравюра на дереве № 144](#)) из выступающих и накладывающихся друг на друга камней, вместо более простого потолка из цельных блоков, как на всех более ранних памятниках. Это, а также стены, сложенные из мелких камней, я считаю определенным признаком более современной эпохи. В западной камере было найдено значительное количество кремневых орудий, несколько бус и частично проколотый цилиндр из змеевика, но ни монет, ни какого-либо предмета, возраст которого можно было бы точно датировать. Здесь, однако, эти вызывающие беспокойство римские плитки появляются так же, как и в Crubelz. "Ici, comme à Mané er H'roëk, nous trouvons les traces caractéristiques du conquérant (les Romains): des tuiles à rebord ont croulé, au pied de notre butte funéraire, et plusieurs même se sont glissées à travers les couches supérieures des pierres, qui forment une partie de la masse."[\[421\]](#)

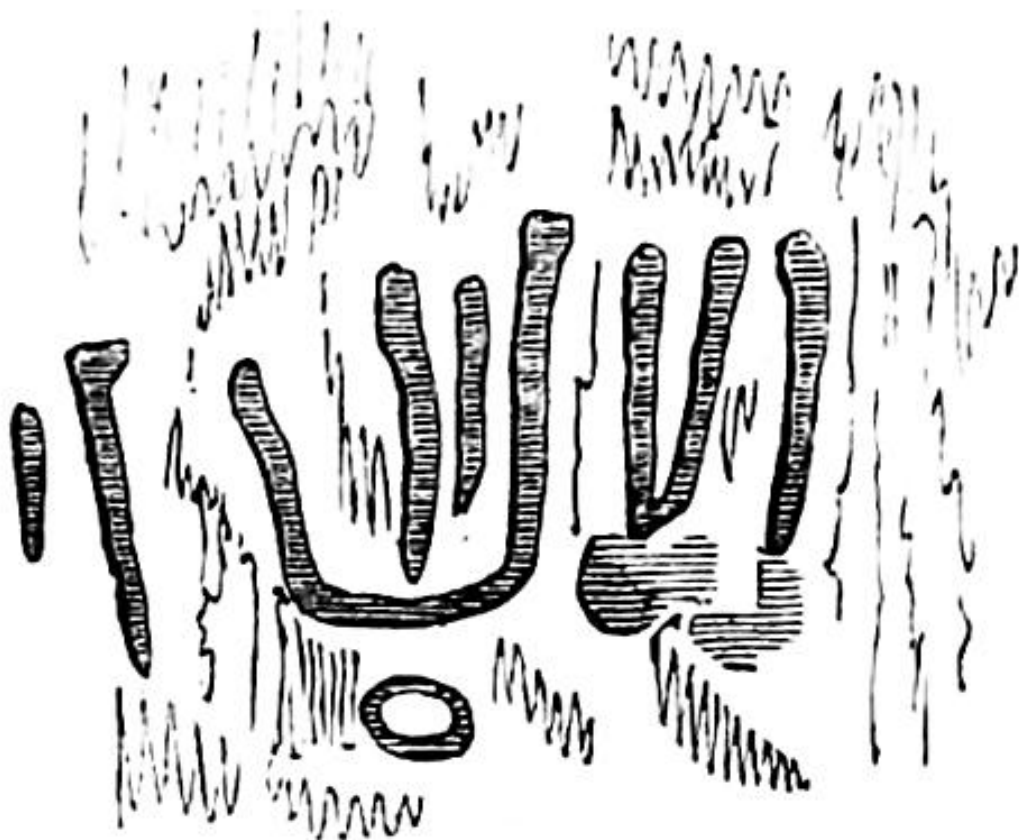
144. Секция камеры d Мустье-Карнака.

Если эти памятники действительно доисторические, мне непонятно, почему эти следы римлян так широко распространены в их структуре. Если кто-то возразит, что их нет в камерах самих гробниц, ответ кажется слишком очевидным: вряд ли хоть одна из них является девственной: во все или почти во все входили до недавних исследователей, и все их наиболее ценное содержимое было изъято. Кельты, бусы и каменные орудия вряд ли привлекли бы внимание ранних воришек, и они оставили их; но, за исключением гробницы в Плоухарнеле, металл очень редко встречается в каких-либо изделиях. Но присутствие римской керамики или других свидетельств существования этого народа в длинных курганах в Глостершире, в Кеннете и в Карнаке слишком частое явление, чтобы быть случайным. Что касается доказательства того, что памятник не доисторический, наличие единственного фрагмента римской керамики является столь же убедительным, как и клад монет, при условии, что он был найден расположенным так, что его не могли вставить туда после завершения насыпи; и это, я полагаю, имеет место во всех упомянутых выше примерах.

Локмариакер.

Скорее следует сожалеть, что не существует хорошего обзора этого кладбища. Не так уж много зависит от соседства памятников, но, поскольку французы постоянно меняют свои названия, и у большинства из них их два, не всегда легко с уверенностью сказать, о каком памятнике идет речь в то или иное конкретное время. Те, что на материке, расположены в зоне длиной около мили, протянувшейся с севера на юг, между Мане Людом, самым северным, и Мане эр Роэком, самым южным. Первый из названных представляет собой длинный курган, размером 260 футов примерно на 165, но не одного возраста, как в Англии, или содержащий только одну гробницу, а, подобно Мустуар-Карнаку, несколько гробниц, которые могут быть либо одного возраста, либо возведены в разные, хотя и не очень отдаленные периоды и соединены вместе, будучи погребенными под одним большим курганом. Из трех, находящихся в Мане-Луде, наиболее интересным является частично крытый дольмен в западной части. Он состоит из камеры несколько неправильной формы, но размером 12 футов на 10 футов, перекрытой одним огромным каменным блоком размером 29 футов на 15 футов и с ведущим к нему проходом, длина которого от входа до центрального блока камеры составляет 20 футов. Согласно мистеру Фергюсону,^[422] пять блоков этого дольмена изваяны; согласно М. Рене Галлу,^[423] девять из них украшены таким орнаментом. Камень, однако, такой грубый, а место такое темное, что временами их трудно различить, и

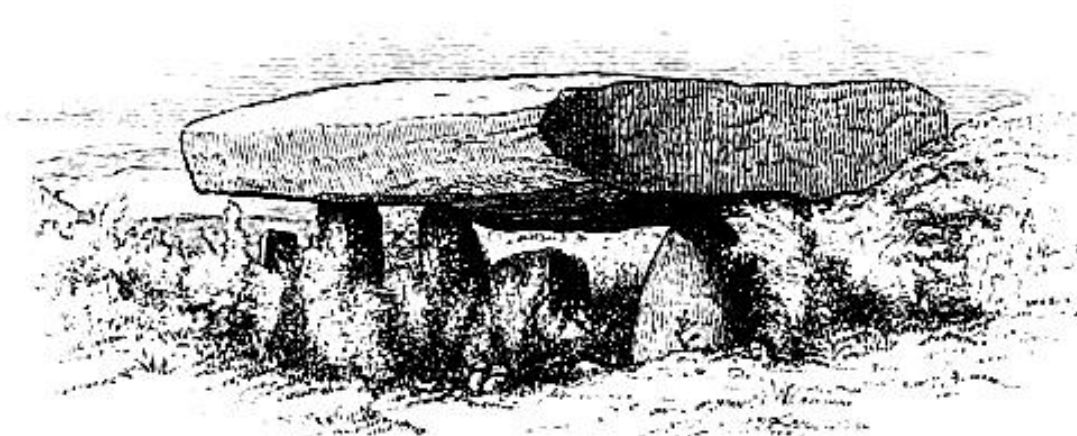
поэтому рисовать их всегда трудно. Основные представленные объекты, по-видимому, предназначены для лодок и топоров, но есть и другие фигуры, которые не могут быть отнесены к такой категории, и, хотя называть их письменами может быть опрометчиво, они могут означать числа или какие-то шифры. Однако их большой интерес заключается в их сходстве с гравюрами на ирландских памятниках. Если кто-нибудь, например, сравнит эту гравюру на дереве (№ 145) и гравюру на дереве № 68 из Нью-Грейнджа, он вряд ли сможет не заметить сходства, которое не может быть случайным; и подобным же образом криволинейные формы гравюры на дереве № 146, в манере, которую трудно ошибиться, напоминают формы с Кlover-Хилл ([гравюра на дереве № 77](#)).

145. Скульптура в Мане Луд.

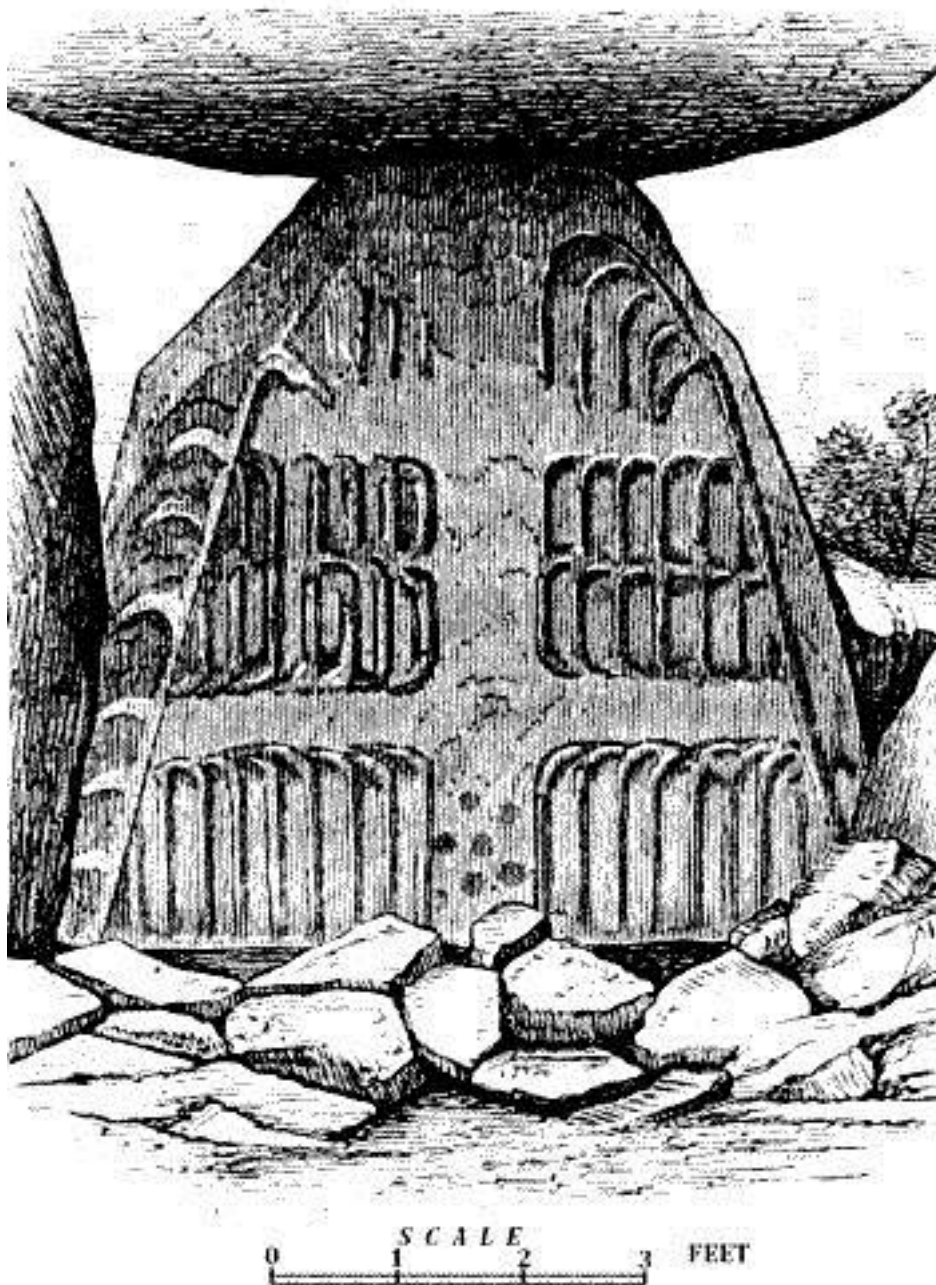

146. Скульптура в Мане Луд.[\[424\]](#)

147. Вид на Дол ар Марчант. От Блэр и Рональда.

Рядом с Мане Люд, но немного ближе к Локмариакеру, находится то, что можно считать самым интересным, если не самым прекрасным отдельно стоящим дольменом во Франции. Его крыша состоит из двух камней: один из них имеет размеры 18 футов на 9 футов,[\[425\]](#) и более 3 футов в толщину. Второй камень намного меньше и, кажется, образует своего рода крыльцо. Большой камень опирается, как и большинство отдельно стоящих дольменов, на три точки, их архитекторы рано поняли, как трудно было обеспечить их опору на большее количество; так что, если они не хотели, чтобы стена защищала от материала, из которого должен был быть сложен курган, они обычно устанавливали их на трех точках, подобных той, что в замке Веллан ([гравюра на дереве № 7](#)).

148. Конечный камень, Дол ар Марчант.

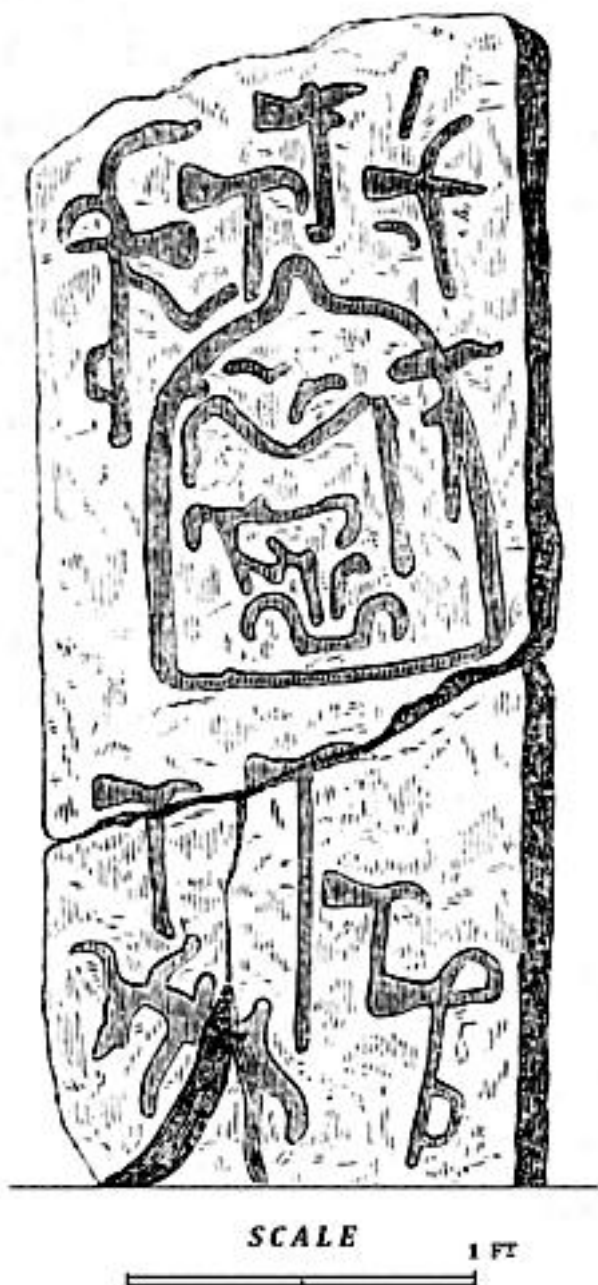
149. Топор в крыше Дол ар Марчанта.

Однако большой интерес к этому дольмену представляют его скульптуры. Камень, закрывающий ист-энд, имеет форму двух сторон равностороннего сферического треугольника и покрыт скульптурами, которые на этот раз не являются ни персонажами, ни изображениями живых существ, а чисто декоративными. Когда-то мне казалось, что на камне можно проследить форму креста. Центральная ножка и верхняя часть рычага достаточно четко показаны на рисунке мистера Фергюсона; но на всех рисунках изображена нижняя перекладина — хотя, признаюсь, я ее не видел, — что совершенно разрушает эту идею. На крыше очень отчетливо прослеживается хорошо вылепленный топор с перьями[426], как показано на гравюре на дереве, скопированной у мистера Фергюсона. Он воображает, что может также проследить форму плуга в скульптурах крыши, но это кажется сомнительным.

Именно этому дольмену принадлежит большой упавший обелиск. Если это был один камень, то его длина составляла 64 фута, а наибольший диаметр - 13 футов; но, признаюсь, из-за того, каким образом он упал, я не могу избавиться от мысли, что на самом деле это были два обелиска, а не один. Так это было или нет, но для грубого народа это замечательное произведение искусства, поскольку оно, безусловно, было придано тщательной форме и с таким же количеством труда могло быть придано квадратной, круглой или любой другой желаемой форме. Это, однако, одна из особенностей стиля. Никто не станет оспаривать, что этот обелиск и камни Дол ар Маршан высечены; но вместо того, чтобы перенять геометрические формы, которые мы так любим, они предпочли те, которые напоминали им их старые грубые памятники и которые, на их взгляд, были красивее прямых линий римлян. Я не совсем уверен, что с художественной точки зрения они были не правы.

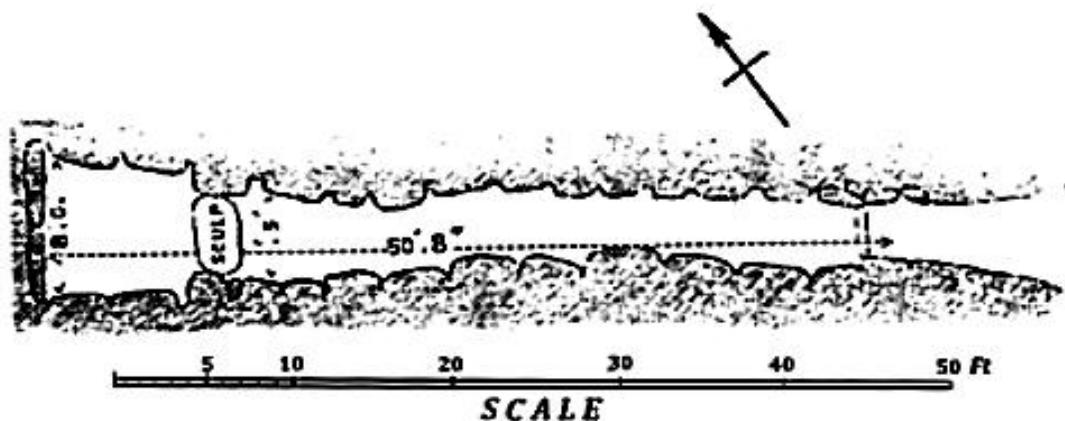
Если мы сравним этот дольмен с тем, что находится в Крукенхо ([гравюра на дереве № 126](#)), разница между ними кажется очень разительной. Дель-ар-Маршан представляет собой обычный треножник-дольмен, тщательно сложенный из фигурных камней и украшенный гравировкой. Другой - великолепный гроб, обнесенный грубыми камнями, такими, которые образовали бы камеру в кургане, если бы были похоронены в нем, хотя ни в коем случае не ясно, предназначался ли этот конкретный образец для такой обработки или нет. Как бы то ни было, существует два способа объяснить разницу между двумя памятниками, столь близкими по размерам и расположенными так близко друг к другу. Первым было бы предположить, что пример Крукенхо самый старый, он самый грубый и больше всего приближается к примитивной форме памятников; вторым было бы предположить, что первый был памятником какому-то воину, в спешке возведенным на поле битвы, где он пал, его товарищами по оружию; и что другой был королевской усыпальницей, подготовленной на досуге либо самим королем, либо теми, кто сменил его в мирное время, и, следовательно, у кого было свободное время для подобных работ. Мы должны узнать больше об этих памятниках, прежде чем можно будет сделать удовлетворительный выбор между этими двумя гипотезами. В настоящее время я скорее склоняюсь к убеждению, что обстоятельства, при которых они были возведены, могут иметь большее отношение к их различиям, чем к их относительному возрасту.

Вернемся к Локмариакеру. Недалеко от города есть или была длинная аллея куверт.^[427] Он имеет 70 футов в длину и разделен к своему внутреннему концу на квадратную камеру, к которой вела длинная, слегка изогнутая галерея, сложенная из четырнадцати камней с каждой стороны. Пять из них покрыты орнаментами и выгравированными на них иероглифами. Один из них может рассматриваться как представляющий лист папоротника или, возможно, пальму; остальные представляют собой овалы, круги и подобные орнаменты, которые могут иметь, а могут и не иметь большего значения, чем те, что изображены на Нью-Грейндж или других памятниках в данной местности.

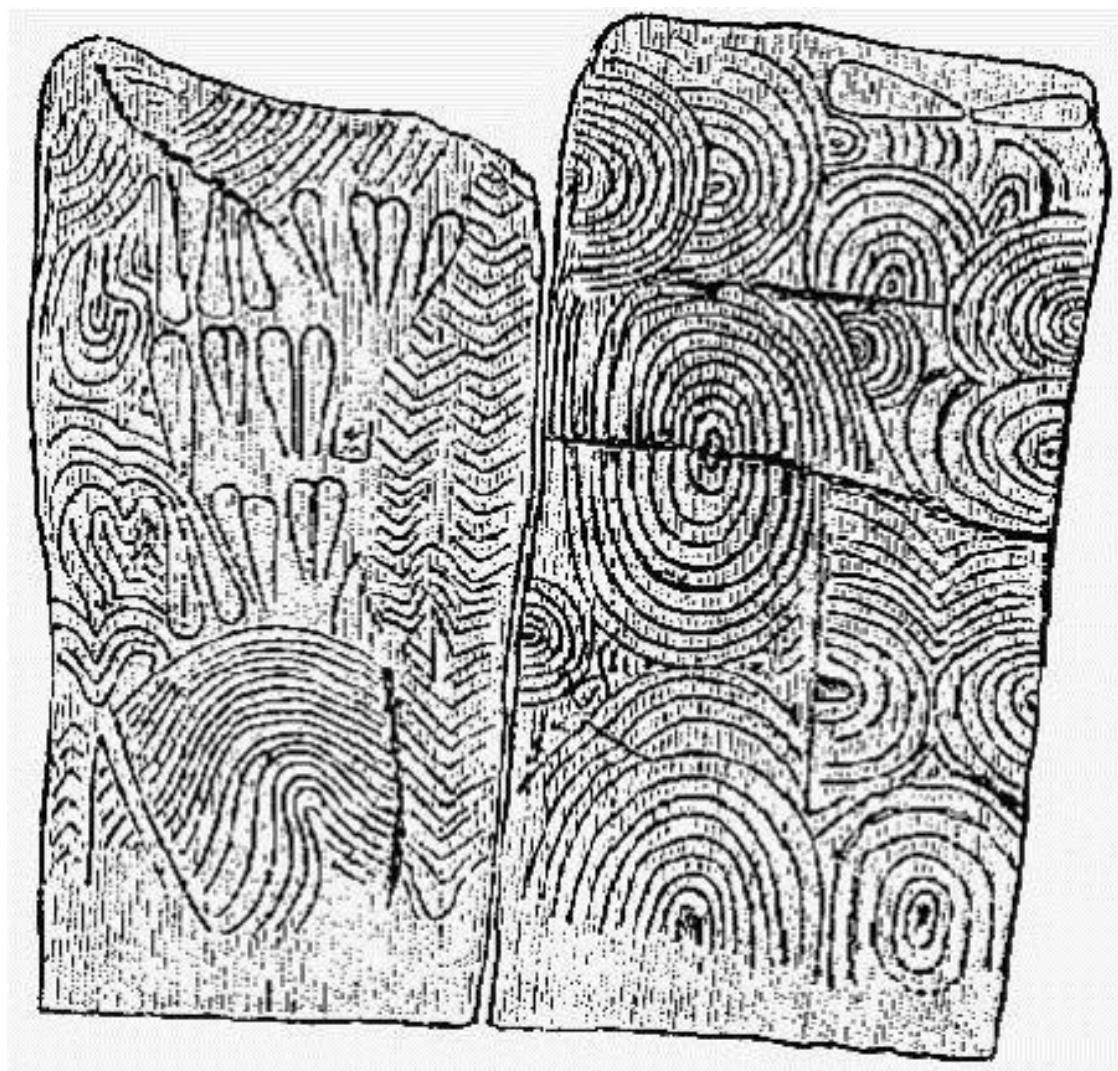
150. Камень, найденный внутри камеры в Мане-эр-Розк.

На другой стороне деревни находится курган, уже упомянутый как Мане-эр-Розк, где были найдены двенадцать римских монет, а внутри него - огромная коллекция отполированных кельтов, но все сломанные, и одна плита, которая, по-видимому, изначально закрывала дверь и покрыта скульптурными топориками, похожими по характеру на те, что на крыше Дол-ар-Маршан, но не такими тщательно нарисованными и не такими хорошо выгравированными.

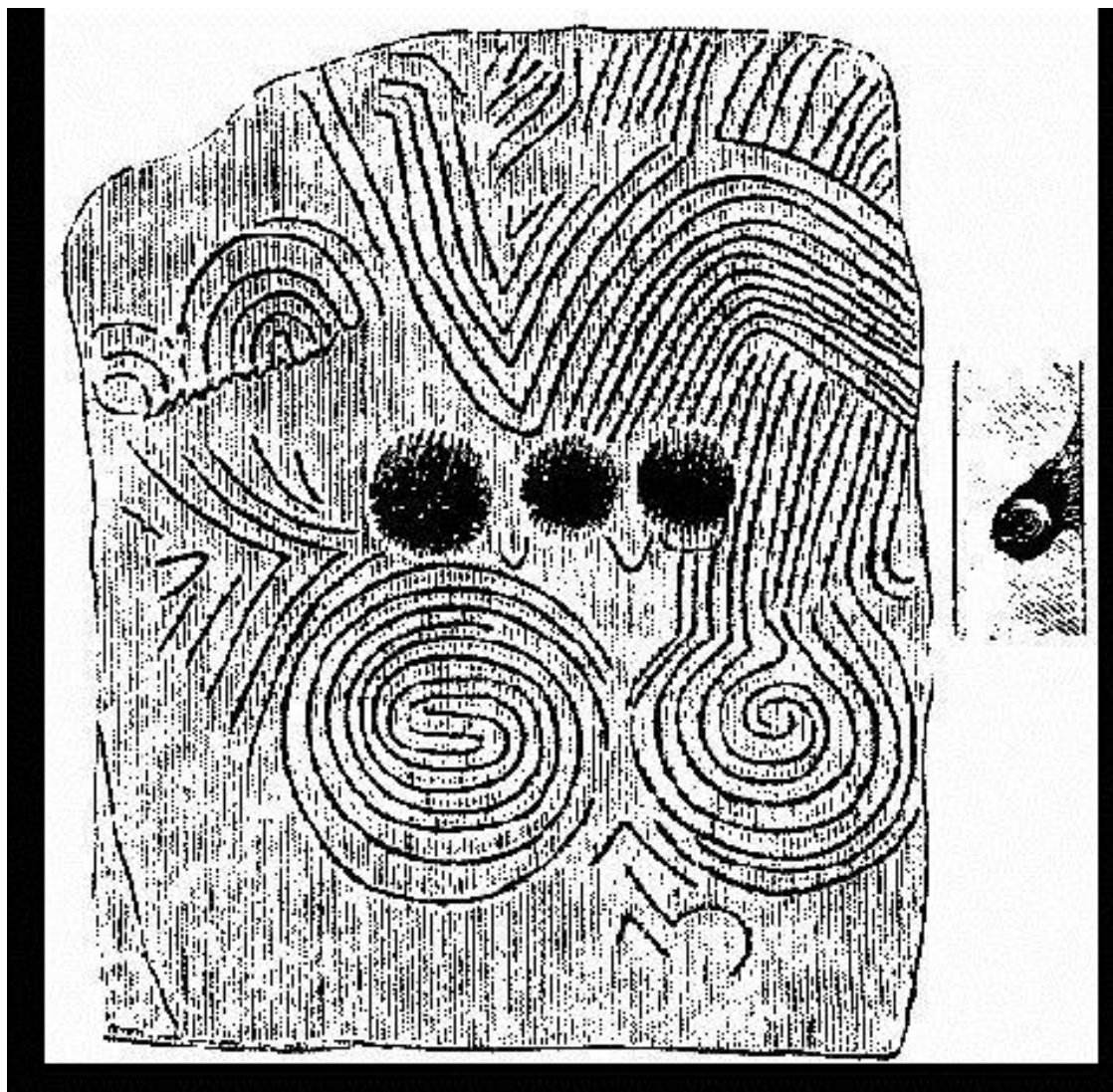

151. План Гавра Инниса.

Кроме них, есть несколько — вероятно, до дюжины — памятников того же класса в пределах того, что справедливо можно считать пределами этого кладбища; но из них наиболее интересным, а также наиболее совершенным является тот, что находится на острове Гавр-Иннис, примерно в 2 милях к востоку от Локмариакера.

152. Скульптуры в Гавр-Иннисе. С рисунка сэра Генри Драйдена.[\[428\]](#)

153. Дырявый камень, Гавр Иннис. С рисунка сэра Генри Драйдена.

План помещения этого памятника будет понятен из прилагаемого плана.^[429] Входная галерея имеет длину 44 фута от того места, где начинаются облицовочные камни, до камеры четырехугольной формы размером 9 на 8 футов. Все шесть камней, образующих три стороны зала, и большинство из тех, что обрамляют вход с обеих сторон, украшены искуснейшими скульптурными узорами, характер которых будет понятен по прилагаемым гравюрам на дереве. Следует заметить, что узор не такой плавный и изящный, как те, что встречаются в Нью-Грейндж или Дауте, и нигде, я полагаю, нельзя сказать, что он имитирует формы растений; а в гравюре на дереве слева на камне изображено около семнадцати или восемнадцати фигур, которые, как обычно предполагается, представляют кельтов, и, вероятно, так оно и есть; но если это так, то, судя по их расположению, они должны означать нечто большее, либо числа, либо имена, но, что бы это ни было, о его значении пока не догадываются. На других камнях есть волнистые линии, которые, как принято считать, изображают змей, и, я полагаю, это правильно; но поскольку это несколько сомнительно, лучше воздержаться от их упоминания. Помимо этого, общий узор представляет собой круги внутри кругов и плавные линии, почти равноудаленные друг от друга, но, за исключением одного камня, никогда не состоящие из спиралей, и то менее изящные, чем ирландские. Скульптура, однако, на некоторых камнях в Лох-Крю, и особенно в центре гравюры на дереве № 75, абсолютно идентичны узорам, найденным здесь; и в целом между этими скульптурами

и скульптурами в Лох-Крю больше сходства, чем почти между любыми другими памятниками такого класса, о которых я знаю.

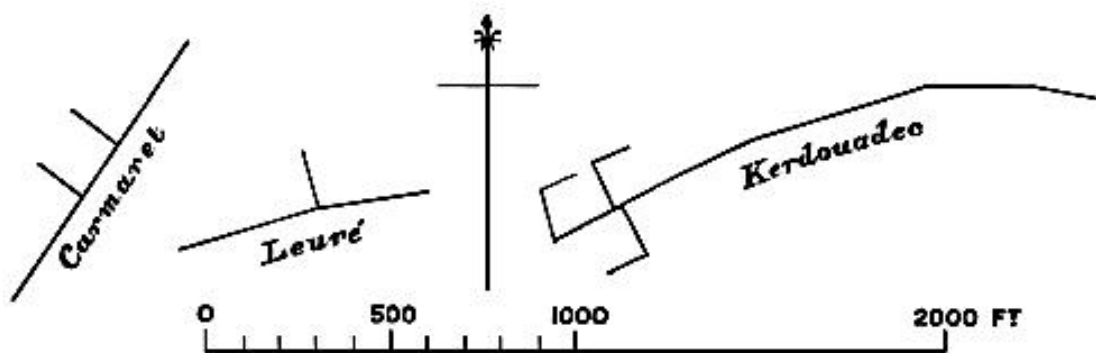
В камере с левой стороны находится камень ([гравюра на дереве № 153](#)) с тремя отверстиями в нем, которые дали повод для неограниченного количества спекуляций. Обычно предполагается, что именно здесь друиды связывали человеческие жертвы, которых они собирались принести в жертву. Но, не возвращаясь к вопросу о том, были ли когда-либо друиды в Морбиане, выбрал бы какой-нибудь священник небольшое подземелье площадью 8 квадратных футов и абсолютно темное для совершения одного из своих величайших и наиболее торжественных ритуалов? Насколько нам что-либо известно о человеческих жертвоприношениях, они всегда совершались под открытым небом и в присутствии множества людей. Однако если предположить на данный момент, что эти отверстия предназначались для какой-то такой цели, то хватило бы двух, причем гораздо более простой формы и их легче вырезать. Как видно из гравюры на дереве, не только соединены три отверстия, но и под ними утоплен выступ или желоб, который может содержать масло или святую воду и, как мне кажется, должен был предназначаться для какой-то такой цели.

Существование этих дыр, по-видимому, снимает еще один вопрос, представляющий определенный интерес. Обычно предполагалось, что татуировка на камнях камер и т. Д., Возможно, была сделана с помощью каменных орудий. Этого нельзя отрицать, хотя это и кажется невероятным; но заделка проходов между этими отверстиями и формирование желоба могли быть произведены только инструментом, который выдерживал бы удар по своей головке, и к тому же тяжелый, или, другими словами, каким-нибудь хорошо закаленным металлическим инструментом.

В Тумиаке, напротив Гавр-Инниса, существовал очень большой курган, который был открыт в 1853 г. Фуке и Л. Галлес. Было обнаружено, что в нем находилась небольшая камера, частично сложенная из больших плит, частично из мелких камней. На некоторых из первых имелась грубая резьба, но без какого-либо значения, которое сейчас можно разобрать.

Все это выглядит значительно более современно, чем Гавр Иннис.

Кроме них, в окрестностях Карнака и Локмариакера во Франции есть по крайней мере еще три группы камней, которые заслуживают гораздо большего внимания, чем им уделялось до сих пор. Первый находится на полуострове Крозон, образующем южную сторону брестского рейда. Он состоит, среди прочего, из трех рядов камней. Главный из них находится в местечке под названием Кердуадек и состоит из единого ряда камней длиной 1600 футов, расположенных в слегка изогнутом плане и заканчивающихся любопытным крестом, похожим на "Свастику". Вторая, в Кармаре, представляет собой единую линию длиной 900 футов с двумя ответвлениями под прямым углом к ней, недалеко от ее центра. Третья, в Лере, также представляет собой единую линию с небольшим изгибом в центре, от которого под прямым углом начинается короткое ответвление.^[430]

154. Трассы в Крозоне.

Я не могу высказать предположение, что представляют собой эти линии, а также почему и когда они были размещены здесь. Неясно, может ли осмотр на месте дать какой-то ключ к разгадке, но они настолько не похожи ни на что другое, найденное во Франции или в любой другой стране, что, боюсь, пока они должны оставаться загадкой.

Вторая группа, известная как Грe де Кожу, расположена примерно на полпути между Ренном и Редоном. Останки здесь состоят из короткого двойного ряда длиной около 500 футов, нескольких курганов — по крайней мере, один увенчан кругом из камней, — нескольких каменных ограждений и частых дольменов. Они были несовершенно описаны М. Раме,^[431] и запланированы, но не опубликованы сэром Генри Драйденом. Пока они не будут представлены миру более подробно, чем это было сделано до сих пор, невозможно сказать, представляют ли они поле битвы или кладбище. Исходя из их местоположения — унылой, бесплодной пустоши, вдали от любого населенного пункта, — я бы предположил первое; но я сам там не бывал, а информация, которой я располагаю, слишком скудна, чтобы я мог говорить о них с какой-либо уверенностью.

Третья группа находится в департаменте Лот, недалеко от Прейссака, в приходе Джунис, и простирается более чем на полмили (800 метров) в длину. К сожалению, у нас нет ничего, кроме словесных описаний этого явления, и по ним невозможно понять его форму или определить его назначение.^[432] Мы, действительно, находимся в состоянии крайнего невежества в отношении всех этих мегалитических останков на юге Франции, но поскольку они кажутся такими же важными и многочисленными, как и на севере, следует надеяться, что кто-нибудь посвятит осень их иллюстрированию. Вероятно, есть несколько других групп, столь же важных, как в Junies, но в настоящее время они нам совершенно неизвестны. Поэтому на данный момент эти группы следует отложить в сторону, и любой аргумент относительно возраста или использования этого класса памятников должен быть полностью основан на том, что мы знаем о памятниках Морбиана.

Насколько я знаю, ни к одному из памятников на кладбище Локмариакер не приложено никаких разумных традиций, которые позволили бы нам установить их даты с какой-либо уверенностью, и нет никаких местных обстоятельств, за исключением упомянутых выше римских монет и плиток, которые помогли бы нам в наших исследованиях. Таким образом, мы предоставлены таким общим выводам, какие допускает данный случай, и сравнению с другими подобными памятниками, даты которых ближе и лучше установлены. Однако ни один человек, знакомый с двумя великими кладбищами Мита, вероятно, не колеблясь, признает, что эти две группы не могут быть сильно разделены по дате. Конечно, в такой

общей работе, как настоящая, невозможно представить доказательства в сколько-нибудь законченном виде. Для того чтобы сделать это удовлетворительным образом, потребовался бы сам по себе большой том, а иллюстрации как к французскому, так и к ирландскому примерам должны быть нарисованы одним и тем же человеком. Даже нескольких приведенных иллюстраций, вероятно, достаточно, чтобы показать сходство настолько большое, что оно вряд ли может быть случайным, и мне будет позволено добавить, исходя из личного знакомства с обеими группами памятников, что, кажется, невозможно избежать убеждения, что это памятники одного класса, вероятно, одной и той же или близкородственной расы и примерно одного возраста. Последнее всегда должно быть самой неопределенной посылкой из трех, поскольку мы едва ли можем надеяться когда-либо узнать относительное состояние цивилизации двух стран в данное время; и, следовательно, даже если бы мы могли доказать, что два украшения в двух странах были идентичны по форме, это не доказывало бы, что между ними не могло быть разницы в пятьдесят или сто лет. Даже в более позднюю эпоху, например, в XIII веке, одна и та же форма и один и тот же стиль во Франции и Англии не препятствовали тому, что между любыми двумя примерами существовала разница в пятьдесят лет. В четырнадцатом веке они шли рядом, а в пятнадцатом веке снова разошлись, так что, хотя архитектура обоих домов все еще была готической, сравнение стилей для этой цели стало почти невозможным.

Аналогичным образом, хотя центральный орнамент на среднем камне в Лох-Крю ([гравюра на дереве № 75](#)) почти идентичен некоторым украшениям в Гавр-Иннисе ([гравюра на дереве № 152](#)), из этого ни в коем случае не следует, что они точно одного возраста. Точно так же листва в Нью—Грейндж ([гравюра на дереве № 67](#)) и на аллее — ныне, боюсь, уничтоженной — в Локмариакере, очевидно, выполнены в одном стиле, но все же допускают определенную широту датировки. В целом, судя только по стилю, я был бы склонен поставить Гавр Инниса в один ряд с кладбищем в Лох-Крю, а не с кладбищем на реке Бойн; также из-за его украшений, а также потому, что я полагаю, что те памятники, которые покрыты только плоскими камнями, более ранние, чем те, которые пытались построить. Но, с другой стороны, я полагаю, что Мане эр Рок и Мане Луд, скорее всего, соседствуют с Нью-Грейнджем и Даутом; и поскольку я считаю совершенно несомненным, что все памятники на реке Бойн были воздвигнуты в первые четыре столетия после рождения Христа, кажется невозможным, чтобы возраст памятников в Локмариакере был очень далек от этой даты.

Многим, без сомнения, покажется невероятным, что эти памятники были воздвигнуты во время оккупации страны римлянами. Однако, если бы они взяли на себя труд изучить то, что сейчас происходит в Индии, их недоверие, я полагаю, вскоре исчезло бы. Местные жители в настоящее время во многих частях страны строят храмы, которые требуется опытный глаз, чтобы отличить от тех, что были возведены до того, как на этой земле поселился какой-либо европеец; и они следуют своим собственным обычаям и поклоняются своим собственным богам, совершенно независимо от чужеземцев, которые правили страной более ста лет, и не подвержены их влиянию. Следует также иметь в виду, что римляне никогда по-настоящему не селились в Бретани. Страна тогда была такой же бедной, как и сейчас, и это вело в никуда. До тех пор, пока бретонцы сохраняли спокойствие, римляне, по—видимому, предоставляли их самим себе и, конечно, не оставили никаких следов какого-либо важного учреждения в их стране — ничего такого, что заставило бы нас заподозрить такие близкие отношения с местными жителями, которые побудили бы их изменить свою веру или моду и копировать институты иностранцев.

С другой стороны, представляется не только возможным, но и вероятным, что общение с римлянами, возможно, впервые внушило жителям Бретани желание достичь большей

долговечности и большего великолепия, используя для своих памятников камень, а не землю или дерево. Это они могли бы сделать, не вызывая в их умах ни малейшего желания копировать ни римские формы, ни римские институты. Напротив, у нас есть все основания полагать, что в этих отдаленных районах римлян ненавидели бы как завоевателей, и что их религия и обычаи вызывали бы отвращение как чуждые и неподходящие для земли, которую они занимали.

Как бы то ни было, сравнение с ирландскими примерами сводит спорные вопросы в отношении дат к очень узким рамкам. Либо эти памятники были воздвигнуты непосредственно до или во время римской оккупации, либо сразу после их ухода, но до обращения местных жителей в христианство. Мы пока не в состоянии принять положительное решение между этими двумя гипотезами, но присутствие римских монет и римских плиток в некоторых курганах и весь аспект аргументации, как мне кажется, склоняют чашу весов в пользу их принадлежности к римским временам. Некоторые из них могут быть до христианской эры, но я очень сильно ошибусь, если в конце концов не признаю, что большее их количество относится к более поздней эпохе.

Однако даже если бы удалось установить возраст памятников кладбища Локмариакер, он ни в коем случае не обязательно соответствовал бы возрасту каменных рядов в Карнаке. Они принадлежат к совершенно другой категории и могут быть разного возраста.

Я полагаю, что теперь, после того, что было сказано выше, особенно в отношении скандинавских примеров, никто не сочтет необходимым, чтобы я исследовал почву, чтобы доказать, что это не храмы. Каждый аргумент, который можно было бы привести, чтобы доказать, что Эйвбери или Стоунхендж не являются храмами, звучит здесь с десятикратной силой. Храм, простирающийся на шесть или семь миль по сельской местности, еще более невероятен, чем храм, занимающий всего 28 акров. Этот памятник тоже открыт повсюду и не имеет ограждения или каких-либо "теменосов", и неравномерного количества равномерно расположенных рядов камней в главном памятнике достаточно, чтобы показать, что он не предназначался и не мог использоваться для процессий. На самом деле я едва ли знаю какое-либо утверждение, которое казалось бы мне столь явно абсурдным, как то, что эти каменные ряды были храмами, и я уверен, что никто, кто дважды задумается над этим вопросом, не рискнет снова утверждать это.

Кажется столь же очевидным, что они не были возведены ни для каких гражданских целей. В них и вокруг них нельзя было проводить никаких собраний и выполнять никакие административные функции. Они также не являются могильными в каком-либо обычном смысле этого слова. Во-первых, потому, что, хотя людей хоронили в курганах или под дольменами, или у них были отдельные надгробия, нигде люди не были похоронены такими рядами, как здесь, простиравшимися на многие мили по вересковой пустоши и бесплодной местности. Но важным фактом является то, что французские ученые неоднократно проводили раскопки вокруг этих камней и не нашли никаких следов захоронений. Самый убедительный эксперимент подобного рода был проведен дорожным инспектором около шести или семи лет назад. Желая улучшить дорогу от Оре до Карнака, он выкопал песок и гравий на восточной стороне дороги на значительной площади на глубину от трех до четырех футов; но, будучи консервативного склада ума, он оставил одиннадцать рядов камней, каждый из которых стоял на небольшом столбе песка. Тогда было легко проследить нетронутые слои разноцветной земли вокруг и почти под камнями и почувствовать полную уверенность в том, что она никогда не была потревожена никакими раскопками. Несомненно, верно, что длинный курган в Керлесканте, дольмен в Кермарио и ограда в Менеке, возможно, и, скорее всего, были местами захоронения, но их нельзя считать

памятником в той же степени, в какой барабаны и флейты можно считать полком. Это всего лишь дополнения; большие ряды следует рассматривать, по сути, как памятники.

Следовательно, если они не являются ни храмами, ни ратушами, ни даже гробницами, мы возвращаемся к единственной оставшейся группе мотивов, которые, насколько мне известно, когда-либо побуждали человечество тратить время и труд на возведение совершенно бесполезных сооружений. Должно быть, это трофеи — памятники какой-то великой битвы или сражений, которые в то или иное время велись на этой равнине. В пользу этой гипотезы говорит тот факт, что голова каждого отдела представляет собой гробницу; но если рассматривать ее как главную часть, то это все равно что рисовать галку с павлиньим хвостом — абсурд, до которого вряд ли опустились бы люди древности.

Сложнее ответить на вопросы, являются ли Карнак и Эрдевен частями одного великого проекта или двумя отдельными памятниками? Является ли Карнак маршем, Сен-Барб позицией перед битвой, Эрдевен ареной финальной борьбы за высоты, принесшие победу, а могилы, разбросанные по равнине между этими рядами, могилами тех, кто пал в той битве? Мне кажется, это единственное возможное объяснение того, что мы здесь находим; но все еще остается главный вопрос: за что сражаться?

Вероятно, нет ни одного случая, когда отрицательный аргумент, вытекающий из молчания классических авторов, был бы применен с такой силой, как здесь. Если эти камни существовали, когда цезарь вел войну против венетов в этом квартале, он должен был видеть их, и поскольку можно предположить, что памятник был тогда более совершенным, чем сейчас, он вряд ли мог не быть поражен этим, и, если это так, упомянуть об этом в своих "Комментариях". Даже, однако, если бы он пренебрег ими, офицеры его армии должны были видеть эти камни. Должно быть, о них говорили в Риме, и какой-нибудь сплетник вроде Плиния, когда писал о камнях, должно быть, слышал об этой замечательной группе и каким-то образом ссылался на нее. Молчание, однако, абсолютное. Ни один средневековый рапсод даже не пытается приписать им доримское происхождение. Такие предания, как о святом Корнелии или Корнилии Центурионе, хотя и достаточно абсурдны, указывают, как это обычно бывает в подобных традициях, на переходное время между язычеством и христианством, когда, по-видимому, все средневековые хронисты, по-видимому, верили, что все эти памятники из грубого камня были воздвигнуты. Следовательно, до тех пор, пока не будут приведены какие-либо более веские аргументы, чем те, что были приведены до сих пор, или не будет предложена какая-либо новая аналогия, доримскую теорию следует отложить в сторону; и если это так, мы с достаточной уверенностью можем предположить, что не было ни одного сражения достаточной важности, в память о котором можно было бы установить эти камни в то время, когда римляне обладали верховной властью в стране.

Если это так, то наш выбор события, которое будет представлено этими огромными каменными рядами, ограничен периодом, прошедшим между свержением римской власти Максимом в 383 году н.э. и временем, когда население страны было полностью обращено в христианство, что произошло в начале VI века.^[433] Но если история Англии в течение этих полутора столетий была запутанной и неопределенной, то история Бретани - еще более запутанной, и французские власти еще не прояснили ее в той же степени, что и наши.

Никто, я полагаю, не сомневается, что Максим, придя с армией из Британии, высадился где-то в Бретани, где он дал большое сражение войскам Грациана, которых он разбил, и что впоследствии, во втором сражении близ Лиона, он изгнал законное правительство римлян из Галлии.^[434] Я также не вижу причин сомневаться в том, что его сопровождал британский принц Конан Мериадек, который впоследствии поселился в стране с тысячами своих

соотечественников-эмигрантов, над которыми ему удалось установить свое правление на руинах римской державы.

Если это так, то битва, уничтожившая римскую державу и давшая начало местной династии, была бы достойна такого памятника, как битва в Карнаке; но, насколько позволяют местные традиции, место, где высадились Максим и его британские союзники, находилось недалеко от Сен-Мало, а битва произошла в местечке под названием Аллет, недалеко от Сен-Сервана.^[435] Если это так, то это было слишком далеко, чтобы иметь какую-либо связь с камнями Карнака. Две другие войны, похоже, вел Конан, одна в 410 году против народа, которого просто называют варварами,^[436] вторая против римлян под командованием Экзюперанция в 416 году;^[437] но у нас нет местных особенностей, которые позволили бы нам связать эти войны с нашими камнями. Освободительная война против Рима была бы достойна национального памятника, и, возможно, это как раз такой памятник, но я не знаю ничего, что связывало бы эти два события вместе, хотя местные расследования на месте могли бы устранить эту трудность.

Однако в целом я больше склонен искать ключ к разгадке в событиях следующего царствования. Граллон участвовал как минимум в двух войнах: одна против римского консула Либерия в 439 году,^[438] в которой ему удалось сорвать попытки этого народа восстановить утраченную власть; другая против "нормандских пиратов";^[439] и именно этому, как связующему камнями памятники с северным народом, я склонен приписывать возведение карнакских аллей. Поскольку Граллон считается основателем Ландевенека, может показаться более вероятным, что расположение войск в Крозоне обозначило место этой битвы, и я не готов оспаривать, что это может быть так. Вопрос не имеет значения; если одна из групп отмечала поле битвы того периода, другая, несомненно, делала то же самое, и я предпочел бы воздержаться от высказывания какого-либо мнения относительно того, в память о какой именно битве установлены эти камни. Это, должно быть, определил какой-нибудь местный антиквар, обладающий гораздо более глубокими знаниями истории и традиций провинции, чем я. Все, что я хочу здесь показать, это то, что между уходом римлян и временем, когда бретонцы были настолько полностью обращены в христианство, что отказались от своих старых привычек и обычаев, прошло полтора столетия, и что в течение этого периода шли войны с римлянами и северными варварами достаточной важности, чтобы оправдать возведение любых памятников, находящихся в компетенции народа. Если это так, и мы ограничены этим периодом, то установлено достаточно в том, что касается аргументации этой работы, а остальное вполне может быть предоставлено обсуждению и определению местными антикварами. Все, на что здесь необходимо сослаться, это на то, что аллеи в Карнаке не являются ни храмами, ни гробницами, ни ратушами, и что они не были возведены до времен римлян. Если ответить на эти отрицательные утверждения, то, вероятно, не составит большого труда признать, что это, должно быть, трофеи и что битва или кампания, в память о которых они были разыграны, происходила между 380 и 550 годами н.э. — фактически в эпоху Артура, к которой мы отнесли большинство из них в этой стране.

Памятники на кладбище в Локмариакере, вероятно, старше, но некоторые из них относятся ко времени, когда Карнак "со славой завершил линию фронта".

Количество дольменов в тридцати одном департаменте Франции по данным М. Бертран, 1864.^[440]

Дольмены. Terminations in ac.

Lot	500	71
Finistère	500	3
Morbihan	250	26
Ardèche	155	16
Aveyron	125	35
Dordogne	100	75
Vienne (Haute et Basse)	82	41
Côtes du Nord	56	8
Maine-et-Loire	53	—
Eure-et-Loir	40	—
Gard	32	16
Aube	28	1
Indre-et-Loire	28	—
Charente	26	50
Creuse	26	6
Charente-Inférieure	24	21
Lozère	19	16
Corrèze	17	42
Vendée	17	—
Loire-Inférieure	16	11
Sarthe	15	—
Ille-et-Vilaine	15	18
Deux-Sèvres	15	—
Orne	14	—
Indre	13	3
Manche	13	—
Pyrénées-Orientales	12	2
Puy-de-Dôme	10	3
Oise	9	—
Cantal	8	37
Tarn-et-Garonne	7	16

Сноски

[379] "Археологическое ревю", август 1864 г., 148 и далее.

[380] Ливий, v. главаI. 34.

[381] Валькнаер, "География Голля". Предыдущие главы и карта V.

[382] "Археологическое ревю", новая серия, vii. 228.

[383] Тамже.

[384] "Де Белло Галл". i. 1.

[385] Страбон, vi. 176, 189.

[386] "Археологический журнал", 1870, cviii. стр. 225 *и далее*.

[387] Лартет, Кристи и "Аквитанские реликвии". Лондон, 1865 г. *и последующие*.

[388] "Памятники архитектуры Виваре", стр. de Marchand; Montpellier, 1870.

[389] "Антиисторические эпохи Пуату" П. А. Бруйе; Пуатье, 1865.

[390] Этот список следует рассматривать только как предварительный. Все, что я сделал, это взял Атлас Джоан и подсчитал количество имен, насколько это было возможно. Я далеко не уверен, что пересчитал все; и, кроме того, масштаб карт слишком мал, чтобы быть уверенным, что все или почти все они там есть. Этого, однако, достаточно для целей настоящего сравнения. Если будет сочтено целесообразным продолжить исследование дальше, это должно быть сделано на карте Франции в масштабе 80 000, что потребует огромного труда.

[391] Дельпон, "Статистика департамента Лота", i. стр. 383.

[392] На Артиллерийских картах масштаба 1 дюйм окончание *ас* встречается в этом углу не менее 38 раз, хотя на этих картах всегда пишется с дополнительным *k*, как Боталлакк, Карниджакк; хотя это ни в коем случае не обычное или древнее написание района.

[393] Все эти церкви более или менее подробно описаны Феликсом де Вернелем в его книге "Византийская архитектура во Франции", 4 тому. Париж, 1851. Некоторые из них также проиллюстрированы в моей "Истории архитектуры", i. 418-441.

[394] Аргумент, который здесь нет необходимости приводить, был хорошо подытожен доктором Шмитцем в "Словаре греческой и римской географии" Смита, *под голосом* кимвров.

[395] Существование этой линии дольменов и отдельного народа на всем пути от Бретани до Нарбонны, возможно, может служить объяснением способа, которым британское олово попадало через Францию в Средиземное море. То, что венеты вели торговлю от Кот-дю-Нор и Морбиана до Корнуолла и Касситеридов, никто, вероятно, оспаривать не будет. Их суда, согласно рассказу Цезаря, были вполне пригодны для перевозки во Францию всего металла, который могла произвести эта страна. Дорога, по которой они добирались до Марселя через Францию, всегда была трудной. В более поздние времена кельтский торговый путь через Францию, по-видимому, пролегал вверх по Роне, но по ее левому берегу, и вниз по Сене или по ее правому берегу; тогда он проходил через Кельтику, но огибал Аквитанию Августа и достигал Британии через страну Моринов, по которой следовал Цезарь. Однако, по-видимому, это была не та линия, которой придерживалась торговля оловом. Он проходил, насколько нам известно, по центральной линии страны дольменов; и факт преобладания одного народа и одного языка во всем этом регионе устраняет любую невероятность и устраняет все трудности, которые до сих пор препятствовали принятию этой гипотезы.

[396] С этим намерением я намеревался провести прошлую осень в путешествии по южным департаментам Франции; но война сделала положение иностранца-исследователя и зарисовщика настолько нежелательным, что я был вынужден отказаться. Если бы эта книга была "статистикой" предмета, как это было задумано изначально, я был бы вынужден отложить ее публикацию до тех пор, пока не завершу это путешествие или пока памятники не будут проиллюстрированы. Однако, поскольку

сейчас это приобрело форму "аргументации", это имеет сравнительно небольшое значение.

[397] В статье М. Картейльяка "Памятники архитектуры Оверни", опубликованной в Норвичском томе Доисторического конгресса, он приводит рисунки десяти типов. Пять из них, или половина, представляют собой дольмены на курганах, что, однако, вероятно, более чем изрядная доля. Одна из них уже была дана, [гравюра на дереве № 8](#).

[398] "Статистический памятник Шаранты", 141. Ришар, "Монументальная Франция", стр. 677. 'Mém. de la Société royale des Antiquaires de France,' vii. 26.

[399] Гравюры на дереве скопированы с книги Мишона "Статистика Шаранты". Описывая ее, он цитирует Указ Совета в Нанте относительно уничтожения этих "почитаемых камней". Он (стр. 141) называет дату этого собора 1262 годом н.э., что почти создает впечатление, что это был один из камней, о которые был разбит указ. Эта дата, однако, представляется ошибочной. Я полагаю, что истинной датой является 658 год, как указано выше, стр. 24.

[400] "Rev. archéologique", ix. 400.

[401] "Очерки дольменов", стр. 38.

[402] Доклад, прочитанный С. Фергюсоном, королевским королем, перед Королевской академией 14 декабря 1863 года. Смотрите также брошюру Рене Галла (Vannes, 1863), описывающую исследование.

[403] "Конгресс по истории", том. de Paris, 1868, 42.

[404] Все это представлено в "Древней и современной архитектуре" Гейл Або, ii. пластины 7 и 8.

[405] Гравюра на дереве взята из публикации, напечатанной в частном порядке доктором Блэром и мистером Рональдсом.

[406] Гейл Або, "Арх. предок и мод." i.

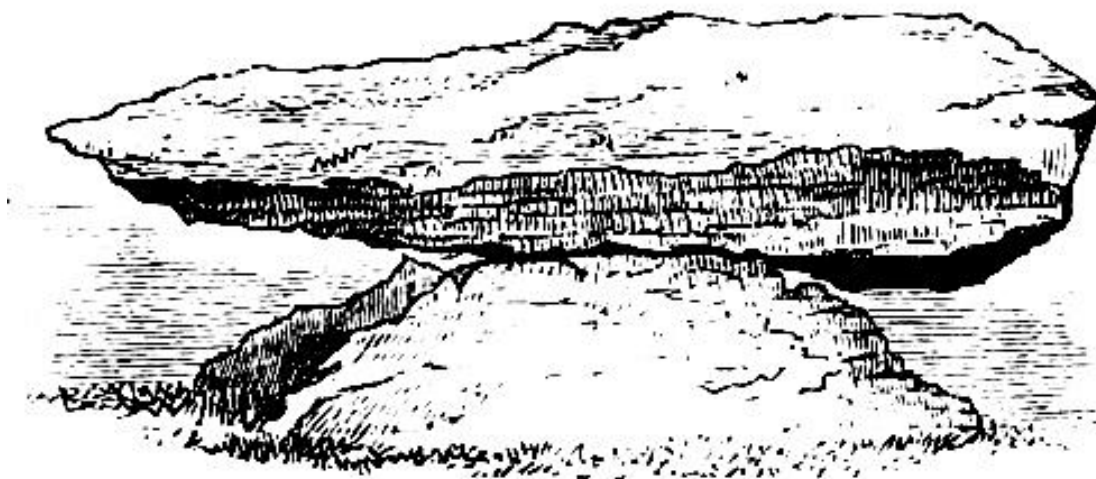
[407] Ренувье, "Памятники Нижнего Лангедока". Таблички без номеров.

[408] Смотрите статью, опубликованную сэром Р. Кольтом Хоаром, "Современный Уилтшир", iv. стр. 57.

[409] "Дневник Килкенни", третья серия, том i, стр. 40 и *последующие*.

[410] Я сам не видел памятник и не знаю никого, кто видел, но я не могу поверить, что это чистая выдумка. Однако не следует придавать этому слишком большого значения.

[411] В работе Бонштеттена есть гравюра на дереве (стр. 25), которая, будучи снятой с конца, более четко объясняет, как можно понять, что заглушка, опирающаяся только на две точки, колеблется. Однако это гораздо менее корректно как представление.

133. Pierre Martine. Из Бонштеттена

[412] Дельпон, "Статистика департамента партии", i. стр. 388.

[413] "Гео Птолемея". Амстел. 1605, стр. 47.

[414] Единственная съемка этого памятника, которая была опубликована и на которую можно положиться, - это съемка, сделанная мистером Викарием, топографом Эксетера, для преподобного доктора Батерста Дина. Она была опубликована им в сокращенном виде в томе xxv "Археологии" и заново выгравирована, с основными частями в оригинальном масштабе, доктором Блэром и мистером Рональдсом в работе, на которую мы ссылались ранее, но, к сожалению, никогда не публиковалась.

Оригинальная карта в масштабе 440 футов на 1 дюйм до сих пор находится во владении доктора Дина в Бате и представляет собой настолько ценный отчет о том, каким памятник был тридцать два года назад, что есть надежда, что он может быть сохранен каким-нибудь государственным органом. Сэр Генри Драйден и преподобный мистер Лукис в течение нескольких лет занимались исследованиями и топографической съемкой в этом районе и привезли совершенные планы в крупном масштабе всех основных памятников архитектуры; и если бы они были опубликованы, они не оставляли бы желать лучшего в этом отношении. Между тем ничто не может сравниться с добротой и щедростью сэра Генри, который предоставил доступ к своим сокровищам и возможность пользоваться ими любому, кто этого пожелает; и я в долгу перед ним за большую часть информации, содержащейся в этой главе. Опубликованные здесь общие планы взяты из работы господ Блэра и Рональдса. Работа Блэра и Рональдса достаточно корректна для моего масштаба или моей нынешней цели.

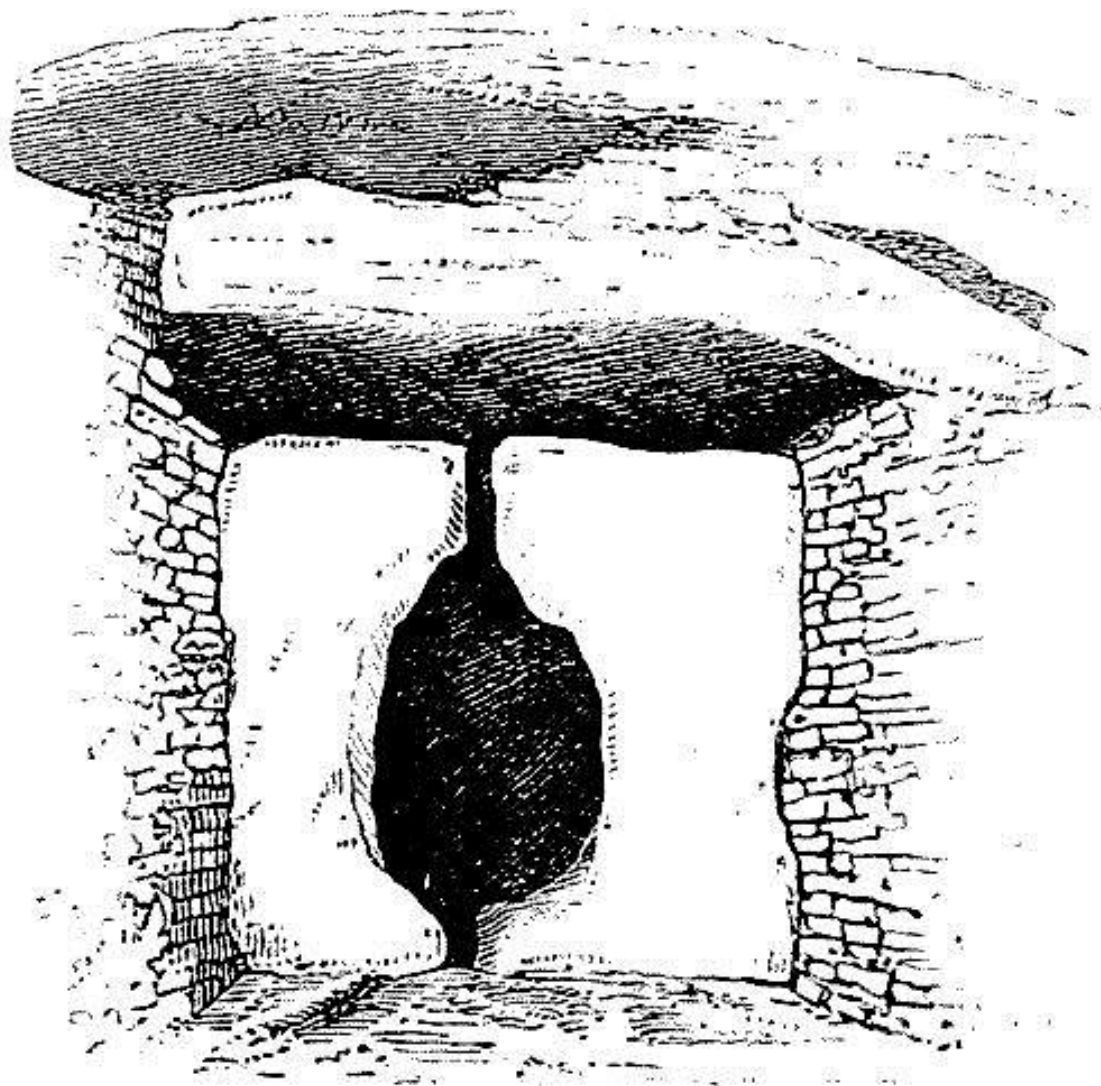
[415] Форма этого ограждения, как будет видно из плана, не является точным квадратом, и поскольку некоторые из угловых камней удалены, сейчас трудно установить его точную форму. Сэр Генри Драйден делает его криволинейным. Господа. Блэр и Рональдс сделали восточную сторону довольно прямой; южная и западная были слегка криволинейными, но вся фигура четырехугольная; это мое собственное впечатление о ее форме.

[416] Сэр Генри Драйден насчитывает десять строк. В обзоре мистера Викария, с которого скопирована гравюра на дереве, их всего восемь. Из-за их неправильности трудно быть уверенным в этом вопросе.

[417] "Журнал археологической ассоциации", том. xxiv. стр. 40 и далее.

[418] Ante, стр. 163 и далее.

[419] Это сходство так трудно осознать, кроме как путем представления, что я привожу здесь его гравюру на дереве в Родмартоне. Учитывая разницу в рисунке и гравировке, отверстия идентичны, и они настолько своеобразны по форме, что сходство не может быть случайным. Если это не происходит где-либо еще или в любое другое время, это доказывает, насколько вообще что-либо может быть доказано, что французские и английские длинные курганы были возведены под одним и тем же вдохновением. Если один из них постримский, то, безусловно, и другой; или, если можно доказать, что один из них доисторический, другой должен последовать за ним.

140. Вход в камеру, Родмартон.

[420] Они были выставлены в гостинице в деревне, когда я там был. Где они сейчас, я не знаю.

[421] "Археологическое ревю", xii. стр. 17.

[422] "Труды Королевской ирландской академии", том. viii. 1864, p. 298 *et seq.*

[423] "Археологическое ревю", том x. 1864, стр. iv.

[424] Ксилографии № 145 и 146 скопированы из статьи мистера Фергюсона в "Трудах Королевской ирландской академии", viii. 398 *и далее.*

[425] Эти размеры предоставлены Ричардом; другие источники дают размеры 18 на 12 футов.

[426] Сэр Генри Драйден сомневается в существовании шлейфа, и он настолько точен, что, вероятно, прав; но поскольку другие говорят, что видели его, и от этого ничего не зависит, я позволил ему остаться.

[427] Он был в очень разрушительном состоянии, когда я увидел его пять лет назад; и среди последующих туристов по этому поводу царит зловещее молчание. Приведенные здесь измерения взяты у Ричарда, "Монументальная Франция".

[428] Приведенный здесь план сокращен по сравнению с планом сэра Генри Драйдена, и на него можно полностью положиться, насколько позволит малость масштаба.

[429] Сэр Генри сначала нарисовал все эти скульптуры на месте, а затем исправил свои рисунки по слепкам в Сен-Жермене. Это единственные существующие чертежи, на которые можно полностью положиться.

[430] План первого названного маршрута был опубликован издательством Freminville, "Finistère", часть ii. pl. i., но приведенные выше подробности и гравюра на дереве взяты из схемы сэра Генри Драйдена в последнем номере "Журнала антропологов". Инст."У него идеальные планы в целом.

[431] "Археологическое ревю", новая серия, ix. стр. 81 *и далее*. Могу упомянуть, что почти все остальные фамилии в их районе заканчиваются на *ас*. См. "Джоанн Атлас", деп. Иль-и-Виллен.

[432] Дельпон, "Статистика департамента партии", i. 384.

[433] "C'est en 465 que Vannes reçut pour premier évêque l'Armoricain St. Patern, qui mourut peu d'années après chez les Francs, où les Goths l'avoient forcé de se réfugier. Modestus en 511 mit tout en œuvre pour repandre le Christianisme parmi les Pagani de son diocèse, mais son zèle ne fut pas recompensé, car plus de trente ans après la mort de Patern les habitants de la Vénétie étoient encore presque tous païens. 'Erant enim tunc temporis Venetenses pene omnes Gentiles.'—*Ар. Болл. "Вита Сен—Мелан"*. vi. Январь. стр. 311". —*Курзон, "Шартюлер Аббата де Редона"*, cxliiii.

[434] Источник для этих событий будет подробно найден у Гиббона, глава. xviii., и они слишком знакомы, чтобы нуждаться в цитировании здесь.

[435] "История Бретани" Дару, том i, стр. 58.

[436] Там же. стр. 112.

[437] Дом. Bouquet, 'Recueil des Hist. des Gaules,' i. p. 629. "Exuperantius anno circa 416 Armoricos qui a Romanis defecerunt ad officium reducere tentavit."

[438] Дару, i. стр. 112.

[439] "Gradlonus gratia dei rex Britonum necnon ex parte Francorum."—*Chartulaire de Landevenec*; quoted by P. Lobineau, ii. 17. And further: "'Pervenit Sancti (Wingaboei) fama ad Grallonum regem Occiduorum Cornubiensium, gloriosum ultorem Normannorum qui post devictas gentes inimicas sibi duces subduxerat.'—*Gurdestan, Moine de Landevenec, 'Vie de St.-Wingabois'.*"—*Daru*, i. p. 69.

[440] Информацию в этой таблице следует получать с большими ограничениями. Во-первых, что такое дольмен? Количество рядов в Карнаке равно двум, семи или 700? Многие из них также являются лишь оценками местных антикваров. Например, очень сомнительно, что в Финистере больше памятников, чем в Морбиане; и последующая информация может внести значительные изменения во многие цифры.

Значение различия *ас* неясно: во-первых, из-за несовершенного способа, которым оно было получено, но в большей степени потому, что оно не дает понять, что во Франции двадцать девять департаментов, в которых нет ни дольменов, ни *ас*-окончаний; фактически, отрицательные свидетельства, которые здесь не приводятся, сильнее положительных.

ГЛАВА IX. ИСПАНИЯ, ПОРТУГАЛИЯ И ИТАЛИЯ.

Было бы нелегко найти более подходящую иллюстрацию трудности и опасности написания такой книги, как эта, чем история того, как мы приобрели наши знания об испанских дольменах. Когда Форд опубликовал свой интересный и исчерпывающий "Справочник по Испании" в 1845 году, он объездил страну вдоль и поперек и хорошо знал ее литературу, но он не знал, что в стране сохранился хоть один "Друидический памятник". Первое упоминание об их существовании было в брошюре дон Рафаэля Митьяны,[441] содержащая описание одного из них в Антекере; и с тех пор дон Гонгора и Мартинес[442] опубликовал работу, содержащую виды и описания тринадцати или четырнадцати важных памятников этого класса в Андалусии и на юге Испании; и из других источников я знаю названия по крайней мере такого же количества в Астурии и на севере Испании.[443] Следовательно, если бы эта работа была написана всего несколько лет назад, описание дольмена в Антекере должно было начинаться и заканчиваться главой. На данный момент мы не только знаем, что в Испании много дольменов, но и имеем четкое представление об их распространении, что может привести к наиболее важным историческим результатам.

Что касается Португалии, то случай еще более поразительный. Кинси в своей "Иллюстрированной Португалии" в 1829 году дал рисунок "алтаря друида" в Арройолосе, и он был упомянут также Борроу,[444] но на этом наша информация закончилась до заседания Международного доисторического конгресса в Париже в 1867 году, когда С. Перейра да Кошта поименно описал тридцать девять дольменов как все еще существует в Португалии. Он также упомянул, что еще в 1734 году Португальской академии были представлены мемуары, в которых перечислялось 314 работ, с которыми тогда можно было ознакомиться; и хотя это сомнительно, кажется, что в свое время их было очень много, и многие, без сомнения, все еще существуют, которые ускользнули от расследования С. да Кошты. Ни он, ни кто-либо другой, по-видимому, не посещали мыс Кунеус, самую южную точку Португалии, где, если мы правильно читаем Страбона, в его время определенно существовали дольмены;[445] и если они сделают это сейчас, это будет точка в нашем расследовании.

В настоящее время, по словам С. да Кошты, в Алентежу насчитывается двадцать один дольмен, два в Эстрамадуре, девять в Бейре, четыре в Трас-ос-Монтесе и три в Минью. Согласно моей информации, они многочисленны в Галисии, но никогда не были описаны. По крайней мере трое известны по имени в Сантандере и столько же в Астурии. По крайней мере, один известен в Бискайе, два - в Витории, один - в Наварре и один - в Каталонии. Но я уверен, что они встречаются повсюду у подножия гор, хотя никто еще не описал и не нарисовал их.[446] Насколько известно, в Кастилии, в центре Испании, их нет, и только упомянутая выше группа в Андалусии, где, вероятно, вместо дюжины может оказаться вдвое или втрое больше.

Предполагая, что такое распределение испанских дольменов верно — а я не вижу причин сомневаться в том, что это так, по крайней мере, в основных чертах, — оно настолько примечательно, что дает хорошую возможность проверить одну из основных теорий, выдвинутых относительно миграций людей, строивших дольмены. Согласно теории М. Бертрана, жители дольменов, пройдя по Балтийскому морю и оставив там свои памятники, мигрировали на Британские острова, а после некоторого пребывания снова сели на свои корабли и высадились во Франции и Испании, чтобы оттуда перебраться в Африку и исчезнуть.^[447] Это кажется настолько странным, что, к счастью, у нас есть другая гипотеза, которая предполагает вероятность того, что коренное население было вытеснено сначала на холмы, а затем в океан наступающим приливом современной цивилизации.

Первая гипотеза предполагает предположение, что жители дольменов обладали флотом, способным перебрасывать их и их семьи с берега на берег, и что они обладали достаточными знаниями географии, чтобы точно знать, куда идти, но в то же время были одержимы таким духом странствий, что, как только они оседали на определенное время в определенном месте и хоронили определенное количество своих вождей, они немедленно снова отправлялись в свои путешествия. Согласно этой точке зрения, они были настолько слабы, что бежали в тот момент, когда первоначальные владельцы земли восстали против них, хотя, как ни странно, они в первую очередь смогли лишить их собственности. Что еще более маловероятно, так это то, что у них должна была быть организация, позволяющая держаться вместе и внедрять повсюду свои собственные искусства и обычаи, но что, когда они ушли, они не оставили после себя ничего, кроме своих гробниц. На самом деле эта гипотеза сопряжена с таким количеством трудностей и невероятностей, что я не думаю, что ни мсье Бертран, ни барон де Бонштеттен стали бы теперь, когда наши знания настолько расширились, придерживаться ее. Я, по крайней мере, не вижу, на каком основании это можно поддерживать. Это настолько диаметрально противоположно всему, что мы знаем о древних миграциях. Кажется, что они всегда — в той мере, в какой это касается Европы, — следовали за движением солнца с востока на запад; и идея о том, что народ, заселивший Британию, должен был снова высадиться на скалистых берегах Астурии или Португалии и не смог проникнуть вглубь страны, настолько маловероятна, что потребовались бы очень веские и прямые свидетельства, чтобы сделать ее достоверной, хотя вряд ли нужно говорить, что таких доказательств не предвидится.

Гипотеза, которая, по-видимому, гораздо более удовлетворительно объясняет известные нам факты, предполагает, что народ, поклонявшийся предкам, населял испанский полуостров с далеких доисторических времен. Если это так, то они, несомненно, населяли пасторальные равнины Кастилии и плодородные районы Валенсии и Андалусии, а также унылые холмы Галисии и Астурии. Называем ли мы их иберами, или кельтиберами, или, если использовать более общий термин, туранцами, они были народом, почитающим мертвых и поклоняющимся предкам, но в доисторические времена не научились использовать камень для украшения своих гробниц.

Насколько нам известно, первыми людьми, потревожившими иберов в их владениях, были карфагеняне. Они оккупировали морское побережье, по крайней мере, Мурсии и Валенсии, и если, согласно их обычаям, они стремились обратить местных жителей в рабство, то, вероятно, напугали множество людей от побережья до внутренних районов страны, но нет никаких доказательств того, что они когда-либо основывали какие-либо обширные поселения в центре страны, а также на ее западном или северном побережье. С римлянами дело обстояло иначе: в них был силен гений завоевания; они стремились присоединить всю Испанию к своим владениям и, без сомнения, изгнали всех тех, кто был нетерпелив к их игу, в

отдаленные районы Португалии и суровые крепости Астурии и северных гор. Также вероятно, что многие, чтобы избежать притеснений, искали убежища за морем; но великие переселения, вероятно, происходят из-за нетерпимости ранних христианских миссионеров. Таким образом, представляется, что именно для того, чтобы избежать карфагенской алчности, римской тирании и христианской нетерпимости, несчастных аборигенов сначала загнали в горные крепости, а оттуда буквально загнали в море, чтобы они искали убежища от своих угнетателей на островах океана.[448]

Такая гипотеза, по-видимому, полностью согласуется со всеми известными нам фактами, а также объясняет отсутствие дольменов в центре Испании; ибо, если это верно, эти миграции происходили в до-дольменный период, и точно так же, как мы обнаруживаем, что британцы начали использовать камни после того, как их вытеснили с плодородных равнин востока в крепости Камберленда и Уэльса, так и испанцы впервые используют памятники из грубого камня после того, как их вытеснили в Португалию и Астурию.

Единственный момент, который, по-видимому, не учитывает эта теория, - это наличие дольменов в Андалусии. Однако они, если я не ошибаюсь, являются отдаленным ответвлением большого африканского поля дольменов и относятся к тому же возрасту, что и эти, о котором мы вскоре сможем лучше судить. То, что с очень давних времен между южным побережьем Испании и севером Африки существовала тесная связь, вряд ли подлежит сомнению. Легкость, с которой мавры заняли его в седьмом веке, и постоянство их владычества на протяжении стольких веков сами по себе достаточны, чтобы доказать, что люди той же расы обосновались здесь до них и что они не были чужеземной расой, державшей туземцев в подчинении, но жили среди своих родственников.

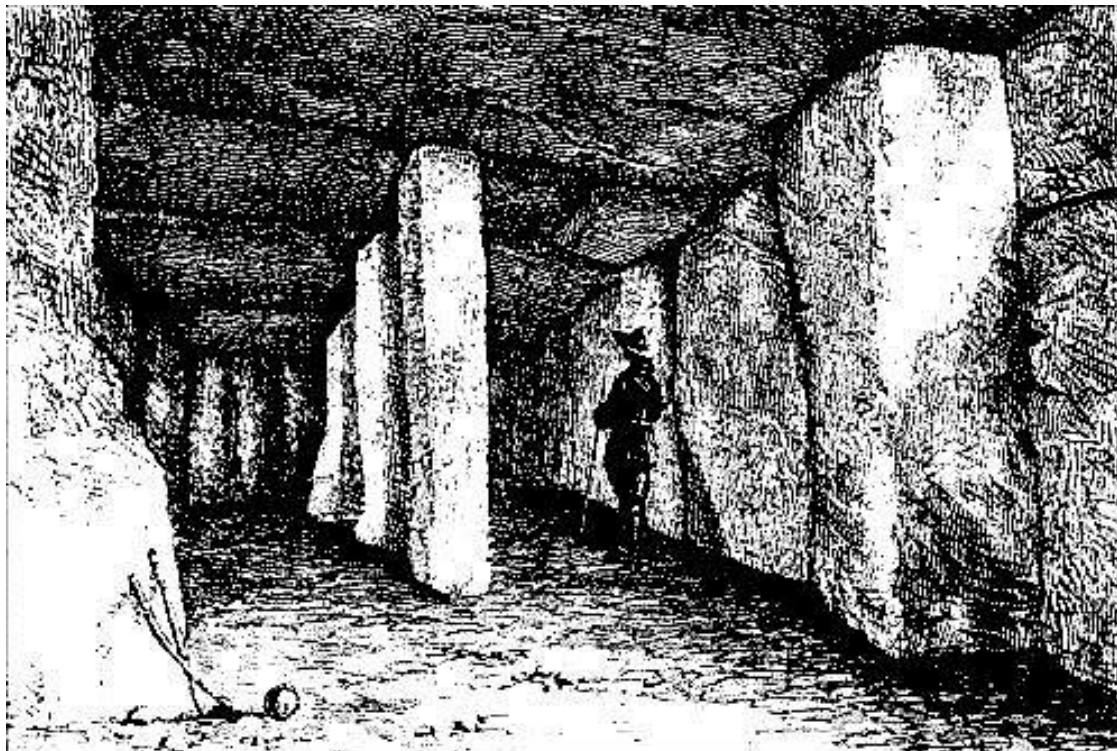
Кажется тщетным искать в письменных летописях Испании или Ирландии рациональное описание этих событий. Обе страны в полной мере признают, что миграция действительно имела место; и испанский род Херемонов является одним из самых прославленных в Ирландии и заполняет большую страницу в ее истории. Точно так же испанские летописцы заполняют тома рассказами об успешных экспедициях своих соотечественников на Зеленый остров.[449] Однако мания летописцев обеих стран сводить все к Потопу и сыновьям и дочерям Ноя настолько искажает все, что они говорят, что, помимо того факта, который кажется несомненным, что такая миграция действительно имела место, на их рассказы об этих операциях нельзя полагаться.

Кажется, что единственный известный мне абзац избежал извращения. Во второй главе своей четвертой книги Д. О'Кампо утверждает: "Некие уроженцы Испании по имени силорос (силуры), бискайское племя, объединившись с другим племенем по имени бриганты, мигрировали в Британию примерно за 261 год до нашей эры и получили во владение территорию, на которой они поселились".[450] Это настолько соответствует тому, что мы знаем о поселении силуров на берегах Северна, что, кажется, нет веских причин сомневаться в его правильности. Однако более сомнительно, достигли ли какие-либо испанские колонии Ирландии в столь раннем возрасте. Даже с учетом существования на северо-востоке Ирландии королевства Эмания, единственного королевства в Ирландии, о котором у нас есть какие-либо достоверные летописи до христианской эры, было достаточно места для современного существования расы Херемон на юге и западе. Тара тогда еще не существовала, и, фактически, согласно летописям "Четырех Мастеров", была основана самим Херемоном и получила свое первое название Теамаир в честь Теа, его жены, которая выбрала это место. Все это прекрасно согласуется с тем, что мы знаем об истории этого места. Самым ранним памятником в Таре является Ратх Кормака[451] (218 год н.э., или, вероятно, пятьдесят лет спустя). Поэтому, хотя Херемон и выбрал это священное или

желанное место для проживания, нет никаких доказательств того, что его раса когда-либо занимала его; и за два столетия, прошедшие с его прихода во времена Кормака, его раса, по крайней мере, покинула Мит, и ее можно было найти только на юге и западе Ирландии. Единственным напоминанием о милезийской расе, которое осталось в Таре в исторические времена, является Лиафэйл, или Камень судьбы, который, как говорят, эти "венераторы лапидум" привезли с собой из Испании, но который, при всем уважении к Петри, не является все еще стоящим там обелиском,^[452] но может быть камнем сейчас в Вестминстерском аббатстве. Испанские колонисты, по-видимому, в основном оккупировали страну вокруг Уэксфорда и Голуэя,^[453] и в эти места, особенно в последнее, непрерывный поток иммиграции, по-видимому, тек с первого века нашей эры вплоть до времен Елизаветы. Никто не может путешествовать по этим округам, не отметив присутствие темноволосой и темноглазой расы, которая преобладает повсюду; но, как ни странно, самые смуглые люди на западе - это те, кто все еще задерживается среди давно заброшенных дольменов Глен Малим Мор.

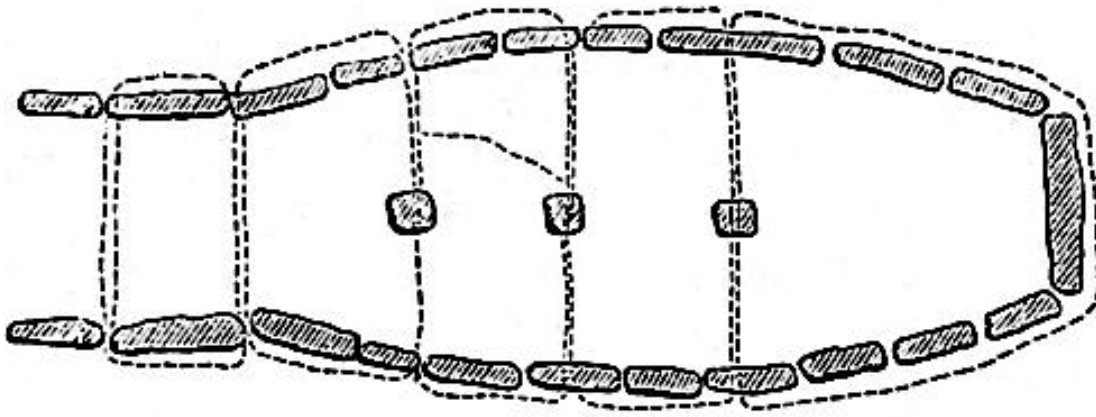
Согласно летописям "Четырех Мастеров", Херемон высадился в Ирландии через пятьдесят лет после смерти великого Дагдхи. Ирландские историки утверждают, что страной тогда правили три принцессы, жены внуков Дагдха, и добавляют, что это событие произошло через 1002 года после того, как Форанн (фараон) утонул в Красном море.^[454] Если бы это событие произошло в 1312 году, как я полагаю,^[455] это зафиксировало бы их пришествие в 310 году до нашей эры, что, хотя и менее экстравагантно, чем хронология "Четырех Мастеров"., все еще, я полагаю, по крайней мере на три столетия рановато. Все это, возможно, не поддается — фактически — абсолютному доказательству; но у него есть, по крайней мере, то достоинство, что оно удовлетворительно объединяет все, что мы знаем об истории и этнографии этих рас, и разумным образом объясняет все архитектурные формы, с которыми мы встречаемся. Вряд ли справедливо ожидать большего от летописей грубого народа, который не умел писать и история которого никогда не была тщательно исследована в наше время. Пока еще слишком рано говорить об этом, но факт остается фактом: только эти памятники из грубого камня могут раскрыть секреты их давно забытого прошлого. В том виде, в каком к ним относились до сих пор, они только добавили таинственности к неизвестности. Но недалек тот момент, когда это изменится, и мы можем узнать из сравнения ирландских и испанских дольменов не только о том, какая правда есть в миграциях Херемона, но и о том, в какое время эти испанские племена впервые поселились в качестве колонистов на ирландском острове.

Дольмены.

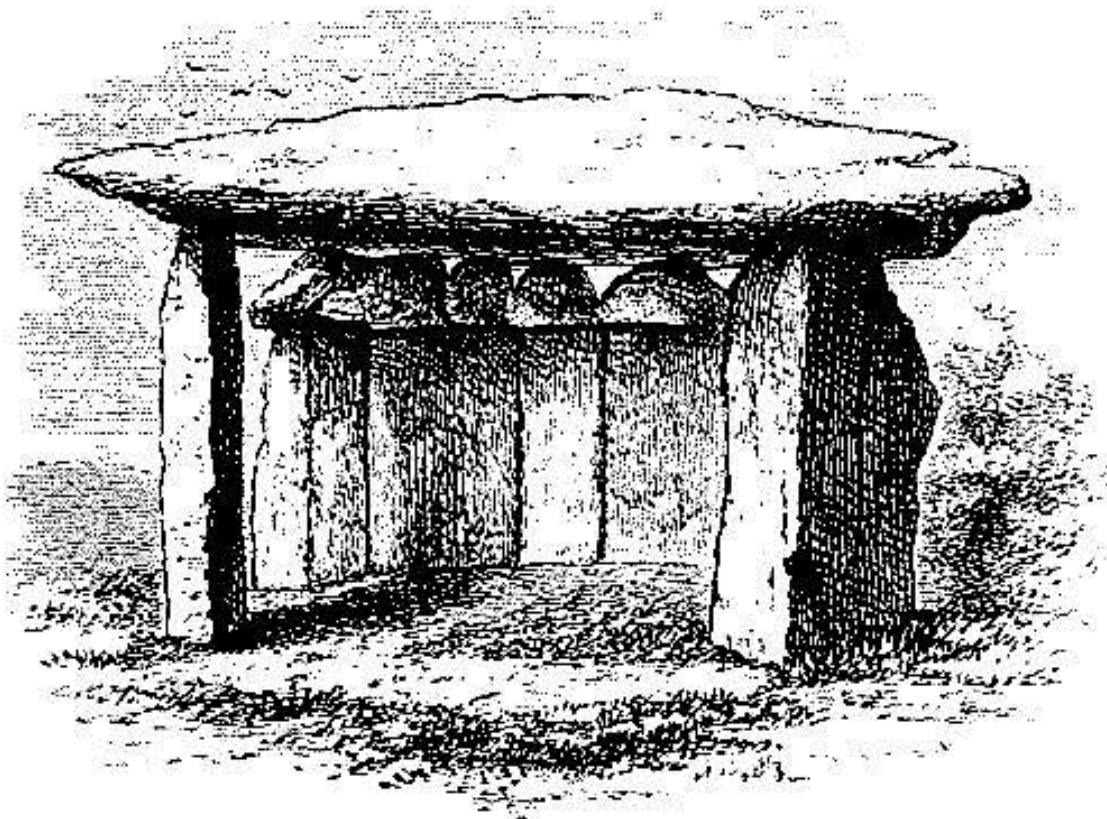
155. Вид на внутреннее убранство дольмена в Антекере. От Митьяны.

Самый прекрасный дольмен, который, как известно, существует в Испании, - это дольмен Антекера, упомянутый выше; его, действительно, можно сравнить с лучшим во Франции или любой другой стране Европы. Камера имеет несколько овальную форму и имеет внутренние размеры около 80 футов от входа до передней части камня, закрывающего заднюю часть. Его наибольшая ширина составляет 20 футов 6 дюймов, а высота варьируется от 9 до 10 футов.^[456] Все сооружение состоит из тридцати одного камня: по десять с каждой стороны образуют стены; один закрывает торцевой; пять являются кровлей, а три столба поддерживают последний на их стыке. Камень, образующий крышу камеры или самой внутренней части, имеет размеры 25 на 21 фут и значительную толщину. Все камни, составляющие этот памятник, более или менее искусно обработаны — по крайней мере, в той степени, в какой можно назвать таковыми камни в Стоунхендже; в то время как три колонны в центре, которые кажутся частью первоначального сооружения, несомненно, обтесаны. Первоначально все это было покрыто насыпью диаметром около 100 футов, и до сих пор, по крайней мере частично, так засыпано. Однако вход в него находится и, вероятно, всегда находился на одном уровне с краем насыпи, открыт и доступен, и, следовательно, не стоит удивляться, если внутри не было найдено ничего, указывающего на его возраст или использование.

156. План дольмена под названием Куэва-де-Менга, недалеко от Антекеры.

Если бы мы могли предположить — доказательств нет, — что курган в Антекере изначально был окружен кругом камней, подобных тем, что были в Лох-Крю ([гравюра на дереве № 72](#)), мы получили бы памятник, план и размеры которого были бы такими же, как у Стоунхенджа, и, с *соответствующими изменениями*, они были бы, насколько это возможно, идентичны. Существует такой же круг из камня или земли диаметром 100 футов и такой же эллиптический хор длиной 80 футов, если предположить, что хор Стоунхенджа расширен до внешнего круга. Антекера - это, по сути, крытый Стоунхендж, а Стоунхендж - отдельно стоящая Антекера. Если бы оба они находились в Уилтшире или Андалусии, я бы без колебаний заявил, что Антекера старше. Мужчины делают то, что полезно, прежде чем предаваться тому, что является просто фантазией. Фактически, эти двое находятся в точно таком же отношении друг к другу, как Каллерниш к Нью-Грейнджу; но когда первые два так далеко разделены географически и принадлежат к двум разным расам, трудно сказать, которая из них старше. Все, в чем мы можем быть уверены, - это то, что оба они принадлежат к одной и той же системе и что они недалеко ушли друг от друга по времени. Однако мы должны знать больше, чем у нас есть, о местной истории испанских дольменов, прежде чем сможем быть уверены, что Антекера, возможно, даже не намного современнее Стоунхенджа.

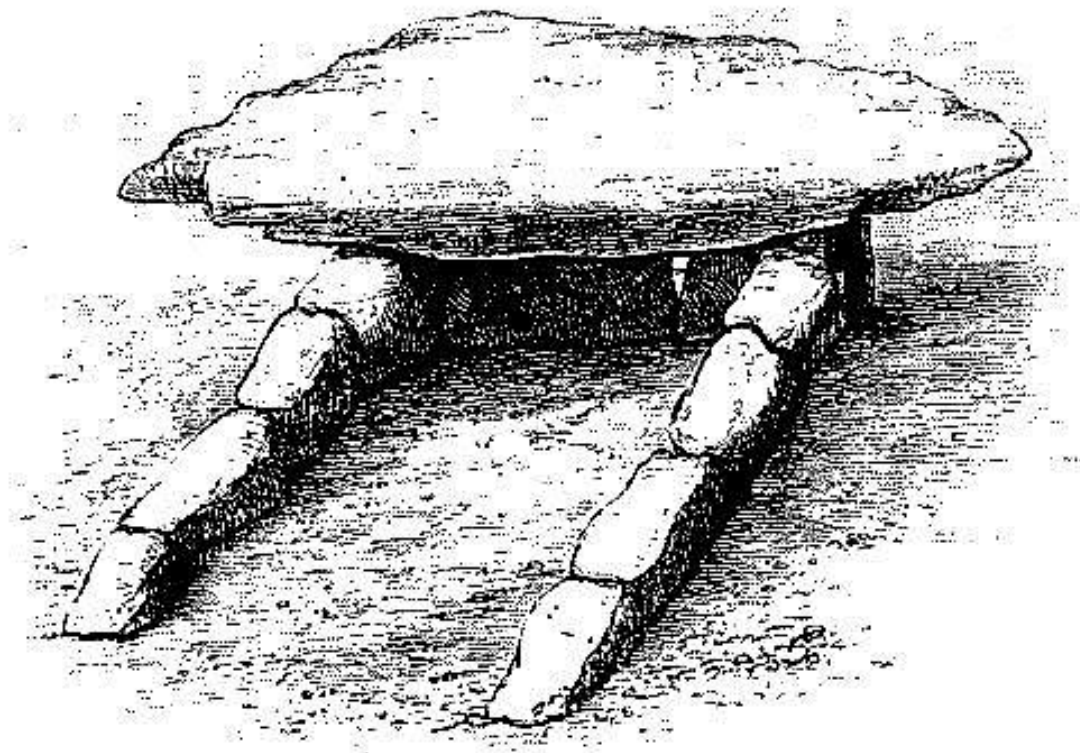

157. Дольмен дель Тио Когольерос. Из Гонгоры.

Ни один из других дольменов Андалусии не сравнится по великолепию с Антекерой, хотя все они, кажется, имеют схожий характер и по внешнему виду относятся к одной эпохе. Кажется, что все опорные камни более или менее искусно обработаны и в какой-то степени подогнаны друг к другу. Цокольный камень обычно оставляют в его естественном состоянии, поскольку строители всегда стремились к его величине. Эти особенности хорошо видны в дольмене под названием де-ла-Крус-дель-Тио-Когольерос, в приходе Фонелас, недалеко от Гуадикса. Здесь цокольный камень имеет длину почти 12 футов в каждую сторону и закрывает то, что должно было представлять собой почти квадратную камеру; одна сторона, как в Котти-Хаусе Кита, оставлена открытой; следовательно, вряд ли когда-либо предполагалось, что его накроют насыпью. Действительно, насколько мы можем судить по рисункам Дона Гонгоры, ни один из тех, что он иллюстрирует, никогда не был настолько зарыт, и не похоже, что изначально предполагалось когда-либо засыпать их землей. Другой памятник, называемый only Sepultura Grande, в приходе Гор, в том же районе, интересен своим сходством со шведской гробницей, изображенной на гравюре на дереве № 108, и с Бесчисленными Камнями в Эйслфорде. Его верхний камень имеет размеры 12 на 8 футов, а боковые камни отходят к точке впереди. Очевидно, он никогда не предназначался ни для дальнейшего перекрытия, ни для захоронения в кургане и, насколько можно судить по его внешнему виду, относится к сравнительно современному времени.

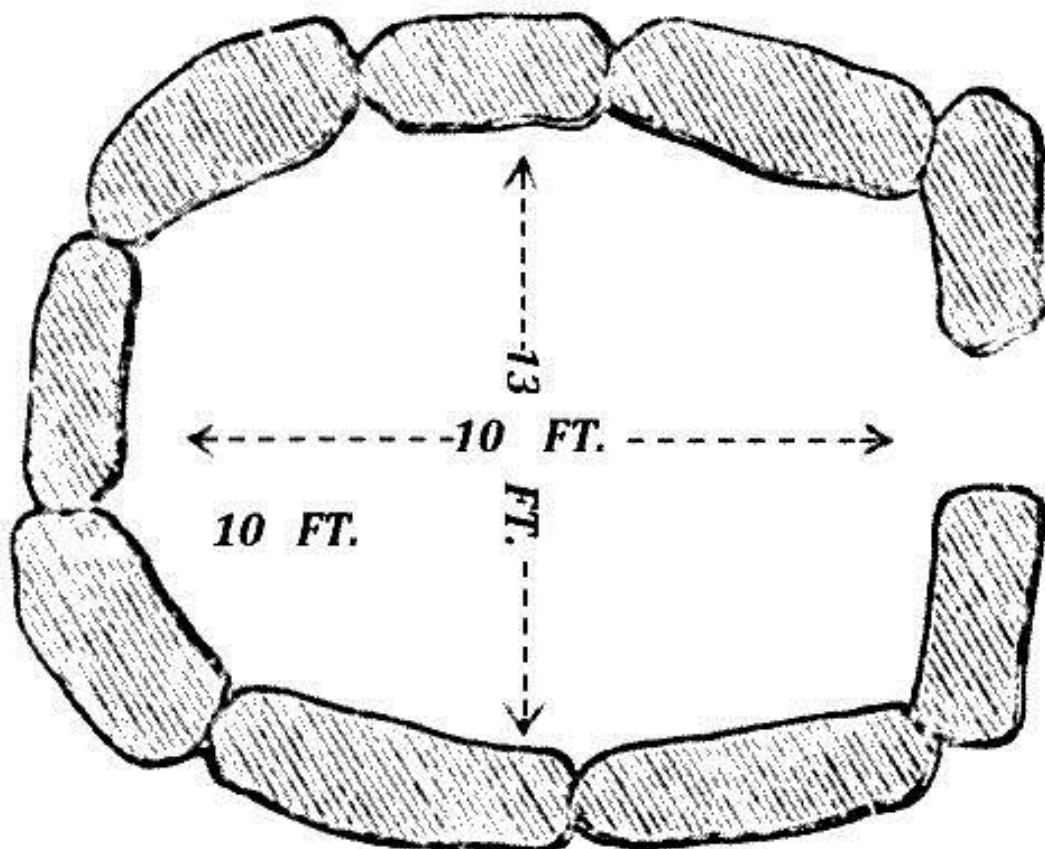
Самая интересная из табличек Дона Гонгоры - та, что изображает дольмен близ Дилара. Она, если верить рисунку, состоит из монолитной камеры, выдолбленной в камне значительных размеров и обтесанной так, что она почти напоминает египетскую келью. Он окружен двенадцатью или четырнадцатью колоннами из грубого камня, по-видимому, 3 фута в высоту, и похожими по форме на колонны из Каллерниша. Вдалеке видны два других круга из грубых камней, но в их центре ничего нет. Если я правильно понимаю дону Гонгору, эти памятники сейчас сильно разрушены, если не уничтожены полностью, и неясно, насколько рисунки

являются настоящими эскизами или реставрацией. Возможно, они верны, но без дальнейшего подтверждения вряд ли было бы безопасно приводить какие-либо аргументы в их пользу.

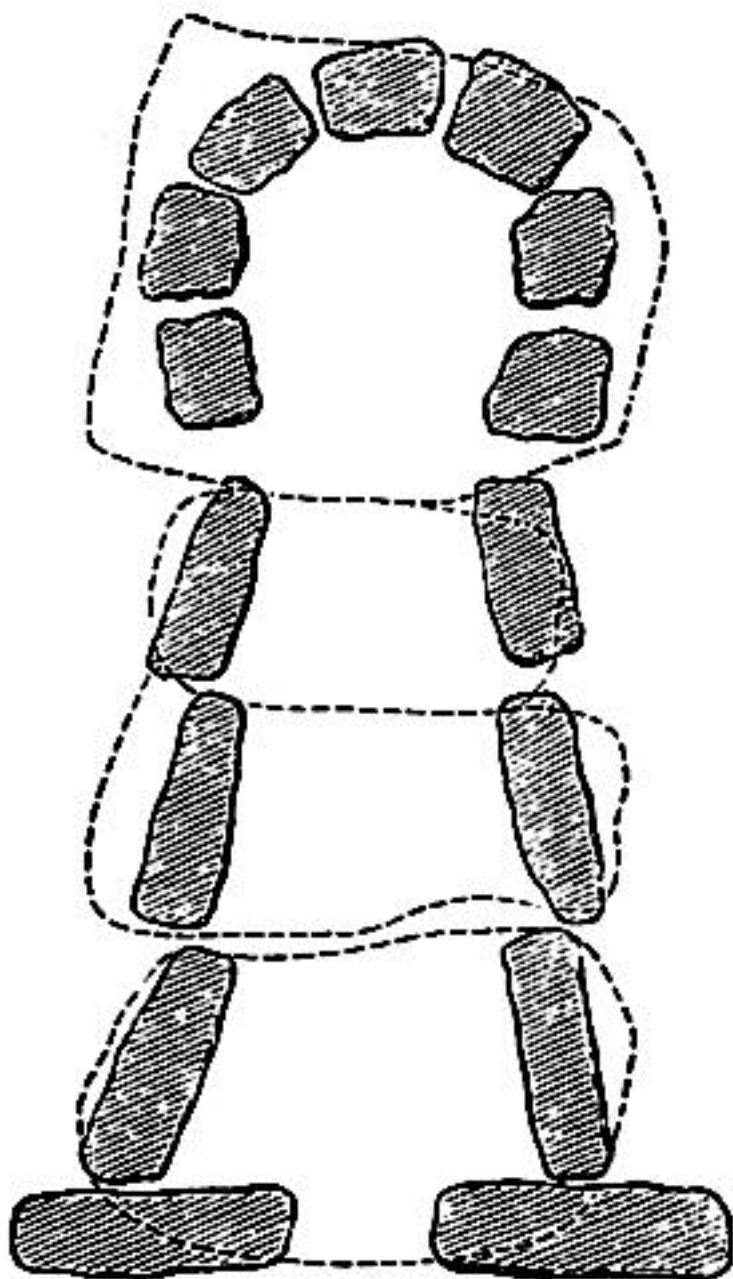
158. Sepultura Grande. Из Гонгоры.

Так мало известно — или, по крайней мере, так мало было опубликовано — о дольменах севера Испании, что пытаться делать какие-либо обобщения относительно них очень трудно и очень небезопасно. Однако есть три, которые, кажется, проливают некоторый свет на наши расследования. Первый находится в Эгиларе, в районе Витории, на дороге между этим городом и Пампелунгой. Он имеет форму подковы, как и Бесчисленные камни в Эйлсфорде, и имеет внутренние размеры 13 на 10 футов. Первоначально он был перекрыт цельным камнем размером 19 на 15 футов, но сейчас, к сожалению, он сломан. Боковые камни и крыша плотно подогнаны друг к другу, показывая, что так всегда задумывалось и, фактически, так и есть сейчас, частично покрыты земляной насыпью.

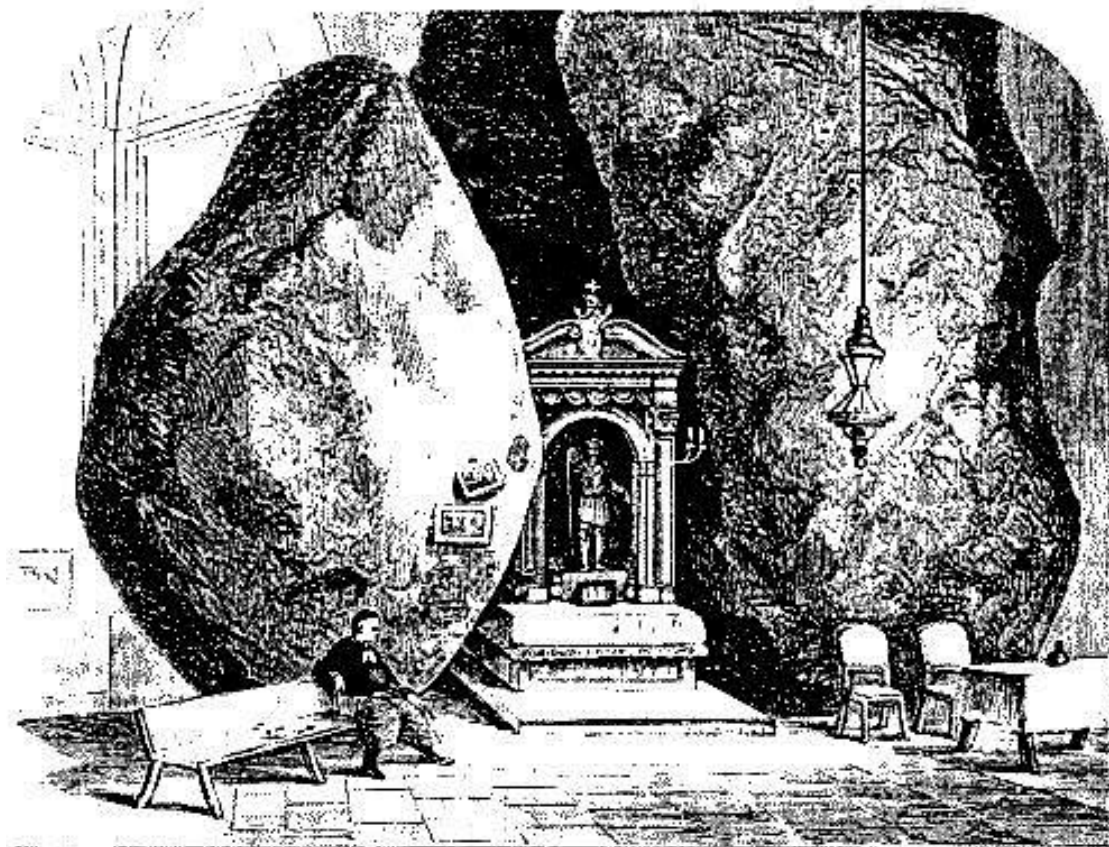

159. План дольмена в Эгиларе.

В Кангас-де-Онисе, в Астурии, примерно в сорока милях к востоку от Овьедо, есть небольшая церковь, построенная на холме, внутри которого находится дольмен довольно необычной формы. Его внутренний конец круглый в плане, от которого начинается неф в форме воронки, сложенный из трех камней с каждой стороны, и с дверным проемом, образованным двумя большими камнями, расположенными под прямым углом к его направлению. На вершине кургана была построена церковь, вероятно, в десятом или одиннадцатом веке,^[457] которому этот дольмен служил склепом. Из этого, по-видимому, напрашивается справедливый вывод, что, когда на кургане была построена церковь, дольмен все еще был священным сооружением аборигенов. Если бы христианам просто нужен был фундамент для своего здания, они бы засыпали или разрушили языческое сооружение, но оно, похоже, оставалось открытым по сей день; и хотя его давно перестали использовать для каких-либо священных целей, оно по-прежнему является и всегда было неотъемлемой частью церкви, которую оно поддерживало.

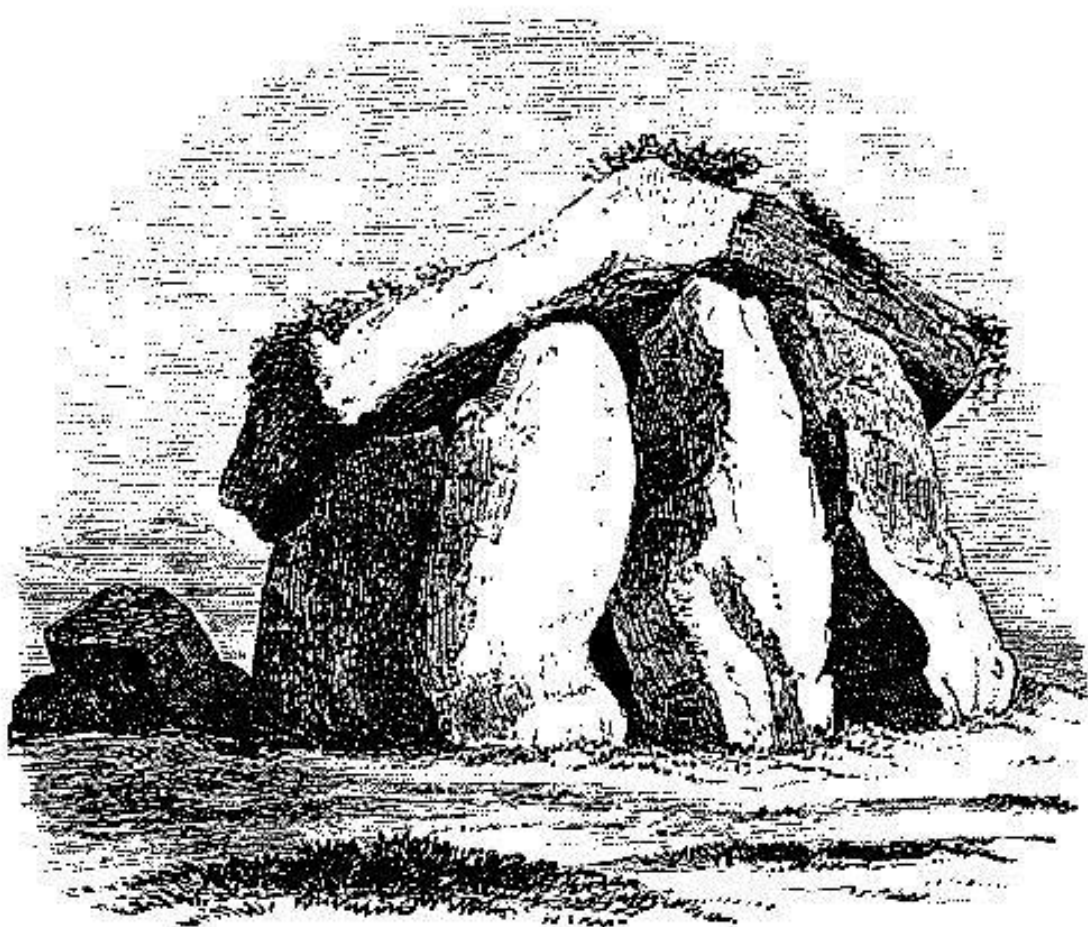

160. План дольмена в Кангас-де-Онис.

161. Дольмен Сан-Мигель в Арричинаге.

Еще более замечательный экземпляр того же рода можно найти в местечке под названием Арричинага, примерно в двадцати пяти милях от Бильбоа, в провинции Бискайя. В скиту Святого Михаила, на этом месте, в стенах того, что кажется новой современной церковью, находится дольмен очень значительных размеров. Однако он может быть преемником еще одного древнего; но тот факт, что эти большие камни вообще были приняты христианами, показывает, что они, должно быть, считались священными и объектами поклонения туземцев в то время, когда христиане заключили их в свое здание. Если факты таковы, как представлены на гравюре на дереве,^[458] теперь мы можем легко понять, почему соборы Толедо в 681 и 692 годах обнародовали свои указы против "венераторес лапидум";^[459] и почему также более проникательное провинциальное духовенство последовало совету, который папа Григорий дал аббату Миллитусу, и с помощью небольшого количества святой воды и изображения Сан-Мигеля превратило священные камни язычников в храм истинного Бога. Трудно сказать, когда христианство проникло в Астурию — вероятно, не раньше времен Пелайо (720 г. н.э.); но даже это было бы слишком рано для таких церквей, как Кангас-де-Онис и Арричинага. Фактически, они, по-видимому, относят почитание больших камней почти к тому же позднему возрасту, на который указывает дольмен в Конфолене ([гравюра на дереве № 123](#)), и предполагают, что по крайней мере некоторые из них, если не все, были возведены в историческую эпоху.

162. Дольмен в Арройолосе. От Кинси.

Насколько мне известно, пока опубликован только один рисунок дольмена в Португалии. Он расположен на унылой пустоши в Арройолосе, недалеко от Эворы. Мистер Борроу описывает его как одно из самых совершенных и красивых в своем роде, которое он когда-либо видел. "Он был круглым и состоял из камней, чрезвычайно больших и тяжелых внизу, которые кверху становились тоньше, придавая искусной руке форму, напоминающую раковины морских гребешков. Они были увенчаны очень большим плоским камнем, который наклонялся к югу, где находилась дверь. Три или четыре человека могли укрыться внутри, где рос небольшой терновник".^[460] Ни он, ни Кинси не опускаются до размеров, и С. да Коста просто замечает, что дольмены, которые он видел в Кастелло-да-Виде, имеют конструкцию, аналогичную этой в Арройолосе.^[461]

Следует признать, что это всего лишь скудный и несовершенный набросок одного из самых важных полей дольменов в Европе, но, вероятно, этого достаточно, чтобы указать на его важность и влияние на историю мегалитических останков в целом. Когда он будет заполнен, он обещает пролить поток света на предмет в целом, не только потому, что является одним из связующих звеньев, соединяющих африканские дольмены с европейскими, но особенно потому, что, по-видимому, помогает нам понять загадочную связь ирландских милезийцев с Испанией. Если бы дольмены на северном и западном побережьях испанского полуострова были тщательно изучены и сравнены с дольменами в Ирландии, их сходства, вероятно, было бы достаточно, чтобы доказать их родство и установить на широкой основе фактов то, что до сих пор оставалось на усмотрение диких фантазий патриотически настроенных летописцев,

больше озабоченных легендарной древностью своей расы, чем прозаическими результатами правдивых исследований.

Исходя из тех знаний, которыми мы в настоящее время обладаем, я не вижу причин предполагать, что какой-либо из испанских дольменов ровесник христианской эры; и факты, связанные с двумя дольменами в Кангас-де-Онисе и Арричинаге, по-видимому, доказывают, что они "почитались" по крайней мере в восьмом, а может быть, и в десятом веке, и, если их почитали, нет причин, почему бы им также не быть воздвигнутыми в это позднее время.

Италия.

Хотя опыт, который мы только что приобрели в отношении дольменов в Испании, должен заставить любого быть осторожным в высказываниях относительно дольменов в Италии, все же, вероятно, можно с уверенностью утверждать, что, за исключением одной группы в Сатурнии, в этой стране дольменов нет. Во многих отношениях Италия расположена совсем не так, как Испания. Ее собственные ученые общества и антиквары веками занимались ее древностями, а иностранные туристы исколесили страну вдоль и поперек и вряд ли могли не заметить ничего, что напомнило бы им о друидах или Драконах их собственных родных земель. Однако, поскольку ничего подобного зафиксировано не было, мы можем быть с достаточной уверенностью уверены, что никаких важных образцов не существует; хотя у подножий холмов и в отдаленных уголках можно не сомневаться, что беспризорники и представители бродячих рас вознаградят тщательного искателя таких объектов. Например, известно, что один из них существует недалеко от Сесто Календе, в Ломбардии. Это круг из небольших камней, около 30 футов в диаметре, с аллеей длиной 50 футов, касающейся его по касательной с одной стороны, и с небольшим полукругом из камней шириной 20 футов в нескольких ярдах дальше.^[462] В целом все выглядит как небольшие трассы в Дартмуре, и если бы было найдено несколько и традиции страны были тщательно проанализированы, это могло бы пролить некоторый свет на предмет. В настоящее время это вряд ли намного больше или интереснее, чем овчарня.

Группа Сатурния так описывается мистером Деннисом: "Они очень многочисленны и состоят, как правило, из четырехугольного помещения, погруженного на несколько футов под поверхность, облицованного вертикально установленными грубыми каменными плитами, по одной с каждой стороны, и перекрытого двумя большими плитами, опирающимися друг на друга, так что образуется мансарда, или же одной огромной плиты, покрывающей все помещение целиком и уложенной с небольшим уклоном, очевидно, для отвода дождя. Ни одно долото не касалось этих неровных массивов площадью от 16 квадратных футов до половины этого размера; некоторые разделены, как показано на прилагаемой гравюре на дереве, на две камеры более 18 футов в поперечнике. К большинству из них ведет проход длиной 10 или 12 футов и шириной 3 фута. Все они заглублены немного ниже поверхности, потому что вокруг каждого был насыпан земляной холмик, закрывающий все, кроме заглушки".

Был замечен один курган, окруженный кругом из маленьких камней, и г-н Деннис предполагает, "что все они, возможно, были окружены таким образом, но мелкие камни были бы легко убраны крестьянами". "Ничего подобного, - добавляет он, - нет ни в одной другой части Этрурии".^[463] Сатурния расположена в двадцати милях от моря, и если это правда, что ничего подобного больше нигде в Италии не найдено, то эти дольмены следует рассматривать как исключительные — остатки какой-то заблудшей колонии строителей дольменов, память о которой ушла и, вероятно, теперь может быть потеряна навсегда.

163. Дольмен в Сатурнии. Из книги Денниса "Этрурия".

Если это правильное представление о том, что происходило в Италии, то напрашивается неизбежный вывод, что курганные сооружения этой страны, все из которых возведены из тесаных камней, выросли не из памятников из грубого камня. Ни в одной стране Европы курганы не столь многочисленны и не столь важны, как в Этрурии, и, как уже упоминалось ранее, они, несомненно, восходят к эпохе за двенадцать или тринадцать веков до Рождества Христова. Но если дольмены Франции или Скандинавии доисторические, или, другими словами, восходят к чему-то вроде тысячи или полутора сотен лет до Рождества Христова, то нет никаких причин, почему бы дольменам не быть найденными и в Италии, если они там когда-либо существовали. Либо, должно быть, в Италии их никогда не было, либо в остальной Европе они гораздо современнее. Если северным дольменам всего от тысячи до двух тысяч лет, то это легко объяснимо. Если им три или четыре тысячи лет, то они также должны быть найдены в Италии.

Факт, по-видимому, заключается в том, что и пеласги из Греции, и тирренцы из Италии вступали в контакт либо с Египтом, либо с каким-то ранним народом, занимавшимся резьбой по камню, прежде чем они покинули свои дома на Востоке и мигрировали в Европу, и что они никогда не проходили стадию архитектуры из грубого камня ни в какой период или в каком-либо месте, с которым мы знакомы; и поскольку они были, насколько нам известно, первыми колонистами стран, которые они впоследствии заняли, кажется тщетным искать дольмены там, где они поселились. Если бы Аттила жил пятью веками раньше, а не после христианской эры, он и его гунны могли бы создать в Италии грубо-каменный век. Жители Этрурии были, по сути, народом, хоронившим мертвых, и если бы их только отбросили назад к той стадии варварства, которую представляют собой грубые памятники наших предков, мы могли бы найти там тысячи дольменов. Судьба Италии сложилась иначе. Теснимая кельтами Цизальпинской Галлии на севере и римлянами на юге, Этрурия была вытеснена с существования, но двумя расами, более цивилизованными и прогрессивными, чем она сама.

Рим не только не отбросил ее назад, к варварству, но, переняв многие из ее форм, продвинулся вперед и усовершенствовал их, а также придал своей архитектуре более высокую и интеллектуальную форму, чем она сама была в состоянии придать ей. То же самое и в Греции. Дорийский язык вытеснил и уничтожил пеласгические формы, но через более длительный промежуток времени. Между последней известной нам гробницей в Микенах и самым ранним дорическим храмом в Коринфе прошло четыре или пять столетий, и в результате мы видим гораздо меньше следов древних людей в архитектуре Греции, чем в архитектуре Рима. Но ни в том, ни в другом случае не наблюдалось никакой тенденции к регрессу к дольменной стадии цивилизации.

Ситуация сильно отличалась от ситуации в таких странах, как Испания или Франция. Там аборигенное население существовало тысячи и десятки тысяч лет, непрогрессивное и неспособное, насколько нам известно, к внутреннему прогрессу, и только в конце

медленно и неохотно римляне были вынуждены принять более амбициозный способ захоронения, чем просто земляной холмик. Ни одна полуцивилизованная раса никогда не селилась на их землях, а карфагеняне в Картагене или Марселе почти не проникали вглубь страны и, кроме того, не были ни строительной, ни похоронной расой и, следовательно, оказали очень небольшое влияние на способы захоронения.

С Римом дело обстояло иначе. Она веками завоевывала и управляла всеми теми странами, в которых мы находим самые ранние следы памятников из грубого камня, и она не могла не оставить некоторого следа своего великолепия на землях, которые она так долго занимала. Но когда она сняла свою покровительственную опеку, Франция, Испания и Британия вновь погрузились и на столетия погрузились в состояние анархии и варварства, столь же плохое, если не хуже, чем то, в котором Рим застал их три или четыре столетия назад. Напрасно было ожидать, что несчастные туземцы смогут сохранить искусство или институты, которыми их наделил Рим. Но естественно предположить, что они помнили бы свидетельства ее величия и могущества и вряд ли вернулись бы за своими могилами в нетронутые курганы своих предков на кротовых холмах, но попытались бы сделать что-то в камне, хотя и таким грубым способом, какой позволяло им сделать состояние искусства среди них.

Сноски

[441] "Память о Временном Друиде Антекеры", Малага, 1847 год.

[442] "Доисторические события Андалусии", Мадрид, 1868.

[443] Большой частью информации о них я обязан моему другу Дону Дж. Ф. Рианьо из Мадрида.

[444] "Библия в Испании", ii. стр. 35.

[445] Страбон, iii. стр. 138.

[446] В "Археологическом журнале", 108, 1870 г., есть интересная статья лорда Талбота де Малахайда на эту тему, иллюстрированная рисунками сэра Винсента Эйра, неизвестных до сих пор дольменов.

[447] "Археологическое ревю", новая серия, viii. стр. 530.

[448] В 218 году до н.э. вторая и самая ожесточенная борьба между соперничающими республиками Карфагеном и Римом была начата Ганнибалом при взятии Сегунта. Впоследствии полуостров стал театром военных действий, которые Ганнибал

впоследствии перенес в Италию и которые завершились только в 202 году до нашей эры, когда Испания была присоединена к растущей Итальянской Республике. Но народ Испании не по своей воле склонился под ярмо. Одна из самых кровопролитных из всех римских войн началась в Испании в 153 году и не прекращалась в течение двадцати лет, в течение которых города были стерты с лица земли, множество людей убито и обращено в рабство, а победоносное оружие Рима доставлено к берегам Атлантики. Таким образом, перед нами эпоха в истории испанского полуострова, которая, по—видимому, полностью совпадает с древними традициями шотландцев и теми знаниями, которыми мы обладаем о периоде их прибытия в Ирландию". -Дэн Уилсон, "Доисторические анналы Шотландии", стр. 475.

[449] Смотрите статью доктора Мэддена о миграции из Испании в Ирландию, "Труды Королевской ирландской академии", viii. стр. 372 и последующие.

[450] Мэдден, л. С. с. стр. 377.

[451] *Ante*, стр. 193.

[452] Петри, "Очерк о Таре", "Trans. R. S. A." XVIII.

[453] "Двумя провинциями, которыми владела раса Херемона, были провинция Гайлиан (т.е. Лейнстер) и провинция Ольнемахт (т.е. Коннахт)".—Петри, "Круглые башни", стр. 100.

[454] Ривз, перевод Ненния, стр. 55.

[455] "Истинные принципы красоты в искусстве", автор, приложение, 526.

[456] Эти размеры взяты из книги Митьяны, просто переведены в их эквиваленты в английских футах. Они, однако, не согласуются по масштабу с планом, но, вероятно, приблизительно верны.

[457] На литографии есть изображение кургана и церкви в Парсеризе, "Рекуэрдос и Беллезас де Эспанья, Астурия и Леон", стр. 30, но оно слишком маленькое, чтобы мы могли составить какое-либо представление о его возрасте.

[458] Гравюра на дереве скопирована с одной из "Иллюстрированных новостей" Фрэнка Лесли; которая сама по себе взята из французского иллюстрированного журнала. Я не сомневаюсь, что американская копия является точным воспроизведением французского оригинала, но в первой могут быть преувеличения. Однако я не вижу причин сомневаться в том, что большие камни действительно существуют в эрмитаже и что они являются, по крайней мере, частями дольмена - и это все, что касается аргумента. Хотелось бы, однако, чтобы у нас была более достоверная информация по этому вопросу.

[459] Смотрите *ранее*, стр. 24.

[460] Заимствовать, "Библия в Испании", ii. стр. 35.

[461] "Международный конгресс по истории", Париж, том, стр. 182.

[462] "Международный конгресс по истории", Париж, том, стр. 197.

[463] "Города и кладбища Этрурии", ii. стр. 314.

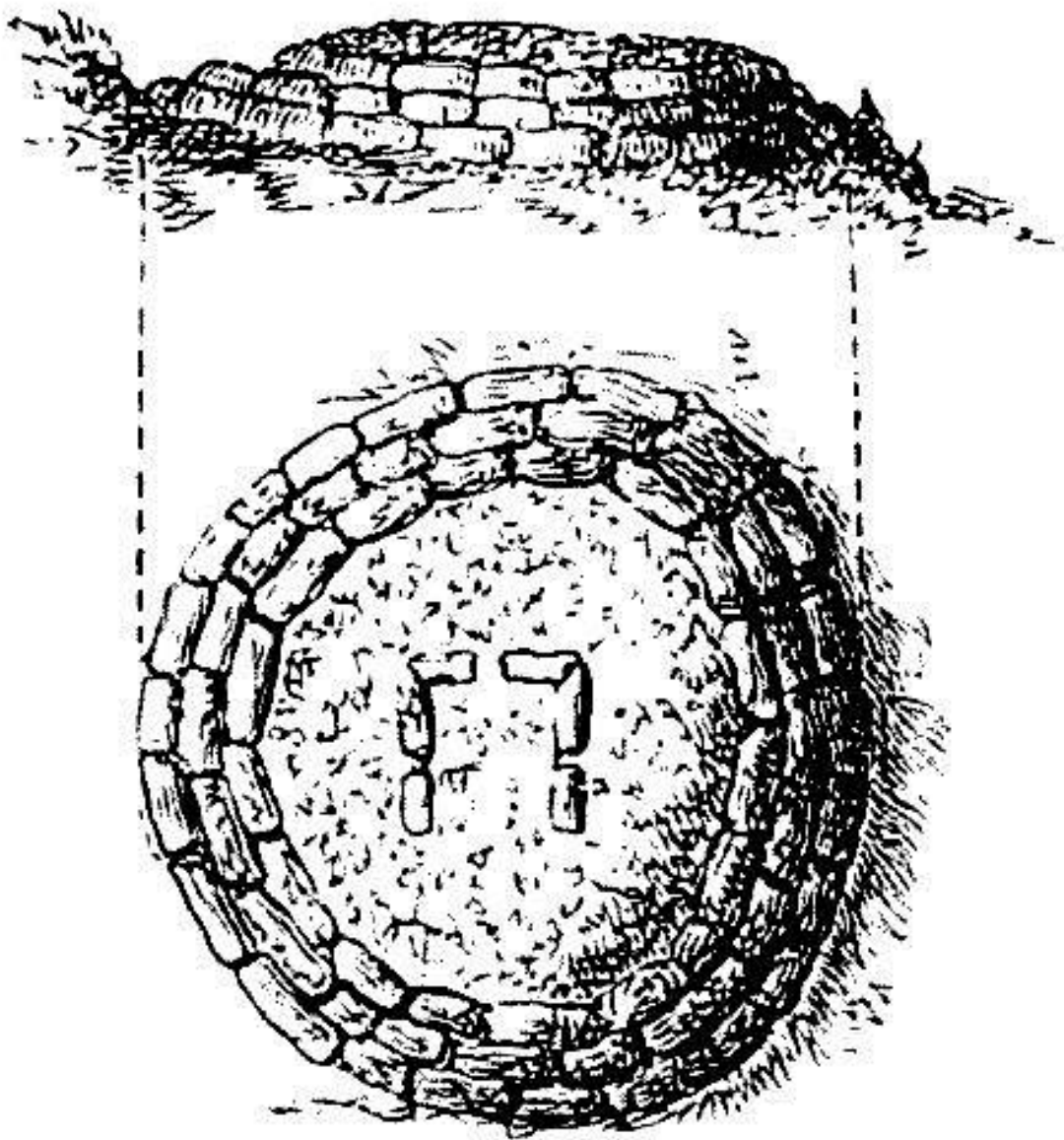
ГЛАВА X. АЛЖИР.

Трудно было бы найти более любопытную иллюстрацию к басне о "Глазах и без глаз", чем в истории открытия дольменов в северной Африке. Хотя сотни путешественников проезжали через страну со времен Брюса и Шоу, и хотя французы владели Алжиром с 1830 года, автор, писавший на эту тему десять лет назад, имел бы полное право утверждать, что там не было дольменов. Однако теперь мы знаем, что они существуют буквально тысячами. Возможно, не будет преувеличением сказать, что известно о десяти тысячах, и их существование зафиксировано.

Первым, кто сообщил об этом литературному миру Европы, был покойный мистер Ринд. В 1859 году он прочитал Обществу антикваров доклад о том, что он назвал "Ортолитические останки в Северной Африке", который впоследствии был опубликован в томе xxxviii. об "Археологии". Она привлекла, однако, очень мало внимания, возможно, из-за своего названия, но больше из-за того, что ее не проиллюстрировали. На самом деле ничего по-настоящему не стало известно до 1863 года, когда покойный Генри Кристи посетил Алжир. В Константине он познакомился с неким месье Феро, переводчиком алжирской армии, который отвез его в местечко под названием Бу-Мурсуг, примерно в двадцати пяти милях к югу от Константина, где за короткое трехдневное пребывание они увидели и записали более тысячи дольменов.[464] Впоследствии М. Феро опубликовал отчет об этом в "Мемуарах археологического общества Константина" за 1863 год, и, поскольку тема привлекла некоторое внимание в Европе, в следующем году появился второй мемуар, в котором содержалось много дополнительной информации, собранной от разных окружных чиновников. С тех пор в Алжире и Франции были опубликованы различные мемуары. В одном из них, написанном ныне знаменитым генералом Файдербе, "говорится о трех тысячах гробниц в единственном некрополе в Рокнии и о другом, столь же обширном, в нескольких лигах от Константина".[465] Превосходное резюме всего предмета можно найти в Норвичском томе Международного доисторического конгресса, составленном мистером Флауэром. Из всего этого мы получаем довольно общее представление о предмете, но, к сожалению, ни один из мемуаров не написан людьми, сочетающими обширный местный опыт с реальными археологическими знаниями, за исключением, возможно, мистера Флауэра. Миру еще не было дано плана какой-либо одной группы, и ни один из памятников не проиллюстрирован с такими деталями и размерами, которые позволили бы с уверенностью говорить о них. Особенно это касается тех, которые представлены в "Научном исследовании Альгери", издаваемом французским правительством. В этой работе есть многочисленные изображения дольменов, тщательно и красиво нарисованные, но очень редко с прикрепленными к ним чешуйками; и поскольку ни один текст еще не опубликован, они представляют сравнительно небольшую ценность для целей исследования. Проживи мистер Кристи немного дольше, эти недостатки, несомненно, были бы восполнены; но, к сожалению, его мантия не досталась ни одному достойному преемнику, и мы должны ждать, пока не появится кто-нибудь, сочетающий досуг и средства со знаниями и энтузиазмом, которые характеризовали этого благородно мыслящего человека.

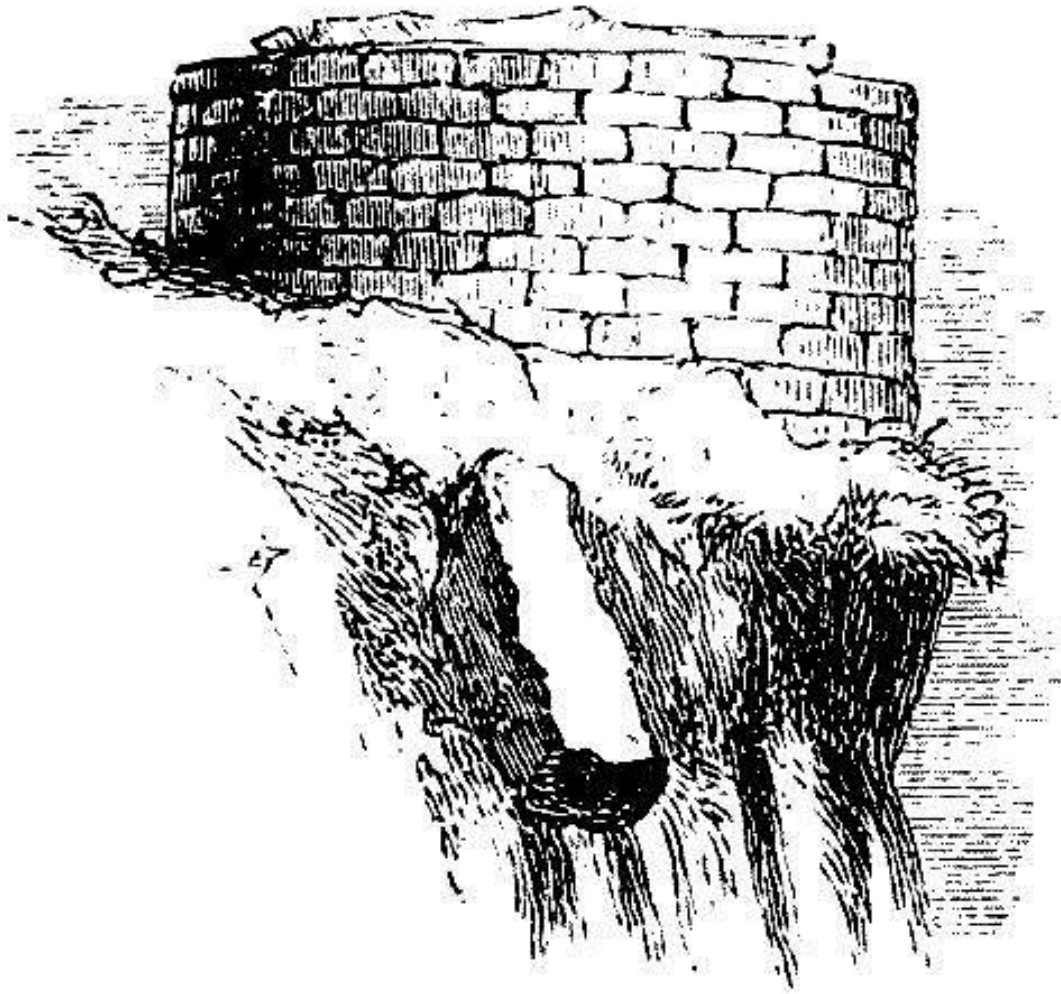
Вряд ли нужно добавлять, что не существует подробной карты, показывающей распределение дольменов в Алжире,[466] и поскольку многие названия, под которыми они известны французским археологам, относятся к деревням, не отмеченным ни на каких картах, доступных в этой стране, очень трудно отследить их точное местоположение, и почти всегда невозможно с уверенностью сделать какие-либо выводы из их распределения. Насколько нам в настоящее время известно, основная область дольменов расположена

вдоль линии, проведенной от Боны на побережье до Батны, в шестидесяти милях к югу от Константины, и по обе стороны от нее. Но вокруг Сетифа и в населенных пунктах, расположенных почти прямо к югу от Бужи, их, как говорят, огромное количество. Комендант Пайен сообщает, что там установлено не менее десяти тысяч менгиров, в среднем от 4 до 5 футов в высоту. Один колоссальный монолит, который он описывает как 26 футов в диаметре у основания и 52 фута в высоту.^[467] Это, однако, превосходит дольмен, расположенный недалеко от Тиарета, описанный комендантом Бернаром. Согласно его рассказу, заглушка имеет 65 футов в длину, 26 футов в ширину и 9 футов 6 дюймов в толщину; и эта огромная масса помещена на другие камни, которые возвышаются на 30-40 футов над поверхностью.^[468] Если это правда, то это самый огромный из известных дольменов, и странно, что он так долго оставался незамеченным. Даже самый апатичный путешественник был бы поражен таким чудом. Существуют ли в этом районе менее гигантские представители этого класса, нам не сообщается, но они встречаются отдельными участками повсюду к востоку по всей провинции. Те, что описаны мистером Риндом, находятся всего в двенадцати милях от Алжира, а другие, как говорят, в большом количестве существуют в регентстве Триполи.^[469] Насколько в настоящее время известно, они встречаются не в Марокко, а повсюду между горой Атлас и Сыртами, и, по-видимому, не вблизи каких-либо крупных городов или известных населенных пунктов, а в долинах и отдаленных уголках, как будто принадлежат кочевому или земледельческому населению.

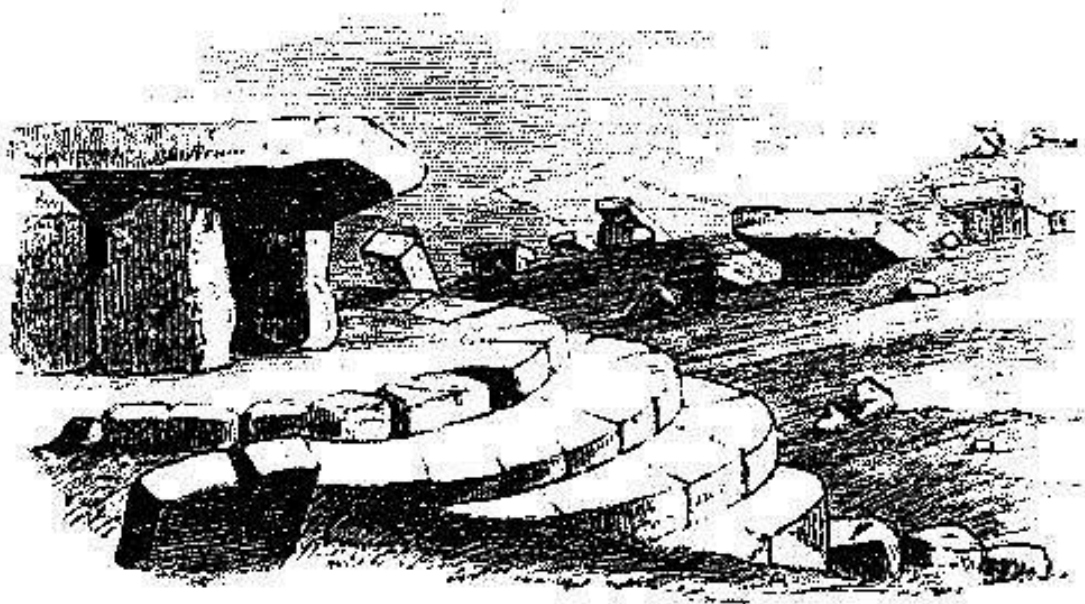
164. Базина. Из бумаги для цветов.

Когда мы говорим о десяти тысячах или, может быть, двадцати тысячах каменных надгробных памятников, которые, как теперь известно, существуют в северной Африке, не следует понимать, что все они представляют собой дольмены или круги того класса, о котором мы до сих пор говорили. Несомненно, существуют два других класса, в некоторых местах, по-видимому, в значительных количествах, хотя трудно определить, в какой пропорции и насколько их формы локальны. Один из этих классов, называемый арабами Базина, так описывается мистером Флауэром: "Их общий характер заключается в том, что они представляют собой три концентрических ограждения из камней большего или меньшего размера, расположенных так, чтобы образовать ряд ступеней. Иногда, действительно, есть только два внешних круга, а иногда только один. Диаметр большей оси, представленной здесь, составляет около 30 футов. В центре обычно находятся три длинных и стройных вертикальных камня, образующих три стороны длинного прямоугольника, а внутренняя часть вымощена галькой и битыми камнями.

165. Чуоча. С рисунка мистера Флауэра.

"Чуши обитают по соседству с Базидами и находятся в близком родстве с ними. Они состоят из рядов камней, регулярно сложенных наподобие стены, а не ступенчато, как Базиды. Их диаметр колеблется от 7 до целых 40 футов; но высота самых высоких над почвой не превышает 5-10 футов. Они обычно увенчаны и накрыты большой каменной плитой толщиной около 4 дюймов, под которой находится обычное корыто или яма, образованная из камней толщиной от полутора до 3 футов. Внутренняя часть этих маленьких башен вымощена так же, как Базиды; и действительно, месье Пайен считает, что в горах они являются эквивалентами Базид на равнинах".[\[470\]](#)

166. Дольмен на ступенях. From 'Exploration scientifique de l'Algérie.'

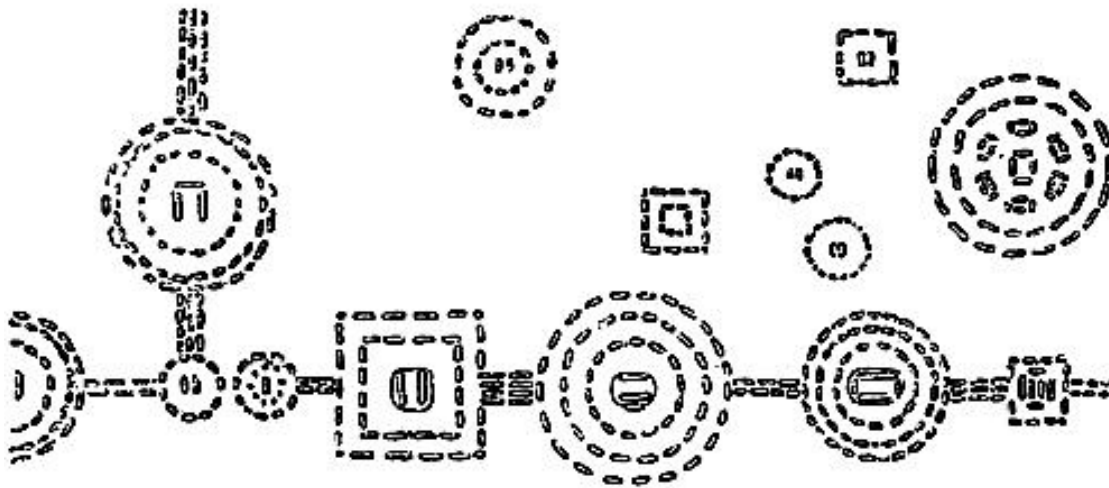
Во многих случаях чуши и базыны встречаются объединенными в одном памятнике, а иногда обычный дольмен установлен на ступенях, похожих на ступени базыны, как показано на прилагаемой гравюре на дереве, представляющей один из существующих на полпути между Константином и Боной. Но, на самом деле, нет такого мыслимого сочетания, которое, по-видимому, не встречается на этих африканских кладбищах; и если бы мы знали их все, они могли бы пролить значительный свет на некоторые вопросы, которые сейчас вызывают большое недоумение.

Чуши встречаются иногда изолированно, а иногда группами на расстоянии 10-12 футов друг от друга. В определенных местностях ими покрыты вершины и гребни холмов, а по краям крутых утесов они образуют бахромы, нависающие над ущельями.

В обоих этих классах памятников тела почти всегда находят в согнутой позе, с подтянутыми к подбородку коленями и скрещенными на груди руками, [\[471\]](#) как в гробнице Аксевалла, описанной выше ([страница 312](#)).

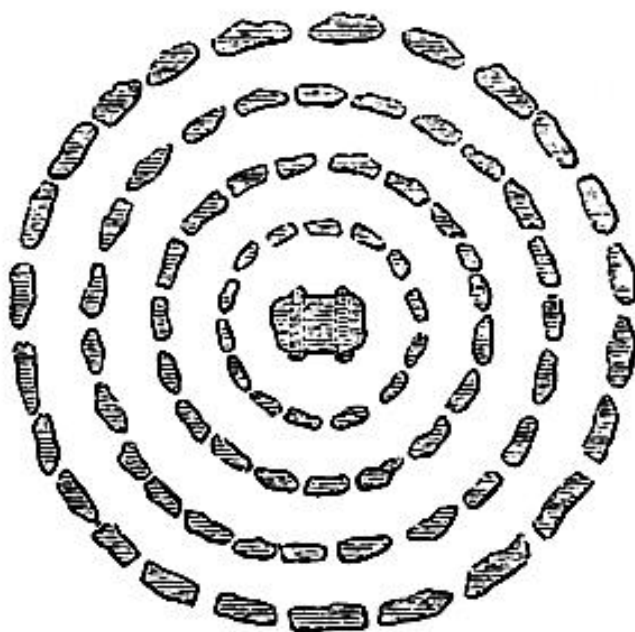

167. Курганы с промежуточными рядами камней.

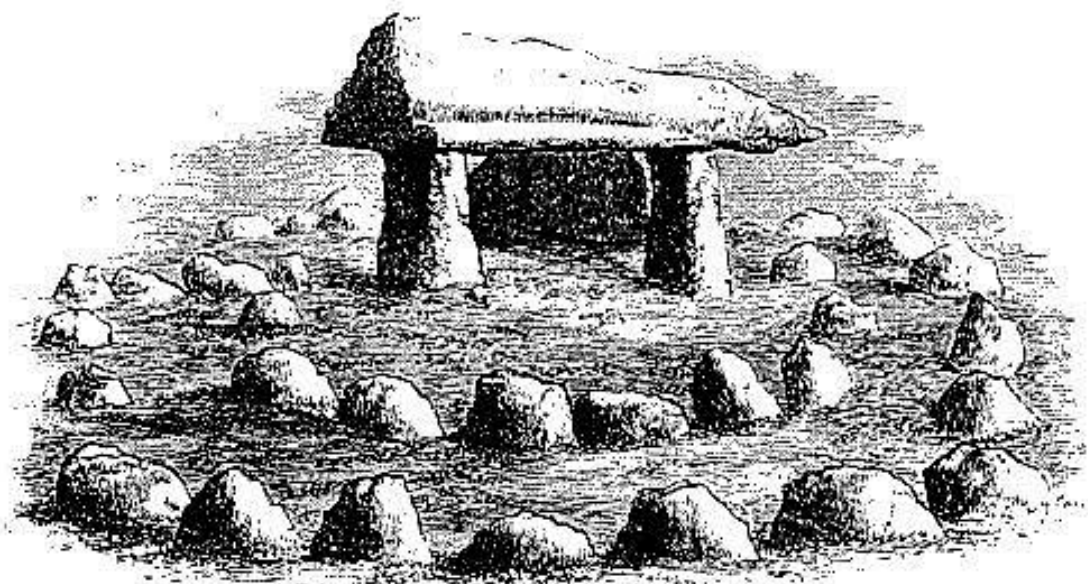
168. Группа надгробных памятников, Алжир.

Наиболее примечательной особенностью курганов и кругов в Алжире является способ, которым они соединены между собой двойными рядами камней — как выражается мистер Флауэрс, наподобие бусин на нитке — способом, показанным на гравюре на дереве № 167. Какова была цель этого, не было объяснено, и будет нелегко догадаться, пока у нас не будет больше и более подробных рисунков, чем у нас есть сейчас. Табличка г-на Феро ххviii.[472] показывает такую линию, зигзагообразно пересекающую равнину между двумя высотами, наподобие линии полевых укреплений, и с дольменами и курганами, иногда позади или перед линиями, а иногда натянутыми на нее. На первый взгляд это похоже на изображение поля битвы, но, опять же, что мы можем сделать с такой группой, которая представлена на гравюре на дереве 168 на предыдущей странице? Это самый обширный план любой из этих групп, который когда-либо был опубликован, но к нему следует относиться с осторожностью.[473] К ней не прикреплена шкала. Тройные круги с дольменами я принимаю за курганы, подобные Аверонским ([гравюры на дереве № 8](#) и [122](#)), но все это в целом следует рассматривать как схему, а не как план, и как таковое очень небезопасно для рассуждений. Тем не менее, поскольку это, конечно, не изобретение, оно показывает любопытный способ соединения этих памятников вместе, а также различные формы, которые они принимают.

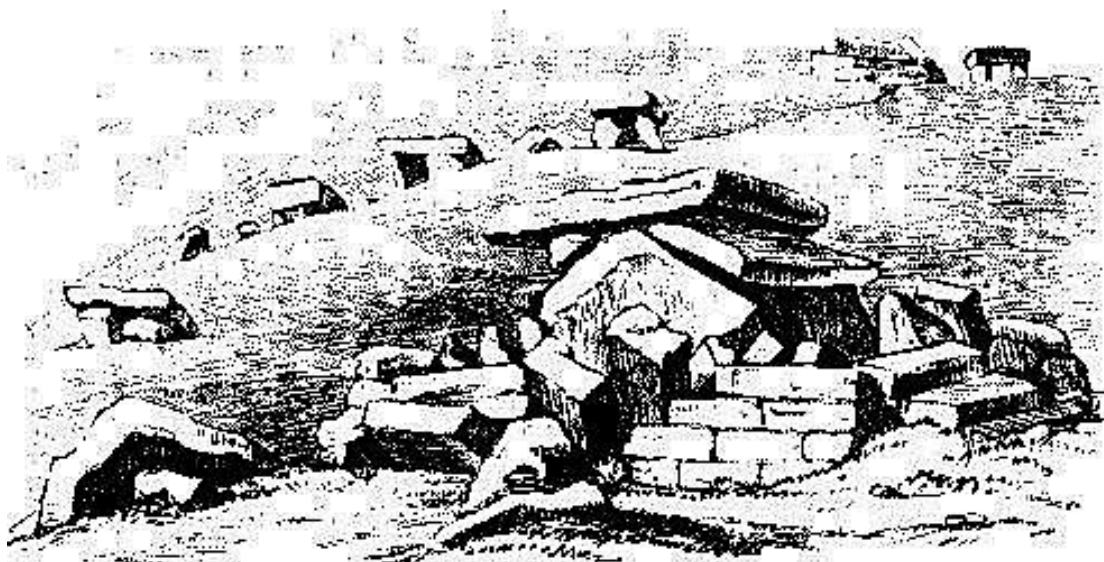
169. План и высота Африканского кургана. От Феро.

Один из них (?) представлен в плане и рельефе на прилагаемой гравюре на дереве 169.^[474] Он, как будет замечено, почти идентичен — с учетом плохого рисунка — только что упомянутым Аверону или скандинавским образцам, представленным на схеме ([гравюра на дереве № 109](#)). Поскольку этот класс с внешними дольменами на вершине, по-видимому, очень распространен в Алжире, фактически почти типичен, изучение их внутреннего убранства сразу же разрешило бы загадку их устройства и сказало бы нам, был ли второй гроб на уровне земли или где было захоронено тело. Там, где дольмен стоит свободно, но на ровной поверхности, как в случае с дольменом, показанным на этом разрезе (№ 170), с окружающими его двумя рядами камней, тело было помещено в яму, образованную между двумя стойками, поддерживающими камень-заглушку, которые для этой цели заглублены примерно на 5 или 6 футов в землю. У меня сложилось впечатление, что такое же расположение наблюдается и в тех, которые приподняты, и что либо опоры цоколя опускаются на землю для этой цели, либо непосредственно под видимым камнем образуется независимый свод.

170. Дольмен с двумя кругами камней. От Феро.

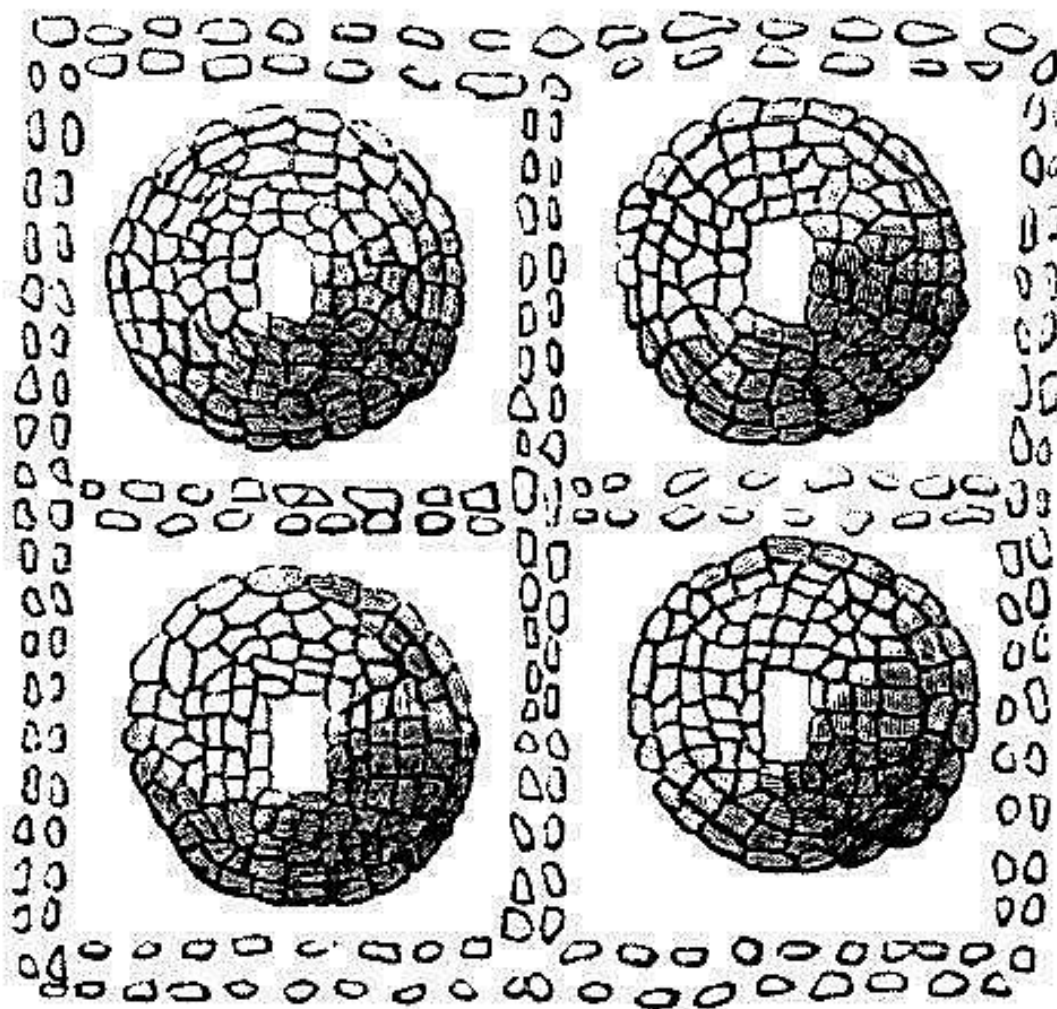
Дольмен в этом последнем случае выполнен в обычном стиле Котти-Хаус Кита, состоящий из трех вертикальных камней, поддерживающих цокольный камень. Иногда внешний ряд камней заменяют круглой мостовой из плоских камней,[\[475\]](#) образуя то, что можно предположить как дорожку процессии вокруг памятника; но на самом деле вряд ли найдутся две абсолютно одинаковые, и когда мы имеем дело с тысячами, требуется очень полное знание целого, прежде чем пытаться провести какую-либо классификацию. Здесь достаточно сказать, что вряд ли где-либо еще можно встретить разновидность, аналог которой нельзя было бы найти в Алжире.

171. Дольмены по дороге из Боны в Константин. From 'Exploration scientifique de l'Algérie.'

Об их общем облике как объектов ландшафта прилагаемая гравюра на дереве передаст приемлемое представление. Кажется, что они затрагивают гребни холмов, но они также простираются по равнине и на самом деле встречаются повсюду и в любом возможном месте. Насколько известно, в Алжире, за исключением, по-видимому, морского побережья,

ничего похожего на захоронения викингов не найдено; указывает ли это на то, что они были морским народом, или нет, не совсем ясно, но это различие стоит иметь в виду.

172. Четыре пирамиды из камней, заключенные в квадраты. (Из 'Сокр. арх. de Constantine,' 1864.)

Одну любопытную группу, возможно, стоит процитировать для сравнения с могилами Ашенраде ([гравюра на дереве № 119](#)). Он состоит из четырех курганов, заключенных в четыре квадрата, соединенных вместе, как квадраты шахматной доски. Одиночные квадраты, окружающие пирамиды из камней, достаточно распространены в Скандинавии, но такое совместное расположение является редким и примечательным, и его сходство с ливонским примером настолько велико, что вряд ли может быть случайным. Следует помнить, что в ашенрадских могилах хранились монеты халифов, датированные 999 годом н.э., и немецкие монеты до 1040 года. Следовательно, не было бы *априорной* невероятности того, что эти захоронения в Алжире были столь поздними, если сходство двух памятников, находящихся на таком большом расстоянии друг от друга, можно рассматривать как доказательство идентичности возраста. Не слишком настаивая на аргументации, точки сходства, которые повсюду существуют между памятниками Северной Европы и Северной Африки, по-видимому, доказывают, что последние могут быть любого возраста вплоть до десятого или одиннадцатого века, но любое решение относительно их реальной даты должно зависеть от местных условий, характерных для каждого отдельного примера.

Предыдущих гравюр на дереве, возможно, достаточно, чтобы объяснить более общие и типичные формы алжирских дольменов, но они настолько многочисленны и разнообразны, что десятикратного количества иллюстраций едва ли хватило бы, чтобы показать все их особенности. Однако их изучение сравнительно неинтересно до тех пор, пока мы не узнаем больше об их содержании и пока не будет принято что-то определенное относительно их возраста. Однако, когда мы обращаемся к анализу этого, мы обнаруживаем, что данные, из которых должны быть сделаны наши выводы, скудны и неудовлетворительны. Однако, какими бы они ни были, все они, безусловно, ведут в одну сторону. Во-первых, отрицательные доказательства здесь столь же полны, как и в других местах. Греки, римляне и ранние христиане - все они были знакомы с северной Африкой, и нет ни единого слуха о том, что кто-либо из них видел какие-либо подобные памятники. Если учесть наше собственное незнание об их существовании еще каких-то десять лет назад, можно сказать, что такие доказательства не имеют большого значения; но на них стоит сослаться, поскольку намек в противоположном направлении считался бы окончательным, а его отсутствие, во всяком случае, оставляет вопрос открытым. С другой стороны, все традиции страны, о которых сообщают М. Феро и другие, и которые повторяют М. Бертран и м-р Флауэр, приписывают эти памятники языческим жителям, населявшим страну во времена магометанского завоевания. Итак (стр. 127): "В эпоху мусульманского нашествия эти страны были населены языческим населением, которое воздвигло эти обширные каменные гряды, чтобы остановить вторгшееся войско". Или, опять же, они даже называют принца, который противостоял завоевателям. Так (стр. 117): "Раньше в Махире жил языческий принц по имени Абд ан Нар — огнепоклонник. Он женился на Зане, королеве города, ныне лежащего в руинах и носящего это название. Когда арабы завоевали Африку, Абд ан Нар отрекся от своей короны, стал мусульманином и с тех пор называл себя Абд ан Нур — поклоняющийся свету". [476]

173. Гробницы близ Джиджели. From 'Exploration scientifique de l'Algérie.'

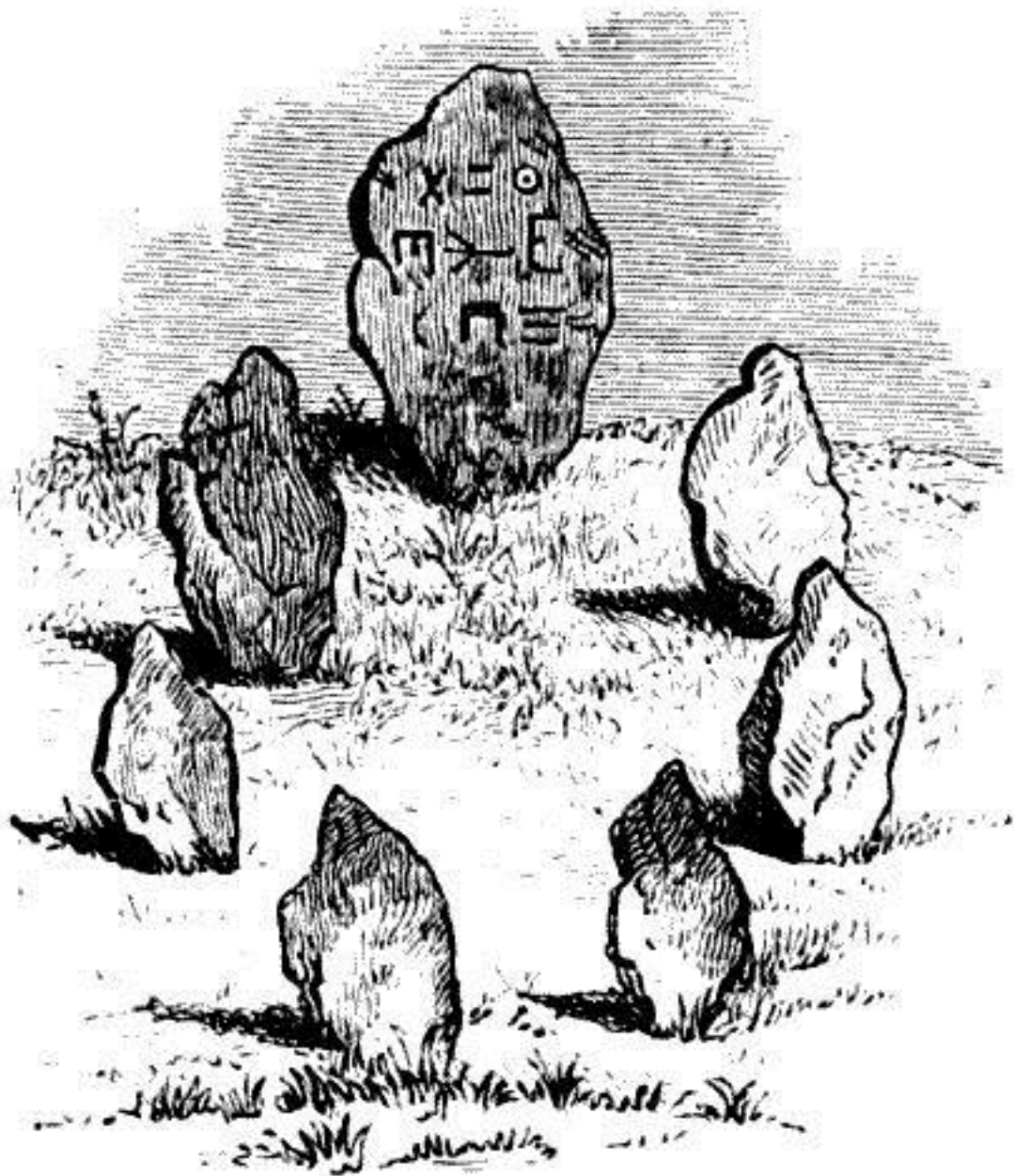
Это тоже следует принимать во внимание; но на кладбище близ Джиджели, на северном побережье, есть любопытная гробница, образованная из круга камней, подобных тем, что были у языческих гробниц, с надгробным камнем, который, если это не камень для тюрбана, который обычно находят в современных турецких гробницах, очень похож на него. То, что кладбище принадлежит мусульманам, кажется очевидным, но круги из камней, хотя и небольшие, указывают на очень несовершенное обращение — именно такое, как указывает традиция.

Эти аргументы, однако, приобретают нечто вроде последовательности, когда мы переходим к изучению содержимого самих гробниц. Один из них (№ 4), по описанию г-на Феро, окружен

кольцевой оградой диаметром 12 метров, или почти 40 футов. Камера дольмена имела размеры 7 футов на 3 фута 6 дюймов. В ногах скелета были кости и зубы лошади, а также железные удила для уздечки. В той же могиле были найдены железное кольцо, еще одно кольцо с различными другими предметами из меди (бронзы?), несколько фрагментов керамики высшего качества, фрагменты обработанных кремневых орудий и, наконец, медаль императрицы Фаустины.^[477] Следовательно, все три эпохи были представлены в одной гробнице, и все же она определенно относится ко второму веку. Ни один из других дольменов не дает столь четких свидетельств своего возраста, но М. Бертран, который является убежденным сторонником доисторического возраста французских дольменов, резюмирует свои впечатления от открытий М. Фери следующими словами: "Глава провинции Константин и Пувайент, в одном ряду с объектами, находящимися вне тувесов, путь красавицы впереди кретьена; поиски безмолвных последователей".^[478]

В дополнение к тому, что он нашел внутри гробниц, месье Фери обнаружил латинскую надпись на цоколе дольмена близ Сиди-Касема. Буквы слишком стерлись, чтобы можно было разобрать смысл надписи, но сохранилось вполне достаточно, чтобы доказать, что она на латыни и, судя по форме букв, позднего шрифта.^[479]

Месье Летерну обнаружил тесаные камни и даже колоннообразные древки римской работы среди материалов, из которых были построены базы у подножия цепи Аурес, и он приводит рисунок киппа позднеимской работы с надписью берберскими буквами, которую он отождествляет с надписями на двух вертикальных камнях грубой формы, один из которых образует части круга возле Бони.^[480]

174. Сделайте круг возле Боны.

В дополнение к этому среди табличек, составляющих том "Научного исследования Альгерии", есть множество примеров, где памятники из грубого камня настолько перемешаны с памятниками позднеримского и раннехристианского характера, что кажется невозможным усомниться в их современности. Однако, поскольку до сих пор не опубликовано никакого текста, сопровождающего эти таблички, крайне небезопасно полагаться на какой-либо отдельный пример, который по какой-либо ошибке рисовальщика или гравера может ввести в заблуждение. Однако общее впечатление, которое производят эти таблички, явно свидетельствует в пользу постримской даты и того, что они сравнительно современные. Однако требуется, чтобы кто-то на месте, чье внимание специально направлено на объект, определил, являются ли памятники из грубого камня более ранними, чем те, которые высечены, или же иногда, возможно, всегда, имеет место обратное. Если месье Бертран прав, и гробница Фаустины представляет какую-либо ценность как показатель возраста, то, по крайней мере, иногда грубые памятники оказываются более современными.

Карфаген пал в 146 году до н.э., а Югуртская война закончилась в 106 году до н.э., и невозможно представить, чтобы такой народ, как римляне, обладал суверенитетом северной Африки после этой даты и не оставил на ней своего следа в виде различного рода зданий. Если мы примем обычную прогрессивную теорию, все должно быть до 100 г. до н.э.; поскольку по этой гипотезе было бы сочтено крайне невероятным, чтобы после длительного контакта с карфагенской цивилизацией и под прямым влиянием римской кто-либо мог предпочесть грубые, необщительные массы сооружениям, состоящим из полированных и выгравированных камней. Однако это, безусловно, было так, в очень значительной степени, и по приведенным выше причинам у меня сложилось впечатление, что основная масса этих североафриканских дольменов возникла после христианской эры и что они относятся к периоду магометанского владычества, поскольку оно не могло, по крайней мере в течение длительного времени, быть настолько полным, чтобы полностью стереть чувства и обычаи, которым так долго предавались коренные жители страны. Действительно, ничто не удивило бы меня меньше, чем если бы в конце концов было доказано, что некоторые из этих памятников из грубого камня сохранились еще со времен крестовых походов. Поскольку, однако, мы пока не в состоянии доказать это, это выдвигается здесь только в качестве предположения, чтобы те, кому в дальнейшем предстоит вскрыть эти гробницы, не отвергали никаких доказательств того, что они появились так поздно, как они, вероятно, поступили бы, если бы были проникнуты доисторическими предрассудками.

Следует опасаться, что ответ на вопрос, кем были люди, воздвигшие эти африканские дольмены, придется отложить до тех пор, пока мы не узнаем больше об этнографии северной Африки в древние времена, чем мы знаем в настоящее время. Единственные люди, которые, насколько мы теперь видим, могут претендовать на них, - это насамоны. Из Геродота мы узнаем, что этот народ хоронил своих умерших сидя, подтянув колени к подбородку, и был настолько щепетилен в этом, что, когда человек умирал, они поддерживали его, чтобы он мог умереть в такой позе (iv. 190). Мы также узнаем от него, что они испытывали такое почтение к гробницам своих предков, что в их практике в торжественной форме клятвы было возлагать руки на эти могилы и таким образом призывать их разрешение; и в своем способе гадания они обычно спали в этих гробницах или на них (iv. 172). Все это прекрасно согласуется с тем, что мы находим, но Геродот, к сожалению, никогда не посещал страну и не видел этих гробниц, и, следовательно, не описывает их, и мы не знаем, были ли это простые земляные насыпи, или пирамиды из камней, или дольмены, подобные тем, что встречаются в Африке. Также прискорбно их утверждение о том, что в его время насамоны жили недалеко от Сыртов и к востоку от них (ii. 32), и вряд ли представляется возможным, что они могли увеличиться и размножиться до такой степени за четыре последующих столетия, чтобы заселить северную Африку вплоть до горы Атлас, причем ни греки, ни римляне не знали об этом. Они снова упоминаются Курцием (iv. 7), Луканом (ix. v. 439) и Силием Италиком (ii. v. 116 и xi. v. 180), но всегда как разбойничье ливийское племя, никогда как великий народ, населяющий северную страну. Поэтому их требование считаться авторами тысяч дольменов, которые даже сейчас находят в провинции Алжир, представляется в настоящее время совершенно неприемлемым.

Еще меньше мы можем согласиться с теорией месье Бертрана, упомянутой выше, о том, что строители дольменов мигрировали из Прибалтики в Британию, а оттуда через Францию и Испанию в Африку. Такая миграция, требующая длительных переходов по суше и морю, если она вообще имела место, с гораздо большей вероятностью была совершена, когда были налажены торговые связи, и Северное море и Средиземное море были покрыты всевозможными парусными судами; но тогда маловероятно, что грубый народ, каким, как

предполагается, являются строители дольменов, мог воспользоваться этими торговыми путями.

И все же никто не может смотреть на такие памятники, как этот в Авероне (ксилографии № 8 и 122), и сравнивать их с памятниками Алжира, к типу которых относится [ксилография № 169](#), без ощущения, что в период дольменов существовала связь, причем тесная, между народами северного и южного берегов Средиземного моря, что можно объяснить только одним из трех способов.

Либо история всего лишь повторялась, когда маршал Бужо высадился в Алжире в 1830 году и продолжил завоевывать и колонизировать Алжир для французов. Или мы должны предположить, как это часто делалось, что какие-то люди, пришедшие с востока, чтобы колонизировать западную Европу, оставили эти следы своего пребывания в Африке по пути на запад. Третья гипотеза, на которой уже настаивали в конце скандинавской главы, рассматривает эти памятники из грубого камня просто как результат моды, возникшей в определенный период и принятой всеми теми людьми, которые, подобно насамонам, почитали своих умерших и практиковали культ предков, а не внешнего божества.

Из всех этих трех гипотез вторая кажется наименее правдоподобной, хотя и является наиболее общепринятой. Пирамиды были построены, по самым скромным подсчетам, по крайней мере за 3000 лет до н.э.[\[481\]](#) Египет был тогда высокоцивилизованной и густонаселенной страной, и искусство огранки и полировки самых твердых камней в те дни достигло в этой стране такой степени совершенства, которая с тех пор никогда не была превзойдена, и, должно быть, практиковалось за тысячи лет до того времени, чтобы достичь той стадии совершенства, на которой мы сейчас находимся. там найди это. Возможно ли представить себе какую-либо дику восточную расу, спешащую через Нил на своем пути на запад и несущую с собой свои грубые искусства и продолжающую практиковать их в течение четырех или пяти тысяч лет после этого без изменений? Либо кажется более вероятным предположить, что египтяне прогнали бы их обратно, либо, если бы они жили на своей земле подобно израильтянам, а затем ушли, потому что сочли рабство невыносимым, почти наверняка они унесли бы с собой некоторые искусства и цивилизацию народа, среди которого они жили. Если такая миграция действительно имела место, то это должно было произойти в доисторические времена, настолько отдаленные, что ее возникновение может иметь лишь небольшое отношение к аргументации относительно того, кто построил эти алжирские памятники. Но пришли ли они морем? Народы, строившие дольмены, отправлялись в путь из портов Палестины или Малой Азии? Были ли они на самом деле широко известными финикийцами, которым антиквары так любили приписывать эти сооружения? Первый ответ на этот вопрос заключается в том, что в Финикии нет дольменов и что их еще не нашли ни вблизи Карфагена, ни в Утике, ни на Сицилии, ни вообще где-либо, где у финикийцев были колонии. Их нет даже в Марселе, где они поселились, хотя на западном берегу Роны, где у них не было никаких заведений, они встречаются в большом количестве. Возможно, они торговали с Корнуоллом и открыли земли еще дальше на север, но предполагать, что такой маленький народ мог воздвигнуть все мегалитические останки, найденные в Скандинавии и на французском континенте, а также в других странах, где они никогда не селились и, возможно, никогда не посещались, - значит приписывать великие последствия причинам настолько незначительным, что они совершенно несоизмеримы. По-видимому, финикийская мощь была настолько недостаточна для того, чтобы произвести такие эффекты, что это предположение, вероятно, никогда бы не было выдвинуто, если бы в то время, когда оно было выдвинуто, были известны размеры региона дольменов. Даже если отбросить в сторону фактор времени, теперь это явно несостоятельно, и если в приведенной

выше дате, присвоенной этому классу памятников, есть хоть какая-то правда, спорить об этом - просто праздность.

Идея миграции из Франции в Алжир ни в коем случае не столь нелогична. Французские дольмены, насколько теперь известно, определенно кажутся старше африканских — факт, который, если его можно доказать, является фатальным для последнего предположения, — и если мы предположим, что этот класс памятников был изобретен в Западной Европе, требуется только, чтобы элемент времени был подходящим для подтверждения этой гипотезы. Когда кельты центральной Галлии за шесть столетий до христианской эры начали расширять свои границы и давить на аквитанцев, бежали ли последние от своих угнетателей в поисках убежища в Африке, подобно тому как в более поздний период строители дольменов Испании искали покоя на зеленом острове запада? Конечно, не кажется невероятным, что они могли сделать это до такой степени, чтобы вызвать принятие этой формы архитектуры после того, как она стала распространенной в других местах; и поскольку вторгающиеся кельты, вплоть до наступления средневековья, могли гнать непрерывные потоки колонистов в том же направлении, это могло бы объяснить все обнаруженные нами явления, при условии, что мы можем приписать эту современную дату алжирским примерам, которые мне кажутся несомненными.

Однако вряд ли аквитанцы стали бы искать убежища в Африке, если бы там не существовало какого-нибудь родственного племени, которое предоставило бы им кров и радушный прием. Если бы такая раса действительно существовала, это позволило бы значительно избавиться от большинства трудностей, связанных с данной проблемой. Однако мы слишком мало знаем об этнографии Северной Африки, чтобы быть в состоянии сказать, существовал ли там какой-либо такой народ, и если да, то кем могут быть их представители сейчас, и пока наше невежество не рассеется, бесполезно строить предположения о простой вероятности.

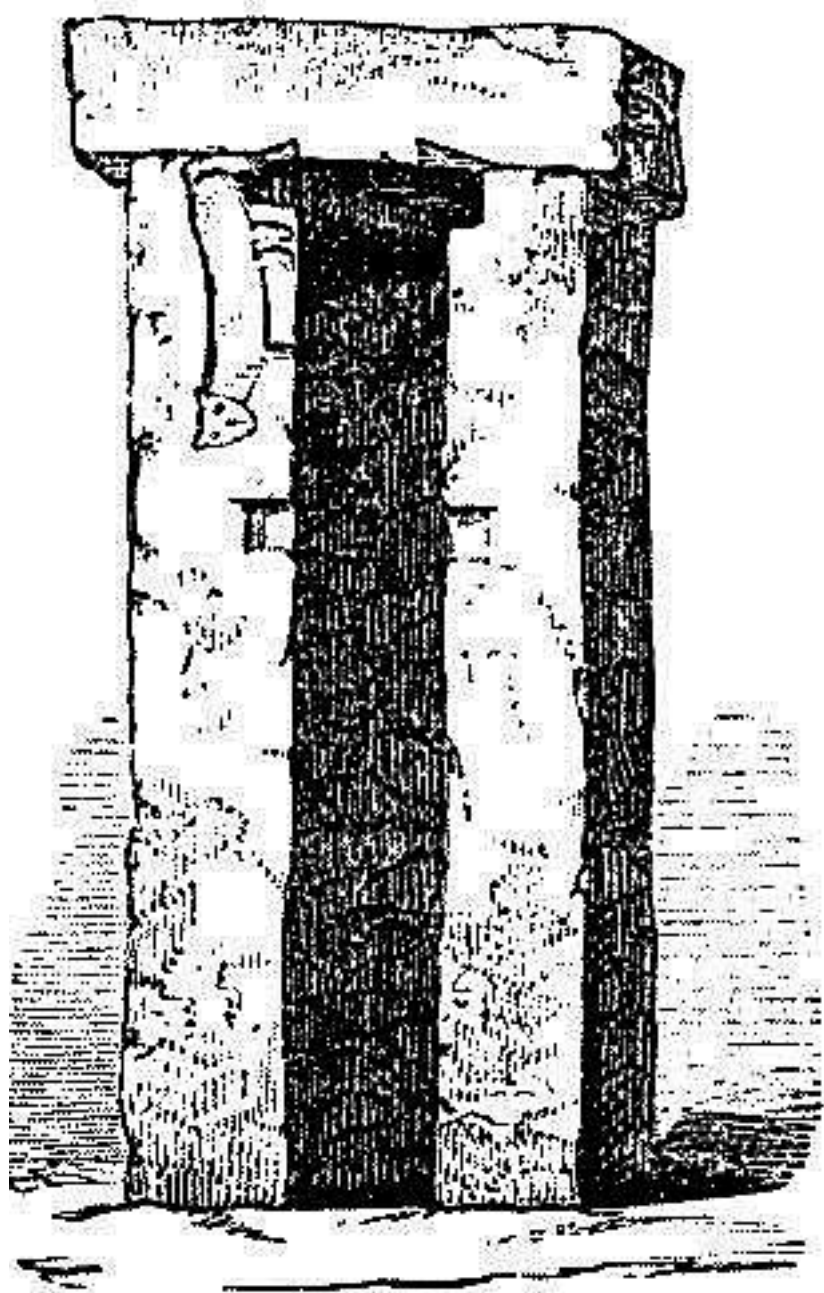
Нам кое-что известно о переселениях народов, расселившихся по берегам Средиземного моря по крайней мере за десять веков до рождения Христа, но ни в греческой, ни в римской, ни в карфагенской истории, ни в какой-либо из традиций их литературы мы не находим намека на какое-либо переселение грубого народа ни через Египет, ни по морю из Азии, и, что, возможно, более важно, у нас нет никаких следов этого ни на одном из промежуточных островов. Нурхаги Сардинии, талайоты Балеарских островов - памятники совершенно иного класса, чем все, что можно найти во Франции или Алжире. То же самое можно сказать и о гробницах Мальты, и, как только что упоминалось, на Сицилии таких останков нет.

Таким образом, мы, похоже, вынуждены вернуться к третьей гипотезе, которая предполагает возникновение архитектурного стиля дольменов в какой-то не очень отдаленный период мировой истории и его повсеместное распространение среди всех тех родственных рас человечества, для которых уважение к духам умерших предков было ведущей характеристикой.

Триполи.

Доктор Барт, по-видимому, единственный путешественник, который за последнее время исследовал районы вокруг Триполи в достаточной степени и обладал необходимыми знаниями, позволяющими ему установить, были ли в этом районе какие-либо памятники из грубого камня. Примерно на полпути между Мурсуком и Гатом он заметил "круг, выложенный очень регулярно большими плитами, похожий на отверстие колодца; а на равнине над утесами - другой круг, выложенный регулярно", и, - добавляет он, - "подобно многим кругам,

которые видели в Киренаике и в других частях Северной Африки, очевидно, связанный с религиозными обрядами древних жителей этих регионов".[\[482\]](#) Это достаточно скудно; но, к счастью, в дополнение к этому он заметил и нарисовал два памятника, которые имеют равное и, возможно, даже большее значение для наших нынешних целей.

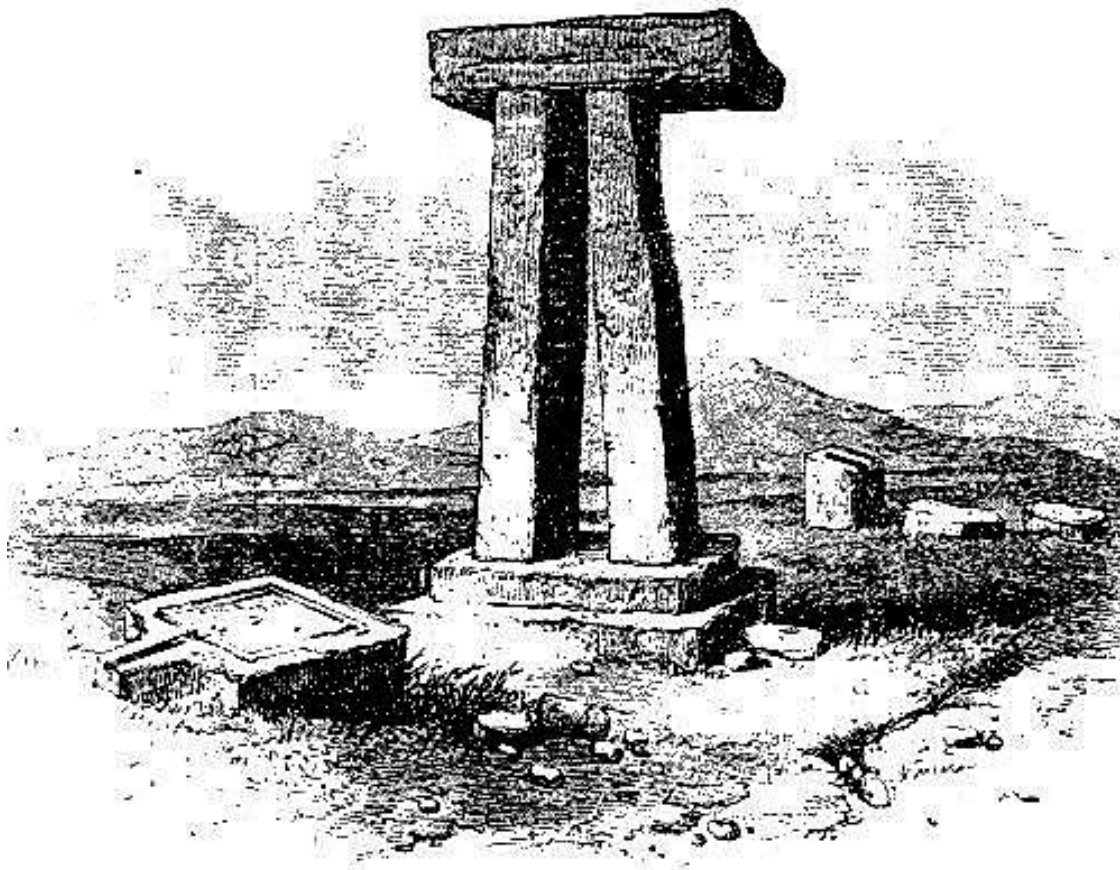

175. Трилитон в Ксее.

Один из них, расположенный в местечке под названием Ксея, примерно в сорока пяти милях к востоку-югу от Триполи, состоит из шести пар трилитов, похожих на те, что представлены на прилагаемой гравюре на дереве. Не приводится ни плана их расположения, ни предположений доктора Барта относительно их использования; он лишь отмечает, что "они никогда не могли быть задуманы как двери, поскольку пространство между вертикальными камнями настолько узкое, что человек обычного роста едва мог протиснуться между ними".[\[483\]](#)

Другой, расположенный в Элькебе, примерно на том же расстоянии от Триполи, но к юго-востоку, еще более любопытен. Это тоже трилитон, но опоры, которые установлены на каменной платформе высотой в две ступени, наклонены внутрь, при этом создается впечатление, что они скопированы с плотницкой формы, а цокольный камень также выступает за пределы стоек способом, очень необычным для каменной кладки. Еще одним любопытным признаком его деревянного происхождения является то, что западная колонна имеет три четырехугольных отверстия на внутренней стороне площадью 6 квадратных дюймов, в то время как соответствующие отверстия в восточной колонне проходят насквозь. Эти столбы имеют площадь 2 фута и высоту 10 футов, в то время как импост имеет размеры 6 футов 6 дюймов.^[484]

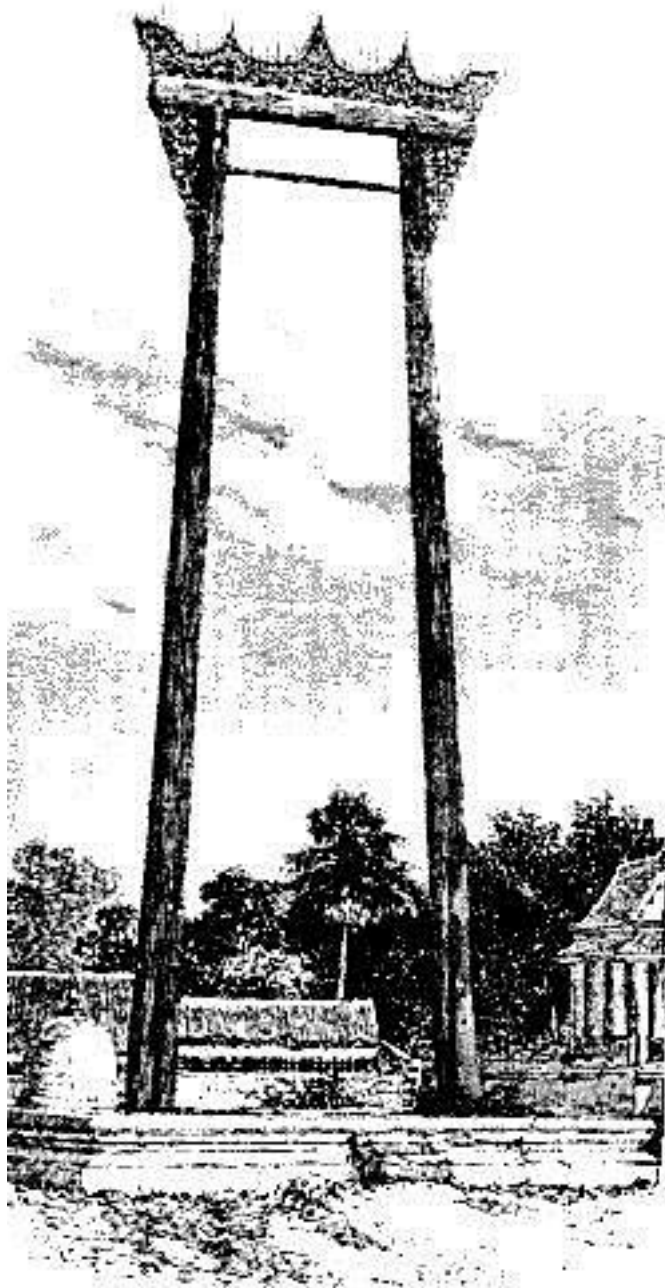
Перед этими колоннами лежит камень с квадратным углублением в нем и носиком с одной стороны. Для чего бы это ни предназначалось, это — если полагаться на гравюру на дереве и описание — точная копия индуистского Йони, и как таковой не вызвал бы замечаний как имеющий что-то необычное во внешнем виде, если бы был найден в современном храме в Бенаресе. За ними на гравюре на дереве видны несколько других камней, очевидно, принадлежащих тому же памятнику, один из которых, по-видимому, был выполнен в виде трона.

176. Трилитон в Элькебе. С рисунка доктора Барта.

Эти памятники, конечно, не одиноки. В стране должны быть другие — возможно, многие другие — сведения о которых могли бы пролить значительный свет на наши расследования. Между тем первое, что бросается в глаза, это утверждение Джеффри Монмутского о том, что "Великаны в старые времена привозили из Африки камни, которые магическое искусство Мерлина впоследствии перенесло из Килдэра и установило в Стоунхендже",^[485] не так уж полностью лишено оснований, как может показаться на первый взгляд. Удаление камней,

конечно, абсурдно, но предположение и дизайн, возможно, попали на запад этим маршрутом.

177. Буддийский памятник в Бангкоке.

Из книги Мухо "Путешествия по Индокитаю, Камбодже и проч.", том I, стр. 218.

Если мы теперь вернемся к странице 100, то, кажется, невозможно не поразиться сходству, существующему между ксилографией № 25 и ксилографиями 175 и 176, особенно первой. Такого сходства более чем достаточно, чтобы исключить всякую неправдоподобность предположения доктора Барта о том, что "следы искусства, которые они демонстрируют, могут быть приписаны римскому влиянию". Это также делает почти несомненным, что эти

африканские трилиты были погребальными, и добавляет еще одно ко многим приведенным выше доказательствам того, что Стоунхендж был как погребальным, так и постримским.

Однако самым любопытным моментом, связанным с этими памятниками, является предположение об индийском влиянии, которое они, особенно памятники в Элькебе, вызывают. Появление наклонных косяков, полученных из столярных форм, можно проследить еще в Индии, в пещерах Бехара^[486] и Западных Гатах, ко второму веку до Рождества Христова, но уж точно не к более ранней дате. Плотницкие формы, но без наклонных косяков, сохранялись в пещерах Санчи и Аджунта до некоторого времени после христианской эры, и там, где используется дерево, фактически используются по сей день. "С соответствующими изменениями", никакие два памятника не могут быть более похожи друг на друга, чем памятник в Элькебе и буддийская гробница в Бангкоке, представленные на гравюре на дереве 177. Сиамской гробнице может быть сто лет; и если мы допустим, что африканский трилитон относится к позднеримскому периоду, у нас будет разница в четырнадцать-пятнадцать веков, что, безусловно, является максимальным сроком, который можно разумно потребовать. На самом деле, вероятно, их было меньше, но если одно из них было доисторическим, мы полностью теряем нить ассоциаций и традиций, которые должны были бы связывать их.

Ко всему этому у нас будет возможность вернуться, а затем обсудить более подробно, когда мы будем говорить об индийских памятниках и их связи с памятниками Запада. В то же время эти двое образуют ступеньку достаточной важности, чтобы заставить нас почувствовать, насколько желательно, чтобы страна, где они найдены, была более тщательно изучена. У меня сложилось впечатление, что ключ к большинству наших тайн скрыт в этих африканских пустынях.

Сноски

^[464] "Международный конгресс", Норвич, 1869, стр. 196.

^[465] Норвичский том "Доисторического конгресса", стр. 196.

^[466] Очень несовершенное издание появилось в "Археологическом ревю" в 1865 году, том xi. pl. v. Оно содержало большинство названий мест, где, как тогда было известно, существовали дольмены, но с тех пор наши знания значительно расширились.

^[467] "Воспоминания о Соц. арх. де Константин, 1864, стр. 127.

^[468] Цветок, в Норвичском томе, стр. 204.

^[469] "Воспоминания и др. Константина", 1864, стр. 124.

^[470] Цветок, в Норвичском томе, стр. 201 *и далее*.

^[471] "Воспоминания и др. Константина", 1864, стр. 109, 114.

^[472] "Воспоминания и др. Константина".

^[473] Другой опубликован М. Бургиньялем в его "Символических памятниках Альгери", стр. i., но он еще более подозрителен.

^[474] Я был вынужден позволить себе некоторые вольности с М. Вырезы Феро; план и высота настолько не соответствуют друг другу, что одно или оба, должно быть, неверны. Я привел их в еще большую гармонию.

^[475] "Доисторический конгресс", Норвич, том, стр. 199.

^[476] "Воспоминания Константина и др.", 1864.

^[477] "Археологическое ревю", viii. стр. 527.

[478] *Ibid.* l. s. c. l. s. c.

[479] "Воспоминания Константина и др.", 1864, стр. 122, стр. xxx.

[480] Цветок, в Норвичском томе, стр. 202-206.

[481] "История архитектуры", i. стр. 81.

[482] "Путешествия и открытия в Северной Африке", i. стр. 204.

[483] *Там же.* стр. 74.

[484] *Там же.* стр. 59. Отверстия на разрезе не показаны.

[485] "Британская история", viii. глава ii.

[486] "История архитектуры" Автора, ii. стр. 483.

ГЛАВА XI. ОСТРОВА СРЕДИЗЕМНОГО МОРЯ.

Прежде чем покинуть Средиземное море и граничащие с ним страны, представляется желательным сказать несколько слов о некоторых "неисторических" памятниках, которые существуют на его островах. Строго говоря, они едва ли укладываются в рамки, отведенные этой книге, поскольку они не являются по-настоящему мегалитическими в том смысле, в каком этот термин использовался на предыдущих страницах; поскольку, хотя в мальтийских памятниках используются камни высотой 15 и 20 футов, они имеют форму и, можно сказать, обтесаны металлическими инструментами, а также конструктивно используются с камнями меньшего размера для образования стен и крыш, и поэтому не могут рассматриваться как грубые каменные памятники. Тем не менее, они имеют с ними такое большое сходство и настолько перемешаны во всех работах, посвященных теме останков друидов и доисторических тайн, что, безусловно, представляется целесообразным объяснить, насколько это возможно, их формы и использование.

Памятники делятся на три класса. Первые, найденные на Мальте, называются там башнями гигантов — "Торре деи гиганти" — название, не имеющее значения, но которое, поскольку также не предполагает гипотез, может быть удобно придерживаться. Второй класс, называемый нурхагами, характерен для Сардинии. Третий, или тальоты, встречается только на Балеарских островах. Между двумя последними группами может быть некоторая связь, но даже в этом случае с определенными местными особенностями, достаточными для того, чтобы их различать. Мальтийские памятники, однако, стоят особняком и, безусловно, не имеют никакой связи с двумя другими, и, как выяснится в дальнейшем, ни один из трех не имеет явного сходства с какими-либо известными памятниками на континенте Европы или Африки.

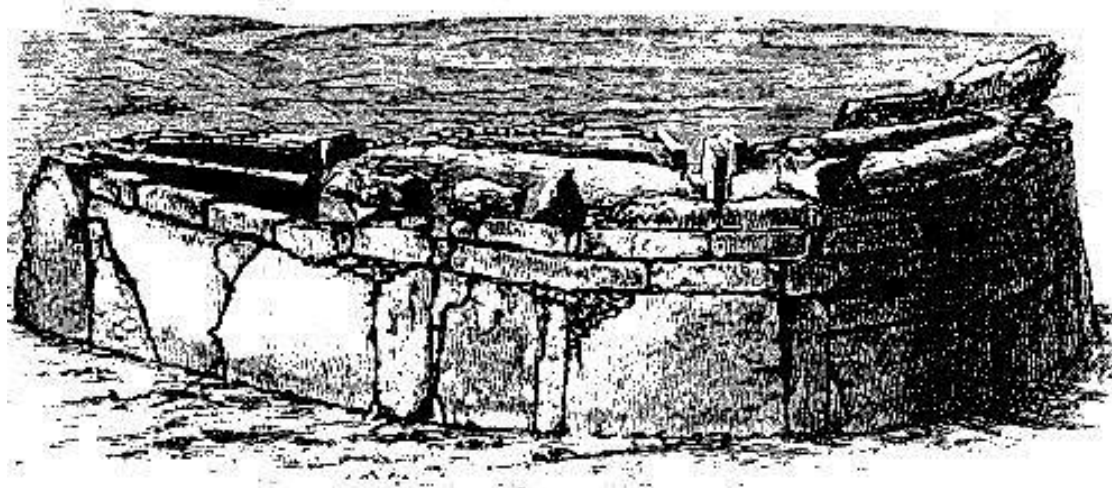
Мальта.

Самые известные памятники мальтийских групп расположены недалеко от центра острова Гозо, в коммуне Барбатто. Когда Хоуэл писал в 1787 году, [487] были известны только внешняя стена с апсидой одной из внутренних камер и входом в другую. Он ошибочно принял правую апсиду второй пары камер за часть круга и поэтому изобразил ее дольменом в центре, к

чему, по-видимому, привело существование реального круга, который затем был найден на расстоянии 350 ярдов от основной группы. Этот круг был 140 футов в диаметре, сложенный из камней, расположенных близко друг к другу и попеременно широких и высоких, как показано на следующей гравюре на дереве, которая представляет заднюю часть главного памятника. Вход был отмечен двумя очень высокими камнями, по-видимому, 20 футов высотой. Внутреннее убранство, по-видимому, было грубым, но на табличках нет ничего, что указывало бы на причину. Когда Хоуэл составлял свой план,[\[488\]](#) все это имело вид того, что называлось обычным "Друидическим кругом", и могло использоваться как таковое для поддержки любой друидической теории. Однако теперь очевидно, что на самом деле это было только начало ограждения пары камер, подобных тем, которые мы находим во всех памятниках этого класса на этих островах. Если план верен, то это был самый обычный из всех, что, помимо того, что казалось, что он никогда не был завершен, наводит нас на мысль, что он был последним в серии. Этот памятник в настоящее время полностью исчез, как и другой, еще более мегалитического вида, который стоял в нескольких ярдах от основной группы, но о котором, к сожалению, у нас нет ни плана, ни подробностей. Это с достаточной отчетливостью показано на картине, находящейся во владении мистера Фрера, и на табличках, выгравированных по рисункам местного художника, которые адмирал Смит привез домой в 1827 году,[\[489\]](#) и которые выгравированы в томе ххii. из "Археологии". К сожалению, текст, сопровождающий эти таблички, носит самый неудовлетворительный характер. Это он частично объясняет тем, что оставил свои измерения полковнику Отто Бейеру, который только что распорядился о раскопках основной пары камер.

Вторая пара камер была раскопана сэром Генри Бувери, когда он был губернатором, незадолго до или около 1836 года, когда граф де ла Мармора опубликовал подробный план и рисунки всего комплекса.[\[490\]](#) Он был заново выгравирован Гейл Або и другими и хорошо известен археологам.

Обнаруженные таким образом памятники состояли из двух пар эллиптических камер, очень похожих по размерам и плану на те, что находятся в Мнайдре ([гравюра на дереве № 179](#)). Наибольшая внутренняя глубина от входа до апсиды основной пары составляет 90 футов; наибольшая ширина в обоих направлениях 130 футов. Правая пара при входе сравнительно невзрачна. Внешняя камера левой пары все еще сохранила при раскопках приспособления, похожие на алтарь в правой апсиде, который был отделен от остальной части тем, что можно назвать экраном для хоров или алтарной оградой; и это было украшено спиралями и геометрическими фигурами, аккуратно и четко вырезанными. Во внутренней комнате, недалеко от входа, находился камень, на котором был изображен барельеф змеи, но больше нигде не было найдено ни одного изображения какого-либо живого существа.

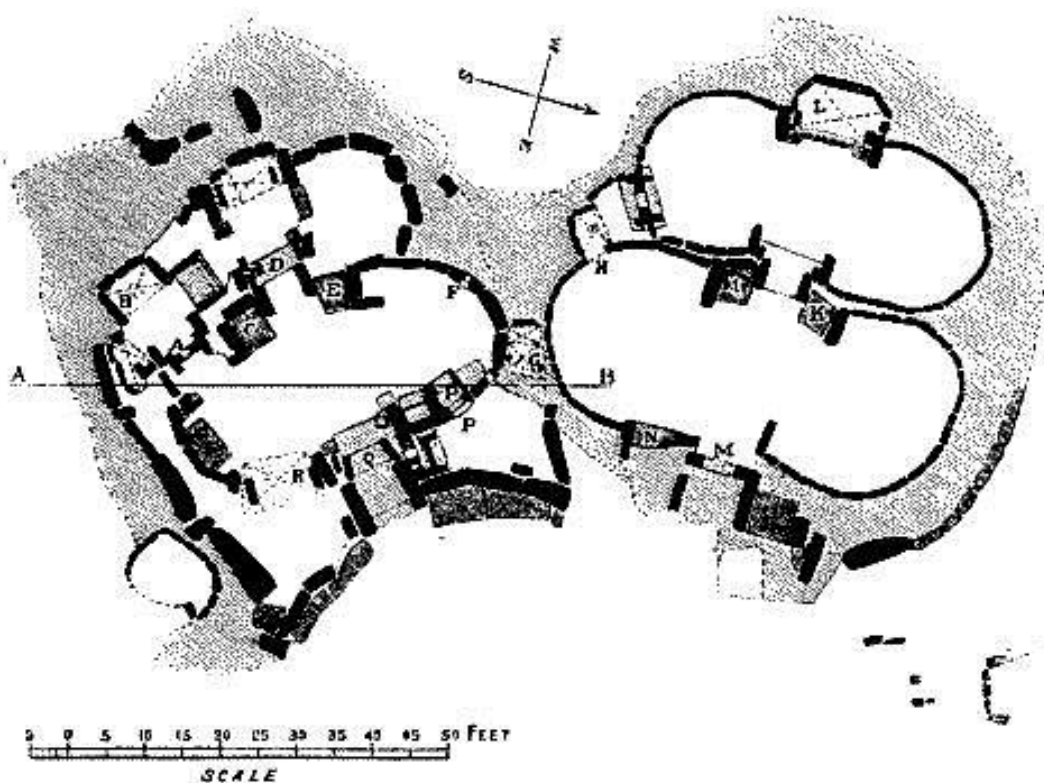
178. Вид снаружи Башни великанов на Гозо.
С рисунка, находящегося во владении сэра Бартла Фрера, К.К.Б.

О внешнем виде памятника можно судить по гравюре на дереве № 178. Нижняя часть стены состоит попеременно — как в только что упомянутом круге — из больших камней, уложенных по бокам, и камней поменьше, стоящих перпендикулярно между ними. Над этим рядами камней правильной каменной кладки, и, вероятно, до начала крыши здесь был какой-то карниз или струнный ход, но ни в одном из этих памятников от этого не осталось и следа.

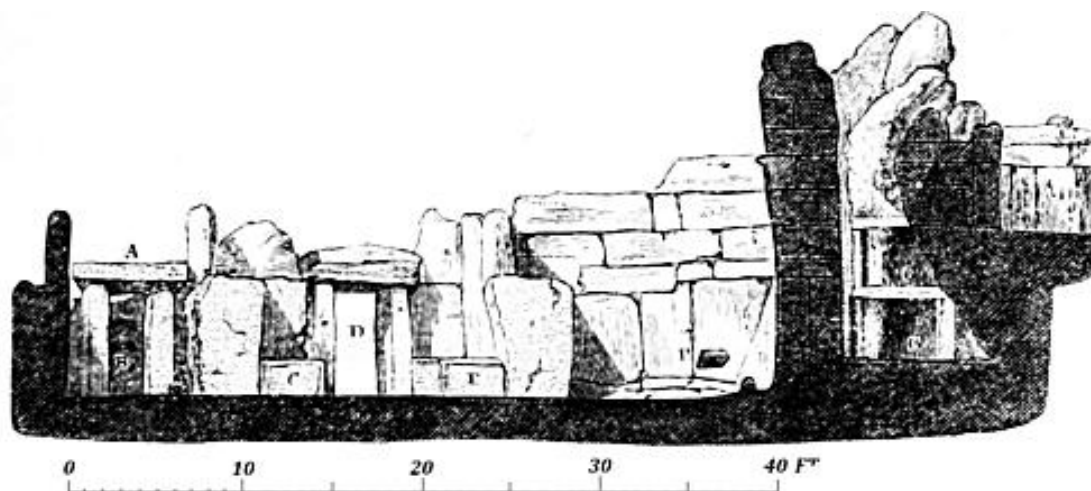
Вторая группа, известная как Хагиар-Хем, расположена недалеко от Кренди, на южной стороне острова Мальта, и является самой обширной из известных. Главный монумент содержит, помимо обычной пары камер, четыре или пять боковых камер; а недалеко к северу находится второй монумент, содержащий по крайней мере одну пару; а к югу - третью группу, но настолько разрушенную, что трудно разобрать план. О существовании памятника были известны только верхушки стен и высокие камни, которые все еще возвышаются над стенами, пока в 1839 году сэр Генри Бувери не разрешил потратить часть государственных средств на его раскопки. Отчет об этих раскопках с планом и рисунками был опубликован в то время на Мальте лейтенантом Фоулисом. План был повторен, однако менее подробно, в "Археологии",^[491] и впоследствии в Норвичском томе Международного доисторического конгресса, составленном мистером Ферцем на основе обзора, недавно проведенного Королевскими инженерами.

Третья группа, известная как группа в Мнайдре, расположена недалеко от последней, между ней и морем; и поскольку она никогда не публиковалась, ее план приведен здесь^[492] по результатам обследования, проведенного капралом Мортимером из Королевских инженеров. Как и памятник Гозо, он состоит из двух пар расположенных рядом овальных камер. Правая пара, в данном случае, больше и проще по дизайну, чем левая, но она настолько идентична, как по плану, так и по размерам, правой паре в Гозо, что они, вероятно, одного возраста и служили для одних и тех же целей. Они также, насколько это возможно, имеют одинаковые размеры: оба будут заключены своими боковыми стенами в круг

диаметром 75 футов. Левый конус в Мнайдре был бы почти такого же диаметра; но на Гозо соответствующая ограда должна была иметь 100 футов в диаметре, и фактически имела, а внутреннее помещение размером 80 на 50 футов, включая апсиду, было самым большим и прекрасным помещением такого класса на островах.

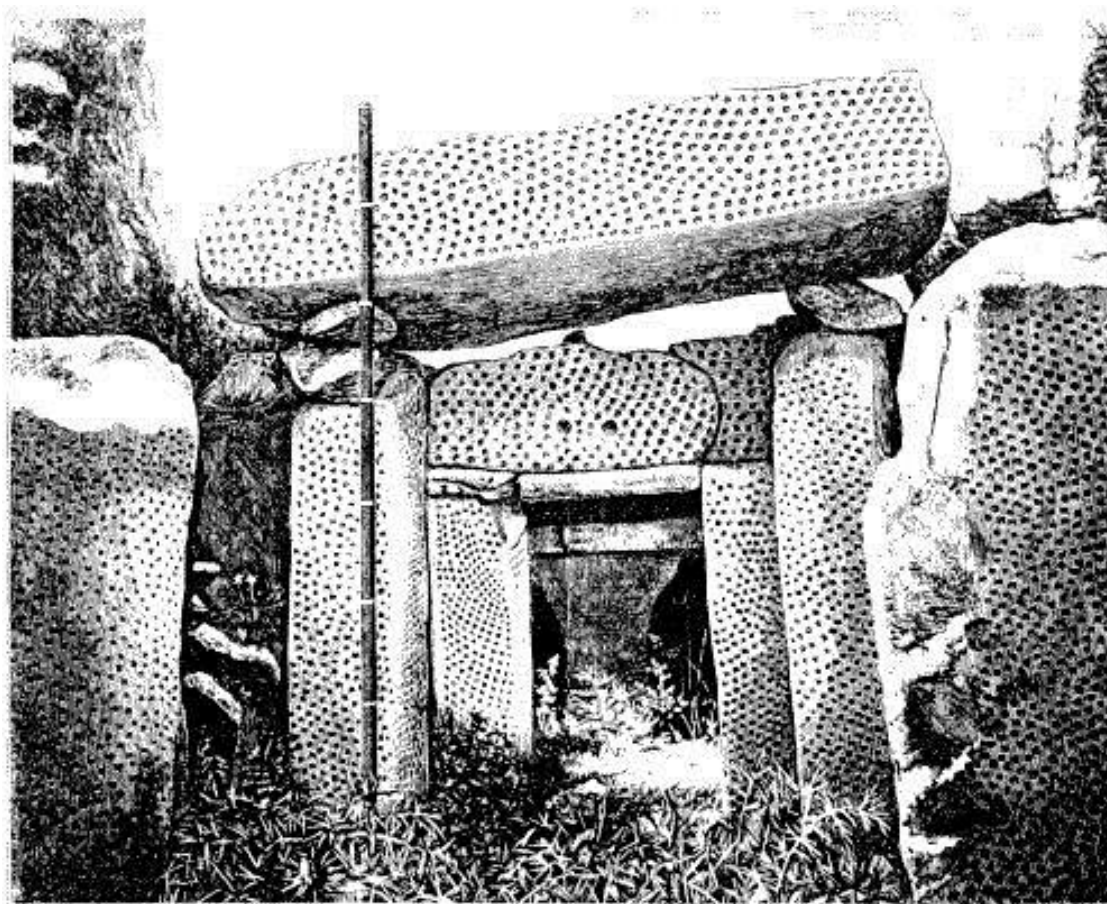
179. План монумента Мнайдра. Из книги капрала Мортимера "Один".

180. Секция на линии А В, проходящая через Нижнюю пару камер, Мнайдра.

Раздела, посвященного нижним помещениям ([гравюра на дереве № 180](#)), будет достаточно, чтобы объяснить общий внешний вид этих зданий внутри, в том виде, в каком они стоят сейчас. А - это вход в небольшое квадратное помещение, в котором стоит алтарь или стол, более полно показанный на следующей гравюре на дереве (№ 181) с фотографии, которая также гораздо яснее передает особый стиль орнаментации с бесчисленными "отметинами", характерный для этих мальтийских памятников. D - это вход в другую камеру, которая, если бы не вмешательство последнего описанного элемента, имела бы обычную

эллиптическую форму. У меня сложилось впечатление, что левая апсида была убрана через некоторое время после возведения памятника, чтобы допустить ее установку. По обе стороны дверного проема расположены сиденья С и Е, которые всегда используются в подобных ситуациях. За ним, в точке F, находится одно из тех таинственных отверстий, которые так часто встречаются; оно также видно вместе с другим на гравюре на дереве № 182. Между этим помещением и верхним помещением Н находятся два яруса полок или локул, которые также находятся на Гозо и значение которых трудно предположить, если они не использовались как колумбарии для погребальных целей.

181. Вход в камеру Б, Мнайдра, виден стол внутри.
(Стержень разделен на английские ножки.)

Здесь возникает сложный вопрос о том, какая из этих двух пар квартир старше — верхняя, с более простым стилем и камнями поменьше, или квартиры с камнями побольше и более богато украшенными композициями. В целом, я склонен думать, что чем проще, тем старше: среди прочих причин, потому что пол правой пары в Mnajdra находится на 10 футов выше уровня квартир левой стороны. Поскольку все здания расположены на возвышенностях, кажется невероятным, что первый встречный выбрал бы место, возвышающееся на высоте 10 футов над ним и соприкасающееся с его наполовину погребенным зданием. Но, помимо этого местного указания, представляется вероятным, что стиль был прогрессивным, и что эта правосторонняя камера в Мнайдре может быть самой старой, а большая камера на Гозо — последней завершенной из всех, которые мы знаем.

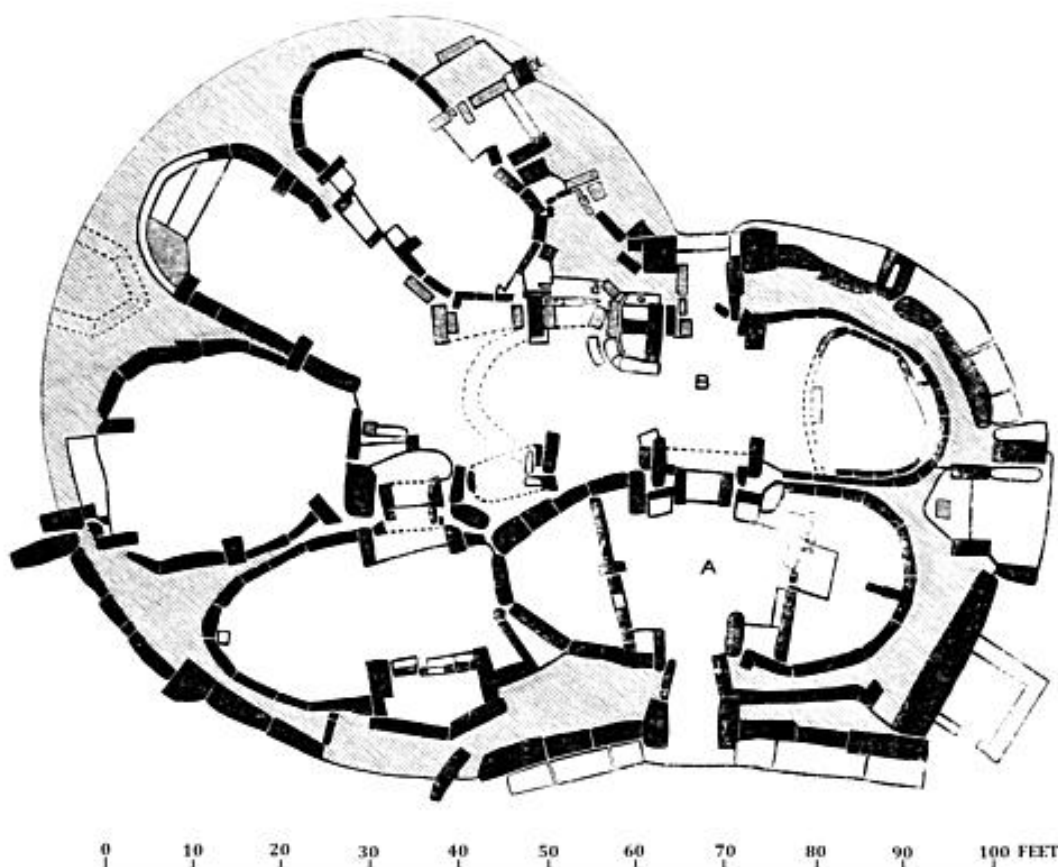

182. Северный конец левой внешней камеры в Мнайдре. С фотографии.

Раскопок в Мнайдре, а также в Хагиар-Хеме было достаточно, чтобы решить вопрос о том, как были покрыты крыши этих зданий. Вышеприведенная гравюра на дереве с фотографии показывает изгиб крыши северного конца внешней левой камеры, но, как и фотографии в целом, делает это неинтеллигентно. Полковник Коллинсон, однако, сообщает мне, что они выходят наружу со скоростью 1 фут на 10, и он подсчитал, что они должны сходиться на высоте 30 футов настолько близко, что их можно было бы закрыть одним камнем. Он, однако, упускает из виду тот факт, что все эти горизонтально построенные купола, будь то в Греции, Италии или Сардинии, криволинейны, их сечение напоминает готическую стрельчатую арку, и, следовательно, при наклоне вперед со скоростью 1 к 10 вблизи пружины они, несомненно, сошлись бы в этом зале на расстоянии 15 или 20 футов от своего основания. Когда мы вспоминаем, что перед Троянской войной пеласгические архитекторы Греции перекрыли помещения диаметром 50 и 60 футов (*предварительный просмотр*, [страница 33](#)), мы не должны удивляться тому, что мальтийские архитекторы боролись с апсидами шириной 20 футов. Обычно это признавалось несложным, но некоторые авторы были озадачены, задаваясь вопросом, как плоские пространства, соединяющие две апсиды, могли быть покрыты такой крышей. Тщательное изучение планов мальтийского здания, по-видимому, облегчает эту задачу. Если посмотреть, например, на план Мнайдры, то в крайнем правом углу будет видна подпорная стена, представляющая собой сегмент круга диаметром 75 футов, который, продолжая его по всему кругу, окружает обе камеры. Если подобный круг начертан вокруг левых камер, он в равной степени охватывает их, и круги соприкасаются или имеют одну боковую стенку в точке, где находится группа ячеек. Учитывая это, легко увидеть, что внешняя форма крыши представляла собой ступенчатый конус, покрывающий внутренние крыши и таким образом избегающий гребней и впадин, которые сделали бы самостоятельную кровлю невозможной. Таким образом, внешний вид здания представлял

бы собой два равных конуса, соединенных вместе и возвышающихся, вероятно, на высоту 50 футов над своими выступами. Возведение такого конуса на окружающей стене толщиной всего 8 или 10 футов может на первый взгляд показаться немного трудным для таких грубых строителей, какими были мальтийцы, когда возводили эти купола, но когда мы вспоминаем, что конус был разделен надвое поперечной стеной, которая, возможно, была возведена по всей высоте, все трудности исчезают.

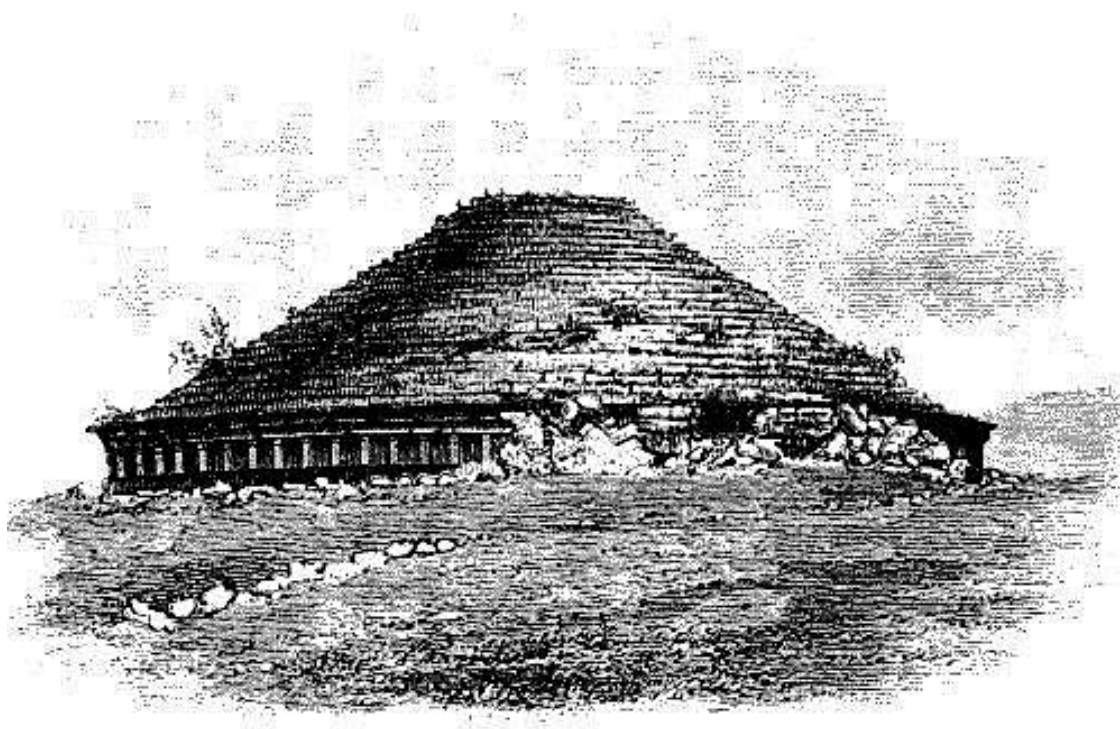
Когда мы применяем эти принципы к руинам в Хагиар-Хеме, их история сразу становится понятной. Первоначально памятник, по-видимому, состоял из одной пары камер обычной формы, А и В прилагаемого плана; но возникла необходимость в расширении, центральная апсида внутреннего помещения была удалена и преобразована в дверной проем, а левая боковая апсида также была удалена, чтобы сделать вход в четыре других яйцевидных помещения, которые были расположены радиально так, чтобы быть перекрытыми конусом диаметром 90 футов. И здесь трудность построения конуса таких размеров, если таковая вообще существует, преодолевается многочисленными точками опоры на перпендикулярных стенах, которые пронизывают здание как соты. Внешний вид этого здания представлял бы собой один большой конус диаметром 90 футов, закрывающий камеры и анастомозирующий с другим диаметром 60 футов или на треть меньше, закрывающим входные камеры.

183. План Хагиар-Хема, частично восстановленный.

Восстановленные таким образом, по внешнему виду эти памятники были бы очень похожи на Куббер-Румейя близ Алжира и Мадрасен Блидах. Первый был 200 футов в диаметре, с конусом, ступенчато поднимающимся на высоту 130 футов, что было меньше по пропорциям,

чем предполагалось выше, но его внутренняя часть была почти сплошной, и поэтому допускала любой угол, который мог показаться наиболее красивым. Мадрасен выглядит еще ниже, но ни один правильный раздел в нем не был опубликован. В настоящее время установлено, что Куббер-Румейя была гробницей мавританских королей вплоть до времен Джубы II., или примерно до христианской эры.^[493] Судя по стилю, Мадрасен может быть на столетие раньше. Как бы то ни было, мне вряд ли кажется сомнительным, что эти гробницы представляют собой позднеримские переводы того типа, к которому принадлежали мальтийские образцы; но промежуточные звенья в длинной цепи, которая их связывает, еще предстоит восстановить.

184. Вид на Мадрасен. С фотографии из книги Блейкли "Четыре месяца в Алжире".

Внутренне эти мальтийские памятники грубы и демонстрируют очень мало попыток украсить их. Внутренние покои, будучи темными, довольно просты, но внешние, пропускающие определенное количество света через дверь, имеют пропорциональное количество украшений. На Гозо, во внешнем помещении, есть, как упоминалось выше, завитки и спирали, выполненные в стиле гораздо более изысканном, чем в Ирландии или в грубых памятниках вообще, но больше напоминающие те, что найдены в Микенах и других частях Греции. В Хагиар-Хеме и Мнайдре любимым украшением являются отметки ям. Имеют ли они какое-либо сходство с теми, которые сэр Дж. Симпсон так обильно проиллюстрировал,^[494] ни в коем случае не ясна. На Мальте они равномерно распределены по камню и являются таким украшением, которое можно использовать и в наши дни ([гравюра на дереве № 181](#)). В одной из внешних камер в Хагиар-Хеме был найден алтарь, а в обоих мальтийских памятниках - каменные столы высотой от 4 до 5 футов (один показан на [гравюре на дереве № 181](#)), использование которых четко не разобрано. Они слишком высоки для алтарей, и, за исключением Балеарских островов, нигде больше ничего подобного им не известно.

После того, что было сказано выше, вряд ли стоит вступать в спор о том, являются ли эти здания храмами или гробницами. Одного их положения в данном случае достаточно, чтобы доказать, что они не принадлежат к первому классу. Люди не возводят три или четыре храма нерегулярно, как на Гозо, в двух шагах друг от друга, на голом клочке земли, вдали от каких-

либо населенных пунктов. То же самое происходит и в Хагиар-Кхеме, где определенно существуют три, возможно, четыре группы камер; и Мнайдру можно почти считать частью той же группы или кладбища.

Мальта, как говорят, была колонизирована финикийцами, по крайней мере, так было во времена Диодора,^[495] хотя нам не сообщается, насколько раньше они заселили ее, и в какой степени они вытеснили первоначальных жителей. Мы также случайно узнаем, что у них были храмы, посвященные Мелькарту и Астарте. Это весьма вероятно, и если так, то их останки будут найдены недалеко от их гаваней и там, где они обосновались; и полковник Коллинсон сообщает мне, что остатки колоннообразных зданий были найдены как в Марса Сирокко, так и возле док-ярд-крик в Валлетте. Скорее всего, это остатки храмов, о которых идет речь, хотя, возможно, они были перестроены во времена Римской империи. Маленькие фигурки, найденные в покоех в Хагиар-Хеме, могут быть изображениями кабейри, хотя я сомневаюсь в этом; но маленькие обезглавленные уродцы высотой 20 дюймов, некоторые из камня, а некоторые из глины, не являются божествами, которым поклонялись бы в таких храмах, хотя они могли бы быть подношениями на могиле.

Если эти здания были гробницами, то это были места захоронения людей, которые сжигали своих умерших и бережно сохраняли их прах, и которые проявляли величайшее уважение к своим захороненным умершим еще долгое время после их кончины. Во внутренних покоех есть полки и шкафы из камня, а также множество мелких приспособлений, которые, кажется, невозможно понять, кроме как предположив, что это были места для хранения этих священных останков. В некоторых нишах есть двери, вырезанные из цельной плиты площадью 2 и 3 квадратных фута в проеме, некоторые настолько малы, что человек едва мог протиснуться, а в некоторых есть отверстия, в которые можно просунуть только руку,^[496] но, судя по скидке за пределами всего, намерение, похоже, состояло в том, чтобы все они были закрыты.

Хотя из всего этого можно сделать вывод, что это не храмы в обычном смысле этого термина; внешние помещения можно рассматривать как залы, в которых проводились религиозные церемонии в честь умерших, и, пока, как места поклонения; но по сути это были гробницы, и их использование было погребальным.

Мы так мало знаем о древней истории Мальты, что чрезвычайно трудно даже догадаться, кто были люди, воздвигшие и использовавшие эти гробницы. Большинство людей сразу ответили бы, финикийцы; но, чтобы подтвердить их утверждение, необходимо одно из двух—либо у нас должны быть какие-то прямые свидетельства того, что они воздвигли эти памятники, либо мы должны быть в состоянии показать, что они воздвигли подобные гробницы либо возле своих собственных домов, либо в другом месте. Ни того, ни другого доказательства не представлено. Подобных гробниц не найдено ни вблизи Тира, ни в Сидоне, ни вблизи Карфагена, и классические авторитеты хранят абсолютное молчание по этому вопросу. Памятники, наиболее похожие на них, - это гробницы в Микенах, но различия настолько велики, что я бы не стал особо подчеркивать любое незначительное сходство, которое существует. Греческие памятники всегда предназначались для захоронения в курганах. Памятники на Мальте имеют снаружи настолько ярко выраженный и декоративный подиум, что очевидно, что они никогда не были так замаскированы. Возможно, это трудно доказать, но я полагаю, что если мы когда-нибудь и найдем их оригиналы, то искать их нужно именно в Африке. Они слишком не похожи ни на что другое в Европе.

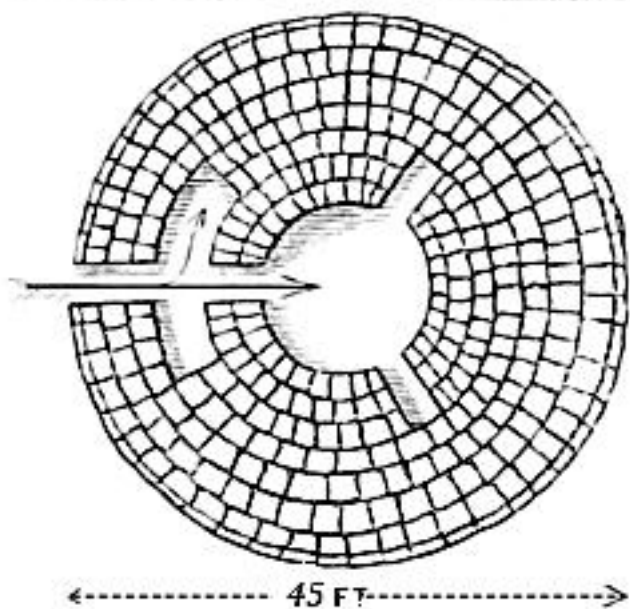
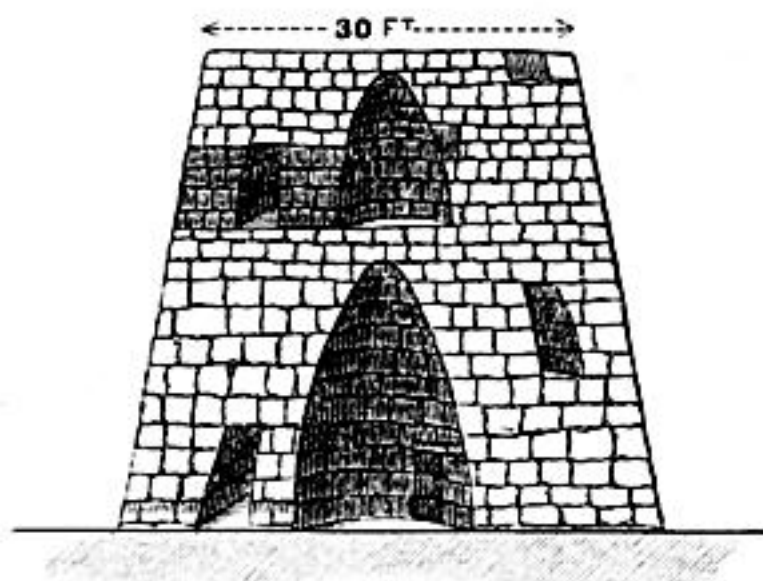
Определить их возраст кажется еще более трудным, чем установить их происхождение. Глядя на природу камня, состояние его сохранности и другие обстоятельства, я не могу

поверить, что они очень древние. Если бы они находились в Греции, или в Европе, или где-либо еще, где их можно было бы сравнить с другими памятниками, можно было бы сделать некоторые полезные выводы; но они настолько уникальны, что этот режим недоступен. У нас нет ничего, с чем мы могли бы с уверенностью сравнить их, и мы настолько плохо осведомлены о древней истории Мальты, что ни в малейшей степени не можем сказать, в каком возрасте она достигла той стадии цивилизации, которую олицетворяют эти памятники. Однако мы, вероятно, можем с уверенностью предположить, что они доримские, и столь же безопасно полагать, что они не более ранние, чем памятники Микен и Тирнса; короче говоря, что они относятся к какому-то периоду между Троянской и Пунической войнами, но, скорее всего, гораздо ближе к первой, чем ко второй эпохе мировой истории.

Сардиния.

Любопытной иллюстрацией фрагментарного характера общества в древнем мире является то, что Сардиния обладает классом памятников, абсолютно присущих ей самой. На этот раз это не десять или дюжина памятников, как на Мальте, но они исчисляются тысячами и настолько похожи друг на друга, что перепутать их невозможно и, что еще более странно, так же трудно проследить какой-либо прогресс или изменения среди них. Талиоты Балеарских островов могут быть похожи на них, но, за исключением них, нурхаги Сардинии стоят совершенно особняком. Ничего хотя бы в малейшей степени похожего на них нет ни в Италии, ни на Сицилии, ни вообще где-либо еще, насколько известно в настоящее время.

Нурхага легко узнать и легко описать. Это всегда круглая башня, со сторонами, наклоненными под углом около 10 градусов к горизонту, ее размеры варьируются от 20 до 60 футов в диаметре, а высота обычно равна ширине основания. Иногда они имеют один, часто два и даже три этажа в высоту, центр всегда занят круглыми помещениями, построенными из выступающих камней, образующих купол в виде заостренной арки. Камера обычно занимает одну треть диаметра, а толщина стен составляет оставшиеся две трети. На платформу наверху башни неизменно ведет пандус или лестница. Эти особенности будут понятны из прилагаемого раздела и плана одного из произведений Де ла Мармори.^[497]

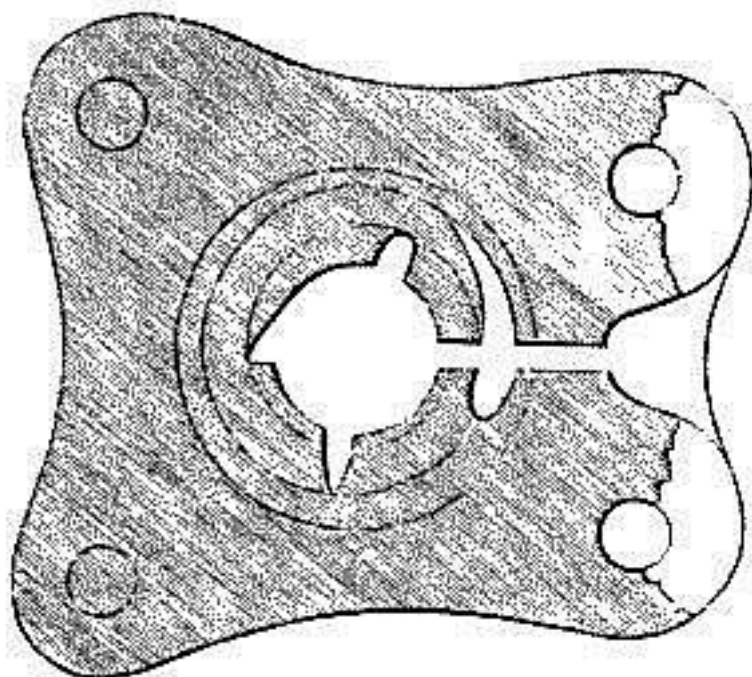
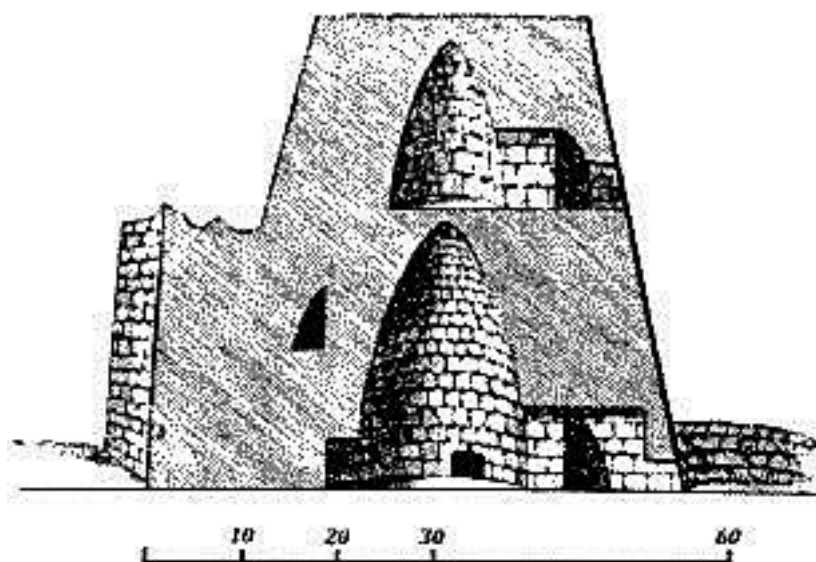
185. Нурхаг. Из Мраморного моря.

186. Нурхаг из Санта-Барбары.

Когда Нурхаги имеют высоту более одного этажа, они обычно окружены другими, которые прикреплены к ним платформами, часто значительной протяженности. У этого в Санта-Барбаре есть или были четыре небольших Нурхага, заключенных в четырех углах платформы, доступ к которым осуществлялся через дверной проем в центральной башне; но часто есть и отдельные пандусы, когда платформы обширны. Кладка этих памятников, как правило, аккуратная, хотя иногда камни не обтесаны, но нигде не видно никаких попыток воссоздать мегалитическое величие.

В то же время на них нет абсолютно никаких архитектурных украшений, которые могли бы дать нам какой-либо намек на их сходство; и на них не найдено ни надписей, ни изображений, ни скульптур любого рода. В этом отношении они так же необщительны, как наши собственные памятники из грубого камня.

187. Нурхаг из Санта-Барбары. Из Мраморного моря.

Письменная история почти столь же безмолвна. Удалось раскопать только один отрывок, который, по-видимому, относится к ним. Это греческий труд, широко известный как "De Mirabilibus Auscultationibus",^[498] и с сомнением приписывается Аристотелю. Оно имеет следующий смысл: "Говорят, что на острове Сардиния существуют, среди других красивых и многочисленных зданий, построенных по образцу древних греков, определенные купола (Θόλοι) изысканных пропорций. Далее говорится, что они были построены Иоласом, сыном Ификла, который, взяв с собой Феспиаду, отправился колонизировать этот остров ". Это определенно выглядит так, как если бы Нурхаги существовали, когда была написана эта книга, хотя описание сделано человеком, который, очевидно, никогда их не видел. Диодор настолько подтверждает это, что говорит: "Иолай, основав колонию, привез Дедала с Сицилии и построил многочисленные и величественные сооружения, которые существуют по сей день и называются Дедалианскими по имени их строителя";^[499] и в другом абзаце он возвращается к почитанию, "в котором имя Иолай задержан. Это тоже

неудовлетворительно, поскольку написано человеком, который никогда не посещал остров и не видел памятников, о которых он говорил.

Вряд ли стоит удивляться, что здания, столь загадочные и непохожие ни на какие известные существующие в других местах, должны были породить спекуляции, почти столь же дикие, как те, что витают вокруг наших собственных памятников из грубого камня. Различные выдвинутые теории перечислены и описаны Де ла Марморой[500] настолько полно, что нет необходимости ни перечислять их здесь, ни отмечать какие-либо, кроме трех, которые, кажется, действительно имеют какое-то правдоподобное основание.

Первый из них предполагает, что нурхаги были сторожевыми башнями или укреплениями.

Второе, что это были храмы.

Третья - что это были гробницы.

188. Карта Ла-Гиары. Из Мраморного моря.

Глядя на положения, в которых они находятся, можно сказать, что первая из этих теорий не так уж лишена основания, как может показаться на первый взгляд. Как правило, все они располагаются на высоте и на таком расстоянии, чтобы их было видно друг от друга, и, следовательно, они могли общаться, по крайней мере, сигналом. Возьмем, к примеру, такой пример, как Гиара, недалеко от Исили ([гравюра на дереве № 188](#)). Любой инженерный офицер был бы в восторге от того, как занята позиция. Каждая выгодная точка по окружности

занята, а две точки внутри укреплены, чтобы действовать как опоры. Проектировщик укрепленного лагеря в Линце мог бы в изумлении протереть глаза, обнаружив, что его изобретения опередили на три тысячи лет, а башни внешне настолько похожи на его собственные, что их с трудом различает неопытный глаз. Форма самих башен придает значительную правдоподобность оборонительной теории. Такой Нурхаг, например, как в Санта-Барбаре (гравюры на дереве № 186, 187), окруженный четырьмя меньшими, соединенными платформой и над которым возвышается центральная башня, является средством защиты, которое мы могли бы сейчас принять, при условии, что мы можем предположить существование парапета, который обвалился от времени.

Когда мы начинаем более внимательно рассматривать этот военный вопрос, мы понимаем, что пытаемся применить к народу, у которого, безусловно, не было снарядов, которые летели бы дальше стрел, принципы, адаптированные к артиллерийскому или ружейному огню. Нурхаги расположены на таких расстояниях, что не могли оказывать друг другу поддержки до изобретения пороха, и, хотя сами по себе они не являются беззащитными, у них есть радикальный недостаток в том, что у них нет жилья для своих гарнизонов. Невозможно, чтобы люди могли жить, готовить и спать в маленьких круглых квартирах внутри них, а платформы очень мало добавляли к их жилью. Если бы четыре отдельно стоящих Нурхага в Санта-Барбаре были соединены только стенами, чтобы окружить центральную башню двором, дело было бы совсем по-другому; но поскольку во всех случаях она засыпается, образуя платформу, очевидно, что при их строительстве стремились к открытости, а не к укрытию.[501]

Другой, и даже более сильный аргумент вытекает из их количества. Де ла Мармора утверждает, что останки по меньшей мере трех тысяч нурхагов сейчас можно проследить на Сардинии,[502] и, кажется, нет причин сомневаться в правдивости его подсчетов, равно как и в его утверждении, что когда-то их было гораздо больше и что они довольно равномерно распределены по всему острову. Может ли кто-нибудь представить себе состояние общества на таком острове, которое требовало бы наличия трех тысяч замков и при этом ни одного укрепленного города в качестве убежища? Они были возведены не для защиты острова от внешнего врага, потому что большинство из них находятся внутри страны. Их нельзя было заставить служить для защиты богатых во время восстаний или гражданских войн или для того, чтобы разбойники могли безопасно грабить мирных жителей равнины. Короче говоря, если только древние сардинцы не жили в обществе, о котором мы нигде ничего не знаем, эти нурхаги определенно не были военными сооружениями.

Когда мы обращаемся ко второй гипотезе и пытаемся рассматривать их как храмы, мы сталкиваемся почти с теми же трудностями, что и теория фортификации. Если это храмы, то они не похожи на храмы любого другого народа. Обычно предполагается, что это были храмы огня, судя по их названию *Нур*— на семитских языках означающему огонь, — но больше по их конструкции. Маленькие круглые камеры в их интерьерах превосходно подходят для сохранения священного огня, а внешние платформы также хорошо приспособлены для того сабейского поклонения планетам, которое, как обычно считается, связано с огнепоклонством. Но если предположить, что это так, то почему их так много? Мы можем пересчитать по пальцам все храмы огня, которые существуют или когда-либо были известны о существовании в огнепоклоннической Персии; и если дюжина удовлетворяла ее духовные потребности, то какая необходимость была в трех тысячах, или, вероятно, вдвое большем количестве, на маленьком и малонаселенном острове Сардиния? Была ли у каждой семьи или маленькой деревенской общины свой отдельный храм на ближайшем возвышении? и совершал ли каждый свое богослужение отдельно от остальных? Насколько нам известно,

среди них нет никакой подчиненности, ничего соответствующего соборам, приходским церквям или часовням. Некоторые из них меньше, или некоторые образуют более обширные группы, чем другие, но повсюду царит исключительно республиканское равенство, совсем не похожее на иерархическое чувство, которое мы находим в большинстве религий. Еще в одном отношении они не похожи на храмы других народов. Ни один из них не расположен в городах или деревнях, или вблизи населенных пунктов острова.

Должны ли мы тогда принять третью гипотезу, что это были гробницы? Здесь мы снова сталкиваемся с теми же трудностями. Если это и были гробницы, то они не похожи на гробницы других людей, с которыми мы знакомы. Их количество в данном случае, однако, не вызывает затруднений. Такова природа случая, когда захоронения должны накапливаться, и, следовательно, их количество является одним из сильнейших аргументов в пользу этого места назначения. Их положение также не противоречит этой точке зрения. Нет ничего более вероятного, чем то, что люди хотели бы хоронить своих мертвых на возвышенностях, где их могилы можно увидеть издалека. На самом деле, кажется, мало что можно сказать против этой теории, за исключением того, что в них не было найдено никаких могильных останков. Это правда, что Де ла Мармора нашел скелет, похороненный в одном из них в Изель, [503] и, по-видимому, помещен так, что погребение должно было состояться до того, как башня была построена или, во всяком случае, закончена; но наличие только одного трупа из двух тысяч нурхагов решительно противоречит теории, поскольку там, где был похоронен один, было бы найдено больше, если бы такая форма погребения была обычной, и среди сотен разрушенных и полуразрушенных нурхагов должны были быть найдены какие-то свидетельства того, что здесь преобладали какие-либо обычные погребальные обычаи. На мой взгляд, неизбежным представляется вывод, что если это и были гробницы, то принадлежавшие народу, который, подобно современным парсам, выставял своих мертвецов на съедение птицам небесным. Если в нурхагах и есть какая-то особенность, более последовательная или более существенная, чем другая, то это лестницы или пандусы, которые обеспечивают доступ к их платформам. Это, без сомнения, показывает, что платформа была той особенностью, ради которой было возведено здание, будь то для защиты, богослужения или погребения, и там, должно быть, были выполнены ее цели. Но возможно ли, что такая практика когда-либо преобладала на Сардинии? Было бы, конечно, опрометчиво отвечать, что да. Но обычай старый. Что-либо столь исключительное среди современных обычаев не является вчерашним изобретением, и, возможно, оно было гораздо более распространено, чем сейчас, и, возможно, в очень древние времена было завезено какими-нибудь восточными колонистами на этот Западный остров. Вряд ли я осмелюсь предположить, что это было так; но несомненно, что такие башни во всех отношениях идеально соответствовали бы "Башням Молчания" современных персов, а маленькие боковые камеры в башнях идеально подошли бы в качестве вместилищ для обнаженных костей, когда пришло бы время их собирать.

Один из аргументов против того, что они являются гробницами, был выдвинут на основании того факта, что часто в непосредственной близости от них обнаруживается другой класс могил, называемых гробницами гигантов. Вывод, который я бы сделал из этого, заключается в обратном смысле. Гробницы этих гигантов обычно представляют собой длинные надгробия из аккуратно подогнанных камней с высоким фронтисписом, который сделан из одного камня, всегда тщательно обтесанного, а иногда и резного. По обе стороны от входа тянутся две ветви, образующие спереди полукруг, а когда круг завершается отдельными стоящими менгирами, им обычно придают форму конусов и вырезают резьбу. Фактически, все это имеет более развитый и современный вид, чем нурхаги, и, когда я читал загадку, жители приняли эту форму и ту, что была найдена в нурхаге в Исель, после того, как они перестали

использовать сам нурхаг как средство захоронения своих мертвецов, но все еще цеплялись за места, которые стали священными благодаря праху их предков.

То, что нурхаги древние, вряд ли допускает сомнения, хотя я знаю только одно существенное свидетельство по этому вопросу. Дело в том, что опора римского акведука была заложена на обрубке разрушенного и, следовательно, оскверненного нурхага. [504] Должно было пройти некоторое время, прежде чем примитивное и священное использование нурхага было настолько полностью забыто, что его следовало использовать именно так. Но приведенные выше отрывки из "Мирабилибуса" и Диодора показывают, что в первом и пятом веках до нашей эры этим авторам ничего не было известно об их происхождении, и никто другой не осмелился намекнуть на их возраст. В классические времена они, кажется, были такими же загадочными, как и сейчас:—

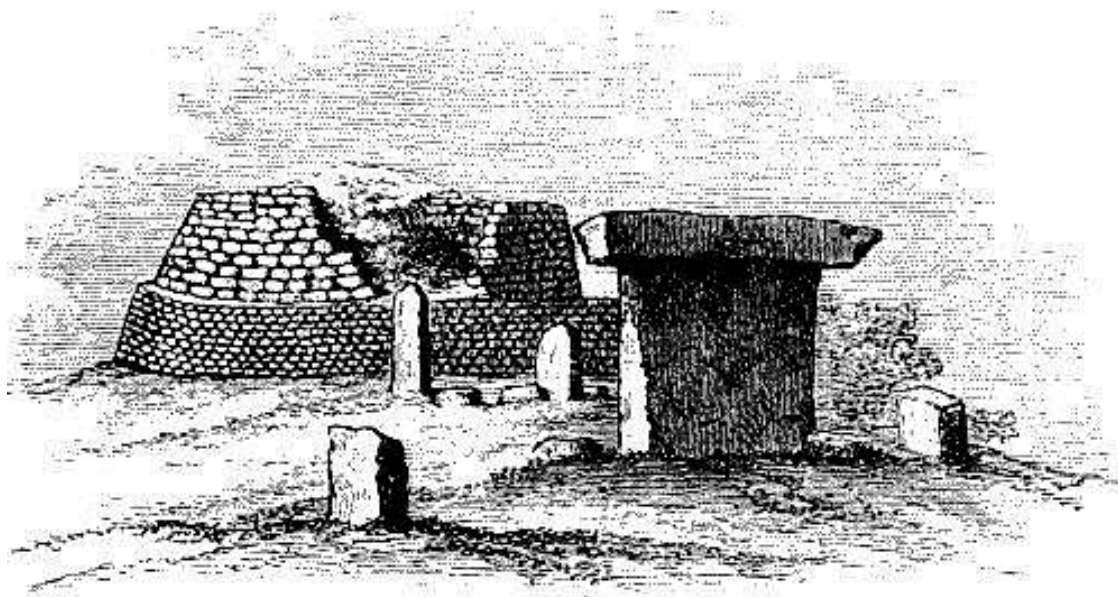
"В лучах рассвета

Они стоят торжественными безмолвными свидетелями

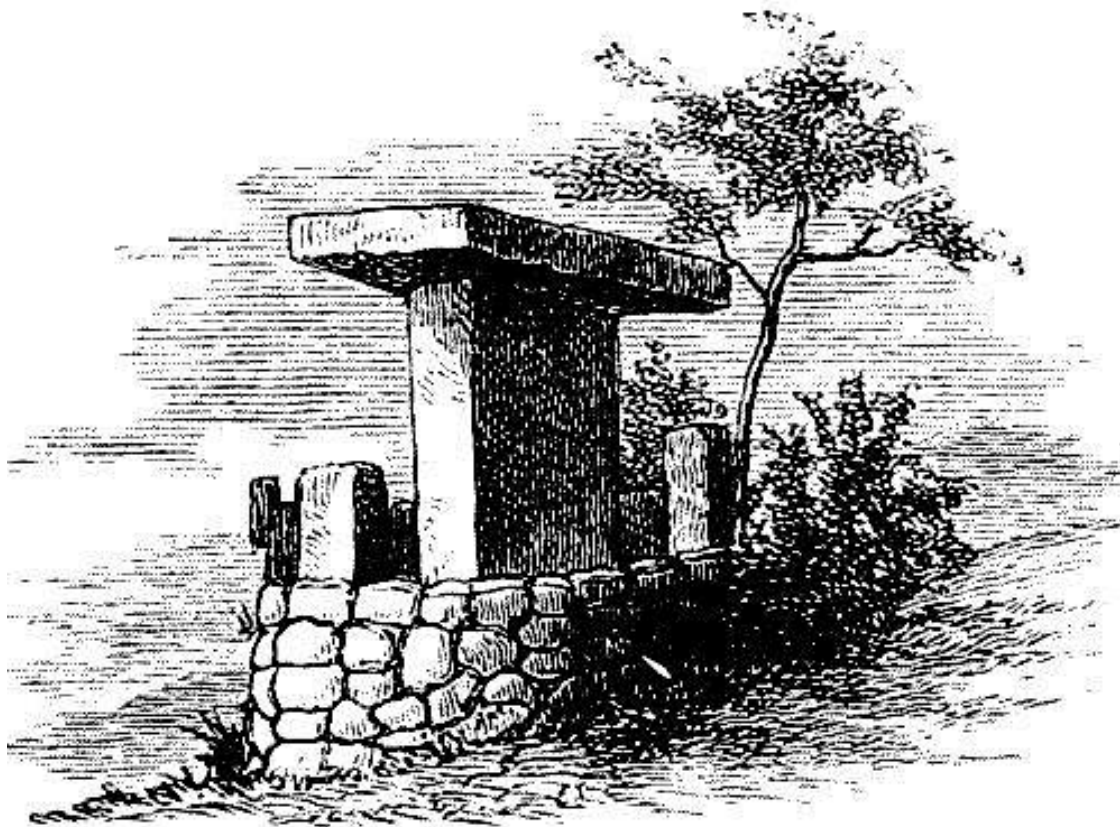
Древних дней, — алтари — или могилы".

Балеарские острова.

Третья группа памятников, указанных выше, - это Тальоты Менорки и Майорки. К сожалению, наш гид, Де ла Мармора, оставляет нас здесь. Он отправился исследовать их, но плохое самочувствие и другие неблагоприятные обстоятельства помешали ему полностью осуществить свое намерение, и, следовательно, мы в значительной степени полагаемся на работу дона Хуана Рамиса, [505] что является противоположностью удовлетворительному.

189. Талиот в Трепуко, Менорка. Из Мраморного моря.

190. Талиот в Алахоре, Менорка. Из Мраморного моря.

Внешне они в целом напоминают нурхагов по внешнему виду, и, по-видимому, внутри у них всегда были камеры, но Де ла Мармора не смог определить, была ли у кого-либо из них внутренняя лестница[506] ведущая на вершину, которая является неизменной и существенной характеристикой нурхагов. Если бы у них этого не было, их следовало бы рассматривать как более приближенные к нашим пирамидам из камней, чем к нурхагам; и пока этот вопрос не будет решен и мы не узнаем о них больше, мы должны воздерживаться от спекуляций на эту тему. Однако у них есть одна характерная черта, на которую полезно обратить внимание. Это билитон, если такой термин допустим — вертикальный плоский камень, один поперек которого образует нечто вроде стола. По внешнему виду он очень напоминает те каменные столы, которые находятся внутри камер мальтийских гробниц, но они всегда больше и расположены, насколько известно, снаружи. Трудно предположить, какое от них могло быть применение, но они, очевидно, считались здесь важными, поскольку на гравюре на дереве № 190 один изображен окруженным священной оградой, как будто сам является "Нуменом", заслуживающим почитания. На Мальте, как уже отмечалось, это определенно не были алтари, потому что пьедесталы, которые безошибочно были алтарями, находятся в тех же помещениях, и они очень непохожи на них. Они больше похожи на большие блюда в ирландских гробницах и, возможно, служили тем же целям; но в целом эти балеарские внешние столики не похожи ни на что, что мы знаем в других местах.

Круги из грубого камня, по-видимому, не редкость в сочетании с талиотами и высокими алтарями, и в целом они, по-видимому, имеют такое же сходство с памятниками Испании, как и с памятниками Сардинии, но опять же, пока мы не узнаем больше, бесполезно строить предположения об их возрасте или использовании, помимо вывода, сделанного на основе всех подобных памятников, - что их предназначением было почтить ушедшее величие.

Было бы не только интересно, но и поучительно продолжить изучение этого вопроса, поскольку памятники этих островов заслуживают более полного изучения, чем они до сих пор получили; но здесь не место для этого. Действительно, они имеют какое-либо отношение к предмету этой работы лишь косвенно. Они не являются мегалитическими в том смысле, в каком это слово обычно используется. Они также не грубы, поскольку все камни более или менее искусно обработаны, и все используются конструктивно. Ни в одном из них камень сам по себе не является объектом и концом возведения. Во всем этом есть только средство для достижения цели.

Именно их местоположение и возраст позволяют использовать их в наших рассуждениях о том, есть ли какая-либо связь между памятниками Франции и Алжира, как было предпринято выше. Независимо от того, пришли ли африканцы из Европы, или *наоборот*, это должно было быть следствием длительных сношений между двумя странами и влияния строителей дольменов в Западном Средиземноморье, которое вряд ли могло не оставить следов на промежуточных островах, если только они не были ранее цивилизованными и не имели устойчивых способов обращения со своими умершими.

Предполагая, что нурхаги и башни гигантов восходят к мифическим временам греческой истории, скажем, к Троянской войне — и некоторые из них вряд ли могут быть более современными, — вряд ли сейчас будут утверждать, что дольмены появились раньше. Если это было так, то должны были пройти столетия или тысячи лет, если мы хотим предположить, что одно оказало какое-либо влияние на другое, поскольку должно было пройти много времени, прежде чем по-настоящему грубый каменный памятник смог развиваться в конструктивном стиле, подобном стилю Сардинии или Мальты; и я не думаю, что после того, что было сказано выше, кто-либо сейчас стал бы утверждать о столь отдаленной древности. Если ни предшествующий, ни ровесник, то вывод, если мы вообще допускаем какое-либо влияние, кажется неизбежным, что дольмены должны быть последующими. Но это как раз тот момент, о котором идет речь. Нурхаги выросли не из дольменов, а дольмены — не из нурхагов. Насколько нам известно, это отдельные творения, принадлежащие к разным расам и практически не подверженные влиянию друг друга. Здесь, как и везде, о каждой группе следует судить по себе и исходить из ее собственных достоинств. Если можно показать существование какого-либо прямого влияния между любыми двумя группами, то, как правило, нетрудно расположить их в последовательности и определить, какая из них самая старая, но до тех пор, пока такая связь не установлена, все подобные попытки тщетны.

Насколько сейчас можно извлечь какие-либо аргументы из этих островных памятников, они, по-видимому, принимают такую форму. Если бы люди, занимавшиеся дольменами, были раньше, чем строители нурхагов, они, несомненно, заняли бы острова, которые лежали на их пути между Францией или Испанией и Африкой, и мы должны были бы найти там их следы. Если, напротив, нурхаг-строители были более ранней расой и колонизировали эти острова настолько полно, что заселили их до эпохи строителей дольменов, то последние, перемещаясь с севера на юг или *наоборот*, могли попасть на острова только как эмигранты или торговцы, а не как колонисты, и, следовательно, не могли ни изменить, ни повлиять в какой-либо значительной степени на более практически цивилизованных людей, которые уже населяли их.

Насколько мы можем видеть, это точка зрения, наиболее близкая к известным в настоящее время фактам дела, и в этом отношении их отрицательные свидетельства интересны и

поучительны, хотя, если не рассматривать их в этом свете, памятникам средиземноморских островов нет реального места в работах, посвященных памятникам из грубого камня.

Сноски

[487] "Путешествие питtoresки по Сицилии и Мальте", 4 тома. фолио, Париж, 1787 год.

[488] Там же. pl. ccxli.

[489] Эти три были частью набора из девяти, дубликат которого был любезно предоставлен мне мистером Фрером из Ройдон-Холла, Норфолк. К сожалению, на них нет ни имени исполнителя, ни даты.

[490] "Новые летописи института археологии", i.; Париж, 1836.

[491] На статью мистера Вэнса "Археология", том xxix. стр. 227.

[492] Этим планом и его фотографиями я обязан доброте полковника Дж. Коллинсон, Р.Э., который сопровождал их очень полным описанием и примечаниями об их истории и использовании, из которых почерпнута большая часть нижеследующей информации.

[493] Berbrugger, 'Tombeau de la Chrétienne—Mausolée des derniers Rois de Mauritanie;' Alger, 1867.

[494] 'Proceedings Soc. Ant. Scot., vi., Дополнение.

[495] История., v. 12, 3.

[496] Один из них в Мнайдре будет виден на рисунке F, на ксилографии № 180, а также в представлении, на ксилографии № 182.

[497] "Путешествие в Сардинию", часть вторая. Albert de la Marmora; Paris, 1840. Поскольку это не только лучшая, но и действительно единственная надежная работа по данному предмету, вся или почти вся информация в этой главе основана на ней.

[498] Беккер, iii. стр. 604, пункт 100.

[499] Диодор, iv. 30; v. 15.

[500] "Путешествие в Сардинию", глава iv. стр. 117-159.

[501] Шотландские крепости, которые по своей конструкции больше всего похожи на эти, имеют в центре все внутренние дворики, в которых можно было удобно выполнять все домашние работы гарнизона, и им нужно было только заползти в комнаты в стене, чтобы поспать.

[502] "Путешествие в Сардинию", стр. 46 и 116.

[503] "Путешествие", стр. 152.

[504] Мраморное море, пл. v. стр. 149.

[505] "Антигуэдадес Селтикс острова Менорка и др." Маон, 1818.

[506] "Путешествие", стр. 547 и далее.

ГЛАВА XII. ЗАПАДНАЯ АЗИЯ.

Палестина.

Палестина - одна из тех стран, в которых существуют дольмены, не тысячами и десятками тысяч, как в Алжире, но, безусловно, сотнями — возможно, десятками сотен; но путешественники еще не снизошли до того, чтобы открыть глаза и осмотреть их, а Фонд исследования Палестины слишком занят составлением карт, чтобы обратить внимание на предмет, который, вероятно, пролил бы на этнографию Святой Земли столько же света, сколько все, что нам известно. Однако прежде чем рассказать то небольшое, что мы знаем о реально существующих памятниках, необходимо в данном случае сказать несколько слов о тех, о которых мы знаем только понаслышке. Все авторы, писавшие о мегалитических останках в прошлом столетии, а некоторые и в настоящем, придавали такое большое значение камням, установленным Авраамом и Иисусом Навином, что необходимо попытаться установить, что это были за камни и какое отношение они на самом деле имеют к предмету, который мы рассматриваем.

Самое раннее упоминание о камне, установленном где-либо в качестве памятника, относится к камню, который Иаков использовал в качестве подушки ночью, когда ему приснился сон, который стал титулом израильтян на землю Ханаан. "И встал Иаков рано поутру, и взял камень, который он положил вместо подушек своих, и поставил его столбом, и возлил елей на верх его".^[507] Вопрос в том, какого размера был этот камень? На Востоке, где не возражают против жестких подушек, местные жители обычно используют для этой цели кирпич. Европейцы, которые более чопорные, а также более роскошные, настаивают на двух кирпичах, и они, уложенные один на другой, с наброшенной на них тканью, ни в коем случае не образуют неудобного головного убора. Тот факт, что Джейкоб был один и передвигал камень туда и обратно с того места, где он был использован, доказывает, что он был не больше, чем, вероятно, не такой большой, как голова, которая была положена на него. Следовательно, это определенно не была ни Лия Фаил, которая до сих пор украшает холм Тара, ни даже каменная лепешка, из которой сложена королевская резиденция в Вестминстерском аббатстве, и, что более важно для нашей настоящей цели, ее можно смело исключить из категории мегалитических памятников, о которых мы сейчас говорим.

Следующий случай, когда упоминаются камни, находится в книге Бытия xxxi. 45 и 46: "И взял Иаков камень и поставил его столбом. И сказал Иаков братьям своим: соберите камни; и они взяли камни и насыпали кучу; и они ели там, на куче". Это не совсем ясно; но, по-видимому, справедливый вывод состоит в том, что то, что они воздвигли, было каменным алтарем, на котором они приняли участие в жертвоприношении, которое в данных обстоятельствах приняло форму сакраментальной клятвы — по одной стороне от него стояли. Мы знаем, что алтарь в Иерусалимском храме вплоть до времен Ирода был сложен из камней, которых никогда не касался ни один железный инструмент,^[508] и традиция, восходящая к этому алтарю Иакова, по-видимому, сохранялась в течение всего еврейского периода. Таким образом, в данном случае нет ничего, что заставило бы нас предположить, что "куча" имела какую-либо связь с мегалитическими памятниками других стран.

Третий пример, хотя и цитируется чаще, кажется еще менее релевантным. Когда Иисус Навин перешел Иордан, были назначены двенадцать человек, по числу колен, каждый "чтобы взять на плечо камень из Иордана, на том месте, где стояли ноги священников, и отнести их и поставить на том месте, где они остановились в ту ночь, в память о сынах Израилевых на веки вечные".^[509] Здесь, опять же, камни, которые люди могут нести на

плечах, ненамного больше их голов и не являются такими, которые в обычном смысле использовались бы в качестве мемориалов, поскольку их можно было бы так же легко убрать, как и поместить туда, где они были. Если бы они были расставлены на алтаре в здании, то этой цели соответствовали бы; но в качестве памятника под открытым небом такие камни кажутся совершенно неподходящими.

Единственный пример, когда кажется, что Библия говорит о памятниках того же класса, что и те, о которых мы говорим, находится в последней главе Книги Иисуса Навина, где сказано (стих 26): он "взял большой камень и поставил его там под дубом, который был у святилища Господня", и сказал: "Вот, этот камень будет нам свидетелем". Тем более вероятно, что это действительно был большой монолит, поскольку, по-видимому, это камень, упомянутый в Книге Судей ix. 6 как "столп равнины" ... или "у дуба столпа, который был в Сихеме"; и если это так, то он должен был быть значительных размеров. Следовательно, только он из всех камней, упомянутых в Библии, по-видимому, относится к тому классу камней, о которых мы говорим; но даже тогда его прямое отношение к предмету неясно. Из того, что израильтяне во времена Иисуса Навина установили такой камень с такой целью, ни в коем случае не следует, что либо тогда, либо тысячу лет спустя французы или скандинавы сделали то же самое с тем же намерением. Может быть, это и так, но и время, и местность кажутся нам слишком отдаленными, чтобы полагаться на какую-либо предполагаемую аналогию.

Как косвенно относящийся к этому предмету, любопытно отметить, что обряд обрезания в эти ранние дни еврейской истории совершался кремневыми ножами,^[510] который, учитывая, что бронза и железо были хорошо известны израильтянам в тот период, является замечательным примером сохранения старой моды еще долгое время после того, как можно было предположить, что она устареет. Это не менее любопытно, если Септуагинте это будет рассчитывать на то, что они должны были похоронены с Джошуа в его могилу тех самых кремневого инвентаря (τὰς μαχαίρας τὰς πετρίδας), с которой была произведена операция. Это, конечно, нельзя назвать последним примером захоронения кремня в гробницах, но это интересно как объяснение одной из причин такой практики. Это, по крайней мере, один случай, когда кремь использовался задолго до того, как был известен металл, и одна гробница, в которой каменные орудия были захоронены по другим причинам, помимо невежества людей в использовании металла.^[511] Если евреи использовали кремни для этой цели во времена Иисуса Навина и таким образом избавились от них после смерти своего вождя, то единственное чудо в том, что они не делают этого в наши дни.

Перейдем от этих домыслов, основанных на словах, к реальным фактам дела. Мы находим, что первыми людьми, которые наблюдали за дольменами в Сирии, были капитаны Ирби и Манглс. Во время своего поспешного путешествия из Эс-Солта в 1817 году к бродам Иордана, по-видимому, по прямой линии от Эс-Солта до Наблуса, они заметили группу из двадцати семи дольменов, очень неправильно расположенных у подножия горы. Все, что они наблюдали, состояло из двух боковых камней длиной от 8 до 10 футов, поддерживающих верхний камень, значительно выступающий за стороны и торцы. Камеры, однако, были всего 5 футов в длину внутри — следовательно, слишком короткие, чтобы тело могло вытянуться во всю длину. Сжатие возникло из-за того, что два поперечных камня были помещены значительно дальше концов боковых камней. Один из них, по-видимому, был цельным, в другом было проделано то, что называется дверью; но было ли это отверстие в одном камне или дверь образована двумя косяками, неясно.^[512] Их описание не сопровождается чертежом или планом; но расположение будет легко понято, когда мы приступим к изучению Раджунколура в Индии, ^[513] описано далее (гравюра на дереве № 206).

191. Дольмены в Кафр-эр-Вале. С наброска миссис Робертон Блейн.

Единственная другая достоверная информация, которой я располагаю, извлечена для меня из его записных книжек моим другом, мистером Д. Р. Блейном. Путешествуя из Ом Кейс-Гадары в направлении Джераша, в местечке под названием Кафр-эр-Вал, недалеко от Тибне, они встретились с одной значительной группой, часть которой представлена на вышеупомянутой гравюре на дереве (№ 191). Размер камней значительно варьируется; однако, как правило, они составляют примерно 12 футов на 6 футов и от 1 до 2 футов в толщину. Один заглубительный камень имел площадь почти 12 футов, а боковые камни варьировались от 5 до 6 футов в высоту. При приближении к Суфу по обе стороны дороги на расстоянии от трех до четырех миль было замечено большое количество дольменов. Некоторые из них казались совершенно совершенными, другие были сломаны, но, к сожалению, у путешественников не было времени сосчитать или внимательно изучить их.

Это очень скудный отчет о великом предмете — действительно, настолько скудный, что по нему невозможно привести какие-либо стоящие аргументы; но интересно отметить, что все дольмены, которые до сих пор были замечены в Сирии, расположены в Галааде, стране амореев и Ога, царя Башанского. Если бы в конечном итоге было доказано, что их нет нигде, кроме как в этом районе, это привело бы к нескольким интересным этнографическим выводам. В настоящее время все, в чем мы можем быть уверены, это в том, что к западу от Иордана нет дольменов; но аморреи изначально были поселены в Хевроне,^[514] и там, безусловно, нет дольменов. Так что, если только они не мигрировали на восток до периода дольменов, они вряд ли могут претендовать на них. Тогда эти дольмены могут принадлежать рефаимам, эмимам, анакимам, зузимам и всем тем гигантским племенам, которые обитали за Иорданом во времена Кедорлаомера, страшного царя Элама, который порастил царей этого района на заре библейской истории этих регионов. ^[515] Предположение является заманчивым, и если в конечном итоге будет доказано, что они ограничены только этим районом, оно, без сомнения, найдет поддержку в некоторых кругах. Однако, похоже, нет ничего, что подтверждало бы это, кроме того факта, что люди в регионе за Иорданом, по-видимому, всегда были хамитской или туранской крови, и поэтому, вероятно, приняли бы этот способ захоронения, когда бы он ни был введен, несмотря на колонизацию двух с половиной колен израильтян, которые мало что могли сделать для закваски массы. Я боюсь, что, подобно теории, отождествляющей римские города Хаурана с гигантскими городами Ога, царя Башана, и его высоких современников, эта гипотеза не выдержит проверки. Теперь известно, что каждый камень в этих городах был помещен туда, где мы его сейчас находим, после того, как Помпей распространил римское влияние на эти регионы; и ничто не удивило бы меня меньше, чем то, что эти дольмены еще более современные. Однако, прежде чем мы отважимся рассуждать на подобную тему, мы должны быть более уверены, чем сейчас, в их

объеме и распространении, и знать кое-что об их содержании. По обоим этим вопросам мы в настоящее время практически ничего не знаем.

Галаад - это почти последнее безопасное место отдыха, на котором мы можем остановиться в наших исследованиях на восток в наших попытках соединить восточную и западную области дольменов вместе. Но Галаад находится в двух тысячах миль от Пешавара, где мы встречаем первый образец индийских дольменов; а в обширных регионах, лежащих между ними, известно о существовании только одного или двух сомнительных примеров. С сомнением мы можем подползти на пару сотен миль ближе, в Аравию и Черкессию; но это вряд ли нам сильно поможет, и если не будут сделаны какие-то открытия в промежуточных странах, теория миграции станет совершенно несостоятельной.

В ходе недавней артиллерийской разведки Синайского полуострова в 1868-9 годах было обнаружено большое количество круглых зданий, многие из которых, несомненно, были гробницами; планы и рисунки некоторых из них были выгравированы и будут опубликованы властями Саутгемптона. Но поскольку крупные тела движутся медленно, может пройти еще много времени, прежде чем они станут доступны широкой публике. Между тем следующих сведений, почерпнутых из статьи преподобного г-на Холланда,[\[516\]](#) будет достаточно, чтобы объяснить, что это такое. Здания делятся на два класса: первые, которые, вероятно, были складскими помещениями, были построены в форме купола высотой около 5 футов и диаметром 5-6 футов внутри. Стены часто были толщиной до 4 футов, а самый высокий участок крыши образовывал большой плоский камень, который, по-видимому, был покрыт рыхлой дранкой. В них не было окон и одна дверь высотой около 3 футов и шириной 1½ фута. Камни, использованные при их строительстве, часто были большими, но никогда не подвергались обработке, и строительный раствор не использовался.

Другой вид руин, который обычно находят в непосредственной близости от первого, часто отдельными группами, состоит из массивных каменных кругов диаметром от 14 до 15 футов и высотой 3 фута, но без какой-либо крыши. "Это, - говорит м-р Холланд, - очевидно, были гробницы, потому что во всех, что я вскрывал, я находил человеческие кости", которые никогда не встречались в зданиях первого класса"; а в одном два скелета лежали бок о бок, один из них на подстилке из плоских камней. Каменные кольца, по-видимому, были сначала наполовину заполнены землей; затем в них уложили тела, а затем они были полностью засыпаны землей, а сверху положили тяжелые камни, чтобы дикие звери не потревожили тела. Некоторые из этих колец были гораздо большего размера: некоторые 45, другие 90 футов в диаметре, а некоторые содержали кольцо меньшего размера в центре. Рядом с курганом Нукб-Хави находится один из них диаметром не менее 375 футов". Из приведенного выше описания очевидно, что, за исключением размеров последнего из упомянутых, эти круги имеют гораздо большее сходство с шушами и Базилами Алжира, чем с чем-либо, находящимся дальше на север или запад, и, вероятно, между ними существует какая-то связь. Но стена с рельефной кладкой из мелких камней вряд ли может сравниться с нашими мегалитическими сооружениями, и, насколько известно, на полуострове не было найдено ни дольменов, ни каких-либо примеров больших памятников из грубого камня, которые мы обсуждаем. Когда результаты исследования будут опубликованы, мы, возможно, увидим причину изменить это мнение; но в настоящее время эти синайские гробницы, по-видимому, принадлежат к классу, совершенно отличающемуся от европейских образцов, за исключением двух моментов — они круглые и надгробные. Однако эти характеристики настолько важны, что в конечном итоге могут быть установлены другие точки сравнения.

Памятники из грубого камня, на которые мистер Гиффард Пэлгрейв случайно наткнулся в центре Аравии, относятся к совершенно иному классу. Согласно его рассказу, то, что он увидел, было, по-видимому, половиной того, что когда-то было полным кругом из трилитов; но было ли это сплошным, как внешний круг Стоунхенджа, или парами, как внутренний круг там, не совсем ясно. Поскольку он мог просто коснуться самозванца кнутом, находясь на своем верблюде, высота была, по его словам, около 15 футов — такая же, как у Стоунхенджа; и выражение, которое он использует, заставляет нас предположить, что все сооружение было по существу аналогичным. Однако следует учитывать, что он был переодет, что не позволяло ему делать заметки или записывать свои наблюдения; и если писать впоследствии по памяти, его описание может быть не совсем точным. Однако он настолько ясный и проникательный наблюдатель, что вряд ли мог обманывать себя; и мы можем считать само собой разумеющимся, что ровно на полпути между Персидским заливом и Красным морем, недалеко от Эйуна, на 26° 20 широты, существуют три памятника из грубого камня - он видел только один, но слышал о двух других — класса, аналогичного тем, что найдены в Англии и на Европейском континенте,^[517] и что более важно для нашей настоящей цели, аналогично найденным в Триполи и проиллюстрированным выше на ксилографиях 175 и 176.

Таблички Де Вогюэ с изображениями позднееримских гробниц в Хауране, особенно те, которые представлены на его табличках 93 и 94,^[518] устраняет всю невероятность идеи о том, что трилитоны должны были быть возведены для погребальных целей в этой части света. То, что одна форма скопирована с другой, можно считать несомненным; но являются ли необработанные камни предшествующими, современными или последующими камням римского образца, каждый должен решить для себя сам. Я считаю, что они либо ровесники, либо более современные, но в этих конкретных памятниках нет ничего, что могло бы подтолкнуть нас к решению в любом случае. Если бы мы могли вообразить, что дикари, населяющие сейчас эту страну, когда-нибудь позволили бы исследовать ее, было бы чрезвычайно интересно узнать больше об арабских примерах, даже если бы они оказались всего лишь распространением сирийских или североафриканских форм на Центральную Аравию. С другой стороны, если когда-либо будет создана теория миграции, то это, вероятно, будет южный маршрут или, по крайней мере, один из южных маршрутов; хотя воображение поражается, когда мы начинаем размышлять о том, сколько времени прошло с тех пор, как какие-либо кочующие племена проходили через Центральную Аравию на своем пути на запад.

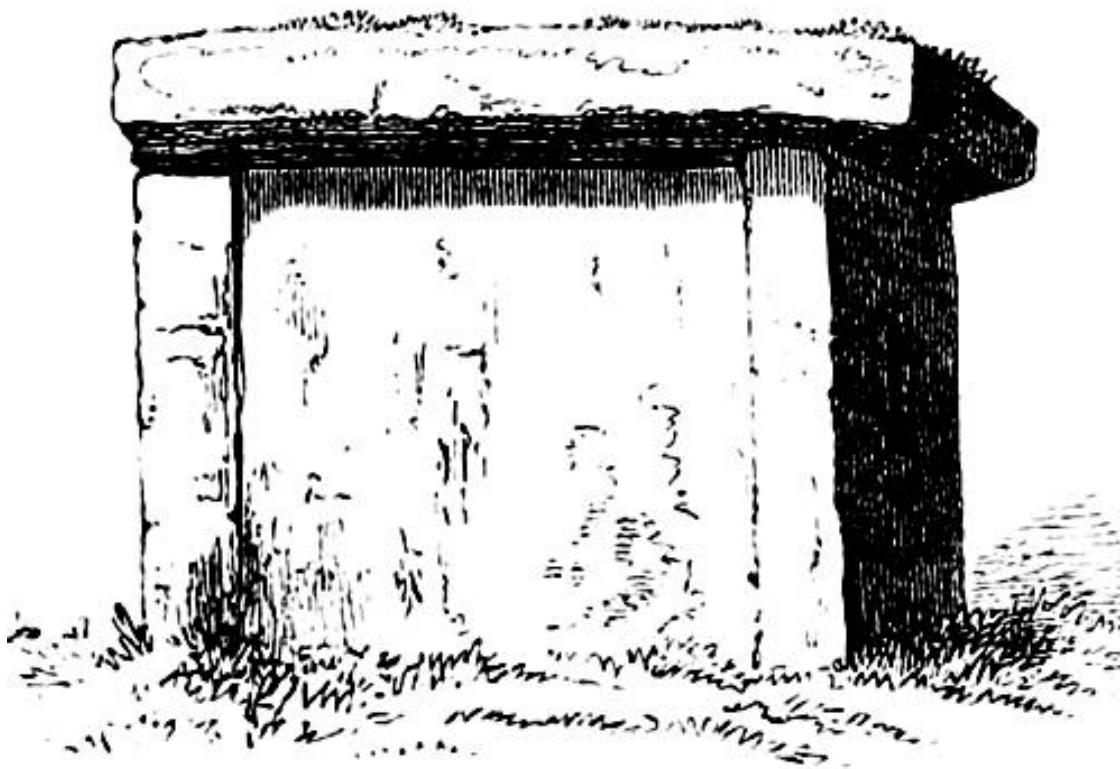
Есть ли дольмены в Малой Азии? Сказать, что ни один из многочисленных путешественников, пересекавших эту страну, не ответил бы на этот вопрос. Десять лет назад, исходя из равенства аргументов, их существование в Алжире или Сирии могло быть опровергнуто. У меня сложилось впечатление, что в этом регионе их не найдут. Я полагаю, что Малая Азия была слишком цивилизованной в до-дольменный период, чтобы впоследствии принять эту форму; но опасно строить предположения о стране, о ранней истории которой, равно как и о современной географии, мы на самом деле знаем так мало.

Однако было бы чрезвычайно интересно, если бы какой-нибудь путешественник открыл глаза и рассказал нам, что на самом деле можно там найти, поскольку это пролило бы значительный свет на некоторые интересные проблемы, связанные с этим предметом. Было бы, например, интересно узнать, есть ли дольмены в Галатии. Если бы они были, это значительно помогло бы кельтам заявить о своем изобретении. Если их не существует, то

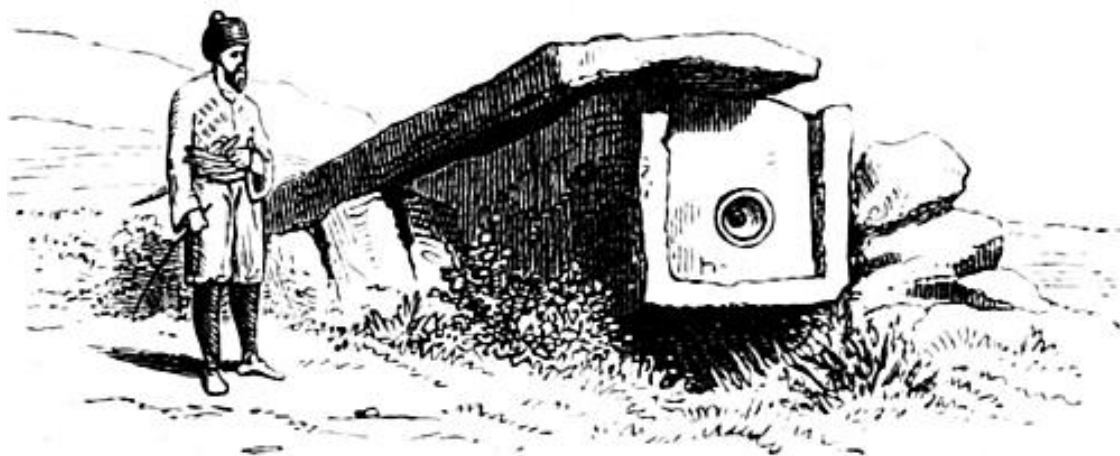
либо кельтов следует попросить отказаться от своих притязаний, либо мы должны найти какой-то другой способ объяснить их отсутствие.

Аналогичным образом, было бы интересно узнать, есть ли дольмены в Лидии. Как упоминалось ранее, в этой стране существует бесчисленное множество камерных курганов, и было бы любопытно проследить существование или отсутствие какой-либо связи между этими двумя формами захоронений. У меня сложилось впечатление, что ситуация в Лидии очень похожа на ситуацию в Этрурии. Она была цивилизованной еще до эпохи дольменов, и, следовательно, искать там какие-либо мегалитические останки будет напрасно. Камеры во всех еще открытых гробницах, насколько нам известно в настоящее время, построены из небольших камней и не имеют никаких следов грубо обработанного каменного искусства.[\[519\]](#)

Когда мы пересекаем Черное море в Керчи, мы обнаруживаем ситуацию, очень похожую на ту, что была в Лидии — огромное количество камерных курганов, но все микролитических или масонских форм. Гробницы, по-видимому, являются прямыми потомками Микенских и принадлежат к совершенно иному классу, чем те, о которых мы говорим, и, несмотря на сходство их назначения, по-видимому, возникли из другого источника. И все же любопытно наблюдать, что даже здесь вновь появляются неизбежные кремни. В одной гробнице, известной как Кулоба, или Холм пепла, были найдены останки вождя с его женой, слугами и лошадью. На нем была шапка, украшенная золотом, золотое эмалевое ожерелье и золотые браслеты, а меч у него был железный. Пластина из электрума, которая была частью колчана, была украшена фигурками животных и надписана греческим словом Πόναχο. Украшения королевы были богаче металлом и более сложной работы, чем у ее мужа, но среди всего этого великолепия было найдено множество отщепов и других орудий из кремня:[\[520\]](#) достаточно убедительное доказательство того, что кремневые орудия были захоронены в этой гробнице не больше, чем в гробнице Иисуса Навина, потому что люди не знали использования металлов, но по какой-то символической причине, которую мы сейчас не понимаем. Нет никаких сомнений в том, что при поиске будут найдены и другие примеры, столь же поразительные, как эти, и, во всяком случае, они опровергают все *априорные* аргументы, основанные на вероятности того, что они современны.

192. Дырявый дольмен. Из Дюбуа де Монпере.

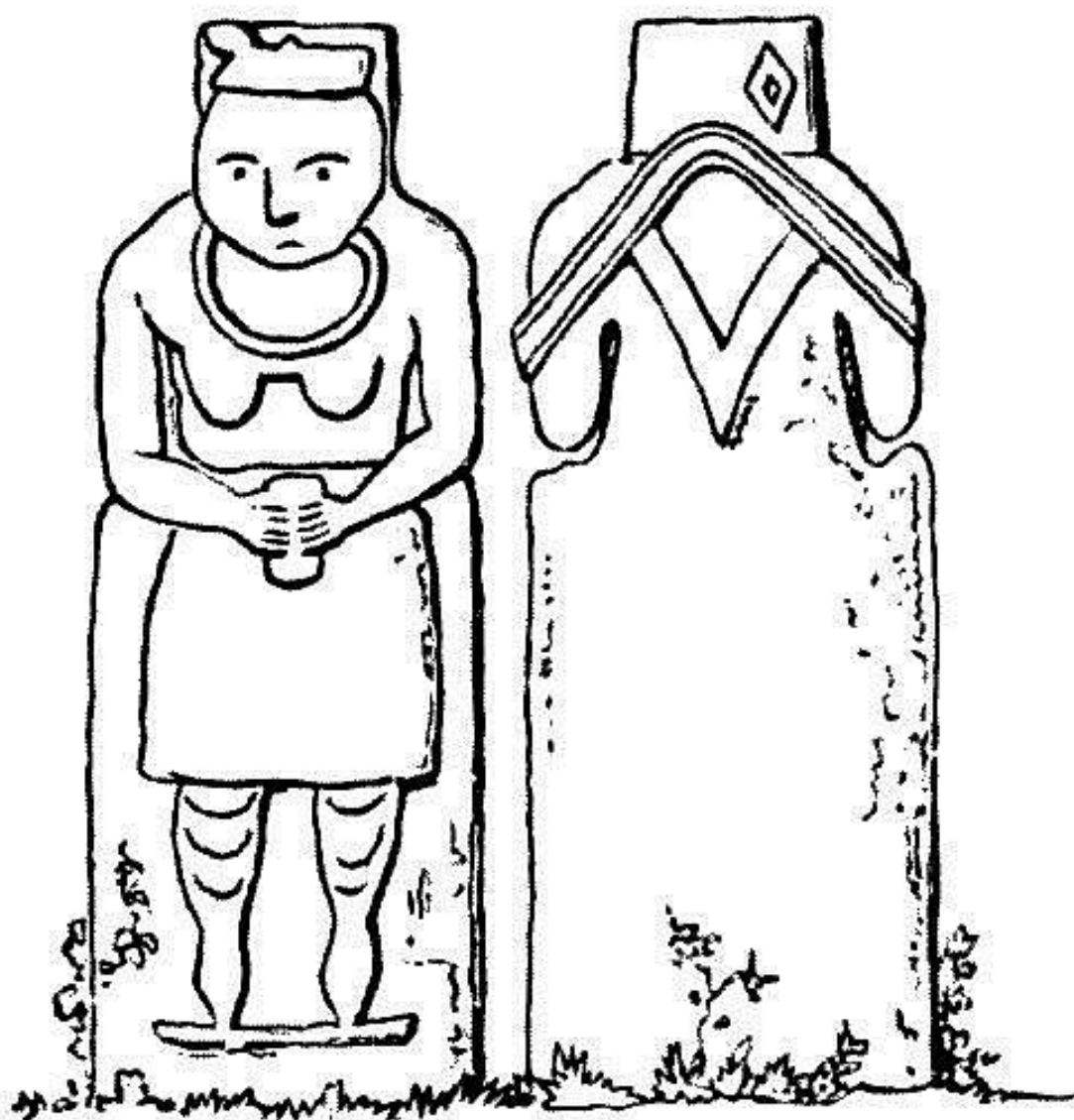
193. Дырявый дольмен, Черкесия. С рисунка Симпсона.

В сочетании с ними встречаются, очень редко на побережье Крыма, но часто на восточном берегу Балтики и в Черкесии, формы дольменов, с которыми мы знакомы в других частях света. Ничего похожего на их регулярный обзор пока не предпринималось, и у нас нет никаких подробных отчетов о них; но из той информации, которая опубликована, [\[521\]](#) общий тип, по-видимому, соответствует дырявому дольмену, подобному тем, что представлены на прилагаемых гравюрах на дереве.

Насколько можно судить по опубликованным иллюстрациям, все кавказские или черкесские дольмены состоят из камней, более или менее обтесанных и сформованных и тщательно подогнанных друг к другу, что придает им более современный вид, чем их западным собратьям. Это, однако, может быть вызвано другими обстоятельствами, помимо возраста, и в любом случае не может быть использовано в качестве аргумента, пока мы не узнаем о них

больше. Было бы чрезвычайно интересно, если бы кто-нибудь специально изучил эту группу, поскольку Черкесия находится ровно на полпути между Индией и Скандинавией, и если мы примем теорию миграции, то это именно то центральное место отдыха, где мы ожидали бы найти следы прохождения строителей дольменов. Их маршрут, вероятно, пролегал через Бактрию, вниз по Оксу к Каспию, через Черкесию, вокруг истоков Азовского моря к Днепру, вверх по этой реке и вниз по берегам Немана или Вислы к Балтийскому морю.

Если, с другой стороны, мы примем миссионерскую теорию и удовлетворимся верой только в восточное влияние, не настаивая на большом перемещении народов, то это в равной степени будет торговым путем, вдоль которого, как можно предположить, распространялось такое влияние, и таким образом соединит север с востоком, точно так же, как мы можем предположить, что южный путь простирался через Аравию и Сирию к южным берегам Средиземного моря.

194. Баба. От Дюбуа де Монпере.

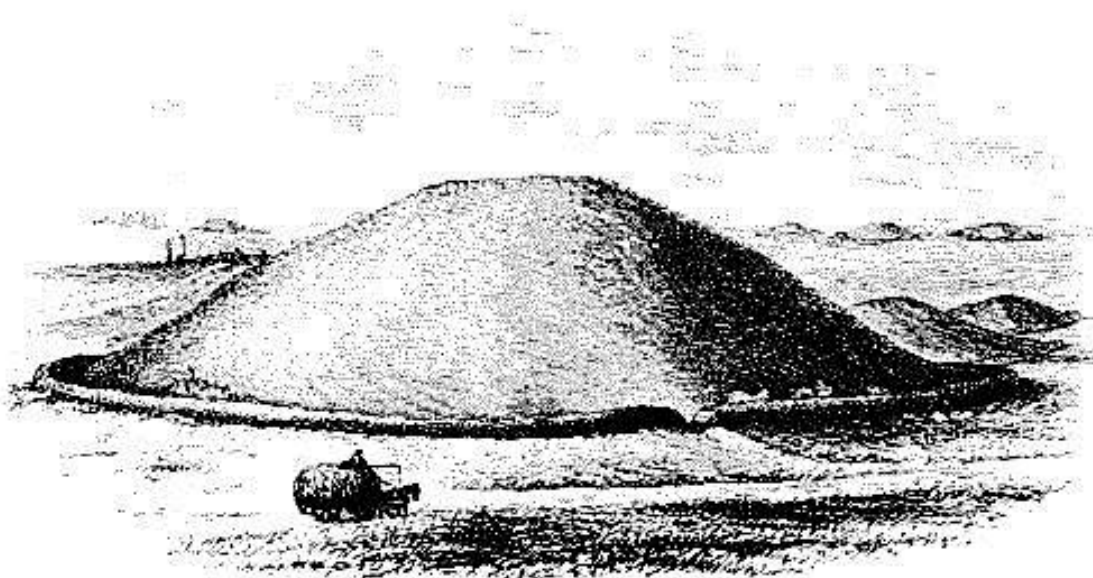

195. Четырехугольная могила. Из Себорга.

Однако для нашей настоящей цели даже более важным, чем изучение этих кавказских регионов, было бы исследование Степей к северу от только что указанного маршрута. Если есть какие-то основания для теории о том, что дольмены имеют туранское происхождение, то именно здесь мы должны ожидать найти зачатки этой системы. Одним из наиболее достоверных фактов этнологии является то, что первоначальное местопребывание ариев находилось где-то в Верхней и Центральной Азии, откуда они мигрировали на восток в Индию, на юг в Персию и на запад в Европу. Аналогичным образом, предполагается, что первоначальная резиденция туранцев находилась несколько севернее, и оттуда в более ранний период, как полагают, они распространились в какое-то очень раннее доисторическое время по всему лицу Старого Света. Когда мы обращаемся к Степям, откуда, как предполагается, мигрировала эта великая семья человечества, мы обнаруживаем, что они покрыты курганами. Как выразился Хакстгаузен^[522], курганцы, как их там называют, считаются "не равными миллионам, а всего лишь сотнями миллионеров, как это принято считать в фаудрейте"; и Паллас также приводит отчет об их поразительной численности.^[523] Эти курганы в точности напоминают наши курганы, такие, какие можно увидеть на равнине Солсбери, за исключением того, что они, как правило, гораздо больших размеров, и у них есть одна особенность, неизвестная нигде. На вершине каждого находится вертикальный камень, грубо вырезанный, но всегда безошибочно представляющий человеческую фигуру и, как предполагается, предназначенный для изображения человека, похороненного под ним. Паллас, Хакстгаузен и Дюбуа - все они дают представления об этих фигурах, но, по крайней мере, в некоторых случаях они являются повторениями одного и того же оригинала. Они прекрасно описаны монахом Руберкисом, посетившим эти страны в 1253 году. "Команчи, - говорит он, - строят большую гробницу над своими мертвецами и устанавливают на ней изображение умершего, обращенное лицом на восток, с чашей для питья в руке перед своим пупком. Они также возводят на памятниках богачей пирамиды, то есть маленькие остроконечные домики или башенки. В некоторых местах я видел могучие башни, сложенные из кирпича, а в других местах пирамиды, сложенные из камней, хотя никаких камней поблизости не найдено. Я видел одного недавно похороненного, в честь которого повесили шестнадцать лошадиных шкур и поставили рядом с его могилой кумыс для питья и мясо для еды, и все же они говорят, что он был крещен. И я видел другие виды гробниц, также на востоке, а именно большие полы или мостовые из камня, некоторые круглые, а некоторые квадратные; а затем четыре длинных камня, расположенных

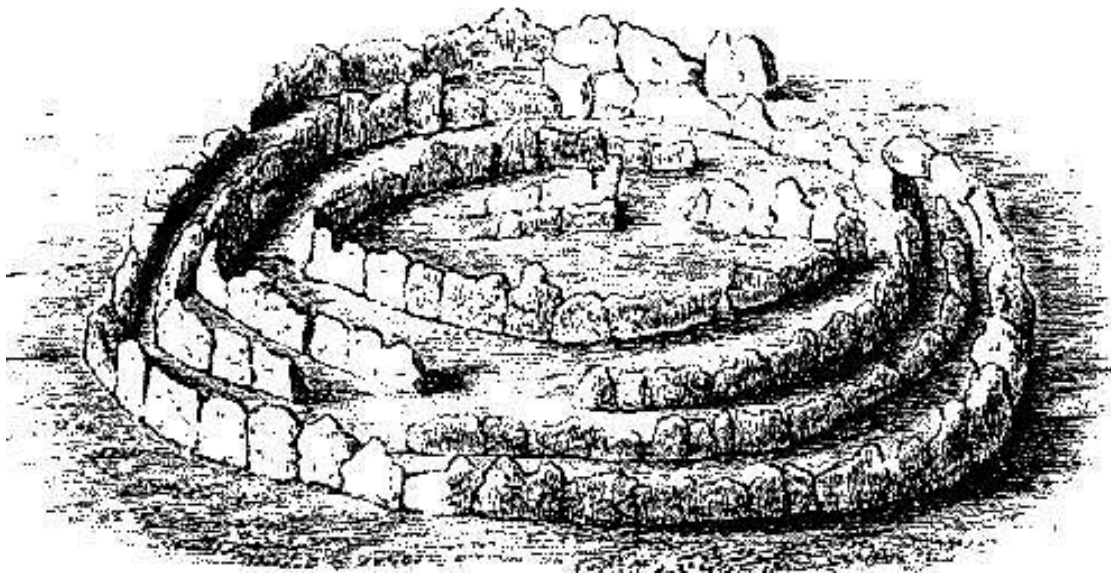
вертикально над указанным покрытием, по направлению к четырем регионам мира".[524] Общая правильность этого рассказа настолько полностью подтверждается более современными путешественниками, что, кажется, нет причин сомневаться в нем; но, поскольку никто не описывал эти "мостовые", мы не осмеливаемся слишком полагаться на их явное сходство со скандинавскими квадратными и круглыми могилами с четырьмя угловыми камнями, подобными предыдущему ([гравюра на дереве № 195](#)).

Может показаться неудовлетворительным возвращаться к путешественнику XIII века, как бы много о нем ни писали последующие авторы, за описанием памятников, которые мы хотели бы видеть измеренными и нарисованными с современной точностью. Однако, с другой стороны, полезно найти заслуживающего доверия свидетеля, который жил среди людей, которые хоронили своих мертвецов в курганах и приносили в жертву лошадей в их честь, а также снабжали их мясом и питьем для путешествия к Теням; которые, фактически, в тринадцатом веке разыгрывали те вещи как живые люди, которые мы находим только в ископаемом состоянии в более западных землях.

196. Курган в Александрополе.

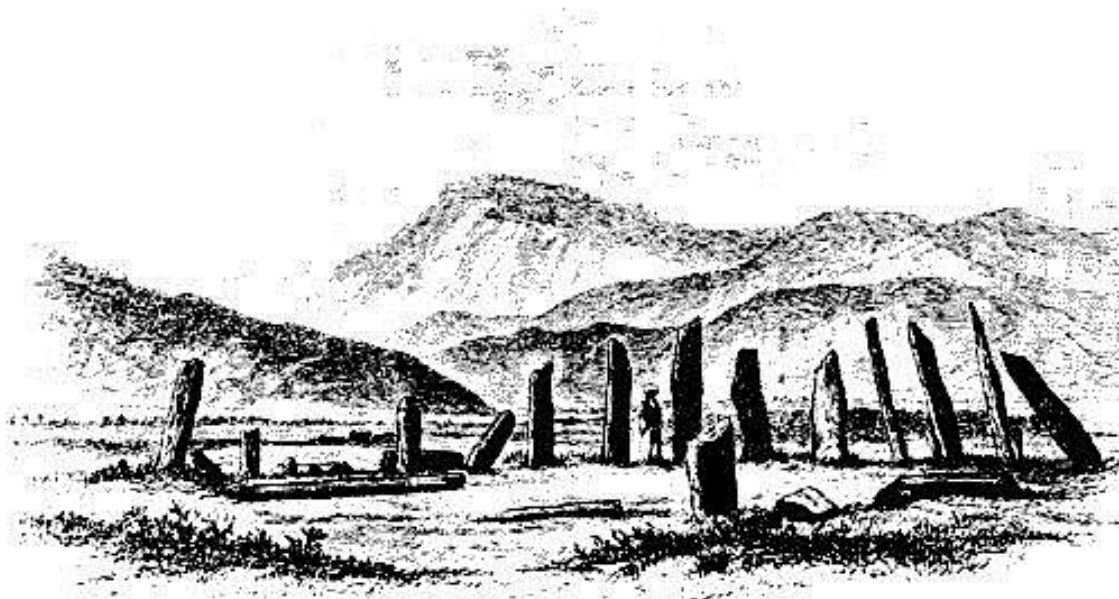
Об общем виде этих курганов можно судить по одному из самых великолепных, недавно раскопанных русскими близ Александрополя, между Днепром и Базолуком. Он имеет около 1000 футов в окружности и 70 футов в высоту, и первоначально был увенчан "Бабой", которой, однако, сейчас там нет. Вокруг его основания было что-то вроде подпорной стены из мелких камней, а снаружи - ров и невысокая насыпь, но без малейших попыток придать ей каменное великолепие. Внутри него находилось несколько гробниц. Главный из них в центре, по-видимому, уже был разграблен, но во вспомогательных было найдено большое количество золотых украшений, особенно на сбруе лошадей, которые, по-видимому, были похоронены здесь чуть ли не с большими почестями, чем их хозяева. Судя по форме украшений и стилю изготовления, гробница относилась к третьему или четвертому веку до н.э.[525]

197. Вскрытое основание кургана в Николаеве.

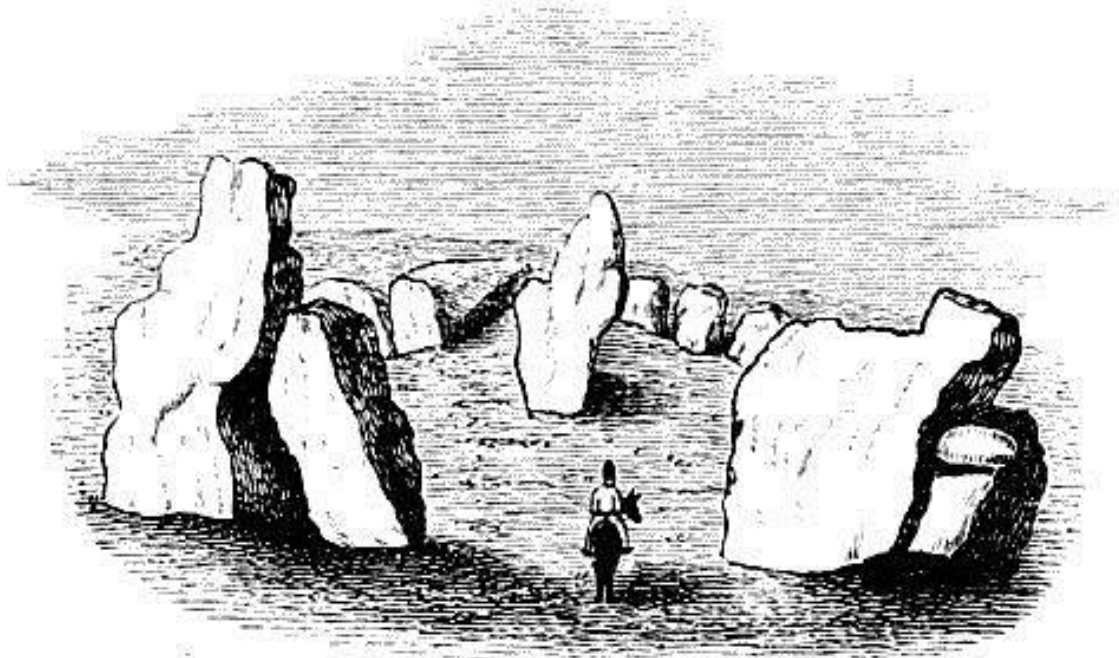
В работе Хакстхаузена[526] есть гравюра на дереве, которая может дать нам намек на происхождение кругов. Кургan, или курган, в Николаеве, на территории Херсонской области, был расчищен, и хотя в нем не было найдено ничего, что указывало бы на его возраст и назначение, его основание состояло из трех или четырех concentрических кругов из вертикальных камней, окружающих то, что, по-видимому, является гробницей, состоящей из пяти камней в центре. Похожие устройства были обнаружены в алжирских курганах, и, похоже, первый намек на могильный круг мог возникнуть из-за того, что такое расположение стало привычным до того, как его закрыли, точно так же, как я полагаю, отдельно стоящий дольмен возник из-за того, что непокрытый гроб вызвал такое восхищение, что его создатели не захотели его скрывать.

Мне кажется, что я не допускаю сомнений в том, что существует связь, причем тесная, между этими скифскими или татарскими гробницами и европейскими; но этапы, по которым одно вырастало из другого, и время, когда это происходило, могут быть определены только тогда, когда у нас будет о них более достоверная информация, чем та, которой мы располагаем сейчас. Важно, однако, заметить, что, если они являются оригинальными моделями или сородичами курганов западного мира, они не относятся к дольменам или кругам, за исключением такого косвенного способа, как в последнем примере, приведенном у Хакстгаузена; они также не относятся к нашим менгирам, поскольку все известные нам камни вырезаны так же тщательно, как бабы (гравюра на дереве № 194); и мы буквально не знаем ни об одном грубом камне, связанном с ними, и мы не находим в Скифии никаких попыток произвести эффект массаами в скифском стиле. необработанный камень - фундаментальная идея, которая определяла их использование в Европе.

198. Круг возле Пешавара. С фотографии.

Мы ступаем на более твердую почву, когда добираемся до долины Кабул, не так уж много доказательств этого еще опубликовано, но количество курганов, вершин и подобных памятников, [527] позволяет с уверенностью утверждать, что круги и дольмены будут найдены там при поиске. Был опубликован только один типичный пример, но сэр Артур Файр, которому мы обязаны этим, слышал о других подобных памятниках, существующих по соседству. Четырнадцать камней, составляющих этот круг, все еще стоят, и самые высокие из них имеют высоту около 11 футов, но другие лежат на земле более или менее разбитыми. Круг имеет около 50 футов в диаметре, и есть признаки внешнего круга из камней меньшего размера на расстоянии примерно 50-60 футов от внутреннего. У местных жителей нет никаких преданий о его возведении, за исключением того же мифа, который мы находим в Сомерсетшире, о том, что свадебная процессия, проходившая по равнине, была превращена в камень каким-то могущественным волшебником. [528]

199. Сделайте круг в Деб Айе, недалеко от Дарабгерда.

В настоящее время эти круги Юсуфзаи и круги, описанные сэром Уильямом Усли в Дели Айе, [529] являются почти единственными примерами, которые у нас есть, чтобы преодолеть огромную пропасть, существующую между регионами Восточных и Западных дольменов. Однако даже последний является лишь хрупкой опорой для теории, поскольку у нас есть только его рисунок сэра У. Осли, который в своем описании говорит: "Я едва ли могу считать расположение этих камней полностью, хотя оно может быть частично естественным или случайным". В сочетании с камнем, представленным цифрой 13 на той же табличке в работе сэра Уильяма Осли, я не сомневаюсь в их принадлежности к классу памятников из грубого камня, но мы должны знать больше примеров и больше о них, прежде чем сможем с уверенностью рассуждать относительно них. Другой пример, который, безусловно, кажется искусственным, приведен Шарденом. Путешествуя между Тебризом и Мианой, он заметил по левую руку от себя несколько кругов из обтесанных камней, которые, как сообщили ему его спутники, были установлены там каусами - великанами династии Кайанов. "Камни, - замечает он, - такие большие, что восемь человек с трудом могли сдвинуть один из них, и все же они, должно быть, были привезены из горных карьеров, ближайший из которых находится в двадцати милях отсюда". [530] С тех пор, должно быть, этим путем проходили многочисленные путешественники, но никто не видел этих камней. Из этого, однако, не следует, что их больше нет, как и сотен других помимо них; но пока преобладает вся эта неопределенность, очевидно, что крайне небезопасно строить предположения о том, каким образом могла иметь место какая-либо связь. Может оказаться, что в соседней стране полно дольменов, или, может быть, практически мы знаем все, что можно узнать по этому вопросу, но до тех пор, пока это не будет установлено, любая теория, которая может быть выдвинута, должна быть открыта для исправления, возможно, даже для опровержения. Однако нет ничего бесполезного или неуместного в том, чтобы делать такие предложения, которые содержатся на последних нескольких страницах. Они обращают внимание на темы, которые слишком легко упустить из виду, но которые при честном рассмотрении поддаются легкому разрешению, в то время как их истинность или ложность практически ни в какой существенной степени не влияет на основной аргумент. Возраст и использование индийских дольменов, как и европейских образцов, должны определяться на основании внутренних свидетельств, которые они сами предоставляют. Каждый должен выстоять или упасть в зависимости от своей силы или слабости. Конечно, было бы интересно, если бы удалось установить связь между этими двумя событиями, и мы могли бы отследить способ и время, когда это произошло, но это не обязательно важно. Если кто-то хочет настаивать на том, что между этими двумя вещами не было никакой связи, он лишает себя одного из основных моментов, представляющих интерес во всем исследовании, но в остальном никак не влияет на аргумент ни относительно их возраста, ни использования. Но обо всем этом мы сможем судить лучше, когда ознакомимся с доказательствами, подробно изложенными в следующей главе.

Сноски

[507] Бытие xxviii. 18; xxxv. 14.

[508] Иосиф Флавий, "Колокол. Иуд.", ст. 6.

[509] Иисус Навин iv. 2-8. В 9-м стихе какая-то ошибка; либо это неправильный перевод, либо стих является интерполяцией. Остается надеяться, что редакторы обратят на это внимание.

[510] Исход iv. 25; Иисус Навин, ст. 3.

[511] Геродот (ii. 86) упоминает, что в его время египтяне после извлечения мозга железным инструментом вскрывали тело, которое они намеревались забальзамировать эфиопским камнем, а сэр Гарднер Уилкинсон ("Древние египтяне", iii. 262) нашел в гробнице два кремневых ножа, которые, возможно, использовались для такого ритуала. цель.

[512] Ирби и Манглс, "Путешествия по Египту, Нубии и проч.", 1823, стр. 325.

[513] Полковник Мидоуз Тейлор, в "Перев. Королевская ирландская академия, 1865 год.

[514] Бытие, xiii. 18; xiv. 13.

[515] Gen . xiii. 5.

[516] "Журнал королевского географического общества", 1868, стр. 243 *и далее*.

[517] С. Пэлгрейв, "Центральная и Восточная Аравия", i. стр. 251. Они, по-видимому, совпадают с теми, которые упоминал Бонштеттен. "Dernièrement encore un missionnaire jésuite, le Père Kohen, a découvert en Arabie dans le district de Kasim, près de Khabb, trois vastes cercles de pierres pareils à celui de Stonehenge, et composés chacun de groupes de trilithes d'une grande élévation."—*Essai sur les Dolmens*, p. 27.

[518] Одна из них уже приводилась, гравюра на дереве № 25, стр. 100.

[519] *Ante*, стр. 32.

[520] Дюбуа де Монпере, v. стр. 194 *и последующие*. pls. xx. - xxv. См. также "Свод журнала". xiii. стр. 303 *и далее*.

[521] Дюбуа де Монпере, "Путешествие по Кавказу", i. стр. 43. Смотрите также два дольмена с рисунков У. Симпсона в книге Уоринга "Каменные памятники", стр. lx.

[522] Haxthausen, 'Mémoires sur la Russie,' ii. p. 291.

[523] "Путешествие", т. е. стр. 495.

[524] "Покупает своих паломников", iii. стр. 8.

[525] Эти подробности взяты из русского труда "Воспоминания об античности Скифии", 1866 год. По-видимому, когда-либо был опубликован только один номер.

[526] "Воспоминания о России", ii. стр. 308.

[527] Введение к "Ариане Антиква" Уилсона, *passim*.

[528] 'Журнал азиатских исследований. Бенгалия, стр. 1, 1870.

[529] "Путешествия по Персии", ii. стр. 124, pl. lv. рис. 14.

[530] "Путешествия в Персе и др.", i. стр. 267.

ГЛАВА XIII. Индия.

Количество памятников из грубого камня в Индии, вероятно, столь же велико или даже больше, чем тех, что можно найти в Европе, и они настолько похожи, что, даже если они не окажутся идентичными, они образуют наиболее важную ветвь нашего исследования. Однако

даже независимо от этого изучение истории архитектуры в Индии призвано пролить столько света на проблемы, связанные с изучением мегалитических памятников на Западе, что уже по одной этой причине оно заслуживает гораздо большего внимания, чем ему уделялось до сих пор.

Предполагается, что теперь никто не будет готов оспаривать раннюю цивилизацию, по крайней мере, в северных частях Индии. Пересекли ли арии Инд за три тысячи лет до нашей эры, как я полагаю, или за две тысячи до нашей эры, как утверждают другие, не имеет большого значения для наших нынешних целей. Общепринято считать, что Веды были составлены или сведены к письменной форме за тринадцать веков до Рождества Христова, а Законы Мену - за семьсот или восемьсот лет до нашей эры, и эти труды свидетельствуют о цивилизации определенного уровня. Айодия была большим процветающим городом во времена событий, описанных в Рамаяне, а Хастинапур - во время разыгрывания трагедии Махабхараты; и эти великие события произошли, вероятно, за одну или две тысячи лет до Рождества Христова, или между этими двумя датами. Или, если подойти немного ближе к нашему времени, все обстоятельства, описанные во всех тысяче и одной легенде, связанной с жизнью и учением Сакья Муни (с 623 по 543 год до н.э.), описывают страну с городами и дворцами, обладающую очень высоким уровнем цивилизации; и эти легенды настолько многочисленны и согласуются друг с другом, что их справедливо можно рассматривать, по крайней мере с этой целью, как достойные истории. И все же, несмотря на все это, теперь мы точно знаем, что в настоящее время в Индии не существует ни одного каменного здания или памятника из камня, который был бы возведен до времен Ашоки, 250 г. до н.э. Но, помимо отрицательных доказательств, в ранних пещерах, от 150 до 200 г. до н.э., мы имеем такие явные доказательства того, что каменная архитектура была тогда простой копией деревянных форм, что мы определенно знаем, что здесь мы достигли самой *инкунабулы* стиля. Конечно, из этого не следует, что города до этого времени, возможно, не были великолепны, а дворцы - великолепны. В Бирме и Сиаме дворцы и монастыри либо полностью, либо в основном деревянные, и эти деревянные сооружения, безусловно, более великолепны и не менее дороги, чем каменные здания Запада, и индийцы, по-видимому, довольствовались этим менее долговечным стилем архитектуры, пока влияние бактрийских греков не побудило их использовать для своих зданий более грубый, но более прочный материал камень.

Имея перед собой такой пример, должны ли мы удивляться, что грубые жители Европы довольствовались землей и формами, которым она могла быть придана, пока пример римлян не научил их использовать более прочный и рельефный материал? Также не годится утверждать, что, если бы наши предки получили этот намек от римлян, они бы переняли римский стиль архитектуры вместе с ним. Индейцы, конечно, этого не сделали. Их ранние попытки создания каменной архитектуры были деревянными в самом строгом смысле этого слова, и они сохраняли свои деревянные формы в течение двух или трех столетий почти неизменными, и когда постепенно они стали все больше и больше соответствовать вновь принятому материалу, они переняли не греческие или иностранные формы, а формы их собственного изобретения. Во времена правления Ашоки у нас есть греческие или, скорее, ассирийские орнаменты в одной из его картин,[\[531\]](#) и что-то вроде столицы Персеполя в некоторых из более ранних пещер,[\[532\]](#) но они вымерли, и только по прошествии пяти столетий мы действительно находим в Амравати что-либо похожее на искусство Бактрии.[\[533\]](#) Как цивилизованная раса копировала свои собственные деревянные формы со всей изысканностью, на которую способна резьба по дереву, так и грубая раса, по-видимому, использовала формы, соответствующие их статусу, и которые были единственными формами, которые они могли оценить.

Здесь стоит отметить еще одну особенность индийской архитектуры, которая имеет тенденцию изменять одну из наиболее общепринятых догм западной критики. Говоря о таких памятниках, как Нью-Грейндж или гробницы в Локмариакере, которые перекрыты перекрывающимися камнями, образующими то, что технически называется горизонтальной аркой, обычно предполагают, что это, должно быть, было сделано до изобретения римской или расходящейся арки. Насколько можно судить по индийскому опыту, это предположение никоим образом не подтверждается. Когда Кутбу у дин захотел ознаменовать свою победу над идолопоклонниками, он в 1206 году нашей эры нанял индусов для возведения мечети в своей недавно приобретенной столице Дели. В центре экрана, образующего мечеть, он спроектировал огромную арку шириной 22 фута, высотой 53 фута, имеющую форму заостренной арки из двух сторон равностороннего сферического треугольника. Это была обычная форма сарацинских проходов в Газни или Балхе в начале XIII века, но индусам было почти не под силу построить ее. Однако они сделали это, и он все еще стоит, хотя и поврежденный; но все проходы горизонтальны, как и их собственные купола, за исключением двух длинных камней, которые образуют вершину арки.^[534] Через несколько лет после этого завоеватели-магометане научили подданных-индусов строить расходящиеся арки, и с тех пор каждая мечеть или магометанское здание строятся с арками, сформированными так, как мы их формируем; но, за исключением очень немногих в правление космополита Акбара, ни одно индуистское здание или храм, даже вплоть до настоящего время имеет дугу в том смысле, в каком мы понимаем это слово.

Один из наиболее ярких примеров этой особенности можно найти в провинции Гузерат. До сих пор можно увидеть великолепные руины города Ахмедабад, построенного мусульманскими царями провинции в период с 1411 по 1583 год.^[535] Там каждая мечеть и каждое здание имеют сводчатую форму в соответствии с одной системой. В той же провинции находится священный город Палитана с его сотнями храмов, некоторые из которых датируются XI веком, многие построены в пределах нынешнего столетия, а некоторые сейчас находятся в процессе строительства; однако, насколько известно, в стенах города нет ни одной арки. Так происходит по всей Индии: бок о бок стоят здания двух великих сект — те, что принадлежат мусульманам, повсеместно имеют арки, те, что принадлежат индусам, поскольку определенно избегают этой формы строительства. Это тем более примечательно, что в тот момент, когда мы пересекаем границу Индии, мы обнаруживаем, что арка повсеместно распространена в Бирме, несомненно, уже в десятом или одиннадцатом веке, и во всех формах, круглых, заостренных и плоских, которые мы используем в наши дни.^[536] Но если мы расширим наши исследования немного дальше на восток, мы снова придем к стране, полной самых замечательных зданий, которые, как известно, где-либо существуют, с мостами, виадуками и сводами; но ни одна арка еще не была обнаружена вдоль и поперек королевства Камбоджа.

Все это, без сомнения, очень аномально и странно, хотя, если бы это стоило того, кое-что из этого можно было бы объяснить. Здесь, однако, не место для этого: все, что здесь требуется, - это указать на существование очевидной аномалии, чтобы мы не могли слишком поспешно делать хронологические выводы из наличия или отсутствия арок в любом данном здании.

Другой наиболее поучительный урок, имеющий отношение к нашему нынешнему предмету, который следует извлечь из изучения индийских древностей, можно найти в том любопытном, но настойчивом сопоставлении, что повсюду преобладают высшие формы прогрессивной цивилизации рядом с низшими типами неизменного варварства. Повсюду в Индии прошлое - это настоящее, а настоящее - это прошлое; не так, как обычно

предполагается, что индуизм неизменен — совсем наоборот. Когда современная история впервые дошла до нас, Индия была буддийской, и на протяжении восьми или девяти столетий это была преобладающая религия государства. В настоящее время на всей территории страны нет ни одного буддийского учреждения. Религии, пришедшие на смену буддизму, были тогда новыми и с тех пор постоянно менялись, так что сейчас в Индии насчитывается больше религий и более многочисленных сект, чем в любой другой части мира такого же масштаба. Даже за последние шесть столетий пятая часть населения приняла мусульманскую религию и вполне готова следовать любой новой форме веры, которая может войти в моду наших дней. Но помимо всех этих непрекращающихся изменений, есть племена и расы, которые остаются неизменными.

Возьмем один пример из сотни, которые можно было бы привести. Угейн был крупной торговой столицей во времена греков. Это была резиденция Ашоки, 260 год до н.э.[537] Это была Озена Перипла, столица великой Викрамадитьи в середине пятого века,[538] и это был город, выбранный Джей Сингом для возведения одной из его великих обсерваторий во времена правления Акбара. И все же почти в пределах видимости этого города можно найти племена бхиллов, которые живут сейчас так, как жили задолго до христианской эры. Они не занимаются сельским хозяйством, вряд ли ведут скотоводческий образ жизни, но живут в основном охотой. Со своими луками и стрелами они охотятся на дичь, как это делали их предки с незапамятных времен. Они никогда не заботились о том, чтобы научиться читать или писать, и у них нет никакой литературы, почти никаких традиций. И все же бхилл был там раньше брамина; и самый гордый правитель Раджпутаны признает бхилла господином земли, и ни один новый наследник престола не считает свой титул полным, пока он не получит тикку из рук кочевника.[539] Если бы Индия была страной, разделенной высокими горными хребтами, или непроходимыми лесами, или вообще где-нибудь существовали непроходимые пустыни, это сосуществование двух форм общества можно было бы объяснить. Но на самом деле все обстоит наоборот. От Гималаев до мыса Коморин не существует и, насколько нам известно, никогда не существовало препятствий для самых свободных сношений между различными расами, населяющими страну. Если мы можем верить традициям, на которых основан эпос "Рамаяна", армии прошли вдоль и поперек эту землю за тысячу, а может быть, и за две тысячи лет до Рождества Христова. Брахманы перенесли свое оружие и литературу на юг в очень раннем возрасте. Буддисты распространились повсюду. Им на смену пришли джайны. Мусульмане завоевали Майсур и Карнатик и поселились в них, но тщетно. Бхили, коул, гонд, тода и другие племена остаются такими, какими они были, и практикуют свои собственные обряды и следуют обычаям своих предков, как будто чужеземец никогда не появлялся среди них.

Восточная Индия.

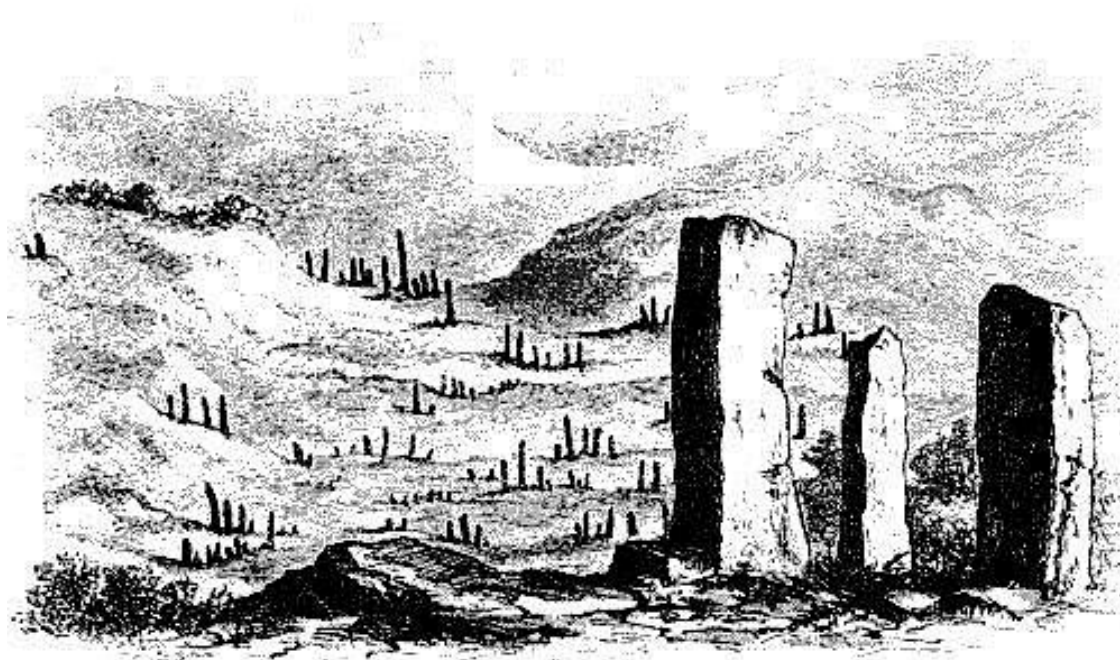
Перейдем от этих общих положений к двум примерам, более непосредственно иллюстрирующим наш европейский опыт. Первый - это культ кхондов, друидов Востока, совершающих поклонение в рощах, *priscâ formidine sacris*, и потворствующих человеческим жертвоприношениям и другим неприятным обычаям наших предков.[540] Эти племена частично обитают на холмах, ограничивающих провинцию Каттак с западной стороны, а частично простираются на сами равнины. Почти в пределах их границ существует невысокая гряда скалистых холмов, известных как Удьягири, в которых находится ряд буддийских пещер, многие из которых были раскопаны до христианской эры и не менее красивы и интересны, чем любые пещеры в Индии.[541] Немного дальше видны большая башня храма Бобанешвар и сто один меньший храм, посвященный поклонению Шиве, который был

установлен здесь во всем своем великолепии в седьмом веке;[\[542\]](#) а чуть дальше, на берегу океана, возвышается великая башня храма Джаггернаута в Пури, основанного в двенадцатом веке для поклонения этой форме Вишну.[\[543\]](#) Однако вопреки всему этому, в непосредственной близости от святынь кроткого аскета, посвятившего свою жизнь предотвращению пролития крови самого низкого из сотворенных существ, на виду у Бобанешвара и Пури, Макферсон говорит нам, бессознательно почти повторяя слова Тацита[\[544\]](#) : "Кхонды не используют ни храмы, ни изображения в своем богослужении. Они не могут понять и считают абсурдной идею строительства дома в честь божества или в ожидании, что оно будет особым образом присутствовать в любом месте, напоминающем человеческое жилье. Священные от топора рощи, покрытые инеем скалы, вершины холмов, фонтаны и берега ручьев являются в их глазах самыми подходящими местами для поклонения. " Именно в этих священных и почитаемых рощах ежегодно приносились человеческие жертвы, чтобы умиротворить гнев ужасного Тари и обеспечить плодородие полей. В 1836 году мы впервые вмешались, чтобы положить этому конец, и до Мятēja верили, что добились успеха. Возможно, мы и были такими, но если бы наша сильная репрессивная рука была однажды убрана, в этом нельзя сомневаться, но жертвы были бы немедленно возобновлены. То, чего не смогли достичь буддисты и брахманы, работавшие по меньшей мере две тысячи лет, мы, чужеземцы, не можем ожидать успеха за несколько лет, если только действительно не примем систему, которой следовали наши предки, и не будем полны решимости искоренить тех, кто упрямо придерживается таких практик. Если бы сначала римляне, а затем кельты мечом и веревкой не принялись энергично улучшать древнюю расу, мы могли бы сейчас совершать человеческие жертвоприношения на равнинах Бо в окрестностях Шартра и находить людей, спокойно возводящих дольмены в долине Дордони.

Однако обычаи Клавдия или Симона де Монфора противоречат чувствам индейцев, и до тех пор, пока на карту не поставлено ни одного политического вопроса, они редко вмешиваются в религиозные пристрастия своих соседей.

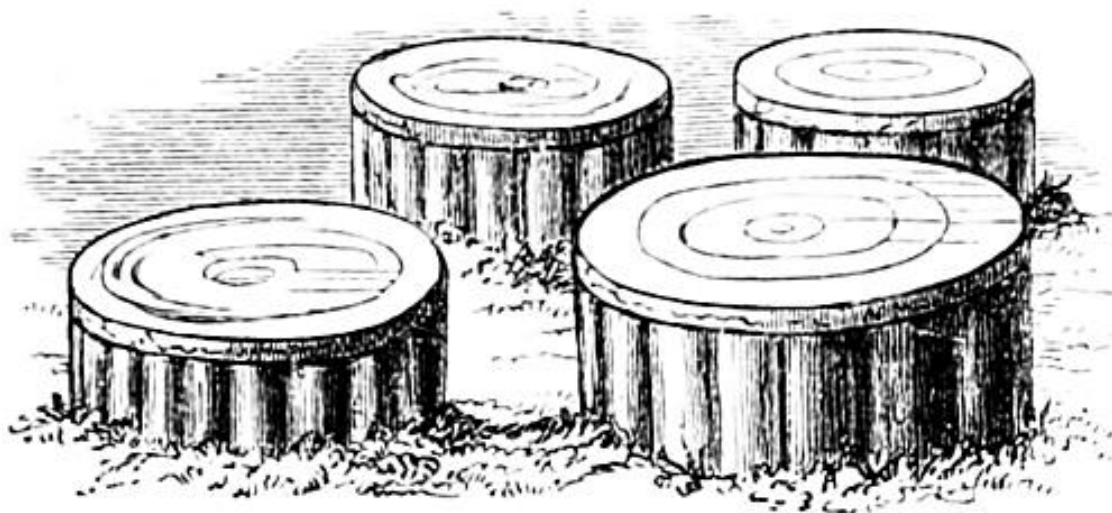
Когда от холмов, населенных кхондами, мы пересекаем дельту Ганга в северном направлении и подходим к холмам Хассия, мы обнаруживаем совершенно иное положение вещей, но не менее интересное в качестве иллюстрации наших нынешних исследований. Эти холмы расположены между долиной Ассама и равнинами Силхет и, поднимаясь на высоту от 5000 до 6000 футов, задерживают дожди во время юго-западных муссонов, и, если бы не они, были бы одним из самых восхитительных санаториев провинции Бенгалия. Однако страна, где за три месяца выпадает 300 дюймов осадков, является, по крайней мере, четверть года, нежелательным местом обитания, и к тому же трудно сохранить какую-либо почву на скалах. По всей западной части холмистого региона, населенного племенами, носящими общее название хассиас, памятников из грубого камня существует больше, чем, возможно, в любой другой части земного шара той же протяженности ([гравюра на дереве № 200](#)). Все путешественники, посетившие страну, были поражены этим фактом и любопытным сходством их форм с теми, что существуют в Европе.[\[545\]](#) Они действительно настолько похожи, что уже давно вошло в моду отождествлять их друг с другом, и, следовательно, часто высказывалась надежда, что, если бы мы только могли выяснить, почему были возведены индийские памятники, мы могли бы обнаружить мотив, которым руководствовались те, кто в Европе соорудил подобные памятники, в то же время, казалось, были все основания полагать, что будет нетрудно обнаружить мотивы, которые привели к возведению подобных памятников. из индийских примеров. Местные жители не делают из них тайны, и многие из них были возведены в течение последних нескольких лет или возводятся сейчас, и они идентичны по форме тем, которые посерели с годами и, должно быть, были установлены в

давно забытом прошлом. Таким образом, здесь, казалось, появился шанс наконец разгадать тайну великих камней. Однако более близкое знакомство с ними скорее развеяло эти иллюзии.

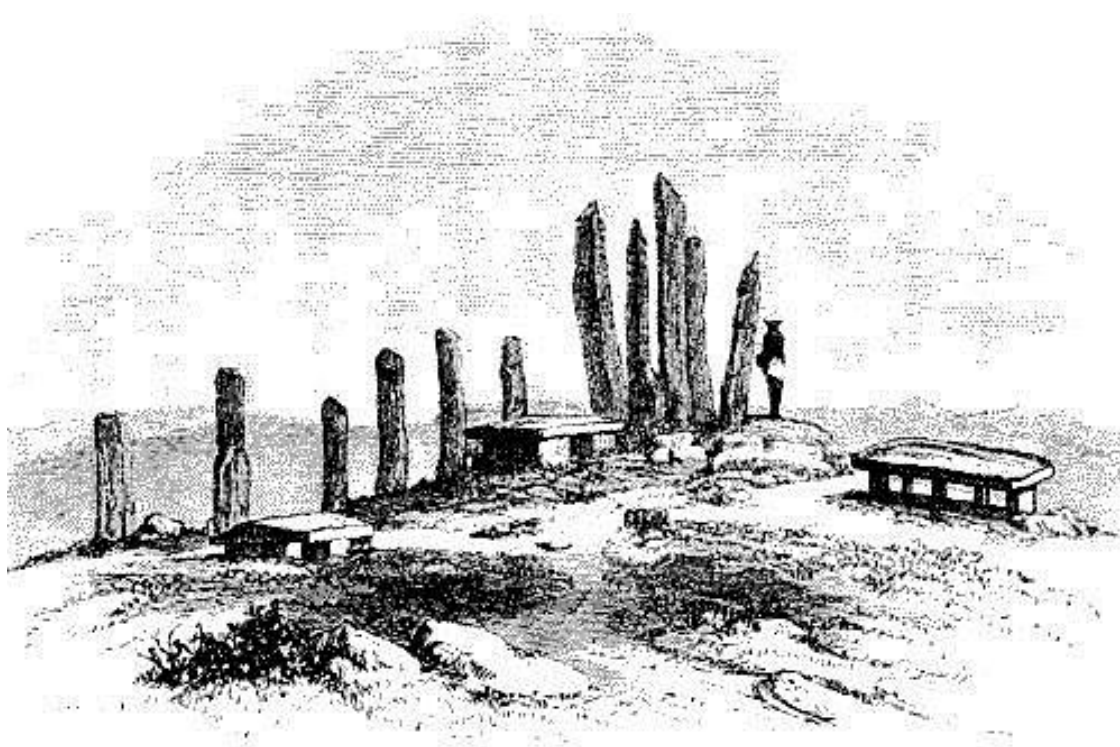
200. Вид на холмы Хассия. Автор Х. Уолтерс.

Хассии сжигают своих умерших, что является практикой, которая вряд ли могла зародиться в их нынешних местах жительства, поскольку в течение трех месяцев в году из-за дождя невозможно разжечь огонь на улице, и, следовательно, если кто-то умирает в течение этого периода, тело кладут в гроб, сделанный из выдолбленного ствола дерева, и маринуют в меду, пока ясный день не позволит должным образом совершить погребение.^[546] По словам мистера Уолтерса, урны с прахом помещаются в маленькие круглые ячейки с плоскими крышками, похожими на табуретки, которые существуют в непосредственной близости от всех деревень и используются жителями деревни в качестве сидений на всех государственных собраниях; но используется ли одна табуретка для всей семьи или пока она не заполнится урнами, или готовится ли новая табуретка на случай смерти великого человека, пока не установлено.^[547]

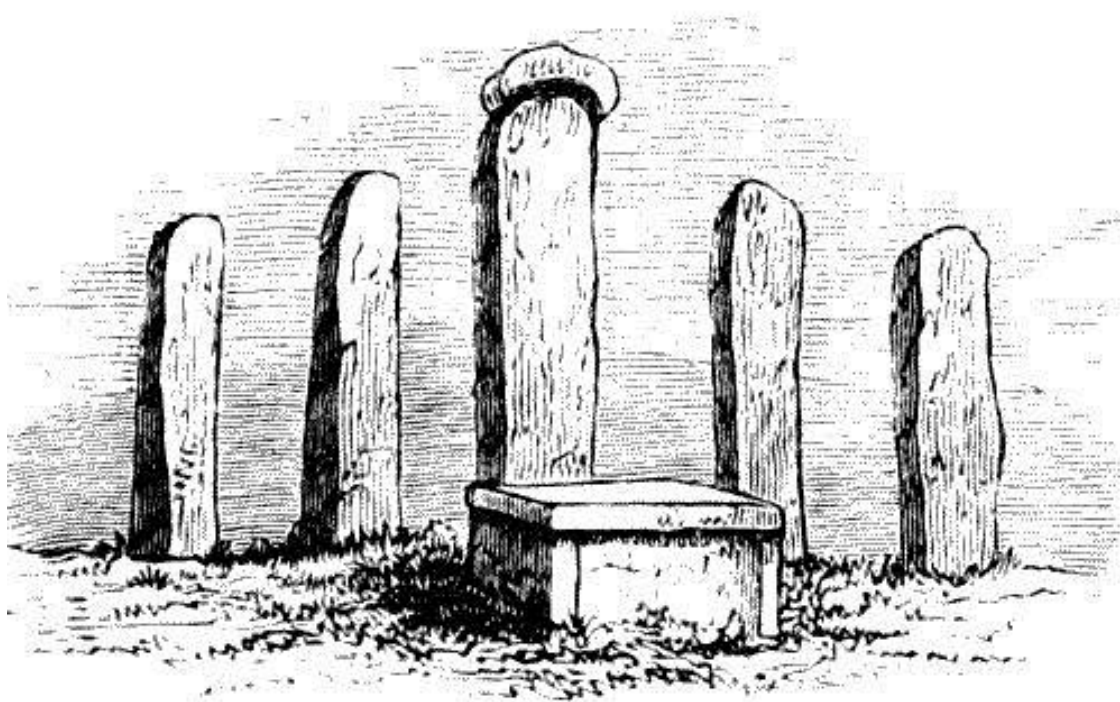

201. Места погребения в Хассии. Из Йоля.

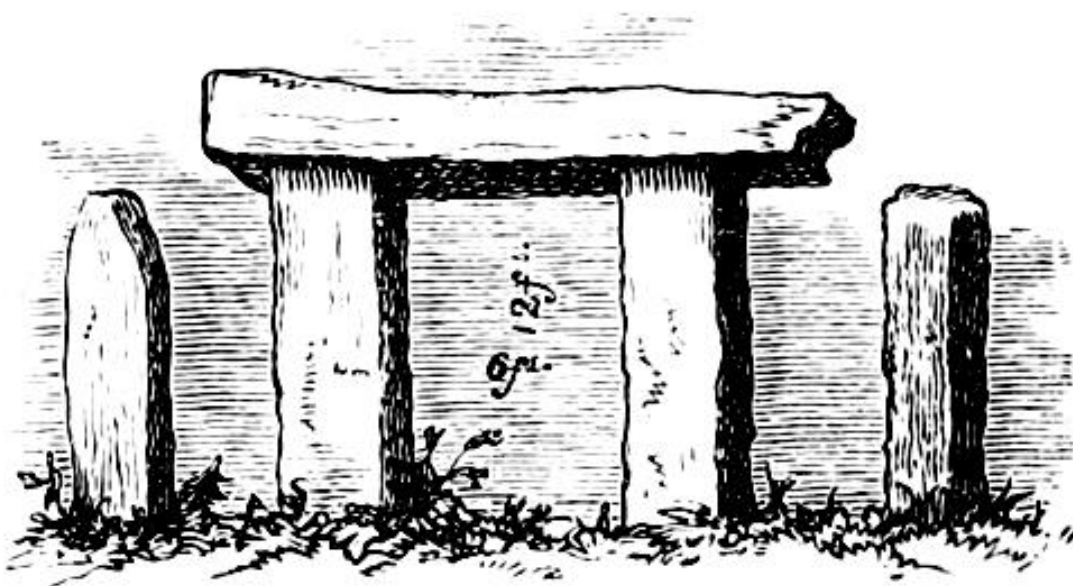
Происхождение менгиров несколько иное. Если кто-либо из племени Хассия заболевает или попадает в затруднительное положение, он молится кому-нибудь из своих умерших предков, дух которого, как он полагает, может быть способен и готов помочь ему. Отец или мать, дядя или тетя или какой-либо более дальний родственник могут преуспеть в равной степени, и, чтобы усилить свою молитву, он клянется, что, если она будет исполнена, он установит камень в честь усопшего.^[548] Этого он никогда не упускает из виду, и если исцеление было быстрым или перемена в удаче столь внезапной, что была поразительной, другие обращаются со своими молитвами к тому же человеку, и дается обет на большее количество камней. Таким образом, иногда случается, что у человека, мужчины или женщины, которые ничем не были примечательны в жизни, может быть пять, или семь, или десять — две пятерки, поскольку число всегда должно быть неравным - в их честь. Центральный камень обычно увенчан капителью или орнаментом, похожим на тюрбан, а иногда два соединяются вместе, образуя трилитон, но тогда они, по-видимому, считаются одним целым. Майор Остин упоминает набор из пяти предметов, установленный в 1869 году на противоположной стороне дороги от оригинального набора того же номера, которым ранее была удостоена пожилая леди в знак заслуг, которые она оказала своему племени после своей смерти.^[549]

202. Менгиры и Столы. From Schlagintweit.

203. Каменный тюрбан с Каменным столом.

204. Трилитон.

Происхождение каменных столов или дольменов выяснено не так четко. Как и табуретки в гробницах, они часто, по крайней мере, кажутся местами собраний. Один из них, описанный майором Остином, имел размеры 30 футов 4 дюйма на 10 футов в ширину и среднюю толщину в 1 фут; у него были ступени, чтобы подняться на него; и, безусловно, он выглядит как место, с которого было бы удобно обращаться к аудитории. Большой камень этого памятника весил 23 тонны 18 килограммов, а другой описан как размером 30 на 13 футов и толщиной 1 фут 4 дюйма, а другие кажутся почти таких же размеров; и они часто поднимаются на некоторую высоту от земли и опираются на массивные монолиты или колонны.

Пока это так, нам не нужно удивляться массам, затраченным на возведение Стоунхенджа, Эйвбери или любого другого из наших европейских памятников. Физически хассии - очень низшая раса по сравнению с той, какой, как мы можем себе представить, когда-либо были наши предки. Их уровень цивилизации едва ли отличается от уровня простых дикарей, а их познания в механическом искусстве имеют самое примитивное описание. Добавьте ко всему этому, что их страна гористая и в высшей степени пересеченная. И все же, несмотря на все эти недостатки, они передвигают эти огромные камни и возводят их с совершенной легкостью, в то время как мы теряемся в догадках, потому что наши предки сделали нечто почти равное этому около четырнадцати веков назад.

На холмах, по-видимому, нет ни кругов, ни линий, ни каких-либо других форм, которые на предыдущих страницах мы приписывали полям сражений, ни курганов, ни каких-либо производных от них, ни каких-либо скульптурных камней любого вида. Таким образом, реальное сходство между двумя формами искусства не столь разительно, как кажется на первый взгляд, но все же представляет собой совпадения, которые невозможно не заметить.

Один из самых любопытных моментов, который выявляет изучение этих двух индейских племен применительно к европейским сородичам, заключается в том, что в Каттаке у нас есть священные рощи, человеческие жертвоприношения, всемогущее жречество, занимающееся гаданиями, и различные другие особенности, отдающие друидизмом, но ни одного вертикального камня или каменного памятника любого рода. С другой стороны, на

холмах Хассии есть дольмены, менгиры, трилиты и большинство форм архитектуры из грубого камня, но нет ни господствующего жречества, ни человеческих жертвоприношений, ни рощ, ничего, напоминающего религию друидов.

Для европейского студента самым интересным фактом, связанным с памятниками на холмах Хассии, вероятно, является их дата. Мы не знаем, как далеко они простираются в прошлое, но мы точно знаем, что многие из них были возведены в пределах нынешнего столетия, а некоторые - за последние несколько лет. Однако это произошло в присутствии и в непосредственном контакте с двумя гораздо более высокими формами цивилизации.

У подножия холмов Хассия, к северу, раскинулось знаменитое индуистское королевство Камарупа. Мы не знаем, как далеко простирается его история, но его основание, безусловно, предшествовало христианской эре; и когда Хиуэн Тханг посетил его в начале седьмого века, он нашел его богатым и процветающим, и в нем были "сотни храмов".^[550] И сейчас в джунглях постоянно обнаруживаются руины храмов, возможно, не столь древних, как на эту дату, но свидетельствующих о продолжающемся процветании вплоть до гораздо более позднего периода. Все эти храмы богато и искусно вырезаны и украшены тем изобилием деталей, которое характерно для индуистской архитектуры.

У подножия южного склона холмов раскинулся Силхет. Когда он стал великим, мы не знаем, но он определенно был занят мусульманами несколько веков назад и украшен мечетями, дворцами и всем тем великолепием, которому мусульмане предавались на Востоке. И все же Хассия равнодушно взирает свысока на эти новые формы цивилизации. Как слуга или торговец, он, должно быть, веками был знаком и с тем, и с другим: но он цепляется за свою старую веру и возводит памятники из грубого камня, как это делали его предки с незапамятных времен, и сомнительно, что наши солдаты или наши миссионеры скоро отучат его от этой странной формы поклонения.

Несомненно, всего этого достаточно, чтобы заставить нас остановиться, прежде чем приводить аргументы на основе нашего собственного европейского опыта или решать вопросы, когда до сих пор было доступно так мало фактов, на которых можно было бы основывать какие-либо обоснованные выводы.

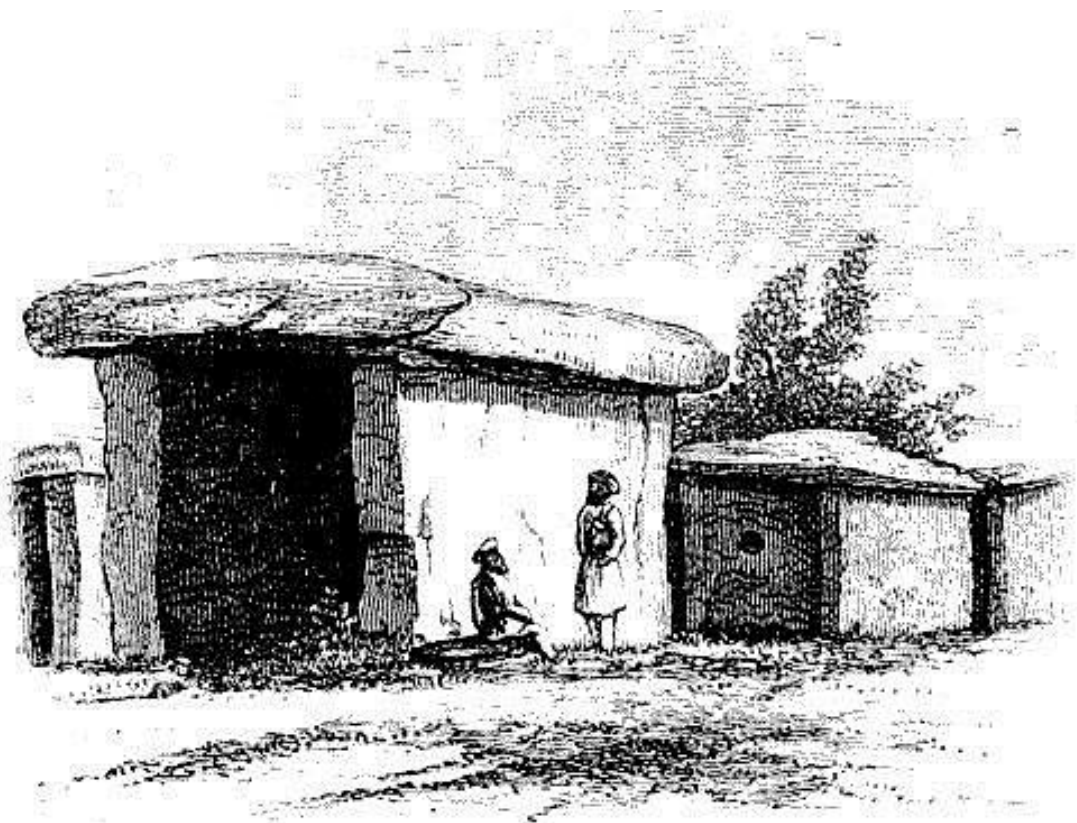
Западная Индия.

На другой стороне Индии есть несколько групп памятников из грубого камня, похожих на те, что найдены на холмах Хассия, и, по-видимому, возведенных для аналогичных целей. Они, однако, гораздо менее известны и описаны или, по крайней мере, нарисованы только одним путешественником.^[551] Наиболее заметный из них находится недалеко от Белгаума. Он состоит из двух рядов по тринадцать камней в каждом и одного перед ними из трех камней — их количество всегда неравномерно, как в Бенгалии, — а на противоположной стороне четыре тех маленьких алтаря, или столика, которые всегда сопровождают эти группы камней на холмах Хассия. Они, однако, намного меньше, центральный камень имеет всего около 4 футов в высоту и опускается примерно до фута в высоту в конце каждого ряда.^[552] Были ли они посвящены одной и той же цели, полковник Лесли нам не сообщает; но их сходство настолько заметно, что, кажется, почти нет сомнений в том, что они были посвящены духам умерших предков.

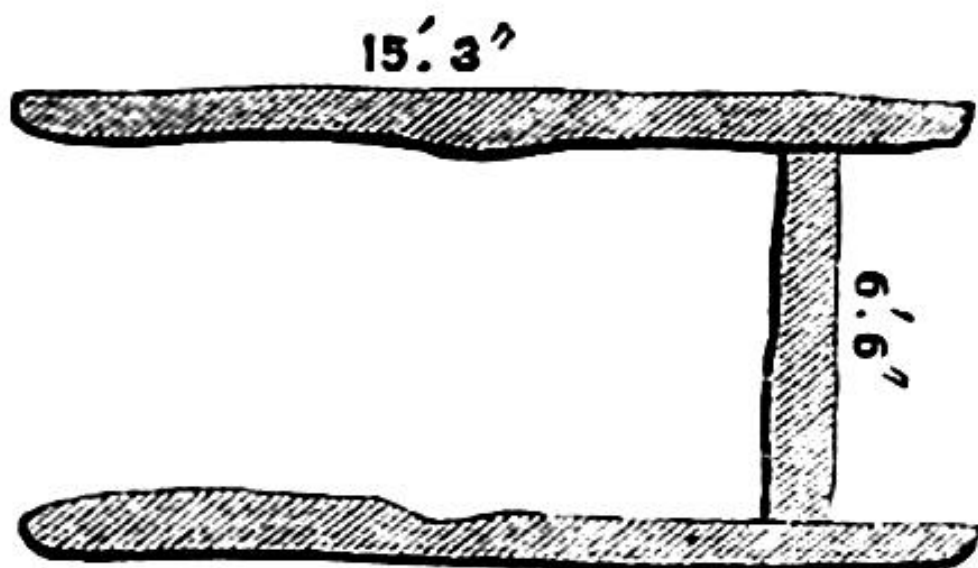
Другой класс круглых вентиляторов выглядит на первый взгляд более многообещающим для сравнения с нашим. Обычно они, по-видимому, состоят из одного или трех камней, перед которыми круглое пространство — в самом большом случае 40 футов в диаметре, но чаще всего всего от 20 до 30 футов — обозначено рядом небольших камней высотой от 8 до 20

дюймов, в то время как большие центральные камни имеют высоту всего 3 фута. Поэтому сравнивать их с нашими великими мегалитическими памятниками кажется довольно абсурдным. Насколько можно разобрать, центральный камень, по-видимому, представляет местное деревенское божество по имени Ветал или Бетал, которое, подобно Надзу Пенну, деревенскому богу, одному из низших божеств кхондов, обычно представлено просто грубым камнем, помещенным под дерево.^[553] В случае с Веталем, кажется, что когда должно быть принесено в жертву — обычно петуха — все заинтересованные лица приносят свои собственные камни и расставляют их по кругу вокруг места, где должна быть проведена церемония; отсюда внешнее сходство. Ни один из них, насколько известно, не является древним, да и вообще неизвестно, когда и как возникло поклонение этому божеству. Очевидно, это местное суеверие некоторых коренных племен, которое в последнее время под нашим терпимым правлением стало более заметным, поскольку брахманы ненавидят и презирают эту секту; и что касается фактов, было бы трудно восстановить историю этой формы архитектуры на сто лет назад с того времени. Он может быть старше, но нет ничего, что указывало бы на то, что это так.

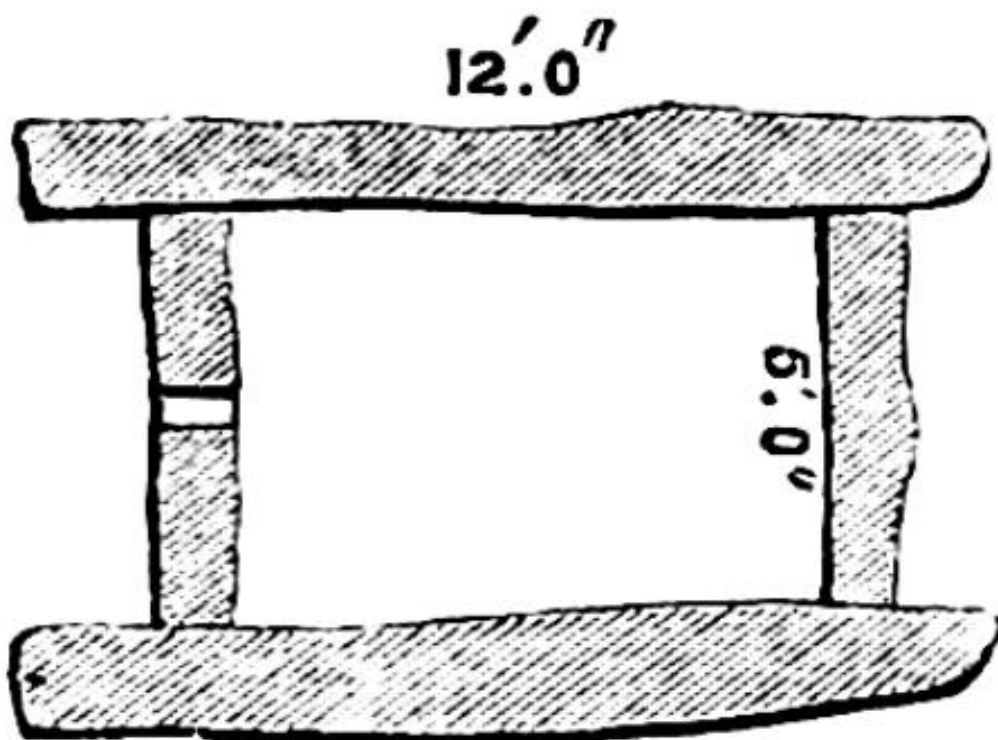
Что касается вышеупомянутых памятников, то в них, по-видимому, нет ничего, что позволяло бы провести реальную аналогию или установить какую-либо прямую связь между европейскими и индийскими примерами. Принесение петуха в жертву Веталу во время болезни выглядит как аналогичное жертвоприношение Эскулапу, а человеческие жертвоприношения и священные рощи кхондов очень похожи на друидические по внешнему виду; но, вероятно, не найдется никого, кто стал бы утверждать, что Ветал и Эскулапий — один и тот же бог или что кхонды — кельты; и без подтверждения этого спор прекращается. Однако ситуация представляется иной, когда мы обращаемся к погребальным сооружениям коренных племен Индии. Здесь аналогии настолько поразительны, что трудно поверить, что они случайны, хотя столь же трудно понять, как и когда могло произойти половое сношение, которое привело к их сходству.

205. Дольмен в Раджунколуре. С рисунка полковника Мидоуза Тейлора.

206. План Открытого дольмена в Раджунколуре.

207. Закрытый дольмен в Раджунколуре.

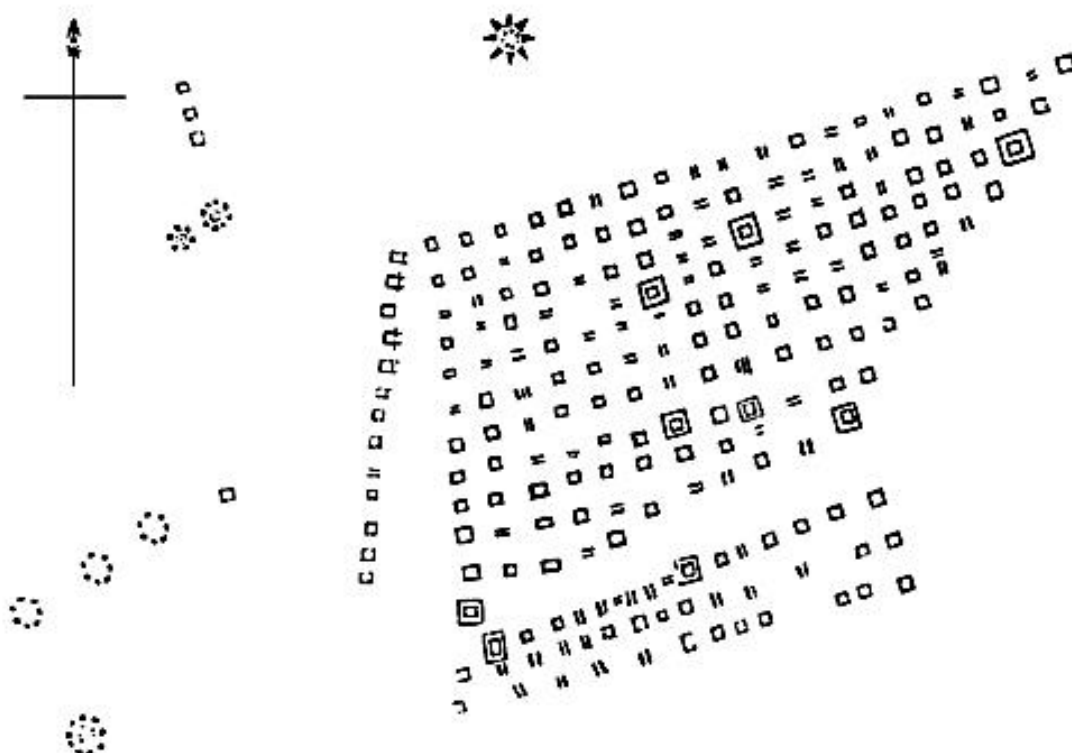

208. Вид на Закрытый дольмен в Раджунколуре.

Как и в Европе, могильные памятники Индии можно разделить на два больших класса — дольмены и курганы. При нынешнем состоянии наших знаний трудно сказать, какие из них более многочисленны. По словам полковника Мидоуза Тейлора, [554], который является нашим лучшим авторитетом в этом вопросе, дольмены бывают двух видов — те, которые состоят из четырех камней, то есть трех опорных камней и одного заглушки — таким образом, одна сторона остается открытой — и те, в которых камера закрыта четвертым камнем; в последнем случае в этом четвертом камне неизменно имеется круглое отверстие, как в Черкесские образцы (гравюры на дереве № 192, 193) и дольмен в Три (№ 127). Обе эти формы показаны на гравюре на дереве № 205, изображающей две в Раджунколуре, в провинции Шолапор, между Бхимой и Кистой, недалеко от их слияния. Боковые камни более крупного памятника имеют размеры 15 футов 3 дюйма на 9 футов в высоту и более 1 фута в толщину. Верхний камень имеет размеры 15 футов 9 дюймов на 10 футов 9 дюймов, а внутреннее пространство — 8 футов на 6 футов, причем третья плита помещается на некотором расстоянии сзади и между двумя боковыми камнями. Такое же расположение соблюдено в закрытом дольмене, поперечные плиты находятся внутри, как показано на виде (гравюра на дереве № 208) и плане (гравюра на дереве № 207). Внутри закрытого дольмена на поверхности было немного черной плесени. Под ним была серовато-белая земля, привезенная издалека, с которой были найдены человеческий пепел, части костей вперемешку с древесным углем, а также осколки разбитой керамики, красной и черной. Они покоились на твердой скале, на которой был воздвигнут дольмен. Ни в одном из открытых дольменов ничего не было найдено; но неясно, произошло ли это из-за того, что их

разграбили, или из-за того, что они были обнажены. Вряд ли могло быть, чтобы они не были погребальными. По крайней мере, кажется, что они перемешаны без разбора с другими, и, кроме того, что они открыты, нет ничего, что отличало бы их. Своеобразно расположение этих дольменов в плане. Как будет видно из следующей гравюры на дереве (№ 209), они расположены так же регулярно, как и на наших кладбищах, и, очевидно, в определенных направлениях продолжались бы до бесконечности; но в другом направлении расположены пирамиды из камней, расположенные неравномерно и показывающие различие в способе захоронения, которое в настоящее время трудно объяснить.

В местечке Райхор Доаб, называемом Йемми Гуда, четыре дольмена первого класса были окружены двойными кругами камней; но, похоже, это необычное расположение.

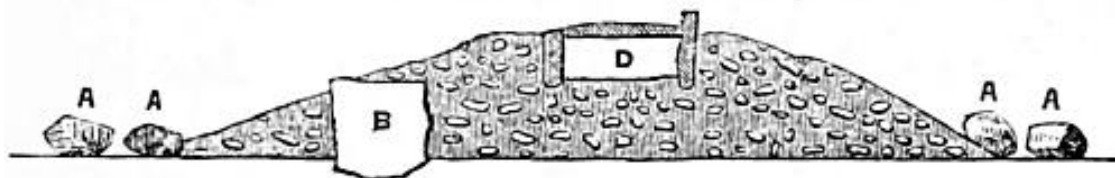
209. Расположение дольменов в Раджунколуре. Автор: полковник Мидоуз Тейлор.

Едва ли не более интересными, чем дольмены, являются пирамиды из камней. Следующий план группы в Джевурги, местечке в пятидесяти милях по прямой, к северо-востоку от Раджунколура, объяснит их расположение и сопоставление. Они тоже, по—видимому, делятся на два класса, как показано в двух разделах - с вершиной, как в Оверни, и без нее; однако все они, по-видимому, окружены одиночными и двойными кругами камней. Обычно обнаруживаются два камня, слегка выступающих из поверхности кургана, и когда между ними производится раскопка, обнаруживается могильник, заложенный в их направлении на глубине от 9 до 10 футов под поверхность. Она, как правило, двойная и содержит скелеты, лежащие ничком. В одном конце, но за пределами хранилища, находится большое количество керамики, а над хранилищем - несколько скелетов, брошенных в пеллмелл, а поверх них - толстый слой земли и гравия. Отделенные головы иногда находят в гробницах, иногда снаружи среди керамики, что привело полковника Тейлора к выводу, что во время возведения этих пирамид практиковались человеческие жертвоприношения и что это останки жен или рабынь покойного. Возможно, это так, но возможно также, что, как и в Европе, мы должны проводить различие между полями сражений и кладбищами; и я признаю идею о том, что пирамиды в Джевурги обозначают поле битвы, а дольмены в

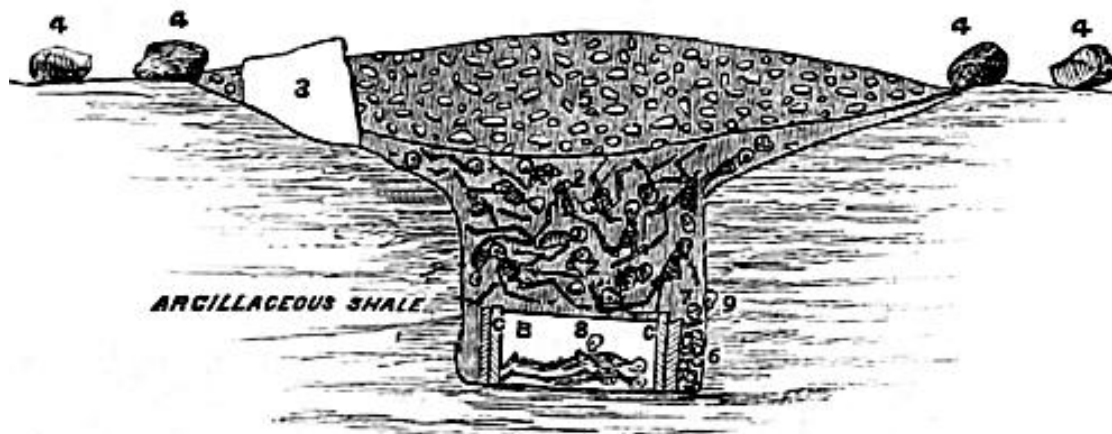
Раджунколуре - кладбище, которая, по-видимому, объясняет эти явления лучше, чем другая гипотеза. Если это не так, поскольку расстояние между Раджунколуром и Джевурги составляет всего пятьдесят миль, мы должны предположить, что либо этот район был населен двумя разными расами людей в одно и то же время, практиковавшими разные способы захоронения, либо мы должны признать, что одна древнее другой, и что одна раса была изгнана, и ей наследовала другая. Трудности, связанные с любым из этих предположений, кажутся мне бесконечно большими, чем те, которые связаны с предположением, что одно из них является полем битвы, а другое - кладбищем. Единственное, что заставило бы меня усомниться в этом, - это наличие нескольких пирамид в Раджунколуре. Однако они, по-видимому, не были вскрыты, и, следовательно, мы не знаем, были ли обнаружены те же случаи обезглавливания, или тела были расположены таким же образом, как в Джевурги.

210. Пирамиды в Джевурги. Автор: полковник Мидоуз Тейлор.

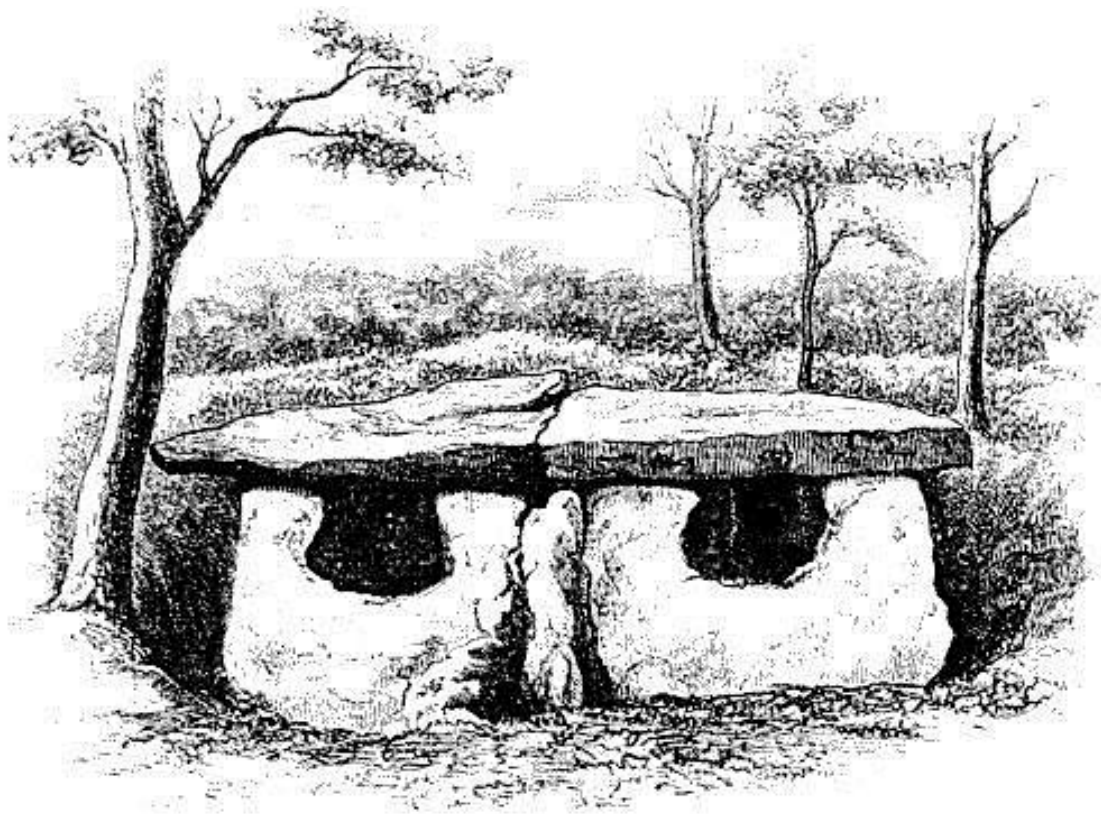
211. Фрагмент пирамиды из камней в Джевурги.

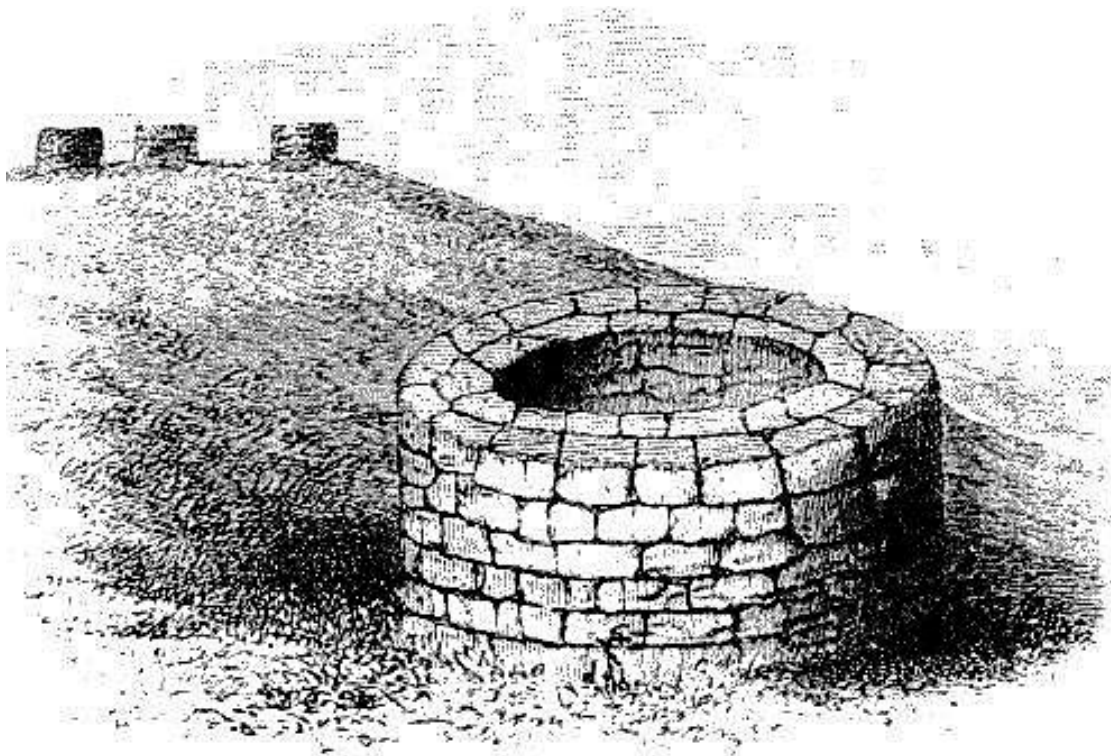
212. Фрагмент пирамиды из камней в Джевурги.

Как бы то ни было, если полагаться на эти разделы, то представляется вполне очевидным, что эти гробницы не могут быть старыми. Кажется невозможным, чтобы человеческие кости могли оставаться такими цельными и совершенными, какими их изображают, так близко к поверхности и в недавно потревоженной почве, куда постоянно должны были легко проникать дожди и влага. Врач на месте мог бы определить, прошло ли два, три или пять столетий с тех пор, как эти тела были положены там, где они найдены; но я был бы очень удивлен, если бы он увеличил их дату за пределы последней названной цифры. Однако опасно делать выводы по таким вопросам, опираясь на те скудные данные, которыми мы располагаем.

Существует еще один класс дольменов, или, скорее, кистванов, распространенных на холмах Нилгири и по всему горному региону Малабар. В нем камера имеет форму, подобную описанной выше, но всегда заглублена в землю, показывая только заглушку-камень на одном уровне с поверхностью почвы. Одно из них, в стране Кооргов, заслуживает упоминания из-за наличия в нем двух круглых отверстий, подобных отверстиям в Плас-Ньюиддском кургане ([гравюра на дереве № 48](#)). У этого, однако, есть диафрагма, разделяющая его на две камеры. Если у валлийского была такая перегородка, то стена исчезла.

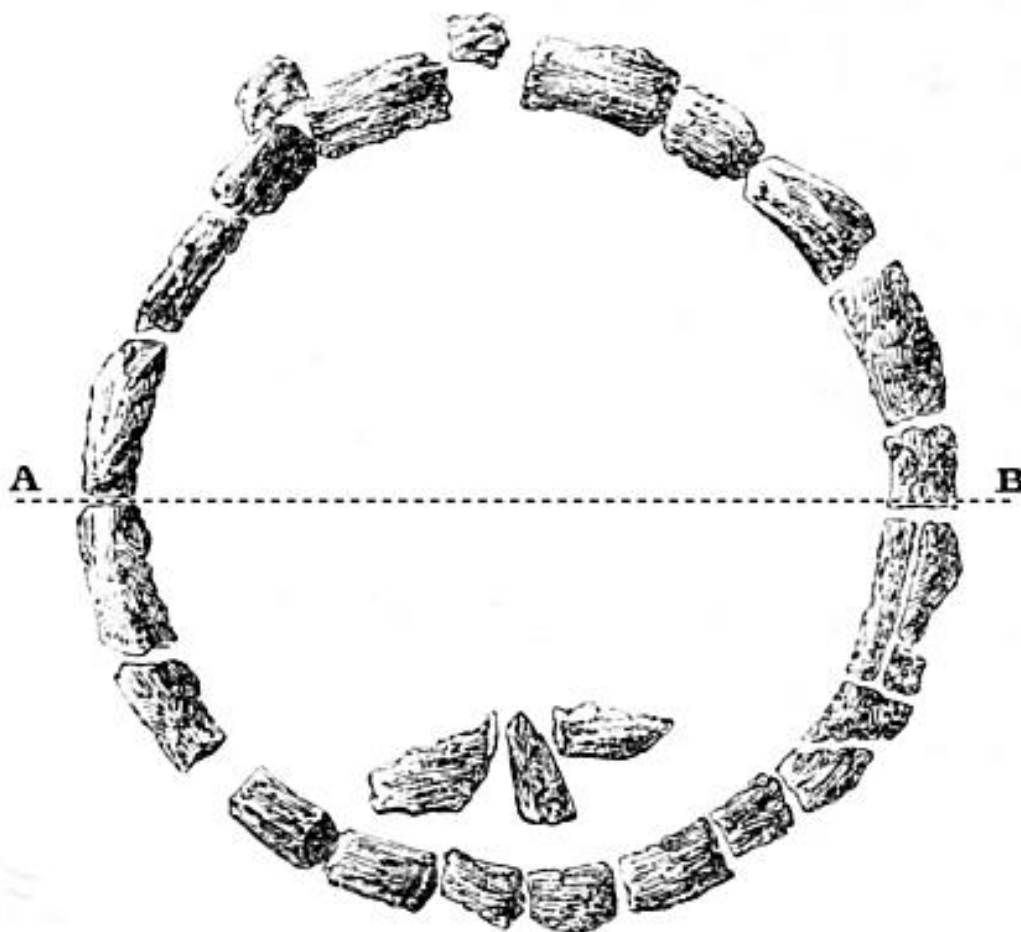
213. Двойной дольмен, Кург.[555]

214. Могила, холмы Нилгири. С рисунка сэра Уолтера Эллиота.

Необходимо привести еще один класс памятников, но не для иллюстрации какого-либо из наших примеров, а потому, что он почти идентичен чушасу[556] из Северной Африки (гравюра на дереве № 165), и когда мы попытаемся выяснить, существовала ли какая-либо реальная связь между Востоком и Западом, из таких примеров могут получиться ценные

кремни. Согласно сэру Уолтеру Эллиоту, [557] они самые распространенные или, скорее, возможно, наиболее заметные, поскольку располагаются на вершинах холмов или хребтов. Их форма представляет собой круглую стену из нецементированных необработанных камней высотой 4-5 футов, толщиной 3 фута и диаметром 6-8 футов.

215. Могильные круги в Амравати.

Интересна еще одна разновидность не только из-за ее сходства с таковыми в Европе, особенно в Скандинавии, но и из-за ее отношения к вопросу о возрасте таковых в Индии. Все гробницы этого класса очень похожи друг на друга и состоят из небольших кругов из грубых камней, обычно только двух размеров, 24 и 32 фута в диаметре, и имеют что-то вроде отверстия с одной стороны, а напротив него два или три камня внутри круга, по-видимому, отмечающие местоположение захоронения. [558] Памятники, очень похожие на эти, существуют на холмах Нилгири и в других местах Индии, [559] но в основном они находятся у подножий холмов вокруг Амравати, где они существуют буквально сотнями. Вероятно, никто из тех, кто изучает карту этого района полковника Маккензи [560], не усомнится в том, что они образуют кладбище города Дхарани Котта, к которому прикреплена могила Амравати. Как и в Китае, захоронение на плодородной земле было запрещено, и, следовательно, местом,

выбранным для захоронений жителей, было ближайшее необработанное место - подножие холмов. Насколько в настоящее время известно, эти круглые могилы нигде не встречаются в таком количестве, как здесь, и вряд ли можно сомневаться в том, что они имеют какую-то связь с большой круглой оградой в Амравати Топе. Эти перила уникальны в Индии, независимо от того, рассматриваем ли мы их протяженность, красоту скульптур или изысканность отделки. Другие рельсы существуют в других местах, окружающих дагобы или священные места, но ни один из них не является таким, где сам круг был бы относительно намного больше и величественнее окружающих объектов. Таким образом, возникает вопрос, вырос ли круг Амравати из могил из грубого камня, которые громоздятся вокруг холмов по соседству, или же грубые круги являются скромными копиями этой гордости города? Сам я не сомневаюсь, что последнее является истинным объяснением феноменов; но основания для такого вывода станут яснее по мере того, как мы продолжим. Между тем вряд ли стоит перечислять все меньшие разновидности формы, которые принимали грубокаменные гробницы индейцев в прежние времена. Их количество во многих классах невелико и не имеет прямого отношения к предмету нашего исследования.

Географическое распространение.

Ничто так не способствовало бы передаче четких представлений об индийских дольменах, как карта их распространения, если бы ее можно было построить. Поскольку, однако, ни одна страна даже в Европе, за исключением Франции, не в состоянии предпринять подобную попытку, напрасно ожидать, что достаточная информация для этой цели должна существовать в Индии, где эта тема затрагивалась совсем недавно и столь спорадически.^[561] Следующий набросок, однако, возможно, не очень далек от истины относительно них. Их нет ни в долине Ганга, ни в одном из его притоков, ни в долинах Нербудды или Тапти; фактически, их нет и в той части Индии, которая обычно описывается как расположенная к северу от горного хребта Виндхья. Они существуют, хотя и несколько редко, по всей стране, опустошенной Годавери и его притоками. Они очень распространены, возможно, чаще, чем в любой другой части Индии, в долинах Кистны и ее притоков. Они также встречаются по обе стороны Гатса, через Коимбатур, вплоть до мыса Коморин; и они также встречаются группами по всему Мадрасскому президентству, но особенно в окрестностях Конджеверана.

Первый вывод, который можно сделать из этого, состоит в том, что они должны быть дравидийцами, в отличие от арийцев; и это может быть так. Но против этой точки зрения у нас есть тот факт, что все расы, доминирующие в настоящее время на юге, отвергают их: сейчас никто не использует подобные способы захоронения и не возражает против того, чтобы мы их выкапывали и уничтожали.

Если мы заглянем немного глубже, то придем к расе карамболистов, которым сэр Уолтер Эллиот склонен приписывать основную массу памятников из грубого камня.^[562] Из его собственных исследований и различных документов, содержащихся в рукописи Маккензи.,^[563] они, по-видимому, были могущественной расой на юге Индии с древнейших времен, до которых простираются наши знания, и оставаться могущественным в Конджеверане и Мадрасе, скажем, до десятого или одиннадцатого веков, когда они были побеждены чола, и, наконец, исчезнуть с политического горизонта перед растущим превосходством этого триумвирата держав, Чола, Чера, Пандья, которые правили югом, пока баланс сил не был нарушен вторжениями магометан и махаратты.

Жалкие остатки этих карумеров все еще существуют на холмах Нилгири и у истоков западных гат, но без литературы, или истории, или даже традиций, которые позволили бы нам

идентифицировать или отличить их от любой другой расы юга. Единственный тест, который, по-видимому, может быть применен, - это тест языка, и филологи определили, что это диалект дравидийских языков.[564] Но в таком случае, как этот, язык является наиболее небезопасным руководством. В последнее время корнуолльцы изменили свой язык без какого-либо изменения расы, и если межобщинное общение будет продолжаться такими же темпами, как сейчас, английский через столетие или два может стать единственным языком, на котором говорят на этих островах. Из названий мест мы узнали бы, что кельтские расы населяли многие местности, но из языка людей мы не узнали бы сейчас, что корнуолльцы или валлийцы были более кельтскими, чем жители Йоркшира или лотиана. Таким образом, в Индии нет ничего более вероятного, чем то, что в течение последних восьми или десяти столетий тамульское или дравидийское влияние распространилось на север, к Виндхье, и что гонды, карумберы и другие подчиненные им полукцивилизованные расы переняли язык своих завоевателей и хозяев. Может быть и иначе, но мы точно знаем, что южные дравиды перенесли свой архитектурный стиль — вещь, которую изменить почти так же трудно, как язык, — так далеко на север, в Эллору, и высекли там в восьмом или девятом веке нетленные скалы в стиле, который был местным в Танджоре;[565] и это тоже с целью отметить их триумф над религией Будды, которая была распространена в Индии. им только что удалось отменить смертную казнь на юге.

Если это так, то есть еще две отличительные особенности, которые могут помочь нам отличить кандидатов на памятники из грубого камня. Истинные дравиды — чола, чера, пандья — никогда не были буддистами и никогда не заявляли о том, что воздвигали какие-либо памятники такого класса. Карумберы были буддистами и претендуют на эти памятники; а буддизм и подобные сооружения, как мне кажется, по причинам, которые будут приведены ниже, всегда шли рука об руку.

Дальнейшие исследования, возможно, позволят нам говорить с точностью по этому вопросу, но все, что мы можем в настоящее время сделать, - это, во-первых, исключить арийцев севера и всех людей, связанных с ними, из обвинения в том, что они строили памятники из грубого камня. Мы также должны исключить тамульцев или чистокровных дравидов юга. Но между этими двумя должна была существовать какая-то раса, которую, по крайней мере в настоящее время, мы можем назвать карумберами. Одним из их центров власти был Конджеверан, но оттуда они были изгнаны, насколько я могу судить, примерно в 750 году. Но не похоже, что они не могли существовать как держава на берегах Верхней Кистны и Тонгабудры до гораздо более позднего периода.

Границы королевства Чалукья, возникшего в Кальяне в начале седьмого века,[566] и королевства Виджианагара, которое было основано в Тонгабудре в четырнадцатом веке, почти совпадают с границами региона дольменов — за исключением того, что последнее было сжато на севере магометанским королевством Биджапор — представляется наиболее вероятным, что население той центральной провинции, следы которой мы сейчас потеряли, должно было быть однородным.

Однако этот вопрос, как и многие другие подобного рода, следует отложить до тех пор, пока мы не узнаем что-нибудь о стране низама. В том, что касается истории или этнографии центрального плато Индии, ее искусства или архитектуры, владения Низама являются абсолютной *terra incognita*. Страну не посетил никто, кто имел какие-либо знания по этим предметам, и индийское правительство ничего не сделало для того, чтобы выяснить или стимулировать расследование этих вопросов в этой стране. И все же, если я не очень ошибаюсь, решение половины трудностей, этнологических или археологических, которые сейчас ставят нас в тупик, лежит на поверхности этого региона для любого, кто возьмет на

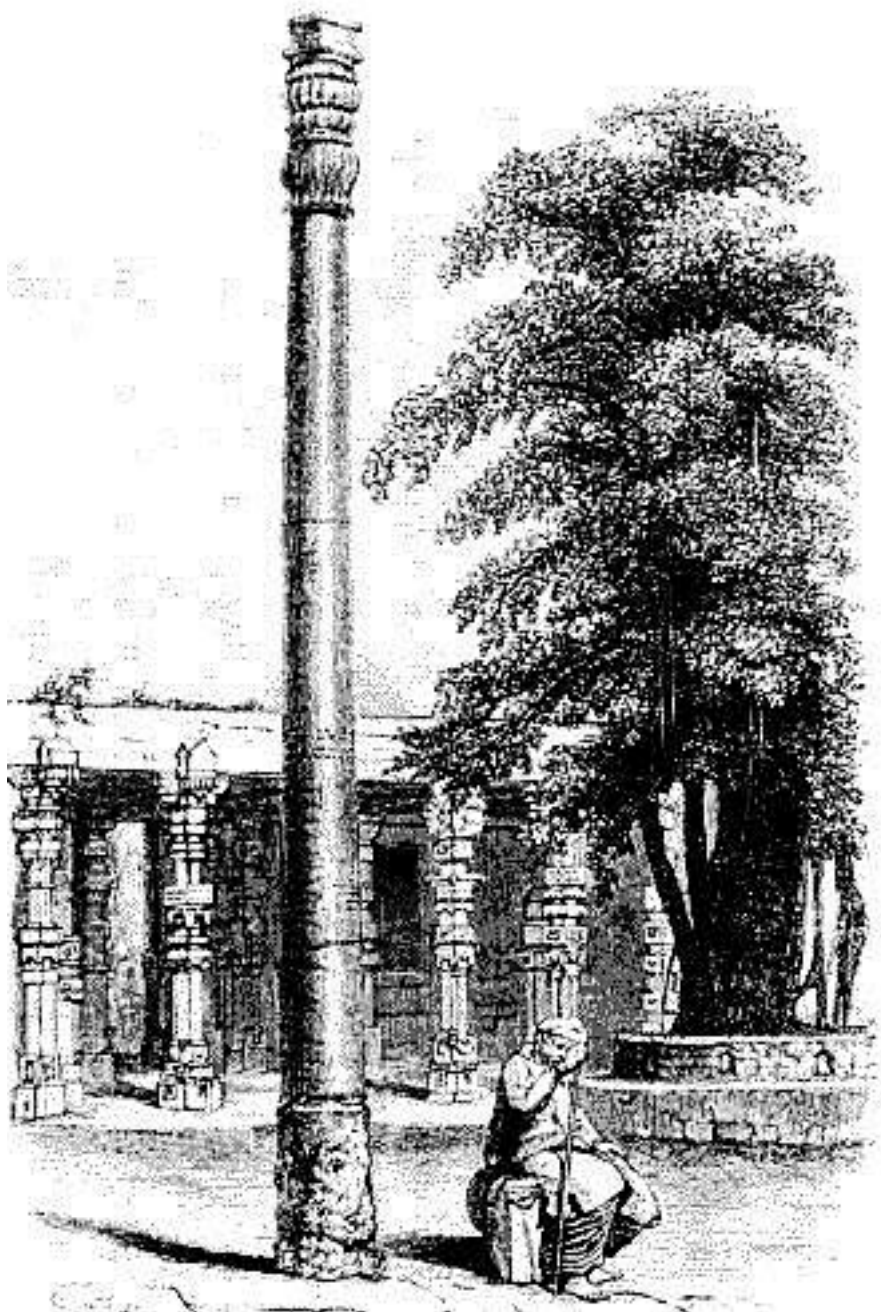
себя труд ознакомиться с ними. Боюсь, что до тех пор, пока это не будет сделано, нам придется довольствоваться самыми расплывчатыми обобщениями; но даже сейчас, мне кажется, мы приближаемся к лучшему уровню знаний в этих вопросах, и я почти верю, что смогу проследить связь между нашими так называемыми карумберами и сингальцами, которая, если ее удастся сохранить, прольет поток света на некоторые из самых загадочных вопросов индийской этнографии.

Эпоха каменных памятников.

Проблеск света, по-видимому, пролил на эту тему отрывок, процитированный сэром Уолтером Эллиотом из отчета миссионера из Траванкора, в котором говорилось, что индийское племя все еще продолжало хоронить в "кромлехах", подобных тем, что были в Коимбатуре, "построенных из четырех камней и одного покрывающего".^[567] Если бы это было так, мы могли бы ухватиться за один конец нити, которая привела бы нас назад по лабиринту. Это было настолько похоже на решающий случай, что мистер Уолхаус любезно написал мистеру Бейкеру, автору рассматриваемого отчета, и прислал мне любопытную выдержку из его ответа. "М [а] лааррийцы - это раса людей, живущих в густых джунглях и на холмах. Среди них распространены кромлехи, и они поклоняются духам своих предков, которым делают ежегодные подношения. В наши дни они привыкли относить трупы в священные рощи и укладывать небольшие каменные плиты в форме шкатулки, и после подношения арака, сладостей и т. Д. Духу умершего, который, как предполагается, витает поблизости, небольшой камень кладут в модель шкатулки или склепа и с большой церемонией закрывают его. Предполагается, что дух обитает в камне, который во многих случаях на ежегодном празднике превращается в грубую серебряную или латунную фигурку". Как отмечает мистер Уолхаус, это похоже на отголосок времен мегалита. Люди, утратив способность возводить такие огромные сооружения, которыми изобилуют их холмы и окружающие равнины, с которых они, возможно, были изгнаны в какой-то ранний период, все еще довольствуются сохранением традиций первобытного использования этих миниатюрных подделок. Кажется, мало кто сомневается в том, что это так, и особенно интересно наблюдать это здесь, поскольку это объясняет то, что часто ставило в тупик индийских антикваров. В Курге и других местах в этих гробницах часто находят миниатюрные урны и утварь, подобные тем, которые используются в качестве игрушек в европейских детских, и они породили среди туземцев традицию, согласно которой они принадлежат к расе пигмеев: тогда как очевидно, что это всего лишь отмирание древней веры, когда, как это обычно бывает, символ вытесняет реальность.

Предметы, найденные в пирамидах и дольменах в Индии, к сожалению, очень мало помогают нам определить их возраст. Керамика, которая в большом количестве встречается в них повсюду, по всей видимости, идентична по форме, текстуре и глазури керамике наших дней. Насколько мне известно, нигде не было найдено ни архаичных форм, ни чего-либо, что указывало бы на прогресс. Это можно использовать как аргумент, доказывающий, насколько современными они были. Однако в Индии это было бы крайне небезопасно. У нас нет никаких знаний о том, как давно эти формы были введены в этой стране или изобретены в ней, и нет оснований предполагать, что они будут меняться и прогрессировать так же, как у нас. Насколько нам известно на сегодняшний день, керамика, найденная в этих гробницах, могла быть изготовлена в течение последних нескольких столетий, но ей также может быть тысяча или две тысячи лет, если верить тому, что мы знаем об обратном.

Те же замечания применимы к золотым и серебряным украшениям и вообще к безделушкам, найденным в гробницах. Подобные предметы и в наши дни можно купить на базарах в отдаленных районах, но, возможно, они также использовались во времена Александра Македонского. Железные наконечники копий и железная утварь самой современной формы и рисунка являются одними из самых распространенных предметов, найденных в этих гробницах; и если бы кто-то спорил о победе, а не об истине, их можно было бы привести в доказательство того, что гробницы принадлежали к тому, что немцы называют "самым молодым железным веком". Это рассуждение вообще неприменимо к Индии. Там находят кремневые орудия, очень похожие на европейские, но никогда в гробницах. Бронза, вероятно, была известна индейцам в отдаленные времена, но, насколько нам пока известно, бронзовые орудия труда не хоронили вместе с умершими, хотя железо хоронили, и это часто; но его присутствие ничего не говорит нам о возрасте. Насколько нам известно, индийцы были так же знакомы с использованием железа в четвертом веке до нашей эры, как и сами греки, и, насколько нам известно, могли овладеть искусством извлечения железа из руды и использования его для изготовления оружия и режущих инструментов еще до того, как это искусство было распространено в Европе.

216. Железный столб в Кутубе, Дели. С фотографии.

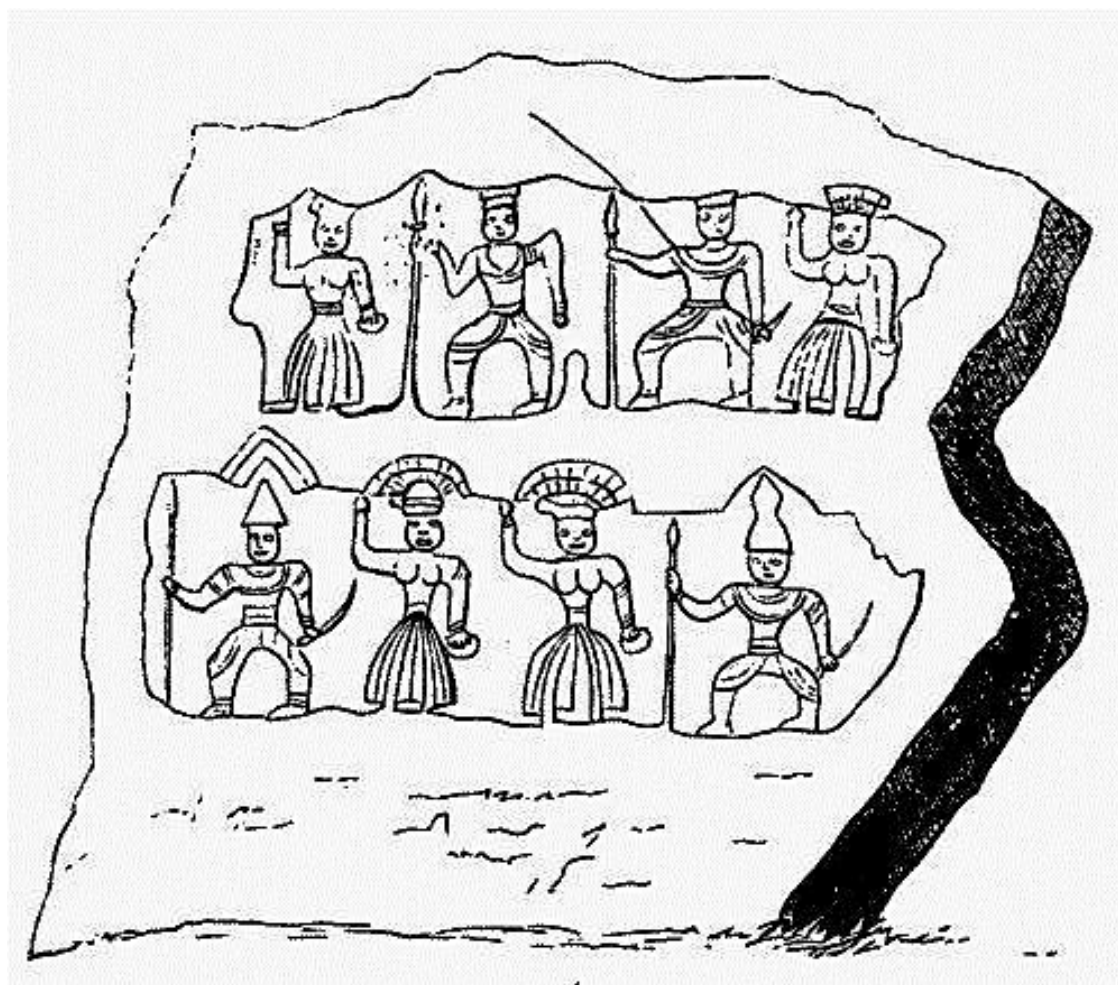
Одной из самых любопытных иллюстраций этого является существование знаменитого железного столба Давы во дворе мечети в Кутубе, недалеко от Дели. Он состоит из цельного стержня из кованого железа, выступающего на 22 фута 6 дюймов из земли и имеющего 5 футов 6 дюймов в окружности на расстоянии около 5 футов от его основания. Когда я посетил его, мне доложили, что полковник Бэрд Смит провел раскопки и обнаружил его основание на глубине 16 футов под поверхностью. Лейтенант Коул[568] теперь приносит домой отчет о том, что он находится на глубине 26 футов в земле. Однако, принимая во внимание более умеренные размеры, ни одна поковка почти 40 футов в длину и 5 футов в окружности не производилась и не могла быть изготовлена ни в одной стране Европы ни до появления паровой машины, ни, более того, до изобретения молотка Нэсмита.

На колонне есть надпись, которая, к сожалению, не имеет даты; но, судя по форме символов, характеру события, которое она описывает,[569] в сочетании с архитектурой капители

колонны, это не оставляет сомнений в том, что она была возведена в третьем или четвертом веке нашей эры.

Объяснение того, как человек мог работать в непосредственной близости от такой массы, нагретой до температуры сварки, или как можно было без паровой машины манипулировать таким огромным куском железа, должно быть предоставлено тем, кто практически сведущ в обработке металлов. Вопрос, который нас здесь интересует, заключается в том, как долго индусы должны были быть знакомы с использованием железа и способом его обработки, прежде чем они смогли постичь идею такого памятника и воплотить ее в жизнь? Вряд ли прошли столетия, должно быть, около тысячи лет, и все же в Индии по сей день возводят памятники из грубого камня! [\[570\]](#)

Можно привести еще один пример, находящийся в нижней части шкалы, который также имеет непосредственное отношение к этому вопросу. Из всех народов Индии хассии, вероятно, наиболее искусны в извлечении железа из руд и изготовлении его в готовом виде; и их способ делать это настолько оригинален и, хотя и груб, настолько эффективен, что не может быть никаких сомнений в том, что это результат их длительного опыта общения. [\[571\]](#) Фактически, они практиковали это искусство с незапамятных времен; и все же, хотя железным инструментам, возможно, тысячи лет, они в наши дни придерживаются практики использования грубых необработанных каменных памятников, подобно евреям, предпочитая те, "к которым когда-либо прикасался какой-либо железный инструмент". [\[572\]](#) Также нельзя утверждать, что они делают это потому, что не знают лучшего. Как только что упоминалось, в любое время, безусловно, в течение последней тысячи лет, они могли видеть, как буддийские или индуистские каменщики Камарупы возводили самые искусно вырезанные каменные храмы, и теперь могут видеть купола мечетей, которые мусульмане возвели в городах Силхет три или четыре столетия назад.

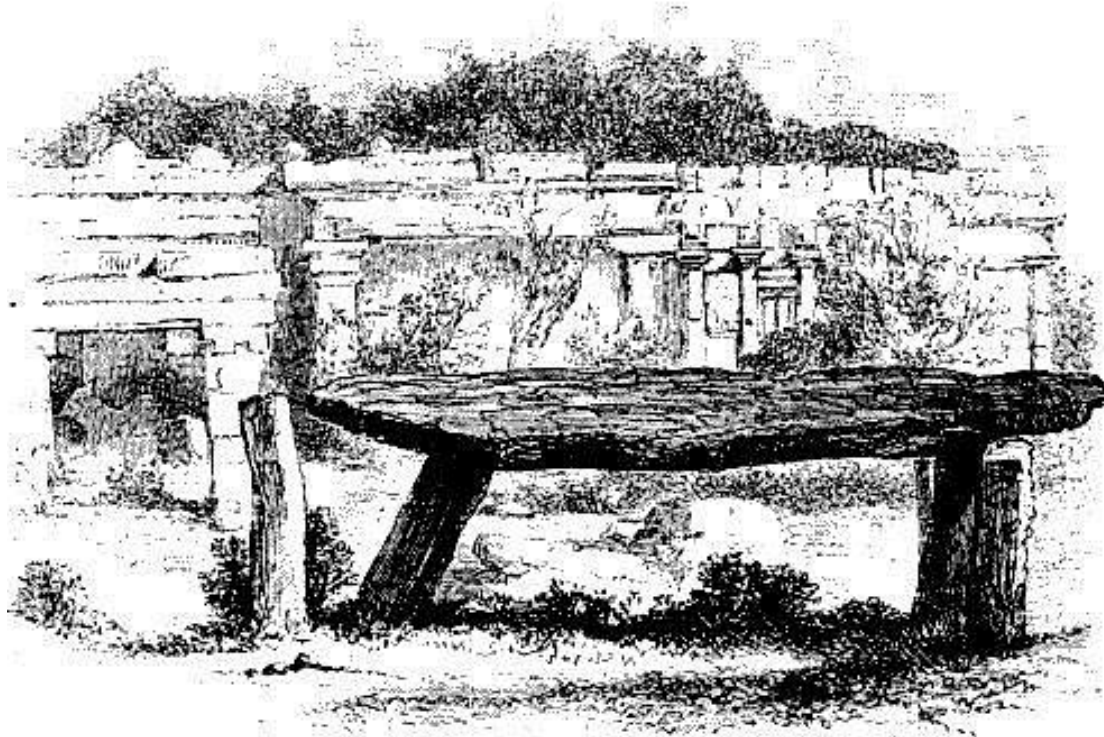

217. Скульптура на нижней стороне Цоколя-камень из дольмена Нилгири.

Хотя, таким образом, все эти *априорные* рассуждения и ошибочные аналогии, взятые из нашего собственного прогрессивного государства, которые так хорошо знакомы европейским антикварам, сразу же рушатся применительно к Индии, все же есть несколько указаний, по которым можно получить приблизительные даты, и, без сомнения, можно найти гораздо больше, если поискать. Одно из них заключается в том, что большинство дольменов холмов Нилгири являются скульптурными; но, насколько я знаю, был опубликован только один из рисунков на них, [573] и хотя говорить так невежливо, я боюсь, что это не очень точное изображение. Однако этого достаточно, чтобы мы могли сразу распознать сходство с классом памятников, очень распространенных на равнинах. Они называются Виракулл, если предназначены для увековечения памяти мужчин или героев, и Мاستикулл, если воздвигнуты в честь женщин, которые приносят себя в жертву на могиле своего мужа. Полковник Маккензи собрал рисунки более ста из них, которые сейчас находятся в Индийском офисе, а фотографии многих других были сделаны, но не опубликованы.

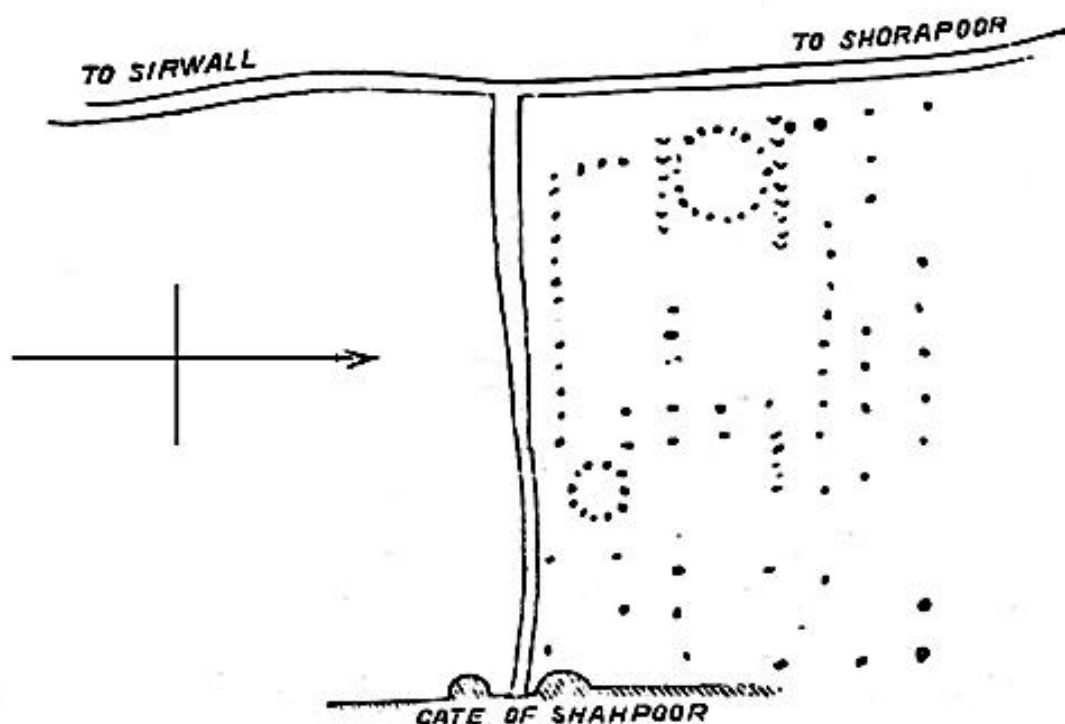
Сходство костюма и художественного стиля, изображенных на предыдущей гравюре на дереве, с костюмом мемориальных камней практически не оставляет сомнений в том, что они примерно одного возраста. Поскольку на большинстве мемориальных камней нанесены надписи и их даты хотя бы приблизительно известны, если удастся установить личность, то можно будет определить и дату постройки дольменов. Однако до тех пор, пока кто-нибудь не

возьмет на себя труд сфотографировать пирамиды из камней, чтобы мы могли сравнить их со стоячими камнями, уверенности быть не может; но поскольку ни одному из изваянных камней не более тысячи лет, а те, что больше всего похожи на гравюру на дереве, не могут претендовать на пятисотлетнюю древность, эти изваянные пирамиды в Нилгири не могут быть такими древними, как иногда предполагают.

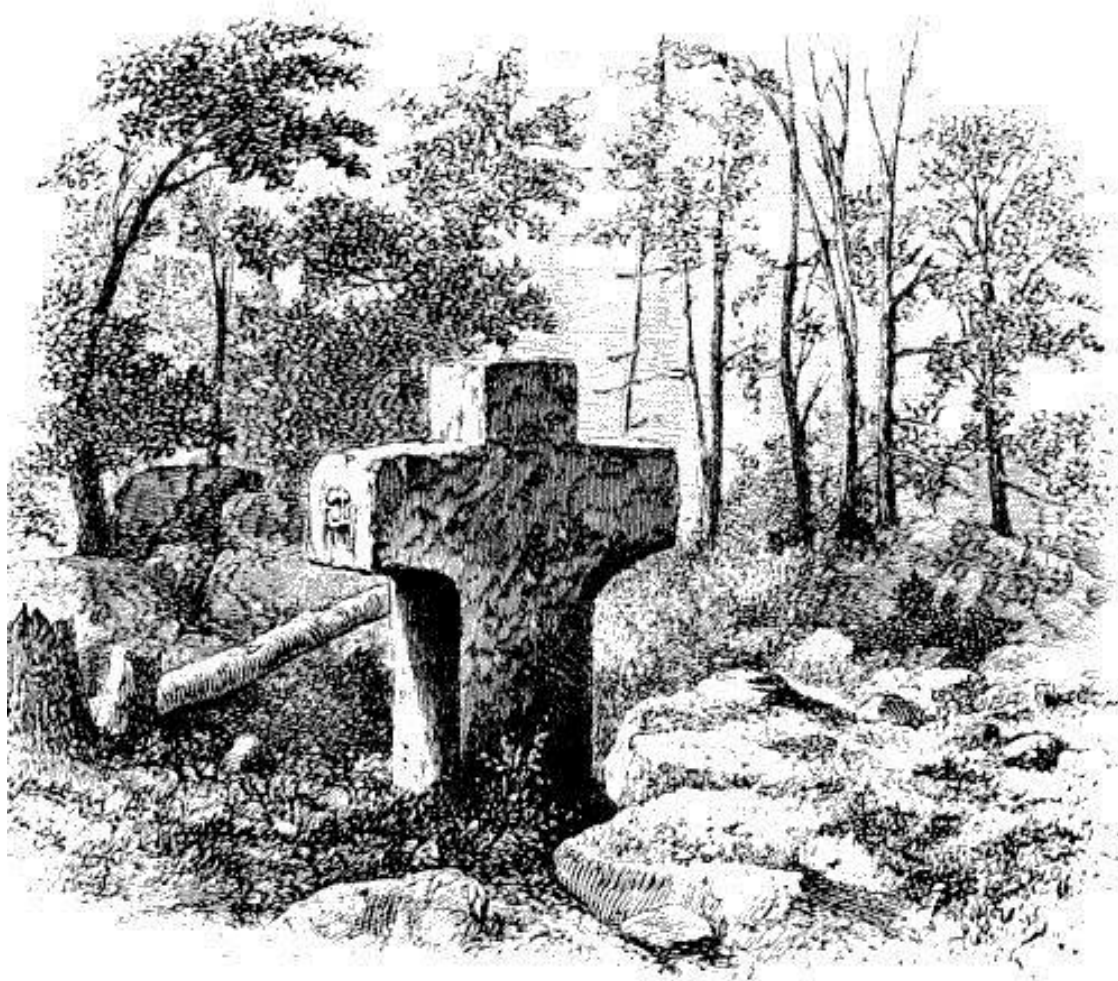
218. Дольмен в Ивулли. С фотографии.

Второй пример любопытен и поучителен. В центре внутреннего двора ныне разрушенного храма сивитов в Ивулли, в Дарваре, в самом центре страны дольменов, сейчас стоит обычный треножник-дольмен обычной формы ([гравюра на дереве № 218](#)). Вопрос в том, как он туда попал? Я полагаю, никто, кто что-либо знает об Индии, не станет утверждать, что последователи Шивы-брахманы воздвигли бы святилище своего бога перед могилой одного из презираемых ими племен аборигенов, если бы они все еще почитали его, или пренебрегли бы им, если бы пренебрегали. Таким образом, возможно только одно из двух. Либо Корумбер, либо местный вождь какой-либо конфессии, оговорил, что после его обращения в веру брахманов, если он воздвигнет храм в честь своего новоприобретенного бога, ему должно быть разрешено быть похороненным "more majorem" во внутреннем дворе. Это возможно, но маловероятно. Представляется более вероятным, что после того, как храм был осквернен и заброшен, какой-нибудь туземец счел это место подходящим для своего последнего упокоения и был похоронен там соответствующим образом. Судя по его архитектуре, нет никаких сомнений в том, что возраст храма можно отнести к тринадцатому веку, но более вероятно, что он относится к четырнадцатому. Согласно первой гипотезе, возраст дольмена должен был соответствовать возрасту храма; согласно второй, на одно, два или три столетия современнее.

219. Каменные памятники в Шахпуре.

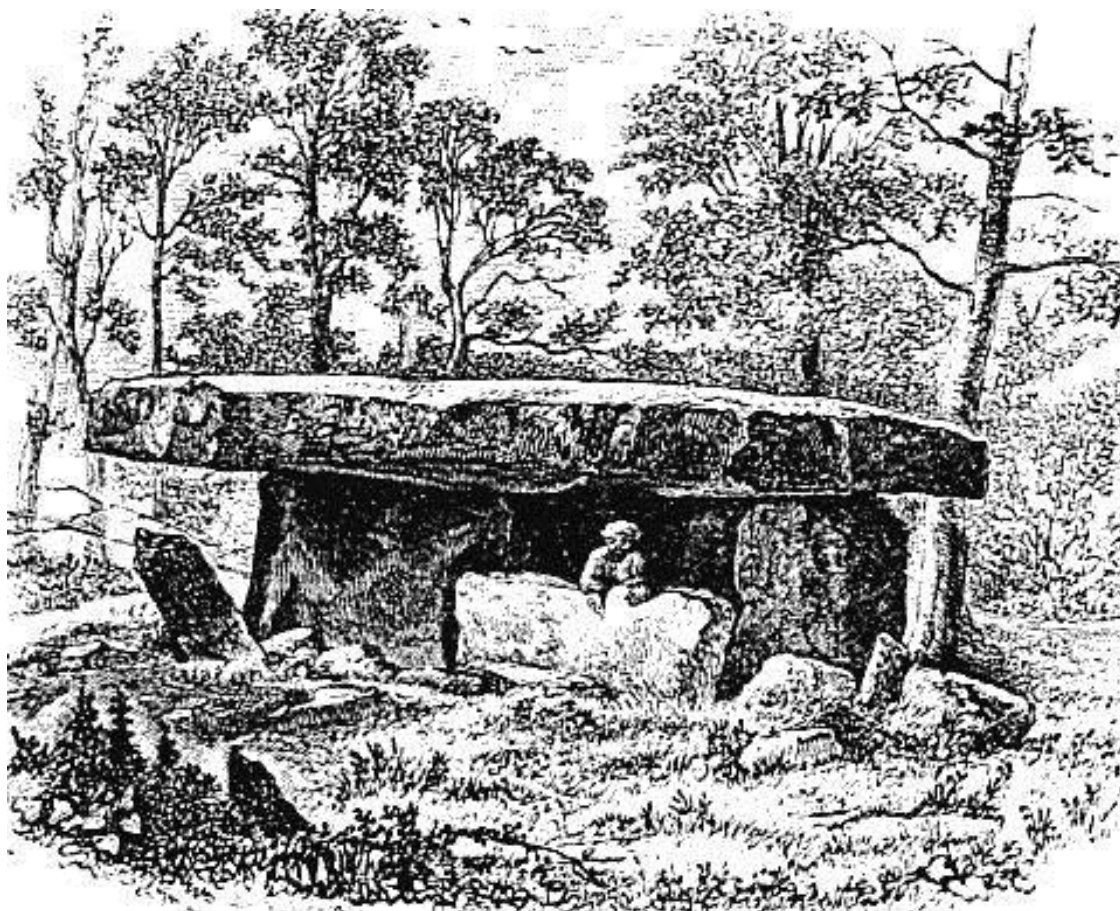
Третье косвенное свидетельство почерпнуто из статьи полковника Мидоуза Тейлора в "Ирландских трудах". Он представляет довольно обширную группу этих памятников, размещенных непосредственно за городскими воротами в Шахпуре, и из того, что он говорит о них, очевидно, что они того же возраста, что и другие примеры, которые он цитирует. Судя по их положению и расположению, не кажется сомнительным, что это обычное внешнее кладбище, столь обычно присущее индийским городам, и они, фактически, появились позже по времени возведения ворот, перед которыми они расположены. Врата, как я узнал из письма полковника Мидоуза Тейлора, несомненно, относятся к магометанскому периоду. Это правильная арка обычной заостренной формы, построенная, следовательно, после 1347 года нашей эры, когда династия Бахмани впервые обосновалась в этом квартале. Поскольку это так, каменщики, построившие ворота, несомненно, использовали бы гробницы язычников, если бы они существовали ранее. Следовательно, они должны быть следующими за вратами; и поскольку им не может быть пяти столетий, у нас есть предел их возраста, за который мы не можем выйти.

220. Крест в Катапуре. С фотографии.

Наш следующий пример еще более любопытен. В холодную погоду 1867-1988 годов м-р Малхеран, будучи прикрепленным к Тригонометрической службе Индии, случайно наткнулся на большую группу "кромлехов", расположенных на берегах Годавери, недалеко от Нирмула, примерно на полпути между Хайдарабадом и Нагпуром, в Центральной Индии. Некоторые из них он сфотографировал и отправил отчет о них в Азиатское общество Бенгалии,^[574] из которого почерпнуты следующие подробности. "Большинство кромлехов состоят из ряда вертикальных камней, врытых в землю в форме квадрата и покрытых одной или двумя большими плитами песчаника. В некоторых, по-видимому, были похоронены два тела, а в других - только одно. Кресты найдены в окрестностях Малура и Катапура, двух деревень на Низамском берегу реки. Кресты в Катапуре ([гравюра на дереве № 220](#)), за одним исключением, не пострадали. Все они расположены справа от кромлехов, рядом с которыми они были возведены. Судя по тому, что было обнаружено в Малуре, все они превышают 10 футов в длину, хотя над землей возвышается всего 6- 7 футов. Все они состоят из одного камня и имеют новейшую форму. Не удалось получить никакой информации о людях, которые воздвигли кресты или кромлехи. Однако не может быть никаких сомнений в том, что кресты являются памятниками веры христиан, похороненных в их окрестностях". Неподалеку находится пещера, перед которой был установлен крест, который, как предполагает м-р Малхеран, был сброшен браминами, когда они завладели им; и он добавляет: "Прилагаю записку от капитана Гласферда, который отправил Азиатскому обществу пакет с инструментами, кольцами и посудой, найденными в двух кромлехах, которые он вскрыл".

Однако такой посылки так и не прибыло, и поэтому мы предоставлены его фотографиям и описаниям, на основании которых можно делать наши выводы.

221. Дольмен в Катапуре. С фотографии.

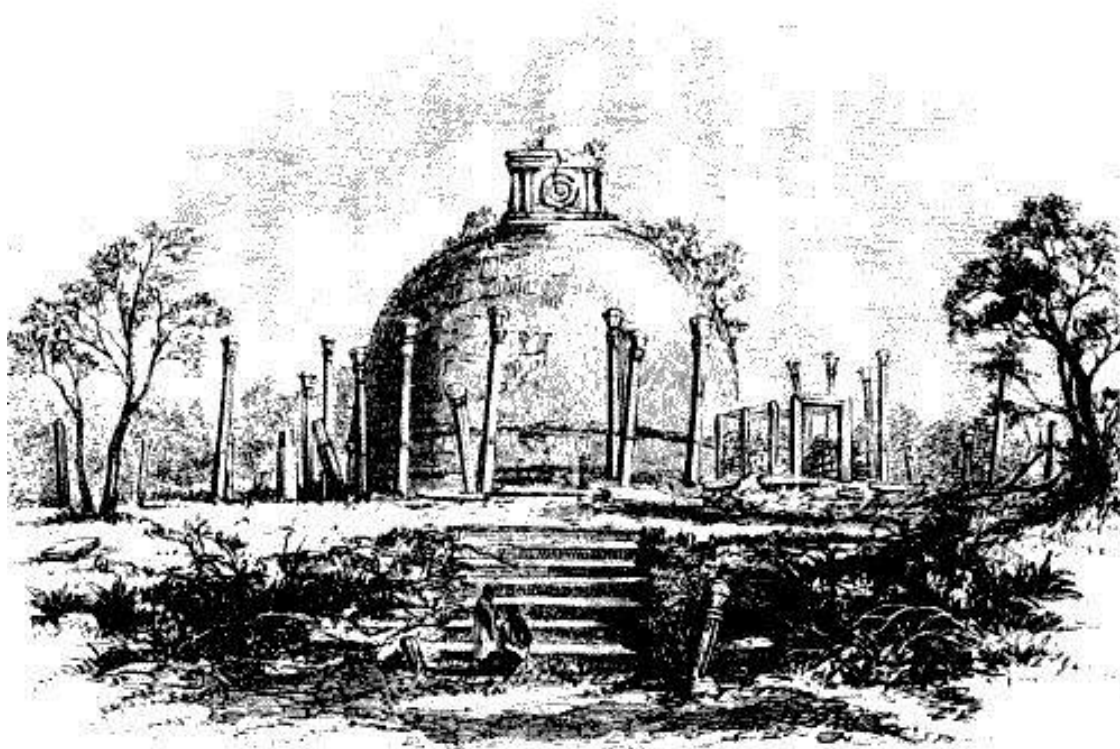

222. Дольмен с крестом в джунглях Нирмула.

Во-первых, я думаю, вряд ли можно сомневаться в том, что кресты являются христианскими эмблемами; и, во-вторых, кромлехи и кресты датируются одним и тем же временем. Их сопоставление и весь внешний вид делают уклонение от этого вывода, по-видимому, неизбежным. Таким образом, возникает вопрос: когда в Индии могла существовать какая-либо община коренных христиан, которые хоронили бы в дольменах и использовали крест в качестве своей эмблемы? Удаленность от побережья и форма креста, по-видимому, сразу же отрезают их от всякой связи с миссией святого Фомы или первых апостолов, даже если предположить, что записи об этом подлинные. У меня сложилось впечатление, что эта форма креста не была представлена в качестве самостоятельного знака на открытом воздухе, скажем, до шестого или седьмого века.^[575] С другой стороны, крайне маловероятно, что какое-либо подобное сообщество могло существовать после мусульманского вторжения в конце тринадцатого века. Между этими пределами мы знаем, что у несториан были учреждения на востоке до Китая и простирались непрерывной цепью на запад, по крайней мере, до Каспийского моря;^[576] и, кажется, нетрудно предположить, что между седьмым и тринадцатым веками форма христианства тайпинов, возможно, была завезена с севера и широко утвердилась в западной и центральной частях Индии, но, по-видимому, нетрудно предположить, что между седьмым и тринадцатым веками форма христианства тайпинов могла быть завезена с севера и широко утвердилась в западной и центральной частях Индии, но, будучи верен только властителю, которого мы знаем как пресвитера Иоанна, возможно, полностью ускользнул от внимания западного мира. Помимо помощи в установлении даты появления дольменов в Индии, это открытие открывает широкие возможности для тех, кто хотел бы исследовать раннюю историю христианской церкви в Индии. Не может быть никаких сомнений в том, что эта группа не одиночки. Их

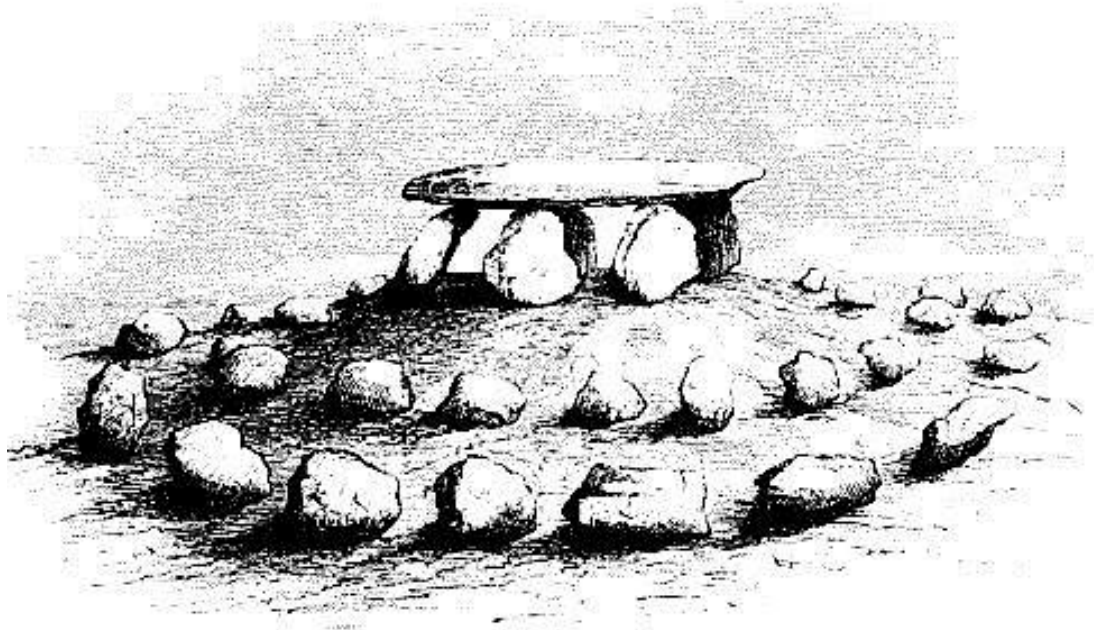
будет гораздо больше, когда люди откроют глаза и поищут их. Между тем это любопытная иллюстрация политики папы Григория в его совете аббату Меллиту, о котором упоминается во Введении (стр. 21). Это то же самое, что и дольмен в Керланде (гравюра на дереве № 131) и дольмен в Арричинаге (гравюра на дереве № 161), повторенный в центре Индии, хотя, вероятно, несколько позже.

Есть еще одна точка зрения, с которой можно рассматривать эти индийские памятники, чтобы пролить значительный свет на историю их аналогов в Европе и, возможно, в некоторой степени изменить наши предвзятые взгляды на их историю. На Цейлоне есть сорт дагоба, который в некоторых отношениях характерен для этого острова. Двух из них будет достаточно для наших нынешних целей, обоих в городе Анурадхапура, который был столицей страны примерно с 400 года до нашей эры по XI век. Первая из них, Тхупа Рамаяна, была возведена в 161 году до н.э.; вторая, Ланкийская Рамаяна, в 231 году н.э. [577] Ради аргументации лучше всего было бы выбрать первый для иллюстрации; но, к сожалению, он был настолько полностью отреставрирован около сорока лет назад, что, как и в случае с нашими несчастными соборами, требуется значительное знание стиля, чтобы отличить старое от нового. Однако, несмотря на четыре столетия, прошедшие между их датировками, они настолько похожи друг на друга во всех существенных чертах, что выбор, который мы выбираем, не имеет большого значения. Ни один из них не является большим, и оба состоят из почти полусферических куполов, увенчанных квадратным коробчатым придатком, называемым Тройником, и оба окружены тремя рядами высоких каменных колонн, как показано на прилагаемой гравюре на дереве.

223. Ланка Рамаяна Дагоба, 231 год н.э. С фотографии.

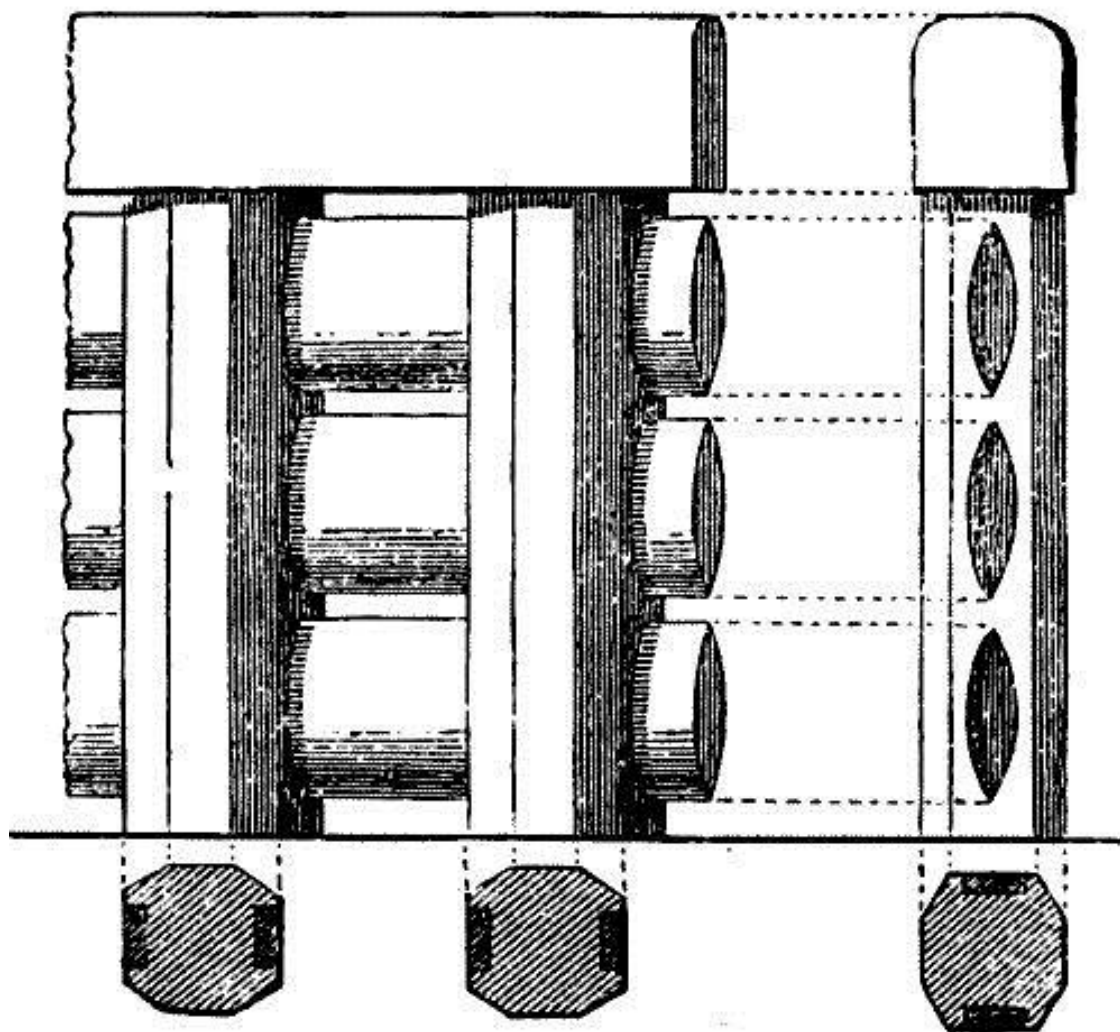
Вряд ли можно сомневаться в том, что купольная часть дагобы является прямым потомком могильных курганов, или пирамид из камней, которые встречаются повсюду в Северной Азии и, вероятно, существовали в Индии в первобытные времена. Буддисты рано превратили его в реликтовое святилище, вероятно, сразу после смерти основателя религии, в 543 году до н.э.; и мы знаем из многочисленных раскопок[578], что реликвия была помещена в гробницу в центре кургана, почти на уровне почвы, именно там и таким же образом, как и тело, содержащее киствени наших могильных холмов. К этому, однако, буддисты добавили квадратную коробку наверху, которая либо была изобретена ими, либо скопирована с какой-то более ранней формы; но ни одна дагоба не была полной без нее, и все высеченные в скале образцы и скульптурные изображения вершин, со многими структурными элементами, все еще содержат ее. Можно с уверенностью предположить, что это была деревянная шкатулка для реликвий, но использовалась ли она когда-либо как таковая, не совсем ясно. Реликвии иногда были доступны и демонстрировались публике по праздничным поводам,[579] и, если они не содержались в каком-то внешнем футляре, подобном этому, нелегко понять, как к ним можно было попасть. Третьей неотъемлемой частью совершенной дагобы были ограждающие перила. Все ранние дагобы и все скульптурные изображения обладают этим дополнением. В примерах, высеченных в скале, и в более поздних конструкциях рельс прикрепляется к зданию как простое украшение, но никогда не опускается.

224. Дольмен в Пулликонде.

Если мы сравним такой могильный холм, как этот в Пулликонде, недалеко от Мадраса,[580] или тот, что представлен в разделе, гравюра на дереве № 211, с дагобами Ланки или Тхупа Рамаяны, мы не можем не быть поражены их сходством. У обоих есть насыпь, перила и тройник; и в этом последнем случае это имитация гробницы, подобной тем, в которых подозреваются многие в Европе. То, что люди могли одновременно хоронить в курганах и возводить пирамидальные пирамиды для хранения реликвий, не обязательно требует доказательства того, что одна форма скопирована с другой; но то, что обе должны быть увенчаны имитацией саркофага или святилища, и обе окружены одним, двумя или тремя рядами бесполезных камней, указывает на прямую имитацию одного из другого, что вряд ли может быть случайным.

Предполагая на данный момент, что одно скопировано с другого, обычный способ рассуждения, с которым мы знакомы в Европе, был бы тогда примерно таким. Если Тхупа Рамаяна была возведена в 161 году до н.э., то эта пирамида в Пулликонде, вероятно, должна быть такой же древней, как 1000 год до н.э., поскольку потребовалось бы много веков, прежде чем столь грубый архитектурный стиль смог бы быть преобразован в такой изысканный образец, как Тхупа Рамаяна, который, как уже говорилось, мы можем считать идентичным Ланкийской Рамаяне ([гравюра на дереве № 223](#)).

225. Железная дорога в Санчи, недалеко от Бхилсы.

Выводы, к которым я пришел, диаметрально противоположны этой точке зрения. Как говорилось в начале этой главы, архитектурным материалом Индии было дерево вплоть до 250 или 300 года до нашей эры. Затем он стал робко каменным, но сохранил все свои деревянные формы и имитацию плотницких креплений, во всяком случае, до христианской эры. Перила в Санчи, которые были возведены в течение двух столетий, предшествовавших нашей эре, все еще по существу деревянные во всех своих частях, настолько, что трудно понять, как их можно было построить из камня, [581] и эти столбы вокруг цейлонских дагоб являются копиями деревянных столбов, а не таких форм, которые могли бы вырасти за любое количество веков из грубых каменных форм. Если бы они были заимствованы из последнего

оригинала, они были бы толстыми, прочными и массивными и никогда не приняли бы столь любопытно утонченных форм, какие мы находим здесь. Трудно понять, для чего изначально предназначались эти каменные столбы. Возможно, это было либо для того, чтобы на них вешали гирлянды по праздничным случаям, как мы видим на скульптурах, либо для того, чтобы к ним подвешивали картины, как, по словам Фа Хиана, посетившего это место в 400 году, это было сделано на всем пути от Анурадхапуры до Мехентеле по случаю большой процессии в честь Зубной реликвии, которая была там выставлена на всеобщее обозрение. [582]

Как бы то ни было, вопрос, который вызывает это сравнение, заключается просто в следующем: если мы признаем сходство между пирамидой из камней Пулликонды и пирамидой Рамаяны на Ланке и то, что одна выросла из другой, мне кажется совершенно очевидным, что дополнение к пирамиде выросло из деревянного, а не из грубого каменного оригинала. Если это так, и если Вершина не выросла из пирамиды, мне кажется неизбежным вывод, что пирамида - всего лишь грубая копия отшлифованного оригинала.

К такому же выводу, на который намекалось выше, меня привело изучение кругов из грубого камня, которые окружают замысловатую вершину в Амравати. В целом, я не знаю ни одной гипотезы, с помощью которой можно было бы объяснить феномен зданий из полированного камня с известными датами, существующих в Индии в течение последних 2000 лет бок о бок с памятниками из грубого камня, которые возводятся по сей день, если только мы не откажемся от нашей любимой системы последовательности и не будем довольствоваться фактами такими, какими мы их находим.

Совершенно очевидно, что до 250 года до нашей эры в Индии не было зданий из тесаного камня, и у меня сложилось впечатление, что ни один из существующих там сейчас памятников из грубого камня не был возведен до пяти, может быть, десяти столетий с того времени, и когда они однажды начались, последовательность не прерывается и по сей день.

Я не знаю ничего, что могло бы быть справедливо опровергнуто этим рассуждением, за исключением нашего собственного невежества и невежества самих туземцев относительно происхождения и даты этих памятников. Ни в том, ни в другом нет ничего удивительного, поскольку европейцы лишь совсем недавно обратили свое внимание на этот предмет, а местные жители так мало знают о своих собственных памятниках, что было бы действительно странно, если бы они вообще что-нибудь знали о памятниках ненавистных и презираемых дасью. Любой, кто путешествовал по Индии, знает, какого рода информацию он получает даже от лучших и умнейших брахманов относительно дат возведения храмов, в которых они и их предки управляли с момента их возведения. Тысяча, две или три тысячи лет - это умеренный возраст для храмов, которые, как мы точно знаем, были возведены в течение последних двух или трех столетий. Или спросите любого туземца о дате возведения высеченных в скале храмов в Эллоре или Элефанте, он сразу же бойко ответит, что они были возведены Панду, в 3101 году до нашей эры; и если он отступит от этого ориентира, десять или двадцать тысяч лет - это самое меньшее, на что вы можете рассчитывать. Однако теперь мы знаем из надписей и других данных, что ни один высеченный в скале храм не может быть перенесен дальше второго века до нашей эры

В этом инфантильном состоянии туземного разума им ничего не стоит скрыть свое невежество в тумане тысячелетий, когда их спрашивают об этих грубых камнях, но их показания абсолютно бесполезны, и только с помощью процессов, подобных только что

описанным, мы можем надеяться прийти к истине. Среди рас, столь неизменных, как некоторые из существующих в Индии, они могут перенести нас во времена, предшествовавшие христианской эре, с некоторыми классами памятников; но, если я не очень ошибаюсь, будет обнаружено, что все упомянутые на предыдущих страницах относятся к сравнительно недавнему времени и являются членами непрерывной серии, которая продолжается до наших дней.

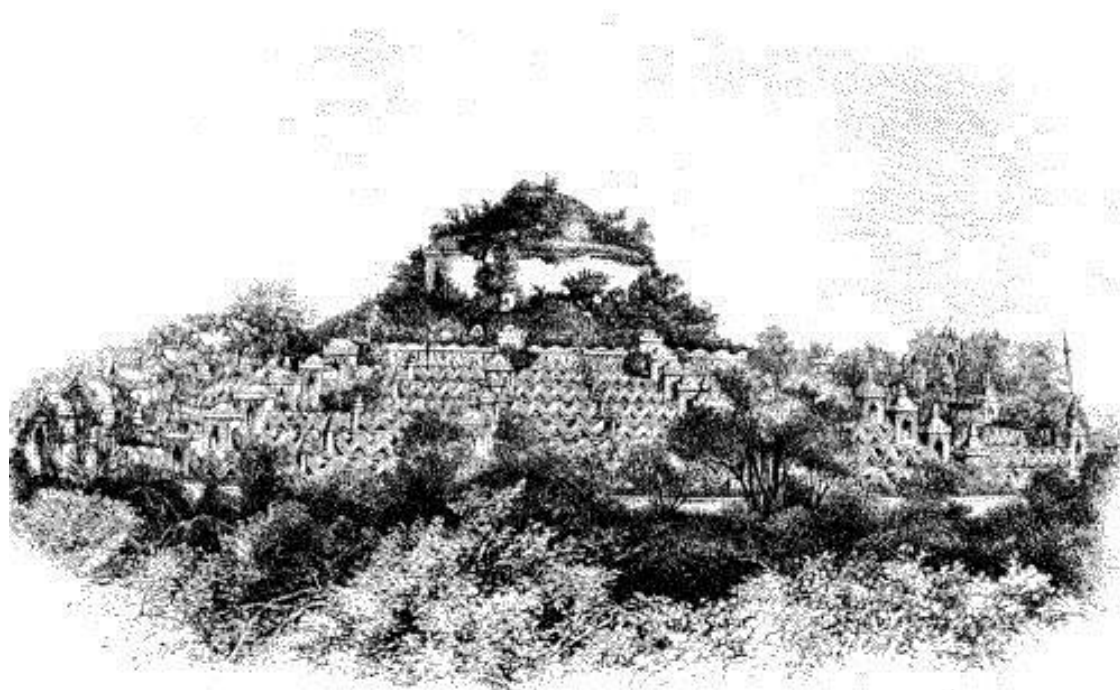
Сравнение восточного дольмена с западным.

Теперь мы можем подойти к одной из самых интересных, но в то же время и самых сложных ветвей исследования, которым мы занимаемся, а именно к связи, если таковая существует, между этими индийскими памятниками из грубого камня и теми, которые мы находим в Европе. Трудности, однако, по-видимому, связаны не столько с сущностью предмета, сколько с его новизной. Ни один современный писатель никогда не подходил к этому справедливо, и, следовательно, потребовалось бы количество иллюстраций, несовместимых с такой работой, как эта, чтобы сделать ее понятной, или, с другой стороны, необходимо предположить количество информации со стороны общественности, которое, как опасаются, вряд ли где-либо существует.

Архитектурные свидетельства, подробно описанные на предыдущих страницах, кажутся такими, перед которыми трудно устоять. Легко и в целом правильно предположить, что люди на определенных этапах развития цивилизации будут делать то же самое или поступки настолько схожим образом, что между ними будет трудно провести различие. Таким образом, не было бы ничего невероятного в предположении, что все люди воздвигнут земляную насыпь над мертвыми телами своих похороненных предков или что они защитят свои тела от раздавливания сверхнапряженным весом гробом, более или менее искусственно сделанным из камня или дерева. Более того, можно допустить, что, зайдя так далеко, они, естественно, улучшили бы и расширили это хранилище, превратив его в дольмен или камеру, и снабдили бы его внешним входом. Все эти предметы, найденные вместе, ни в коем случае не доказывают необходимой связи между двумя расами, использующими их, кроме того, что расы, использующие или изобретшие эти формы, должны были принадлежать к одной и той же семье людей, строящих гробницы и поклоняющихся предкам. Но когда мы обнаруживаем, что два разных человека кладут этот гроб снаружи, на курган под открытым небом, и проделывают в одной из плит круглое отверстие диаметром 6-8 дюймов, мы приходим к совпадению, которое вряд ли можно считать случайным. Поскольку тогда не было письменности и почты, либо какое-то племя, должно быть, мигрировало с востока на запад и ввело эту форму, либо *наоборот*, какой-то европеец, должно быть, научил индейцев преимуществам этого отверстия, кем бы они ни были; и, однажды научившись перенимать, они впоследствии продолжали ею пользоваться.

Еще более поразительным примером является то, на что уже указывалось, комбинация центрального сооружения, содержащего тело внутри насыпи, с имитацией сооружения на вершине снаружи и несколькими кругами камней на насыпи снаружи или вокруг нее. Все это настолько сложно и демонстрирует такой замысел, что это никак не может быть результатом случайности, если оно найдено в двух разных землях. Приведенных выше примеров, возможно, достаточно, чтобы установить это сходство, но они являются лишь частью тех, которые можно было бы привести, если бы тщательно проследить за предметом. Очевидно, это было гораздо более распространенным явлением на Востоке, чем мы до сих пор имели основания подозревать — только по этой причине, если ни по какой другой, — что это продолжалось так долго. В этом примере из Бирмы ([гравюра на дереве № 226](#)) сначала у нас есть внешняя насыпь, окружающая вершину, затем круги из грубых камней заменены

сложной оградой, и, прежде всего, в центре имитация дагобы, заменяющая имитацию cist. Следует признать, что это большие изменения, но вряд ли они так велики, как мы могли бы ожидать, если учесть, что Сенбья дагоба была возведена всего пятьдесят пять лет назад и что, следовательно, интервал между ней и памятниками из грубого камня значительный. Другой поразительный пример современной формы, которую принимает это первобытное захоронение, находится в знаменитой гробнице Акбара Великого в Агре. Там царь похоронен в склепе ниже уровня земли, но его имитация гробницы находится на вершине пирамиды, открытой для наружного воздуха; и на каждой ступени, снаружи, маленькие павильоны заменяют камни, которые его прародители ранее использовали для аналогичной цели.

226. Вид на пагоду Сенбья, Бирма. С фотографии.

Эти два — дырявый камень и имитация гробницы — являются, пожалуй, самыми прямыми доказательствами сходства Востока и Запада, но вся система предоставляет бесчисленные точки соприкосновения, возможно, недостаточно отчетливые, чтобы приводить их в качестве доказательств по отдельности, но в совокупности составляющие такой аргумент, что кажется очень трудным отказаться верить, что оба стиля были продуктом одной родственной расы людей, и которые в то время, когда они их возводили, должны были более или менее напрямую общаться друг с другом.

Литературные свидетельства гораздо менее полны или удовлетворительны. Насколько я знаю, ни у каких классических авторов не было обнаружено ни одного абзаца, который заставил бы нас заподозрить какую-либо связь в любое время между Индией и любой страной, столь удаленной от нее, как, например, Франция, и еще меньше — с Данией, если только это не миф о Водене, принадлежащий последней стране. Это, однако, было либо настолько нечетким изначально, либо было настолько затемнено более поздними дополнениями, что сейчас почти невозможно сказать, что это такое. Несмотря на то, что на этом так часто настаивают, кажется почти невероятным, что каким-либо образом кроткий аскет Сакья Муни мог когда-либо превратиться в свирепого воинственного Водена, и, кроме некоторого номинального сходства, кажется, нет ничего, что связывало бы этих двоих. Возможно, что в какой-то момент христианской эры вождь с таким именем мигрировал из

Крымского пролива Босфор на Балтику и, возможно, принес с собой некоторые азиатские обычаи, но связующее звено между ним и Индией, похоже, совершенно отсутствует и вряд ли будет восстановлено сейчас.

Единственный отрывок, который, как ни странно, имеет непосредственное отношение к этому предмету, на этот раз исходит из самой Индии. Среди указов, которые Ашока выгравировал на скалах в различных частях Индии, последний, или тринадцатый, касается следующего, насколько это можно разобрать. К сожалению, он находится ближе всего к земле, и поэтому во всех опубликованных экземплярах выглядит более или менее поврежденным. Известно, что существуют еще две копии эдиктов — одна в Дехра-Дуне, другая в Ориссе: когда они будут скопированы и опубликованы, возможно, станет возможным более совершенный перевод. Между тем, перевод мистера Принсепа звучит так: "Ни в одном из классов еретиков среди людей нет процедуры, отмеченной таким изяществом ... не такой славный, не дружелюбный и даже не такой чрезвычайно либеральный, как предписание Деванампие (Ашоки) о непричинении вреда живым существам и их содержанию.... И греческий царь, кроме которого были цари Египта Птолемей, Антигон и Магас.... Как здесь, так и в зарубежных странах, куда бы они ни отправились, религиозные таинства Деванампии приводят к обращению. Победа бывает любой, но победа, приносящая радость, проистекающая из приятных эмоций, сама становится радостью. Победа добродетели - это счастье. Такая победа желанна в вещах этого мира и в вещах мира грядущего".^[583] В других копиях этого эдикта встречаются имена Антиоха и Александра, составляющие пять хорошо известных имен, и, что довольно любопытно, все пять упоминаются Юстином с интервалом в несколько строк друг от друга в последней главе его двадцать шестой книги и первой главе его двадцать седьмой книги. Таким образом, нет сомнений ни в том, кем были эти короли, ни в том, что дата этого эдикта была датирована более чем годом ранее, то есть примерно за год до 257 г. до н.э.

Однако для нашей настоящей цели большой интерес представляет тот факт, что индийский император в середине третьего века до нашей эры был в состоянии заключить союз с Магасом Киренским так близко от африканского поля дольменов. Как упоминалось ранее (*ante*, стр. 410), у нас все еще очень мало знаний о мегалитических останках этой страны; но мы знаем, что они существуют и что те, которые были проиллюстрированы, принадлежат исключительно к индийскому типу. Также почти наверняка многие из вырубленных в скале помещений вокруг его столицы являются монастырями или храмами, а не гробницами, как всегда слишком поспешно предполагалось. Окажутся ли они при дальнейшем исследовании настолько по сути индийскими, какими кажутся в настоящее время, еще предстоит выяснить, но пока что возможность союза такого рода за два или три столетия до Рождества Христова снимает большую часть невероятности, которая в противном случае существовала бы в предположении, что индийское влияние могло распространиться дальше на запад в какой-то последующий период, и что может быть доказано, что африканские дольмены были связаны с дольменами Индии и, возможно, современны им.

Буддизм на Западе.

Однако великое основание, на которое в конечном итоге должно опираться любое доказательство существования связи между Востоком и Западом, вероятно, будет найдено в том количестве чистого буддизма, которое проникло в христианство на заре становления Церкви. Этот вопрос еще не был справедливо рассмотрен кем-либо, способным отдать ему должное. На него часто ссылались путешественники, которых поражали сходства, которые вряд ли могли быть случайными, и иногда его использовали насмешники, чтобы принизить христианство; но ни один серьезный историк латинской Церкви не обладал достаточными

знаниями о буддизме или его формах, чтобы быть способным правильно оценить масштабы или причину его распространения; и пока кто-нибудь этого не сделает, обычный читатель будет относиться к нему как к досужему домыслу. И все же, вероятно, не будет преувеличением утверждать, что по крайней мере девять десятых институтов и форм, которые были привиты чистым евангельским христианством в средние века, безусловно, происходят из буддийских источников.

Из них одним из наиболее поразительных является введение монашеских институтов, которые оказывали столь важное влияние на формы христианства на протяжении всего периода средневековья. Тщетно искать их происхождение во всем, что существовало в Европе до христианской эры. Ничто не может быть более убедительным, чем аналогии, которые пытались провести между девственными весталками и монахинями средневековья, и среди полусветского духовенства классических времен нельзя найти никаких следов монастырской жизни. Согласно общепринятому мнению, Антоний (305 г.н.э.[584]) был первым монахом, и от него и примерно в его время происходит плодотворное потомство в Фиваиде, которая обычно считается колыбелью института. Монашеская жизнь, однако, была абсолютной противоположностью религиозным институтам древних египтян, среди которых царь был верховным жрецом и богом, и где гражданское звание едва ли можно было отличить от религиозного. Это в равной степени противоречило чувствам арабской или, по крайней мере, семитской рас, которые вытеснили коптский язык в этой стране, и, следовательно, вряд ли могло вообще существовать, если бы не было привнесено из какого-то иностранного источника и поддержано каким-то посторонним влиянием. Ессеи - единственная секта, от которой в древнем мире на Западе можно проследить что-либо похожее на особые институты монашества; но, к сожалению, мы не знаем, как и когда они их переняли. Иосиф Флавий представляет их лишь как одну из трех основных сект, на которые были разделены евреи в его время; но молчание не только Библии, но и раввинов ослабляет силу его заявления, в то время как прискорбное упущение имени их Законодателя[585] оставляет нас в неведении относительно самого существенного момента. То, что это был не Моисей, чье имя обычно вставляется, совершенно очевидно. Он никогда не проповедовал никаких подобных доктрин, и вряд ли кто-то осмелится предложить индийское название, которое сразу прояснило бы всю тайну. Как бы то ни было, секта возникла, по-видимому, только во времена Маккавеев и практически исчезла с разрушением Иерусалима Титом; все это прекрасно согласуется с гипотезой об их индийском происхождении, но вряд ли достаточно для подтверждения идеи о том, что они были сектой, от которой в четвертом веке христианская церковь переняла принципы и практику аскетизма.

Когда из этих скудных указаний мы обращаемся к Востоку, мы сталкиваемся с трудностью, заключающейся в том, что ни одна из книг, которыми мы располагаем, не была написана в их нынешнем виде до времен Буддагхосы, 412 г. н.э.,[586] или даже позже; и любой, кто знает, какие дикие фантазии могут закрадываться на плодородном Востоке в произведениях во время переделок древнего города. через тысячу лет вы легко поймете, с какой осторожностью их нужно использовать. К счастью, в данном случае нам на помощь приходят памятники и надписи, и мы можем составить справедливое представление о прогрессе монашества в Индии из того, что они нам рассказывают.

До появления первых памятников книги рассказывают нам о трех великих собраниях: первое состоялось сразу после смерти основателя религии, в 543 году до н.э., в Раджагрихе; второе 100 лет спустя, в Вайсали; и третье при Ашоке, в 250 году до н.э., в Паталипутте, или Патне. Нам сказали, что на них присутствовали тысячи и десятки тысяч монахов.[587] Но указы Ашоки не одобряют любое подобное расширение системы в его время. Однако вскоре после

этого в более ранних пещерах появились кельи, предназначенные для отшельников или даже для воссоединения ограниченного числа монахов под одной крышей. Эти Вихары, или монастыри, поначалу малы и незначительны по сравнению с Чайтьями, или церковными пещерами, к которым они пристроены, как в Карли, Баха, Бедсе и других местах; но вскоре после этого, в Насике и Джоунере, в первом или втором столетиях они становятся более важными; и когда мы доходим до такого ряда, как, например, в Аджунте или Бауге, мы обнаруживаем, что Вихара становится все более важной, а Чайтья опускается до сравнительной незначительности. Это великое изменение произошло, по-видимому, примерно в конце третьего или начале четвертого века нашей эры и продолжалось до тех пор, пока буддизм фактически не погиб, задохнувшись под тяжестью своей чрезвычайно развитой иерархии примерно три столетия спустя.

Скульптуры рассказывают ту же историю. Здесь нет изображений священников в том виде, в каком мы впоследствии находим их в Санчи, в первом веке нашей эры. Существуют аскеты, живущие в лесах и уединенных местах, но не собирающиеся в монастырях и не совершающие совместных обрядов. Но в Амравати, три столетия спустя, мы видим выбритых священников в их характерных одеждах и все признаки хорошо развитой системы.

Если это так, то вряд ли эти своеобразные институты могли проникнуть на Запад до эпохи Римской империи; не могли они сделать этого и во время ее господства, не привлекая внимания. Но в великом "развале", последовавшем за сменой правительства и разрушением старой веры, легко увидеть, как эти формы могли проникнуть внутрь вместе с новой восточной верой, которую принимали неграмотные люди, не очень понимая, откуда она взялась, и не имея возможности отличить, что было христианским, а что буддийским в формах или доктринах, которые им представлялись.

Среди появившихся тогда особенностей одной из наиболее примечательных было отделение духовенства от мирян и полная приверженность первых исполнению религиозных обязанностей. Еще более болезненным было их затворничество в монастырях, где они вели жизнь самого самоотверженного аскетизма, почти полностью питаясь подаяниями и будучи связанными обетами бедности, целомудрия и воздержания, отрицая все обычные радости жизни. В том, что эти две системы идентичны, никто не сомневался, и никто, действительно, не может сейчас войти в буддийский монастырь на Востоке и наблюдать, как бритые священники в желтых одеждах на заутрене или вечерне выходят из своих келий и выстраиваются по обе стороны от хора, на алтаре которого стоит изображение Царицы Небесной или трех драгоценных Будд, и слушать их литании, произносимые на том, что для них мертвый или иностранный язык, не чувствуя, что он смотрит на Востоке на то, что внешне является тем же, с чем он давно знаком на Востоке. Запад.^[588] Если он последует за этими монахами обратно в их кельи и обнаружит, что ими управляет настоятель в митре и им подчиняются дьяконы, священники и неопиты, узнает, что они связаны обетом безбрачия, живут подаянием и проводят свою жизнь в скучной рутине созерцания и формального богослужения, он может почти вообразить, что перенесся обратно в какой-нибудь бургундский монастырь в средние века, если только он не готов, подобно Хуку и Габету, поверить, что это фантазм, созданный автором всего зла для замешательства человечества. Из формы и расположения великих пещер Чайтья мы знаем, что эти формы преобладали по крайней мере в первом веке до нашей эры, и, поскольку они практикуются без изменений на Востоке по сей день, кажется очевидным, что именно оттуда они были завезены в Европу.

Канонизация - еще один замечательный институт, общий для буддийской и христианской церквей, и только для них. Часто предпринимались попытки провести параллель между полубогами Греции и Рима и институтом Святых в Средневековой Церкви; но этот аргумент

всегда терпел неудачу, потому что на самом деле никакие два института не могли по своему происхождению так существенно отличаться. Второстепенные боги языческого пантеона, хотя иногда и отличались своей доблестью, все были в большей или меньшей степени связаны узами крови или брака с великой олимпийской семьей и своим положением были обязаны скорее своему происхождению, чем заслугам. Верно, что в более поздние времена обожествление римских императоров и других представителей этого класса, привнесенное низменной лестью развращенного века, было более близким подходом к практике буддизма, который тогда процветал на Востоке, чем что-либо ранее известное в языческом мире. Но канонизация в ее чистоте, как это практикуется как на Востоке, так и на Западе, достигается не рождением или должностью, а практикой аскетических добродетелей со стороны духовенства и благочестием в сочетании с благодеяниями Церкви со стороны тех, кто находится за ее пределами. В этих учреждениях, лишенных касты, любой человек, каким бы неясным ни было его происхождение, благодаря преданности интересам принятого им ордена и практике аскетизма, усиленной, по возможности, выдерживанием самоистязаний, мог достичь состояния Будды или святого. Но такой путь к поклонению в этом мире или к поклонению после смерти был совершенно неизвестен в Европе, пока он не был введен с Востока, после христианской эры.

Поклонение реликвиям - еще одна особенность, которую средневековая церковь, несомненно, позаимствовала у Востока. Нет более постоянной традиции, чем та, которая повествует о том, что мощи Будды после кремации были разделены на восемь частей и распределены по восьми различным королевствам, и историю некоторых из них можно проследить до сравнительно недавнего времени. Возможно, не следует слишком полагаться на эти очень ранние традиции, поскольку никаких материальных свидетельств им не существует, равно как и на часто повторяемое утверждение о том, что Ашока построил 84 000 дагоб,^[589] для получения реликвий. То, что он построил несколько из них, совершенно очевидно. Тот факт, что мощи двух любимых учеников Будды — Могаланы и Шарипутры — и десяти главных сановников буддийской церкви во времена Ашоки были найдены в Санчи в топесе, безусловно, до христианской эры, ^[590] вполне достаточен для нашей настоящей цели. Как хорошо известно, Зубной реликвии, историю которой можно с уверенностью проследить на протяжении более чем пятнадцати столетий, сейчас поклоняются на Цейлоне под защитой Великобритании.

Такой формы богослужения не существовало в классической древности, и не совсем ясно, как она была принята христианской церковью. Буддизм был реформой материальной формы религии, основанной на поклонении предкам и уважении к телу. Могильный холмик у них стал в результате дагобой, или реликтовым святилищем, содержащим кость, или сосуд, или тряпку, или что-то еще, что принадлежало Будде или кому-то из его последователей; и все более грубые суеверия туземцев Турана, веру которых он пытался возвысить и облагородить, были сублимированы в нечто нематериальное и более чистое. Но христианство никогда не хотело этого, и принятие им культа реликвий было либо слепым подражанием, принятым бездумно, среди прочего, чему было больше оправданий, либо это был один из многих примеров терпимости к иностранным элементам, которые характеризовали христианское духовенство на заре становления Церкви.

Так же неясно, когда было введено это богослужение, как и почему это делалось, поскольку на христианские легенды о реликвиях можно полагаться не больше, чем на легенды буддистов. Это не могло быть обычным явлением во времена Клеменса Александрийского, иначе он не упомянул бы в качестве чуда, что индейцы поклонялись кости, заключенной в пирамиду;^[591] но вскоре после правления Константина мода стала распространенной, и

чудеса, совершаемые прикосновением к мощам, стали одним из любимых заблуждений средневековья. Если это верно, и у нас есть основания предполагать, что буддизм, который мы находим в средневековом христианстве, был введен после Константина, мы можем считать само собой разумеющимся, что любое влияние, которое Восток оказал на западные памятники из грубого камня, также было после правления этого монарха. Если это так, то, по крайней мере, значительная часть из тех, что найдены в обеих странах, также должна относиться к темным векам, завершившимся крестовыми походами.

Было бы легко продолжать умножать примеры восточных обычаев, привнесенных в Западную Церковь, если бы здесь было подходящее для этого место. Однако все, что здесь требуется, - это привести достаточные доказательства, чтобы подчеркнуть утверждение, которое, вероятно, никто, ничего не знающий об этом предмете, не смог бы оспорить. Дело в том, что средневековая церковь заимствовала многие из своих форм из ранее существовавшего буддизма, и что они были введены не до, а после времен Константина. Если, придя к убеждению по этому вопросу, мы обратимся к нашим книгам, чтобы выяснить, какой свет они проливают на этот предмет, мы обнаружим, что в них абсолютно ничего нет. Вы можете перелистать все труды Отцов Церкви, все увесистые тома болландистов, не найдя ни следа, ни даже намек на подозрение, что такая передача доктрины имела место. За исключением одного или двух отрывков из Климента Александрийского, мы не сможем показать, что до времен Константина народы Запада знали даже имя Будды, [592], а тем более что-либо из его доктрин. Хотя это так, очевидно, что бесполезно запрашивать письменные свидетельства относительно влияния одной страны на архитектурный стиль другой. Люди пишут тома за томами о доктринах и верованиях, но редко упоминают что-либо, касающееся простых зданий; и хотя письменная история абсолютно умалчивает о внедрении буддийских форм на Западе, тщетно надеяться, что будет найден какой-либо намек на влияние, которое восточные формы, возможно, оказали на надгробные памятники Северной Африки или Европы. В данном случае нельзя полагаться на "литературные тексты", но памятники и их надписи существуют, и именно от них и только от них можно получить либо правильные даты, либо надежные материалы для такого расследования. Насколько я способен составить мнение, их свидетельств вполне достаточно, во-первых, чтобы устранить всю *априорную* невероятность предположения о том, что Восток мог оказать прямое влияние на западные памятники из грубого камня. Но в то же время мне кажется достаточным, чтобы сделать чрезвычайно вероятным, что, оказывая столь сильное влияние на религиозные институты страны, они также должны были изменить свои погребальные формы, чтобы полностью учесть все сходства, которые мы находим между ними.

При нынешнем состоянии наших знаний, возможно, невозможно точно объяснить, как осуществлялось это влияние, и мы должны, следовательно, довольствоваться фактом, что, поскольку буддизм оказал такое влияние на религию Запада в те ранние века, то же самое влияние могло в равной степени оказываться на архитектурные или погребальные формы того же класса нашего населения.

Чтобы объяснить это, необходимо на мгновение вернуться к утверждению, которое я часто имел возможность выдвигать и еще не видел опровержения, — что буддизм является религией туранской расы, используя это слово, как его использовали его изобретатели, в самом широком возможном смысле. Персы говорят Иран и Туран, Иран и Аниран - термины, эквивалентные нашим арийским и неарийским; а буддизм не является и никогда не был, но в исключительных случаях религией арийской расы, и в настоящее время его не исповедует ни один арийский народ ни в одной четверти земного шара. По сути, это вера спокойной, созерцательной расы, не имеющей четкого представления о боге, внешнем по отношению к

этому миру, или о будущем состоянии, отличном от переселений, совершенных в этом мире, ведущих только к вечному покою в загробной жизни; однако ее последователи все еще верят в прямое влияние временно освобожденных духов своих предков на направление и контроль судьбы своего потомства, что напрямую ведет к поклонению предкам. В Индии эта примитивная вера была усовершенствована и возведена в одно из самых замечательных и благотворных человеческих установлений арийцем Сакья Муни и его помощниками-браминами и в свое время почти уничтожила арийскую веру, которую она заменила. Однако после тысячи лет кажущегося господства старая вера снова вышла на поверхность, и буддизм исчез из Индии, но по-прежнему остается единственной верой всех туранских народов вокруг нее и везде, где арийские расы, по-видимому, никогда не селились.

Если в жилах какой-либо из различных рас, населявших Европу в средние века, оставалась хоть капля туранской крови, легко понять, как проповеди или доктрины любых буддийских миссионеров или туранских племен должны были задеи отзывчивую струну в их сердцах, и как легко они переняли бы любую новую моду, которой могли научить эти выходцы с Востока. Как мы уже имели возможность указать выше, строители дольменов в Европе, безусловно, не были арийцами. Также, если мы можем доверять месье Бертрану и лучшим французским антикварам, они не были кельтами; но то, что древний докельтский народ действительно существовал в тех частях Франции, в которых обычно встречаются дольмены, представляется мне бесспорным. Хотя более активные и прогрессивные кельты начали уничтожение этого сдержанного народа в то время, когда в их стране впервые началась письменная история, нет оснований предполагать, что их кровь или раса были полностью истреблены до самого недавнего периода, и, возможно, они все еще были численно преобладающим компонентом населения между четвертым и десятым веками нашей эры.

Конечно, это не имеет целью утверждать или даже предполагать, что западные народы впервые переняли у Востока практику использования камня для подчеркивания и украшения своих надгробных памятников. Все свидетельства, приведенные на предыдущих страницах, противоречат такому предположению. Но что они, по-видимому, позаимствовали, так это использование или злоупотребление дырявыми камнями и расположение внешних дольменов на вершине курганов в сочетании с двумя или тремя кругами грубых камней. Я полагаю, что они были одними из последних форм, принятых архитектурой из грубого камня, и вполне могли появиться в постконстантиновские времена; и когда мы лучше познакомимся с особенностями этих памятников, как на Востоке, так и на Западе, могут появиться и другие формы, которые мы сможем признать современными и взаимозаменяемыми, в то время как многие другие, такие как большие курганы с камерами и высокие одиночные менгиры, кажутся столь же оригинальными и столь же характерными для Запада.

Теперь, когда мы совершили экскурсию по Старому Свету, будет удобно попытаться в возможно меньшем количестве слов резюмировать основные результаты, к которым мы пришли в результате предыдущего исследования.

Во-первых, что касается их возраста. Похоже, что нецивилизованные народы Европы, поклоняющиеся предкам, впервые позаимствовали у римлян — или, если кому угодно, у финикийцев или греков Марселя — идею использования камня для подчеркивания и украшения памятников своим умершим. Аналогичным образом, именно от бактрийских греков индийцы впервые научились использовать камень в качестве строительного материала. Мы не знаем, как рано восточные народы переняли его в грубой форме. В своей отшлифованной форме он использовался еще в середине третьего века до нашей эры, но у нас нет достоверных примеров грубой формы, по крайней мере, столетие или два спустя после Рождества Христова; но, однажды введенный, он использовался по сей день. Его

история на Западе кажется несколько иной. Большие камерные курганы в Гавр-Иннисе и другие во Франции, а также в Лох-Крю в Ирландии, по-видимому, относятся ко времени, предшествовавшему завоеванию римлянами государств Западной Европы; но ни один каменный памятник этого класса еще не предъявил претензий на древность более чем за два столетия, если не больше, до христианской эры. Некоторые из них в Греции, около Микен, и те, что в Сатурнии, могут быть более ранними, но они еще не описаны научно, и мы не можем сказать наверняка. Незадолго до христианской эры, пока страны, в которых они находятся, не стали полностью и по существу христианскими, использование этих памятников, по-видимому, было постоянным, всякий раз, когда раса строителей дольменов — или, другими словами, раса с какой-либо примесью туранской крови в жилах — продолжала преобладать. Это явление в отдаленных уголках мира, по-видимому, распространилось во Франции и Великобритании вплоть до восьмого или девятого века. В Скандинавии это продолжалось вплоть до одиннадцатого или двенадцатого числа, и время от времени в отдаленных и заброшенных районах, как это было во Франции и Великобритании.

Эти результаты, конечно, не касаются возраста земляных насыпей или курганов, для определения возраста которых еще не изобрели шкалы; еще меньше они касаются вопроса о древности пещерных людей или каменных орудий палеолита, возраст которых мы должны, по крайней мере на данный момент, оставить окутанным туманом далекого доисторического прошлого.

Их использование, по-видимому, определить легче, чем их даты; за немногими редкими и легко узнаваемыми исключениями, все они, по-видимому, изначально предназначались для погребальных или кенотафических целей. Либо, подобно большим камерным курганам и дольменам, они на самом деле были местами захоронения прославленных умерших; либо, подобно большим кругам и рядам, они отмечали поля сражений и были воздвигнуты в честь погибших там, независимо от того, действительно ли их тела были захоронены на их территории или нет; или, подобно грубым каменным колоннам на холмах Хассии, они были подношениями духам усопших.

За наименьшим количеством возможных исключений^[593] и они носят самый незначительный характер, их связь с мощами умерших может быть доказана на основании того, что все они стали местами поклонения предкам и в различных формах использовались для поминовения усопших духов. Не было подтверждено ни единого факта, что круги или дольмены какой-либо другой формы, за исключением, возможно, отдельных камней, когда-либо использовались для поклонения Одину или богам по имени Меркурий, Марс, Венера или другим богам друидов, и тем более нет никаких следов поклонения солнцу, луне или кому-либо из небесного воинства; и, как мне ни прискорбно думать, змей не может претендовать ни на один храм этого класса. Почитание умерших и умиловление духов усопших, по-видимому, были двумя ведущими идеями, которые как на Востоке, так и на Западе привели к возведению этих доселе загадочных сооружений, которые во множестве разбросаны по всему Старому Свету.

Сноски

^[531] "История архитектуры" Автора, ii. стр. 459, рис. 968.

^[532] "Пещеры Баха и Бедса в Западных Гатах"; неопубликовано.

^[533] "Поклонение дереву и змее", цитата из Хиуэн Тхсанга, стр. 135, и таблички, *passim*.

- [534] "История архитектуры", автор, ii. стр. 649.
- [535] "Архитектура Ахмедабада". 120 фотографий с текстом. Мюррей, 1868.
- [536] Юл, "Миссия при дворе Авы", стр. 43, стр. ix.
- [537] "J. A. S. B.", vii. стр. 930.
- [538] "J. R. A. S.", новая серия, iv. стр. 88.
- [539] "Тодс Раджастан", i. стр. 224.
- [540] Информация о кхондах в основном почерпнута из работы майора Чартериса-Макферсона "Памятные знаки службы" (Murray, 1865) и его статей в "J. R. A. S." xiii. стр. 216 *и далее*. Я предпочитаю цитировать последнее, как более общедоступное.
- [541] В течение нескольких последних лет я официально и в частном порядке использовал все свое влияние, чтобы попытаться отлить или сфотографировать два барельефа, которые существуют в этих пещерах, или, по крайней мере, тщательно скопировать в какой-либо форме, но до сих пор безуспешно. В 1869 году правительство отправило в Каттак экспедицию с рисовальщиками, фотографами и т. Д., Но они так мало знали о том, что требуется, что впустую потратили свое время и деньги на отливку минаретов и скульптур, не представляющих ни красоты, ни интереса, и, отработав свое жалованье, вернулись *повторно infecta*, Я не теряю надежды, что в нынешнее холодное время года можно что-то предпринять. Когда будут получены изображения, они прольют больше света на историю яванов или греков в этой отдаленной части Индии, чем что-либо еще, что можно было бы сделать, и прояснят некоторые моменты в истории индийского искусства, которые сейчас очень неясны.
- [542] Отчет Стерлинга о Каттаке, "Азиатские исследования", xv. стр. 306.
- [543] *Официальный сайт* стр. 315.
- [544] "Германия" Тацита, 9.
- [545] Х. Уолтерс, 1828, "Азиатские исследования", xvii. стр. 499 *и далее*. Полковник Юл, "Труды античного общества". Шотландец. i. стр. 92. "Гималайские дневники" Хукера, ii. стр. 276. Майор Годвин Остин, "Журнал антропологического института", том i, часть II.
- [546] Шлагинтвейт, в "Аусланде", № 23, 1870, стр. 530 *и далее*.
- [547] "Азиатские исследования", xvii. стр. 502.
- [548] Майор Годвин Остин, журнальный антрополог. Институт", i. стр. 127.
- [549] 'Журнал антропологии. Inst.' i. стр. 126.
- [550] 'Mémoires sur les Contrées occidentales,' iii. p. 76.
- [551] Полковник Форбс Лесли, "Ранние расы Шотландии", том ii. pls. lviii. lix. lx. Они также были описаны доктором Стивенсоном, "J. R. A. S.", стр. 192 *и далее*. С этнографической точки зрения было бы чрезвычайно интересно, если бы можно было получить какую-то дополнительную информацию об этих рядах камней.
- [552] "Ранние расы Шотландии", ii. 459.
- [553] "J. R. A. S." xiii. стр. 268.
- [554] Я цитирую его статью, опубликованную в "Trans. R. Irish Academy", xxiv. стр. 329 *и далее*. Более ранняя статья его опубликована в "J. B. B. R. A. S.", том iii. стр. 179, но она заменена более поздней публикацией.
- [555] Материалы, Азия. Соч. Бенгалия, 1868, стр. 152.

[556] "Международный доисторический конгресс", Норвич, том, стр. 200.

[557] "Международный доисторический конгресс", Норвич, том, стр. 245.

[558] Новая серия "J. R. A. S.", iii. стр. 143.

[559] "Международный доисторический конгресс", Норвич, том, стр. 257.

[560] Опубликовано в сокращенном формате, "Поклонение дереву и змее", стр. xlvi.

[561] Основными источниками информации по этому вопросу являются статьи сэра Уолтера Эллиота и полковника Дж. Мидоус Тейлор, так часто упоминаемый выше. Но я также в долгу перед мистером М. Дж. Уолхаусом, М.С.С., за огромное количество ценной информации по этому вопросу. Его личные письма ко мне изобилуют подробностями, которые, если бы он только согласился оформить и опубликовать, пролили бы поток света на этот предмет.

[562] Норвичский том, "Международный доисторический конгресс", стр. 252 *и далее*. Он относит разрушение Карумберов еще к седьмому веку, но даты, мягко говоря, часто очень сомнительны. Когда, например, Хиуэн Тханг посетил Конджеверан в 640 году — буддийское учреждение, — они все еще процветали, и не было видно никаких признаков бури, которая, как мне кажется, разразилась по меньшей мере столетие спустя после того времени. См. также "Семь пагод" капитана Карра. Карр, Мадрас, 1869, стр. 127.

[563] Второй доклад преподобного У. Тейлора, "Мадрасская литература. Jour.' vii. p. 311 *et passim*.

[564] "Грамматика дравидийского языка" Колдуэлла, стр. 9 *и далее*. "Племена холмов Нилгири" немецкого миссионера (Мадрас, 1856) — преподобного Ф. Меца, который, вероятно, знает об их языке больше, чем кто-либо из ныне живущих. Письма мистера Уолхауса также убедительны по этому поводу.

[565] Смотрите "Высеченные в скалах храмы" Автора, стр. 50.

[566] Сэр Уолтер Эллиот, "J. R. A. S.", iv. стр. 7 *и последующие*; и новая серия, i. 250.

[567] Сэр У. Эллиот, "Этнологический журнал", новая серия, 1869, стр. 110.

[568] Заменитель. Р.Э. Коул привез домой слепок верхней части этой колонны, который сейчас находится в музее Южного Кенсингтона.

[569] 'Журнал азиатских исследований. Бенгалия, vii. стр. 629.

[570] Трещина и изгиб в верхней части столба вызваны пушечным выстрелом, вмятина от которого отчетливо видна с противоположной стороны. Я надеюсь, что это сделали не англичане, но я не знаю, кто еще мог это сделать.

[571] "Гималайские дневники" Хукера, ii. стр. 310. Перси "Металлургия: железо и сталь", стр. 254 *и далее*. Все исходные источники будут найдены со ссылками на последнюю названную работу.

[572] Иосиф Флавий, "Белл. Иуд.", ст. 6.

[573] Журнал Madras Lit. Соч. 'xiv. pl. 8.

[574] "J. A. S. B." xxxvii. стр. 116 *и далее*.

[575] Подробная статья преподобного мистера Джойса в "Археологическом журнале", 108, 1870 г., ясно показывает, я думаю, что эти кресты не могли быть созданы ранее 470 г. н.э. — все кресты, которые он цитирует, имеют обычную греческую форму, хотя и имеют одну более длинную ветвь. Действительно, я сам не знаю ни о каких крестах,

подобных тем, что были в Нирмуле ранее 10-го или 11-го века; но, поскольку мои познания в этом предмете невелики, я допустил в тексте максимально широкие поля. Я не могу это доказать, но у меня сложилось впечатление, что они относятся к 11 или 12 веку.

[576] Поскольку это совершенно не относится к цели данной работы, я не пытался углубляться ни в историю таблиц Сиганфу, ни в записи ранних церквей Востока. Если читатель захочет узнать больше, он найдет, что эта тема полностью и ясно обсуждается в книге полковника Юла "Катай и путь туда", опубликованной Обществом Хаклюит в 1866 году. Юла "Катай и путь туда". Это последняя работа по данной теме, содержащая ссылки на все предыдущие.

[577] "J. R. A. S.", xiii. 164 *и далее*.

[578] "Ариана Антиква" Уилсона, Введение *passim*. Каннингем, "Бхилса Топес" и др., *passim*.

[579] Хиуэн Тхсанг, "Жизнь и путешествия", стр. 77.

[580] "Литературный и научный журнал Мадраса", xiii. стр. 14.

[581] "Поклонение дереву и змее", стр. 82, гравюра на дереве 8.

[582] "Фо Куэ Ки", стр. 335.

[583] 'J.R.A.S.' xii. стр. 233. 'J.B.A.S.' vii. стр. 261 *и последующие*.

[584] Гиббон, "Упадок", iv. стр. 392, где найдены оригинальные источники.

[585] Иосиф Флавий, "Б. Дж.", II. viii. стр. 9.

[586] "Престиж такого свидетеля, как Буддагхоса, вскоре падает, и его заявления о королях и советах за 800 лет до него, по правде говоря, стоят не больше, чем истории, рассказанные об Артуре Джеффри Монмутским, или рассказы о ранней истории Рима, которые мы читаем у Ливия" — *Фишки из немецкой мастерской*, i. стр. 198. Как простой лингвист, полностью зависящий от книг, Макс Мюллер имел полное право делать это заявление, в то время как его незнание всего, что связано с археологией или искусством Индии, мешало ему понять, как эти дикие утверждения можно проверить или контролировать. До тех пор, пока он не поймет, что существуют другие средства исследования, помимо простых слов, его утверждения по этим предметам не заслуживают доверия и во многих случаях абсолютно бесполезны.

[587] "Махавансо" Тернура, 12 *и далее*. "Дж. А. С. Б.", vii. *passim*.

[588] Huc and Gabet, in their 'Travels in Thibet,' give a most amusing account of their bewilderment on observing there these things:—"La crosse, la mitre, la dalmatique, la chape ou pluvial, que les grands Lamas portent en voyage, ou lorsqu'ils font quelque cérémonie hors du temple; l'office des deux chœurs, la psalmodie, les exorcismes, l'encensoir soutenu par cinque chaines, et pouvant s'ouvrir et se fermer à volonté; les bénédictions données par les Lamas, en étendant la main droite sur la tête des fidèles; le chapelet, le célibat ecclesiastique, les retraites spirituelles, le culte des saints, les jeûnes, les processions, les litanies, l'eau bénite: voilà autant des rapports que les Bouddhistes ont avec nous."—Vol. ii. p. 110.

[589] "Махавансо", стр. 26.

[590] Каннингем, "Бхилса Топес", стр. 289 *и далее*.

[591] Клеменс, i. 194. Оксфорд, 1715 год.

[592] Клеменс, i. 132. Перевод Поттера, *дополнено*. стр. 504.

[593] Упомянутое выше случайное сходство микролитических храмов Декана (с. 467) вряд ли может быть приведено в качестве исключения. Говорят, что они посвящены Веталу, но неясно, не символизируют ли камни круга умерших, поскольку они, безусловно, символизируют отсутствующих людей, и жертва, в конце концов, приносится духам их умерших; поскольку это форма сегодняшнего дня, мы не знаем, насколько ее дух не может измениться по сравнению с древним обрядом, олицетворять который изначально предполагалось.

ГЛАВА XIV. АМЕРИКА.

Если бы эта работа претендовала на то, чтобы быть полной историей или статистическим отчетом о грубых памятниках мира, возможно, было бы необходимо описать их несколько подробнее и проиллюстрировать как памятники Нового, так и Старого Света. Однако в той форме, которую она приняла сейчас, ничего больше не требуется, кроме как как можно более кратко указать, что представляют собой американские памятники на самом деле, с достаточными подробностями, чтобы показать, имеют ли они какую—либо связь с теми, которые мы описывали, и указать, какое влияние — если таковое вообще имеется - их особенности могут иметь на главный аргумент этой работы.

Что касается грубых памятников Северной Америки, то, к счастью, нетрудно говорить с уверенностью. В первом томе "Смитсоновского института знаний", [594] Американцы располагают подробным описанием своих древностей такого класса, каким не может похвастаться ни одна нация в Европе. Опрос был тщательно и научно осуществляется гг. Сквайер и Дэвис, которому она была доверена. Текст написан кратко и ясно, отсутствуют простые теории или спекуляции, а таблички четко и тщательно выгравированы. Если бы у нас была такая работа по изучению наших собственных древностей, мы бы давным-давно знали о них все; но, к сожалению, в этой стране нет Смитсонов, а среди тысячи и одного миллионера, для которых расходы были бы блошиным укусом, нет ни одного, кто обладал бы знаниями, необходимыми для того, чтобы оценить ценность такого исследования, и, следовательно, щедростью, достаточной, чтобы побудить его понести расходы, необходимые для его проведения.

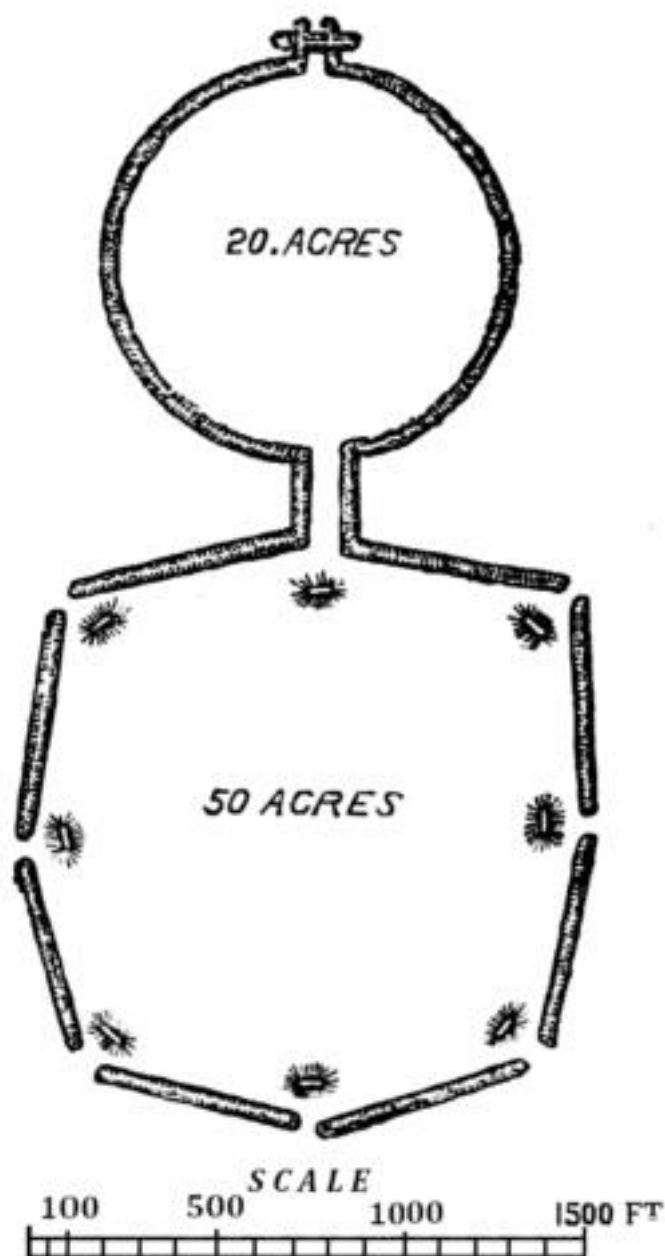
Северная Америка.

Имея перед собой эту работу, мы считаем оправданным утверждать, что на континенте Северная Америка нет памятников из грубого камня. Существуют обширные земляные сооружения почти всех классов, обнаруженные в Старом Свете, и некоторые — особенно животные формы — которые характерны для Нового.

Эти земляные работы, господа. Сквайер и Дэвис классифицируют следующим образом (стр. 7):—

1. Ограждения для защиты.
2. Священные и прочие ограждения.
3. Жертвенные курганы.
4. Погребальные курганы.
5. Храмовые курганы.
6. Курганы животных.

С первыми мы не имеем ничего общего: они похожи на те, что возводились повсюду и во все эпохи мира. Они состоят из рва, при формировании которого земля насыпается с внутренней стороны, чтобы образовать препятствие для продвижения врага и стать укрытием для обороняющихся. Некоторые из них в Америке имеют большую протяженность и демонстрируют не только значительное мастерство в искусстве обороны, но и указывают на наличие обширного и оседлого населения. Так называемые "священные ограды" не только многочисленны и обширны, но и не похожи ни на что, встречающееся в других местах. Только в округе Росс, по утверждению наших авторов, насчитывается по меньшей мере 100 особей различного размера, а в штате Огайо от 1000 до 1500, причем некоторые из них занимают площади от 100 до 200 акров.

227. Ограждение в Ньюарке Работает.

Их типичная форма будет понятна из прилагаемой гравюры на дереве. Все они, по-видимому, имеют переднюю площадку квадратной или восьмиугольной формы, с 4 или 8 входами в нее, а за ее пределами находится круг, как правило, довольно замкнутый, в который можно попасть только через проход или отверстие со стороны переднего двора. Они окружены земляными насыпями высотой от 5 до 30 футов, причем ров почти всегда находится внутри.

Последней особенностью само по себе, как и в случае с английскими кругами, вполне достаточно, чтобы исключить идею о том, что они являются укреплениями или предназначены для обороны, и они, конечно, не являются могильными сооружениями ни в каком смысле, в каком мы понимаем этот термин. Во-первых, потому, что мы прекрасно знаем, какими были могилы этих людей, по тысячам и десяткам тысяч курганов, которые повсюду усеивают равнины; но также и потому, что, в отличие от английских кругов, которые,

как правило, находятся в самых отдаленных и бесплодных местах, эти американские ограды, как правило, занимают самые плоские и богатые участки в стране. Чаще всего они расположены вблизи рек и на естественных путях сообщения; настолько часто, что многие города нынешних обитателей страны стоят на тех же местах и в пределах оград более ранних рас, которые воздвигли эти курганы.

Таким образом, нам остается выбирать между двумя гипотезами. Либо это священные ограды, как предполагают наши авторы, либо это королевские резиденции — храмы или дворцы.

Все аргументы, основанные на его чрезмерных размерах, которые приводились против того, чтобы Эйвбери был храмом, с удвоенной силой применимы к этим американским оградкам. Храмы, занимающие от 50 до 100 акров, безусловно, представляют собой исключительную аномалию, когда мы пытаемся понять, что подразумевают эти оценки. Наша самая большая площадь, Линкольнс-Инн-Филдс, занимает всего 12 акров; площадь Грин-парка составляет 53; и все наши парки вместе взятые не занимают столько же места, сколько ньюаркские ограды, которые, по словам господ Дж. Сквайр и Дэвис, занимают площадь более четырех квадратных миль.^[595] Однако все это круги и квадраты с соединительными линиями, и все с внутренними канавами. Храмы таких размеров, без перегородок, или насыпей, или постоянных сооружений любого рода, представляют собой аномалии, которые трудно понять, и должны принадлежать какой-то религии, о которой я, по крайней мере, ничего не знаю; и никто, насколько мне известно, еще не предположил, что это была за религия и как эти обширные пространства можно было использовать для каких-либо религиозных целей.

Если мы примем идею о том, что это были резиденции вождей народа, тайна не покажется такой уж большой. Если бы круглый вигвам вождя был возведен в центре кругов, а вигвамы его подчиненных и вассалов располагались концентрическими кругами вокруг него, это объясняло бы их размеры, а также исчезновение всех следов обитания. Таким образом, передний двор мог бы быть местом собрания племени, тренировочной площадкой или гимнастическим залом, и для таких целей он прекрасно приспособлен, и как размер, так и расположение этих ограждений кажутся легко объяснимыми.

Одно любопытное обстоятельство, как правило, делает эту точку зрения более обоснованной. На листе xxi. В работе Сквайера и Дэвиса очерчены четыре группы квадратов с кругами, расположенных в разных частях страны; но все четыре квадрата почти идентичны по размеру, каждая сторона имеет длину 1080 футов. Почему четыре храма должны быть абсолютно одинаковыми, остается загадкой, но то, что тетрархия вождей должна быть ограничена равными размерами для их конкурирующих резиденций, кажется разумным с гражданской точки зрения.

Не кажется трудным объяснить значение внутреннего рва, когда фортификация не предполагалась, поскольку это, должно быть, было почти необходимостью для людей, которые еще не достигли высот, используя кирпичные водостоки или дренажные трубы. Без какого-либо такого устройства весь дождь, который попадал в эти сплошные ограждения, оставался бы на поверхности, или на площадях мог бы выходить только через отверстия, но глубокий и широкий ров вокруг осушил бы всю поверхность без неудобств и обеспечил единственный способ предотвратить превращение ограждения, будь то храм или дворец, в болото.

Господа. Сквайер и Дэвис разделяют конические курганы, которые они раскопали, на два класса. Первые они называют "Курганами для жертвоприношений", потому что, копаясь в них, они обнаружили на уровне почвы то, что, по-видимому, было алтарями — приподнятые полы, свидетельствовавшие о сильном нагреве и о том, что они сочли продолжительной практикой сжигания. Очевидно, однако, что такие результаты могут быть получены как за неделю, так и за годы, и очень трудно понять, почему когда-либо то, что было алтарем, должно быть захоронено в кургане. Если им пользовались в течение многих лет, почему и по какому случаю было решено его похоронить? Если это был погребальный костер какого-нибудь вождя, который использовался для сжигания жертвоприношений на время проведения заупокойных служб, а затем был похоронен, то этот случай достаточно понятен, но другую гипотезу, безусловно, нелегко объяснить.

Истинные "Могильные курганы", как упоминалось ранее, чрезвычайно многочисленны и всех размеров, от нескольких футов высотой до таких, как курган Грейв-Крик высотой 70 футов и 1000 футов в окружности, или курган в Майамисбурге высотой 68 футов и 852 фута в окружности у его основания. Мертвых хоронили в них, по-видимому, без гробов или урн, если только не из дерева, и обычно в согнутом вдвое положении, которое так часто встречается в Скандинавии и Алжире.

"Храмовые курганы" обычно представляют собой квадратные или продолговатые усеченные пирамиды с наклонными плоскостями, ведущими к ним с трех, а часто и со всех четырех сторон. На самом деле, в земле они имеют ту же форму, что и мексиканские теокаллы, хотя последние, по-видимому, всегда были каменными. Будь то из того или иного материала, они имеют совершенно понятную тамплиерскую форму. Если человеческое жертвоприношение или какой-либо великий церемониал должен совершаться на глазах у всего народа, первым необходимым условием является возвышение, на котором служители могут возвышаться над головами толпы и быть замеченными всеми; и отсутствие этого в Огайо и в наших английских кругах является одним из самых фатальных возражений против теории храма. В одном или двух случаях внутри кругов обнаружены одиночные глиняные теокаллы, но это не более опровергает предположение о том, что они были жилыми домами, чем наличие часовни или места поклонения в любом из наших дворцов доказывает, что они также были храмами. Следует, однако, иметь в виду, что всегда трудно провести четкую грань между Домом Божьим и Дворцом Царя. В Египте это невозможно, а в средние века королевские монастыри и королевские резиденции часто были взаимозаменяемыми терминами. Поэтому мы не должны удивляться, если в Америке обнаружим, что одно перетекает в другое. Но, в целом, огромное количество этих круглых ограждений — 1000 и 1500 в одном штате - их огромные размеры, нередко встречающиеся в 100 и 200 акрах, и общее отсутствие каких-либо признаков подготовки к богослужению, кажутся достаточными для доказательства того, что их следует отнести к гражданским, а не к священным сооружениям. Похоже, что это так, хотя иногда три или четыре храмовых кургана обнаруживаются вместе, окруженные валом, достаточным только для того, чтобы окружить их необходимым пространством для передвижения со всех сторон; в этом случае, однако, очевидно, что они пересекли линию, разделяющую два участка, и могут, вероятно, должны быть классифицированы как действительно священные ограды. Обычно они встречаются на юге, в Техасе и в Штатах, наиболее близко граничащих с Мексикой, что выглядит так, как будто они принадлежали к другой расе, более близкой к тольтекам или ацтекам, чем к северным племенам.

Единственный оставшийся класс курганы тех, кто представляет "животные", на что плиты xxxv. чтобы xliv. гг. Сквайер и забронировать Дэвиса посвящены. Один из них, без сомнения, изображает змею длиной 700 футов, лежащую со свернутым в спираль хвостом и разинутой

пастью, чтобы проглотить яйцо (?) длиной 160 футов и диаметром 60 футов. Это на первый взгляд так похоже на одно из чудовищных изобретений Стакли, что первым побуждением геодезистов является отвергнуть его как иллюзию. Однако, когда мы принимаем во внимание, что американские строители курганов изображали не только людей, но и животных, четвероногих и ящериц, таким же образом и в том же относительном масштабе, вся невероятность исчезает. В то же время простой факт, что форма здесь так легко узнаваема, сам по себе достаточен, чтобы доказать, что наши прямые каменные ряды не были возведены ни с каким таким намерением и могли быть преобразованы в Драконию только самым извращенным воображением.

Следовательно, хотя мы можем предположить, что этот курган действительно представляет змею, из этого ни в коем случае не следует, что это был идол или ему поклонялись. Кажется, это представляет собой действие — проглатывание чего-то, но ни в коем случае не ясно, земного шара или могилы, и должно быть оставлено для дальнейшего расследования. Однако, только сопоставив это с другими находками животных в Америке, мы можем надеяться прийти к решению. Очевидно, они не были объектами поклонения и, похоже, не имеют никакой связи с чем-либо, найденным в Старом Свете.

Другие курганы, изображающие четвероногих, совершенно безошибочны: они являются причудой этого народа, кем бы они ни были. Но кажется трудным объяснить, почему они выбрали этот бробдиньягский способ представления животных, которыми они владели или были окружены. Если бы мы знали больше об этих людях или об их родстве, возможно, решение было бы легким; в настоящее время это вряд ли нас интересует, поскольку у нас нет аналогов в Европе.[\[596\]](#)

Теперь остается только попытаться установить, существует ли какая-либо связь между этими американскими памятниками и памятниками Старого Света; и какой свет, если таковой имеется, их изучение, как можно ожидать, прольет на проблемы, обсуждавшиеся в предыдущих главах. Если мы хотим установить что-либо похожее на прямую связь между двумя континентами, мы должны вернуться в далекие доисторические времена, когда строение суши и воды отличалось от того, что есть сейчас. Я полагаю, никто не отыщется, кто стал бы утверждать, что с тех пор, как континенты приняли свою нынешнюю форму, какая-либо миграция через Атлантику происходила в таком количестве, что заселила сушу или повлияла на манеры или обычаи людей, ранее существовавших там. Возможно, скандинавы действительно проникли в десятом или одиннадцатом веках в Винланд через Гренландию и таким образом на несколько столетий предвосхитили открытие Колумба;[\[597\]](#) но это лишь часть той всепроникающей энергии арийских рас, которая не имеет никакого отношения к людям курганов. Если бы какая-либо связь действительно существовала между Старым и Новым Светом в какие-либо исторические времена, все привело бы нас к мысли, что она имела место через Берингов пролив или Алеутские острова. Кажется разумным предположить, что люди, покрывшие Сибирские степи курганами, возможно, мигрировали через спокойные воды Верхней части Тихого океана и постепенно распространились до Висконсина и Огайо, где и оставили эти памятники, которые мы сейчас находим. Можно также допустить, что тот же азиатский народ, возможно, распространился на запад от первоначального улья и был прародителем тех, кто покрыл наши равнины курганами, но помимо этого, кажется, не прослеживается никакой связи, которая могла бы объяснить все, что мы находим. Однако нигде в Америке эти люди, кажется, никогда не поднимались до того, чтобы использовать даже грубые камни для украшения своих гробниц или храмов. Также они, по—видимому, не были знакомы с использованием железа или бронзы; все инструменты, найденные в их гробницах, были изготовлены из чистой самородной меди -

оба этих обстоятельства, по-видимому, полностью отделяют этих американских строителей курганов от нашего народа, работавшего из грубого камня в какие-то исторические времена.

К сожалению, изучение манер и обычаев краснокожих, населявших Северную Америку, когда мы впервые вступили с ними в контакт, также вряд ли прольет какой-либо свет на этот предмет. Они никогда не поднимались выше уровня охотников, у них нет оседлых мест жительства и нет произведений искусства. Строители курганов, напротив, были оседлым народом, безусловно, скотоводческим, вероятно, в какой-то степени даже земледельческим; у них были постоянные, хорошо выбранные, ничем не укрепленные жилища, в целом демонстрирующие более высокий уровень цивилизации, чем у нас есть основания предполагать, что нынешняя раса краснокожих когда-либо достигла или способна достичь.

Поэтому, хотя кажется напрасным рассматривать краснокожих индейцев, которые в наше время населяли территории Огайо и Висконсина, как потомков строителей курганов, на западном побережье Америки есть племена, которые, вероятно, являются или, скорее, были очень тесно связаны с ними. Хиды и туземцы, населяющие остров Ванкувер и пролив королевы Шарлотты, кажутся как по их физическому состоянию, так и в большей степени по их произведениям искусства именно такими людьми, какими и следовало ожидать от строителей курганов. Если это так, то это снова указывает на Северную Азию, а не на Европу, как на страну, где мы должны искать происхождение этого загадочного народа; и я убежден, что именно там, если вообще где-либо, можно найти решение наших трудностей, связанных с этой фазой североамериканской цивилизации.

Центральная Америка.

Продвигаясь немного дальше на юг, мы встречаемся в Мексике и на Юкатане с явлениями, прямо противоположными тем, что наблюдаются в Огайо и Висконсине. Там все сделано из камня; земля либо никогда не использовалась, либо, если и использовалась вообще, то только как сердцевина того, что было облицовано или предназначалось для облицовки более прочным материалом. Однако есть один факт, который полностью выводит мексиканские памятники из категории произведений, рассматриваемых в этой книге. Все камни в Центральной Америке покрыты резьбой. Насколько известно, там никогда не устанавливали грубых камней, даже обелиски, которые стоят отдельно и очертаниями больше всего напоминают наши менгиры, подобно степным бабам, все вырезаны, большинство из них искусно; и хотя может быть правдой, что в какой-то отдаленный период они могли быть заимствованы из некоторых таких грубых оригиналов, которые найдены в Европе, все же, пока мы не найдем некоторые их следы в Центральной Америке, о них нельзя сказать, что они принадлежат к классу памятников, о которых мы сейчас говорим; и они не могут быть использованы как источник каких-либо сведений. аналогии или иллюстрации, которые стоило бы привести в этом месте.

Перу.

Те же замечания применимы к тому, что мы находим в Перу, с равной силой, но не с равной отчетливостью. Я полагаю, никто не станет утверждать, что до времен Колумба существовало какое-либо прямое сообщение между Европой и западным побережьем Южной Америки. И все же между каменной кладкой перуанских памятников и кладками пеласгов в Греции и тирренов в Италии есть сходства, которые наиболее поразительны и которые в настоящее время могут быть объяснены только исходя из предположения, что народы, находящиеся на той же стадии цивилизации и использующие сходные материалы, достигают почти

одинаковых результатов. Возможно, нам следует добавить к этому, при условии, что в их жилах течет немного той же крови; и это в данном случае не кажется абсолютно невероятным.

Как бы то ни было, насколько мне известно, в Южной Америке нет памятников из грубого камня. Руины, например, Тиа Уанако, которые часто упоминались из-за их сходства с "останками друидов", настолько далеки, насколько это возможно, от этой категории. Это правда, что есть ряды прямоугольных камней, которые сейчас стоят отдельно и на несовершенных рисунках выглядят как наши менгиры, огораживающие квадратное или круглое пространство. Однако на самом деле, как мы узнаем из фотографий, это тщательно обтесанные камни, которые образовали пилястры в стенах, построенных из брусков, или недостаточно обожженных кирпичей, или камней меньшего размера, которые были удалены. [598] Дверные проемы, которые вели в это помещение, высечены из цельного каменного блока и обработаны с большей тщательностью, чем что-либо другое, что можно было найти где-либо за пределами Египта, и то только в лучшие дни его великих фараонов.

Те же замечания могут быть применимы к кругам и квадратам, проиллюстрированным мистером Сквайером. [599] Возможно, я ошибаюсь, но у меня сложилось впечатление, что, подобно упомянутым выше друидическим кругам Хоуэла на Гозо, они представляют собой всего лишь фундаменты квадратных и круглых зданий, верхние части которых разрушены. Во всяком случае, пока они не будут раскопаны или им не будет найдено какое-либо традиционное или реальное применение, я бы очень не хотел основывать какие-либо аргументы на их случайном сходстве с нашими каменными кругами.

Не может быть никаких сомнений в том, что эти земляные насыпи и примитивные резные камни американского континента сами по себе образуют интереснейшую группу памятников, заслуживающих большего внимания, чем им до сих пор уделялось, и что при надлежащем исследовании они прольют больше света на происхождение и миграции различных коренных рас этой страны, чем можно ожидать из любого другого источника. Однако они не относятся к тому классу, о котором мы говорим, и, по-видимому, не имеют никакой прямой связи с представителями Старого Света. Поскольку, помимо этого, их изучение не обещает разрешить ни одну из наших трудностей, они не обязательно занимают много места в работе, посвященной выяснению использования и возраста памятников из грубого камня.

Сноски

[594] "Древние памятники в долине Миссисипи"; Филадельфия, 1847.

[595] "Древние памятники" и др., стр. 49. Гайд-парк, включая Кенсингтонские сады, занимает около одной квадратной мили.

[596] Я не могу отделаться от мысли, что огромные каменные животные, украшающие аллеи, ведущие к гробницам императоров в Китае, могут иметь некоторое сходство с американскими скульптурами животных, которые встречаются в основном в Висконсине и дальше на Запад. Однако я не могу получить какую-либо информацию относительно китайских или сибирских примеров, достаточно достоверную, чтобы основываться на каких-либо аргументах.

[597] Летопись. для Nordk. Oldkyndighed, ii. стр. 3 и далее. См. также С. С. Rafn, "Antiquitates Americanæ" и др., Hafniae, 1837.

[598] "История архитектуры" Автора, том ii. стр. 774 и далее.

[599] "Американский натуралист", iv, март 1870 г., рисунки 1, 8 и 9.

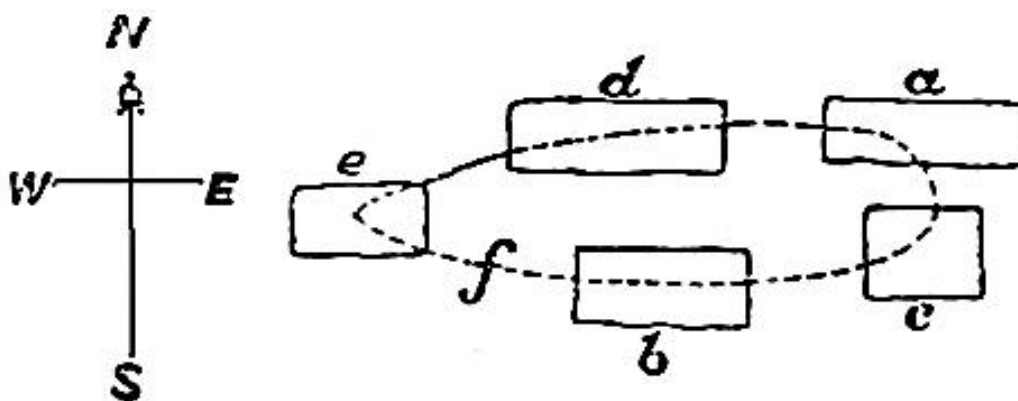
ПРИЛОЖЕНИЕ А.

(Упоминается на странице 225.)

Данминнинг, Гларрифорд, Колорадо, Антрим,
18 августа 1871 г..

Мой дорогой сэр, я не мог попасть в Глен Коламбскилл до этой недели и, боюсь, приеду слишком поздно, чтобы быть вам полезным. Поскольку, однако, я не забыл осмотреть памятники, я посылаю заметки, которые я сделал на них. Все они были записаны на самих камнях. Глен Колумбскилл имеет около 4 миль в длину и 3 в ширину. Его восточной границей является крутая скалистая гора, с которой дно долины спускается к морю и заканчивается на западе в заливе Глен. Залив Глен имеет значительную ширину от своей южной точки, Россана, до северной, Глен-Хед, но в нем есть лишь короткий пляж. Существует также опасная полоса, так что причалить к ней практически невозможно, за исключением каррагов, а в хорошую погоду - для лодок. Северная сторона Глен-Колумбскилла скалистая и крутая и образована в основном горой Баллард. Южная сторона, хотя местами и обрывистая, и нигде не имеет очень пологого склона, не такая крутая, как противоположная. Побережье к югу и северу от залива Глен на многие мили представляет собой гряду утесов высотой от 1900 до 100 футов, с небольшими пляжами тут и там, но без безопасных мест для высадки. К югу от Глен-Колумбскилла находится меньшая по размеру и более мелководная долина - Глен-Малин. Все склоны Глен-Малин пологие; его побережье обрывистое; с юга он ограничен горой с большим основанием Leathan. И Глен Колумбскилл, и Глен Малин находятся в приходе Глен Колумбскилл и баронстве Банаг. Большинство великолепных каменных сооружений находятся в Глен Малине.

Памятники бывают трех видов: (1) кромлехи;[600] (2) каменные камеры; (3) одиночные камни. Они собраны в группы различного размера и компактности. Существует пять отдельных групп, расположенных на значительном расстоянии друг от друга и не имеющих видимой связи в расположении. Три группы находятся на северной и две на южной стороне долины. Камни в каждой из них были более или менее потревожены и использовались для обжига извести, в хлевах и в качестве хранилищ для солода. Осматривая один комплект, я почувствовал, что моя нога проваливается, и, приподняв край вереска, обнаружил ямку, наполненную намокшим ячменем. Забравшись в другую полость, я обнаружил внутри двух черных ягнят, в другой - несколько поросят, в третьей - телят. Наиболее примечательной общей чертой архитектуры, которую я заметил, было то, что камни в каждой группе были одинакового размера, но в некоторых группах они были намного больше, чем в других. Я буду говорить о группах так, как они обозначены буквами на плане, который я составил для собственного использования на месте.

228. План опор Кромлеха Д. I.

D. Эта группа, ближайшая к морю на южном берегу реки, состоит из шести кромлехов, расположенных в линию со значительными интервалами. В нескольких ярдах к западу от этой группы находятся несколько насыпей камней с несколькими крупными блоками среди них, но ни одного блока длиной более 4 футов. Они простираются примерно на 50 ярдов по прямой с запада на восток. В нескольких ярдах над ними находится большая груда камней, посреди которой находится камень высотой 6 футов и шириной 3 фута. Эти кучи были дополнены камнями, собранными с полей, но я думаю, что есть признаки того, что изначально они были кромлехами.

Здесь шесть кромлехов, и с первого видны остальные пять. Линия, по которой они расположены вдоль долины, не совсем прямая. Самый западный кромлех находится на несколько ярдов южнее остальных, и линия с запада на восток не является точной по отношению к остальным, но нигде она не отклоняется так сильно, как в случае с первой сваей. Первый находится примерно в полумиле от моря. Я опишу их с запада на восток.

I. Это был кромлех из пяти огромных камней и волчка. Верхний камень упал на запад, и все стойки несколько смещены. Три вертикальных камня все еще стоят; два упали, но не совсем на землю. В западном конце находятся несколько блоков поменьше и еще одна плита. Они скрыты мелкими камнями и землей; я думаю, что там были два опорных камня и плита. Изучив все памятники двух долин, я пришел к выводу, что это (Д. И.) был кромлех с каменной камерой рядом с ним. Между двумя самыми высокими стойками есть пространство шириной 2 фута 6 дюймов. На прилагаемом плане показано расположение стоек. Верхняя плита упала на *e*; *d* и *e* упали; *a*, *b* и *c* находятся в вертикальном положении, но более или менее наклонены. Размеры следующие:—

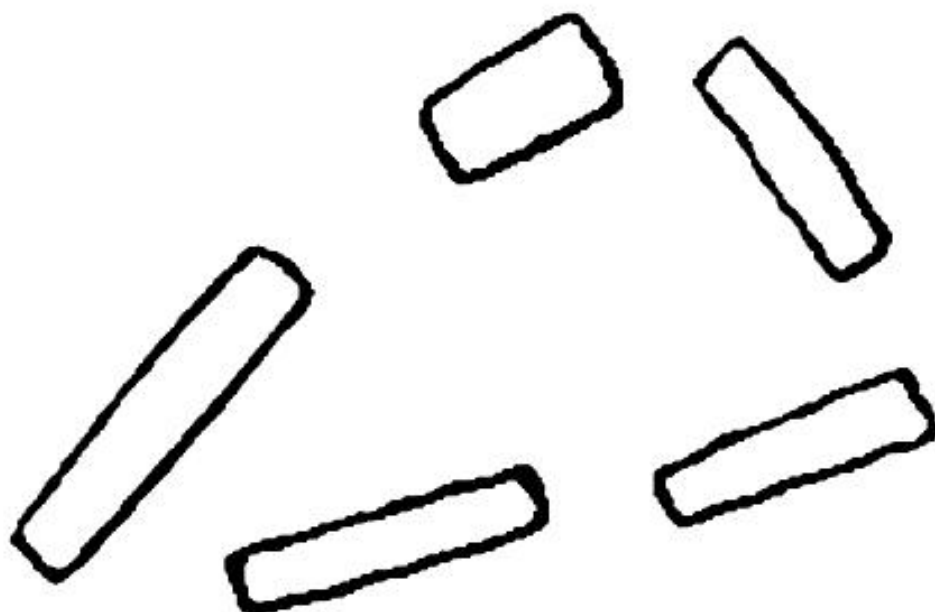
	Футов		в	
(a) высоту	12	9		(a), несколько наклоняется к западу;
ширина	9	4		высоты от кончика до земли составляет 10 футов,
Толщина (около)	3	0		2 дюйма.
Самый широкий обхват	23	0		
(b) Высота	7	5		(b) от кончика перпендикуляра высота
Ширина	4	3		равна 6 футам 6 дюймам.
Толщина	2	0		
(c) Высота	7	0		

Ширина	2	10	
Толщина	1	0	
(d) Длина	10	0	
Ширина	5	0	
Толщину	2	0	
(e) Длины	7	0	(e) трудно измерить, поскольку она находится под землей, камнями и верхней плитой.

Все они сделаны из шероховатого камня с прожилками кварца, которого в изобилии много в Сλιαбх-Лиаге, Сλιαбх-Леатане и прибрежных утесах. Их форма неровная.

Верхняя плита сделана из чистого кварца. Она около фута толщиной и гладкая с обеих сторон. Этот вид камня имеет гладкую поверхность, как это можно увидеть на Сλιαбх-Лиаге и в некоторых скалах. Плита представляет собой довольно правильную продолговатую форму размером 9 футов 8 дюймов на 6 футов 6 дюймов. Плита поменьше, упомянутая выше, и которая, я думаю, была верхней частью камеры, имеет размеры примерно 6 на 3 фута.

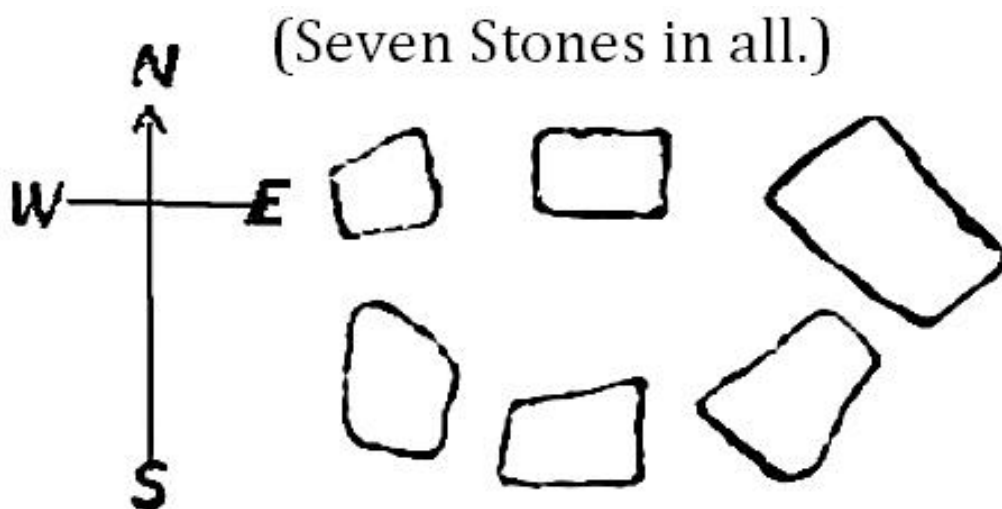
Д. II. находится примерно в 40 футах к востоку от Д. I. Это тоже кромлех, но камни, из которых он построен, меньшего размера, чем камни Д. I. Здесь нет следов камеры, но в остальном она построена как Д. I. Самый высокий стоячий камень имеет высоту 4 фута. Кажется, что стоек было пять. Верхняя плита упала на западную сторону. Его размеры 6 футов 3 дюйма на 5 футов.

D III. расположен в 55 футах к востоку от D II. Это кромлех из пяти стоек и одной плиты. Сейчас установлена только одна стойка. Его высота составляет 5 футов, ширина - 3 фута. Плита, которая была сверху, имеет размеры 8 на 7 футов и в среднем 2 фута в толщину.

D IV. находится в 31 футе к востоку от D III. Это кромлех небольшого размера. Все стойки упали. Плита имеет размеры 6 футов 8 дюймов на 6 футов. Ряд невысоких насыпей с торчащими тут и там большими камнями образует своего рода связь со следующим кромлехом, который находится на 48 футов дальше к востоку.

Г.В. Его плита упала на восток, а стойки - в нескольких направлениях. Самая высокая стойка - 6 футов в высоту. Плита сделана из кварца, имеет размеры 10 на 7 футов и толщину около 13 дюймов. Вокруг этого кромлеха расположено множество незакрепленных камней. Они имеют длину от 1 до 2 футов и сделаны из слюды и кварца. Они не такие, которые можно было бы собрать на лугу, и, похоже, были каким-то образом связаны с кромлехом.

230. План (кроме верхней плиты.)

D VI. находится на 96 футов дальше на восток. Это очень большой кромлех. Он сильно обвалился; все камни, из которых он построен, имеют более или менее вид плит. Он используется как одна сторона респектабельного хлева. Один большой гладкий кусок кварца, по-видимому, служил крышей. Его размеры составляют 18 футов 7 дюймов на 11 футов. Самый большой из камней, по-видимому, сформировал восточную стену камеры. Его размеры составляют 12 на 14 футов, а толщина - 4 фута. Я взял размеры трех других: - 1. Длина 5 футов 6 дюймов, ширина 4 фута; 2. Длина 11 футов, ширина 8 футов; 3. Длина 9 футов, ширина 3 фута, толщина 3 фута.

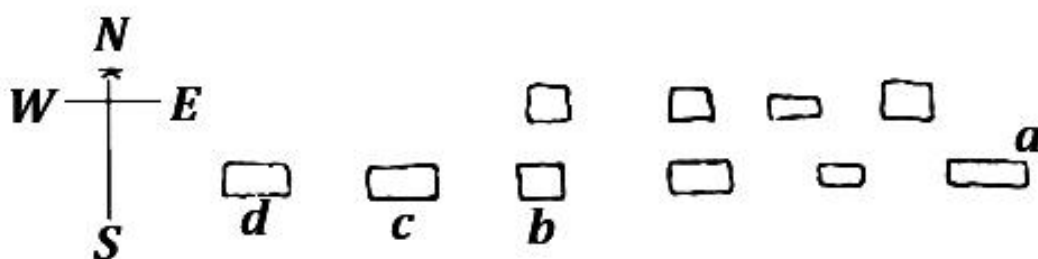
Судя по плоскому характеру составляющих камней, в стенах камеры внутри должно было быть мало щелей. Рядом с этим кромлехом находится невысокая каменистая насыпь.

В нескольких ярдах к востоку от D VI. горный хребет идет наискось вверх по склону Лэтана. Из него торчит множество камней, но я не смог разглядеть никакого расположения. Самый высокий выступающий камень не достигает и 4 футов в высоту. Этот гребень имеет около четверти мили в длину. Это может быть естественно, но очень похоже на работу человека. Примерно в 150 ярдах выше по гребню я заметил плиту, выступающую из вереска. Возможно, это верхняя часть камеры, стены которой находятся под землей. Эта кажущаяся дорога не ведет к другой группе камней, а исчезает недалеко от вершины горы. Недалеко от вершины горы есть небольшой голый утес, единственный голый кусочек скалы на в остальном гладких склонах Лэтана.

Обнаженная порода - кварц, и расположение небольшого утеса с первого взгляда наводит на мысль, что это, возможно, был карьер, откуда доставляли плиты. В данном случае гребень, возможно, был дорогой вниз с горы. Когда поднимаешься на скалу, она меньше похожа на карьер, чем снизу, но в то же время я не смог уловить никакой геологической причины обнажения столь маленькой поверхности породы.

На некотором расстоянии вверх по Глен-Малин, на той же стороне реки, что и D, но не в поле зрения с нее, находится другая группа каменных памятников - E.

Большие камни этой группы окружены множеством грубых, истертых непогодой каменных блоков, в среднем достигающих 2 футов в длину. Все памятники, похоже, представляют собой кромлехи или камеры, и, насколько я мог судить, их около дюжины. Один кромлех возвышается намного выше остальных. К западу от него находятся два каменистых холма; похоже, это были камеры. Они построены из длинных плоских плит с такими же плитами на концах и наверху.

231. План расположения кромлехов группы E.

- a. Самый восточный.
- b. Самый высокий.
- c, d. Курганы.

Земля за кромлехами - вересковая пустошь, без россыпи камней. Каменистая местность имеет овальную форму и имеет размеры с востока на запад 130 футов, с севера на юг 50-60 футов.

Все кромлехи примерно одинакового размера. При их постройке, по-видимому, целью было хорошо закрытое помещение. Самая восточная из них представляет собой камеру длиной 9 футов 10 дюймов. На каждом конце у нее по плоскому камню высотой 3 фута. Боковые камни имеют длину 7 с половиной футов и высоту 3 фута. Ширина камеры составляет 4 фута 6 дюймов. С каждой стороны и с каждого конца находятся кучи мелких камней. Верхняя плита имеет толщину около 1 фута и почти квадратную форму в 9 футов.

На северной стороне Глен—Малин есть три группы:-

О. Эта группа, наиболее удаленная от моря, состоит из пяти или шести кромлехов, но только один хорошо сохранился. Он состоит из плиты, опирающейся на четыре плоских блока, и включает в себе камеру. Боковые камни имеют длину 5 футов 8 дюймов каждый. Эта группа стоит на небольшом плоском участке земли под скалой и над ручьем. Из камеры, по-видимому, вел проход, стены которого были сложены из каменных плит, из которых сохранилось лишь несколько.

На некотором расстоянии ниже по долине, на северной стороне, находится одинокий заостренный камень. Его высота составляет 6 футов 1 дюйм, а обхват - 5 футов 5 дюймов. Выше по склону на 110 футов и на 18 футов дальше к западу начинается группа В.

В. Первым из этой группы является камерный кромлех. Он сильно утопает в вереске. Вокруг кромлеха лежат несколько незакрепленных камней. То, что, по-видимому, было верхней плитой, имеет 10 футов в поперечнике, почти квадратную форму и толщину 2 фута. Одна из боковых плит камеры имеет размеры 10 футов 8 дюймов на 4 фута. Самый высокий камень находится в восточном конце и имеет высоту 6 футов 8 дюймов. Ниже по склону, под этим кромлехом, есть несколько невысоких насыпей, из которых не торчат камни; в 200 ярдах к западу по прямой находится огромный кромлех. По-видимому, он состоял из гигантской плиты, опирающейся на три вертикальных камня, не образующих замкнутой камеры. Верхняя плита все еще стоит на своих опорах; ее толщина составляет 3 фута, а размеры - 13 футов на 10 футов 9 дюймов. Самая высокая из стоек имеет высоту 9 футов и довольно заострена наверху. Третья стойка, похоже, была разбита на несколько частей. Примерно в 10 ярдах от него находится еще один кромлех таких же размеров, а немного южнее на земле лежат несколько больших незакрепленных камней. В сорока ярдах к западу находится камерный кромлех небольших размеров, а рядом с ним множество насыпей с выступающими камнями, возможно искусственными.

С. Эта группа находится на некотором расстоянии ниже по той же стороне долины; она состоит из двух кромлехов, разделенных коротким гребнем, так что я думаю, что они действительно являются частями одного сооружения. Восточная часть разрушена; она состоит из трех стоек и верхней плиты. Западная часть состоит из двух камней, прислоненных друг к другу по диагонали. Между ними есть короткий гребень, из которого торчит несколько камней. Каждый из западной пары камней имеет около 7 футов в высоту и 6 футов в ширину. Размеры восточной части памятника следующие: — Верхняя плита размером 11 на 7 футов; толщина - 1½ фута. Стойки: (а) 8 футов (и я думаю, 2 фута под землей) на 7 футов 7 дюймов в ширину; 2 фута 3 дюйма в толщину. (b) 9 футов 6 дюймов на 2 фута 8 дюймов; толщина 2 фута 5 дюймов, (с) 9 футов 6 дюймов на 3 фута 5 дюймов; толщина 1 фут 9 дюймов.

Другие группы не открывают замечательных перспектив, но из этой последней группы открывается прекрасный вид на море с островом Ратлин О'Бирн совсем близко внизу и за гористой береговой линией Майо вплоть до Бельмаллета.

Пока что каменные памятники Глен-Малина.

В Глен-Колумбкилле есть только одна группа. Он расположен в городке Фарн Макбрайд, на северной стороне долины, у подножия горы Баллард. Все его памятники камерного типа.

камеры сделаны из огромных плит, по одной с каждой стороны, по одной сверху, по одной с каждого конца. Я измерил одну и обнаружил, что каждая сторона 12 футов в длину и 4 фута в ширину. Большинство памятников немного возвышаются над землей. Один используется для содержания телят, один для свиней и один для ягнят. Местный житель рассказал мне, что его брат откопал череп и кусок фаянса возле одного из кромлехов. Череп был похоронен на церковном дворе, и о его могиле забыли. Тот же человек также рассказал мне, что, копая землю, чтобы расчистить кромлех для склада солодовни, они обнаружили, что боковые плиты опираются на плиту подвала. Почва вокруг этих памятников очень неровная, и некоторые находятся совсем под землей, но я думаю, что всего их шесть.

Я надеюсь, что, если эти заметки появились слишком поздно, чтобы быть полезными для вашей книги, они все же могут представлять для вас некоторый интерес, и

Остаюсь, мой дорогой сэр, искренне ваш,
Норман Мур.

Джеймс Фергюссон, эсквайр

Получив вышеупомянутое сообщение, я переслал мистеру Муру оттиск гравюры на дереве № 80, изображающей Могилу или Дом Каллии Бирры, и получил следующий ответ:—

Данминнинг, Гларрифорд, Колорадо, Антрим,
28 августа 1871 г..

Мой дорогой сэр, кромлехи Фарн Макбрайда, поскольку они стоят, по-видимому, нетронутыми, в точности напоминают по плану то, что изображено на гравюре на дереве. За одним или двумя исключениями кромлехи Глен-Малина, насколько можно судить по их разрушенному состоянию, построены по тому же плану. Форма камней по бокам и верхних плит кромлеха на гравюре в точности повторяет форму камней кромлехов как в Глен-Малине, так и в Фарн-Макбрайде. В одном или двух кромлехах я заметил камни, которые могли соответствовать внешним камням, похожим на контрфорсы, на плане в разрезе.

Количество плит в боковых стенах гленских кромлехов меньше, чем на гравюре на дереве.

Очень большой кромлех, самый восточный из группы, первой описанной в моем письме, является точной копией вашей гравюры во всех деталях, за исключением количества составляющих его блоков.

Вкратце, план всех кромлехов Глен-Коломбкилл, за исключением одного или двух, разнообразие которых может быть вызвано беспорядочным расположением, соответствует плану Мит-кромлеха.

Норман Мур.

Сноски

[600] На протяжении всей этой статьи мистер Мур использует термин "Кромлех", как это обычно делают английские антиквары, в том смысле, в каком "дольмен" используется в основной части работы.

ПРИЛОЖЕНИЕ В.

Раскопки в Оденс-Хоу и с. Гамла, Упсала, 1846-7гг.

Эти раскопки проводились рикским антикваром Б. Э. Хильдебрандом и лейтенантом. Полковник Стат, главным образом в августе-сентябре 1846 года и с 7 по 22 июня 1847 года. Единственные печатные упоминания об этом появились в то время, главным образом из-под пера Б. Э. Гильдебранда, в упсальской газете

"Корреспондент", № 75, 77, 79 — 12, 19, 26 сентября 1846 г. и № 50, 53 — 23 июня и 3 июля 1847 г.

1. "Корреспондент", 12 сентября 1846 г. — Раскопки продолжаются, но оказываются более трудоемкими, чем ожидалось.

2. "Корреспондент", 19 сентября 1846 г. — С восточной стороны хоу (Оденс-Хоу, крупнейшего из трех так называемых Кинг-хоу) по направлению к центру была построена обшитая досками галерея высотой 7 шведских футов 5 дюймов и шириной 5 футов. Пройдя 68 футов (20 м), была пробита мощная стена из гранитных блоков, вероятно, могильная камера. Плавно поднимающаяся галерея примыкает к самым нижним камням камеры. Во время раскопок были найдены несгоревшие кости животных, кусочки темного дерева, древесный уголь, обгоревшие кости и т.д. Таким образом, это, очевидно, был могильный холм. Название *King-howe*, очевидно, правильное. Раскопки также проводились в небольших пирамидах поблизости, и, хотя они были открыты раньше, были найдены погребальные урны, обгоревшие человеческие кости, кости животных и птиц, куски железа и бронзы и т.д.

3. "Корреспондент", 26 сентября 1846 г. — Великая стена оказалась границей огромного зала. Было извлечено от 200 до 300 крупных гранитных блоков. На некоторых из них видны следы инструментов. Галерея прошла 16 шведских футов по каменной массе, которая лежит на плотно утрамбованной глине, поверх слоя мелкого песка, опирающегося на большие камни над естественной почвой. В середине хоуи могильная камера находится на высоте 9 футов над уровнем почвы и на 18 футов ниже верха хоуи. На глиняном слое под большими камнями были найдены железный клинker длиной 3 дюйма, остатки частично обгоревших сосновых жердей, прядь волос каштанового цвета и тому подобное. Многочисленные скопления древесного угля показывают, что умершие были сожжены на слое глины, а кости были собраны в урну, которая еще не найдена. В одной из ближайших небольших пещер было найдено некоторое количество обгоревших костей животных и людей, две слегка поврежденные бронзовые броши, фрагмент золотого украшения и т.д.

4. "Корреспондент", 23 июня 1847 г. — Погребальная урна была найдена в погребальной камере. Также были найдены кости людей, лошадей, собак, золотое украшение искусной работы, костяной гребень, костяные пуговицы и т.д.

5. "Корреспондент", 3 июля 1847 г. — Галерею продвинули еще на 4 фута, после чего была сделана боковая галерея шириной 8 с половиной футов и длиной 8 футов до погребальной урны. Это было найдено на глубине 3 дюймов под почвой и было накрыто тонкой плитой. Он был 7 дюймов в высоту, 9 дюймов в диаметре, наполненный обгоревшими костями людей и животных (лошади, собаки и т. Д.), золой, древесным углем (из хвои и листьев деревьев), гвоздями, медными украшениями, изделиями из кости, птицей из кости и т. Д. В куче древесного угля были найдены кости, сломанные украшения, кусочки двух золотых брактеатов и т. Д. Затем в урну были помещены монеты короля Оскара, и все восстановлено, как прежде.

Был открыт Frey's Howe, который показал те же результаты.

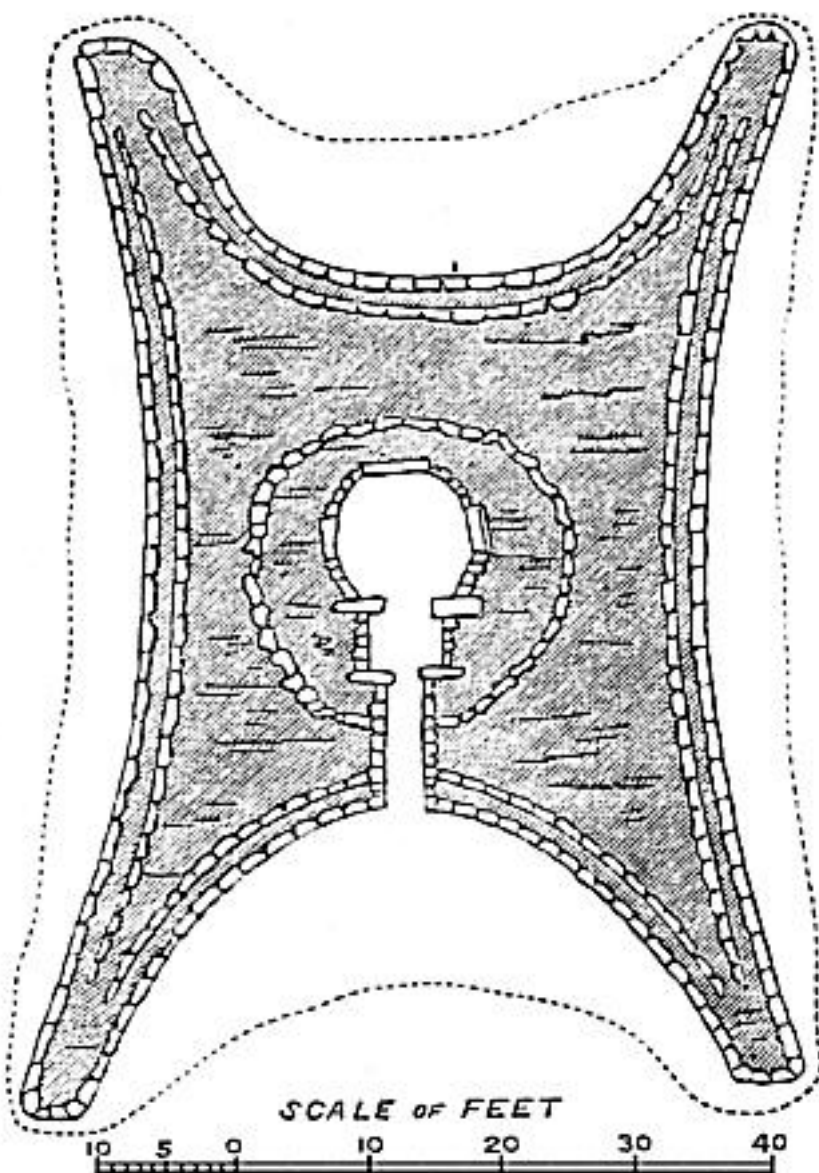
Галерея просуществовала несколько лет, и ее посетили тысячи людей, но впоследствии обрушилась, и хоу сейчас недоступен.

Carl Säve.

Упсала, 1 марта 1871 г..

ПРИЛОЖЕНИЕ С.

С тех пор как были распечатаны листы с описанием шотландских памятников, я получил от сэра Генри Драйдена отрывки из двух писем, которые он адресовал редактору "*Журнала Джона о Грота*", с отчетом о некоторых исследованиях, которые он предпринял в Кейтнесе этой осенью. Одно из них содержит описание определенных часовен, брошей и кругов, которые он исследовал. Первые два класса нас здесь не касаются и поэтому опущены; но круги представляют интерес, поскольку, вероятно, принадлежат к той же категории, что и круги на Оркнейских островах, и, следовательно, их описание напечатано с другим письмом, в котором рассказывается о четырех линиях, которые настолько важны для нашей темы, что описание сэра Генри напечатано *in extenso*. Название первого, "Боевой мох, Ярхаус", само по себе наводит на размышления, и я почти не сомневаюсь, что при надлежащем расследовании крестьяне могли бы сказать, какая битва там разыгралась, и, следовательно, в память о чем были воздвигнуты эти линии. Взятый в сочетании с пирамидами из камней с рогами, описанными мистером Андерсоном,^[601] и круги, мне не кажется сомнительным, что вся эта группа Кейтнеса относится к десятому веку. Круги, и особенно пирамиды из камней с рогами, являются точными копиями причудливых форм могил викингов, найденных в Хьортехаммере ([гравюра на дереве № 118](#)) и в других местах Скандинавии, которые напоминают их во многих отношениях, а расположение таких же, как в Эшдауне ([гравюра на дереве № 28](#)). Нам также не нужно далеко ходить за событиями, которые они отмечают. Между 970 и 996 годами нашей эры в Кейтнесе произошли, по крайней мере, две великие битвы, о которых известно, между сыновьями Торфина и между Лиотром, победителем в первом сражении, и шотландцами, которые тщетно пытались отомстить за смерть Скиули; и помимо них, могло быть много мелких стычек. Вполне вероятно, что оба брата были похоронены в Кейтнесе, и нам ясно сказано, что Лодвер, последний оставшийся в живых сын Торфина, определенно был похоронен там.^[602]

232. Рогатая пирамида, Кейтнесс.

Тот факт, что эти ряды, пирамиды из камней с рогами и полукруги не похожи на то, что встречается в других частях Шотландии, отделяет эту группу от всего, что существует южнее. Их сходство с могилами викингов Скандинавии, явно относящимися к десятому веку, указывает на эпоху, от которой они не могут быть далеки; и когда вспоминается, что Кейтнесс в десятом веке был частью Оркского королевства, не кажется, что нам далеко ходить в поисках достоверного объяснения всему, что мы находим в этом отдаленном уголке острова.

Дж. Ф.

Сноски

[601] 'Proceedings Soc. Ant. Scot., vii. 480 и далее.

[602] "История Оркнейских островов Барри", стр. 125-129.

ПИСЬМО СЭРА Х. ДРАЙДЕНА, барта, TO THE редактору "Журнала Джона о'Грота".

Линии, Боевой мох, Ярхаус. Линии и Киста, Гарри Уин. Линии, "Много камней", Клит.
Линии, Камстер. Круг (?) Аханлох. Кружись, Лучший путеводитель, Вращай колесо.

Группы строк.

Я не знаю ни о каких подобных группах в Великобритании, хотя, без сомнения, они есть, и у меня нет под рукой книг, в которых можно было бы сослаться на какие-либо из них в Дании, Норвегии или Швеции. Группы линий во Франции (из гораздо более крупных камней и большей длины, чем в Кейтнесе) имеют самые большие камни, самые широкие интервалы и самую высокую площадку (головы) к западу или около того, а самые маленькие камни, самые узкие интервалы и самую низкую площадку (хвосты) к востоку или около того. Группы Кейтнеса полностью отличаются друг от друга в принципе. Один из них в Ярхаус-Лох тянется с севера на юг, не расходится радиусом и находится почти на ровной местности; но три других имеют более узкие интервалы и возвышенность к северу (этот конец мы можем назвать верховьем) и расходятся лучами к югу и более низкой местности. Группа в Батлмоссе, недалеко от Ярхауса, расположена на местности, слегка отклоняющейся к северо-западу. Она состоит из восьми линий, расположенных к северу и югу. Ширина южного конца составляет сорок четыре фута. Линии несколько неровные и, кажется, слегка расходятся к северу, но это точно. Одна линия простирается на 384 фута, а другая на 170 футов, но остальные шесть теперь простираются только на 133 фута. Земля покрыта торфом и вереском, и другие камни могут быть скрыты под поверхностью. В настоящее время поблизости от линий не видно ни пирамиды из камней, ни другой могилы. Самые крупные камни имеют высоту около 2 футов 6 дюймов, ширину 2 фута 6 дюймов и толщину 1 фут 3 дюйма.

Группа в Гарри Уине состоит из шести линий. Общая ширина в начале (северо-восточный конец) составляет 50 футов, а в нижней части - 107 футов. Центральная линия обозначена как N.N.E. или S.S.W. Длина этой линии составляет 200 футов. Обрыв находится в 20 футах к северо-западу от земли. В начале находится насыпь из плит размером 3 фута 6 дюймов на 2 фута 6 дюймов и глубиной 2 фута 4 дюйма, расположенных с востока и запада. Поскольку эта могила находится на самой высокой точке холма, и поскольку линии начинаются от нее, справедливо предположить, что они связаны. В могильнике были найдены пепел, осколки керамики и кремневые щепки, но никаких костей. Поскольку cist находится между третьей и четвертой строками, справедливо предположить, что там никогда не было больше шести строк.

Группа под названием "Много камней" имеет голову на вершине холма, с которого во все стороны обрушивается земля. Линии расположены на южном склоне, их 22. Ширина в верхней или северной части составляет 118 футов, а в нижней - 188 футов. Длина в центре составляет 145 футов, но нет доказательств, что это была первоначальная длина, и предполагается обратное. Среднее направление - север и юг, а падение 10 футов 3 дюйма. Самые крупные камни, сохранившиеся в настоящее время, имеют около 3 футов в высоту, 3 фута в ширину и 1 фут 6 дюймов в толщину. Вокруг головы, где, однако,

обнажена скала, лежит множество каменных блоков, но пример Гарри Уина позволяет предположить, что на этом холме когда-то существовала пирамида из камней. Нет никаких следов какой-либо *затопленной* могилы, но пирамида из камней, возможно, содержала подземное помещение, как и многие другие в окрестностях.

Группа в Камстере находится на вересковой пустоши, на земле, слегка понижающейся к юго-западу. Здесь скалу покрывает значительный слой торфа, и многие камни находятся ниже поверхности. Теперь установлено шесть линий. Длина составляет 105 футов, ширина в верхней или северной части 30 футов, а в хвостовой или нижней части 53 фута. Среднее направление - север и юг. Камни меньше, чем в последней упомянутой группе. Поблизости от этих линий нет пирамиды из камней или другой могилы, но в направлении строго на север, на высоте 346 футов, находится пирамида из камней в виде камеры. Сейчас между камнями не прослеживается никаких следов; но поскольку в самих линиях есть промежутки, на этом пустом промежутке, возможно, когда-то были линии, соединявшие пирамиду из камней с существующей группой. *Сейчас* поблизости от этого места нет жилья, но в этом слое их было много, что может объяснить разрушение камней в прежние времена. В нескольких сотнях футов дальше к северу находится огромная пирамида из рогов, описанная мистером Андерсоном, а на расстоянии 436 футов к северо-востоку от маленькой пирамиды находится пирамида с круглой камерой, описанная в той же статье.

Круг в Аханлохе, поместье Форсе, в приходе Латерон.

Название пишется как "Ачинлох" и "Ашинлек". Это, без сомнения, неверно, и, вероятно, название происходит от гэльских слов, означающих "Поле у озера" или "Поле камней", от этих стоящих камней. Это место находится недалеко от новой дороги из Либстера в Турсо. Эта серия стоячих камней, получившая название "circle" в качестве названия класса, имеет форму ослиной подковы, длина которой равна N.N.W, а S.S.E. - открытый конец последней. Стороны почти параллельны. Территория покрыта вереском и торфом, на сланцеватом сланцевом субстрате, обычном для этого района. Земля опускается с территории на запад, север и восток. В последнем направлении земля опускается только на короткое расстояние, а затем поднимается на гораздо более высокую поверхность. На северо-востоке, на высоте 700 или 800 футов, находится озеро Стемстер.

Нет никаких свидетельств того, что два южных конца когда-либо соединялись прямой или изогнутой линией камней; а поскольку стороны имеют одинаковую длину, мы можем заключить, что они никогда не соединялись, хотя, возможно, так и задумывалось. Самая высокая точка местности находится примерно в 13 футах над впадиной на востоке. Эта серия камней в форме ослиных подков имеет длину 226 футов и ширину 110 футов в середине, по внутреннему измерению. Две конечности находятся на расстоянии 85 футов 3 дюймов друг от друга.

В настоящее время существует 36 камней, из которых только один находится внизу; но при заполнении интервалов на обычных расстояниях получается, что было 54 камня, предполагая, что нижний конец свободен, как сейчас. Средний интервал, по-видимому, составлял 8 футов. Высота самого высокого камня составляет 5 футов 7 дюймов над землей; самый широкий 5 футов 4 дюйма; и самый толстый 1 фут 7 дюймов.

Все эти камни имеют слоистый характер, и их грани параллельны, так что по ширине (длинные стороны) они обычно в три-четыре раза больше, чем по толщине (короткие стороны). Но единственной характеристикой этой серии является то, что камни

установлены длинными сторонами под прямым углом к изгибу, выступая наподобие шестеренок колеса.

Во многих кругах некоторые или все камни не имеют четкой разницы в размерах ширины и толщины; но во всех случаях, когда я находил разницу, длинные стороны находились на линии изгиба.

Любое уведомление о договоренности, подобной той, что была в Аханлохе, было бы большим одолжением.

Нет никаких признаков того, что какая-либо часть территории была потревожена для захоронения или других целей. К юго-востоку от круга есть развалины пирамиды из камней, а в озере Рангаг, примерно в миле к западу, находятся останки повозки.

Круг в Путеводителе, Лаферонвил, приход Лаферон.

Это место находится на северном берегу берна, в полутора милях вверх по страту. Круг имеет почти правильную форму и, хотя сейчас он несовершенен, несомненно, когда-то был законченным. Его диаметр составляет 170 футов. Местность плоская, покрыта вереском и торфом, в некоторых местах на скальном основании, а в других - на наносном гравии. Он находится на высоте 15 футов над ручьем, который подмыл утес очень близко к юго-западному камню и, по-видимому, может, если не предотвратить, сдвинуть камни с этой стороны.

В настоящее время существует только семь камней — все в вертикальном положении — и при заполнении промежутков на обычных расстояниях образовалось тринадцать камней. Средний интервал, по-видимому, составлял 45 футов. Самый высокий камень находится на высоте 5 футов 3 дюйма над землей; самый широкий - 3 фута 2 дюйма; и самый толстый - 1 фут 10 дюймов. Камень изготовлен из обычного глинистого сланца в округе.

Камни в плане ближе к квадратным или круглым, чем в Аханлохе, но (насколько это возможно) все они установлены длинными сторонами к изгибу. Южный камень находится немного за линией круга, но, очевидно, это перемещенный и установленный камень.

В этом районе разбросано множество камней, но никаких признаков пирамиды из камней или другого места захоронения внутри круга или поблизости от него. Судя по почве и отсутствию останков, он, вероятно, не был погребальным, хотя некоторые антиквары считают, что все круги являются погребальными.

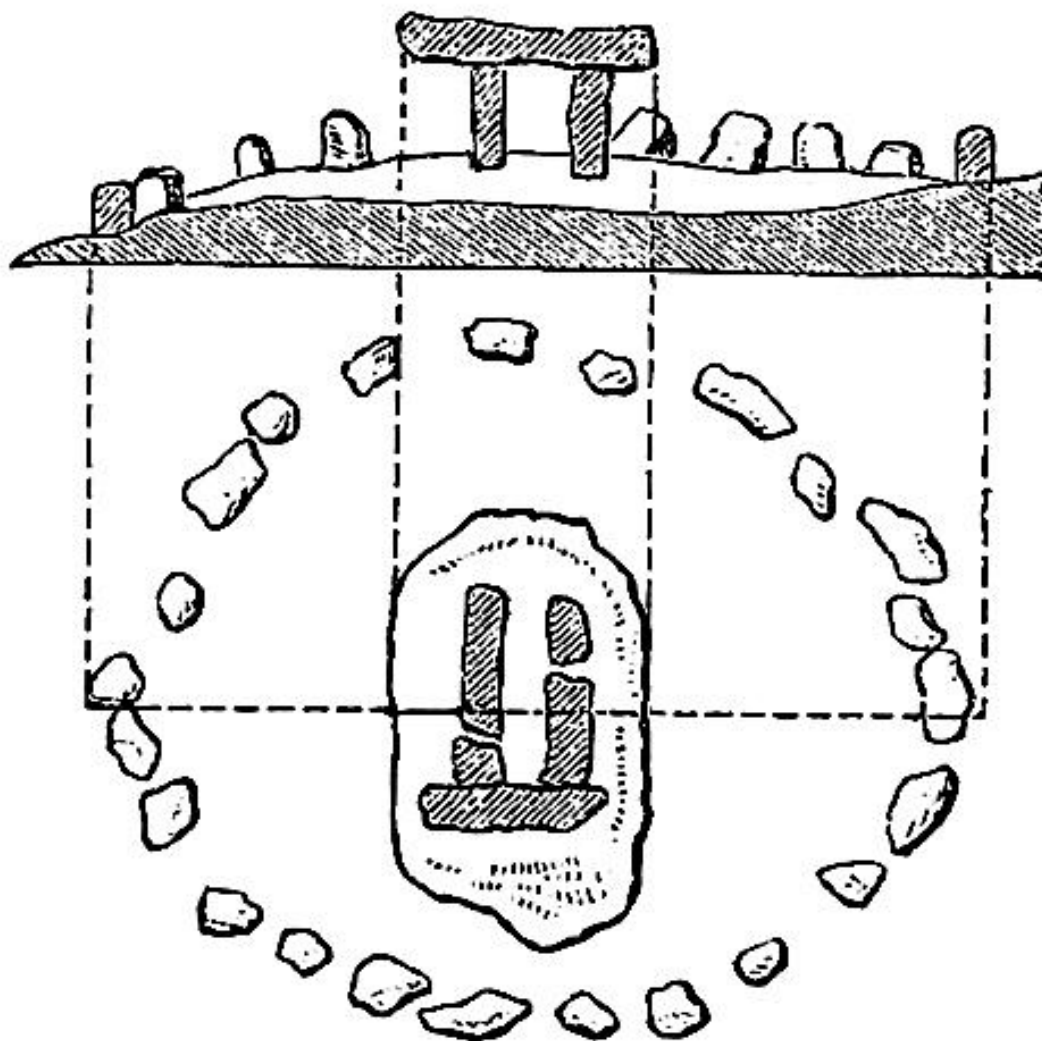
Ниже по склону на той же стороне ручья было много кругов, которые были разрушены при "благоустройстве" земли несколько лет назад. Утверждается, что они были 20 или 30 ярдов в поперечнике, из камней высотой от 2 до 4 футов. Известно, что в них не было найдено никаких останков; но никаких наблюдений или измерений не производилось. Вполне вероятно — что эти круги были погребальными, несмотря на отсутствие камней в центре. Ближе к дороге и берегу находятся другие останки бро, пирамид, гробниц и тому подобное.

Остаюсь вашим покорным слугой,

Х. Драйден,

Достопочтенный член Общества антикваров Шотландии.

Кейтнесс, 21 сентября 1871 года.

233. Дольмен близ Боны, Алжир.

КОНЕЦ.

ЛОНДОН: ИЗДАТЕЛЬСТВО "УИЛЬЯМ КЛОУЗ И СЫНОВЬЯ", СТЭМФОРД-СТРИТ,
И ЧАРИНГ-КРОСС.

ПРОИЗВЕДЕНИЯ ОДНОГО И ТОГО ЖЕ АВТОРА.

ИСТОРИЯ АРХИТЕКТУРЫ ВО ВСЕХ СТРАНАХ с древнейших времен до наших дней. С 1200 иллюстрациями. В 2 т. 8 т. 84с. Лондон, Мюррей, 1865-7.

ИСТОРИЯ СОВРЕМЕННЫХ АРХИТЕКТУРНЫХ СТИЛЕЙ. Образует третий том "Истории архитектуры". С 312 иллюстрациями. 8 т. 31с. 6д. Лондон, Мюррей, 1862.

ИЛЛЮСТРАЦИИ ВЫСЕЧЕННЫХ В СКАЛАХ ХРАМОВ ИНДИИ. 18 Листов тонированной литографии, фолио: с текстом объемом 8в., планами и т. д. 2л. 7с. 6д. Лондон, Уил, 1845.

ЖИВОПИСНЫЕ ИЛЛЮСТРАЦИИ ДРЕВНЕЙ АРХИТЕКТУРЫ ИНДОСТАНА. 24 Листка цветной литографии с планами, гравюрами на дереве и пояснительным текстом и т. д. 4л. 4с. Лондон, Хогарт, 1847.

ОЧЕРК ДРЕВНЕЙ ТОПОГРАФИИ ИЕРУСАЛИМА; с восстановленными планами Храма, а также с планами, разрезами и деталями церкви, построенной Константином Великим над Гробом Господним, ныне известной как Мечеть Омара. 16с. Лондон, Уил, 1847 год.

ЭССЕ О ПРЕДЛАГАЕМОЙ НОВОЙ СИСТЕМЕ ФОРТИФИКАЦИИ с подсказками по ее применению в нашей национальной обороне. 12с. 6л. Лондон, Уил, 1849г.

ИСТОРИЧЕСКОЕ ИССЛЕДОВАНИЕ ИСТИННЫХ ПРИНЦИПОВ КРАСОТЫ В ИСКУССТВЕ, особенно применительно к архитектуре. Королевский 8в. 31с. 6д. Лондон, Лонгманс, 1849.

ВОССТАНОВЛЕННЫЕ ДВОРЦЫ НИНЕВИИ И ПЕРСЕПОЛЯ: Очерк древней ассирийской и персидской архитектуры. 8в. 16с. Лондон, Мюррей, 1851 год.

ОПАСНОСТЬ ПОРТСМУТА. Французский флот и английские форты. План. 8во. 3с. Лондон, Мюррей, 1853.

ЗАЩИЩЕННЫЙ ПОРТСМУТ: с заметками о Севастополе и других осадах во время Нынешней войны. Планы. 8в. 3с. Лондон, Мюррей, 1856.

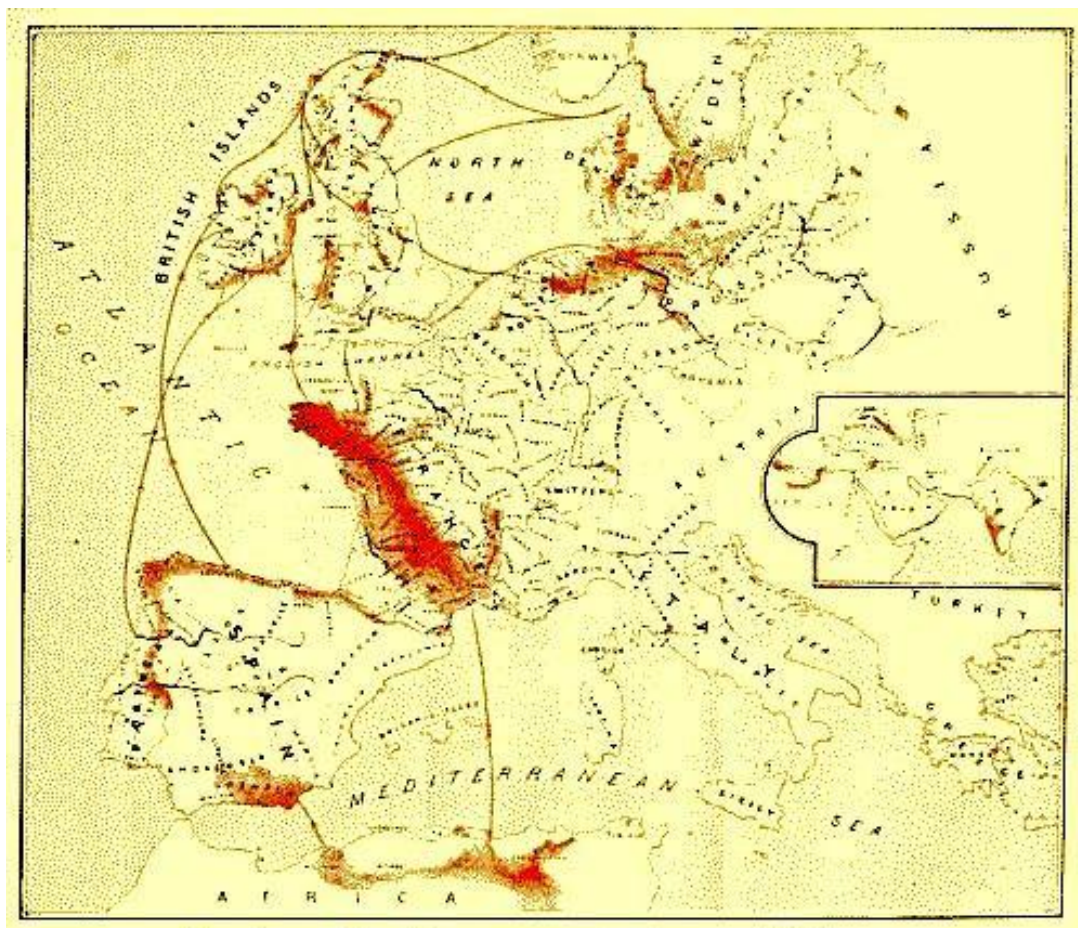
ЗАМЕЧАНИЯ О БРИТАНСКОМ МУЗЕЕ, НАЦИОНАЛЬНОЙ ГАЛЕРЕЕ и НАЦИОНАЛЬНОМ АРХИВЕ; с предложениями по их улучшению. 8во. Лондон, Уил, 1849.

ИЛЛЮСТРИРОВАННЫЙ СПРАВОЧНИК ПО АРХИТЕКТУРЕ. Краткое и популярное изложение различных стилей, преобладающих во все эпохи и во всех странах. С 850 иллюстрациями. 8во. 26с. Лондон, Мюррей, 1859.

ЗАМЕТКИ О МЕСТЕ ЗАХОРОНЕНИЯ ГРОБА ГОСПОДНЯ В ИЕРУСАЛИМЕ. Ответ на "Эдинбургское обозрение". 2с. 6д. Лондон, Мюррей, 1861.

ГАЛИКАРНАССКИЙ МАВЗОЛЕЙ ОТРЕСТАВРИРОВАН в соответствии с недавно обнаруженными останками. Таблички с 4 по 7с. 6д. Лондон, Мюррей, 1862 год.

ГРОБ ГОСПОДЕНЬ И ИЕРУСАЛИМСКИЙ ХРАМ. Является сутью двух лекций, прочитанных в Королевском институте на Олбемарл-стрит 21 февраля 1862 года и 3 марта 1865 года. Гравюры на дереве. 8в. 7с. 6д. Лондон, Мюррей, 1865.

Карта, предназначенная для иллюстрации распределения дольменов и вероятных линий миграции строителей дольменов.

Примечание переписчика

1. Простые орфографические, грамматические и типографские ошибки были исправлены автоматически.
2. Сохранены анахроничные и нестандартные варианты написания в печатном виде.
3. Оригинальная книга содержала несколько непарных двойных кавычек, которые невозможно было точно исправить.
4. Неупорядоченные записи в Индексе были исправлены.
5. Страница 324: "Примечание" относится к карте напротив. Карты нет.
6. Страница 411: отсутствует "Привязка сноски 484". Привязка добавлена в конце абзаца, в котором указан текст, на который она ссылается.
7. Указатель: Запись "Округ Росс, Северная Америка, священные ограды в, 811" должна гласить "Округ Росс, Северная Америка, священные ограды в, 511". Указатель исправлен.
8. Варианты расстановки переносов (например, поля сражений / battle-fields) не были согласованы.